

Р а б о т ы
Отдѣла Экономическихъ Изслѣдованій

————— **В. С. Н. Х.** —————

Серія первая:
Денежное обращеніе

Выпуск I

С. А. Фалькнеръ.

БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ
Французской Революціи.

(1789 — 1797).

—————
ИЗДАНИЕ

Редакціонно-Издательскаго Отдѣла В.С.Н.Х.

МОСКВА — 1919.

Отъ Отдѣла Экономическихъ Изслѣдованій

Отдѣлъ Экономическихъ Изслѣдованій Высшаго Совета Народнаго Хозяйства поставилъ себѣ цѣлью способствовать созданію того познавательнаго аппарата, на который сможетъ въ будущемъ опереться регулирующая и организующая дѣятельность Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Наукѣ пора выйти изъ стѣнъ академій и университетовъ и сдѣлаться орудіемъ организациі общественнаго труда. Наука не могла играть такой роли въ частно-правовомъ анархическомъ хозяйствѣ, когда хозяйствующимъ субъектомъ являлась сумма отдѣльныхъ конкурирующихъ между собой предпринимателей, работающихъ безъ общаго плана и согласованія; но разъ хозяйствующимъ субъектомъ дѣлается трудовой народъ въ его цѣломъ, а само хозяйство ведется въ порядкѣ выполненія стройнаго и цѣлостнаго плана, созданіе познавательнаго аппарата является для органа, регулирующаго народное хозяйство, насущнѣйшей необходимостью.

„Было бы величайшей, по истинѣ дѣтской наивностью думать, что единая общественно трудовая система можетъ быть устроена обыденно-эмпирическимъ путемъ, на подобіе того, какъ большинство людей устраиваетъ теперь свое частное хозяйство, или путемъ простаго сговора, парламентскаго обсужденія и рѣшенія и т. п.“. Это писалъ А. Богдановъ въ своей „Всеобщей организаціонной наукѣ“*) въ 1912 г. въ моментъ жестокой реакціи, когда вопросъ объ организациі „единой общественно-трудовой системы“ былъ лишь предметомъ теоретическихъ обсужденій. Теперь же, въ моментъ, когда мы впервые беремся за попытку такой организациі, мы *поневолю* рѣшаемъ многіе вопросы „путемъ простаго сговора, обсужденія и рѣшенія“, поневолю, ибо познавательный статистико-экономическій аппаратъ регулирующаго органа не достался намъ готовымъ отъ старыхъ временъ, даже и въ зачаточномъ видѣ. Его надлежитъ построить.

Въ настоящую эпоху переходнаго хозяйства Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства является прообразомъ того единаго, регулирующа-

щаго органа, который въ будущемъ свяжетъ въ одну цѣльную и гармоническую систему *всѣ* хозяйственные акты страны на основѣ максимальной экономіи силъ, максимальной гармоніи въ сочетаніи этихъ отдѣльныхъ актовъ между собой, а слѣдовательно и максимальной рациональности въ выполненіи всего заданія въ цѣломъ. Является пока что лишь прообразомъ будущаго познавательнаго аппарата и Отдѣлъ Экономическихъ Изслѣдованій съ тѣмъ кругомъ работъ, которыя онъ въ состояніи намѣтитъ и выполнить въ *данный* моментъ, при *данномъ* состояніи статистики, *данномъ* уровнѣ подготовки работниковъ, и *данной* методологіи экономической науки, никогда еще не ставившей себѣ задачи быть орудіемъ организаціи общественнаго труда. Всѣ эти „данныя“ получены нами въ наслѣдство отъ стараго міра и ихъ тоже нельзя преобразовать путемъ простаго сговора или постановленія. Предстоитъ огромная, организаціонная работа по преобразованію методовъ работы и методовъ подготовки работниковъ. Въ этомъ отношеніи наши университеты и академіи должны прійти намъ на помощь.

Въ данный моментъ первый циклъ работъ, выполняемыхъ Отдѣломъ Экономическихъ Изслѣдованій, есть группа работъ соединяющихъ прошлое съ настоящимъ — выясняющихъ положеніе промышленности и финансовъ въ современный моментъ въ связи съ историческими факторами, подготовившими и обусловившими это настоящее. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ въ области денежнаго хозяйства, напримѣръ, является необходимость въ ретроспективно-историческихъ изслѣдованіяхъ, каковымъ и является предлагаемая работа „Бумажныя деньги Французской Революціи“. Здѣсь приходится учесть не только опытъ эпохи непосредственно-предшествовавшей нашей, но и опытъ историческаго момента, являющагося такимъ же огромнымъ переломомъ въ исторіи общественнаго труда, какъ и переживаемая нами нынѣ эпоха. Но какую бы роль ни играли историческія изслѣдованія въ работахъ Отдѣла Экономическихъ Изслѣдованій, касаются ли они эпохи французской революціи, какъ въ данной монографіи, или только послѣдней эпохи капитализма, какъ въ рядѣ промышленныхъ обслѣдованій, заканчиваемыхъ Отдѣломъ, цѣль ихъ всегда одна и та же: использование опыта прошлаго ради организаціи настоящаго. Являясь наслѣдникомъ общественно-организаціоннаго опыта прошлаго, пролетаріатъ долженъ использовать его для 1) *осознанія* настоящаго и 2) *для преобразованія* своего общественно-трудоваго бытія.

**Завѣдующая Отдѣломъ Экономическихъ Изслѣдованій
М. Смитъ.**

В в е д е н і е .

1. Развитие финансовой науки в течение XIX-го вѣка не можетъ похвастаться обиліемъ открытій и изобрѣтеній. Больше того: врядь ли можно указать какую-либо другую дисциплину, которая такъ быстро приняла бы очертанія застывшія и традиціонныя. Впечатленіе прозы и трафарета быстро оваяло всѣ принципальныя построенія ея, въ то время какъ весь остальной кругъ социальныхъ знаній, чьи хронологическіе источники восходятъ къ періоду, немногимъ болѣе раннему, чѣмъ начало прошлаго столѣтія, отмѣченъ такимъ бурнымъ и плодотворнымъ развитіемъ въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ.

При этихъ условіяхъ и схема построенія финансоваго аппарата трафаретна до послѣдней степени.

Государство какъ форма организаціи общества, выполняетъ рядъ функцій полезныхъ и необходимыхъ для самосохраненія и развитія образующихъ его индивидуальныхъ ячеекъ, изъ которыхъ это общество состоитъ. Но будучи лишь формой коллективной *организаціи* этихъ ячеекъ, государство можетъ выполнять свои функціи только при помощи тѣхъ силъ и средствъ, которыя оно получаетъ отъ нихъ же.

Вопросъ сводится къ тѣмъ или инымъ способамъ полученія государствомъ нужныхъ ему средствъ и разрешается въ сопоставленіи крайне немногочисленныхъ *налоговыхъ системъ*.

Правда, историческій анализъ безъ особаго труда вскроетъ въ изложенной схемѣ черты присущія лишь одной вполнѣ определенной эпохѣ историческаго бытія человечества — капитализму.

Сопоставленіе ея съ эпохами предшествующей и послѣдующей позволить намъ очертить картину послѣдовательной смѣны трехъ *финансовыхъ системъ*, аналогичныхъ тремъ формамъ организаціи человеческого хозяйства.

Сеньериальная система феодализма строить свою финансовую организацію на основѣ частно правовыхъ, персонализированныхъ доходовъ отъ личной собственности феодала на землю и на крестьянъ, доходовъ барщины, оброка, аренды и коммерческихъ операцій.

Ей противостоят налоговая система капитализма, с его территориально расширившимся, а организационно обособившимся от хозяйства государственным аппаратом.

Прогрессирующая дифференциация хозяйственных функций и индивидуализация хозяйствующих единств создает специфическую структуру „общественности“, при которой государство ограничивается задачами внешней координации деятельности экономических ячеек и группировок, совершенно не касаясь самой хозяйственной деятельности, как таковой. Принцип „невмешательства“, как идеал символизирует собою государственную организацию капитализма. Он отражается в таком строении финансового аппарата, при котором государство принудительно изымлет часть продукта каждой хозяйственной ячейки единственно во имя своих общественно-координирующих (по принципам капитализма) функций.

Переходные этапы корпоративная (синдицированного) капитализма, государственно регулируемая капитализма и государственного капитализма влекут колесницу истории на путь к социализму.

Уже строение государственного капитализма радикально изменяет финансовый аппарат, который строится здесь на основах принципиально тождественных с финансовой организацией социализма.

Государство превращается из политической организации управления и урегулирования взаимоотношений хозяйствующих за свой страх и риск единств в универсальную экономическую организацию по преимуществу, с постепенным отмиранием чисто политических функций, как таковых.

Финансовый механизм, поэтому, имеет целью здесь прямое отчуждение для нужд государственного аппарата в узком смысле слова — аппарата хозяйственного управления — части совокупного продукта общественного производства, находящегося в его руках.

Если мы попробуем теперь систематизировать финансовый опыт истории последних столетий, то, наряду с различием *трех типических систем финансирования*, соответствующих трем последним этапам хозяйственной эволюции человечества, мы придем к выделению некоторых основных *финансовых принципов*, как существенных элементов указанных систем. Сочетания и скрещения этих принципов образуют как указанные типические системы, выражающие собою финансовые организации разных эпох, так и другие практически менее значительные, но теоретически столь же интересные финансовые методы и комплексы.

В зависимости от данной *содержания* экономической организации могут быть, противопоставлены друг другу два различных принципа финансирования:

а) получение государством продуктов частного производства,

б) производство государством нужных ему продуктов за свой счет.

В зависимости же от *формы* экономических отношений финансирование может быть:

а) натуральным,

б) денежным.

История знает все возможные сочетания этих материальных и формальных принципов. Так, передача государству части продуктов производства каждой индивидуальной ячейки *в натуре* составляет одну из наиболее ранних финансовых систем феодализма.

Изъятие государством части *денежных* средств, находящихся в обращении и в обладании таких же частных хозяйственных единств, с целью оплаты ими приобретаемых государством сил и средств — составляет существо налоговой системы капитализма.

Выделение государственно - хозяйственным аппаратом части производимых им для общего потребления *благ*, с целью удовлетворения ими потребностей самого функционального аппарата в узком смысле — является единственно мыслимой формой финансирования развитого социалистического государства.

Но во всех этих случаях сочетания формальных и материальных принципов финансирования таковы, что государство либо изымлет из частного обладания товары или деньги, либо само производит нужные ему товары.

Логически остается еще возможным четвертое сочетание, при котором государство само производит деньги, как средство оплаты покупаемых им товаров — продуктов частного производства.

Если поискать в теоретической литературе указаний на наличности такой финансовой *системы*, то мы вряд ли найдем хоть одно. Причины этого уклонения теоретического мышления заключаются, как мы увидим ниже, в том, что обычно пользование таким методом финансирования ограничивалось сравнительно непродолжительными периодами времени, наполненными различными иными экономическими и политическими „аномалиями“, а с другой стороны в том, что отрицательное влияние его на народное хозяйство заставляло экономистов выдвигать на первый план практические постулаты разного рода, которые, независимо от вопроса об их правильности или ошибочности, заглушевывали теоретическое существо проблемы и оказывались существенным препятствием на пути объективного анализа.

Между тем, теоретическая идея, лежащая в основе этой системы, сама по себе вполне ясна. Она заключается в увеличении количества циркулирующих денежных единиц (привычной расценки) без соответствующего внедрения в оборот каких-либо реальных, непосредственно определяемых ценностей. При этом разница между прежним и новым количеством циркуляторных знаков (и в

конечномъ счетѣ, соответствующая ей часть товарной массы) к составляетъ доходъ государства, извлекаемый такимъ финансовымъ аппаратомъ.

И опыты осуществленія этой идеи гораздо болѣе обширны и длительны, чѣмъ это принято думать.

2. Весьма ошибочно полагать, что эмиссионное использование денежнаго обращенія въ качествѣ своеобразнаго финансоваго аппарата, является какимъ-то новѣйшимъ изобрѣтеніемъ.

Когда говорятъ объ этомъ, то имѣютъ ввиду лишь одну изъ конкретныхъ формъ эмиссионной политики — выпускъ бумажныхъ денегъ, принимая эту форму за единственную. Бумажныя деньги празднуютъ въ текущемъ году лишь 200-лѣтіе своего существованія.

Но до нихъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ практиковалась иная форма воплощенія той же эмиссионной политики.

Это была *перечеканка металлической монеты* съ уменьшеніемъ содержанія въ ней благородныхъ металловъ и сохраненіемъ, несмотря на это, прежняго номинальнаго написанія и платежнаго значенія.

Древность примѣняла ее въ столь широкомъ масштабѣ, что уже въ эпоху императоровъ Діоклетіана и Зенона принуждена была въ видѣ коррелата произвести опытъ универсальной фиксаціи цѣнъ *).

Но и задолго до этого ухудшеніе денегъ является столь обычнымъ, что въ устахъ одного изъ персонажей комедіи Аристофана, мы находимъ весьма точную формулировку такъ называемаго Грешемовскаго закона о взаимоотношеніяхъ худшей и лучшей монеты **).

Средневѣковье и начало новаго времени, съ ихъ раздробленностью территорій между множествомъ владѣтельныхъ герцоговъ и корольковъ, вѣчно нуждавшихся въ средствахъ поддержанія своего величія, наполнены жалобами на ухудшеніе монеты и вызываемую ею экономическую дезорганизацию.

Первый литературно-экономическій споръ, который можетъ отмѣтить исторія экономической мысли, касается вопроса о вліяніи на народное хозяйство увеличенія денежной массы, путемъ перечеканки обращающейся звонкой монеты въ большее количество единицъ: это — споръ между Альбертинской и Эрнестинской герцогскими линіями по поводу практиковавшагося первой изъ нихъ метода пополненія своей казны въ эпоху 1530 г. ***).

Въ выдвигаемыхъ здѣсь обѣими сторонами аргументахъ нетрудно узнать развернутыя гораздо позже идеи и тезисы Джона Ло, защит-

*) См. работы *Пельмана, Эд. Мейера* и др.

**) „Монеты какъ и люди: худшіе изъ нихъ вытѣсняють лучшихъ“.

***) „Die drei Flugschiften über den Münzenstreit der sächsischen Allertiner und Ernestiner um 1530“. Herausgegeben von W. Lotz. „Sammlung älterer und neuerer staatswissenschaftlicher Schriften“ № 2. Leipzig, 1893.

никовъ и противниковъ ассигнатовъ Великой Французской Революціи, равно какъ и финансово-денежной литературы міровой войны.

Въ XVI—XVIII вв. едва ли можно найти одно экономическое сочиненіе, которое такъ или иначе не касалось бы вопроса о перечеканкѣ монеты. Англія, Франція и Германія соперничаютъ въ этомъ отношеніи другъ съ другомъ. Но впереди всѣхъ идетъ, несомнѣнно, Италія. Денежныя урядицы стоятъ здѣсь на первомъ планѣ передъ экономическимъ созерцаніемъ времени и являются отправнымъ пунктомъ всякаго экономическаго анализа. „Lezzione della moneta“ („Лекція о деньгахъ“) — такое же традиционное, передающееся изъ поколѣнія въ поколѣніе, наименование экономическаго произведенія Италіи, какъ „Discours of trade“ („Разсужденіе о торговлѣ“) — для Англіи.

Идея бумажныхъ денегъ, созрѣвающая въ мозгу англійскихъ теоретиковъ въ концѣ XVII-го вѣка, является, такимъ образомъ, лишь вторичной исторической формаціей эмиссионныхъ финансовъ. Исторической предпосылкой ея зарожденія является такое развитіе кредитныхъ отношеній, при которомъ оказывается возможнымъ обойтись безъ необходимой передачи при всякой мѣнковой сдѣлкѣ въ качествѣ эквивалента, реальной цѣнности, носящей гарантіи своей полноты въ себѣ самой, какъ то имѣется налицо въ монетѣ изъ благородныхъ металловъ. Правда, изучая экономическую литературу болѣе ранняго періода, мы встрѣчаемъ указанія на нѣкій прообразъ бумажной валюты въ видѣ *кожаныхъ денегъ* *). Но они упоминаются въ исключительныхъ условіяхъ полной экономической изоляціи небольшого территориальнаго единства (осажденный городъ), въ группировкѣ объединенной надеждами на успѣхъ общаго военнаго предпріятія.

Если не считать такихъ чисто временныхъ, казуальныхъ изобрѣтеній, то исторія бумажныхъ денегъ сначала используетъ наиболѣе привычныя и наиболѣе устойчивыя формы кредита — кредитъ частный — и лишь постепенно совершаетъ перестройку бумажнаго обращенія на основу кредита государственнаго, внушающій мало довѣрія въ раннюю эпоху.

Можно различить три формы возникновенія бумажныхъ денегъ, которыя служатъ въ то же время тремя этапами, черезъ которые про-

*) *Jean Bodin*. Reponse au paradoxes de Malestroit. 1567. (Цитирую по немецкому изданію 1624-го года: „Des Herrn johan Bodin Antwort — Schreiben auf das Paradoxum oder den eigensinnigen Discurs des Herrn von Maletroit belangend die Verteuerung aller Dinge und das Mittel selbiger zu begegnen“. Gedruckt zu Hamburg, 1624, стр. 14 — О томъ же англійскій анонимъ 1580 г. приписанный *В. Стаффорд*у, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ *Джону Гэльсу*. См. новый нѣмецкій переводъ: *W. Stafford*. „Drei Gespräche über die in der Bevölkerung verbreiteten Kiagen“. Herausgegeben v. E. Leser, Leipzig, 1895, стр. 118. — То-же находимъ у *Du Haillan* „Discours sur les causes de l'extrême cherté qui est aujourd'hui en France etc“. Paris, 1574 (вышла анонимно). Цит. по перепечаткѣ въ исторической коллекціи *E. Fournier*.

Variétés historiques et litteraires. Paris, 1857. Tome VII, p. 157 ss.

ходить развитіе бумажныхъ денегъ въ его исторической послѣдовательности. Это формы частнаго банковаго кредита, государственнаго банковаго кредита и государственнаго организаціоннаго кредита. Но, обрисовывая условія введенія бумажныхъ денегъ въ оборотъ, эти этапы ничего не мѣняютъ въ экономическомъ существѣ бумажнаго обращенія, которое выражается прежде всего въ *принципъ его принудительности*.

Если началу XVIII-го вѣка принадлежитъ первая попытка практическаго примѣненія бумажныхъ денегъ въ системѣ Джона Ло, то конецъ его отмѣченъ уже многообразнымъ использованіемъ этой идеи въ различныхъ странахъ: въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки во время войны за освобожденіе, въ Австріи и Россіи, въ ассигнатахъ Великой Французской Революціи и, наконецъ, въ неразмѣнныхъ банкнотахъ Англіи.

Наконецъ, въ XIX-омъ вѣкѣ бумажныя деньги становятся традиціоннѣйшимъ методомъ финансированія военнаго хозяйства и въ странахъ со слабой финансово-экономической организаціей (Австрія и Россія) ихъ цѣркуляція становится почти перманентной.

Уже этотъ параллелизмъ между слабостью финансовой организаціи страны (или въ другомъ случаѣ — величиной ея финансовыхъ потребностей сравнительно съ наличными ресурсами, какъ то имѣеть мѣсто въ военномъ хозяйствѣ) съ одной стороны и мѣрой использованія бумажно-денежныхъ ресурсовъ съ другой, долженъ навести на мысль, что этотъ методъ финансированія является наиболѣе сильнымъ и эффективнымъ среди всѣхъ финансовыхъ методовъ капитализма.

Между тѣмъ, если разсматривать бумажныя деньги съ точки зрѣнія тѣхъ теоретическихъ конструкцій, которыя являлись доминирующими въ экономической наукѣ вплоть до самаго послѣдняго времени, то взаимоотношеніе между мѣрой относительной слабости финансовой организаціи страны и нормой использованія бумажныхъ денегъ должно было бы быть не прямое, а обратное.

Если бумажныя деньги являются только особой формой долгового обязательства, какъ это утверждаетъ общепринятая схема, которую можно назвать „кредитной теоріей бумажныхъ денегъ“, то чѣмъ слабѣе въ финансовомъ отношеніи государство, тѣмъ меньше могло бы оно пользоваться этимъ ресурсомъ, а чѣмъ солиднѣе его финансовая организація, тѣмъ шире возможности его использованія; ибо, какъ извѣстно, степень устойчивости государственнаго кредита всегда соотвѣтствуетъ увѣренности кредиторовъ въ обезпеченности кредитуемыхъ ими суммъ, а эта увѣренность непосредственно опредѣляется продуктивностью работы финансового аппарата государства.

Аналогія между бумажными деньгами и принудительнымъ займомъ, между прекращеніемъ размѣна на благородные металлы и заключеніемъ кредитнаго договора, между восстановленіемъ размѣна

и погашеніемъ обязательства, не разъ критиковалась съ точки зрѣнія тѣхъ объективныхъ результатовъ, которыми завершалось огромное большинство историческихъ опытовъ бумажно-денежныхъ эмиссій.

Послѣдніе, какъ извѣстно, почти всегда заканчивались крахомъ и девальваціей, которая означала отказъ государства отъ восстановленія полноцѣнности бумажной валюты и отъ погашенія обязательствъ по ихъ номинальному написанію.

Но существо вопроса заключается не въ этомъ. Фактъ невыполненія обязательства, хотя бы повторный, еще не моясетъ измѣнить экономической и юридической природы послѣдняго и ничего не мѣняетъ въ его принципіальной характеристикѣ.

Между тѣмъ, важно то обстоятельство, что даже если бы государство полностью выполнило свои обязательства въ ихъ номинальномъ выраженіи, восстановивъ размѣнъ на металлъ рубль за рубль, то *реального погашенія обязательства не произошло бы*, ибо истинные кредиторы государства, доставившіе ему полученные, благодаря выпуску бумажныхъ денегъ, реальныя цѣнности, въ счетъ сокращенія собственныхъ доходовъ, останутся все равно не удовлетворенными.

Такими кредиторами являются не первые держатели бумажныхъ денегъ въ моментъ прекращенія ихъ размѣна и не послѣдніе держатели въ моментъ восстановленія ихъ размѣна на металлъ, а цѣлый рядъ промежуточныхъ держателей, черезъ чьи руки они проходятъ въ условіяхъ той переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и переворота въ мѣновыхъ отношеніяхъ, которые вызываются эмиссіей бумажныхъ денегъ. Между этимъ рядомъ держателей происходитъ своеобразная раскладка принудительно оказываемаго государству кредита, — раскладка опредѣляемая общими отношеніями групповой зависимости и подчиненія, общими факторами соціальной борьбы. И эти истинные кредиторы не смогутъ быть удовлетворены никогда.

„По мѣрѣ того, какъ возрастали человѣческія общества... — писалъ въ 1775 году *Неккеръ*, — по мѣрѣ того какъ вводились займы и возростала масса денежныхъ знаковъ — всѣ первобытныя отношенія становились болѣе запутанными и каждый изъ трехъ классовъ общества получалъ возможность злоупотреблять своими силами подъ покровомъ тайны и значить съ гораздо большей дерзостью и равнодушіемъ“ *).

Подъ покровомъ денежныхъ расцѣнокъ происходитъ темная борьба („combat obscure“), — продолжаетъ онъ, — въ которой побѣждаетъ сильнѣйшій **).

Это положеніе, относящееся къ денежному хозяйству, еще гораздо болѣе справедливо по отношенію къ хозяйству эмиссіонному. Если

*) *Necker*. Sur la législation et le commerce des grains. „Collection des principaux économistes“. Vol. XV. Ed. E. Daire. Paris, 1848, p. 239 — 240.

**) Тамъ-же, стр. 242.

бумажныя деньги являются долговыми обязательствами эмитирующего их государства, то кредиторомъ не является никакое, заранее определенное лицо, либо даже группы лицъ; кредиторомъ является формально народно-хозяйственный оборотъ въ его цѣломъ, безликое и социальное-сложное „нѣчто“, реально же рядъ борющихся группъ, къ объектамъ борьбы которыхъ присоединяется еще одинъ новый: они начинаютъ стремиться переложить кредитующую сумму другъ на друга. Конкретное распределение принудительнаго кредита зависитъ какъ отъ группировки социальной борьбы, такъ и отъ условий хозяйственной конъюнктуры, но такъ или иначе социальное слабые группы всегда оказываются въ завѣдомо невыгодномъ положеніи по сравненію съ социальными сильными.

Кредитная теорія бумажныхъ денегъ является по существу ничѣмъ инымъ, какъ попыткой оправданія такого финансового метода передъ лицомъ кредитныхъ отношеній капитализма, этой основы развитога капиталистическаго хозяйства.

Она находила себѣ подтвержденіе и во внѣшней формѣ, въ которой выпускались бумажныя деньги, зарождавшіяся обычно въ видѣ размѣнныхъ банкнотъ или въ видѣ государственныхъ *кредитныхъ* билетовъ.

Но какъ только прекращеніе размѣна разрывало связь между металлическимъ обезпеченіемъ и бумажно-циркуляторной массой, а послѣдовательное увеличеніе эмиссій дѣлало бумажныя деньги планомѣрнымъ средствомъ покрытія расходовъ государства, тотчасъ же и это написаніе теряло по существу экономическое значеніе, оставаясь лишь традиціоннымъ символомъ ихъ циркуляторныхъ функцій.

Съ другой стороны, отрицательное вліяніе эмиссій на народное хозяйство вообще и промышленный капитализмъ въ особенности, побуждало экономистовъ прежде всего заботиться объ ихъ устраненіи.

Если кредитная теорія выражала собой по существу лишь постулатъ долженствованія, лишь благопожеланіе, то не только завѣдомая нереализуемость его, но и чисто-процессуальное вліяніе бумажныхъ денегъ заставляли всячески стремиться къ ихъ ликвидаціи.

Дѣло въ томъ, что, въ то время, какъ всякая экономическая деятельность основывается на строгомъ учетѣ всей совокупной народно-хозяйственной обстановки, новая денежная масса производитъ непредвидѣнный переворотъ во всѣхъ элементахъ послѣдней и разрушаетъ, такимъ образомъ, всѣ производственно-мѣновые планы, все хозяйственное предвидѣніе и всю основу хозяйственной дѣятельности въ цѣломъ.

Но экономисты-теоретики, торопясь обычно всячески содействовать скорѣйшему уничтоженію бумажныхъ денегъ, не замѣчали всего внутренняго своеобразія, которое являли эти послѣдніе.

Обычная трактовка бумажныхъ денегъ, какъ простаго временнаго уклоненія отъ нормальныхъ методовъ финансовой организаціи, какъ

нѣкой краткосрочной финансовой аномаліи, безусловно не можетъ быть поддержана, ибо она проходитъ мимо наиболѣе важнаго теоретическаго принципа всей эмиссіонной политики.

Отрицаніе кредитной природы бумажныхъ денегъ приводитъ насъ къ характеристикѣ ихъ, какъ определеннаго метода изыятія благъ изъ частнаго обладанія для нуждъ государства, это значитъ какъ определеннаго вида *обложенія населенія*. Отрицаніе традицій разсмотрѣнія бумажныхъ денегъ какъ временной аномаліи и только, какъ нѣкаго финансоваго эксцесса, приводитъ насъ къ признанію, что бумажныя эмиссіи имѣютъ всѣ черты вполне своеобразной и внутренне замкнутой финансовой *системы*, которая можетъ и должна быть противопоставлена другимъ системамъ.

Оцѣнка этой системы должна базироваться на учетѣ ея воздѣйствія на народное хозяйство. Но признаніе ея внутренней самостоятельности цѣликомъ зависитъ отъ ея внутренняго анализа.

Выше мы апріорно вывели, путемъ скрещенія финансовыхъ принциповъ возможность существованія „системы производства денегъ“. Затѣмъ мы указали, что бумажныя эмиссіи являются лишь одной изъ формъ конкретнаго воплощенія этой системы. Теперь мы констатируемъ, что онѣ являются формой наиболѣе типичной, проводящей въ жизнь до конца основную идею этого метода финансированія.

Эта идея противостоитъ идеѣ налоговой системы какъ ея антитеза. Государство можетъ получать нужныя ему средства либо путемъ принудительнаго *изыатія* изъ обращенія уже циркулирующихъ денежныхъ знаковъ (*налоговая система*), либо путемъ принудительнаго же *внѣдренія* въ обращеніе новыхъ, произвольно создаваемыхъ имъ денежныхъ знаковъ (*эмиссіонная система*).

Въ первомъ случаѣ покупательная сила каждой денежной единицы остается устойчивой, постоянной и только количество денежныхъ единицъ въ частномъ обладаніи сокращается; во второмъ случаѣ, количество денежныхъ единицъ въ частномъ обладаніи прелиминарно не измѣняется, но ихъ покупательная сила искусственно понижается за счетъ вновь создаваемой покупательной силы новыхъ денежныхъ единицъ.

И далѣе: при прочихъ равныхъ условіяхъ средняя норма обезцѣненія валюты есть ничто иное, какъ показатель той доли товарныхъ цѣнностей, которыя изыаты государствомъ при помощи эмиссіонно финансоваго аппарата.

Однако, если на этой основѣ можетъ быть констатированъ рядъ специфическихъ закономерностей *системы эмиссіонныхъ финансовъ*, то для признанія ея полной теоретической самостоятельности существенъ еще одинъ моментъ.

Это вопросъ о томъ, какъ долго можетъ функционировать эта система безъ поддержки и замѣны ея другимъ финансовымъ механизмомъ и въ то же время безъ внутренняго разложенія и краха.

Именно, недовѣріе къ возможности длительного самосохраненія бумажно-денежныхъ фннансовъ являлось не всегда осознанной причиною того, что почти всѣ теоретики экономики и финансовъ считали ихъ только случайной аномаліей въ общей линіи финансоваго развитія и предсказывали имъ весьма скорое и неизбѣжное крушеніе *).

При этомъ, одни пытались установить такую специфическую тенденцію, что процессъ обезцѣненія идетъ тѣмъ быстрее, чѣмъ больше абсолютная величина выпущенной денежной массы и чѣмъ меньше былой стоимости сохранила за собою денежная единица, такъ что крахъ неизбѣжно приближается быстрее, чѣмъ идетъ ростъ эмиссій.

Другіе ссылались на то, что поскольку денежная масса непрерывно увеличивается, а товарное обращеніе остается постояннымъ, либо даже сокращается, крахъ денежной системы, въ видѣ полного обезцѣненія денежной единицы все равно неизбѣженъ рано или поздно. Рисовались даже картины полного замиранія товарнаго обращенія, полного разрыва экономическихъ связей между безчисленными хозяйствующими ячейками народно-хозяйственнаго организма подъ вліяніемъ уничтоженія необходимаго посредствующаго элемента и орудія этихъ сношеній — денегъ.

Наконецъ, третьи желали даже указать опредѣленный предѣлъ возрастанія денежной массы, перейдя который, последняя обезцѣнивается совершенно внѣ соотвѣтствія съ дальнѣйшимъ ея возрастаніемъ, а полностью и въ очень короткій срокъ.

При этомъ нерѣдко ссылались на судьбу бумажныхъ денегъ Великой Французской Революціи въ чьемъ развитіи наблюдается такой рѣзкій переломъ кривой обезцѣненія. Въ настоящей работѣ мы увидимъ, чѣмъ было вызвано, на самомъ дѣлѣ, крушеніе французскаго ассигнаціоннаго обращенія; пока же констатируемъ, что оно цѣликомъ было обусловлено воздѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ, а отнюдь не тенденціей внутренняго разложенія.

Да и разбирая экономическую логику вопроса, необходимо констатировать, что крушеніе любой данной денежной системы, въ смыслѣ отказа населенія пользоваться обезцѣнившимися денежными знаками, можетъ произойти въ трехъ и только въ трехъ случаяхъ.

Во-первыхъ, въ условіяхъ отказа отъ всякаго товарообмѣна, орудіемъ котораго служатъ данные денежные знаки; во вторыхъ. Въ случае перехода отъ денежнаго товарооборота къ натуральному; и, въ-третьихъ, въ случаѣ замѣщенія данныхъ денежныхъ знаковъ какими-либо иными циркуляторными средствами, въ случаѣ экономическаго вытѣсненія данной денежной системы другою, законно или внѣ-законно принимающей на себя выполненіе циркуляторныхъ функций.

*) Противоположный тезисъ былъ выдвинутъ въ моихъ статьяхъ „Будущее нашей валюты“ въ газ. „Экономическая Жизнь“ за 31 дек. (№ 46) 1918 г. и 11 января (№6) 1919 г.

Что касается первыхъ двухъ случаевъ, то серьезно говорить о возможности ихъ осуществленія не приходится. Ибо это значить не знать и не видѣть самаго важнаго — всей безконечной сложности и сплетенности отношеній и взаимныхъ связей между отдѣльными ячейками современной народно-хозяйственной организаціи.

Реаленъ только третій случай — случай полного обезцѣненія бумажно-денежной массы въ силу обращенія населенія въ операціяхъ товарообмѣна къ другимъ циркуляторнымъ средствамъ, конкурирующимъ съ бумажками и побѣдоносно вытѣсняющими ихъ изъ оборота.

Но внѣ наличности въ обращеніи лучшихъ циркуляторныхъ средствъ, которые можно было бы использовать для опосредствованія товарнаго оборота, никакой „полный крахъ“ бумажно-денежной системы нынѣ экономически невозможенъ, ибо онъ означалъ бы для населенія его добровольный отказъ отъ всякаго обмѣна, либо переходъ къ натуральному обмѣну.

Таковъ выводъ, который нужно сдѣлать въ результатѣ теоретическаго анализа вопроса.

И если, такимъ образомъ, система эмиссионныхъ финансовъ никакой логикой внутренняго развитія къ краху ея денежной основы не приводитъ, если, стало быть, при соблюденіи внѣшнихъ условій, она можетъ примѣняться какъ система неопределенной длительности, то вопросъ о желательности такого строенія финансоваго аппарата разрешается какъ вопросъ сравнительной целесообразности.

Онъ превращается въ вопросъ о вліяніи эмиссій на народно-хозяйственное развитіе и социальныя отношенія борьбы и взаимодѣйствія.

Ислѣдованіе формъ вліянія дѣлающагося потока новыхъ денегъ показываетъ, что все стороны народно-хозяйственной жизни и все разрѣзы социальной борьбы испытываютъ при этомъ радикальное перерожденіе.

Денежное хозяйство въ его обычномъ значеніи не вмѣщаетъ въ свои рамки длиннаго ряда закономерностей, присущихъ этой перерождающейся формации.

Условія ея развитія вынуждаютъ построить новое своеобразное понятіе *системы эмиссионнаго хозяйства* *), какъ совокупности всехъ этихъ специфическихъ закономерностей и новообразований.

Достаточно ограничиться здесь указаніемъ характернейшихъ тенденцій этой системы, чтобы признать все своеобразие ея экономическаго содержанія.

*) См. мою статью „Проблема нормированія цѣнъ въ системѣ эмиссионнаго хозяйства“ въ сборникѣ „Экономика и политика твердыхъ цѣнъ“, изд. Отдѣломъ Экономическихъ Исслѣдованій В. С. Н. Х., Москва, 1918 г., а также въ видѣ доклада въ „Трудахъ I-го Всероссийскаго Съѣзда Совѣтовъ Народнаго Хозяйства“. Москва, 1918 г.

Таковы: валютарная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, существенное измѣненіе соціальной и объектной конфигураціи спроса, перераспредѣленіе національного дохода и имущества, перерожденіе финансовой и денежной системъ, своеобразное сложеніе промышленной конъюнктуры, обостреніе соціальной борьбы и возникновеніе новыхъ разрывовъ ея, принудительное измѣненіе экономической политики, реконструкція товарно-распределительнаго механизма и далѣе производственнаго аппарата и т. д.

3. Опытъ эмиссионнаго хозяйства Великой Французской Революціи даетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія всѣхъ закономѣрныхъ тенденцій, порождаемыхъ перестройкой финансоваго аппарата въ „систему производства денегъ“.

Онъ особенно интересенъ для насъ не только своимъ грандіознымъ размахомъ, но и длительностью его девятилѣтняго развитія, позволяющей изслѣдовать отдѣльно все многообразіе стадій его эволюціи.

Съ другой стороны, при гораздо большей продолжительности исторіи другихъ, менѣе яркихъ бумажно-денежныхъ системъ XIX-го вѣка, анализъ ихъ затрудняется отсутствіемъ той относительной стаціонарности всѣхъ остальныхъ, взаимодействующихъ элементовъ народно-хозяйственной жизни, которая является формой естественной изоляціи изучаемаго фактора.

Правда, и въ исторіи эмиссионнаго хозяйства Французской Революціи нѣтъ недостатка въ осложненіяхъ, ибо здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ мирнымъ, нормально-функционирующимъ, народно-хозяйственнымъ организмомъ, а съ эпохой грозъ и бурь великой революціи, со страной, ведущей войны внутреннія и внѣшнія, особенно истощающія ея хозяйство и на время изолирующія ее отъ экономического общенія съ остальной Европой.

Но все же основной элементъ экономического развитія — измѣненіе методовъ производства и хозяйственной структуры страны — здѣсь отсутствуетъ. А послѣдній изъ указанныхъ моментовъ — внѣшняя изоляція хозяйства — является даже весьма благоприятнымъ для плодотворности теоретическаго анализа.

Гипотетическое построеніе изолированнаго во внѣ хозяйственнаго общенія, введенное въ экономическую науку еще въ концѣ XVIII-го вѣка (1767 г.) синтетикомъ меркантилизма и предшественникомъ А. Смита *Джемсомъ Стюартомъ* *) и широко использованное его болѣе извѣстнымъ послѣдователемъ *И. Тюненомъ*, находятъ въ реальности своей зародышевый прообразъ въ военной изоляціи нѣкоторыхъ эпохъ.

*) См. J. Steuart. Untersuchung über die Grundsätze der Volkswirtschaftslehre Jena, 1913. Bd. I, s. 179 f.

Съ другой стороны, и внутренняя послѣдовательность и чистота проведенія системы эмиссій, какъ финансоваго метода, опредѣляютъ собою полноту ихъ вліянія на народно-хозяйственныя отношенія въ эту эпоху. Вытѣсненіе налоговой системы, а также ликвидация государственно-кредитныхъ отношеній совершились здѣсь довольно быстро. И столь же быстро французскіе ассигнаты изъ невинныхъ банкнотъ превратились во всеобъемлющій источникъ покрытія не только чрезвычайныхъ, но и обыкновенныхъ расходовъ государства, въ основномъ средстве, позволявшее функционировать всему государственному организму.

Правда, это функционированіе не могло совершаться безъ серьезнѣйшихъ треній и изломовъ, согласно общимъ законамъ эмиссионнаго хозяйства; но финансированіе Великой Революціи было проведено за счетъ бумажно-денежнаго обращенія.

Отсюда та высокая оцѣнка, которою награждались ассигнаты ихъ современниками, даже бывшими свидетелями всего цикла ихъ развитія и всѣхъ вызванныхъ ими соціальныхъ бѣдствій.

Эту историческую роль ассигнатовъ выразилъ на засѣданіи Совѣта Старѣйшинъ 9 плювіоза V-го года Республики (т.е. наканунѣ ихъ ликвидаціи) *Рамэль*, активный участникъ всѣхъ финансовыхъ комиссій Законодательныхъ Собраній Революціи и министръ финансовъ эпохи Директоріи, сказавъ, что, — „ассигнаты создали революцію; они провели уничтоженіе сословій и привилегій; они низвергнули тронъ и основали республику; они вооружили и снарядили эти грозныя колонны войскъ, которые пронесли трехцвѣтный штандартъ на ту сторону Альпъ и Пиренеевъ; они намъ оплатили нашу свободу“.

Если объективно исторія французскаго бумажно-денежнаго обращенія является собою, какъ мы сказали, цѣннѣйшую сферу изслѣдованія уже намѣченныхъ и еще подлежащихъ опредѣленію тенденцій системъ эмиссионныхъ финансовъ и эмиссионнаго хозяйства, то плодотворность такого изслѣдованія, какъ и всякой аналогичной работы, обусловливается тремя моментами: *во-первыхъ*, зарегистрированностью существенныхъ показаній эпохи современниками, *во-вторыхъ*, сохранностью ихъ до нашего времени, и *въ-третьихъ*, предварительной сводкой и обработкой всего матеріала въ историческихъ (констатирующихъ) схемахъ.

Первыя два условія являются таковыми для всякой исторической работы, послѣднее — для теоретической въ собственномъ смыслѣ.

Къ сожалѣнію, все эти три момента дефектны по отношенію къ нашей темѣ.

Прежде всего, цѣлый рядъ данныхъ, существеннѣйшихъ для учета развитія системы въ цѣломъ, остался совершенно не зарегистрированнымъ современниками въ его точномъ цифровомъ выраженіи; таковы, на примѣръ, важнѣйшія показанія о кривой обезцѣненія бумажной валюты — о росте товарныхъ цѣнъ.

Во-вторыхъ, изъ накопившихся такъ или иначе матеріаловъ до насъ дошли лишь немногіе, ибо Парижскіе архивы горѣли и горѣли много разъ.

И въ-третьихъ, историческая сводка и обработка этого первоначального матеріала оставляетъ донынѣ желать весьма многого.

Цѣлый рядъ вопросовъ, какъ юридической, такъ и циркуляторной и далѣе соціальной, исторіи ассигнаговъ остаются до сихъ поръ совершенно невыясненными, либо весьма сомнительными. Даже общіе очерки исторіи ассигнаговъ весьма немногочисленны и кратки. Таковы работы Courtois, Bornarel'a, R. Stourm'a, Gomel'a, Levasseur'a, Eheberg'a, Illig'a.

Если мы присоединимъ сюда, помимо общихъ исторій Революціи, еще нѣкоторыя работы такъ или иначе касающіяся отдѣльныхъ сторонъ исторіи ассигнаговъ — работы Vuhrer'a, Boiteau, Scheel'a, Leroy, de Waha, Berry, Fachan, Тарле и немногихъ другихъ, — то этимъ мы исчерпаемъ въ сущности, всю спеціальную литературу вопроса.

Разысканія, предпріятыя въ послѣднее десятилѣтіе французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и руководимыя спеціальной комиссіей по экономической исторіи Революціи подъ предсѣдательствомъ Жореса (такъ наз. „Commission de recherches et de publication des documents relatif à la vie economique de la Revolution“) коснулись до сихъ поръ преимущественно содержанія избирательныхъ наказовъ на мѣстахъ и условій продажи націонализированныхъ земель. Лишь немногіе выпуски матеріаловъ, посвященные продовольственному вопросу въ эпоху французской резолюціи освѣтили неожиданнымъ свѣтомъ соціальную исторію ассигнаговъ.

Поэтому, при составленіи настоящей работы, имѣвшей первоначальной цѣлью дать точную схему фактическаго развитія ассигнаговъ, какъ матеріала для теоретическихъ обобщеній о природѣ бумажно-денежныхъ системъ, пришлось обратиться къ первоисточникамъ разнаго рода. Таковыми были: полная коллекція официальнаго органа, Законодательныхъ Собраній Революціи—„Gazette Nationale ou Le Moniteur Univerſel“ за 10 лѣтъ, коллекція законодательныхъ актовъ революціи какъ, напр., многотомное собраніе Duvergier и др., нѣкоторые старинные сборники и матеріалы, найденные авторомъ въ Петроградской Публичной Библіотекѣ и Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, а также Университетскихъ Библіотекахъ и другихъ книгохранилищахъ Петрограда и Москвы.

Тѣмъ не менѣе удалось выяснитъ лишь нѣкоторые существенные моменты и тенденціи эмиссионнаго развитія, дальнейшее изслѣдованіе которыхъ можетъ быть проведено лишь при перенесеніи работы въ глубину французскихъ архивовъ.

Изложеніе, по связи разбираемыхъ вопросовъ и заданій, приходилось строить на сочетаніи систематическаго и хронологическаго порядка

Настоящая работа была начата авторомъ, въ качествѣ оставленнаго при Петроградскомъ Университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, въ концѣ 1916 года. Февральскій переворотъ заставилъ на нѣсколько мѣсяцевъ отложить ее въ сторону; продолженная осенью 1917 года она снова была прервана октябрьскимъ переворотомъ. Лишь съ лѣта 1918 года, со времени вступленія въ Отдѣлъ Экономическихъ Изслѣдованій В. С. Н. Х. она была возобновлена и закончена.

Въ работахъ по составленію таблицъ принимали участіе А. З. Виноградова и Н. И. Гальперинъ.

Діаграммы выполнены І. И. Денисевичъ.

I. Финансовое положение Франціи передъ революціей.

1. Наслѣдіе стараго порядка, ликвидировать которое выпало на долю послѣднему десятилѣтію XVIII вѣка, было во многихъ отношеніяхъ тяжелымъ и мрачнымъ. Но, несомнѣнно, одной изъ наиболѣе яркихъ чертъ, характеризовавшихъ его, было состояніе финансовъ Франціи прогрессивно ухудшавшееся въ теченіе всего XVIII-го вѣка

Людовикъ XIV, „король-Солнце“, завѣщаль своему преемнику государственный долгъ въ 3.400 милл. ливровъ ¹⁾.

Его собственныя отношенія къ кредиторамъ складывались въ простую, но своеобразную систему: король процентовъ не платилъ, своихъ кредиторовъ не удовлетворялъ, а давалъ имъ охранные листы противъ ихъ собственныхъ кредиторовъ ²⁾. Слѣдствіемъ было скопленіе долга, которое привело въ эпоху регенства Филиппа Орлеанскаго къ ряду частичныхъ банкротствъ и къ опыту универсальнаго финансоваго возрожденія по методу предложенному Джономъ Ло. Послѣдняя система привела къ желаемымъ результатамъ лишь въ томъ смыслѣ, что, увѣнчавшись грандіознымъ банкротствомъ, свела долгъ „признанный королемъ къ суммѣ въ 1.700 милліоновъ. Но семилѣтняя война вновь значительно увеличила его.

Общее состояніе государственнаго хозяйства Франціи характеризовалось во второй половинѣ XVIII-го вѣка тѣмъ, что ежегодные дефициты въ нѣсколько десятковъ милліоновъ стали явленіемъ систематическимъ и нормальнымъ. Если во время семилѣтней войны, въ 1759 г., дефицитъ за годъ достигалъ 217 мил., а послѣ заключенія мира въ 1764 г. былъ предположенъ въ размѣрѣ 41½ милл., далѣе еще нѣсколько понизился благодаря усиліямъ де-Террея (въ 1774 г., въ годъ вступленія на престолъ Людовика XVI-го дефицитъ исчислялся въ 27 милл.), — то въ 80-хъ г.г. онъ снова рѣзко увеличивается.

Правда, проектъ росписи на 1781 г, составленный Неккеромъ и впервые во Франціи опубликованный имъ во всеобщее свѣдѣніе (—до того всѣ данныя о состояніи государственныхъ финансовъ составляли государственную тайну), исчислялъ ожидаемое превышеніе доходовъ надъ расходами въ 10 милл.; но онъ былъ построенъ на своеобразной

ТАБЛИЦА I.
Итоги смѣтъ государственныхъ доходовъ и расходовъ Франціи ⁵⁾

Годъ	Сумма доходовъ.	Вычеты мѣстныхъ кассъ *).	Остатокъ доход. гос. казначейства.	Расх. госуд. казначейства.	Дефиц. (—) или превыш. доходовъ надъ расх. +	% деф. по отн. къ расх. цен.
1759	286.547.037	—	—	503.847.141**)	— 217.300.104	ок. 43%**
1764	309.294.183	294.055.844	115.238.339	166.800.000	— 41.561.661	0,28%
1768	317.355.378	152.370.366	164.985.112	201.357.312	— 35.561.916	0,18%
1773	348.279.570	143.263.570	205.016.000	199.998.000	+ 5.026.000	0,30%
1774	361.860.429	164.978.872	198.901.557	224.720.000	— 27.818.000	0,12%
1775	377.287.637	ок. 156.703.352	ок. 220.584.285	ок. 257.741.811	— 37.157.526	0,14%
1776	378.381.069	ок. 163.006.231	ок. 215.374.838	ок. 252.568.420	— 39.193.582	0,15%
1781	400.209.571	163.376.571	236.838.000	283.162.000	— 46.329.000	0,16%
1783	ок. 478.000.000	ок. 188.729.000	ок. 289.271.000	386.465.250	— 97.194.250	0,23%
1787	474.048.239	236.065.896	237.982.343	363.069.899	— 125.087.556	0,34%
1788	472.415.543	258.425.785	213.987.764	372.446.469	— 160.737.442	0,43%

*) Эта важная рубрика старыхъ французскихъ бюджетовъ составлялась, главнымъ образомъ, изъ запрошенныхъ на рядъ лѣтъ впередъ доходовъ, шедшихъ по договорамъ на уплату процентовъ и на погашение разнаго рода займовъ, представлявшихъ государству лишь подѣльные условіемъ непосредственной оплаты ихъ строго определенными приходными кассами, чьи суммы оставались, такимъ образомъ, въ распоряженіи центрального казначейства. Однако, въ эту же рубрику включались и нѣкоторые расходы по взиманію доходовъ даннаго рода, выплачивавшіеся тоже на мѣстахъ, какъ, напр., жалованье чиновникамъ финансового вѣдомства, содержаніе стражи, нѣкоторыя пенсіи и т. д. Благодаря такому смѣшенію совершенно равнородныхъ категорій расходовъ, объединявшихся въ одной суммѣ лишь по признаку выдачи ихъ изъ мѣстныхъ кассъ и по противоположенію ихъ всѣмъ расходамъ центрального казначейства, въ старшихъ французскихъ смѣтахъ часто совершенно невозможно установить общихъ цифръ затратъ государства на погашеніе долговъ, ни перечисленныхъ здесь другихъ болѣе мелкихъ рубрикъ расходовъ. **) Для 1759 года сумма расходовъ включаетъ и издержки мѣстныхъ кассъ, а % дефицита исчисляется въ общей суммѣ расходовъ, а не только къ расходамъ центра.

систематизаціи цифровыхъ данныхъ, не захватывавшей всей совокупности очередныхъ расходовъ (въ частности не включавшей въ расчетъ неоплаченныхъ расходовъ прошлаго года) и дававшей явно невѣрное представленіе о цѣломъ ³⁾. На дѣлѣ же новая война довела дефицитъ до 200 мил.

Въ 1787 году, по росписи Калонна. на общую сумму государственныхъ расходовъ ок. 600 милл. ливровъ приходилось доходовъ только 475 милл., стало быть бюджетъ сводился съ дефицитомъ въ 125 милл. ливровъ, что составляло свыше 26% суммы годовыхъ доходовъ. Наконецъ, по смѣтѣ Ломени де Бриенна на 1788 г. дефицитъ еще возросъ до 161 милл. ливровъ.

Говоря словами одного изъ депутатовъ Учредительнаго Собранія — Буша, „въ продолженіе 14 лѣтъ царствованія Людовика XVI-го, съ 1774 г. по 1788 г., дефицитъ возросъ больше, чѣмъ за время съ 1380 г. по 1774 г. ⁴⁾).

Таблица I-ая даетъ представленіе о движеніи дефицитовъ въ расходныхъ смѣтахъ Франціи за послѣдніе 30 лѣтъ передъ революціей.

При этомъ, нужно замѣтить, что эти суммы, исчисленныя по предположительнымъ смѣтамъ, представлявшимся королю въ началѣ каждаго года, на дѣлѣ были значительно ниже реальныхъ дефицитовъ. Ибо, *во-первыхъ*, если исключить Сюлли, Кольбера и небольшое число администраторовъ, которые послѣдовали за ними, сами министры всегда обладали лишь весьма неточными свѣдѣніями, ⁶⁾ и, *во-вторыхъ*, всѣ чрезвычайные расходы „всѣ измѣненія, которыя вносились обстоятельствами въ эти смѣты становились извѣстными лишь черезъ 10—12 лѣтъ, когда совѣтъ утверждалъ истинный бюджетъ („Etat au vrai“), въ которомъ балансъ между полученными доходами и совершенными платежами сводился лишь при помощи большихъ суммъ, ассигнованныхъ въ порядкѣ предварительнаго забора будущихъ доходовъ (anticipations) для покрытія превышенія текущихъ расходовъ надъ текущими получками“ ⁷⁾.

Поэтому, если сравнить эти предварительныя смѣты съ „истинными бюджетами“, то получится, примѣрно, такая картина.

На 1774 г. предположенный дефицитъ исчислялся въ 27.818.000 ливр., реальный же дефицитъ оказался на 91.088.818 л. больше.

На 1781 г. исчислялось ⁸⁾:

	Доходовъ.	Расходовъ.	Превышеніе доходовъ (+) или дефицитъ (—)
по смѣтѣ Неккера . . .	430 милл. л.	420 милл. л.	+10 милл. ливровъ.
по смѣтѣ Калонна . . .	400 „ „	446 „ „	— 46 „ „
по „истинному бюджету“ .	436,9 „ „	526,6 „ „	— 89,7 „ „

Очевидно, такое положение не могло долго продолжаться.

Всѣ частныя мѣропріятія по увеличенію доходныхъ статей, проектировавшіяся часто смѣнявшимися въ послѣдніе годы генеральными контролерами финансовъ не давали желаемыхъ результатовъ.

Налоговая система, существовавшая до тѣхъ поръ, полностью исчерпала свои возможности, такъ что задача улучшения финансовъ Франціи могла быть рѣшена лишь двумя способами: либо нужно было рѣзко и существенно сократить расходный бюджетъ страны — предприятие, которое и въ ту эпоху было осуществимо лишь при условіи измѣненія совокупной хозяйственной и политической конъюнктуры, да и въ послѣдующей финансовой исторіи крайне рѣдко удавалось; либо (для увеличенія приходнаго бюджета) *необходимо было измѣнить основанія самой системы обложенія въ смыслъ выработки такой соціальной раскладки, которая захватила бы больше платежеспособныя группы населенія*

Отказъ же отъ этихъ обоихъ путей приводилъ къ тому, что всѣ эти ежегодные дефициты покрывались разнообразными по формѣ, но тождественными по существу средствами: займами всѣхъ сортовъ и типовъ, рентными обязательствами и билетами казначейства.

Соотношеніе между налоговымъ (доходнымъ) и заемнымъ (долговымъ) покрытіемъ государственныхъ расходовъ выясняется изъ таблицы II-ой.

Только со времени воцаренія Людовика XVI (1774 г.) государство выпустило займовъ въ видѣ конституированныхъ рентъ на сумму въ 1.740 милл. ливровъ; сверхъ этого долгъ неутвержденный, „текущій“ превышалъ 600 милл. ливровъ.

Очевидно, столь грандіозныя для того времени цифры задолженности не могли не отражаться самымъ губительнымъ образомъ на текущихъ бюджетахъ, подавляя ихъ бесполезнымъ балластомъ процентной оплаты долговъ.

Съ другой стороны, и вся конструкція расходнаго бюджета Франціи, имѣвшаго чисто потребительный характеръ, дѣлала его огромнымъ злокачественнымъ наростомъ на ея народно-хозяйственномъ организмѣ. Если выдѣлить только три рубрики изъ общихъ смѣтъ государственныхъ расходовъ:

- а) расходы на содержаніе двора,
 - б) расходы на содержаніе арміи и флота,
 - в) расходы на уплату процентовъ и частичное погашеніе долговъ,
- и противопоставить ихъ всему остальному, то мы получимъ слѣдующія цифры для тѣхъ лѣтъ, по которымъ у насъ есть сколько-нибудь детализированныя показанія о предполагаемыхъ расходахъ (см. таблицу III-ю).

Такимъ образомъ, финансовое положеніе Франціи наканунѣ революціи обрисовывается слѣдующими чертами: задолженность въ 4½ миллиарда при 2.880 милл. совокупнаго національнаго дохода; расход

Т А Б Л И Ц А II-ая.

Налоговое и заемное покрытіе государственныхъ расходовъ Франціи в XVIII-омъ вѣкѣ⁹⁾.

Періодъ	Продолжительность періода.	Средній ежегодный доходъ	Общ. сумма доход. за весь періодъ	Сумма займ. за весь періодъ.	% заемн. покр. по отношен. къ доход.
въ ливрахъ					
I-й Періодъ. (Продолженіе Утрехтскаго мира).	12 лѣтъ: 1721 — 1732 г.	181.746.000	2.180.957.000	300.000.000	около 14 %
II-й Періодъ. (Война за избраніе Станислава, короля польскаго).	3 года: 1733 — 1735 г.	211.000.000	633.000.000	89.680.000	14 %
III-й Періодъ. (Вѣнс. миръ Присоединеніе Лотарингіи къ Франц.).	4 года: 1736 — 1739 г.	200.000.000	800.000.000	42.000.000	5 %
IV-й Періодъ. (Война за австрійское наслѣдство).	9 лѣтъ: 1740 — 1748 г.	239.444.000	2.155.000.000	186.321.000	9 %
V-й Періодъ. (Миръ въ Эксъ-ла-Шапелль).	7 лѣтъ: 1749 — 1755 г.	271.000.000	1.897.000.000	285.720.000	15 %
VI-й Періодъ. (7-милѣтняя война въ 4-хъ част. свѣта).	8 лѣтъ: 1756 — 1763 г.	307.215.000	2.457.723.000	677.409.426	28 %
VII-й Періодъ. (Парижскій миръ).	13 лѣтъ 1764 — 1776	331.430.000	4.308.585.000	289.686.840	7 %
VIII-й Періодъ. (Война за освобожденіе Америки).	7 лѣтъ 1777 — 1783 г.	405.263.000	2.836.841.000	1.080.255.823	38 %
IX-й Періодъ. (Парижскій миръ до Великой Франц. революціи)	5 лѣтъ: 1784 — 1788 г.	512.933.000	2.564.664.000	851.888.036	33 %
Итого	за 68 лѣтъ: 1721 — 1788 г.	—	19.833.770.000	3.802.961.125	—

ТАБЛИЦА III.

Конструкция расходного бюджета Франции ¹¹⁾.

Годы.	Расходы на содержание двора	Сумма по %	Расходы военно-морские.	%	Уплата % и погашение долгов*).	%	Остальные расходы.	%	Общая сумма расходов
1759	34.400.000	7 %	212.000.000	42 %	156.907.617	31 %	100.539.524	20 %	503.847.141
1764	45.000.000	15 %	79.000.000	24 %	— **)	—	—	—	309.294.183
1775	55.587.249	13 %	121.325.000	29 %	162.777.888	39 %	74.754.031	19 %	414.445.163
1776	44.838.164	11 %	130.788.682	32 %	142.892.456	34 %	97.065.349	23 %	415.574.651
1783	39.000.000	7 %	227.000.000	39 %	214.002.000	37 %	95.192.250	17 %	575.194.250
1785	33.000.000	6 %	150.800.000	28 %	234.500.000	41 %	110.400.000	21 %	529.400.000
1787	88.180.000	6 %	148.180.000	25 %	291.426.000	49 %	121.349.795	20 %	599.135.795

*) Внутренне разграничить эти две категории расходов является делом, которое нынѣ далеко не всегда осуществимо.

Примѣрными соотношеніемъ могутъ служить цифры 1785 года, когда на уплату %%-овъ предназначалось 207 милліоновъ, а на погашеніе долгов - 27,5 милл. ливровъ. Въ болѣе благополучномъ 1774 году, по расчетамъ Тюрго на уплату процентовъ предполагалось ассигновать 119,8 милл. л., а на погашеніе долгов - 35 милл.

**) Въ смѣтѣ 1764 года, среди расходовъ центрального казначейства, на уплату процентовъ предназначено лишь 18 милл. ливровъ, тогда какъ основная масса уплатъ этого рода не выдѣлена изъ общей суммы "вычетовъ (d'édutions) мѣстныхъ кассъ" (съ получаемыхъ ими доходовъ) равныхъ 194 милл. ливрамъ; среди послѣднихъ имѣются, кромѣ того, суммы, относящіяся къ ней рубрикѣ "остальныхъ расходовъ".

идеть на уплату процентовъ по старымъ долгамъ, еще $\frac{1}{3}$ идетъ на содержаніе арміи, флота и двора, а $\frac{1}{4}$ такъ или иначе превращается (въ порядкѣ дефицита) въ новый долгъ.

Съ какимъ же оружіемъ финансовой политики встрѣчаетъ Франція величайшій историческій переломъ?

2. Какъ я уже сказалъ, налоговая система въ условіяхъ наличной социальной раскладки была исчерпана вполнѣ, и усилія въ этомъ направленіи были заранѣе обречены на неудачу.

Попытки же измѣнить самую основу финансовой системы — социальную раскладку, — естественно, встрѣчали въ условіяхъ времени неодолимое сопротивление.

Извѣстныя возможности оставались только въ направленіи улучшения техники финансоваго дѣла, но они по самому существу не могли дать многого.

Первый руководитель финансоваго вѣдомства въ эпоху царствованія Людовика XVI-го — физиократъ Тюрго, находясь въ конфликтѣ съ господствовавшимъ теченіемъ правительственной политики по вопросу объ основномъ устремленіи народно-хозяйственной жизни въ цѣломъ (дилемма — регламентация или свобода производства и обмѣна, поощреніе промышленности или земледѣлія), не хотѣлъ обострять его, конфликтомъ на чисто финансовой почвѣ. Его программа, развитая въ письмѣ королю 24 августа 1774 г., въ день его назначенія, была единой проповѣдью экономіи въ расходахъ.

„Никакого банкротства, — писалъ онъ, — ни явнаго, уѣ замаскированного путемъ принудительнаго пониженія платежей; никакихъ увеличеній налоговъ, никакихъ займовъ. Для того, что бы выполнить эти 3 пункта программы, есть одно единственное средство: нужно сократить расходы настолько, что бы ихъ стало меньше, чѣмъ имѣется доходовъ, и значительно меньше для того, чтобы можно было съэкономить пару десятковъ милліоновъ и погасить ими старые долги... Безъ этого первый же пушечный выстрѣлъ приведетъ государство къ банкротству“... ¹²⁾

Осуществить эту программу Тюрго не удалось, а пушечные выстрѣлы загремѣли очень скоро.

Унаслѣдовавшій Тюрго — Неккеръ былъ бы можетъ наиболѣе яркой фигурой среди всѣхъ предреволюціонныхъ „генеральныхъ контролеровъ финансовъ“.

Собственно, Неккеръ на фонѣ королевской предреволюціонной Франціи являлся сплошнымъ парадоксомъ.

Иностранецъ во главѣ управленія Франціей, швейцарскій гражданинъ и, значить, республиканецъ по происхожденію при дворѣ не ограниченнаго короля, англичанинъ по духу и, значить, наслѣдственный врагъ Франціи, протестантъ среди католиковъ, плебей среди

аристократовъ и разбогатѣвшій банкиръ среди разоряющихся потребителей ренты крупнаго землевладѣнія — онъ былъ, однако, единственнымъ, среди немногихъ, понимавшихъ всю серьезность положенія, кто не терялъ спокойствія и, даже больше того, сохранялъ вѣру въ свои силы и надежду на успѣхъ *).

И, приступивъ къ дѣятельности, онъ, „обвиняемый физіократами въ слишкомъ быстромъ обогащеніи, — сгоралъ отъ нетерпѣнія показать, что онъ сумѣетъ управлять финансами государства, какъ сумѣлъ нажить себѣ состояніе“ **).

Первое министерство Неккера (1777—1781 г.), на ряду съ похвалами однихъ и проклятіями другихъ, привлекло къ нему, во всякомъ случаѣ, всеобщее вниманіе и доставило ему громкую извѣстность. Всѣ видѣли въ немъ человѣка, который хотѣлъ итти своими путями, а не продолжать дѣянія предшественниковъ, и который надѣялся привести финансы Франціи въ нормальное состояніе, о чемъ и не мечтали другіе.

Но оглядывая результаты его финансовой дѣятельности, трудно назвать ихъ удовлетворительными.

Правда, онъ улучшилъ во многомъ *финансовую технику*, значительно сокративъ число откупщиковъ податей, упразднивъ сборщиковъ вѣдомства удѣловъ, расторгнувъ нѣкоторые контракты, сокративъ штаты, подкрѣпивъ кредитъ государства воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе, впервые признанное имъ факторомъ финансовой устойчивости, опубликовавъ первый во Франціи отчетъ о состояніи финансовъ, наконецъ, улучшивъ — въ глазахъ современниковъ — заемныя обязательства государства, распространяя вмѣсто рентъ вѣчныхъ ренты пожизненныя ¹⁵⁾.

Правда, онъ старался, далѣе, *сократить расходы* государства, упразднивъ нѣкоторыя придворныя должности, сокративъ оплату другихъ, проповѣдуя бережливость ***) и борясь въ извѣстныхъ предѣлахъ со злоупотребленіями.

Но что касается основы финансовой системы — *доходного бюджета*, то здѣсь, если не считать второстепенныхъ мѣропріятій и нереализованныхъ проектовъ для будущаго, — онъ не только слѣдуетъ основно-

*) Уже первое назначеніе его, суроваго протестанта, вызвало рѣзкоо сопротивленіе, со стороны придворныхъ католиковъ. Но, — гласить преданіе, — когда королю доложили о недовольствѣ духовенства назначеніемъ еретика, онъ отвѣтилъ: „Если духовенство пожелаетъ расплатиться за долги государства, оно сможетъ вмѣшиваться въ назначенія въ министровъ“ ¹³⁾.

**) Желая съ самаго начала показать, что его энергія и оптимизмъ безкорыстны. Неккеръ отказался отъ такъ называемыхъ „правъ подписи“, исчисляемыхъ въ 300.000 ливр. и отъ установленнаго обычаемъ „*pot de vin*“, простиравшагося до такой же суммы, а затѣмъ и, вообще, отъ всякаго вознагражденія ¹⁴⁾.

***) „Что значитъ для короля какаѣ-нибудь тысяча экю“, — говорили при дворѣ. „Это подушная подать цѣлой деревни“, — отвѣчал Неккеръ ¹⁶⁾.

му правилу финансовой мудрости его предшественниковъ — займамъ займамъ и еще разъ займамъ, но и проводить его въ жизнь гораздо успѣшнѣе и въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ они.

Опираясь вначалѣ на личныя связи среди банкировъ и личный кредитъ, въ дальнѣйшемъ — на свою общую популярность, онъ объявляетъ одинъ заемъ за другимъ, которые покрывались съ легкостью изумлявшей всѣхъ. При этомъ цѣлая $\frac{1}{3}$ изъ 200 милл., занятыхъ имъ въ первые 2 года, была подписана иностранцами. Варируя формы займовъ, онъ, въ общемъ, доводитъ сумму ихъ до 580 милл. — цифры для его времени небывалой ¹⁷⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ войну, которую ведетъ Франція съ Англіей онъ объявляетъ „войной безъ налоговъ“, что еще болѣе увеличиваетъ его популярность.

Однако, Неккеръ понимаетъ всю временность такого лозунга. Онъ и раньше дѣлалъ рядъ попытокъ привлечь къ обложенію привилегированныя сословія, но въ условіяхъ времени ихъ сопротивленіе оказывается слишкомъ сильнымъ. Борьба становится ему не подъ силу и стоитъ министерскаго портфеля.

Такъ заканчивается срокъ его перваго министерства и не велики оказываются итоги его.

Если, однако, въ это первое министерство Неккеръ, несомнѣнно, являлся яркой, рельефной фигурой среди длиннаго ряда руководителей финансовъ Франціи, то совершенно инымъ представляется его второе министерство на порогѣ и при первыхъ шагахъ французской революціи (августъ 1788—1791 г.).

Насколько тогда онъ выдѣлялся на фонѣ королевской абсолютной Франціи, настолько теперь онъ теряется на фонѣ Франціи, завершившей старый циклъ развитія, Франціи новыхъ путей и новыхъ заданий.

Кратковременный министерства Флери, д'Ормессона, Калонна и Бриенна (изъ которыхъ первые два незначительны во всѣхъ отношеніяхъ, третій сознательно поощряетъ и колоссально увеличиваетъ мотовство двора, приводя его на край гибели, а четвертый по существу уже, во-обще, ничего не можетъ сдѣлать, ни въ ту ни въ другую сторону, ¹⁸⁾ — суть только логическіе этапы финансоваго пути стараго порядка, приводящіе его естественному концу — обрыву.

Какъ извѣстно, именно, вопросъ о финансахъ послужилъ поводомъ созыва Генеральныхъ Штатовъ. Послѣ долгихъ попытокъ такъ или иначе уклониться отъ разрѣшенія финансовой проблемы и Калоннъ и Бриеннъ увидали, что иного выхода, кромѣ расширенія соціальной базы податнаго обложенія — не имѣется. Калонна это привело къ столкновенію съ нотаблями Франціи, созданными въ качествѣ представителей привилегированныхъ сословій въ февралѣ 1787 г. въ Версаль. Въ центрѣ его положительной программы, предложенной

на обсужденіе собранію нотаблей, стояло превращеніе одного изъ уже существовавшихъ налоговъ (la vingtième) во всеобщее земельное обложение (subvention territoriale), которое падеть на всякую земельную собственность безъ исключенія, въ томъ числѣ и на церковныя владѣнія, а также расширеніе сферы примѣненія другого внѣ-сословнаго налога (droit de timbre)¹⁹⁾. Но дворянство и духовенство, защищая свою непричастность къ несенію налогового бремени, настояли на отставкѣ Калонна.

Призванный на его мѣсто архіепископъ *де-Бриеннъ*, въ концѣ концовъ, самъ распустилъ собраніе нотаблей и повелъ было борьбу съ парламентами (такъ именовались окружныя судебныя учрежденія), которые отказывались зарегистрировать новые приказы короля о налогахъ, затрагивавшіе интересы привилегированныхъ сословій; но въ августѣ 1788 г. онъ самъ палъ, не будучи въ состояніи справиться съ настоятельными финансовыми нуждами момента.

Призваннаго вновь *Неккера* встрѣчаютъ сначала общими симпатіями и надеждами на обновленіе государственнаго хозяйства. Но достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы онъ исчезли, какъ дымъ, и „этотъ человекъ, который передъ открытіемъ Генеральныхъ Штатовъ былъ идоломъ всей страны, который въ началѣ деятельности Національнаго Собранія считался защитникомъ правъ третьяго сословія, человекъ, чья временная отставка явилась сигналомъ къ народному возстанію 14-го іюля, и чье возвращеніе изъ Базеля въ Парижъ было сплошной вереницей овацій; этотъ человекъ, который пользовался популярностью, значительно превышавшей его способности и его заслуги, кончилъ тѣмъ, что оказался невыносимымъ для всѣхъ партій, и онъ испытываютъ какъ бы облегченіе, когда узнаютъ, что онъ покидаетъ министерство“²⁰⁾.

3. 5 мая 1789 г. Неккеръ въ докладѣ Генеральнымъ Штатамъ исчисляетъ дефицитъ въ 56 милл., при общей суммѣ расходовъ въ 531 милл.²¹⁾. Этой сравнительно небольшой цифры (послѣ 176 милліонаго дефицита) онъ достигаетъ, сбрасывая со счетовъ недоплаты по издержкамъ предыдущаго года, равняющіяся 76½ милл. и расходы экстраординарные въ 29 милл. ливровъ *). Но дѣйствительность не только требуетъ оплаты расходовъ, отнесенныхъ имъ въ друія рубрики, но и опрокидываетъ всѣ его исчисления доходовъ. Налоги поступаютъ все въ меньшихъ суммахъ, такъ что къ концу года дѣйствительный дефицитъ превосходитъ 300 милл. ливровъ²²⁾.

Поэтому уже вскорѣ Неккеру приходится обратиться къ болѣе рѣшительнымъ мѣропріятіямъ, чѣмъ та система частныхъ мелкихъ ресурсовъ, которыми онъ въ докладѣ 5-го мая полагалъ возможнымъ покрыть исчисленный имъ дефицитъ.

*) Реальный дефицитъ 1789 года равняется, такимъ образомъ, 162 милліонамъ л. при общей суммѣ расходовъ въ 637 милл.

Изыскивая средства для удовлетворенія финансовыхъ нуждъ государства, Неккеръ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ послѣдовательно предлагаетъ Національному Собранію 3 плана²³⁾.

Только первый изъ нихъ принадлежалъ ему лично; два остальные, какъ мы увидимъ ниже, были по идеямъ своимъ чуждыми ему идеями революціи, противостоятъ которымъ его прежняя финансовая мудрость не могла. Но и вступленіе въ русло этихъ идей уже не могло сдѣлать его вождемъ новой эпохи, а стерло и опрокинуло его самого.

Первый планъ былъ лишь старымъ, привычнымъ Неккеру, планомъ новыхъ займовъ.

Онъ предложилъ Собранію послѣдовательно два займа: бъ 30 милл. и въ 80 милл., которые были вотированы, но не дали желаемыхъ результатовъ.

Первый изъ нихъ, вотированный 9-го августа 1789 г., долженъ былъ приносить 4½% (Неккеръ предлагалъ установить 5%, но Собраніе понизило эту норму). Уже здѣсь, слѣдуя духу времени, Неккеръ предложилъ *огласить имена подписчиковъ* на заемъ передъ Національнымъ Собраніемъ и сохранить этотъ списокъ въ архивѣ, облакая, такимъ образомъ, участіе въ займѣ извѣстнымъ почетомъ и стремясь увеличить мѣру покрытія займа путемъ воздѣйствія на внѣ-экономическія побужденія населенія. Заемъ, тѣмъ не менѣе, былъ неудаченъ. Черезъ 15 дней послѣ открытія подписки на него изъ 30 милліоновъ оказалось подписано лишь 2.600.000 ливровъ.

Отчасти здѣсь сыгралъ роль низкій %, ²⁴⁾ какъ это утверждалъ потомъ и самъ Неккеръ. Но главной причиной было общее разрушеніе кредита въ это переходное, неустойчивое время, а въ особенности уничтоженіе довѣрія къ финансовымъ возможностямъ государства, старый порядокъ котораго былъ разрушенъ, а новый еще не установленъ.

Уже черезъ три недѣли (27-го августа 1789 г.), по новому докладу Неккера, былъ вотированъ 2-ой заемъ въ 80 милл. изъ 5%, который постигла судьба перваго.

Проектированный къ оплатѣ лишь въ половинѣ подписной суммы наличностью, въ половинѣ же въ билетахъ казначейства, которыми оно покрывало обычно свой текущій долгъ, заемъ далъ всего лишь 47 милл., по исчисленію Неккера и лишь 44 милл. по отчету предсѣдателя комитета финансовъ Національнаго Собранія — Монтескю (докладъ 9 сентября 1791 г.)

Видя неприложимость старыхъ привычныхъ ему методовъ финансоваго управления, Неккеръ все болѣе начинаетъ прислушиваться къ вѣяніямъ времени и *второй его проектъ*, предложенный Собранію уже цѣликомъ лежитъ въ сферѣ новыхъ, подсказанныхъ ему извнѣ идей.

Это проектъ *единовременнаго патриотическаго обложенія* („contribution patrique“ — вотировано 28 сентября 1789 г.) съ cadaго гражданина

Франці въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ его доходовъ, исчисляемыхъ на основаніи добровольнаго заявленія и не подлежащихъ никакой провѣркѣ *).

Только „честь и патриотизмъ“ должны были быть стимулами добровольности заявленій и уплаты полагающейся суммы. Не подлежали обложенію всѣ получающіе поденное вознагражденіе за трудъ или имѣющіе мене 400 ливровъ въ годъ дохода.

Обложеніе должно было быть выплачено въ теченіе 3-хъ лѣтъ (1790—1792) и данъ по предположительной оцѣнкѣ до 500 милл. Въ дѣйствительности же ежегодныя поступления не превышали $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ должнаго, такъ что финансовыя результаты патриотическаго обложенія свелись въ 1790 г. — къ 81 милл. ливровъ вмѣсто 150 милл. (несмотря на то, что сумма декларацій только для Парижа достигала 40.600.000 ливровъ), а всего къ 1 февраля 1793 г. — къ 111.648.469 ливрамъ (при деклараціяхъ почти на 160 милл.).

Неудача всѣхъ этихъ мѣръ съ одной стороны, прогрессирующее непоступленіе налоговъ съ другой и, наконецъ, отмѣна Національнымъ Собраніемъ ряда болѣзненныхъ для населенія повинностей безъ одновременной замѣны ихъ другими, введеніе которыхъ проектировалось лишь въ будущемъ, побудили Неккера подъ вліяніемъ многочисленныхъ плановъ, излагавшихся и въ печати и въ Національномъ Собраніи и въ непосредственныхъ обращеніяхъ къ нему, начертать *третій финансовый планъ*, съ непосредственнымъ заданіемъ конституированія накопившагося текущаго, неутвержденнаго долга и удовлетворенія очередныхъ нуждъ государства.

Но самое возникновеніе этого плана, послужившаго отправнымъ пунктомъ французскаго бумажно-денежнаго обращенія эпохи, приводитъ насъ къ вопросу объ источникахъ этого текущаго долга. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же сводилъ концы съ концами Неккеръ, если старые доходы не поступали или были отмѣнены, новые еще не были декретированы, и даже планы временныхъ мѣропріятій, для покрытія потребностей дня, о которыхъ мы только что говорили, проваливались при проведеніи ихъ въ жизнь одинъ за другимъ?

Откуда при такихъ условіяхъ получалъ Неккеръ средства въ теченіе цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ, протекшихъ со времени его второго назначенія?

Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ учрежденію, явившемуся *институціональнымъ источникомъ* возникновенія французскихъ ассигнатовъ, къ характеристикѣ существа котораго мы теперь переходимъ.

*) Наряду съ этимъ Національному Собранію стали посылать пожертвованія всякаго рода въ видѣ денегъ, драгоценностей и т. д., объединенныхъ и извѣстныхъ подъ именемъ „патриотическихъ даяній“ Къ марту 1790 г. сумма всѣхъ даяній составила лишь 6 милл. ливр. (отчет Дюпонъ де Немура Національному Собранію въ засѣданіи 7-го марта).

Дѣло въ томъ, что вѣрный основному принципу своей заемной политики, но лишенный возможности проводить ее въ формѣ *займовъ публичныхъ*, характеризующихся гласностью, добровольностью и связью съ субъектами, имѣющими свободный для того средства, Неккеръ, слѣдя за опытомъ своихъ предшественниковъ, пользовался возможностью осуществлять *займы тайные*, недобровольные по существу и реализованные, несмотря на отсутствіе непосредственно предназначаемыхъ для того средствъ.

Эти займы, или точнѣе позаимствованія, производились имъ у т. наз. „Учетной Кассы“.

Всѣ другія операціи ей категорически запрещаются.

По первоначальному постановленію, изъ общей суммы основного капитала въ 15 милл. ливровъ, раздѣленнаго на 5.000 акцій, 5 милл. должны были составить операціонный капиталъ, а 10 милл. предоставлены правительству. Но, вскорѣ эта оговорка была устранена, казначейство вернуло уже полученныя суммы, такъ что, касса вполне усвоила чисто коммерческой характеръ. Сообразно этому, основной капиталъ былъ нѣсколько уменьшенъ (на 8 милл.), а операціонный капиталъ повышенъ сначала до 7½, затѣмъ до 12 милл., такъ что весь капиталъ банка былъ пущенъ въ оборотъ.

Въ періодъ до 1782—83 гг. касса прекрасно функционируетъ и быстро развивается.

При фиксированномъ законѣ максимумъ учетнаго вознагражденія въ 4% (повышенномъ до 4½% только во время войны 1779 г по особому постановленію Государственнаго Совѣта), сумма учетовъ достигаетъ 259 милл. (1783 г.), билетное обращеніе — 27 милл. (1782 г.; въ 1783 г. оно падаетъ до 21 милл.), текущіе счета возрастаютъ до 8.300 тысячъ (1783 г.), инкассо до 22 милл. (1783); наконецъ, дивидендъ акціонеровъ съ 5½% въ 1777 г. повышается до 8% въ 1782 г.

Тѣмъ не менѣе, „опасенія злоупотребленій билетами Учетной Кассы и ограниченія въ одинъ прекрасный день ихъ размѣна“ не покидали французское общество. Поэтому, уже въ 1780-омъ году въ публичномъ отчетѣ королю о положеніи финансовъ Франціи *Неккеръ* жалуется на эти, постоянно возобновляющіяся опасенія и увѣряетъ, что „эта касса не приносила королевскому казначейству никакой прямой пользы“ и что „заинтересованность правительства въ успѣхъ этого учрежденія не преслѣдуетъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ блага торговли, пониженія заемнаго процента и наибольшей активности денежнаго обращенія“. „Было бы преувеличеніемъ, — говоритъ онъ, — видѣть въ Учетной Кассѣ какія-либо инныя выгоды“...

Поэтому *Неккеръ* рѣшительно протестуетъ противъ отождествленія билетовъ Учетной Кассы съ бумажными деньгами. „Легко замѣтить, — обращается онъ къ королю, — что если Ваше Величество никогда не одобряли такую опасную и такую пагубную для Франціи систему, какъ созданіе бумажныхъ денегъ, то существующіе въ настоящее время билеты Кассы во всякомъ случаѣ не могутъ фаворизировать эту идею.... И, конечно, не простое сходство двухъ кусочковъ бумаги можетъ затушевать въ глазахъ разумныхъ людей ту огромную разницу, которая существуетъ между бумагой Кассы, которую принимаютъ лишь по доброй волѣ и которая представляетъ собою реальный вкладъ, и чисто фиктивнымъ билетомъ, который люди обязаны принимать вмѣсто денегъ“³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, *Неккеръ* прежде всего спѣшитъ завѣрить короля, что „Учетная Касса никогда не давала авансовъ правительству“⁴⁾.

II. Учетная Касса и первые опыты бумажно-денежнаго обращенія.

1. „Учетная Касса“, предшественница Французскаго Банка, въ своей первоначальной формѣ была организована постановленіемъ Государственнаго Совѣта уже въ 1767 г.¹⁾ Она должна была выполнять двоякія и совершенно разнородныя функціи.

Съ одной стороны, это былъ просто коммерческой и учетный банкъ, основанный на акціонерныхъ началахъ, при чемъ ⅔ его основного капитала (въ 60 милл.) должны были быть предоставлены публикѣ, а ⅓ удерживалъ за собою король. Съ другой стороны, на него возлагалось обязательство авансировать на срокъ не болѣе 1 года суммы по приказамъ короля и за счетъ его доходовъ. Въ этой второй роли касса должна была быть просто банкиромъ короля. Самое наименованіе кассы „банкомъ“ было отвергнуто въ виду крайней непопулярности этого термина во Франціи въ связи съ давно ликвидированной, но хорошо запомнившейся системой Джона Ло. Однако, въ этой формѣ Учетная Касса не была реализована и не приступила къ дѣятельности, а ея бумажное существованіе было закончено черезъ 2 года послѣ ея основанія.

Но, очевидно, потребность въ такомъ учрежденіи существовала и въ 1776 г., въ бытность министромъ финансовъ Тюрго, учетная касса учреждается вторично на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, въ общемъ, сходныхъ съ конституціей Англійскаго Банка²⁾. Послѣ переговоровъ Тюрго съ двумя частными предпринимателями (швейцарцемъ Паншаромъ и шотландцемъ Клуаромъ) роль ея ограничивается только первой чисто-коммерческой функціей. Кассѣ, подъ фирмой „*Besnard et. Cie*“, предоставляется право эмиссии размѣнныхъ билетовъ на предъявителя и по предъявленіи (*au porteur et a vue*): въ 1000, 600, 300, 200 ливровъ. Операціи ея ограничиваются учетомъ, торговлей золотомъ и серебромъ, а также производствомъ выплатъ и получекъ по желанію частныхъ лицъ и безъ всякаго за то комиссіоннаго вознагражденія (депозитъ и инкассо).

2. Но въ 1783 г., эти размѣнные билеты учетной кассы превращаются въ неразмѣнные, впервые послѣ долгаго промежутка времени (съ 1726 г.), создавая во Франціи бумажно-денежное обращеніе. Правда само по себѣ оно не было значительнымъ ни по суммѣ обращающихся бумажекъ, ни по продолжительности ихъ функционирования въ качествѣ бумажныхъ денегъ, но оно служитъ прообразомъ и предвозвѣстіемъ событій неизмѣримо болѣе широкаго захвата, послѣдовавшихъ за ними спустя нѣкоторое время.

Генеральный контролеръ финансовъ д'Ормессонъ, не имѣя наличности для оплаты государственныхъ расходовъ, не находить ничего лучшаго, какъ устроить заемъ у учетной кассы. Онъ присылаетъ требованіе на 6 милл. ливровъ, которые, послѣ переговоровъ, предоставляются ему на слѣдующихъ условіяхъ. Для того, чтобы не терять процента, учетная касса, съ одной стороны, увеличиваетъ на эту сумму свое билетное обращеніе, а съ другой, сохраняетъ всю эту операцію втайнѣ. Однако, тайна эта раскрывается и разглашается, возникаетъ паника среди кліентовъ кассы, которые бросаются съ требованіями размѣна находящихся у нихъ на рукахъ билетовъ и возвращенія имъ ихъ денегъ. Металлическій фондъ быстро истощается, падая до 138 тысячъ ливровъ.

27 сентября 1783 г. издается декретъ, по которому прекращается размѣнъ билетовъ учетной кассы на наличность и предписывается вмѣсто этого размѣнивать ихъ на коммерческія обязательства съ вознагражденіемъ поучетному %-ту за количество дней, остающихся до ихъ оплаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ билеты учетной кассы приобрѣтаютъ *принудительный курсъ* и ихъ оплата наличностью откладывается до 1 января слѣдующаго 1784 г.

Съ уходомъ д'Ормессона и замѣной его Калонномъ, положеніе кассы улучшается. Сознвая солидность учрежденія, онъ распоряжается возвратитъ ему взятые 6 милл., такъ что размѣнъ восстанавливается уже 23 ноября, т.-е. за 5 недѣль до срока.

Въ итогѣ принудительный курсъ и прекращеніе размѣна билетовъ продолжаютъ менѣе 2-хъ мѣсяцевъ, при чемъ это отчасти компенсируется размѣномъ на коммерческія обязательства. И, если въ моментъ пріосановки размѣна кассовая наличность не превышала $\frac{2}{7}$ суммы билетнаго обращенія (не включая сюда текущихъ счетовъ), — то, вѣдь, и все билетное обращеніе 1783 года составляло 21 милл., и, значитъ, не могло имѣть большого значенія для хозяйственной жизни Франціи.

Этимъ объясняется тотъ фактъ, что съ восстановленіемъ размѣна очень быстро восстанавливается подорванный было кредитъ учетной массы *). Она снова завоевываетъ довѣріе публики и функционируетъ успѣшно развивая свои операціи.

*) Во время этой исторіи у парижанъ вошли въ моду особыя шляпы „Chapeau a la Caisse d'Escompte“ не имѣвшія *дна*. Названіе это мотивировалось тѣмъ, что какъ у учетной кассы, такъ и у шляпъ отсутствовать „fond“

Тѣмъ не менѣе принимаются нѣкоторыя мѣры для приданія ей большей солидности. Не говоря о небольшомъ увеличеніи капитала (до первоначальной цифры въ 15 милл.), запрещается учетъ обязательству снабженныхъ менѣе, чѣмъ 3-мя подписями, или, до оплаты которыхъ осталось болѣе 90 дней, образуется резервъ особаго рода и т. д. Но самымъ важнымъ является установленіе правила, согласно которому наличный металлическій фондъ долженъ составлять не меньше одной трети или одной четверти суммы билетнаго обращенія и текущихъ счетовъ (въ зависимости отъ величины этой суммы).

3. Въ этихъ условіяхъ протекають слѣдующіе 4 года, вплоть до 1788 года, когда опытъ 1783года приходится повторить, но въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ. За это время операціи кассы существенно расширяются. Билетное обращеніе достигаетъ 100 милл., а ежегодный учетъ 400 милл. ливровъ; все это при относительно небольшомъ капиталѣ въ 15 милл. ливровъ.

Дѣло начинается съ того, что Калоннъ, имѣя цѣлью использовать для государства кредитъ учетной кассы, проводитъ проектъ значительнаго увеличенія соціальнаго капитала ея и расширенія круга кліентеллы. Капиталь увеличивается съ 15 милл. до 100 путемъ выпуска новыхъ 25.000 акцій, которыя частью предоставляются старымъ акціонерамъ со скидкой съ номинала, частью по подпискѣ публикѣ по цѣнѣ выше номинала.

Изъ полученныхъ, такимъ образомъ, новыхъ суммъ, 10 милл. идутъ на увеличеніе оборотнаго капитала, 70 же милл. предоставляются государству по титулу займа изъ 5%, погашаемаго по частямъ каждые 6 мѣс. начиная съ 1787 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется кругъ учитываемыхъ обязательствъ, нѣсколько повышается дисконтный % и, главное, впервые, теперь кассѣ предоставляется исключительная привилегія эмиссіи кредитныхъ билетовъ на 30 лѣтъ.

Въ теченіе года, вслѣдъ за этимъ преобразованиемъ, касса пережила какъ успѣхи, такъ и неудачи *), но, во всякомъ случаѣ, функционировала весьма активно и продолжала бы функционировать ⁵⁾ если бы не новое привлеченіе ея къ оплатѣ государственныхъ долговъ, которое завершило циклъ ея самостоятельнаго развитія и положило основаніе той бумажно-денежной валютѣ, которая (при всемъ разнообразіи ея послѣдовательныхъ юридическихъ формъ), прочно воцарилась во Франціи почти на цѣлое 10-лѣтіе.

*) Къ первымъ нужно отнести, напр., повышение курса новыхъ акцій съ 4.000 ливровъ номинальныхъ до 12.440 ливровъ. Ко вторымъ — внезапную и безпричинную панику среди кліентовъ кассы, разразившуюся вскорѣ вслѣдъ за выдачей казнѣ условленныхъ 70 милл. (что было совершено 18 июня 1787 г); ее удалось преодолѣть лишь благодаря временному возвращенію кизной этой суммы кассѣ, чего администрація кассы добилась у Ломени-де-Бриенна взамѣнъ приготовлявшагося послѣднимъ новаго указа пріосановкѣ размѣна.

16 августа 1788 г. *Ломени де-Бриенн* издалъ декретъ, коимъ уполномачивалъ учетную кассу (начиная съ 1 сентября) оплачивать кредиторовъ финансовой администраціи частью въ металлической наличности, частью въ особыхъ 5% билетахъ государственнаго казначейства *). Схема соотношеній между наличностью и билетами при этихъ билетахъ была довольно сложная и измѣнялась въ зависимости отъ характера платежей (для главной массы ихъ $\frac{3}{5}$ суммы должны были выплачиваться въ металлъ, а $\frac{2}{5}$ въ билетахъ).

Двумя днями позже, 18 августа, новый декретъ. вмѣсто взносовъ казны, причитавшихся учетной кассѣ, за неимѣніемъ средствъ для этого и для предупрежденія краха кассы, приостановилъ обязательный размѣнъ ея билетовъ на наличность и на этотъ разъ ужъ окончательно.

Здѣсь снова былъ примѣненъ палліативъ 1783 года — размѣнъ на векселя и другія обязательства, имѣвшіяся въ портфель банка, за вычетомъ дисконта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, судамъ было предписано не разсматривать жалобъ въ связи съ вопросомъ о размѣнѣ на наличность вплоть до января 1789 г.

Такимъ образомъ, билеты учетной кассы получили *принудительное обращеніе* и должны были приниматься всѣми частными и публичными кассами вмѣсто денегъ.

Территориально, однако, — и это очень важно отмѣтить, — это принудительное обращеніе ограничивалось только городомъ Парижемъ. Здѣсь, вѣроятно, имѣлось въ виду сравнительно небольшое количество этихъ билетовъ и вѣроятная концентрація всей ихъ массы въ столицѣ **)

4. Первый изъ этихъ декретовъ о разбавкѣ всѣхъ платежей значительными суммами казначейскихъ билетовъ не былъ реализованъ, ибо волненія, вызванный имъ, повели къ удаленію *Бриенна* уже черезъ 10 дней послѣ его изданія, а занявшій его мѣсто, вторично призванный къ власти Неккеръ, вскорѣ отмѣнилъ его.

Второй же декретъ 18 августа не былъ, да и не могъ быть отмѣненъ *Неккеромъ*, ибо первое съ чего онъ началъ свой второй министерскій стажъ, было требованіе новаго секретнаго займа у учетной кассы въ 15 милл. ливровъ, требованіе, систематически повторявшееся въ послѣдующіе мѣсяцы. Учетная касса выдавала эти суммы сначала наличностью, но вскорѣ, за исчерпаніемъ таковой, стала выдавать ихъ

*) Последніе, однако, были обязательны къ приему лишь для кредиторовъ государства, но отнюдь не были снабжены принудительнымъ курсомъ и лишь впоследствии должны были приниматься въ счетъ подписки на новый проектируемый государственный заемъ, представляя собою, такимъ образомъ, способъ предварительнаго разрушенія его.

**) Срокомъ этого принудительнаго обращенія было назначено сначала 1 января 1789 г., но 2 послѣдующіе декрета продолжили его до конца 1789 г.

въ собственныхъ билетахъ. При этомъ, всѣ займы оставались *секретными*, за исключеніемъ одного въ 25 милл., произведеннаго по декрету 17 января 1789 г. Таковы займы въ апрѣлѣ 1789 г. въ 10 милл., въ маѣ и сентябрѣ по 12 милл., затѣмъ каждый мѣсяць по 6 милл. Печатный станокъ „Учетной Кассы“ становится, такимъ образомъ, нормальнымъ источникомъ подкрѣпленія государственныхъ финансовъ, положеніе которыхъ, какъ мы уже знаемъ, было крайне плачевно.

Съ лѣта 1789 г. государство производитъ почти всѣ свои платежи только въ билетахъ учетной кассы. Нѣсколько позже, снабженные принудительнымъ курсомъ только для Парижа, они проникаютъ и въ провинціи, становясь тамъ орудіемъ обращенія путемъ судебной санкціи ⁶⁾ и вытѣсняя металлъ *), такъ что въ августѣ 1789 г. на серебряныя деньги уже устанавливается лажъ въ 2%.

По даннымъ Левассера ⁷⁾ за золотой ливдоръ въ 24 ливра платили въ билетахъ учетной кассы: въ августѣ 1789 г. — 24 ливра 7 су, въ декабрѣ — 25 л. 1 су и въ мартѣ 1790 г. — 25 л. 5 су.

Правда, администрація учетной кассы не всегда легко соглашалась на предоставленіе своихъ средствъ казнѣ, а дѣйствовала скорѣе по необходимости. Такъ, когда въ маѣ 1789 г. Неккеръ снова потребовалъ 12 милл., не опредѣляя при этомъ срока погашенія, администрація всячески противилась этому, указывая на противорѣчіе такихъ операцій ея статутамъ, на то, что послѣдніе требуютъ нормы покрытія эмиссій наличностью въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$, тогда какъ уже теперь билетное обращеніе достигало 119.200.000 ливровъ при металлической наличности лишь на 29.500.000 ливровъ.

Приходилось прибѣгать къ собственноручнымъ письмамъ Людовика XVI, въ качествѣ гарантіи законности и солидности такихъ операцій ⁸⁾. Но все это лишь детали на фонѣ послѣдовательныхъ займовъ, возведенныхъ вторымъ министерствомъ Неккера въ систему.

Очевидно, такое состояніе долго продолжаться не могло. Съ одной стороны, все ухудшающееся положеніе казны, рѣзко осложнившееся въ 1789 г. огромнымъ процентомъ непоступленія налоговъ, побуж-

*) Жалобы на недостатокъ монеты, характеризуютъ весь 1789 г. и особенно 3-ю половину его, когда они неоднократно обсуждаются въ парламентѣ. При этомъ, Мирабо аргументируетъ бесполезность новыхъ чекановъ тѣмъ, что „нѣтъ такого слитка серебра, который, будучи принесенъ на Монетный дворъ, вскорѣ не оказался бы обращающимся въ Лондонѣ“. Этотъ недостатокъ денегъ объясняется, конечно, не только принудительнымъ курсомъ билетовъ Учетной Кассы, но и отчасти тревожностью общеполитическаго положенія, отчасти неблагоприятнымъ торговымъ балансомъ; однако, нельзя не отмѣтить, что при общей суммѣ денежнаго обращенія во Франціи того времени въ 2 съ лишнимъ миллиарда, сумма билетнаго обращенія даже въ 120 милл. давала себя чувствовать, главными образомъ, въ Парижѣ, ибо основная масса ихъ циркулировала только здѣсь. Характерно, что и недостатокъ монеты былъ болѣе всего ощутителенъ въ Парижѣ, чему способствовала наличность билетовъ лишь крупныхъ купюръ (наименьшая купюра — 200 ливровъ).

ждало все чаще к все в большемъ масштабѣ прибѣгать къ столь ненормальнымъ мѣрамъ, какъ тайные займы у учетной кассы.

Съ другой стороны для того, чтобы продолжать ихъ, нужно было ихъ упорядочить и легитимировать, а для этого, въ свою очередь, приходилось реорганизовать самую учетную кассу и создать такъ или иначе какое-либо обезпеченіе для все увеличивающейся массы ея , бумажекъ.

Отчетливо сознавая неизбежность этихъ мѣропріятій, Неккеръ садится за выработку плана преобразованія учетной кассы въ *національный эмиссионный банкъ*. Онъ хорошо знаетъ опасности бумажнаго обращенія, но либо надѣется какъ-нибудь избѣжать или, по крайней мѣрѣ, ослабить его вредное дѣйствіе, либо, что, наиболее вѣроятно, просто оказывается безсильнымъ передъ лицомъ неизбежнаго и сознательно вступаетъ на этотъ путь, какъ единственный остающійся въ его распоряженіи.

Это и есть тотъ *третій финансовый планъ*, съ которымъ онъ вступаетъ 14 ноября 1789 г. передъ Національнымъ Собраніемъ, послѣ того, какъ проведенные имъ первые два плана — планы займовъ и патриотическаго обложенія — оказываются на практикѣ неудачными.

Но, если до сихъ поръ Національное Собраніе было занято по преимуществу обще-политическими вопросами, откладывая принципиальное обсужденіе финансовой программы на будущее время и довольствуясь въ этой области тѣми палліативами, которые ему предлагались, — то теперь оно противопоставляетъ Неккеру свою основную идею „финансоваго возрожденія“, которая приводила къ совершенно иному пути, чѣмъ тотъ, который предлагало ей финансовое управленіе.

Непосредственная реализація этой идеи представляла, однако, неодолимая практическія затрудненія, такъ что Національное Собраніе принуждено было ограничиться провизорно лишь частичнымъ осуществленіемъ ея путемъ введенія ея въ планъ финансоваго управленія и соотвѣтственнаго измѣненія содержанія послѣдняго.

Этотъ моментъ скрещенія двухъ самостоятельныхъ финансовыхъ проектовъ, объединившихся въ одно цѣлое, внутренне хотъ и мало гармоничное, но практически вылившееся въ единый замкнутый въ себѣ институтъ, — былъ моментомъ рожденія французскихъ „*ассигна- товъ*“.

Но что же это былъ за кругъ идей, руководившихъ Національнымъ Собраніемъ и легшихъ въ основу, въ принципъ, по крайней мѣрѣ, его бумажно-денежной системы?

III Національныя земельныя имущества какъ фондъ обезпеченія ассигнаговъ.

1. Какъ извѣстно, депутаты Генеральныхъ Штатовъ, преобразованныхъ позже въ Учредительное Собраніе, явились въ Парижъ съ готовыми планами реформъ, связывавшими ихъ крѣпче всякой партийно - организаціонной дисциплины. Планы эти были изложены въ избирательныхъ *наказахъ*, вручавшихся депутатамъ, каждого сословія въ каждомъ отдѣльномъ округѣ и были разработаны въ большинствѣ случаевъ въ широкомъ захватѣ всѣхъ сторонъ государственной жизни того времени. Они же и предопредѣлили собою кругъ идей Учредительнаго Собранія и въ значительной мѣрѣ программу его дѣятельности.

Что касается финансовой стороны программы избирательныхъ наказовъ, то столь болѣзненный элементъ стараго порядка останавливалъ на себѣ особое вниманіе избирателей. Подробно обсуждалась дѣйствующая финансовая система, какъ въ смыслѣ реорганизаціи принциповъ и методовъ обложенія для будущаго, такъ и въ смыслѣ ликвидаціи того наслѣдія ея прошлаго, которое оставило для настоящаго чувствительный балластъ почти 4½ миллиардной задолженности. Изслѣдованіе этой второй части финансовой программы наказовъ показываетъ, что вопросъ о погашеніи долга, — о которомъ знали, что онъ огроменъ, хотя точная цифра его не была извѣстна, — разсматривался во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ, въ результатъ чего было предложено три рѣшенія его ⁹⁾: это, *во-первыхъ*, учрежденіе особой кассы для погашенія долга; *во-вторыхъ*, отчужденіе королевскихъ доменовъ, и, *въ-третьихъ*, отчужденіе церковныхъ доменовъ или, во всякомъ случаѣ, изытаніе доходовъ съ нихъ изъ рукъ духовенства.

Какъ мы видимъ, первое средство финансоваго исцѣленія касается лишь финансовой техники — организаціи распределенія наличныхъ доходовъ, — и не указываетъ принципиально новаго источника погашенія долга. Такъ понимало его и большинство тѣхъ 44 наказовъ (21 — дворянство, 13 — третьяго сословія и 10 — духовенства), которые его

рекомендовали, и потому это большинство соединяло его съ вторымъ средствомъ — отчужденіемъ всѣхъ королевскихъ имуществъ (за исключеніемъ лѣсовъ).

Если принять во вниманіе, что второе и третье средство по идеѣ тождественны и что различіе принадлежности отчуждаемыхъ земельныхъ имуществъ моментъ второстепенный, то можно утверждать, что *единственное реальное средство погашенія* огромнаго и тяжеловѣснаго долга, накопленнаго старымъ порядкомъ, *Франція видѣла въ распродажѣ земельного фонда, находившагося до сихъ поръ внѣ сферы частнаго владѣнія* *).

Съ этимъ радикальнымъ рѣшеніемъ, предписаннымъ часто, въ весьма рѣзко сформулированныхъ и детально-обоснованныхъ тезисахъ, явились депутаты въ Парижъ и, когда наступилъ моментъ детального обсуждения финансоваго положенія страны для принятія мѣръ по покрытію все увеличивавшагося дефицита, — оно было выдвинуто на первый планъ.

По сравненію съ церковными землями королевскіе домены (которые въ принципѣ уже принадлежали государству съ тѣхъ поръ, какъ были произнесены слова „цивильный листъ“) были сравнительно невелики. Церковныя же охватывали передъ революціей въ сѣверныхъ провинціяхъ до ½ всей территоріи, а въ остальныхъ — около ¼, составляя въ общемъ до ⅓ всѣхъ земельныхъ владѣній Франціи.

При наличности имуществъ такой огромной цѣнности, финансовое положеніе казалось еще поправимымъ и, быть можетъ, соображеніе объ использованіи ихъ въ той или иной формѣ мотивировало въ значительной степени ту твердость и увѣренность въ себѣ, которая характеризовала первыхъ финансовыхъ декларатіи Національнаго Собранія. Собраніе не только приняло на себя отвѣтственность за весь государственный долгъ, но и рѣшительно отвергло мысль о возможности банкротства, какъ средства, ликвидаціи его тяжкаго бремени.

17 іюня 1789 года, въ тотъ же день, когда третье сословіе провозгласило себя Учредительнымъ Собраніемъ, оно вотировало принципъ въ силу котораго всѣ кредиторы государства объявлялись находящимися „подъ защитой чести и вѣрности французской націи“.

18 іюня того же года, напомнивъ о принятомъ уже на себя обязательствѣ, Учредительное Собраніе объявило, что „никакая власть не имѣетъ права произносить безчестное слово банкротство, никакая власть не можетъ оказаться несостоятельной передъ общественнымъ

*) За отчужденіе королевскихъ доменовъ высказались 115 наказовъ (63 — третьяго сословія, 44 — дворянства, и 8 — духовенства); за изытіе доходовъ съ церковныхъ доменовъ изъ рукъ духовенства и обращеніе ихъ на различныя общепользныя цѣли — 114 (35 — дворянства и 79 — третьяго сословія); наконецъ за полную конфискацію церковныхъ имуществъ — 39 (32 — третьяго сословія и 7 — дворянства).

закономъ подъ какимъ бы наименованіемъ длі въ какой бы формѣ эта несостоятельность ни осуществлялась“.

2. вмѣстѣ съ тѣмъ Ваціональное Собраніе отлично понимало необходимость радикальной реформы финансовой системы. Избранный имъ Финансовый Комитетъ, въ лицѣ его докладчика Собранію аббата Монтескю, прямо заявилъ: „Дѣло идетъ теперь не о комбинаціи мелкихъ ресурсовъ фиска и ажіотажа. Эти таланты, издавна столь рекомендованные и расхваленные, не будутъ имѣть успѣха среди насъ. Намъ нуженъ теперь *всеобъемлющій планъ, планъ финансоваго возрожденія*“

Такимъ средствомъ финансоваго возрожденія и основой государственнаго благополучія стала вскорѣ въ глазахъ Учредительнаго Собранія распродажа націонализированныхъ земельныхъ имуществъ.

Съ отмѣной всѣхъ сословныхъ привилегій, права духовенства на церковныя земли, подвергавшіяся сомнѣнію чисто теоретически еще при монархіи, стали совершенно призрачными *).

Уже 8-го августа 1789 г., при вотированіи перваго займа въ 30 милл., депутатъ *Лакостъ* развилъ мысль о томъ, что пришло время возратить націи церковныя имущества, которыя были ею переданы въ пользованіе духовенству для выполненія имъ общественно-полезныхъ функцій. Нынѣ вужно ихъ использовать для того, чтобы обезпечить производимый заемъ и покрыть долги, а остатокъ отъ ихъ доходовъ будетъ вполне достаточенъ для того, чтобы оплатить содержаніе духовенства. Онъ нашель поддержку въ лицѣ маркиза *де-Ламэта*.

Противопоставляя права каждаго отдѣльнаго гражданина существующія независимо отъ общества — правамъ общественной организаціи („*corps politique*“), которыя существуютъ только для общества и только въ силу его полномочій, де-Ламэтъ потребоваль *передачи кредиторами государства церковныхъ земель въ обезпеченіе предоставляемыхъ имъ кредитовъ*.

Это требованіе вызвало рядъ протестовъ и рѣшеніе было отложено, но не надолго **).

Съ начала октября вопросъ былъ снова поставленъ на очередь, при чемъ разсмотрѣнію его было посвящено пять засѣданій (начиная

*) „Вы хотѣли уничтожить сословія, — аргументироваль позже въ Учредительномъ Собраніи Ле-Шапелье, — потому что ихъ уничтоженіе необходимо для блага государства. Но если духовенство сохранить свои земли, то это сословіе не будетъ упразднено. Вы оставляете ему возможность объединенія. Вы освящаете его независимость“

**) Обсуждался этотъ вопросъ и въ литературѣ, преимущественно въ анонимныхъ брошюрахъ. Въ началѣ сентября нѣкій аббатъ *Десодоаръ* опубликоваль брошюру ааглавіе которой формулировало лозунгъ времени: „Размышленія о средствахъ возстановленія финансовъ путемъ продажи церковныхъ имуществъ на два миллиарда ливровъ¹⁰⁾“

сь 5-го октября). Послѣ длиннаго ряда ораторовъ, высказывавшихся за конфискацію церковныхъ земель (епископъ Отюнскій-Талейранъ, Мирабо, Барнавъ, Гара, Петіонъ, Ла-Рошефуко и др.) и противъ нея (Мори, Камюсъ, Сійесъ, архіепископъ Эсскій, Казелесъ и др.), всѣ церковныя имущества были объявлены „находящимися въ распоряженіи націи“, большинствомъ 568 голосовъ противъ 346, при 40 воздержавшихся. Слово „конфискація“ было, по предложенію Мирабо, изъ декрета устраниено.

Огромное соціальное значеніе этого декрета 2-го ноября 1789 года обычно комментируется въ томъ смыслѣ, что этимъ актомъ подавлялась территоріальная мощь церкви, восходившая къ феодализму, и дѣлался рѣшительный шагъ къ насажденію обширнаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, заинтересованныхъ въ поддержкѣ революціи¹¹⁾

Но истинная соціальная роль этого акта, во всей ея полнотѣ раскроется лишь въ томъ случаѣ, если мы сопоставимъ эту конфискацію земель съ ея *экономическимъ предназначеніемъ*. Такимъ экономическимъ предназначеніемъ новой государственной собственности было погашеніе долговъ старой королевской Франціи, *удовлетвореніе ея кредиторовъ*. Цѣнность земель переходила изъ рукъ земельной аристократіи въ руки владѣльцевъ денежныхъ капиталовъ, ссудившихъ ихъ государству.

Въ этомъ переходѣ какъ въ фокусѣ отражается вся соціально-историческая роль французской революціи. Когда передъ Учредительнымъ Собраніемъ, первымъ представительнымъ органомъ грядущаго вѣка буржуазіи сталъ вопросъ о необходимости пожертвовать чѣмъ-либо имуществомъ, то оно легко согласилось на пожертвованіе прошлымъ въ угоду грядущему. Буржуазія тѣмъ легче санкціонировала конфискацію земель, что сама ими не владѣла. Но тѣмъ рѣшительнѣе отвергала она мысль о какой-либо недоплатѣ кредиторамъ государства, т.-е. ей самой. Въ этихъ предѣлахъ и велась борьба по вопросу о земляхъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ Учредительнаго Собранія.

Защитниками старыхъ земельныхъ отношеній выступали не только представители церковныхъ верховъ, непосредственно заинтересованные въ сохраненіи имущественной опоры власти духовенства, но и представители помѣстнаго дворянства, видѣвшіе въ предложенномъ мѣропріятіи первую атаку на крупную земельную собственность вообще. Представителями лѣваго крыла выступали защитники грядущаго могущества буржуазіи, для которой невозможность погашенія государственнаго долга, означала, больше чѣмъ для кого-либо, огромный имущественный ущербъ.

Но если таково было въ принципѣ *соціальное значеніе* того экономического перелома, какимъ оказывалась передача огромной массы

имущественныхъ цѣнностей изъ рукъ одного класса въ руки другого, — то *финансовое использование* его представляло большія трудности

Какимъ образомъ превратить этотъ громоздкій балластъ земель въ наличныя средства, въ размѣнную монету для удовлетворенія ею многихъ тысячъ кредиторовъ государства и для покрытія ею повседневныхъ насущнѣйшихъ нуждъ?

Массовая продажа такого огромнаго количества земель неизбежно повлечетъ за собой обезцѣненіе ихъ и спекуляція „на пониженіе“ въ атмосферѣ политической неустойчивости и возможной реакціи сыграетъ большую, крайне вредную роль.

Вотъ здѣсь то и складывается *идея о детализаціи земельного фонда, какъ формъ реальной оплаты долговъ*. А бумажно-цѣнное воплощеніе этой детализаціи превращается въ ассигнаты Великой Революціи¹²⁾.

Она была выдвинута в докладах и мемуарах *) в периодической печати и брошюрной литературе **) и вскоре достигла парламента. 17 сентября 1789 г. началось обсуждение доклада комитета финансов, избранного Национальным Собранием. Доклад касался вопроса об уплате податей и обсуждение его продлилось 4 заседания.

При этом, два депутата, маркиз д'Арси и барон Кюстин предложили под различными наименованиями, *выпуск бумажных денег* ²⁾ в качестве меры предварительной реализации доходов разного рода, которые должны были поступить в будущем.

Первый из них, маркиз д'Арси, рисуя крайне мрачными чертами современное финансовое положение, указывал на то, что заем, выданный Собранием, не имел успеха, что иностранные центры, вообще, отказываются ссужать что-либо Франции, что монета отовсюду исчезла и что банкротство неизбежно, так как уже в конце месяца нечем будет платить войскам и рентьерам. В качестве чрезвычайных мер он предложил либо установить чрезвычайное патриотическое обложение („taxe patriotique et extraordinaire“) под названием „добровольного даяния“ в размере $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{75}$ или даже $\frac{1}{50}$ состояния всех граждан, либо предписать сдавать всю серебряную посуду населения в монетный двор для перепечки ее в монету.

Провизорно же, до проведения и завершения этих мер и за счет их, он предлагает выпустить на 400 мил. ливров „национальные мандаты“ обеспеченные активом особо учреждаемой кассы патриотического обложения („caisse du don gratuit“). Доход от последнего он исчисляет не менее чем в 500 мил., доход же от перепечки серебряной посуды в 400 милл.; этим и обеспечивается реальная ценность и будущий размер „национальных мандатов“.

Аналогичный план, развивает и барон Кюстин. И здесь фигурирует чрезвычайный налог в размере 1% ценности всех движимых и недвижимых имуществ и учреждение Национальной

IV. Возникновение ассигнатов.

1. Собственно идея государственных бумажных денег и как принцип и как практическое мероприятие для решения финансовых затруднений уже издавна носилась в воздухе.

Призраком Джона Ло и его „системы“ были памятны для Франции несмотря на то, что с тех пор прошло много времени.

Уже избирательная кампания отразила эту боязнь повторения казавшего бы давно забытого опыта.

Целых 10 наказов (2 — дворянства, 1 — духовенства, 7 — третьего сословия) сочли необходимым напомнить, что создание бумажных денег недопустимо ни в какой форме, а 6 других (5 — дворянства, и 1 от третьего сословия) позаботились об обеспечении страны от этого зла в иной форме, указав на недопустимость эмиссий вне санкции Генеральных Штатов ¹⁾.

Более близкий пример бумажного обращения, хоть и не государственного, а частного, и притом смягченного размером если не на металл, то все же на реальную ценность — коммерческие векселя, являясь 2-х месячный принудительный курс билетов учетной кассы в 1783 г.

Накануне революции с августа 1788 г. это принудительное обращение было восстановлено, хотя крупная величина купюры еще не придавала им характера денег, а сравнительно небольшое распространение делало пока опасности не столь значительными.

Тем временем положение становилось все более критическим, нужно было найти из него выход, хороший или плохой, и идея бумажной эмиссии, правда, с различного рода оговорками, имевшими целью то или иное обеспечение ее, стала, так сказать, более привычной для общественного мнения Франции, будучи поставлена на очередь силой вещей.

*) Многочисленные мемуары частных лиц, проектировавших выпускать бумажных денег были представлены Неккеру в течение лета 1789 г. Они сводились к 2-м основным вариантам: а) выпуск „национальных билетов“ от лица самого государства на сумму в 500—600—1.000 милл. ливров, б) основание национального эмиссионного банка с присвоением принудительного курса, его билетам, которые будут циркулировать во всем государстве. Последний план и был принят Неккером и доложен им Национальному Собранию 14 ноября 1789 г., как проект реорганизации учетной кассы. Об этом ниже.

**) Таковы, напр., предложения Гара, затмевший аноним, озаглавленный „Письмо к одному из господ депутатов по вопросу о бумажных деньгах“ (22 сентября 1789 г.), и констатирующий, что „о проектах бумажных денег говорят больше, чем когда-либо“.

кассы для сбора этого налога, при чемъ ей предоставляется право миссии билетовъ съ принудительнымъ, курсомъ, которыми она погашаетъ всѣ платежи государства.

Однако, оба эти предложенія отвергаются н 1-го октября депутатъ *Ансонъ* вносить въ палату предложеніе вотировать недопустимость выпуска въ обращеніе никакихъ бумажныхъ, знаковъ, безъ спеціальнаго декрета Собранія.

Мирабо, выступившій вслѣдъ за нимъ, указываетъ, что бумажныя деньги называютъ не займомъ и не налогомъ, а кражей или „займомъ съ саблей на голо“. Въ слѣдующихъ словахъ, однако, онъ предвосхищаетъ идею будущихъ ассигнатовъ: „я знаю, — говоритъ онъ, — что, находясь въ критическомъ положеніи, нація можетъ быть принуждена прибѣгнуть къ Государственнымъ билетамъ (нужно изгнать изъ языка, это позорное слово „бумажныя деньги“!), и что она это можетъ сдѣлать безъ большихъ осложнений, если эти билеты будутъ обезпечены земельной ипотекой, если владѣльцамъ ихъ будетъ предоставлена полная свобода распоряженія ими и если ихъ размѣнъ очевиденъ и несомнѣненъ въ опредѣленный срокъ“³⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ *Мирабо* формулируетъ не только основную идею грядущихъ ассигнатовъ, но и даетъ схему ихъ теоретическаго оправданія въ отличіе отъ обычныхъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ.

2. Такимъ, образомъ, когда 14 ноября 1789 г. *Неккеръ* выступилъ передъ Національнымъ Собраніемъ со своимъ пканомъ реорганизаціи учетной кассы въ Національный Эмиссионный Банкъ, съ относительно скромнымъ по объему правомъ выпуска билетовъ, то эта послѣдняя идея уже не была новой для Собранія. Однако, принявъ предложенный принципъ бумажно-денежной эмиссии, Собраніе обосновало его на нѣсколько иномъ фундаментѣ и реализовало въ иныхъ формахъ, чѣмъ это предлагалъ *Неккеръ*.

Планъ *Неккера*⁴⁾ состоялъ въ слѣдующемъ. Констатируя крайнюю необходимость найти способъ немедленнаго полученія 170 милл. ливровъ среди общей тревоги и недовѣрія, дѣлающаго невозможнымъ какой бы то ни было заемъ, онъ прямо говоритъ, что единственное возможное средство состоитъ въ выпускѣ бумажныхъ денегъ. При этомъ *Неккеръ* считаетъ, однако, необходимымъ воспользоваться имъ въ самомъ ограниченномъ масштабѣ, какъ въ отношеніи суммы эмиссии, такъ и въ отношеніи продолжительности циркуляціи бумажекъ. Необходимо, далѣе, обставить выпускъ формальными условіями, наиболѣе привычными для публики и возбуждающими ея довѣріе. Самая эмиссия поручается Національному Банку (учрежденію, снабжаемому привилегіей на опредѣленный срокъ), который образуется путемъ увеличенія капитала и расширенія функций нынѣшней Учетной Кассы. Величина его билетнаго обращенія опредѣляется въ 240 милл., ко-

торые гарантируются французской націей. Технически это выражается въ оклейкѣ билетовъ особыми марками съ символическимъ изображеніемъ и словами: „Національная гарантія“. Принудительный курсъ декретированный для билетовъ учетной кассы 18-го августа 1789 г. сохраняется и впредь для новой эмиссии. Банкъ будетъ находиться подъ надзоромъ государства, въ лицѣ комиссаровъ, избираемыхъ Національнымъ Собраніемъ.

Процессъ преобразованія Учетной Кассы рисуется такими чертами. Ея капиталъ увеличивается въ 1½ раза, со 100 милл. до 150 милл. Къ выданнымъ правительству уже раньше по титулу процентнаго займа 70 милліонамъ банкъ прибавляетъ еще 170 милл., необходимыхъ ему теперь въ своихъ билетахъ, что въ совокупности составляетъ какъ разъ 240 милл., т.-е. всю сумму билетнаго обращенія, гарантированнаго націей^{*)}.

На дѣлѣ, за послѣдній годъ, Учетная Касса уже представила государству, въ порядкѣ нелегальныхъ выдачъ, 90 милліоновъ, такъ что теперь ей придется дать только остающуюся сумму (80 милл.).

Пожеланіе о возможномъ ограниченіи срока циркуляціи новыхъ билетовъ осуществляется путемъ созданія спеціальной, такъ наз. „экстраординарной“ кассы (въ лицѣ „Caissier d'extraordinaire“), совершенно отдѣленной отъ общей (ординарной) кассы казначейства. Въ приходъ ея обращаются всѣ фонды, получаемые какъ отъ патристическаго обложенія, такъ и отъ возможной продажи королевскихъ или церковныхъ доменовъ.

Три основныя черты этого проекта — а) выпускъ бумажныхъ цѣнностей, б) погашеніе ихъ изъ спеціальныхъ чрезвычайныхъ источниковъ и в) институціональное выдѣленіе доходовъ отъ послѣднихъ изъ общихъ суммъ казначейства въ особую „экстраординарную кассу“ со спеціальнымъ заданіемъ погашенія выпущенныхъ бумажекъ и обезпеченія ихъ тѣмъ передъ лицомъ гражданскаго оборота, — были приняты Національнымъ Собраніемъ и легли въ основу родившихся вскорѣ ассигнатовъ.

Но онѣ не представляли собою финальнаго продукта творчества *Неккера*; напротивъ, какъ явствуетъ уже предыдущее изложеніе, были подсказаны ему извнѣ (въ частности, двѣ послѣднія идеи — проектами маркиза д'Арси и графа Кюстина).

Три другія черты проекта *Неккера* (какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера), именно:

а) институціональное выдѣленіе производимой эмиссии изъ об-

*) Такимъ образомъ операціонный капиталъ банка составитъ изъ остающихся 80 милліоновъ. Проценты за старый 70 милліонный долгъ 1787 г. понижаются съ 5 до 4%; новыя же 170 милл. оплачиваются лишь 3%. Техника размѣщенія новыхъ акцій сводится предоставленію владѣльцу каждой старой акціи ½ новой акціи пониженной расцѣнкѣ (вместо 2000 л. — за 1600 л.).

щаго финансового управления съ представлениемъ ея частному, хотя и привилегированному Банку;

- б) нѣкоторая неопредѣленность сроковъ и источниковъ погашенія и, значитъ, средствъ обезпеченія реальной цѣнности ихъ;
- в) относительная незначительность извлекаемой пользы (при общей суммѣ эмиссии въ 240 милл. государство должно было получить только 170 милл., изъ которыхъ 90 милл. явились бы лишь конституированіемъ израсходованныхъ ранѣе нелегальныхъ займовъ), обусловливаемая задачей удовлетворенія лишь насущнѣйшихъ, очередныхъ потребностей государства—

были отвергнуты Національнымъ Собраніемъ и замѣнены, какъ мы увидимъ ниже иными постановленіями. Также и принудительный курсъ, формально, по крайней мѣрѣ, для перваго типа ассигнатовъ декретированъ не былъ.

Проектъ Неккера былъ поставленъ Учредительнымъ Собраніемъ на обсужденіе лишь послѣ двухъ докладовъ, представленныхъ 16-го и 18-го ноября Собранію, отъ имени его Финансоваго Комитета, аббатомъ *Монтеки*⁵⁾

Содержа однако, рядъ пожеланій о реформѣ системы обложенія и учетъ расходовъ съ одной стороны и цифровой матеріаль для характеристики современнаго финансоваго положенія (весьма близкій притомъ къ даннымъ Неккера) съ другой, — доклады эти давали гораздо менѣе въ отношеніи практическихъ мѣропріятій, которыя могли быть непосредственно рекомендованы Собранію. Такихъ можно указать, въ сущности, только два. Это, во 1-хъ (изъ перваго доклада) отсрочка всѣхъ платежей государства *) до 1-го января 1790 г., и, во 2-хъ, (изъ 2-го доклада) — продажа въ теченіе 4-хъ лѣтъ церковныхъ имуществъ на сумму въ 400 милл. ливровъ.

Но первое не было принципиальнымъ выходомъ изъ положенія. да и январь былъ не за горами; второе же требовало какъ разъ того, чего не было въ распоряженіи — времени.

Такимъ образомъ, Собраніе естественно перешло къ обсужденію плана Неккера; оно началось 20-го ноября и, протянувшись 5 недѣль, привело къ изданію декрета 19—21 декабря 1789 г., устанавливавшего выпускъ ассигнатовъ, которые мы будемъ, въ отличіе отъ позднѣйшихъ, именовать „*ассигнатами I-го типа*“.

Хотя эти долги пренія дробились вокругъ многихъ спорныхъ пунктовъ, разныхъ практическихъ соображеній и числовыхъ выкладокъ, но по отношенію къ принципиальнымъ моментамъ дискуссіи (оставивъ при этомъ въ сторонѣ чисто индивидуальныя сужденія) можно намѣтить два ряда ораторовъ, изъ которыхъ одни защищаютъ

*) Исключеніе дѣлалось только для уплаты войскамъ и для недоплатъ по пенсіямъ и рентамъ.

принципъ министерскаго проекта — принципъ банковской эмиссии и притомъ умѣренной по объему, другіе же становятся на точку зрѣнія государственныхъ бумажныхъ денегъ, обезпечивая ихъ продажей націонализированныхъ доменовъ и поэтому называютъ обыкновенно болѣе крупныя цифры проектируемыхъ выпусковъ.

Среди послѣднихъ наиболѣе интереснымъ въ смыслѣ предугаданія формъ будущаго, хотя и, быть можетъ, наименѣе замѣченнымъ въ ту пору, было выступленіе провинціального депутата *Лавени*, который предложилъ создать на 350 милл. *національныхъ билетовъ*, обезпеченныхъ выручкой отъ продажи церковныхъ имуществъ и послѣдовательно ею погашаемыхъ.

Аналогичные по принципу государственности бумажныхъ денегъ проекты защищали выступавшіе съ ними уже раньше маркизъ д'Арси и графъ Кюстинъ, а за ними менѣе оригинальные — баронъ д'Алларъ, баронъ де-Сернонь, Казалесь, Р. д'Анжели (5 декабря), **П[Ш]**етіонъ де-Вилленевъ (10 декабря), — говорившіе на основѣ уже провозглашеннаго принципа.

8. Пренія эти приводятъ, въ концѣ-концовъ, къ выбору комитета изъ 10 человекъ, который, послѣ переговоровъ съ Неккеромъ, представляетъ Собранію 17-го декабря *компромисный* докладъ, сочетающій въ себѣ элементы самыхъ различныхъ предложеній, который двумя днями позже и принимается большинствомъ, несмотря на рѣзкія возраженія съ разныхъ сторонъ.

Положенія этого доклада и приложенныхъ къ нему двухъ проектовъ декретовъ, прочитанные Лекультэ-де-Кантелэ сводятся къ слѣдующему.

Капиталь учетной кассы временно удваивается. Ей не только не возвращаются 90 милл., взятые у нея въ теченіе 1789 г., но она предоставляетъ казнѣ еще 80 милліоновъ.

Принудительный курсъ ея билетовъ продолжается до 1-го іюля 1790 г. Государство же предоставляетъ кассѣ въ удовлетвореніе стараго долга въ 70 милл. (полученнаго въ 1787 г.) аннунтеты особаго рода, оплачиваемые въ 20-лѣтній срокъ, а въ удовлетвореніе новыхъ кредитовъ въ 170 милл. — и это самое важное для насъ — *ассигнаты*, приносящіе 5% въ годъ и погашаемые сначала по 5, а позже по 10 милл. въ мѣсяцъ. Поскольку ассигнаты будутъ имѣть солидное обезпеченіе, увеличеніе билетнаго обращенія кассы не будетъ имѣть характера бумажныхъ денегъ. Обезпеченіемъ же для нихъ должны служить доходы отъ продажи королевскихъ и церковныхъ доменовъ на сумму въ 250 милл. и доходъ отъ патриотическаго обложенія до 150 милл. Получаемые, такимъ образомъ, 400 милл. обращаются въ специально учреждаемую „*экстраординарную кассу*“, на имя которой выпускаются упомянутые ассигнаты въ суммѣ этихъ 400 милл., изъ

которыхъ, какъ мы уже знаемъ, 170 милл. отдаются учетной кассѣ, а остальные обращаются на удовлетвореніе насущныхъ потребностей государства.

Эти ассигнаты, кромѣ того, имѣютъ преимущество по оплатѣ земельныхъ имуществъ, приобретаемыхъ частными лицами у государства.

Въ конечномъ *декретъ 19—21 декабря 1789 г.* *) предписывается такимъ образомъ:

- 1) учрежденіе экстраординарной кассы, въ которую поступаютъ доходы отъ патриотическаго обложенія и продажи земель;
- 2) распродажа королевскихъ и церковныхъ земель на сумму въ 400 милл. **).
- 3) выпускъ ассигнатовъ, (которые въ утѣшеніе публикѣ декретъ именуется „билетами по покупкѣ земельныхъ имуществъ“) на имя этой кассы на такую же сумму, а также условія и сроки ихъ погашенія; и
- 4) упомянутыя выше операціи съ учетной кассой, которыя отнынѣ имѣютъ для насъ второстепенное значеніе.

Такимъ образомъ, первоначальный смыслъ термина „assignat“, ассигнатъ это то, что мы понимаемъ подъ словами *ассигновка*, ассигнованіе, — ассигновка на „экстраординарную кассу“, которая въ опредѣленные сроки должна ихъ размѣнять на наличность, т.-е. выдать ассигнованную сумму и тѣмъ погасить самую ассигновку.

Собственно для означенія понятія „ассигновка“ въ французскомъ языкѣ давно существовалъ и былъ общеупотребителенъ терминъ „assignation“. Но въ данномъ случаѣ нужно было какъ-нибудь выдѣлить новыя бумаги изъ ряда обычныхъ ассигновокъ, ибо онѣ хотъ и на короткій срокъ (погашеніе должно было начаться съ іюля 1790 г.) получали самостоятельное существованіе, и должны были служить для погашенія уплаты %%-въ по государственнымъ долгамъ и другихъ очередныхъ нуждъ ***).

Что касается ихъ *циркуляторныхъ свойствъ*, то ни принудительное обращеніе, ни принудительная цѣна для нихъ, формально по крайней мѣрѣ, декретированы не были.

*) Онъ составился изъ двухъ сепаратныхъ декретовъ предложенныхъ „комиссіей 10-ти“ и касавшихся одинъ учетной кассы, а другой выпуска ассигнатовъ и учрежденія „экстраординарной кассы“.

**) Т.-е. въ количествѣ обезпечивающемъ весь выпускъ ассигнатовъ, а не только 250 милл., какъ предлагалъ локлядъ Лекультэ. Этимъ уже въ ассигнатахъ I-го типа подчеркивается ихъ принципиальная связь, именно, съ земельнымъ обезпеченіемъ, доходъ же отъ патриотическаго обложенія получаетъ значеніе лишь субсидіарнаго источника.

***) Въ исторіи фивансовъ терминъ „assignat“ впервые появляется въ ноябрѣ 1789 г., хотя аналогичный терминъ употреблялся въ старомъ французскомъ языкѣ для обозначенія всякаго рентнаго обремененія земли. По обычному французскому праву „ассигнатомъ“ называлось „предназначеніе одной или нѣсколькихъ недвижимостей для оплаты долга“ 6).

Тѣмъ не менѣе одинъ элементъ принудительнаго курса, несомнѣнно, подразумѣвался: это была принудительность при платежахъ, исходящихъ отъ государства. Вѣдь, ассигнаты были созданы для оплаты государствомъ своихъ очередныхъ нуждъ, — какъ же могли бы контрагенты государства отказаться отъ предлагаемаго имъ въ такой формѣ удовлетворенія? 7).

Въ отношеніи той части эмиссіи, которая должна быть передана учетной кассѣ въ погашеніе займовъ правительства, такая невозможность отказа, и, значить, принудительность приѣма ясно слѣдуетъ изъ самаго текста декрета:

„Учетной Кассѣ, — гласить его ст. 4-ая, — въ удовлетворенія ея авансовъ прошедшаго года и первыхъ 6-ти мѣсяцевъ настоящаго 1790 года будетъ предоставлено 170 милл. въ ассигнатахъ на экстраординарную кассу или билетахъ для покупки земельныхъ имуществъ, которыя будутъ предназначены къ продажѣ“ *).

Впрочемъ, на дѣлѣ только эти 170 милл. и были выпущены казначействомъ.

Основной текстъ этихъ ассигнатовъ I-го типа, какъ свидѣтельствуется образецъ, приложенный къ прокламаціи короля 7 марта 1790 г., изданной во исполненіе декрета Національнаго Собранія, состоялъ изъ слѣдующаго заявленія: „Ассигнатъ на экстраординарную кассу. Я прошу Васъ, Милостивый Государь, уплатить 10-го января 1791 г., по приказу Учетной Кассы и изъ фондовъ, ассигнованныхъ экстраординарной кассѣ декретами Національнаго Собранія отъ 19 и 21 декабря 1789 г., санкціонированныхъ королемъ, сумму въ 1000 ливровъ, полученную отъ Учетной Кассы“. Это обращеніе адресовывалось главному кассиру экстраординарной кассы и подписывалось управляющимъ государственнымъ казначействомъ.

Къ ассигнату были приложены купоны для полученія предъявителемъ 5% годовыхъ.

Таковы были эти первые французскіе ассигнаты, еще мало общаго имѣвшіе съ бумажными деньгами, но тѣмъ не менѣе содержавшіе въ себѣ, въ эмбрионѣ, всѣ отличительныя черты дальнѣйшаго грандіознаго развитія. Эти черты еще затушеваны здѣсь случайнымъ историческимъ нарядомъ, въ который облачила ихъ эпоха. Онѣ еще недостаточно рельефны и отчетливы, но на фонѣ позднѣйшей эволюціи могутъ быть безспорно нащупаны и констатированы.

Ассигнаты еще не обладаютъ ни принудительной цѣной, ни даже принудительнымъ обращеніемъ, само законодательство еще именуется ихъ только „билетами по покупкѣ земельныхъ имуществъ“, — но, продуктъ компромиса многихъ разнородныхъ конструкцій, они въ даль-

*) Для билетовъ же учетной кассы принудительный курсъ былъ сохраненъ и продолженъ этимъ же декретомъ до іюля 1790 г.

нѣйшемъ все болѣе очищаются отъ всего случайнаго и наноснаго и все болѣе приближаются къ чистотѣ первоначальнаго принципа, совмѣщая въ себѣ двѣ основныя финансовыя идеи Учредительнаго Собранія: 1) принципъ государственности бумажнаго обращенія и 2) обезпеченіе его національнымъ земельнымъ фондомъ, реализація котораго должна была бы привести къ погашенію бумажнаго обращенія, какъ провизорнаго воплощенія реальныхъ цѣнностей и метода ликвидаціи наслѣдія финансовой распушенности стараго порядка его же собственными имущественными запасами. Во что превращается осуществленіе на практикѣ этой схемы мы увидимъ ниже.

V. Юридическая исторія ассигнатовъ.

1. Итакъ, мы можемъ дать теперь опредѣленіе *ассигнатовъ I-го типа*.

а) Какъ *финансовое мѣропріятіе*, они были съ одной стороны — формой предварительной расплаты съ кредиторами и контрагентами государства, съ другой — методомъ предварительной реализаціи государственныхъ имуществъ — конфискованныхъ королевскихъ и церковныхъ доменовъ

Въ окончательной формѣ реализація эта должна была проводиться двумя путями: α) непосредственнымъ выкупомъ земель ихъ за данныя ассигнаты. („billets d'achat“); β) продажей ихъ за наличность другимъ лицамъ, кромѣ владѣльцевъ ассигнатовъ и погашеніемъ послѣднихъ полученными такимъ образомъ средствами.

б) Какъ *кредитныя цѣнности*, это были 5%-ныя государственныя обязательства на предъявителя съ прокламаторнымъ, а не реальнымъ обезпеченіемъ изъ цѣнности земельныхъ имуществъ ¹⁾ и съ институціональнымъ выдѣленіемъ процедуры реализаціи обезпеченія и погашенія этихъ обязательствъ въ вѣдѣніе обособленнаго органа („экстраординарной кассы“);

в) И, наконецъ, какъ *циркуляторное средство* — это были бумажные знаки, размѣниваемые на звонкую монету въ сроки отъ 1 г. до 5 л. и снабженные принудительнымъ курсомъ въ обоихъ его элементахъ — принудительнымъ обращеніемъ и принудительной цѣной — лишь по отношенію къ первому акту врученія ихъ отъ лица государства *).

Всѣ эти характерныя черты первыхъ ассигнатовъ испытали значительныя измѣненія въ ихъ послѣдующемъ развитіи, дающія намъ право различать 4 типа ихъ съ весьма различной юридической природой и соответственно различной ролью въ общемъ круговоротѣ народно-хозяйственной жизни.

*) Благодаря дѣйствовавшему еще съ 18 августа 1788 г. общему разрѣшенію Учетной кассы факультативнаго размѣна ея билетовъ на „солидныя обязательства“ (каковыми, несомнѣнно, почитались и ассигнаты), принудительный курсъ могъ, очевидно, сохраняться и для второй уплаты отъ лица Учетной Кассы.

Принимая въ настоящемъ очеркѣ не хронологическій, но систематическій порядокъ изложенія, мы изслѣдуемъ сначала эти 4 типа ассигнатовъ, чтобы на почвѣ сравненія ихъ свойствъ уяснить затѣмъ различныя формы ихъ взаимодействія съ другими элементами народно-хозяйственного организма.

Ассигнаты I-го типа просуществовали очень недолго и, при всей ихъ важности съ теоретической точки зрѣнія, практически почти не оказали вліянія на денежное и товарное обращеніе.

Только 7 марта 1790 г., т.-е. черезъ 2½ мѣсяца послѣ того, какъ былъ декретированъ ихъ выпускъ, находимъ мы прокламацію короля уполномочивающую „господина Дюрюэй подписать и передать Учетной Кассѣ“ ассигнаты на сумму въ 170 милл., согласно декрету Національнаго Собранія. Къ обращенію приложенъ образецъ, по которому ассигнаты должны быть отпечатаны.

2. Но уже 6 марта 1790 г. *Неккёръ*, докладывая Собранію о финансовыхъ итогахъ и перспективахъ, формулируемыхъ имъ исчисленіемъ дефицита на 1790 г. въ суммѣ 294 милл., противъ воли снова указываетъ на бумажныя деньги, какъ на единственный выходъ изъ положенія *) и, хотя старается и здѣсь быть умѣреннымъ, говоритъ объ удовлетвореніи этимъ путемъ всѣхъ потребностей государства. Онъ лишь колеблется между эмиссіей государственной или частной (Учетна Касса), но на этотъ разъ Собраніе въ 5-ти засѣданіяхъ отъ 9—17 апрѣля рѣшаетъ вопросъ съ достаточной опредѣленностью. Декретъ 16—17 апрѣля 1790 г. ²⁾ не измѣняя пока суммы эмиссіи установленной въ декабрѣ въ 400 милл. ливровъ и осуществленной на дѣлѣ пока лишь въ размѣрѣ 170 милл., — существенно измѣняетъ юридическую природу ихъ, конструируя новый видъ бумажныхъ знаковъ, которые мы будемъ называть „*ассигнатами II-го типа*“.

Отличія новыхъ ассигнатовъ отъ старыхъ распредѣляются неравномерно по тѣмъ тремъ характеристикамъ, которыя мы дали для первоначальнаго ихъ типа.

а) Такъ, *первая* характеристика ассигнатовъ, какъ финансоваго мѣропріятія остается въ обоихъ намѣченныхъ выше элементахъ принципиально неизмѣнной.

б) *Вторая* характеристика ихъ, какъ бумажной цѣнности, мѣняется лишь градуально въ томъ смыслѣ, что % по ассигнатамъ понижается съ 5 до 3%. Эти проценты должны были, *съ одной стороны*, подтверждать мнимо *ипотечный* характеръ ассигнатовъ, на которомъ такъ настаивали ихъ создатели и теоретики, и представлять собой ничто

*) Съ 1 мая 1789 года по 1 мая 1790 г. общіе доходы государства (la taille capitation, les vingtièmes, etc. дали вмѣсто 161 милл. л. только 28 милл. л. Въ частности, территорія находившаяся въ отношеніи налоговъ въ непосредственномъ управленіи государственнымъ казначействомъ (pays d'état) дали вмѣсто 28 милліоновъ только 6 милл. л.

иное, какъ доходъ отъ тѣхъ земель, бумажнымъ олицетвореніемъ которыхъ они являлись; *съ другой стороны*, проценты должны были укрѣплять *циркуляторную цѣнность* ассигнатовъ, которые мыслились одновременно и цѣнными бумагами и средствами товарообмѣна.

Далѣе, — этотъ ипотечный характеръ цѣнности ихъ, согласно чисто *прокламаторному* обезпеченію ихъ цѣнностью земель, Собраніе старается закрѣпить еще двумя способами.

Во-первыхъ, этимъ же декретомъ оно объявляетъ всѣ долги духовенства долгами національными (ст. I-ая декрета 16 -17 апрѣля 1790 г.). Это имѣетъ тотъ смыслъ, что всѣ церковныя имущества, бывшія до сихъ поръ обремененными залогомъ, отнынѣ освобождаются отъ всѣхъ видовъ такого обремененія (ст II-ая) и, будучи обращаемы на продажу для погашенія выпускаемыхъ ассигнатовъ, смогутъ служить безспорной и полноцѣнной гарантіей этихъ послѣднихъ.

Во-вторыхъ, Національное Собраніе постановляетъ въ ст. X-ой декрета слѣдующее:

„Ассигнаты принесутъ съ собою ипотеку, привилегію и специальное управомочіе какъ на доходы, такъ и вырученную цѣну отъ продажи указанныхъ земельныхъ имуществъ, такимъ образомъ, что пріобрѣтатель ихъ получить право требовать, чтобы ему было *доказано* законными средствами, что уплаченная имъ сумма послужитъ для погашенія ассигнатовъ равной стоимости“.

Однако, всѣ эти измѣненія касаются деталей по преимуществу, такъ что въ принципѣ и вся вторая характеристика остается приложимой и къ этому новому типу ассигнатовъ.

в) Принципиальныя же измѣненія вносятъ новый декретъ въ третью характеристику ассигнатовъ, какъ *циркуляторнаго* средства.

а) Здѣсь, прежде всего, *срокъ размѣна* ихъ на наличность зафиксированный раньше въ предѣлахъ отъ 1 до 5 лѣтъ, *откладывается* на неопредѣленное время („Въ ожиданіи, пока продажа національныхъ доменовъ... будетъ осуществлена...“ ст. IX).

б) Далѣе — и это представляется наиболѣе важнымъ — ассигнаты снабжаются *принудительнымъ курсомъ* не только для государственныхъ платежей, но и для частнаго оборота, т.-е. для всѣхъ сдѣлокъ вообще, между кѣмъ бы онѣ не происходили.

„Ассигнаты, созданные декретами 19 и 21 декабря 1789г., будутъ имѣть *монетное обращеніе* („auront cours de monnaie“), между всѣми лицами на всемъ протяженіи королевства и будутъ приниматься такъ же, какъ звонкая монета во всѣхъ общественныхъ и частныхъ кассахъ“ — гласитъ ст. III-я декрета.

γ) Порядокъ передачи ассигнатовъ отъ одного лица другому сообразно ихъ двойственной природѣ, устанавливается двоякій:

- 1) какъ денегъ — непосредственнымъ врученіемъ,
- 2) какъ цѣнныхъ бумагъ — индоссаментомъ.

Послѣдній былъ, однако, лишь факультативенъ ³⁾.

б) Наконецъ, что касается *цѣны* ихъ, то, такъ какъ эти „ассигнаты — деньги“ (assignats—monnais) ^{*}), въ отличіе отъ старыхъ предназначенные для циркуляціи, въ то же время приносили %% , какъ цѣнные бумаги, то для того, чтобы дать каждому держателю ихъ возможность воспользоваться частицей дохода съ нихъ было установлено, что %% будутъ начисляться *по днямъ* (ст. V). Практически это означало ежедневное измѣненіе цѣны ихъ. „Цѣна ассигната будетъ каждый день равна его *номиналу* — плюсъ прибрѣтенные проценты, и его будутъ принимать за эту сумму“ — постановляетъ ст. IV-ая декрета „Послѣдній-же держатель получитъ въ концѣ года все процентное начисленіе“ (тамъ-же).

Какое же содержаніе имѣетъ въ данномъ случаѣ понятіе „*принудительнаго курса*“ — „cours de monnaie“, какъ выражается декретъ, въ аримѣненіи къ ассигнагамъ II го типа? Имѣетъ ли оно смыслъ только принудительнаго обращенія или также и принудительной цѣны ихъ въ металлъ? Вопросъ этотъ требуетъ нѣсколько болѣе детальнаго разсмотрѣнія.

Прежде всего, *чисто логическія* утвержденія декрета, что ассигнаты „будутъ имѣть монетное обращеніе“ (auront cours de monnaie) и „будутъ приниматься, какъ звонкія монеты“ (seront reçus comme especes sonnantes) имѣютъ вполне опредѣленное значеніе.

Въ словахъ: „будутъ приниматься какъ звонкія монеты“ — при отсутствіи какихъ бы то ни было ограниченій — терминъ „какъ“ долженъ пониматься въ смыслѣ общаго равенства условій приѣма, значить и равенства оцѣнки по номинальной стоимости.

Но на дѣлѣ конкретный смыслъ, влагавшійся современниками въ эти слова, могъ быть и инымъ.

Иначе говоря, фактическое удареніе могло здѣсь падать какъ на слово „какъ“, что рѣшало бы вопросъ въ первомъ смыслѣ, такъ и на слова „будутъ приниматься“, что указывало бы лишь на обязательность *приѣма* ассигнатовъ, независимо отъ вопроса о мѣновомъ соотношеніи ихъ съ металлическими деньгами^{**}). Не даютъ точной юридической формулировки и пренія, предшествовавшія принятію декрета,

^{*}) Нужно замѣтить, что декретомъ, 17 апрѣля были предусмотрѣны лишь крупныя купюры въ 1000—200 ливровъ.

^{**}) Изъ текста же декрета 17 апрѣля можно указать еще на слѣдующія опредѣленія, говорящія въ пользу перваго толкованія:

1) Ст. VI-ая, говорящая о причисленіи къ номинальной цѣнности ассигнатовъ процентовъ за истекшее количество дней, устанавливаетъ, что „за эту сумму ассигнаты будутъ приниматься“

2) Ст. VII-ая, ввиду образующихся такимъ образомъ дробныхъ величинъ купюръ устанавливаетъ обязанность дебитора при платежѣ, во избѣжаніе затрудненій запасаться нужной серебрянной монетой для того, чтобы покрыть полностью причита-

въ которыхъ съ одной стороны мы встрѣчаемъ категорическія заявленія о невозможности паденія ассигнатовъ въ цѣнѣ по сравненію съ металломъ, съ другой — явно чувствуется боязнь этого паденія; при этомъ, однако, нѣтъ данныхъ судить, мыслится ли оно въ *предѣлахъ* предписаній закона или *въ нарушеніе ихъ*.

Но черезъ два дня послѣ изданія декрета, 19 апрѣля 1790 г., король, по предложенію, *Неккера*, республику объявляетъ прокламацію, съ цѣлью укрѣпить въ народѣ довѣріе къ новымъ ассигнатамъ по существу эта прокламація сильно запутала вопросъ.

„Эти билеты — читаемъ мы здѣсь, (прокламація именуетъ ассигнаты „національными билетами“) независимо отъ спеціальной ипотеки, которая имъ обезпечена, должны разсматриваться, какъ наиболѣе священный долгъ націи: такъ, *хотя санкціонированный декретъ не установилъ и не могъ установить ничего кромѣ обязанности принимать* эти билеты при уплатахъ должника кредитору, его величество приглашаетъ всѣхъ жителей королевства также принимать ихъ безъ какихъ бы то ни было размыслений или затрудненій *во всѣхъ соглашеніяхъ и свободныхъ сдѣлкахъ* (marchés libres); такимъ образомъ, чтобы подъ вліяніемъ (par l'effet) добраго довѣрія, національные билеты цѣнились бы повсюду одинаково съ настоящими деньгами (numeraire effectif). Патриотическое чувство должно сдѣлать для всѣхъ добрыхъ французовъ такое поведеніе закономъ . . . “ ⁴⁾.

Эти любопытныя положенія королевской прокламаціи остались совершенно незамѣченными во всей современной литературѣ объ ассигнатахъ.

Но плохую службу сослужилъ Неккеръ, давъ королю ее для подписи.

Быстро потерявшій къ этому времени все свое бывшее вліяніе, онъ хотѣлъ возвратитъ его себѣ, обратившись къ руслу идей возобладавшихъ теперь въ Національномъ собраніи, съ цѣлью снова оказаться руководителемъ его финансовыхъ конструкцій, но онъ не смогъ отрѣшиться при этомъ отъ старыхъ навыковъ мышленія и пропагандируя ассигнаты въ сущности ухудшилъ ихъ.

По толкованію королевской прокламаціи оказалось, что ассигнаты обладали принудительнымъ курсомъ *лишь для долговыхъ уплатъ*, лишь для сферы кредитныхъ отношеній, бывшихъ въ эту эпоху еще относительно неразвитыми.

.-ующую сумму. Такое сложеніе серебра съ ассигнатами возможно, очевидно, только при ихъ равноцѣнности.

3) Ст III-я, въ основной формулѣ обязательства приѣма ассигнатовъ уравниваетъ кассы публичныя съ массами частными. Но такъ какъ въ отношеніи первыхъ обязательность не только приѣма ассигнатовъ, но и приѣма ихъ по полной номинальной стоимости не подлежитъ сомнѣнію, то сопоставленіе с ними кассъ частныхъ даетъ право утверждать ту же обязанность и для нихъ.

Что же касается всей основной сферы *сдѣлокъ на наличность*, всей огромной области товарныхъ операцій, ликвидируемыхъ немедленно — покупокъ и продажъ, то для нихъ, согласно этимъ комментаріямъ, ассигнаты оказывались лишенными этого правового опредѣленія.

Здѣсь всѣмъ гражданамъ напоминалось о патриотизмѣ, добромъ довѣрїи и прочихъ похвальныхъ чувствахъ, съ помощью которыхъ „національные билеты цѣнились бы повсюду наравнѣ съ дѣйствительной монетой“; но всѣ эти побужденія страдали отсутствіемъ одного принципиального момента — какой бы то ни было *обязательности* ихъ для гражданъ.

Въ результате эти призывы Неккера, оказывавшаго ими медвѣжью услугу ассигнатамъ, уничтожали истинный смыслъ закона, устанавливавшего въ своемъ точномъ значеніи принудительный курсъ въ обоихъ его элементахъ, для всего объема ихъ циркуляторныхъ функций. Здѣсь же, напротивъ, по аналогіи съ исходной цѣлью государства оплатить ассигнатами свои долги (%% по долгамъ и недоплаты своимъ контрагентамъ и работникамъ по найму, ибо такія недоплаты суть также ничто иное, какъ формы принудительнаго займа), — здѣсь утверждается принудительный курсъ лишь для операціи погашенія ими кредитныхъ отношеній.

Это было въ принципѣ простымъ отрицаніемъ принудительности и, несмотря на то, что толкованіе не было аутентическимъ, оно было принято въ качествѣ такового гражданскимъ оборотомъ въ эту пору перелома и неустановленности формъ законодательства.

На биржѣ ассигнаты съ самаго начала стали котироваться по пониженной расцѣнкѣ въ 95—94% номинальной стоимости, а въ провинціи, да и въ Парижѣ, многіе, вообще, отказывались принимать ихъ.

Это побудило Національное Собраніе издать 2 декрета съ аутентическимъ изъясненіемъ правовой природы ассигнатовъ, съ цѣлью устранить недостаточный полный въ этомъ откошеніи текстъ декрета 17 апрѣля 1790 г.

Первый изъ нихъ, изданный 14 мая, регулируя условія отчужденія націонализированныхъ земель, вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочиваетъ всѣ коммуны безпрекословно принимать ассигнаты.

Второй — декретъ 12 сентября 1790 г., — констатируетъ, что „ассигнаты-монеты. . . являются *настоящими деньгами государства*, и что *только въ силу злоупотребленія, достойнаго крайняго порицанія* (par abus tres reprehensive) и *сопротивленія декретамъ*, указанные ассигнаты были отвергаемы различными пріемщиками и сборщиками общественныхъ повинностей или отличаемы отъ звонкой монеты въ нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеніяхъ“.

Въ виду этого Національное Собраніе постановляетъ, что всѣми сборщиками ассигнаты будутъ приниматься по равной расцѣнкѣ (à parité) съ металломъ (ст. 1-ая) и свободно размѣниваться ими, въ

случаяхъ необходимости, на звонкую монету (ст. III-ья); что, дальѣе „во исполненіе декрета 16 и 17 апрѣля, *всѣ суммы, которыя должны быть по условію уплачены въ звонкой монетѣ, могутъ быть уплачены въ ассигнатахъ* несмотря ни на какія оговорки и намѣренія, противныя этому“ (ст. IV-я).⁵⁾

Собственно имѣется одинъ документъ гораздо болѣе ранняго происхожденія, въ которомъ дается точное аутентическое толкованіе закона въ смыслѣ присвоенности ассигнатамъ не только принудительнаго обращенія, но и принудительной цѣны: — это нынѣ почти забытое „Воззваніе“ отъ имени Національнаго Собранія къ французамъ по поводу эмиссіи „ассигнатовъ-монетъ“, датированное 30 апрѣля и опубликованное 3 мая 1790 г.

Здѣсь мы находимъ точную формулу: „*Національное Собраніе даетъ ассигнатамъ условную принудительную цѣнность*“⁶⁾.

Такимъ образомъ, если словесная расплывчатость декрета 17 апрѣля можетъ быть объяснена неискрушенностью законодателей революціи въ сложныхъ вопросахъ денежнаго обращенія и его юридической конструкции, влекущей за собой слѣдствія огромной экономической и соціальной важности, то этотъ текстъ, во всякомъ случаѣ, вскрываетъ истинное пониманіе постановки и существа вопроса теоретиками Учредительнаго Собранія (см. подробнѣе объ этомъ воззваніи въ примѣчаніи).

Но большой объемъ воззванія, наполненнаго пространными разсужденіями по финансовой политикѣ и теоріи денежнаго обращенія (хотя общій смыслъ послѣднихъ и приводилъ къ тому же) — совершенно подавлялъ для повседневности такое конкретное опредѣленіе; а самая *форма воззванія* отнюдь не имѣла характера какихъ-либо предписаній, но говорила о законѣ уже наличномъ и дѣйствовавшемъ съ его, какъ мы видѣли, словесно неполными и неточными опредѣленіями. Съ другой стороны, категорическое постановленіе изложеннаго только что декрета 12 сентября (ст. IV-ая) также не возымѣло должнаго дѣйствія, ибо встрѣтило ограничительное толкованіе его, подготовленное заранѣе схемой Неккера въ королевской прокламаціи 19 апрѣля, сохранившей его обязательность только для кредитныхъ отношеній.

Наконецъ, помимо словесной неполноты основного вакона и неудачнаго, прямо противорѣчившаго ему „разъясненія“ королевской прокламаціи, былъ еще одинъ моментъ, который дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и помогаль свести на нѣтъ его принципиальное содержаніе.

Дѣло въ томъ, что прокламируя обязательное обращеніе ассигнатовъ въ качествѣ монеты и, стало быть, по равной расцѣнкѣ съ нею, Національное Собраніе не установило *никакой карательной санкціи* для случаевъ нарушенія этого предписанія.

Такимъ образомъ, реализаціи закона можно было добиваться лишь въ порядкѣ судебного процесса, что было, очевидно совершенно недо-

статочно для случаев систематическаго противодѣйствія ему, ибо гражданскій процесс могъ привести къ восстановленію нарушеннаго права, (т.-е. принятію ассигнатовъ по номинальной цѣнѣ) лишь въ *каждомъ отдѣльномъ случаѣ*.

Если въ кредитныхъ отношеніяхъ имѣло смыслъ прибѣгать для достиженія такого результата къ длительной гражданской судебной процедурѣ, то она, очевидно, была слишкомъ громоздка и совершенно безсильна по отношенію къ повседневному сдѣлкамъ купли и продажи.

И вотъ, въ результатъ совокупнаго дѣйствія этихъ 3-хъ моментовъ — 1) словесной неполноты закона, 2) комментарий королевской прокламаціи и 3) отсутствія карательной санкціи — ассигнаты II-го типа хоть и получили общее распространеніе, но лишь по колебавшейся и пониженной расцѣнкѣ.

Гражданскій оборотъ использовалъ для себя эти три пробѣла и, несмотря на опредѣленность принципа, провозглашеннаго закономъ санкціонировалъ и принялъ только одинъ элементъ принудительнаго курса — принудительное обращеніе ассигнатовъ, отвергнувъ другой элементъ — принудительную цѣну.

Конечно, такая квалификація могла имѣть мѣсто лишь въ сферѣ сдѣлокъ между частными лицами; въ сдѣлкахъ же, участникомъ которыхъ являлось государство либо въ роли плательщика, либо въ роли получателя, гдѣ законъ сохранялъ свою силу въ полномъ и точномъ содержаніи, ассигнаты циркулировали по опредѣленной ихъ написаніемъ цѣнности. Это положеніе сохранялось не только въ теченіе всего времени циркуляціи ассигнатовъ II-го типа, но и въ теченіе ряда мѣсяцевъ по реконструированіи ихъ въ III-й типъ. Только въ маѣ слѣдующаго 1791 г. вопросъ косвенно ставится на обсужденіе передъ Учредительнымъ Собраніемъ, но разрѣшается въ самомъ худшемъ направленіи, въ смыслѣ юридическаго закрѣпленія фактически выработаннаго толкованія.

3. III-й типъ ассигнатовъ былъ введенъ декретомъ 29 сентября 1790 г., т.-е. уже черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ II-го — послѣ того, какъ ассигнатамъ рѣшено было придать характеръ циркуляторнаго средства, совмѣщая съ нимъ первоначальный ипотечный характеръ бумажной цѣнности. Этотъ новый декретъ немногословенъ и содержитъ всего 3 статьи ⁷⁾.

Въ большинствѣ положеній онъ опирается на декретъ 16—17 апрѣля, т.-е. на общую характеристику ассигнатовъ II-го типа, лишь въ немногомъ, хотя и существенномъ, измѣняя его.

а) Основной *финансовый смыслъ* первой эмиссіи ассигнатовъ состоялъ, какъ мы показали, въ созданіи средствъ предварительнаго удовлетворенія кредиторовъ государства изъ цѣнности земель, имѣющихъ быть реализованными въ будущемъ.

При сравнительно небольшой суммѣ эмиссіи (400 милл.) она предназначалась для покрытія нѣкоторыхъ, вполне опредѣленныхъ долговъ: долга учетной кассѣ, %—въ по другимъ долгамъ и бюджетныхъ недоплатъ разнаго рода.

Новый же декретъ увеличивая сумму эмиссіи до 1200 милл. (т.-е. выпуска новыхъ ассигнатовъ на 800 милл.) предназначаетъ ихъ для покрытія — 1) всего текущаго. неконституированнаго долга государства и 2) всего конституированнаго долга духовенства, объявленнаго еще раньше (16 апрѣля 1790 г.) долгомъ національнымъ (ст. 1-ая ^{*)}).

б) Въмѣстѣ съ тѣмъ характеръ ассигнатовъ, какъ *бумажной цѣнности*, существенно мѣнялся. Именно, была *уничтожена ихъ процентность*. Это влекло за собой рядъ слѣдствій принципиальной важности. Ибо ассигнаты прежнихъ типовъ обладали, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, устойчивой рыночной цѣнностью, прежде всего, въ силу приносимаго ими дохода. При этомъ высота рыночной расцѣнки ихъ, какъ и всякой кредитной единицы, опредѣлялась отнюдь не предположительнымъ размѣномъ въ будущемъ на металлъ по ихъ номинальному написанію, — но *капитализаціей этого дохода* сообразно общему рыночному условіямъ и, стало быть, измѣняясь соотвѣтственно отклоненіямъ средняго — при данной конъюнктурѣ — уровня дохода съ капиталовъ отъ фиксированнаго процента ассигнатовъ.

Нынѣ же, съ уничтоженіемъ процентовъ, эта прежняя основа и источникъ цѣнности ассигнатовъ, очевидно, отпадала и на первый планъ выдвигались 2 другіе момента, защищавшіеся теоретиками ассигнаціоннаго обращенія. Это, *во-первыхъ* — грядущее *погашеніе ихъ какъ обязательства* путемъ реализаціи наличнаго земельного обезпеченія, — моментъ, который тѣмъ меньше могъ имѣть значеніе для укрѣпленія рыночной цѣнности ассигнатовъ въ настоящемъ, къ чѣмъ болѣе неопределенному и отдаленному будущему относилась эта реализація, чѣмъ больше объективныхъ затрудненій представлялось для нея и чѣмъ меньше субъективнаго довѣрія было къ ней у населенія.

И, *во-вторыхъ*, *циркуляторныя свойства* ассигнатовъ, какъ средства товарообмѣна, взамѣнъ монеты, все болѣе исчезающей изъ обращенія — свойства, которыя во взаимодействіи съ рядомъ моментовъ народно-хозяйственнаго круговорота (имѣющими быть рассмотрѣн-

^{*)} Хотя послѣдній былъ сравнительно невеликъ, исчисляясь въ 150 милл. ливровъ, общая сумма долговъ неутвержденныхъ и срочныхъ достигала, по исчисленіи комитета финансовъ (докладъ Монтекиу въ Национальномъ Собраніи отъ 27 августа) — 1900 милл. ливровъ. Сумма всѣхъ долговъ, вообще, по тому же докладу равнялась 4¼ миллиардамъ, кромѣ выпущенныхъ ассигнатовъ. Такимъ образомъ, Собраніе декретируя новый выпускъ ассигнатовъ лишь на 800 милл. не могло думать погасить ими всѣхъ очередныхъ долговъ, и умѣряя требованія комитета финансовъ, признало опасность чрезмѣрной бумажной массы въ обращеніи.

ными ниже) должны были вліять на цѣнность ассигнатовъ сообразно “специфическимъ законамъ бумажно-денежнаго обращенія.

в) Что практически центръ тяжести все больше переносился, именно, на этотъ *бумажно-денежный характеръ* ассигнатовъ показывали еще 2 оговорки, изъ которыхъ одна еще болѣе ослабляла довѣріе къ обязательственной природѣ ассигнатовъ, а другая облегчала ихъ переходъ изъ рукъ въ руки:

1) ст. III-я того же декрета (хоть и облеченная въ чисто отрицательную форму) прямо указывала на возможность въ будущемъ новыхъ выпусковъ ассигнатовъ взамѣнъ возвращаемыхъ въ экстраординарную кассу подѣ условіями „декрета Законодательнаго Корпуса“, и „непревышенія ассигнатами ни цѣнности національныхъ имуществъ, ни суммы въ 1.200 милл. въ обращеніи“.

2) Циркуляторное же предназначеніе ассигнатовъ, закрѣпленное уже уничтоженіемъ %-овъ, подчеркивалось также и уничтоженіемъ индоссированія, возможнаго до тѣхъ поръ, хоть и необязательнаго *).

Будучи, такимъ образомъ, формально лишь средствомъ предварительной расплаты съ кредиторами, впредь до реализаціи земельного обезпеченія, государственными безпроцентными обязательствами, ассигнаты III-го типа получали вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣ свойства бумажныхъ денегъ, — неформальную передаваемость изъ рукъ въ руки, неразмѣнность на неопредѣленный срокъ и принудительный курсъ, санкціонированный оборотомъ, однако, лишь въ смыслѣ принудительнаго обращенія⁸⁾.

Только этотъ послѣдній моментъ представлялся существеннымъ дефектомъ ассигнатовъ этого типа, сохранявшимся, однако, въ теченіе 2½ лѣтъ, вплоть до преобразования ассигнатовъ Конвентомъ въ новый IV-ый типъ.

Но еще въ первой трети этого періода, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ законодательнаго сконструированія ассигнатовъ III-го типа, этотъ дефектъ, основанный, какъ мы видѣли, на толкованіи закона, принятомъ гражданскимъ оборотомъ, получаетъ неожиданно легальное закрѣпленіе.

На засѣданіи 17 мая 1791 г., при обсужденіи вопроса объ ускореніи чеканки размѣнной монеты, депутаты праваго крыла и центра, указываютъ на безпорядки и непрестанныя нападенія толпы на мѣняль и „торговцевъ деньгами“, разнѣнивающихъ ассигнаты съ крупнымъ лажемъ на металлъ и изображаютъ эти нападенія „единственною причиною“ обезцѣненія ассигнатовъ (рѣчь деп. *Ревелля*; лишь

*) Наличность клѣтокъ для передаточныхъ надписей на оборотѣ ассигнатовъ III-го типа побуждала многихъ требовать таковыя и ослабляла ихъ циркуляторныя свойства; ибо этимъ право собственности держателя ассигнатовъ ставилось въ зависимость отъ дѣйствительности права собственности у всѣхъ его предшественниковъ.

формально осторожнѣе рѣчи *Малуэ, Казалеса* я др.⁹⁾. На этомъ основаніи немедленно выдвигается требованіе „оградить торговлю деньгами, наравнѣ съ торговлей всѣми иными товарами“ (депутатъ *Гупильо*). Ибо „въ торговлѣ деньгами, какъ и во всякой иной торговлѣ, свобода составляетъ ея жизнь, ея душу“, — заявляетъ депутатъ *Лашэзъ*. При полномъ отсутствіи возраженій оппозиціи немедленно же принимается предложеніе *Реньо де-Сентъ Жанъ-д’Анжели* — въ виду того что „торговля деньгами никогда не могла быть запрещена“ предписать всѣмъ исполнительнымъ органамъ „оградить всѣ виды торговли и особенно торговлю золотомъ и серебромъ“¹⁰⁾.

При помощи такой мотивировки, утвержденіемъ долженствованія, обращеннымъ къ прошлому — „торговля не могла быть запрещена“, — ловко обходится вопросъ *не была ли* она на дѣлѣ запрещена по смыслу дѣйствовавшихъ законодательныхъ актовъ, не стояла ли она въ противорѣчій съ признаніемъ ассигнатовъ „національной монетой“.

Этимъ также исправлялась неосторожная постановка вопроса предыдущимъ защитникомъ этого декрета, депутатомъ *Лашэзомъ*, который требовалъ отъ Собранія *объявленія* торговли деньгами совершенно свободной, что уже предполагало легальное отрицаніе такой свободы въ предшествующемъ періодѣ.

Какъ бы тамъ ни было, декретъ 17 мая¹¹⁾ былъ принятъ и надолго значительно ухудшилъ экономическую характеристику ассигнатовъ.

Свобода торговли деньгами означала свободу торговли ассигнатами и закономѣрность депречаціи ихъ.

4. Только Конвентъ, вынужденный подѣ давленіемъ широкихъ массъ населенія вступить на путь активной экономической и финансовой политики, рѣшилъ провести рядъ энергичныхъ мѣръ по улучшенію финансовой и денежной системы и устранилъ этотъ коренной дефектъ юридической природы ассигнатовъ.

Первымъ симптомомъ очередныхъ реформъ является уничтоженіе „экстраординарной кассы“, которая соединяется отнынѣ съ общимъ государственнымъ казначействомъ съ „ординарной кассой“ (декретъ 4 января 1798 года)¹²⁾.

Этимъ прежде всего устраняется *учрежденіе*, созданное для реализаціи тѣхъ заданій, которыя были объявлены смысломъ выпуска ассигнатовъ: заданій погашенія государственнаго долга. Экстраординарная Касса вѣдала, согласно утвержденію устава, по крайней мѣрѣ, какъ выпускомъ ассигнатовъ въ обращеніе, такъ и погашеніемъ ихъ, сжигая ассигнаты, поступающіе въ уплату за земельныя имущества и изъемля, съ той же цѣлью, изъ обращенія другіе, путемъ оплаты ихъ суммами, поступающими въ звонкой монетѣ.

Самая цѣль учрежденія ея заключалась въ созданіи особаго *обезпеченія* ассигнатовъ, которое мы назвали выше *институціональнымъ*,

въ виду сознававшейся недостаточности обеспечения, именовавшагося *реальнымъ*, но бывшаго на дѣлѣ лишь *прокламаторнымъ*.

Правда, на дѣлѣ касса ни всегда могла выполнить эти задания, а иногда и прямо отступала отъ основныхъ принциповъ своей дѣятельности по предписаніямъ свѣше. Но важно то, что донынѣ провозглашенный принципъ полного отмежеванія ассигнаціонныхъ операцій отъ ординарныхъ финансовъ государственнаго казначейства (а значитъ и текущихъ нуждъ послѣдняго — отъ нуждъ погашенія долговъ) подкрѣплялся самостоятельностью учрежденія, вѣдавшаго ими.

Съ устраненіемъ же этого *институціональнаго обезпеченія* нарушенія принципа спеціальности ассигнаціонныхъ операцій становились на практикѣ тѣмъ обычнѣе, что единство государственной казны приводило и къ внутреннему срастанію государственнаго расходнаго бюджета¹³⁾.

Для завершения юридическаго развитія ассигнатовъ въ процессѣ ихъ превращенія въ „національную монету“ теперь не хватало только законодательнаго признанія ихъ номинальной цѣнности реальной основой построенія всей народно-хозяйственной системы товарныхъ цѣнъ: это могло быть сдѣлано путемъ легальнаго подчиненія имъ другихъ денежныхъ знаковъ — звонкой монеты, путемъ закрѣпленія мѣнливой равноценности послѣдней съ ассигнатами. Гарантіей же жизненнаго осуществленія этой равноцѣнности могъ быть только общій принципъ охраненія законодательныхъ нормъ — карательная санкція закона.

Эта задача и была выполнена въ 2 приѣма, декретами 8 и 11 апрѣля 1793 г

За ними послѣдовали другіе, которые болѣе детально исчисляли конкретныя формы обращенія, подлежащія нормировкѣ согласно общимъ формуламъ первыхъ двухъ декретовъ и далѣе, усиливали уголовную отвѣтственность за нарушеніе предписаній, но не измѣняли болѣе юридической природы этого послѣдняго, IV-го типа, ассигнатовъ.

Декретъ 8 апрѣля 1793 г. постановилъ, что, „начиная со дня опубликованія настоящаго декрета, *при всѣхъ покупкахъ, сдѣлкахъ и соглашеніяхъ для нуждъ республики цѣны будутъ точно выражаться въ суммахъ ассигнатовъ*, въ силу чего будутъ невозможны какія бы то ни было условія о платежѣ звонкой монетой (en espèce) и какія бы то ни было другія, связанныя съ этимъ оговорки (ст. I-ая)¹⁴⁾.

Такимъ образомъ, хотя декретъ и не устанавливаетъ еще обязательнаго употребленія ассигнатовъ въ частныхъ сдѣлкахъ¹⁵⁾, но онъ объявляетъ ассигнаты *государственной* валютой, въ узкомъ смыслѣ этого термина, запрещая употребленіе металлическихъ денегъ при платежахъ государства.

Этотъ принципъ непосредственно вслѣдъ затѣмъ обобщается декретомъ 11 апрѣля того же года.

„1°. Начиная съ опубликованія настоящаго декрета, — гласитъ послѣдній, — *воспрещается продажа металлическихъ денегъ* (numéraire) Республики на всемъ протяженіи французской территоріи и территоріи, занятой французскими войсками, подъ угрозой 6 лѣтъ каторжныхъ работъ для лицъ, ихъ покупающихъ или продающихъ.

2°. Никакія покупки, продажи, договоры, соглашенія или сдѣлки съ этихъ поръ не могутъ содержать обязательствъ, выраженныхъ иначе, чѣмъ въ ассигнатахъ: тѣ, кто будутъ уличены въ назначеніи или предложеніи различныхъ цѣнъ въ зависимости отъ уплаты металлическими деньгами или ассигнатами, будутъ также приговорены къ 6 годамъ каторги; этимъ, однако, не запрещается лицамъ, имѣющимъ металлическія деньги возможность употреблять ихъ въ равной цѣнности (au pair) съ ассигнатами.

4°. Всѣ лица, которые откажутся принять въ уплату ассигнаты, будутъ принуждаемы ихъ принять и присуждаемы къ штрафу въ размѣрѣ отвергнутой суммы, каковой штрафъ будетъ обращенъ въ пользу націи“...¹⁶⁾.

Таковы ясныя, отчетливыя постановленія декрета 11 апрѣля, расширяющаго сферу дѣйствія принциповъ, провозглашенныхъ предыдущимъ декретомъ и завершающаго юридическое конструированіе IV-го типа французскихъ ассигнатовъ.

Здѣсь, наряду съ принудительнымъ обращеніемъ ассигнатовъ (ст. 4) утверждается принудительный курсъ въ смыслѣ паритета съ металломъ (ст. 2). При этомъ, лажъ на металлъ аннулируется закономъ одинаково какъ для государственнаго, такъ и для частнаго обращенія, какъ для погашенія долговъ, такъ и для сдѣлокъ на наличный расчетъ. Всѣ эти постановленія закрѣпляются карательной санкціей.

Далѣе, ассигнаты объявляются основнымъ циркуляторнымъ средствомъ государства, наряду съ которымъ металлъ получаетъ лишь совершенно второстепенное значеніе случайнаго денежнаго знака.

При такомъ опредѣленіи циркуляторныхъ свойствъ, составляющемъ основную и отличительную отъ всѣхъ предшествующихъ типовъ характеристику ассигнатовъ IV-го типа, — все болѣе подавляются ихъ остальные экономическіе элементы, образующіе нынѣ лишь блѣдныя символы напоминающіе о прошломъ.

Правда, принципиально по увѣреніямъ Національнаго Собранія, ассигнаты остаются по прежнему лишь средствомъ предварительной расплаты съ контрагентами государства за счетъ предстоящей въ будущемъ реализаціи земельного обезпеченія.

Но контрагенты государства — рабочіе, чиновники и поставщики, отдающіе ему свой трудъ и свои товары, не могутъ, очевидно, ждать претворенія ихъ въ реальную цѣнность, соотвѣтствующую ихъ номиналу, а принуждены ежедневно отдавать ихъ по ихъ курсовой цѣнѣ въ товарахъ, неся на себѣ тяжесть ихъ обезцѣненія.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ ассигнаты превращаются въ средство окончательной, а не предварительной расплаты, что сводитъ на нѣтъ ихъ провизорно-кредитную природу.

Да и само земельное обезпеченіе становится все болѣе иллюзорнымъ, не только въ силу уничтоженія того спеціального института, который долженъ былъ производить операціи по погашенію ассигнатовъ, но и главнымъ образомъ потому, что государственное казначейство, къ которому перешли теперь эти функціи, *операцій по погашенію не совершаетъ*.

Поступающіе въ уплату за землю ассигнаты на дѣлѣ не погашаются, а вновь выпускаются въ оборотъ, ибо денежный голодъ такъ великъ, что работы государственныхъ типографій оказывается недостаточно для его утоленія.

Правда, въ распоряженіи государства имѣется еще довольно обширный земельный фондъ, но связь его со все возрастающей бумажно-денежной массой имѣетъ по-прежнему чисто прокламаторный характеръ, не только въ силу поведенія *финансоваго управленія*, не выполняющаго предписаній о реализаціи земель въ порядкѣ *ликвидациі ассигнаціоннаго обращенія*, но и въ силу *экономической невозможности для всей массы населенія превратить свои повседневныя затраты въ фондъ накопленія и оплаты земель*. Предѣлы капитализаціи опредѣлены соціально-экономическими условіями, которыя не могутъ быть устранены даже самыми добрыми пожеланіями финансоваго центра.

VI Циркуляторная исторія ассигнатовъ.

Послѣдовательная смѣна 4-хъ типовъ ассигнатовъ даетъ намъ такимъ образомъ, картину *прогрессирующаго усиленія ихъ бумажно-денежной характеристики съ прогрессирующимъ же ослабленіемъ въ нихъ элементовъ капитально-ипотечного характера*.

Возрастаніе ихъ легально-циркуляторнаго значенія выражалось:

а) въ расширеніи *объема и содержанія* ихъ принудительнаго курса: — принудительное обращеніе при платежахъ государства и Учетной Кассы и факультативное во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, — принудительное обращеніе во всѣхъ сдѣлкахъ; принудительная цѣна при платежахъ государства и Учетной Кассы, — принудительная цѣна при погашеніи частныхъ долговъ, — принудительная цѣна во всѣхъ случаяхъ;

б) въ постепенномъ устраненіи задержекъ циркуляціи: необходимый индоссаментъ, — факультативный индоссаментъ, — полная неформальность передачи.

Ослабленіе же *кредитно-облигаціонной* природы ассигнатовъ проявилось въ пониженіи и уничтоженіи процентовъ — 5%, 3%, безъ процентовъ.

Но если такъ обрисовывается *юридическая исторія* ассигнатовъ, то ихъ *реально циркуляторная исторія* отъ нея отличается, *во-первыхъ*, несовпаденіемъ стадій экономической эволюціи съ этапами ихъ юридическаго перерожденія (результатъ вліянія конкретныхъ условій ихъ выпуска); и *во-вторыхъ*, осложненіемъ этой эволюціи взаимодействіемъ ассигнатовъ въ реальномъ товарооборотѣ съ различными иными циркуляторными средствами.

Изслѣдованіе этой циркуляторной исторіи ассигнатовъ указываетъ на необходимость разграничить *три основныя стадіи* ея:

Первая изъ нихъ характеризуется преобладаніемъ кредитно-капитальнаго значенія ассигнатовъ;

Вторая — утвержденіемъ ихъ денежнаго значенія наряду съ металлическими деньгами;

Третья — монополизацией за ними денежныхъ функцій.

1. Не подлежит сомнѣнію, что ассигнаты перваго и втораго типа (созданные декретами 19—21 декабря 1789 г. и 17 апрѣля 1790 г.), приносившіе своимъ обладателямъ, 5% и 3% годовыхъ, обращались въ силу этого среди населенія, главнымъ образомъ, какъ капитальныя, а не денежныя цѣнности.

Этому содѣйствовала и исключительно крупная величина декретированныхъ купюръ и сравнительно небольшой по количеству выпускъ ихъ въ обращеніе.

Учетная Касса выпускала, какъ мы знаемъ, свои билеты въ 1000, 600, 300 и 200 ливровъ.

Въ нихъ, начиная съ лѣта 1789 г. государство стало производить всѣ свои платежи, снабдивъ ихъ принудительнымъ курсомъ въ предѣлахъ города Парижа. При 2 миллиардномъ металлическомъ обращеніи во Франціи сумма въ 120 милліоновъ банкнотъ, концентрирующихся почти исключительно въ Парижѣ, уже даетъ себя здѣсь чувствовать, такъ что въ августѣ 1789 г. возникаетъ 2-процентный лажъ на серебро.

Въ слѣдующіе мѣсяцы лажъ прогрессивно возрастаетъ вплоть до декабря, когда онъ достигаетъ уже 5% *).

Когда же, главнымъ образомъ, въ обезпеченіе этого билетнаго обращенія, 19 декабря былъ декретированъ выпускъ на 400 милліоновъ 5%-ныхъ ассигнатовъ, съ обязательствомъ погашенія ихъ въ теченіе 5 лѣтъ **), то хотя возможность циркуляціи ихъ и подразумевалась, но по идеѣ она ограничивалась лишь передачей въ качествѣ облигацій.

Изъ этихъ 400 милліоновъ фактически было выпущено лишь 170 милліоновъ, переданныхъ согласно предписанію короля отъ 7 марта 1790 г. Учетной Кассѣ.

Купюра, согласно декрету 19—21 апрѣля 1789 г. должна быть только одна — въ 10.000 ливровъ, хотя упомянутое только что предписаніе короля отъ 7-го марта въ *прямое нарушеніе декрета* постановляетъ выпустить всѣ ассигнаты цѣнностью въ 1.000 ливровъ ***)

*) Любопытно отмѣтить, что уже теперь бумажная валюта съ ея падающей цѣнностью вытѣсняетъ изъ обращенія металлическія деньги. Весь конецъ 1789 г. наполненъ жалобами на *недостатокъ денегъ* (rareté du numeraire), хотя причины этого явленія еще никѣмъ не понимаются. См. рѣчь Мирабо въ Учредительномъ Собраніи о недостаткѣ денегъ 6-го ноября 1789 г.

**) Въ 1791 г. должно было быть погашено 120 милліоновъ, въ 1792 г. — 100 милл., въ 1793 г. — 80 милл., въ 1794 г. — 80 милл. и въ 1795 г. — 20 милліоновъ.

***) Вопросъ о дѣйствительномъ написаніи ассигнатовъ 1-го выпуска представляетъ особый интересъ. Вся литература единогласно (за исключеніемъ Левассера) утверждаетъ, что цѣнность ихъ равнялась 10 тысячамъ ливровъ. Источникъ этого утвержденія ясенъ — это декретъ 19 декабря. Левассеръ же мимоходомъ говоритъ, что ассигнаты были выпущены цѣнностью въ 1 тысячу, ничѣмъ не подкрѣпляя этого

Какое количество ассигнатовъ было выпущено изъ Учетной Кассы въ обращеніе — сказать трудно. Вѣроятно крайне незначительное, ибо если для осуществленія предписанія короля о выдачѣ ихъ учетной Кассѣ, потребовалось хотя нѣкоторое время, то уже черезъ 40 дней послѣ этого предписанія юридическая природа ассигнатовъ была измѣнена декретомъ 17 апрѣля 1790 г., и старые ассигнаты, поскольку они находились въ кассѣ, должны были быть возвращены и сожжены.

Наряду съ пониженіемъ процента (до 3%), исчисленіемъ номинальной стоимости по днямъ и санкціонированіемъ принудительнаго обращенія, теперь понижается величина купюръ: ассигнаты втораго типа выпускаются цѣнностью въ 1000, 300 и 200 ливровъ, что уже больше приближаетъ ихъ къ денежнымъ знакамъ, но процентностью ихъ все же опредѣляется ихъ облигаціонный характеръ.

Такъ какъ для изготовленія новыхъ ассигнатовъ требуется извѣстное время, то до этого ихъ замѣняютъ билеты Учетной Кассы, принимаемые государствомъ на свою отвѣтственность. На билетахъ, отправляемыхъ въ провинцію ставится печать „Promesse de fouruir assignats“ (обязательство доставить ассигнаты).

Вскорѣ выпускаются предварительныя квитанціи на полученіе ассигнатовъ („Promesses d' assignats“) въ 10.000, 1000, 300 и 200 ливровъ, которыя, однако, пользуются въ оборотѣ всѣми правами ассигнатовъ.

Эмиссія въ 400 милліоновъ ливровъ, декретированная 17 апреля 1790 г., предназначается прежде всего —

а) для уплаты долга Учетной Кассѣ путемъ выкупа ея билетовъ, предоставленныхъ казнѣ; остатокъ же —

б) передается государственному казначейству.

Однако, фактически эта эмиссія почти цѣликомъ идетъ на погашеніе авансовъ Учетной Кассы, предоставленныхъ государственному казначейству въ ея билетахъ и „promesses d' assignats“, сумма которыхъ достигаетъ къ 29 сентября 1790 г. какъ разъ 400 милліоновъ.

Новые ассигнаты, выпускаемые въ оборотъ только 10 августа 1790 г., поступаютъ, такимъ образомъ, лишь въ обменъ за эти предварительныя обязательства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, именно въ августѣ на биржѣ отмѣчается значительное пониженіе ихъ курса.

Въ то время, какъ съ декабря 1789 г. до іюля 1790 г. включительно ассигнаты котировались въ среднемъ по 95 за 100 (съ колебаніями 96—94: всю весну — мартъ, апрѣль, май — они держатся на 94;

. утвержденія. Между тѣмъ тотъ, приказъ короля отъ 7-го марта, который литературѣ вопроса остался совершенно невѣстнымъ и который найденъ нами въ сборникѣ законодательныхъ матеріаловъ изданномъ въ 1790 г., выясняетъ вполне, почему, несмотря на прямое постановленіе декрета Учредительнаго Собранія о 10.000 ливровъ, ассигнаты были выпущены цѣнностью въ 1.000 ливровъ ¹⁾

лѣтомъ же въ іюнѣ и іюлѣ поднимаются до 95), — въ августѣ они рѣзко падаютъ до 92 за 100

Этотъ первый рѣзкій сдвигъ можетъ быть объясненъ только какъ показатель, совершающагося измѣненія функціи ассигнатовъ въ народно-хозяйственномъ круговоротѣ.

Изъ средства накопленія они становятся орудіемъ товарнаго оборота, изъ облигацій превращаются въ бумажныя деньги.

И это происходитъ, несмотря на то, что они еще приносятъ доходъ, что капитальная ихъ функція еще не ликвидирована.

Ассигнаты, введенные въ каналы народно-хозяйственнаго обращенія въ массѣ почти 400 милліоновъ ливровъ, оказываются уже слишкомъ тяжелымъ грузомъ для того, чтобы выполнять только капитальную функцію. Они разсасываются среди сравнительно широкихъ слоевъ населенія, давятъ непосредственно на спросъ нѣкоторыхъ товаровъ и, повышая товарныя цѣны въ нихъ выраженные, компенсируютъ самообезцѣненіемъ увеличеніе ихъ массы.

Если за 5 мѣсяцевъ, съ августа по декабрь 1789 г., *безпроцентныя* билеты Учетной Кассы, снабженные въ Парижѣ принудительнымъ курсомъ, потеряли 5% своей стоимости, котируясь въ августѣ и сентябрѣ по 98 за 100, въ октябрѣ — по 97, въ ноябрѣ — по 96, въ декабрѣ — по 95, то за слѣдующіе 7 мѣсяцевъ (январь—іюль 1790 г.) они не потеряли больше ничего (колебанія на 1 баллъ въ обѣ стороны) и къ августу 1790 г. котировались также по 95 за 100.

Въ чемъ же причина такого рѣзкаго перелома въ январѣ въ сторону ихъ укрѣпленія?

Причина въ томъ, что декретъ 19—21 декабря 1789 г. обезпечилъ обращеніе этихъ банкнотъ *процентными ассигнатами*, а декретъ 17 апрѣля 1790 г. самыя банкноты Учетной Кассы облекъ правомочіями ассигнатовъ.

Этимъ была радикально измѣнена ихъ экономическая функція: изъ бумажныхъ денегъ банкноты превратились въ облигаціи, изъ циркуляторнаго средства въ орудіе накопленія.

Подъ вліяніемъ декрета 19 декабря ихъ курсъ даже повышается съ 95 (декабрь) до 96 (январь).

Но вотъ проходитъ еще 7 мѣсяцевъ и сумма ассигнатовъ въ обращеніи увеличивается настолько, что *превышаетъ мѣру возможнаго*, при данной совокупности социальныхъ и экономическихъ условій, *накопленія*. Ассигнатовъ оказывается больше, чѣмъ можетъ быть выдѣлено населеніемъ изъ его повседневно-расходнаго бюджета для цѣлей капитализаціи.

Въ результатѣ происходитъ второй переломъ въ обратномъ направленіи: *ассигнаты* силою экономическихъ условій, несмотря на противоположную юридическую характеристику, *превращаются изъ облигацій въ бумажныя деньги*.

Это выражается въ рѣзкомъ паденіи ихъ курса, согласно законамъ пресыщеннаго бумажно-денежнаго обращенія.

Такимъ образомъ, *первая стадія циркулярной исторіи французскихъ ассигнатовъ* охватываетъ 8 мѣсячный періодъ отъ декабря 1789 г. до начала августа 1790 г.

Она охватываетъ собою весь циклъ существованія ассигнатовъ I-го типа и большую часть цикла существованія II-го типа ихъ юридической исторіи.

2. *Вторая стадія* циркуляторнаго развитія ассигнатовъ, характеризующаяся упроченіемъ ихъ бумажно-денежныхъ функцій подъ давленіемъ увеличившейся массы ихъ, вскорѣ находитъ себѣ законодательное признаніе.

Декреты 29 сентября и 8 и 10 октября 1790 г., въ третій разъ реконструирующіе юридическую природу ассигнатовъ, только *констатируютъ совершившійся, начиная примѣрно съ августа мѣсяца, переломъ, и закрѣпляютъ его въ правовыхъ терминахъ*.

Это выражается въ уничтоженіи процентности, какъ для вновь выпускаемыхъ ассигнатовъ, такъ и для уже циркулирующихъ; для послѣднихъ %% перестаютъ начисляться съ 16 октября 1790 г., т.-е. съ удовлетвореніемъ ихъ держателей за 1 полугодіе.

Мотивируется эта мѣра тѣмъ, что „ассигнаты, представляя собою право территориальной и земельной собственности на національныя имущества, обладаетъ внутренней цѣнностью (valeur intrinseque) настолько реальной и настолько очевидной, что они могутъ конкурировать во всѣхъ сдѣлкахъ съ золотой и серебряной монетой; будучи пригодны для всякаго производительнаго употребленія и, въ частности, для приобрѣтенія національныхъ доменовъ, они не должны быть производительны сами по себѣ такъ же, какъ не являются производительными ни золото, ни серебро, съ которыми они должны конкурировать; проценты, присвоенные обладанію какими либо деньгами извратили бы ихъ природу, противопоставляя ихъ обороту, который они предназначены поддерживать и оживлять“ (декретъ 8—10 ноября 1790 г.).

Что касается перваго изъ этихъ положеній, то „представительство“ ассигнатами Национальныхъ земельныхъ имуществъ, эта „*ипотечная теорія ассигнатовъ*“ неуклонно постулировавшаяся ораторами всѣхъ Национальныхъ Собраній Революціи, на дѣлѣ имѣла весьма ограниченное значеніе. По существу она имѣла только тотъ смыслъ, что ассигнатами можно было *купить* земли. Но купить ихъ можно было и всякими иными деньгами и никакого специфическаго представительства въ его экономическомъ значеніи ассигнаты имѣть не могли. И такъ же, какъ простая возможность покупки земель не учитывалась, какъ факторъ цѣнности металлическихъ денегъ, такъ и ассигнаты опредѣлялись въ своей рыночной расцѣнкѣ лишь участіемъ

ихъ во вполнѣ реальномъ товарооборотѣ, а не только возможномъ и, притомъ, во всей его совокупности, а не въ какой-либо одной части.

И, именно, второе положеніе мотивирующаго декрета, уничтожавшее возможность *предварительнаго пользованія* доходами съ земель, цѣнность которыхъ „представляли“ собой ассигнаты, уничтожавшее проценты по этимъ ипотечнымъ обязательствамъ, разрушало единственно реальную связь между ними.

Поэтому третье положеніе, устранявшее возможность „извращенія“ функций ассигнатовъ въ жизни, вталкивало ихъ въ оборотъ и противъ воли подчиняло дѣйствию экономическихъ законовъ эмиссионнаго хозяйства.

Разрѣшенный декретомъ 29 октября 1790 г. выпускъ новыхъ 800 милліоновъ ливровъ разошелся въ теченіе 8½ мѣсяцевъ. Но поглощеніе его народно-хозяйственнымъ оборотомъ наткнулось на нѣкоторыя своеобразныя затрудненія.

Считаясь съ тѣмъ, что въ оборотѣ уже находились купюры въ 1.000, 600, 300 и 200 ливровъ, для новаго выпуска были установлены купюры въ 2.000, 500, 100, 90, 80, 70, 60 и 50 ливровъ.

Между тѣмъ, уже въ началѣ 1791 года, *ассигнаты написаніемъ въ 50—100 ливровъ приобрѣли лажъ по сравненію съ болѣе крупными* и стали расцѣпываться (въ ассигнатахъ же) выше своей номинальной стоимости. Это указывало на два обстоятельства:

во-первыхъ, что ассигнаты уже настолько усвоены товарнымъ оборотомъ въ качествѣ денежныхъ знаковъ, что сравнительная непропорціональность выпуска мелкихъ купюръ доставляетъ извѣстныя затрудненія; и,

во-вторыхъ, что значительная часть металлическихъ денегъ уже вытѣснена изъ оборота, ибо иначе при свободѣ въ выборѣ пропорціи размѣна бумажекъ на металлъ такихъ затрудненій произойти бы не могло.

Для устраненія этихъ неудобствъ было декретировано увеличеніе выпуска купюръ въ 50—100 ливровъ за счетъ сокращенія выпуска ассигнатовъ въ 2000 ливровъ (декреты 9 января и 6 февраля 1790 г.).

Но этимъ дѣло не ограничилось. Поскольку всѣ виды металлическихъ денегъ (кромѣ меди) приобрели лажъ и стали вытѣсняться изъ оборота — понадобились еще болѣе мелкіе купюры.

Правда, въ обращеніи находились еще *купоны*, бывшіе прикрѣпленными къ ассигнатамъ II-го типа для оплаты %% по нимъ. Купоны эти, цѣнностью въ 15 ливровъ, 4 л. 10 су и 3 ливра, за ликвидаціей процентности, были отдѣлены отъ ассигнатовъ и пущены въ оборотъ, какъ самостоятельные денежные знаки.

Но при все прогрессирующей утечкѣ всякихъ металлическихъ денегъ изъ оборота, въ силу которой возникли серьезнѣйшія затрудненія въ расчетахъ и торговлѣ этого было, конечно, недостаточно.

Послѣ долгаго промедленія Учредительное Собраніе принуждено, наконецъ, декретировать 6 мая 1791 г. выпускъ ассигнатовъ по 5 ливровъ, также за счетъ сокращенія выпуска крупныхъ купюръ. Нерѣшительность и колебанія Учредительнаго Собранія понятны: этимъ, вѣдь, даже съ точки зрѣнія его ипотечной теоріи, дѣлается крупный шагъ впередъ на пути къ полному отождествленію ассигнатовъ съ обычными деньгами, между тѣмъ, какъ исходный тезисъ этой теоріи гласилъ, что перерожденія ассигнатовъ въ обычные бумажныя деньги произойти не можетъ²⁾.

Вместѣ съ тѣмъ, Учредительное Собраніе пытается пріостановить обезцѣненіе хотя бы мелкихъ купюръ, по сравненію съ размѣнной мѣдной монетой, и учреждаетъ тѣмъ же декретомъ 6 мая 91 г. спеціальныя размѣнныя кассы для свободнаго обмѣна 5 ливровыхъ ассигнатовъ на мѣдную монету и обратно.

Къ открытію ихъ принаравляется и самый выпускъ 5-ти ливровыхъ ассигнатовъ.

При дальнѣйшихъ эмиссіяхъ этого періода потребность въ мелкихъ купюрахъ становится все настойчивѣе и Національному Собранію приходится не разъ останавливаться надъ этимъ вопросомъ. Издаются декреты о выпускѣ 5 ливровыхъ ассигнатовъ замѣнъ самыхъ крупныхъ въ 2000 и 1000 ливровъ (декретъ 9 іюля 1790 г.), позже даже замѣнъ сравнительно небольшихъ купюръ отъ 50 до 300 ливровъ (декреты 19, 20 и 21 декабря 1791 г.); организуются спеціальныя кассы въ казначействѣ для размѣна крупныхъ ассигнатовъ на мелкіе, при чемъ преимущество пользованія ими предоставляется въ первую очередь предпринимателямъ съ большимъ количествомъ рабочихъ (декретъ 20 сентября 1791 г.).

Ибо, какъ прежде ассигнаты въ 50—100 ливровъ циркулировали съ лажемъ противъ болѣе крупныхъ купюръ, такъ теперь лажъ приобрѣтаютъ ассигнаты въ 5 ливровъ. „Мелкіе ассигнаты, — говорилъ 28 ноября 1791 г. въ Собраніи депутатъ *Госсманнъ*, — составляютъ единственный ресурсъ торговли, и если вы не примете всѣхъ мѣръ, которыя вы можете противопоставить ихъ расползанію, то вы уничтожите торговлю департаментовъ Самыя строгія мѣры предосторожности должны быть приняты при этомъ размѣнѣ (крупныхъ ассигнатовъ). Нужно обезпечить себя отъ этого ажіотажа въ платежахъ, который совершается крупными ассигнатами по отношенію къ мелкимъ: послѣдніе продаются съ надбавкой 7—8 на 100“.

Въ концѣ 1791 г. *Камбонъ* уже открыто провозглашаетъ принципъ, что „ассигнаты малой стоимости должны быть также многочисленны, какъ была металлическая монета“. А депутатъ *Мерлэнъ* требуетъ „освобожденія отъ магіи золота и серебра“.

Теперь уже всякая монета, даже мѣдная, приобрѣла лажъ и вытѣснена изъ оборота.

Брешь, образовавшаяся в силу этого, настолько велика, что все усилия государства по изготовлению мелких и мельчайших купюр не могут достаточно быстро ее заполнить.

Тогда возникает новое явление. За недостаточной продуктивностью государственной деятельности, под давлением экономических потребностей товарооборота и расчетов, на помощь им, вне какого-либо обсуждения прав и полномочий, приходят ряд местных корпораций и даже частных лиц.

Возникает огромное количество разного рода *частных денег*. Отсутствие различных знаков на местах превращается в общественное бедствие, особенно для наименее обеспеченных слоев населения, и местные учреждения и группы лиц выпускают их от своего имени на свой страх и риск.

Несмотря на то, что они часто совершенно не обеспечены никаким либо ассигнационным фондом, ни даже общественным авторитетом эмитентов, — все подобные знаки с огромной быстротой и жадностью поглощаются хозяйственным оборотом в этот период разнородно-денежного голода.

Характерны уже самые названия этих „частных денег“. Они именуются в большинстве случаев „билетами доверия“ (*billets de confiance*), „бонами патриотической помощи“ и т. д. Они появляются на местах еще до декрета о выпуске 5-ти ливровых ассигнатов и вскоре Франция прямо наводняется ими. Выпускаются они даже из металла — „медали доверия“, — čímь прямо нарушается правительственная регалия чеканки монеты. Номинальная ценность колеблется, преимущественно, от 40 су до 6 денье. Эмитентами являются банки, муниципалитеты, группы коммерсантов, частные предприниматели и т. д.

Традиционное название таких учреждений разна — „патриотическая касса“. Особенный успех имеют самые мелкие купюры, служащие различными знаками для 5-ти ливровых ассигнатов. Потребность в них так велика, что они приобретают даже лажь против ассигнатов. В обмен на 5-ти ливровый ассигнагь дают только 4½ ливра в „патриотических бонах“. — „Мелкие ассигнаты, — заявляет 16 декабря 1791 г. депутат Каминэ, — служили до сих пор только богатым; в их руках они превратились в средство понизить заработную плату бедняков, заставляя рабочего терять ¼ своего еженедельного заработка на их размен“. — Факт социального влияния этого внутреннего расчленения денежной системы отмьчается здсь вполне правильно, ибо еженедельная заработная плата рабочего равняется в среднем 5 ливрам или нськолко больше этого.

Под этим влиянием Учредительное Собрание создает, наконец, и мельчайшие купюры ассигнатов в 50, 25, и 10 су (декреты 16 и 23 декабря 1791 г.), а также дополняет старые написания купюрами в 25 и 10 ливров (декрет 17 декабря 1791 г.).

Вместе с тем, начинается постепенное изъятие из обращения всех денежных суррогатов.

Первое противодействие встречает чеканка частных различных знаков из металла. Декретами 27 августа и 8 сентября 1792 г. фабрикация и выпуск их воспрещаются под угрозой 15-ти летнего заключения и конфискации монет. Выпущенные же в обращение должны быть изъяты в течение 1 месяца путем обмена на ассигнаты.

Двумя месяцами позже последовало распоряжение о размене на ассигнаты и „билетов доверия“ (декрет 8 ноября 1792 г.), самое позднее к 1 июля 1793 г.

Далее, путем обмена на новые ассигнаты, изъются купоны (в 15, 4½ и 3 ливра), так как их было очень легко подделывать (декрет 30 декабря 1792 г.; ср. также декрет 6 января 1794 г.). Что же касается частных денег, то ликвидация их начинается лишь восемь месяцев позже, когда уже изготовлено и имеет в наличии достаточное количество мелких ассигнатов.

Таким образом, вся история ассигнатов второго периода является в этом отношении *историей последовательного понижения выпускаемых купюр*, начиная от самых крупных и кончая самыми мелкими, историей постепенного расширения комплекта вводимых в оборот номинальных ценностей и историей вынужденного пополнения и завершения создаваемой, почти против воли ее создателей, новой денежной системы*).

Вместе с тем, она вскрывает нам социальное содержание даже временных, чисто-технических дефектов денежного обращения.

С таким же решающим влиянием нужды народно-хозяйственного оборота и лишь постепенным осознанием их закономерностей государством мы встретимся, рассматривая участие в обращении двух других сортов денежных знаков, конкурирующих с ассигнатами: одним нелегальным — фальшивыми ассигнатами, другим легальным — металлическими деньгами.

Фальшивые ассигнаты — это одна из тячайших бед французского бумажного обращения эпохи революции. Они появляются уже с июля 1791 г. сначала в самых крупных купюрах в 2.000 ливров, затем распространяются все больше, имитируя все сорта и расценки ассигнатов. Циркулирующее количество их увеличивается с каждым месяцем и в последние годы ассигнационного обращения достигает, по всем показаниям, огромных сумм.

Средства борьбы с ними оказываются мало действительными. Уже декрет 4 ноября 1790 года приговаривает к смертной казни-

*) С точки зрения результатов этого развития (движения купюр) второй период непосредственно примыкает к первому, хотя по *принципу* является его полной противоположностью.

за поддѣлку ассигнатовъ (ст. 7.). Съ другой стороны, Конституанта разрѣшаетъ (съ 1 іюля 1790 г.) учрежденіе во всѣхъ крупныхъ городахъ. „Бюро контроля національныхъ ассигнатовъ“³⁾. Частные институты этого рода берутъ на себя, за небольшую плату, различіе настоящихъ ассигнатовъ отъ фальшивыхъ. Технически это выполняется наложеніемъ на завѣренныя ассигнаты особой контрольной марки⁴⁾.

Оборотъ реагировалъ на это весьма опредѣленно: ассигнаты, завѣренныя контрольной маркой, стали цѣниться выше, чѣмъ незавѣренныя.

При огромной неустойчивости и массовомъ спекулятивномъ духѣ времени, это вредно отзывалось на курсовой цѣнѣ всей массы ассигнатовъ, что и было причиной запрещенія частныхъ Бюро контроля въ іюнѣ 1792 года.

На смѣну имъ появляется масса всевозможныхъ брошюръ и инструкцій для различенія настоящихъ ассигнатовъ отъ фальшивыхъ. Опубликовываются и официальные протоколы признаковъ, по которымъ послѣдніе можно узнать.

Между тѣмъ изготвленіе фальшивыхъ ассигнатовъ становится массовымъ промысломъ не только въ самой Франціи, но и главнымъ образомъ за границей.

Бельгія, Голландія, Швейцарія, Германія и особенно Англія массами фабрикують французскіе ассигнаты и транспортируютъ ихъ во Францію⁵⁾. При этомъ фабрики нерѣдко пользуются покровительствомъ своихъ правительствъ. Ибо, это занятіе не только даетъ крупные барыши, но и считается, съ легкой руки Питта, однимъ изъ важныхъ средствъ въ борьбѣ монархической Европы противъ революціонной Франціи.

Внѣдряясь въ народно-хозяйственный организмъ фальшивыя ассигнаты производятъ тотъ-же эффектъ, что и добавочныя эмиссіи. Они увеличиваютъ платежеспособный спросъ, даютъ на товарныя цѣны и сокращаютъ финансовые результаты правительственныхъ эмиссій.

И все же, при всемъ вредѣ, который они наносятъ и финансамъ страны и всему народному хозяйству, борьба съ ними оказывается безуспѣшной. Между тѣмъ, по отношенію къ части ихъ, по крайней мѣрѣ, при желаніи участниковъ товарооборота, борьба была бы не такъ трудна. Ибо, фальшивыя ассигнаты часто весьма мало похожи на настоящіе по качеству бумаги, характеру воспроизведенія, рисунку и т. д. Дѣло доходитъ до того, что на нихъ появляются совершенно инныя надписи, чѣмъ на настоящихъ⁶⁾.

Въ чемъ же причина такого пассивнаго отношенія къ нимъ со стороны населенія? — Здѣсь мы встрѣчаемся съ еще однимъ изъ характерныхъ явленій интенсивнаго эмиссіоннаго хозяйства. Поскольку выпуски бумажныхъ денегъ становятся для извѣстнаго періода вре-

мени явленіемъ постояннымъ, постольку ростъ товарныхъ цѣнъ совершается не только путемъ разрастанія платежеспособнаго спроса, благодаря такъ или иначе разсосавшемуся въ странѣ излишку денежныхъ знаковъ, но и путемъ прямого перечисленія товарныхъ цѣнъ, учитывающихъ текущее и прогрессирующее обезцѣненіе денежной единицы и стремящихся предвосхитить и поглотить грядущее обезцѣненіе денегъ: онѣ гонятся за эмиссіями и *перегоняютъ ихъ*.

Создается парадоксъ: въ то время, какъ ежедневно въ оборотъ выпускаются массы вновь и вновь печатаемыхъ бумажныхъ денегъ, ихъ въ оборотѣ оказывается *недостаточно* по сравненію съ обычнымъ временемъ, когда общая сумма денежныхъ знаковъ была гораздо меньше.

Это явленіе денежнаго голода объясняется тѣмъ, что ростъ товарныхъ цѣнъ *перегоняетъ* ростъ денежной массы, такъ что послѣдняя при создавшемся уровнѣ цѣнъ не можетъ покрыть нужды товарооборота.

При этихъ условіяхъ, товарный оборотъ выискиваетъ и поглощаетъ всяческіе денежные суррогаты, которые только могутъ быть примѣнены для этой цѣли. Однимъ изъ такихъ суррогатовъ и явились въ эпоху французской революціи фальшивыя ассигнаты. Среди участниковъ товарныхъ сдѣлокъ и расчетовъ создается какъ бы *молчаливая круговая порука*, которая гарантируетъ постоянную циркуляцію ихъ не только независимо отъ какого-либо принудительнаго курса, но и въ прямое нарушеніе предписаній закона.

Металлическія деньги претерпѣваютъ въ этой стадіи обратную эволюцію въ смыслѣ неуклонно-послѣдовательнаго *вытѣсненія* ихъ изъ оборота.

Для учета, какое количество ихъ циркулировало во Франціи къ началу революціи, нужно считаться со слѣдующими данными. Со времени реформы денежной системы 1725 г., послѣ которой вся обращавшаяся въ странѣ монета была перечеканена заново, до 1780 г. было вычеканено новой монеты на 2.446.700.000 ливровъ.

Изъ нихъ золота было на 957,2 милліона и серебра на 1.489,5 ливровъ. Съ 1780 по 1789 г. было вычеканено сверхъ того больше, чѣмъ на 100 милліоновъ монеты.

Стало-быть, общій итогъ чеканки къ 1789 г. превысилъ 2½ милліарда ливровъ.

По исчисленіямъ лучшаго финансиста своего времени, Неккера⁷⁾, сокращеніе этой суммы въ счетъ вывоза за границу, использованія для издѣлій изъ драгоценныхъ металловъ и гибели во время морскихъ путешествій не могло превысить 300 милліоновъ ливровъ.

Такимъ образомъ, можно считать, что къ началу революціи Франція обладала циркулирующимъ металлическимъ фондомъ въ 2.200.000000 ливровъ.

Первым толчком къ сокращенію этого циркуляторнаго фонда явилось развитіе билетнаго обращенія Учетной Кассы, снабженнаго, какъ мы знаемъ, принудительнымъ курсомъ только въ Парижѣ.

Послѣ нѣкотораго укрѣпленія курса бумажныхъ денегъ (обращавшихся въ видѣ банкнотъ, обезпеченныхъ процентными ассигнатами и позже — въ видѣ замѣстившихъ ихъ ассигнатовъ) въ первой половинѣ 1790 г. такое вытѣсненіе — при отсутствіи принудительнаго мѣноваго равенства бумаги съ металломъ — должно было сократиться и возобновилось лишь во второй половинѣ этого года съ возобновившимся паденіемъ курса ассигнатовъ.

Въ это время Учредительное Собраніе издаетъ даже специальный декретъ, коимъ поручаетъ своимъ комитетамъ финансовъ и монеты изыскать способы устраненія недостатка въ монетѣ (8 октября 1790 г.).

Между тѣмъ, чеканка монеты, несмотря на все возраставшій лажъ на металлъ, продолжалась.

Финансисты Учредительнаго и Законодательнаго Собраній, упорно отстаивая специфически ипотечный характеръ ассигнатовъ, дающій имъ специфическую цѣнность и самостоятельное существованіе наряду съ звонкой монетой, приписывали исчезновеніе послѣдней изъ оборота злокозненнымъ дѣйствіямъ враговъ Франціи и упорно продолжали выпускать полноцѣнные металлическія деньги въ обращеніе.

Они не только считали возможнымъ сохраненіе параллельнаго обращенія бумажныхъ денегъ и металла, но и хотѣли уничтожить, такимъ образомъ, лажъ на металлъ.

За 1791 г. 17 монетныхъ дворовъ Франціи вычеканили на 41 милліонъ ливровъ звонкой монеты (въ томъ числѣ 3½ милл. золота, 33½ милл. серебра и свыше 4 милл. мѣди)⁸⁾.

За 1791 и 1792 г.г. (по другимъ даннымъ) всего вычеканено свыше 117 милліоновъ ливровъ (въ томъ числѣ 8 милл. золотомъ, 88 милл. серебромъ и 21 милл. мѣдью и металломъ колоколовъ)⁹⁾.

Всѣ эти начеканенныя суммы, выйдя изъ кассъ Казначейства, больше, конечно, въ нихъ не возвращались.

Но, все же, изъ частнаго оборота металлическія деньги вытѣснялись лишь медленно и постепенно.

Объ формы вытѣсненія — отливъ за-границу и тезаврированіе населеніемъ — находили себѣ преграду въ той массовой спекуляціи металломъ, которая характеризуетъ весь этотъ періодъ.

При возрастаніи бумажно-циркуляторной массы, все шире выполняющей функціи товарообмѣна, но не связанной никакимъ легальнымъ соотношеніемъ цѣнности съ металлической монетой, послѣдняя становится не просто товаромъ, но и средствомъ спекулятивнаго подавленія мѣновой цѣнности бумажныхъ денегъ.

И средство это оказывалось тѣмъ болѣе мощнымъ, что формы субъективнаго углубленія объектовъ отмѣтившейся относительной

депрециаци бумажныхъ знаковъ — были многочисленны и разнообразны.

Игра „на пониженіе“ ассигнатовъ являлась въ то же время игрой „на повышеніе“ металла, а это повышеніе давало прямые барыши тѣмъ, кто, получая въ свои руки и металлъ и ассигнаты, могъ въ сношеніяхъ съ казной отдавать только ассигнаты по ихъ номинальной стоимости.

Такъ поступали, между прочимъ, всѣ сборщики податей, получавшіе путемъ продажи получаемаго металла крупные барыши.

Съ другой стороны, подрывъ довѣрія къ ассигнатамъ былъ въ интересахъ и приверженцевъ стараго строя, ведшаго, во главѣ съ дворомъ, переговоры съ иностранными державами для образованія коалиціи съ цѣлью подавленія революціи, — ибо успѣхъ ассигнатовъ означалъ бы собою укрѣпленіе финансоваго, а съ нимъ и всего экономического организма революціи; — и въ интересахъ духовенства, не желавшаго разставаться со своими помѣстьями; — и даже въ интересахъ группы финансоваго капитала, концентрировавшагося вокругъ Учетной Кассы и лишившагося, съ лишеніемъ ея прежнихъ привилегій, крупныхъ доходовъ¹⁰⁾.

Наконецъ, и сама администрація казначейства, столкнувшись лицомъ къ лицу съ фактомъ обезцѣненія ассигнатовъ, вынуждена была дѣлать различіе между ними и металломъ, что еще больше ухудшало ихъ расцѣнку.

Такъ какъ для содержанія арміи въ 128 тысячъ человѣкъ требовались крупныя суммы, которыя съ пониженіемъ покупательной силы бумажныхъ денегъ еще больше возрастали, то администрація Казначейства, желая противодействовать этому, разослала приказъ на мѣста передавать армейскимъ казначеямъ всю звонкую монету, поступавшую при уплатѣ налоговъ*)¹¹⁾.

На дѣлѣ это означало инспирировать недовѣріе къ ассигнатамъ.

Мало того: до созданія достаточнаго количества мелкихъ ассигнатовъ, въ концѣ 1791 и началѣ 1792 г.г., когда Казначейству приходилось производить платежи мелкими суммами, оно принуждено было *покупать* для этого звонкую монету, платя за нее въ ассигнатахъ на 20% больше ея номинальной стоимости: за 100 ливровъ въ металлѣ казна платила 120 ливровъ въ ассигнатахъ¹²⁾, освѣщая, такимъ образомъ, санкціей государственной практики паденіе покупательной силы одного изъ видовъ государственной валюты по отношенію къ другому.

*) Декретомъ Законодательнаго Собранія отъ 26 апрѣля 1792 г (пунктъ 4-й предписывалось окружнымъ сборщикамъ употреблять металлическую монету, вносимую патриотами въ обмѣнъ на ассигнаты равной стоимости, также исключительно на уплату жалованія войскамъ и другія военныя нужды.

Если, такимъ образомъ, всѣ эти моменты являлись формами пониженія цѣнности ассигнатовъ и возрастанія лажа на металл, то съ другой стороны, самая длительность и непрерывность обезцѣненія ассигнатовъ становилась факторомъ вытѣсненія металла изъ обращенія, несмотря на отсутствіе легальнаго принужденія обмѣнивать металл на бумагу по номинальной цѣнности.

Если бы обезцѣненіе ассигнатовъ остановилось на какомъ-нибудь болѣе или менѣе постоянномъ уровнѣ, то для совмѣстнаго обращенія ихъ со звонкой монетой не было бы никакихъ препятствій.

Но какъ только фактъ *прогрессирующаго* паденія покупательной силы бумажекъ сдѣлался достояніемъ общественнаго сознанія и металлъ получилъ значеніе, единственной формы реального закрѣпленія имѣющихся на рукахъ цѣнностей, какъ онъ сталъ неуклонно исчезать изъ оборота, несмотря на барьеръ спекуляціи, сулившей, хотъ и съ рискомъ, большіе барыши.

Въ самой странѣ происходитъ двоякій процессъ: часть металла осѣдаетъ на рукахъ у слоевъ средняго достатка по преимуществу въ порядкѣ натурального накопленія; другая часть все больше концентрируется въ рукахъ у группы ажіотеровъ, выпускающихъ его въ обращеніе лишь для того, чтобы немедленно же снова изъять.

Какъ же возрастала въ это время сама циркуляторная масса ассигнатовъ, вытѣснявшая металлъ?

Вопросъ о новыхъ эмиссіяхъ не поднимался въ теченіе ряда мѣсяцевъ послѣ того, какъ декретомъ 29 сентября 1790 г. было установлено, что „въ обращеніи не сможетъ находиться ассигнатовъ больше, чѣмъ на сумму въ 1.200.000.000 ливровъ“. Тогда же было рѣшено покрыть эту сумму полностью, выпустивъ въ обращеніе 800 милл. дополнительно къ циркулировавшимъ уже до этого 400 милл., согласно декретамъ 19 декабря 1789 г. и 17 апрѣля 1790 г.).

Только въ маѣ слѣдующаго 1791 года декретированъ былъ новый выпускъ 5-ливровыхъ ассигнатовъ на сумму въ 100 милл., но послѣдующіе декреты установили обмѣнъ ихъ при выпускѣ на болѣе крупны купюры¹³⁾.

Однако, декретъ 19 іюня 1791 г. приноситъ новую и значительную эмиссію въ 600 милліоновъ ливровъ¹⁴⁾. Правда, и эта эмиссія не увеличиваетъ общей массы *циркулирующихъ* ассигнатовъ, ибо предназначается лишь въ обмѣнъ на возвращаемые въ экстраординарную кассу и погашаемые ею ассигнаты.

„Непосредственно въ обращеніе, — гласитъ ст. 2-ая декрета — будутъ выпущены лишь 160 милл.¹⁵⁾, остальные же будутъ выпускаться не иначе, какъ по мѣрѣ возвращенія въ кассу ассигнатовъ прежнихъ или настоящаго выпуска, которые подлежатъ уничтоженію“.

Учредительное Собраніе еще вѣритъ, что бумажныя эмиссіи имѣютъ чисто временный характеръ и подлежатъ въ скоромъ времени

ликвидациі и потому очень заботится о полномъ отграниченіи этой сверхкомплектной эмиссіи отъ прежнихъ.

Декретъ требуетъ, чтобы былъ открытъ особый счетъ для нея, чтобы всѣ записи, протоколы, и все относящееся къ фабрикаціи, выпуску, возвращенію и сожженію этихъ ассигнатовъ было „абсолютно различимо и отдѣлено“ отъ остальныхъ записей (ст. 3): и хотя новые ассигнаты должны быть изготовлены на такой же бумагѣ, такой же формы и съ тѣми же подписями, что и болѣе ранніе, но дата декрета, указываемая на нихъ, должна быть измѣнена (ст. 1-ая).

Наконецъ, декретъ требуетъ отъ казначея экстраординарной кассы составленія детальнаго публичнаго отчета о всѣхъ выпущенныхъ ассигнатахъ, какъ только всѣ операціи съ ними будутъ закончены (ст 4-ая).

Не только это послѣднее требованіе не было, повидимому, выполнено, но и всѣ тщательно исчисляемая здѣсь мѣры предосторожности уже въ ближайшихъ же эмиссіяхъ были сведены нанѣтъ.

Съ учащеніемъ эмиссій и превращеніемъ ихъ въ нормальный и постоянный ресурсъ государственнаго казначейства всѣ подобныя условія строгой отчетности и различенія ихъ между собой все больше теряли значеніе. А, далѣе, все увеличивавшееся напряженіе дѣятельности органовъ, вѣдавшихъ выпускомъ ассигнатовъ скоро сдѣлало для нихъ просто физически невозможнымъ выполнять всѣ формальныя директивы отчетности и контроля.

Мы не знаемъ нынѣ были ли соблюдены предписанія декрета 19 іюня о выпускѣ новыхъ ассигнатовъ лишь взамѣнъ сжигаемыхъ старыхъ, или финансовая нужда заставила не считаться съ этими требованіями.

Передъ самымъ окончаніемъ своихъ работъ Учредительное Собраніе выпускаетъ еще на 100 милл. ассигнатовъ (декретъ 28 сентября 1790 г.), не ставя уже условіемъ соблюденіе прежняго контингента циркуляціи и повышая его, такимъ образомъ, до 1.300.000.000 ливровъ¹⁶⁾.

Законодательное Собраніе, которому приходится унаслѣдовать отъ Учредительнаго 700 милліоновъ ничѣмъ непокрытаго дефицита (агіègé) за 1790 и 1791 годы, при общемъ бюджетѣ 1791 и 1792 годовъ до 700 милл. въ годъ, — быстро увеличиваетъ циркуляторный максимумъ, рядомъ послѣдовательныхъ декретовъ.

Максимумъ устанавливается декретомъ:

1 ноября 1791 г.	въ	1400 милліоновъ	
17 декабря „ „	„	1600	„
4 апрѣля 1792 г.	„	1650	„
30 „ „ „	„	1700	„
13 іюня „ „	„	1800	„
31 „ „ „	„	2000	„

Конвентъ въ началѣ своей дѣятельности еще 2 раза повышаетъ этотъ максимумъ:

25 октября 1792 г. до 2400 милліоновъ
1 февраля „ „ „ 3100 „

Этотъ максимумъ циркуляціи является послѣднимъ, который былъ фиксированъ закономъ. Позже о максимумѣ рѣчи больше не ведется и эмиссіи декретируются каждая въ отдѣльности.

Нужно сказать, что фактическая работа печатнаго станка значительно превышаетъ эти цифры.

Такъ, общее количество ассигнатовъ, изготовленныхъ по декретамъ Учредительнаго Собранія = 2.437.656.618 ливрамъ, по декретамъ Законодательная Собранія = 1.315.400.000, ¹⁷⁾, т.-е. въ суммѣ свыше 3.750 милл. противъ 2.000 милл. циркуляторнаго максимума.

Но въ эту сумму входятъ, *во-первыхъ*, всѣ ассигнаты, выпускавшіеся въ порядкѣ обмѣна на циркулировавшіе до того и изъемлемые такимъ путемъ изъ оборота (напр., мелкіе купюры взамѣнъ крупныхъ), и *во-вторыхъ*, всѣ ассигнаты выпускавшіеся взамѣнъ возвращенныхъ уже въ казначейство въ порядкѣ уплаты за приобретаемые домены.

Обѣ эти категоріи эмиссій не увеличивали установленнаго максимума циркуляціи, хотя только первая имѣла техническій характеръ, вторая же имѣла и самостоятельное значеніе поскольку подразумевала и требовала новаго самостоятельнаго обезпеченія.

Въ какой же мѣрѣ происходило реальное погашеніе возвращаемыхъ ассигнатовъ?

И, прежде всего, какъ идетъ самая распродажа земель, являющаяся условіемъ погашенія?

По предложению мэра гор. Парижа *Бальи* продажа земель, предложенная уже первымъ декретомъ объ ассигнатахъ 19 дек. 1789 г., но не производившаяся за отсутствіемъ покупателей, была поручена муниципалитетамъ (вотумъ 17 марта 1790 г). Юридически дѣло было обставлено такъ, что государство передавало муниципальнымъ управленіямъ предназначенные для этого на 400 милл. ливровъ *en bloc*. Половину этого количества бралъ на себя Парижъ, а другую половину онъ предложилъ провинціямъ, многія изъ которыхъ немедленно очень охотно откликнулись на призывъ.

Сами муниципіи должны были организовать продажу этихъ земель въ розницу. При этомъ, города, не имѣвшіе средствъ для оплаты приобретаемыхъ земель, выпускали, по первоначальному плану, размѣнные и процентные „муниципальные бонны“ (*bons municipaux*), причемъ ихъ держатели имѣли право требовать распродажи такого количества земель, которое необходимо для ихъ удовлетворенія ¹⁸⁾.

Декретъ о продажѣ детализованными участками издается только 25 июня и публикуется 9 июля 1790 г.

Но продажа начинается не сразу, такъ какъ съ одной стороны требуется время для того, чтобы наладить организаціонно-технической аппаратъ, а съ другой — муниципалитеты предполагаютъ производить ее съ извѣстными интервалами, дабы не перегрузить рынокъ и не обезцѣнить земли свыше мѣры. Къ 24-му марта 1791 г. сумма продажъ составляетъ лишь 180 милл. ливровъ ¹⁹⁾. Позже продажа идетъ быстрѣе, ибо Учредительное Собраніе отсрочиваетъ платежи покупателямъ и облегчаетъ перепродажу земель мелкими участками, что даетъ поводъ къ массовымъ скупкамъ земель такъ наз. „черными бандами“ спекулянтовъ ²⁰⁾.

Къ концу 1791 г. сумма зарегистрированныхъ продажъ доходитъ до 903 милліоновъ ливровъ; между тѣмъ 114 округовъ въ это время еще не представляли своихъ отчетовъ, такъ что — по предположенію *Жореса*, — общая цѣнность проданныхъ земель можетъ быть исчислена въ 1500 милл. ²¹⁾.

Эта цифра, существенно, различается отъ данныхъ современника и активнаго финансоваго дѣятеля эпохи *Рамэля*, который исчисляетъ всю сумму продажъ національныхъ земель за время *циркуляціи ассигнатовъ* (съ 1790 по 1796 г.) въ 1½ милліарда ²²⁾. Къ концу 1791г., если даже считать, что большая часть продажъ была совершена въ первый періодъ революціи она должна была быть гораздо меньше.

Какъ бы тамъ ни было, проданныя земли составляли лишь часть земельного фонда: вся совокупность земель, подлежавшихъ продажѣ оцѣнивалась въ докладѣ *Монтекиу* Учредительному Собранію въ 8.200 милл. Но сумма разрѣшенныхъ эмиссій равнялась къ концу 1791 г. только 2200 милл. ливрамъ при циркуляторномъ максимумѣ въ 1.600 милл.

Казалось бы, дѣло должно было обстоять хорошо, какъ и предсказывала ипотечная теорія ассигнатовъ.

Но на самомъ дѣлѣ такія цифры реализаціи земельного обезпеченія ассигнатовъ еще очень мало говорятъ о томъ, какое количество послѣднихъ, дѣйствительно, изъемлется изъ обращенія.

Ибо между моментомъ совершенія продажи и моментомъ изъятія ассигнатовъ изъ обращенія находятся еще два звена, приобретающія съ теченіемъ времени все болѣе самостоятельное значеніе.

Это, — *во-первыхъ*, оплата проданныхъ земель покупателями, и *во-вторыхъ*, погашеніе уплаченныхъ ассигнатовъ.

Что касается перваго момента, то, благодаря длительной разсрочкѣ, которая предоставлялась покупателямъ, возвращеніе эмиттированныхъ ассигнатовъ въ казначейство ни въ какой мѣрѣ не шло параллельно, совершаемымъ продажамъ, а прогрессивно отъ нихъ отставало.

Покупатели платили при покупѣ 12 — 20% стоимости, и когда нужно было „сдѣлать слѣдующій взносъ, они выискивали всякіе

предлога, чтобы ничего не вносить и очень часто успѣвали въ этомъ“ ²³⁾

Что же касается погашенія такъ или иначе возвращенныхъ ассигнатовъ, то свѣдѣнія объ этомъ крайне скудны, несмотря на постоянныя требованія и обѣщанія всѣхъ національныхъ Собраній о полной публичной отчетности всѣхъ операций этого рода по каждому департаменту ²⁴⁾.

Между тѣмъ, вопросъ о погашеніи, былъ уже съ самаго начала причиной немалыхъ тревогъ населенія, которое „боялось быть наводненнымъ бумажными деньгами“ ²⁵⁾ и выражало свое безпокойство въ рядѣ петицій, обращенныхъ по этому поводу въ Учредительное Собрание.

Объ уничтоженіи ассигнатовъ мы имѣемъ лишь слѣдующія свѣдѣнія.

Изъ 1200 милл. выпущенныхъ въ 1790 г. — 855 милл. были сожжены 16 сентября 1791 г. къ концу работъ Учредительнаго Собранія ²⁶⁾. Это составляетъ 29½% суммы эмиссій.

Въ періодъ Законодательнаго Собранія (ноябрь 1791 г. — сентябрь 1792 г.) возвращеніе ассигнатовъ не превышаетъ 30 милл. въ мѣсяць, при издержкахъ въ 80 милл., въ силу чего бумажное обращеніе увеличивается каждый мѣсяць, по крайней мѣрѣ, на 50 милл. ²⁷⁾.

По докладу Камбона въ апрѣль 1792 г., при разрѣшенной фабрикаціи, въ общемъ, на сумму въ 2.100 милл., наличность въ кассѣ равна 86 милл., а сожжено ассигнатовъ, поступившихъ въ уплату за національныя имущества около 457½ милл. и отъ другихъ поступленій около 7½ милл. всего около 465 милл. Въ обращеніи, такимъ образомъ, должно находиться ассигнатовъ около 1.549½ милл. ²⁸⁾ сумма же уничтоженныхъ ассигнатовъ составляетъ 23% всего выпуска ихъ, равнявшася 2 014 милл.

Наконецъ, изъ текста декрета 1 февраля 1793 г. мы узнаемъ, что при декретированной фабрикаціи ассигнатовъ на 3.100 милл. выпущено въ обращеніе было 3.069 милліоновъ, изъ коихъ возвращено въ уплату за національныя имущества и въ качествѣ процентовъ по разсроченнымъ платежамъ, аннулировано и сожжено 682 милліона ²⁹⁾, слѣдовательно, въ обращеніи должно находиться 2.387 милл. Процентъ уничтоженныхъ ассигнатовъ по отношению къ общей суммѣ эмиссій составляетъ, слѣдовательно, 22.2%

Такимъ образомъ, первый выводъ, который можно сдѣлать изъ этихъ сопоставленій гласить, что, *наряду съ постояннымъ возрастаніемъ циркуляторной массы ассигнатовъ норма погашенія ея неуклонно сокращается.*

Новыя эмиссіи въ абсолютныхъ цифрахъ не пополняютъ изытія изъ обращенія прежде выпущенныхъ ассигнатовъ, но значительно превосходя его, быстро увеличиваютъ циркуляторную массу. И въ то

же время *относительная величина погашенія* не только не возрастаетъ, но и не сохраняетъ своего прежняго %-та: она непрестанно падаетъ.

Если отвлечься отъ процентуально-незначительной кассовой наличности въ моменты расширенія эмиссионнаго контингента и принять моментъ исчерпанія предшествующихъ разрѣшеній тождественнымъ съ моментомъ декретирования новой эмиссии, то мы сможемъ извлечь слѣдующія примѣрныя показанія о темпѣ возрастанія циркуляторной массы за вычетомъ совершаемыхъ погашеній *).

къ 1 октября	1790 г.	— 400	милліоновъ
къ 15 іюня	1791 „	— 1040	„
къ 1 октября	1791 „	— 1200	„
къ 1 ноября	„ „	— 1300	„
къ 15 декабря	„ „	— 1400	„
къ 1 апрѣля	1792 „	— 1600	„
къ 1 мая	„ „	— 1650	„
къ 15 іюня	„ „	— 1700	„
къ 1 августа	„ „	— 1800	„
къ 25 октября	„ „	— 2000	„
къ 1 февраля	1798 „	— 2400	„
къ 5 мая	„ „	— 3100	„

За 25 мѣсяцевъ съ октября 1790 г. по ноябрь 1792 г. циркуляція ассигнатовъ возрастаетъ на 1.600 милл., что даетъ среднюю норму увеличенія циркуляторной массы въ 64 милл. въ мѣсяць. При этомъ, уклоненія отъ этой нормы, за болѣе чѣмъ 2-хъ лѣтній періодъ, очень незначительны; кривая циркуляціи движется почти безъ изломовъ и производитъ впечатлѣніе почти точной *прямой*.

Только съ ноября 1792 г. она отклоняется вверхъ, указывая на увеличеніе для ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ темпа возрастанія бумажной циркуляціи до 133 милл. въ мѣсяць (400 милл. за 3 мѣсяца).

Въ слѣдующіе 3 мѣсяца до мая 1793 г. отклоненіе еще сильнѣе, ибо въ оборотъ вводится (въ связи съ начавшейся войной Франціи съ Европейской коалиціей) за этотъ періодъ цѣлыхъ 700 милл., т.-е. норма ежемѣсячнаго возрастанія циркуляціи достигаетъ 233 милл.

Такимъ образомъ, *норма возрастанія* бумажной массы въ оборотъ державшаяся почти неизменно на одномъ и томъ же уровнѣ въ теченіе болѣе чѣмъ 2-хъ лѣтъ, въ концѣ 1792 г. въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ *удваивается*, а въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ почти *учетверяется*. (Точно: возрастание на 107, 8% и 264%).

Какое же вліяніе оказываетъ вся эта эволюція на *мгновую расцѣнку ассигнатовъ?*

*) Колебанія датъ до 3-хъ дней мы отбрасываемъ для большей наглядности общей линіи движенія.

Прежде всего, нужно замѣтить, что всѣ сколько-нибудь точныя данныя, дошедшія до насъ объ измѣненіи цѣнности ассигнатовъ, касаются ихъ цѣнности, выраженной въ металлѣ, ихъ курсовой цѣны по отношенію къ металлическимъ деньгамъ.

О движеніи же товарныхъ цѣнъ, систематическая регистрація которыхъ въ эту пору никого не интересовала, мы имѣемъ лишь случайныя отрывочныя свѣдѣнія, касающіяся лишь отдѣльныхъ товаровъ и отдѣльныхъ моментовъ времени. Для сужденія о движеніи общаго уровня цѣнъ, приходится, поэтому, руководствоваться не столько этими случайными цифрами, сколько обобщающими показаніями современниковъ.

Когда въ августѣ 1790 г. Мирабо впервые предложилъ массовый выпускъ ассигнатовъ на 2 миллиарда ливровъ, то одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ денежнаго обращенія своего времени *Дюпонъ де-Немуръ*, возражая противъ этого, указалъ, что слѣдствиемъ явится повышение всѣхъ товарныхъ цѣнъ пропорціонально возрастанію денежной массы.

Онъ же выпустилъ вскорѣ брошюру о „Вліяніи ассигнатовъ на цѣну хлѣба иодъ псевдонимомъ „Друга народа“.

Между тѣмъ, первый 400 миллионный выпускъ ассигнатовъ, какъ мы видѣли выше, прошелъ довольно хорошо. Паденіе покупательной силы по отношенію къ металлу обнаружилось въ сущности лишь съ августа мѣсяца, повышение же товарныхъ цѣнъ было еще почти незамѣтнымъ. Это дало поводъ Мирабо и другимъ сторонникамъ активной эмиссионной политики къ рѣзкимъ нападкамъ на Дюпона и къ торжествующимъ указаніямъ, что цѣны въ противоположность его пророчествамъ остались со времени перваго выпуска неизмѣненными (засѣданіе 28 сентября 1790 г.).

Факты, такимъ образомъ, казалось, подтверждали справедливость „абсолютной“ теоріи цѣнности бумажныхъ денегъ, какъ представителя земельнаго фонда.

Между тѣмъ, причина задержки въ движеніи цѣнъ была совершенно иной.

Прежде всего, *процессъ разсасыванія новой денежной массы среди населенія*, внѣ завершения котораго невозможно никакое повышение общаго уровня товарныхъ цѣнъ, требуетъ извѣстнаго, довольно продолжительнаго времени. Этотъ моментъ общаго значенія не перестаетъ вліять до извѣстнаго пункта въ развитіи эмиссионнаго хозяйства и служить причиной *отставанія роста товарныхъ цѣнъ отъ роста эмиссій*. Каждый пройденный эмиссіями этапъ отражается въ зеркалѣ товарныхъ цѣнъ лишь спустя болѣе или менѣе длительный періодъ времени. Внѣшне же, въ каждый данный моментъ, это выражается въ *диспропорціональности* между увеличеніемъ циркуляторной массы бумажныхъ денегъ и повышеніемъ товарныхъ цѣнъ, которая такъ усиленно под-

черкивается всѣми защитниками своеобразія внутренней цѣнности бумажныхъ денегъ.

Но въ данномъ случаѣ кромѣ этого общаго момента имѣлся еще одинъ специальный.

Первый выпускъ ассигнатовъ, произведенный исключительно въ крупныхъ купюрахъ, и не могъ разсосаться среди сколько-нибудь широкихъ слоевъ населенія, вообще, имѣющихъ дѣло съ такими крупными суммами лишь случайно; онъ остался на рукахъ у сравнительно немногочисленной группы лицъ, принадлежащихъ къ имущественнымъ верхамъ и потому не могъ непосредственно вліять на цѣны *массового потребленія*.

Однако, не требовалось ни отчетливаго пониманія обоихъ этихъ моментовъ, ни сознанія *предѣловъ* ихъ вліянія на фонъ развивающагося эмиссионнаго хозяйства для того, чтобы усвоить необходимость давленія бумажной массы на цѣны.

Поэтому, даже *Маратъ*, никогда не принадлежавшій къ числу крупныхъ экономистовъ, но инстинктивно предчувствовавшій грядущія бѣдствія неимущихъ низовъ, быстро усвоилъ правильность тезисовъ наиболѣе удаленнаго отъ него по своей соціальной позиціи *Дюпонъ де Немура* и вычислялъ въ своей газетѣ то вздорожаніе товаровъ, которое повлечетъ за собою обезцѣненіе ассигнатовъ³⁰).

Но два важныя обстоятельства парализуютъ и для 1791 г. ассигнаціонное повышение цѣнъ на предметы первой необходимости. Первое изъ нихъ относится къ числу моментовъ чисто циркуляторныхъ; второе приводитъ извнѣ, какъ элементъ общей финансово-экономической политики.

Первое, состоитъ въ слѣдующемъ: такъ какъ текущее обезцѣненіе ассигнатовъ въ металлѣ вытѣсняетъ послѣдній изъ оборота, то при небольшой еще бумажной массѣ она какъ-бы становится на мѣсто металла. Увеличенія всей массы циркуляторныхъ средствъ почти не происходитъ и давленіе ея на товарныя цѣны еще не даетъ себя чувствовать.

Второе обстоятельство — это принятое въ февралѣ этого года полное уничтоженіе пошлинъ на ввозимые въ города припасы.

Отказъ Учредительнаго Собранія отъ дохода 170 милл. въ годъ, который давали эти пошлины, не былъ вполнѣ добровольнымъ, ибо передъ этимъ населеніе неоднократно пыталось сжечь заставы³¹).

Но, принятый съ восторгомъ какъ мѣра, значительно облетававшая экономическое положеніе населенія, декретъ объ отмѣнѣ городскихъ пошлинъ, вошедшій въ силу съ 1 мая 1791 г., очень не надолго понизилъ цѣны большинства продуктовъ; цѣны вскорѣ поднялись опять, — а это и было проявленіе товарнаго обезцѣненія валюты, — до прежняго уровня и даже выше его.

„Какъ такъ! — пишетъ *Эберъ* въ своемъ журналѣ „Отецъ Дюшенъ“ (№ 83) — мы ничего не выиграли отъ уничтоженія заставъ? Насъ облагаютъ новыми налогами, а мы будемъ платить все тѣ же цѣны за предметы продовольствія?...“

Теперь уже нѣтъ рѣчи о незыблемости товарной покупательной силы ассигнатовъ ³²⁾: указываютъ только, что она падаетъ менѣе значительно, чѣмъ курсовая цѣна ассигнатовъ въ металлѣ.

„Было бы заблужденіемъ, — говоритъ *Кондорсэ*, — судить о реальномъ паденіи цѣнности ассигнатовъ по ихъ отношенію къ чеканенному серебру; только по цѣнамъ опредѣленныхъ товаровъ — путемъ исчисления достаточно сложнаго, которому даже трудно было бы дать устойчивое основаніе — можно было бы сколько-нибудь точно опредѣлить это обезцѣненіе. Но, важно указать, что оно гораздо меньше того, которое выражается курсомъ валюты, и этимъ разрушить заблужденіе, которое наши враги такъ любятъ повторять“. (Засѣданіе 12 марта 1792 г.).

Возрастаніе цѣнъ должно достигнуть извѣстной довольно значительной степени напряженія, прежде чѣмъ оно привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Такой переломъ совершается во второй половинѣ 1792 г., относительно которой мы имѣемъ уже нѣкоторыя цифры.

Вотъ, напримѣръ, какъ измѣнились въ Парижѣ цѣны на яйца въ послѣдніе годы передъ революціей и въ первые годы революціи ³³⁾

ГОДЪ.	Цѣна за тысячу въ монетѣ эпохи	Соотвѣтствующая цѣна за дюжину въ соврем. денежной единицѣ.
1771	37—40 ливр.	0,42 сант.
1781	38 „	0,43 „
1785	46 „	0,54 „
1790	34—52 „	0,48 „
1792	54 „	0,64 „

За 20 лѣтъ до революціи цѣна поднялась съ 42 сант. до 48 сант., т.-е. на 14%, а за 2 года революціи и эмиссионной политики — съ 48 сант. до 64 сант., т.-е. на 33½%, превзойдя на 10 сантимовъ т.-е. на 18½% максимальную цѣну всей до-революционной эпохи (54 сант. въ 1785 г.).

Аналогичное движеніе показываютъ намъ Парижскія пѣны на сахаръ (за фунтъ = 489 граммовъ) ³⁴⁾.

ГОДЪ.	Цѣна въ монетѣ эпохи	Соотвѣтствующая современ. цѣна
1773	— л. 14 су 6 денье	0,68 сант.
1776	— „ 16 „ 9 „	0,76 „
1781	1 „ 03 „ 0 „	1,18 „
1786	— „ 17 „ 10 „	0,82 „
1790	1 „ 03 „ 0 „	1,16 „
1791	1 „ 16 „ 0 „	1,70 „
1792	2 „ 05 „ 0 „	2.13 „

Если, такимъ образомъ, за 13 лѣтъ до революціи цѣна на сахаръ поднялась съ 68 сантимовъ до 1 фр. 18 сант., т.-е. на 78½%, то за 2 года революція и эмиссионной политики цѣна поднялась съ 1 фр. 18 сант. до 2 фр. 13 л., т.-е. на 80½%, превзойдя настолько же максимальныя до-революционныя цѣны (1781 г.).

Наконецъ, самое важное — движеніе цѣнъ на хлѣбъ.

Средняя цѣна ржи въ десятилѣтіе до революціи, съ 1777 по 1787 г., колебалась отъ 19 до 23 ливровъ за сетье и лишь въ неурожайные 1788 и 1789 годы повысилась до 25 и 84 ливровъ; въ 1790 г она равнялась 30 ливрамъ 7 су (докладъ Крѣза-Латуша отъ имени продовольственной секціи въ засѣданіи Конвента отъ 8 декабря 1792 г.).

Во второй половинѣ 1792 г. цѣна повысилась въ многихъ департаментахъ до 56, 60 и даже 64 ливровъ (по сводкѣ 1—16 октября 1792 г.). Правда, въ другихъ департаментахъ она равнялась въ то же время 25—35 ливрамъ, но общее повышение достигало въ среднемъ по крайней мѣрѣ, 37 ливровъ.

„Нынѣ, — пишетъ 19 октября министръ внутреннихъ дѣлъ *Роланъ*, — средняя цѣна хлѣба доходить до 37 ливровъ“ ³⁵⁾.

Въ своемъ прошеніи объ отставкѣ въ январѣ 1798 г. онъ также указываетъ эти же цифры:

„Цѣна зернового хлѣба колеблется во Франціи отъ 25—64 ливровъ“. . . . „Хлѣбъ, который съ давнихъ поръ стоилъ въ среднемъ 22 ливра за сетье вѣсомъ 240 фунтовъ, продается теперь во Франціи въ среднемъ по 37 ливровъ“ ³⁶⁾.

Но можно думать, что для этого времени такія цифры уже устарѣли.

Обезцѣненіе ассигнатовъ прогрессируетъ вмѣстѣ съ разжиженіемъ бумажной массы, вмѣстѣ съ темпомъ и напряженіемъ эмиссій. А кривая возрастанія циркуляціи ассигнатовъ, какъ мы видѣли выше, даетъ во второй половинѣ 1792 г. значительный переломъ кверху.

„До 1-го января 1793 г. — читаемъ у Рамеля, — приходилось покупать металлическую монету по ея курсовой цѣнѣ (à sa solde) А когда въ это время изъ бумажныхъ денегъ сдѣлали единственный денежный знакъ, находящійся въ обращеніи, то его обезцѣненіе заставило увеличить почти въ полтора раза это главное средство покрытія общественныхъ расходовъ. Эта вынужденная мѣра сдѣлала зло еще болѣе тяжкимъ; но оно становилось все болѣе повелительнымъ; его сравнивали съ водянкой“³⁷⁾.

Курсовая цѣна ассигнатовъ въ металлѣ даетъ съ начала 1791 г. картину почти непрерывнаго паденія; она составляла:

въ январѣ 1791	г.	91%
въ іюль	”	87%
въ январѣ 1792	”	72%
въ іюль	”	61%
въ январѣ 1793	”	51%

Товарныя цѣны движутся въ томъ же направленіи, а ихъ отставаніе отъ цѣны металла объясняется условіями соціального строенія аппарата денежнаго обращенія: каждый новый комплектъ бумажныхъ знаковъ, выпускаемыхъ въ обращеніе, скопляется, прежде всего, въ рукахъ тѣхъ самыхъ имущественныхъ верховъ, которые въ то же время представляютъ собою спеціальнй спросъ на благородные металлы. Этимъ вздувается, прежде всего, цѣна на металлѣ. Раширеніе спроса на другіе товары совершается позже, по истеченіи нѣкотораго промежутка времени, сообразно текущему процессу расасыванія бумажной массы среди болѣе широкихъ слоевъ населенія. Тогда повышаются и товарныя цѣны. А въ это время новый пакетъ бумажекъ поступаетъ въ руки верхнихъ слоевъ и цѣна металла снова взлетаетъ надъ новымъ уровнемъ цѣнъ на товары.

3. Начало бурнаго 1793 г. завершаетъ собою вторую стадію циркуляторнаго развитія ассигнатовъ Французской революціи и открываетъ *третью стадію* ея.

Если первая стадія характеризовалась преимущественно облигационными функціями ассигнатовъ, а вторая превратила ихъ въ денежные знаки, циркулирующее наряду со старой металлической денежной системой и конкурирующее съ нею, то третья стадія характеризуется *монополизацией денежных функций за ассигнатами*, превращеніемъ ихъ въ единственную и замкнутую въ себѣ систему.

Переломъ этотъ, такъ же какъ и предшествующій, подготавливается экономически фактическимъ вытѣсненіемъ звонкой монеты изъ массоваго оборота и сосредоточеніемъ ея въ узкой сферѣ спекулятивныхъ сдѣлокъ; это фактическое вытѣсненіе лишь закрѣпляется юридическимъ актомъ, хотя послѣдній имѣетъ здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, большую роль, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Постоянное возрастаніе бумажной циркуляторной массы и постепенное сокращеніе металлической приводятъ мало-по-малу къ определенному *перераспределенію между ними денежных функций*.

Металлическая единица перестаетъ быть мѣриломъ цѣнности, и эту роль воспріимлетъ единица бумажная.

Поскольку основнымъ платажнымъ средствомъ широкихъ массъ населенія становятся ассигнаты, постольку кореннымъ образомъ мѣняется методъ исчисленія товарныхъ цѣнъ, оплачиваемыхъ ими.

Строившіяся раньше на основѣ металлической единицы и перечислявшіяся по отношенію къ ассигнатамъ примѣнительно къ нормѣ ихъ обезцѣненія, товарныя цѣны теперь строятся на основѣ единицы ассигнаціонной и лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ уплаты металломъ перечисляются примѣнительно къ текущей его расцѣнкѣ. Металлическія деньги скопились теперь въ рукахъ сравнительно немногочисленныхъ группъ населенія, выполняющихъ общественную функцію накопленія и, въ это время соціальныхъ сдвиговъ и экономическихъ катастрофъ, тѣмъ болѣе стремящихся закрѣпить свою экономическую мощь въ металлѣ, носящемъ гарантію цѣнности въ себѣ самомъ и непосредственно независящемъ ни отъ какихъ юридическихъ нормъ.

Но, тѣмъ самымъ, рыночная и биржевая *котировки ассигнатовъ превращается въ котировку металлических денегъ*.

Однако, несмотря на совершившуюся замѣну одного мѣрила ценности другимъ, несмотря на то, что реальный торговый оборотъ оперируетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не со звонкой монетой, но съ ассигнатами, консерватизмъ челоѳческой психики, находясь въ данномъ случаѣ опорой въ экономическихъ интересахъ торговли, заставляетъ ее зорко слѣдить за колебаніями металлическаго „курса“ ассигнатовъ: товарныя цѣны нерѣдко варьируютъ параллельно всѣмъ колебаніямъ этого послѣдняго, хотя объективной основы для этого въ измѣненіяхъ напряженія спроса на товары еще не имѣется.

Такія чисто рефлекторныя колебанія товарныхъ цѣнъ, возлагаемая на плечи наименѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія не только всю тяжесть реального обезцѣненія ассигнатовъ, но и спекулятивныхъ варіаций цѣны металла, не могли не вызвать съ ихъ стороны рѣшительнаго протеста.

Въ слѣдующей главѣ, посвященной исторіи борьбы противъ обезцѣненія ассигнатовъ, мы увидимъ, какъ подъ влияніемъ требованія рабочихъ массъ Парижскихъ предмѣстій, Конвентъ принужденъ былъ декретировать воспрещеніе свободной торговли металлическими деньгами и установить легальное равенство ихъ номинальной цѣнности съ ассигнатами, равенство, охраняемое карательной санкціей закона.

Прогрессивное усиленіе каръ за нарушеніе этого предписанія доводитъ ихъ до степени террора.

Но этотъ моментъ является второстепеннымъ; принципиальное значеніе имѣетъ только первый декретъ 11 апрѣля 1793 г., въ общей формѣ устанавливающей принудительную равноценность ассигнатовъ со звонкой монетой и запрещеніе купли-продажи ея на какихъ-либо иныхъ условіяхъ.

Этимъ восполняется существенный пробѣлъ первоначального эмисіоннаго законодательства, причинившій не мало бѣдъ хозяйству революціи, а для текущаго момента совершается актъ большой важности: металлъ, расцѣниваемый въ ассигнатахъ гораздо выше своего номинала, принудительно изгоняется, такимъ образомъ, изъ *товарнаго* оборота во всей его еще циркулирующей массѣ.

Правда, никакія кары и запреты не въ состояніи совершенно уничтожить *спекулятивный* оборотъ металла, охраняемый полюбившимъ погашеніемъ договаривающихся сторонъ.

Но устраненіемъ его изъ товарнаго оборота, объемъ его циркуляціи сужается до минимума, и послѣдняя, въ силу ея спеціального значенія, перестаетъ быть факторомъ, давящимъ на весь народно-хозяйственный круговоротъ.

Если, такимъ образомъ, указанный юридическій актъ обуславливаетъ собою окончательное размежеваніе второго и третьяго періодовъ исторіи французскихъ ассигнатовъ, то нужно сказать, что подготовка функционированія ихъ въ качествѣ самодовлѣющей денежной системы стояла въ зависимости еще отъ ряда предшествующихъ моментовъ.

Прежде всего, ассигнаты эмиттируются теперь во всѣхъ возможныхъ купюрахъ крупныхъ и мелкихъ, первое время даже, преимущественно, мелкихъ, для того, чтобы восполнить внутреннюю диспропорціональность въ этомъ отношеніи первыхъ выпусковъ.

Затѣмъ, въ значительной степени благодаря этому, устраняются изъ обращенія всѣ конкурирующіе частные денежные знаки: билеты довѣрія, боны патриотическихъ кассъ, общественной помощи и т. д.

Только фальшивые ассигнаты продолжаютъ циркулировать во все возрастающемъ количествѣ, несмотря ни на какія кары.

Для борьбы съ ними издается даже декретъ о предстоящемъ *обмѣнѣ всѣхъ ассигнатовъ на новые*, которые будутъ сфабрикованы на бумагѣ, легко отличимой отъ всякой иной. Но эта грандіозная операція такъ и остается добрымъ пожеланіемъ *).

*) По крайней мѣрѣ, ни въ послѣдующихъ законодательныхъ актахъ, ни въ литературѣ вопроса свѣдѣній о выполненіи этого предписанія, ни даже в самомъ этомъ, декретѣ не имѣется. Декретъ датированъ 7—9 іюня 1793 г. и гласитъ:

„1. Ассигнаты, созданные и выпущенные въ силу декретовъ Національныхъ Собраній — Учредительнаго, Законодательнаго и Конвента, *будутъ изъяты изъ обращенія и обмѣнены на ассигнаты, которые будутъ заново сфабрикованы. Ассигнаты, полученные отъ обмѣна, будутъ аннулированы съ момента обмѣна и сожжены въ обычномъ порядкѣ.*

Такимъ образомъ, если не считать фальсификаціи, выпускаемые ассигнаты становятся *единственнымъ* циркуляторнымъ средствомъ.

Правда, чеканка металлическихъ денегъ еще продолжается, принимается рядъ энергичныхъ мѣръ для полученія нужныхъ благородныхъ металловъ, мѣди, бронзы и т. д.³⁸⁾

Но эта монета уже не выпускается больше на внутренній рынокъ, а употребляется, повидимому, для платежей за-границу — поставщикамъ военныхъ матеріаловъ и т. д.

Что же касается фабрикаціи самихъ ассигнатовъ, то она пріобрѣтаетъ въ этомъ періодѣ всѣ черты крупнаго производства, производства не на заказъ, а на массоваго потребителя, на экономически не опредѣленно большой рынокъ.

Правда, финансовое положеніе Франціи въ 1793 г. необычайно тяжело. Война противъ всей Европы требуетъ огромныхъ, ежедневно возрастающихъ затратъ; старая финансовая система разрушена, да и не могла бы быть использована, потому что населеніе требуетъ облегченія своего положенія; новая же, строящаяся, преимущественно, на основѣ привлеченія къ несенію податнаго бремени крупныхъ доходовъ и имущества, отчасти еще только строится, отчасти же не даетъ желаемыхъ результатовъ, ибо въ эту пору сдвига всѣхъ экономическихъ отношеній крупныя состоянія легче всего ускользаютъ отъ обложенія; наконецъ, тяжкое бремя задолженности стараго порядка все еще давить на государственный бюджетъ, ибо Національное Собраніе непреклонно желаетъ выполнить не имъ данныя обязательства.

Самые ассигнаты были, какъ мы видѣли, созданы съ цѣлью погашенія ими этого долга. На дѣлѣ параллельное этому предназначенію удовлетвореніе ими повседневныхъ потребностей превращалось все больше въ главную категорію ихъ затраты и все больше сокращало относительную часть эмиссій, идущую на покрытіе долговъ. Но только объявленіе войны заставило Конвентъ 14 мая 1792 г. формально предписать обращать на погашеніе неконституированнаго долга не свыше 6 милліоновъ въ мѣсяцъ, изъ совокупнаго расходнаго бюджета, отсрочивъ, такимъ образомъ, уплату остальныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ огромнымъ ускореніемъ темпа и усиленіемъ производительности эмиссій, дѣлаются излишними и тягостными многія изъ практиковавшихся прежде формальностей. Первой жертвой такого опрощенія является обычай законодательно фиксировать максимумъ циркуляторной массы ассигнатовъ. Максимумъ, установленный декретомъ 1 февраля 1793 г., въ 8.100 милл. является послѣднимъ. Даль-

2. Бумага ассигнатовъ будетъ легко отличима отъ всякой иной и будетъ изготовлена вся въ одной и той же мануфактурѣ...

...10. Рабочіе, которые будутъ наняты для изготовленія бумаги для ассигнатовъ, заключать договоръ съ директоромъ и фабрикантомъ о наоставленіи фабрики до полнаго окончанія работъ по изготовленію бумаги“

нѣйшія эмиссіи декретируются каждая самостоятельно, независимо отъ того, превыситъ ли она, въ совокупности съ находящимися уже въ обращеніи ассигнатами, указанную сумму или нѣтъ. На дѣлѣ, конечно, эта сумма оказывается превзойденной въ ближайшіе же мѣсяцы, такъ что фиксація максимума оказывается отмѣненной обычнымъ правомъ, внѣ какого-либо законодательнаго предписанія.

Такъ, декретъ 7 мая 1793 г. впервые послѣ 1 февраля 1793 г. разрѣшающій новую эмиссію въ 1.200 милл. сразу, не предрѣшая максимальнаго контингента циркуляціи, ссылается только на то, что общее количество ресурсовъ государства (цѣнность земель, предназначенныхъ для продажи, податныя недоимки и т. д.) равно 7.700 милл., тогда какъ сумма долговъ не превышаетъ 4.000 милл. Вскорѣ и такая цифровая аргументація изъ декретовъ исчезаетъ. Исчезаютъ и указанія на то, какое количество ассигнатовъ возвращено и уничтожено согласно общимъ предписаніямъ.

Со второй половины 1793 г. новые выпуски производятся почти ежемѣсячно.

Это приводитъ вскорѣ къ дальнѣйшему упрощенію порядка ихъ законодательнаго разрѣшенія. Раньше Національное Собраніе входило во всѣ подробности самаго процесса изготовленія ассигнатовъ: мы находимъ рядъ декретовъ, трактующихъ о заготовкѣ государственныхными типографіями бумаги для ассигнатовъ, о порядкѣ контроля за выработкой ея на бумажныхъ фабрикахъ и т. д.

Теперь всѣ такіе вопросы устраняются съ общихъ засѣданій и передаются для окончательнаго рѣшенія „Денежному Комитету“ („Comite du numeraire“) избранному изъ состава членовъ Національнаго Собранія, который раньше вырабатывалъ только проекты постановлений, докладывавшіеся общему собранію.

Далѣе: раньше различались два рода декретовъ — декреты объ эмиссіи ассигнатовъ и объ ихъ фабрикаціи. Первые имѣли принципиальное значеніе законодательнаго полномочія, даваемаго финансовому управленію, покрывать ассигнатами государственные расходы. Вторые имѣли техническое значеніе простого предписанія изготовить нужное количество ассигнатовъ.

Въ первые годы декреты о фабрикаціи обычно издавались послѣ декретовъ объ эмиссіи. Въ 1792 и 1793 г.г., когда усиливающаяся потребность въ новыхъ выпускахъ, заставляетъ заранѣе заботиться объ ихъ технической осуществимости въ нужный моментъ, декреты о заготовленіи ассигнатовъ иногда предшествуютъ декретамъ объ эмиссіи³⁹).

Но въ 1794 г. декреты объ эмиссіяхъ, дающіе собственно юридическую санкцію для внѣдренія въ оборотъ новой бумажной массы, исчезаютъ совсѣмъ. Ихъ замѣняютъ простые декреты о фабрикаціи.

Самое голосованіе условій каждаго новаго выпуска происходило въ Конвентѣ сначала публично. Но, по мѣрѣ того, какъ вошедшія въ систему эмиссіи усваиваются общественнымъ сознаниемъ въ качествѣ фактора цѣлаго ряда экономическихъ и социальныхъ слѣдствій, въ частности въ качествѣ причины постояннаго повышенія товарныхъ цѣнъ, — такая публичность приобрѣтаетъ своеобразное отрицательное значеніе. Ибо, простое извѣстіе о новомъ выпускѣ ассигнатовъ дѣйствуетъ такъ, какъ подѣйствовала бы закончившаяся и воспринятая оборотомъ эмиссія; создается психологическая атмосфера паники съ одной стороны и ажіотажа съ другой, товарныя цѣны даютъ значительный скачокъ вверхъ, а это, помимо всего остального, грозитъ свести на-нѣтъ финансовые результаты эмиссіи.

Это заставляетъ Конвентъ съ января 1795 г. превратить дальнѣйшія эмиссіи въ тайныя, путемъ передачи обсужденія ихъ на засѣданія Комитетовъ финансовъ и Общественнаго Спасенія.

Перестаютъ появляться, такимъ образомъ, и декреты о фабрикаціи.

Позже, при Директоріи, принимаются мѣры къ еще болѣе строгому огражденію отъ огласки предпринимаемыхъ эмиссій, которыя голосуются только въ составе самихъ „директоровъ“.

Но съ нѣкоторыхъ поръ возникаютъ еще новыя трудности со стороны чисто-технической.

Государственныя типографіи и бумажныя фабрики часто оказываются не въ состояніи удовлетворить предъявляемыя къ нимъ требованія. Предпринимается расширение типографій. Здѣсь уже работаютъ 400 человекъ, но этого мало. Трудъ типографскихъ рабочихъ объявляется реквизируемымъ государствомъ. Типографіи и спеціальныя бумажныя фабрики для ассигнатовъ основываются въ рядѣ провинціальныхъ городовъ⁴⁰). И все же въ 1794 г. наступаетъ моментъ, когда крахъ ожидается со дня на день.

„Полное обезцѣненіе нашихъ ассигнатовъ неизбежно, — пишетъ Вернье въ докладѣ Комитету Общественнаго Спасенія. — Оно уже очень близко; можно было бы сказать больше: оно почти цѣликомъ произошло. Бѣдствіе довершается тѣмъ, что фабрикація не можетъ сравняться съ ежедневными расходами. Она даетъ не свыше 60 или 70 миллионныхъ въ день, а наши расходы равны 80—90 милл. (Докладъ 8 фруктидора, г. III). Также и Фауноль (Fauroult), вступая на постъ министра финансовъ, заявляетъ: „Я уже предвижу трудность положенія, такъ какъ фабрикація ассигнатовъ не поспѣваетъ за ростомъ расходовъ“. (Письмо 20 брѹмэра, года IV)⁴¹).

Борьба съ такими техническими трудностями послѣ ряда усилий съ цѣлью увеличить производительность типографій все-же увѣнчалась успѣхомъ, хотя она шла не по тому пути, который предсказывался логикой развитія эмиссионнаго хозяйства. Задача усиленія производительности бумажныхъ денегъ понималось руководителями финансоваго

управленія епохи въ смыслѣ *матеріальномъ*, въ смыслѣ увеличенія массы печатаемой бумаги. Это направленіе борьбы, принимая во вниманіе техническую неподготовленность къ спѣшному оборудованію новыхъ отдѣловъ типографія, естественно, встрѣчало почти непреодолимые препятствія на своемъ пути. Между тѣмъ, задача рѣшалась бы гораздо проще, если бы вмѣсто такого *экстенсивнаго* направленія въ усиленіи производительности, въ смыслѣ *матеріальномъ*, было бы принято *интенсивное* направленіе его въ смыслѣ *экономическомъ*.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ подъ давленіемъ эмиссія повышается общій уровень товарныхъ цѣнъ, измѣняется и реально необходимая для оборота циркуляторная единица. Номинальной единицей остается старое денежное наименованіе, но поскольку цѣны на товары повышаются съ 1 до 10 ливровъ, постольку реально нужными обороту становятся знаки не въ 1, а въ 10 ливровъ. Именно послѣдніе становятся реальными средствами товарообмѣна, тогда какъ потребности въ знакахъ въ 1 ливръ становится теперь равной прежней потребности въ знакахъ въ $\frac{1}{10}$ ливра, экономическое значеніе которыхъ символизируется теперь знаками въ 1 ливръ.

Такимъ образомъ, въ системѣ эмиссіоннаго хозяйства естественнымъ методомъ повышенія бумажно-денежной производительности является постепенный, строго послѣдовательный, переходъ къ выпуску болѣе крупныхъ купюръ, съ послѣдовательнымъ же сокращеніемъ выпуска болѣе мелкихъ, за которыми движеніемъ цѣнъ сохраняется все болѣе ограниченное значеніе размѣнныхъ знаковъ, тяготящихся оборотъ своимъ изобиліемъ.

Этимъ путемъ дѣлается просто ненужнымъ расширеніе матеріальной производительности типографій путемъ механическаго увеличенія количества выпускаемыхъ, номинально все тѣхъ же, платежныхъ средствъ.

Денежный и финансовый комитеты Конвента только постепенно ощупью находятъ этотъ путь. Въ 1794 г. появляются въ обращеніи ассигнаты въ 10 тысячъ ливровъ, которые вскорѣ становятся наиболее ходкой купюрой, покрывающей до $\frac{3}{4}$ цѣнности всѣхъ эмиссій. Наряду съ нею усилению выпускаются купюры въ 500 ливровъ (иногда въ 100, 1000 и 2000), а затѣмъ идутъ лишь мельчайшія купюры въ 5 ливровъ и ниже. Остальные расцѣнки почти не выпускаются, ибо потребности въ нихъ, сверхъ находящихся уже въ обороте, очевидно, не имѣется.

Сводя общіе итоги выпуска различныхъ купюръ за все время развитія эмиссіоннаго хозяйства революціи, мы найдемъ следующія данныя ⁴²⁾. При общей суммѣ эмиссій въ 45½ миллиардовъ ливровъ, почти 35 миллиардовъ приходится на самыя крупныя купюры въ 500 ливровъ и выше и лишь 10½ милліардовъ на всѣ остальные купюры ниже 500 л.

При этомъ купюрами въ 10.000 было выпущено 12.540 милліоновъ.

„ 2.000 „	„ „	11.388 „
„ 1.000 „	„ „	6.090 „
„ 750 „	„ „	139 „
„ 500 „	„ „	4.580 „
Итого . . .		34.784 милліоновъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ 1795 г., когда ежемѣсячно выпускается по *нѣсколько миллиардовъ*, совершенно утихаютъ жалобы на техническія препятствія при осуществленіи эмиссій.

Итакъ, если весь второй періодъ циркуляторной исторіи ассигнатовъ — эпоха завершенія внутренняго строенія этой денежной системы, характеризуется систематическимъ *пониженіемъ* номинала выпускаемыхъ купюръ, то третій періодъ, эпоха болѣзненнаго разрастанія ея, отмѣчена обратнымъ процессомъ *повышенія* номинальной стоимости бумажныхъ знаковъ.

Но если такое повышение номинала служило лишь лучшимъ выразителемъ паденія реальной цѣнности ассигнатовъ, то идеологическимъ оправданіемъ эмиссіонной политики и общественно-политическимъ щитомъ противъ обвиненій ея, какъ причины соціальныхъ бѣдствій, вызываемыхъ ею, для Конвента служила все та же „ипотечная теорія“. Правда, выпуски ассигнатовъ уже въ концѣ 1792 г. приблизились къ цѣнности націонализированныхъ вначалѣ земель короны и клира. Но отвѣтомъ на это тогда же былъ рядъ усилій по расширенію земельного фонда, какъ реального обезпеченія полноцѣнности ассигнатовъ.

Первымъ значительнымъ источникомъ его увеличенія были земли эмигрантовъ. Уже 1 августа 1791 г., для того, чтобы воспрепятствовать политическимъ эмигрантамъ собираться за-границей для организаціи военнаго похода противъ революціи, Учредительное Собраніе постановило обложить ихъ земли тройнымъ противъ обычнаго налогомъ. Законодательнымъ Собраніемъ, декретомъ 9 февраля 1792 г., земля эмигрантовъ были объявлены находящимися въ распоряженіи націи, хотя при этомъ еще не предполагалось превратить въ обезпеченіе ассигнатовъ, ни распродавать ихъ, ибо король отказывался утвердить какія бы то ни было распоряженія, направленные противъ ихъ собственниковъ. Постановленіе о продажѣ земель состоялось лишь 2 сентября 1792 г.

Вскорѣ къ нимъ были присоединены земли Мальтійскаго ордена (декреты 19 сентября и 22 октября 1792 г.), которыя были уравнены со всѣми владѣніями религіозныхъ общинъ (декр. 26 сентября 1791 г.) конгрегацій и братствъ, конфискованныхъ по декрету 18 августа 1792 г. а также съ землями мануфактуръ, принадлежавшихъ церквямъ (декр. 19 августа 1792 г.).

Далѣ, борясь съ контръ-революціей, Конвентъ присоединяетъ сюда же владѣнія гильотинированныхъ, изгнанныхъ изъ страны и объявленныхъ „подозрительными“ декретъ 8 вентоза г. II и 26 фримера г. II=16 декабря 1793 г.) и бывшихъ генеральныхъ откупщиковъ налоговъ (декр. 23 нивоза г. II=12 января 1794 г.).

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ явились земли иностранцевъ, конфискованныя въ отвѣтъ на конфискацію земель, принадлежавшихъ французамъ въ Россіи и Испаніи и въ отвѣтъ на конфискацію Англіей хлѣбовъ, закупленныхъ французами въ Тосканѣ (засѣданія 17 августа 1793 г., 3 и 11 ноября и 31 декабря 1794 г.).

Увеличеніе земельного фонда идетъ какъ бы параллельно выпускамъ бумажныхъ денегъ и земли уже имѣющіяся въ распоряженіи націи вновь и вновь переоцѣниваются агентами администраціи. Благодаря этому, цѣна земельного обезпеченія ассигнатовъ возрасла съ 2½ миллиардовъ ливровъ до 7 миллиардовъ л.⁴³⁾ Однако, сколько-нибудь точное исчисленіе цѣнности всѣхъ этихъ земель дѣло детальнѣйшихъ изслѣдованій будущаго.

Нынѣ имѣющіяся цифры носятъ только гадательный характеръ.

Такъ, *Борнарель* считаетъ, что въ силу всѣхъ этихъ приобрѣтеній земельное „обезпеченіе ассигнатовъ учетверилось“⁴⁴⁾.

Р. Стурмъ исчисляетъ общій земельный фондъ, приобрѣтенный революціей въ 5½ миллиардовъ ливровъ; въ томъ числѣ 3 миллиарда даютъ земли клира и короны и 2½ миллиарда земли эмигрантовъ, осужденныхъ и т. д.⁴⁵⁾

Въ какой же мѣрѣ это обезпеченіе могло предотвратить паденіе цѣнности ассигнатовъ? — Мы уже говорили, что гарантировать ихъ полноцѣнность по номинальному написанію не могло никакое реальное обезпеченіе, ибо денежное обращеніе имѣетъ свои законы, которые не могутъ быть парализованы простымъ законодательнымъ прикрѣпленіемъ циркуляторныхъ средствъ къ нециркуляторнымъ объектамъ.

Однако, нужно признать, что такое закрѣпленіе могло бы въ одномъ случаѣ предотвратить *чрезмѣрное* обезцѣненіе ассигнатовъ. Это было бы возможно при томъ условіи, если бы *номинальная цѣнность ассигнатовъ* была бы разъ навсегда закрѣплена съ землями, соответствующими ей по стоимости. Въ такомъ случаѣ, *чрезмѣрное* обезцѣненіе ассигнатовъ означало бы *чрезмѣрное* удешевленіе земель, что и явилось бы лучшимъ стимуломъ для ихъ распродажи; въ силу этого, значительная часть ассигнатовъ была бы изъята изъ обращенія и цѣнность остальныхъ повысилась бы.

Такимъ образомъ, былъ бы созданъ своеобразный экономическій баллансъ между циркуляторной массой ассигнатовъ и массой нереализованнаго земельного обезпеченія. Какъ только обезцѣненіе ассигнатовъ превысило бы нѣкій предѣлъ, устанавливаемый всей совокупной соціально-экономической конъюнктурой даннаго народно-хозяйственнаго

единства, этотъ балансъ выходилъ бы изъ состоянія равновѣсія и, увеличивая мѣру реализаціи земельного обезпеченія ассигнатовъ, сокращалъ бы ихъ циркуляторную массу.

Но организація связи между ассигнатами и землей имѣла на дѣлѣ совершенно иной характеръ. Земли передъ продажей подлежали каждый разъ специальной оцѣнкѣ, которая служила лишь минимальной ставкой при продажѣ ихъ съ торговъ по максимально предложенной цѣнѣ. Поэтому, съ паденіемъ цѣнности ассигнатовъ, реально предлагаемая сумма ихъ за каждый данный участокъ должна была непрестанно возрастать⁴⁶⁾. Связь съ землей создавалась не для номинальной цѣнности ассигнатовъ, но для ихъ реальной цѣнности; тѣмъ самымъ описанный балансъ не могъ быть приведенъ въ дѣйствіе и продажа земель совершалась лишь въ мѣру нормальной, совершенно независимой отъ бумажнаго обращенія, способности населенія оплатить ихъ путемъ капитализаціи своихъ реальныхъ доходовъ.

VII. Борьба против обезцѣненія.

A. Фиксация цѣны металла.

Учредительное Собрание, бывшее творцомъ ассигнатовъ, устами своихъ теоретиковъ категорически утверждало невозможность падевія ихъ цѣнности, но дѣйствительность быстро показала неудовлетворительность ихъ аргументаціи. И хотя прогрессирующее обезцѣненіе ихъ, достигшее къ моменту роспуска Собранія 18—20%-овъ ихъ номинала, естественно побуждало къ принятію какихъ-либо мѣръ по борьбѣ съ нимъ, единственнымъ актомъ, оставленнымъ въ этомъ направленіи, — если не считать распродажи земель, мало продуктивной въ смыслѣ изытія ассигнатовъ изъ обращенія, — было воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ обосновывалась цѣлесообразность выпуска ассигнатовъ, доказывалась невозможность обезцѣненія ихъ и взывалось къ патриотизму населенія.

Но, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, эти патриотическія чувства оказались мало пригодной помѣхой для проявленія реальныхъ экономическихъ отношеній.

Законодательное Собрание не только цѣликомъ восприняло доктрину ассигнатовъ, развитую уже до него, но и унаслѣдовало практическую политику предшественниковъ. Оно разрѣшало новыя эмиссіи и довольно спокойно наблюдало процессъ обезцѣненія — либо не вѣря въ успѣшность противодѣйствія ему, либо не считая возможнымъ активно вмѣшиваться въ круговоротъ денежнаго обращенія.

Въ результатѣ, хотя за свое годовое существованіе оно прибавило сравнительно умѣренную сумму ассигнатовъ къ циркулировавшей массѣ ихъ — 900 милл. къ выпущеннымъ раньше 1.800 милл., — ко времени роспуска законодательнаго собранія въ сентябрь 1792 г. норма ихъ обозцѣненія сдѣлалась весьма и весьма чувствительной. Ассигнаты теряли по отношенію къ металлу теперь уже отъ 28% до 43% своей номинальной цѣнности.

Это было тѣмъ болѣе разительно, что циркуляторная масса была въ эту пору вовсе не такъ велика.

Мы видѣли, что передъ революціей во Франціи обращалось больше чѣмъ на 3 миллиарда золотой и серебряной монеты. Нынѣ она въ значительной части исчезла изъ обращенія, будучи вывезена за границу и тезаврирована населеніемъ.

Между тѣмъ, масса ассигнатовъ теперь лишь немногимъ превышала эту цифру, ибо при общей суммѣ эмиссій въ 2.700 милл., нѣкоторая часть была погашена и уничтожена, такъ что, по показаніямъ Рамэля, 22 сентября 1792 года въ обращеніи находилось лишь на 1972 милл. ассигнатовъ.

Такимъ образомъ, передъ *Конвентомъ* стала задача улучшенія экономическихъ качествъ ассигнатовъ, къ которой онъ — послѣ долгихъ колебаній и подъ непосредственнымъ давленіемъ извнѣ — все же, наконецъ, приступилъ и приступилъ довольно энергично.

1793-й годъ, эпоха террора въ сферѣ политики, даетъ намъ рядъ мѣропріятій, различныхъ по своей природѣ и неодинаковыхъ по мѣрѣ плодотворности, задачей которыхъ является улучшеніе бумажно-денежнаго обращенія. Мы объединяемъ ихъ въ одну группу подъ названіемъ „борьбы противъ обезцѣненія ассигнатовъ“.

Природа этихъ мѣропріятій позволяетъ распредѣлить ихъ на 2 подгруппы, сообразно двумъ основнымъ методамъ воздѣйствія на цѣнность бумажныхъ денегъ.

Къ первой изъ нихъ относятся мѣры *правовой нормировки* элементовъ мѣновой пропорціи между ассигнатами и товарами.

Ко второй — мѣры воздѣйствія на *экономическіе факторы* цѣнности ассигнатовъ.

Правовая регламентація товарообмѣна имѣла цѣлью прежде всего выкристаллизовать государственно-валютную природу ассигнатовъ, а затѣмъ и вообще закрѣпить денежныя цѣны товаровъ. Но между примѣненіемъ этихъ двухъ системъ въ борьбѣ противъ обезцѣненія ассигнатовъ финансовое управленіе Конвента предпринимаетъ рядъ финансово-экономическихъ мѣропріятій съ этими же заданіями.

1. Мы уже говорили въ VI-ой главѣ о томъ, что юридическое содержаніе легальнаго или „монетнаго“ курса ассигнатовъ, установленнаго въ 1790 г. было крайне неопредѣленнымъ.

При обязательности приѣма ассигнатовъ, вопросъ о оцѣнкѣ ихъ по отношенію къ металлу при такомъ приѣмѣ остался совершенно открытымъ.

Торговля, относившаяся, вообще, не вполне довѣрчиво къ экономическимъ экспериментамъ Учредительнаго Собранія истолковала эту неопредѣленность въ смыслѣ благопріятномъ для металла и неблагоприятномъ для ассигнатовъ.

Результатомъ явилась постоянная вибрація курса ассигнатовъ, ставшая особенно болѣзненно ощущаться всѣми потребителями тогда,

когда послѣ нѣкоторой заминки вначалѣ ринулись вверхъ и товарныя цѣны.

Между тѣмъ. положеніе особенно ухудшилось благодаря тому, что Учредительное Собраніе, въ составѣ котораго были и экономисты отлично ориентировавшіеся въ законахъ денежнаго обращенія, заняло въ этомъ вопросѣ совершенно ложную позицію.

Свою первоначальную недоговоренность оно превратило въ принципъ и открыто провозгласило декретомъ 17 мая 1791 г. полную свободу мѣновой расцѣнки металла и торговли имъ.

Оно полагало, что такимъ путемъ можно *укрѣпить* курсъ ассигнатовъ, что поощряя свободный размѣнъ ихъ на звонкую монету въ любой пропорціи можно будетъ приблизить послѣднюю къ реальной равноцѣнности номинальныхъ написаній.

Вліяніе этой ложной законодательной политики не замедлило сказаться въ томъ судорожномъ метаніи металлическаго курса ассигнатовъ, которое, даже при частичномъ только рефлексѣ въ товарныхъ цѣнахъ, всей тяжестью ложилось на плечи неимущихъ низовъ, связанныхъ въ своемъ потребленіи повседневными рыночными цѣнами.

Когда во второй половинѣ 1792 г. ухудшившееся положеніе народныхъ массъ и надвигающійся экономическій кризисъ поставили на очередь вопросъ объ активномъ вмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь страны, то жирондисты, стоявшіе у власти, отнеслись ко всѣмъ такимъ проектамъ и предложеніямъ рѣзко отрицательно.

Едва ля не единственнымъ крупнымъ экономистомъ среди нихъ былъ *Роланъ*, стоявшій во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и сознательно и послѣдовательно проводившій въ жизнь экономическую теорію либерализма.

Показателемъ устремленій политики этого вѣрнаго ученика и послѣдователя *Кене* и *Турго* среди настойчивыхъ требованій урегулировать экономическія отношенія, искажившіяся подъ дезорганизующимъ вліяніемъ массовыхъ бумажныхъ эмиссій, является проведенный имъ законъ *8-го декабря 1792 года*.

Стремясь реализовать всѣ принципы, навѣянные непреоборимой вѣрой въ универсальную цѣлебную силу свободной торговли, законъ этотъ караетъ *смертною казнью* всякое нарушеніе свободы обращенія предметовъ продовольствія.

Но обстановка экономическаго кризиса, условія военнаго времени съ его изоляціей народнаго хозяйства Франціи отъ международнаго рынка и монополизацией внутренняго снабженія въ рукахъ торговцевъ, нестѣсненныхъ болѣе взаимной конкуренціей; далѣе, организація заготовокъ для арміи съ ея военной наживой поставщиковъ всякаго рода, наконецъ, внутренняя конъюнктура системы эмиссионнаго хозяйства все это мало способствовало убѣдительности тезисовъ экономи-

ческаго либерализма и давленіемъ жизненныхъ тяготъ заставило отвергнуть мысль о томъ, что свободная игра вкономическаго взаимодействия даетъ странѣ *максимумъ* возможнаго благосостоянія.

Уже въ январѣ 1798 г. въ Парижѣ начинается агитація въ пользу активизаціи денежной и общей экономической политики государства. И вотъ что любопытно: къ агитаціи этой непричастны ни одна изъ вліятельныхъ группъ ни въ Конвентѣ, ни за его предѣлами.

По существу, монтаньяры относятся столь же отрицательно къ ней, какъ и жирондисты, хотя, быть можетъ, и не потому, что самопроизвольное и децентрализованное хозяйственное развитіе является для нихъ *conditio sine qua non*, какъ для послѣднихъ. Монтаньяровъ отталкиваетъ скорѣе недовѣріе къ плодотворности предлагаемыхъ мѣропріятій. Сказывается и отсутствіе сколько-нибудь выдержаннаго и углубленнаго экономическаго воззрѣнія, если не больше: отсутствіе среди нихъ хотя бы одного крупнаго экономиста съ достаточно широкимъ кругозоромъ.

И, даже понимая, что вопросы экономическаго положенія массы населенія это важная арена борьбы съ жирондистами, могущая оказать рѣшающей, и учитывая, что поддержка экономическихъ требованій момента даетъ имъ огромныя преимущества въ этой борьбѣ, монтаньяры все же не рѣшались открыто выступить на этотъ путь, пока событія не заставили ихъ это сдѣлать.

2. Очаги агитаціи исходили отъ немногихъ мыслителей-одиночекъ, не выдвинувшихся на политической аренѣ, но сумѣвшихъ разобратъ лучше, чѣмъ кто-либо въ насущных* нуждах* времени и выдвинувшихъ лозунги, всколыхнувшіе собою все рабочее населеніе Парижа, которое, усвоивъ ихъ, добилось ихъ реализаціи.

Идея, брошенная на площади и бульвары Парижа, была идея фиксаціи цѣны ассигнатовъ въ металлъ и наоборотъ.

Если деньги есть средство товарообмена, орудіе определенной общественной организаціи хозяйства, которымъ пользуются всѣ, но которое не принадлежитъ никому, которое выполняетъ свое назначеніе лишь непрестанно переходя изъ рукъ въ руки, то это общественное достояніе не можетъ быть объектомъ спекуляціи, независимо отъ того, сдѣлано ли оно изъ металла или изъ бумаги. Вѣдь „*фиктивныя деньги*“, какъ именовалъ когда-то ассигнаты *Нетіонъ*, обдумывая формы созиданія ихъ, давно уже стали „*національной монетой*“, какъ это утверждаетъ постоянно Конвентъ. И, значить, онѣ не могутъ расцѣниваться иначе, чѣмъ отличная отъ нихъ лишь по внѣшнему облику другая національная монета — металлическая.

„Начиная съ сего дня — требовалъ рабочій *Жанъ Варла*, коммунистъ и антипарламентарій. энтузіастъ и немного мистикъ ²⁾, — начиная съ самого дня вся звонкая монета и всѣ кредитныя бумаги *стано-*

вятся національной собственностью; ни одно лицо не сможет ни скупать, ни продавать их: исключительное право на продажу их, а равно и на учетный процент предоставляется национальному Казначейству по таксѣ фиксированной законом^{*)}).

„Требуйте смертной казни, — говорил и писалъ аббатъ Жакъ Ру, бывший профессор физики и философіи, который при всей аффектированности его пропаганды былъ едва не крупнѣйшей фигурой среди экономическихъ теоретиковъ социализма эпохи революціи. — требуйте смертной казни для скупщиковъ провизіи, для всѣхъ тѣхъ, кто, торгуя деньгами, фабрикуя монету ниже ея естественной цѣнности, дискредитируютъ наши ассигнаты, доводятъ товары до необычайныхъ цѣнъ и приближаютъ насъ быстрыми шагами къ дверямъ контръ-революціи“^{**)}

Въ этой пропагандѣ принудительнаго курса для бумажныхъ денегъ революціи и запрещенія торговли чеканеной монеты, несмотря на ея агитационно-аффектированную костюмировку, была вполне правильная мысль о необходимости устранить изъ оборота конкурирующія съ ассигнатами циркуляторныя средства, поскольку они расцѣниваются выше ассигнатовъ и тѣмъ подавляютъ цѣнность послѣднихъ.

Ведшаяся далеко за стѣнами Конвента, эта пропаганда отвѣчала въ своемъ существѣ потребностямъ времени и, будучи усвоена широкими массами населенія, была внесена отъ ихъ имени въ Конвентъ.

Уже 13 января 1798 г. всего черезъ мѣсяць послѣ принятія закона о неприкосновенности свободной торговли, представители 48 секцій и центрального коммунальнаго управленія Парижа явились въ Конвентъ съ требованіемъ декретировать принудительный курсъ для ассигнатовъ и отмѣнить законъ 17 мая 1791 г. о свободномъ обмѣнѣ золотыхъ и серебрянныхъ монетъ на ассигнаты.

„Этотъ законъ, — заявляютъ петиціонеры, — поощряя торговлю деньгами, уменьшаетъ доходы рабочаго и доводитъ его до отчаянія“. Можеть ли экю стоить 6 ливровъ, какъ монета, и 9 ливровъ, какъ продажный товаръ („effet commercable“)? Вѣдь монета „это общій знакъ (signe commun), который избранъ суверенной властью для того, чтобы выражать цѣнности товаровъ“. Стало быть, не можеть быть двухъ родовъ монеты, циркулирующихъ по различнымъ цѣнамъ. Нужно уничтожить ажіотажъ, декретируя, что торговля монетой — это торговля безчестная, „Если же вы не отмѣните вашего декрета, — заключали петиціонеры, — то Республика погибаетъ, но только вы погибнете обезславленными“³⁾

*) Его брошюра носитъ такое названіе: „Желанія, высказанныя свободными французами или петиція части сувереннаго народа, сообщенная его делегатамъ для подписанія на алтарь отечества и для представленія ея къ день, когда народъ подниметъ всей своей массой для того, чтобы противоборствовать угнетенію исключительно орудіемъ разума“.

**) Рѣчь въ клубѣ Якобинцевъ 17 мая 1782 г., отпечатанная затѣмъ отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „Рѣчь о средствахъ спасенія Франціи и свободы“³⁾.

Встрѣченная въ Конвентѣ шумомъ и протестами петиція была передана на разсмотрѣніе комитетовъ финансовъ и торговли.

Но 3 февраля 1793 г. представители секцій во главѣ съ мэромъ Парижа являются снова въ Конвентъ для того, чтобы настоять на своихъ требованіяхъ.

„Граждане, — гласить ихъ заявленіе Конвенту, — мы пришли еще разъ для того, чтобы обратить ваше вниманіе на декретъ Учредительнаго Собранія, который объявляетъ чеканенную монету товаромъ. Эта антигражданственная мѣра, которая породила ажіотажъ и плутовство входила цѣликомъ въ расчеты враговъ общественнаго дѣла. Этотъ декретъ является главнымъ стимуломъ махинацій, которыя продѣлываютъ распутники для того, чтобы разрушить священное строеніе нашихъ правъ. Въ то же время часть Национальнаго Собранія оправдывала наши потери открывая дорогу ажіотажу и скупкѣ предметовъ первой необходимости. Торговля ассигнатами и деньгами, которая неуклонно становится все прибыльнѣе, разрушаетъ принципы Республики и ослабляетъ такимъ образомъ довѣріе гражданъ; мы съ грустью наблюдаемъ, что эта монетизированная бумага, несмотря на то, что она снабжена достовѣрной ипотекой на яціональныя имущества, станеть вскорѣ ничѣмъ въ силу постоянного паденія ея цѣнности въ оборотѣ,

Этотъ безнравственный декретъ порождаетъ тѣ бѣдствія, которыми мы въ настоящее время удручены и которыя разрываютъ грудь (seln) нашего социальнаго тѣла; онъ давятъ на наименѣе обезпеченный классъ народа, обладающій для удовлетворенія своихъ потребностей лишь знакомъ, который въ его же рукахъ стараются дискредитировать и недоброжелательность къ которому привела къ паденію его кредита, въ результатѣ чего цѣны на предметы продовольствія вздулись до такого высокаго уровня. Гроза грохочетъ вдали, она готова разразиться надъ нашими головами Смѣлѣе, законодатели, смѣлѣе! Мы на стражѣ, вѣщайте и тираны возвратятся въ небытіе... Отмѣните этотъ законъ, плодъ неумѣлости и неопытности, издайте обуздывающій декретъ; провозгласите смертную казнь для всѣхъ тѣхъ, кто мѣняя свои монеты изъ золота, серебра и мѣди на національныя ассигнаты, дастъ за послѣдніе меньшую цѣну, чѣмъ та, которая опредѣлена закономъ...“

Заявленіе Парижскихъ секцій выходитъ тѣмъ внушительнѣе, что рядомъ съ ихъ представителями у барьера Конвента занимаютъ мѣста делегаты федератовъ 83 департаментовъ, образовавшихъ союзъ „защитниковъ единой и недѣлимой Республики“⁴⁾.

Но Конвентъ еще упорствуетъ, еще колеблется. И требуется еще рядъ повторныхъ настояній и демонстрацій толпы, требуется аргументація жизни, показывающая все прогрессирующее вздорожаніе предметовъ первой необходимости, требуется, наконецъ, расширение экономической программы петиціонеровъ до постановки на очередь задачъ универсальнаго управленія рыночными пропорціями товарообмѣна, до

вопроса о фиксации цѣны на всѣ предметы массоваго потребленія, для того, чтобы заставить его вступить на путь рѣшенія хотя бы этой первоисходной задачи.

4. Только въ апрѣлѣ 1793 г. Конвентъ рѣшается на это.

Декретомъ 8-го апрѣля 1793 г. устанавливается обязательное выраженіе въ ассигнатахъ всѣхъ хозяйственныхъ операцій *государства*⁵⁾ Декретомъ 11 апрѣля этотъ принципъ распространяется и на всѣ частныя сдѣлки, вмѣстѣ съ запрещеніемъ оговорокъ о платежѣ металломъ и продажи металлическихъ денегъ.

Провозглашается, наконецъ, *принципъ равноцѣнности ассигнатовъ съ металлическими деньгами*⁶⁾, съ цѣлью осуществленія *реальной незыблемости ихъ номинальной цѣнности*^{*)}.

Однако эти предписанія, при всей ихъ юридической значительности, очевидно оказались мало дѣйствительными для закрѣпленія реального мѣноваго значенія ассигнатовъ, ибо въ дальнѣйшемъ мы находимъ повторныя подтвержденія ихъ новыми декретами, ограждающими ихъ все болѣе строгой карательной санкціей.

Послѣ декрета 11 апрѣля 1793 г. установившаго 6 лѣтъ каторги для гѣхъ, кто будетъ просить или платить различная цѣны за товары въ зависимости отъ того производится ли уплата ассигнатами или металлическими деньгами, — слѣдуетъ декретъ 1 августа 1793 г., который въ сущности повторяетъ это же предписаніе и измѣняетъ лишь характеръ санкціи, вводя болѣе сложную систему каръ.

„Всѣ французы, — гласитъ онъ — уличенные въ отказѣ принять въ уплату ассигнаты—монеты, а также въ уплатѣ или приѣмѣ ихъ ниже ихъ номинальной стоимости (*avec une perte quelconque*) будутъ присуждаемы въ первый разъ къ штрафу въ 8.000 ливровъ и 6 мѣсяцамъ тюремного заключенія (*detention*); въ случаѣ же рецидива штрафъ будетъ удвоенъ и виновный будетъ присуждаемъ къ 20 годамъ каторги“⁷⁾

Еще черезъ мѣсяць — новый декретъ 5 сентября 1793 г., который *во-первыхъ*, расширяетъ кругъ наказуемыхъ дѣяній относя, сюда „покупку и продажу ассигнатовъ, назначеніе и предложеніе различныхъ цѣнъ въ зависимости отъ уплаты металлическими деньгами или ассигнатами, *разговоры, клонящіяся къ дискредитированію ассигнатовъ*, отказъ принять ассигнаты въ уплату, уплата и полученіе ихъ ниже номинальной стоимости“ (ст. 1); *во-вторыхъ*, уполномочиваетъ рядъ лицъ

*) Единственное постановленіе, противоречащее этому принципу. было увеличеніе содержанія войскъ при этомъ переходѣ съ металла на ассигнаты въ полтора раза (ст. 4 декрета 8 апрѣля 1793 г.) бывшее признаніемъ совершившагося обезцѣненія ассигнатовъ. Однако это могло быть разсматриваемо какъ простое повышеніе содержанія, а не востановленіе его реальной величины вслѣдствіе уплаты депрецированными бумажками. Но и въ противномъ случаѣ оно имѣло значеніе изыятія изъ принципа, а не разрушенія его.

и учреждений немедленно задерживать всѣхъ виновныхъ (*prévenue*); эта обязанность возлагается на „муниципалитеты, на мировыхъ судей, полицейскихъ и жандармскихъ офицеровъ, національныхъ комиссаровъ при окружныхъ судахъ, директоровъ жюри и публичныхъ обвинителей при уголовныхъ судахъ“. При этомъ, въ случаѣ *нереднѣя* (*negligence*) перечисленные лица будутъ преслѣдоваться какъ *соучастники* виновныхъ и присуждаться къ тѣмъ же наказаніямъ (ст. 2); *въ третьихъ*, устанавливается особо спѣшный порядокъ для розсмотрѣнія такихъ дѣлъ судомъ (ст. 3); *въ четвертыхъ*, подтверждая кары установленныя декретами 8 и 11 апрѣля и 1 августа, этотъ декретъ вводитъ наказаніе *смертной казнью* съ конфискаціей всего имущества тѣхъ виновныхъ, которые будутъ уличены въ совершеніи указанныхъ преступленій съ цѣлью содѣйствія врагамъ Республики (ст. 4) и *въ пятыхъ*, тѣмъ кто укажетъ виновныхъ въ перечисленныхъ дѣяніяхъ уплачивается вознагражденіе по 100 ливровъ за каждого осужденнаго (ст. 5)⁸⁾.

Однимъ словомъ, система розыска нарушеній законнаго мѣноваго значенія ассигнатовъ разрабатывается здѣсь чрезвычайно детально, какъ въ отношеніи угрозы суровыми наказаніями за нерадѣніе для цѣлаго корпуса надзирателей по должности, такъ и въ отношеніи награды для розыска добровольнаго.

Съ другой стороны, развитіе системы каръ достигаетъ кульминаціоннаго пункта по своей суровости и включаетъ даже смертную казнь.

Но все это оказывается недостаточно дѣйствительнымъ, ибо въ слѣдующемъ году необходимо новое напоминаніе о всѣхъ этихъ запретахъ и предписаніяхъ въ декретѣ 10 мая 1794 г., который снова повторяетъ постановленіе предшествующихъ декретовъ и еще болѣе усиливаетъ процессуальную строгость преслѣдованія⁹⁾

Однако, сколь бы не были грозны законодательная предписанія о мѣновой равноцѣнности металла съ ассигнатами, они не могутъ побѣдить активное противодѣйствіе участниковъ товарооборота, поскольку обѣ стороны каждой данной сдѣлки заинтересованы въ неподчиненіи этимъ предписаніямъ. Карательные законы весьма значительно сократили кругъ циркуляціи металла, ограничивъ его почти исключительно спекулятивными сдѣлками и почти цѣликомъ вытѣснивъ звонкую монету изъ товарнаго оборота, — но въ этихъ предѣлахъ она продолжала циркулировать и неблагоприятно дѣйствовать на мѣновую расцѣнку ассигнатовъ.

Это естественно должно было натолкнуть на мысль о полезности принудительнаго устраненія ея изъ легальнаго обращенія (независимо отъ высоты ея реальной расцѣнки) путемъ лишенія металлическихъ денегъ свойства *законнаго платежнаго средства*.

Надъ этой мыслью останавливался уже въ 1792 г. Кондорсь. Размышляя объ очередныхъ вопросахъ экономики и продовольствія

онъ писалъ 18-го ноября 1792 г.: „Не окажемъ ли мы болѣе радикальнаго противодѣйствія ажіотажу, — который при помощи металлической монеты притягиваетъ бумажныя деньги, а при ихъ помощи всѣ средства существованія до того, что выкачиваетъ все продовольствіе населенія. — если мы *отмѣнимъ* фиктивную цѣнность серебра?...“¹⁰⁾.

Но высказанная въ столь мимолетной и вопросительной формѣ идея демонетизаціи благородныхъ металловъ не получила въ то время никакого развитія.

Лишь годомъ позже, когда жизненный опытъ показалъ недостаточность карательныхъ предписаній о мѣновой равноцѣнности ихъ съ бумажными деньгами, эта идея была выдвинута вновь и немедленно по инициативѣ провинціальныхъ властей стала на мѣстахъ проводиться въ жизнь. При этомъ, для того, чтобы парализовать возможное неподчиненіе приказамъ о неупотребленіи звонкой монеты при платежахъ и расчетахъ, нерѣдко предписывалось сдать все имѣющееся на рукахъ у населенія золото и серебро общественнымъ управленіямъ въ обмѣнъ на ассигнаты.

Такъ „Народное Общество“ Тулузы, — какъ сообщилъ 8-го декабря 1793 г. Конвенту Камбонъ, — заставило администрацію департамента Верхней Гароны издать постановленіе объ обязательномъ взноскѣ всего золота и серебра въ окружныя кассы для обмѣна ихъ на ассигнаты¹¹⁾.

То же повторилось и въ Мотабанѣ.

Далѣе, и многіе члены Конвента, посланные на мѣста въ качествѣ комиссаровъ, издали аналогичныя постановленія съ угрозой смертью за невыполненіе въ срокъ обязанности сдачи монеты и благородныхъ металловъ.

Наконецъ, мы имѣемъ и документъ обосновывающій принципиально идею демонетизаціи звонкой монеты. Это письмо депутатовъ *Лекино* (Lequino) и *Леньело* (Laignelot), которые были посланы Коивентомъ въ западные департаменты, прочитанное на засѣданіи 26-го ноября 1793 г. Сообщая Конвенту о томъ, что многіе граждане добровольно принесли имъ значительныя суммы золота и серебра для обмѣна на республиканскіе ассигнаты, депутаты далѣе пишутъ:

„Мы не сомнѣваемся, что примѣру этихъ истинныхъ республиканцевъ послѣдуетъ вся Франція... и что скоро всѣ французы, отрѣшившись отъ старой, воспитанной въ нихъ королевскимъ управленіемъ, привычки, будутъ просить у Васъ уничтоженія всей металлической монеты, кромѣ мѣдной.

Что же касается насъ, граждане-товарищи, то все, что мы наблюдаемъ, заставляетъ насъ считать эту мѣру существенно важной для республики. Пока золото и серебро будутъ конкурировать въ обращеніи съ ассигнатами, послѣдніе никогда не смогутъ пользоваться всѣмъ

довѣріемъ, которымъ они должны обладать и которое важно за ними обезпечить. Въ деревняхъ законъ о таксаціи продуктовъ остановилъ движеніе всѣхъ товаровъ, лишивъ города продовольствія. Декретируйте же, что монеты изъ золота и серебра не могутъ больше циркулировать, и Вы увидите, какъ все безъ труда придетъ въ равновѣсіе и снабженіе продовольствіемъ всюду возстановится. Но позаботьтесь также о томъ, чтобы была зафиксирована и цѣна марки металла, ибо иначе всѣ эку превратятся въ слитки металла. Обстоятельства продиктовали намъ эти соображенія; вамъ принадлежитъ судить объ ихъ цѣнности...“¹²⁾.

Когда недѣлей позже финансовый диктаторъ Конвента — Камбонъ выступаетъ со спеціальнымъ докладомъ по поднятымъ здѣсь вопросамъ, то онъ признаетъ существенность этихъ соображеній, но рѣшительно возражаетъ противъ децентрализованнаго проведенія въ жизнь политики демонетизаціи.

Онъ соглашается, что для улучшенія ассигнаціоннаго обращенія нужно не признавать деньгами ничего, кромѣ ассигнатовъ да еще размѣнной монеты изъ мѣди и бронзы.

Но демонетизація золота и серебра, — говоритъ онъ, — не должна превращать ихъ въ товары, какъ это сдѣлало Учредительное Собраніе. Съ другой стороны, если нельзя разрѣшать ихъ продажу, то нельзя и запрещать ее, ибо такой законъ будутъ обходить.

Онъ предлагаетъ, поэтому, выяснить и зафиксировать кто обладаетъ благородными металлами путемъ обязательной деклараціи всѣми гражданами имѣющихся у нихъ количествъ этихъ металловъ, за исключеніемъ мелкихъ украшеній.

Но тѣмъ болѣе настойчиво онъ требуетъ отъ Конвента признанія, что все частныя и мѣстныя „приказы объ обмѣнѣ золота и серебра недействительны и ни въ какомъ отношеніи не имѣютъ силы закона“¹³⁾.

Этотъ принципъ принимается Конвентомъ, рассмотрѣніе же дальнѣйшихъ проектовъ (обязательной деклараціи и т. д.) откладывается и оказывается похороненнымъ навсегда. Лишь тремя годами позже (въ 1796 г.) въ эпоху полного разложенія денежной системы, накануне смѣны ассигнатовъ территориальными мандатами, снова былъ возбужденъ вопросъ о демонетизаціи звонкой монеты, но и тогда онъ положительнаго разрѣшенія не получилъ¹⁴⁾.

Однако, рассматривая важнѣйшій періодъ бумажно-денежнаго обращенія Французской Революціи — эпоху дѣйствія карательныхъ законовъ о равноцѣнности металла съ бумагой, — нужно сказать, что этотъ логическій суррогатъ демонетизаціи металла, недостаточной эффективностью котораго была исторически порождена и самая мысль о послѣдней, имѣлъ свои экономическіе предѣлы возможнаго вліянія.

Уже а priori можно предсказать, что даже выполненіе этихъ декретовъ могло привести лишь къ двумъ слѣдствіямъ:

1) Къ полному вытѣсненію ассигнатами металлическихъ денегъ изъ обращенія, которые тезаврировались населеніемъ, какъ сокровище и вывозились за границу, гдѣ предписаніе объ ихъ мѣновой равнозначности были, очевидно, недѣйствительны; и

2) къ соотвѣтственному повышенію всѣхъ товарныхъ цѣнъ, поскольку они исчислялись еще въ металлѣ, какъ выраженію обезцѣненія ассигнатовъ подѣ давленіемъ чрезмѣрныхъ, неприемлемыхъ для оборота по номинальной расцѣнкѣ, бумажныхъ эмиссій.

Ибо законодательная нормировка покупательной силы ассигнатовъ сдѣлала въ этихъ декретахъ лишь первый и явно не достигающій своей цѣли шагъ. Уравненіе ассигнатовъ съ металломъ, при массовомъ размноженіи первыхъ, не могло придать имъ устойчивой мѣновой цѣнности по отношенію къ послѣднему и привело лишь къ вытѣсненію старой монеты изъ товарнаго обращенія.

Само по себѣ это было крайне необходимо. Ибо *устрашеніемъ определенной массы циркуляторныхъ средствъ явно улучшалось мѣновое обоснованіе остающихся*. Съ другой стороны этимъ достигалось *устраненіе спекулятивныхъ вибрацій цѣны ассигнатовъ въ металлъ и металла въ ассигнатахъ*, рефлекторно отражающихся и въ судорожныхъ колебаніяхъ товарныхъ цѣнъ.

Но этимъ еще не могло быть достигнуто *постоянство товарной цѣнности* ассигнатовъ, ибо послѣдняя падала не только подѣ давленіемъ спекуляціи благородными металлами, но и, главнымъ образомъ подѣ давленіемъ массовыхъ эмиссій ассигнатовъ, неуклонно разжижавшихъ ихъ обращающуюся массу.

Вѣдь именно въ силу обозначившагося процесса паденія цѣнности ассигнатовъ сдѣлалась впервые возможной спекуляція металломъ, лѣгшая на ассигнаты добавочнымъ грузомъ.

Нынѣ этотъ добавочный грузъ былъ устраненъ, но основное давленіе текущихъ эмиссій продолжало понижать ихъ цѣнность.

Для мѣнового выраженія ассигнатовъ въ товарахъ законодательная фиксація цѣны ассигнатовъ въ металлѣ представлялась односторонней и, не затрагивая существа его, заставляла реальныя экономическія отношенія искать себѣ иныхъ способовъ проявленія, чѣмъ при отсутствіи ея, именно, сохраняя, согласно слову закона, формальную незыблемость, денежной единицы, она не мѣшала воздѣйствовать на второй ненормированный элементъ отношенія — на *товарныя цѣны*.

Отнынѣ цѣна ассигнатовъ легально не падаетъ и, ио сравненію съ цѣнностью металлической единицы, она остается твердой, легально устойчивой и лишь всѣ товарныя цѣны неуклонно ползутъ вверхъ.

Этимъ передѣ Конвентомъ ставится дальнѣйшая задача непосредственнаго давленія на товарныя цѣны, ибо непрерывное возрастаніе

ихъ, *во-первыхъ*, грозитъ свести на нѣтъ финансовыя результаты эмиссій, заставляя оплачивать по удвоенной и утроенной цѣнѣ то, что при составленіи плана эмиссій предполагалось оплатить по ординарной и, *во-вторыхъ*, вызываетъ рядъ социальныхъ бѣдствій въ силу неравномѣрности повышенія цѣнъ на продукты труда различныхъ группъ производителей и отставанія цѣны труда отъ цѣнъ товаровъ.

Опытъ регулированія цѣнъ, неизбѣжно сводящійся при послѣдовательномъ его проведеніи къ *универсальной фиксаціи цѣнъ*, французской революціи приходится продѣлать въ третій разъ въ исторіи Европы.

Но два предшествующихъ опыта — эдиктъ Діоклетіана въ античномъ Римѣ и товарныя таксы средневѣковья — производились въ условіяхъ неизмѣримо менѣ сложныхъ, чѣмъ это пришлось продѣлать Конвенту: и сравнительная широта развитія капиталистическаго хозяйства, и условія революціоннаго перелома, и бумажно-денежная лавина — все это колоссально затрудняло задачу и, при отсутствіи хозяйственно-организационнаго аппарата по реализаціи нормируемыхъ цѣнъ (для созданія котораго, въ свою очередь, требовалась болѣе высокая степень экономическаго развитія) дѣлало ее по существу совершенно неразрѣшимой.

Но прежде, чѣмъ рѣшиться на опытъ универсальной нормировки товарныхъ цѣнъ, Конвентъ, въ лицѣ своего финансоваго управленія, принимаетъ рядъ мѣръ, долженствующихъ съ другой стороны противоѣствовать прогрессирующему обезцѣненію ассигнатовъ.

Съ этими финансово-экономическими мѣропріятіями мы ознакомимся поэтому до того, какъ перейдемъ къ анализу системы максимальныхъ цѣнъ.

VIII. В. Финансово-экономическія мѣропріятія.

1. Послѣ устранения изъ обращенія металлическихъ денегъ и размѣнныхъ боновъ патриотическихъ кассъ, процессъ гомогенизаціи государственной валюты можно было считать законченнымъ и вредное вліяніе конкурировавшихъ съ ассигнатами иныхъ циркуляторныхъ средствъ — парализованнымъ.

Но вскорѣ обнаружилось, что на фонѣ политическихъ событій и ожиданій сама циркуляторная масса ассигнатовъ какъ бы раскалывается на двѣ части, изъ которыхъ одна расцѣпляется въ оборотѣ выше, чѣмъ другая.

Линіей раздѣла между ними явился переворотъ 10-го августа 1792 года, отразившейся на внѣшнемъ обликѣ ассигнатовъ устраненіемъ съ нихъ портрета Людовика XVI-го. Съ прекращеніемъ печатанія этихъ т. наз. „королевскихъ ассигнатовъ“ („assignats an face royale“), въ силу декретовъ 11 и 24 октября и 21 ноября 1792 г., и съ замѣной ихъ „республиканскими“, первые приобрѣтаютъ во многихъ мѣстностяхъ Франціи (въ Ліонѣ, Вандеѣ и другіхъ центрахъ консервативно-клерикальнаго движенія) лажъ въ размѣрѣ отъ 10 до 15% номинальной стоимости. Надежды на возстановленіе монархіи связываются съ представленіемъ о большей достовѣрности размѣна ихъ на металлъ, ибо „по республиканскимъ ассигнатамъ должникомъ является не король, а республика“; съ гибелью же республики по нимъ, стало-быть, не окажется отвѣтчика.

Лажъ на королевскіе ассигнаты означалъ собою дизажію для республиканскихъ и, при быстро возрастающей массѣ послѣднихъ, приводилъ къ пониженію реальной цѣнности новыхъ эмиссій на со- отвѣтствующій процентъ.

Этимъ ставилась на очередь задача противодѣйствія такому искусственному пониженію ценности, задача, сводившаяся къ внутреннему отождествленію, гомогенизаціи самой циркуляторной массы ассигнатовъ.

Однако, дѣло изыятія королевскихъ ассигнатовъ изъ обращенія требовало извѣстной осмотрительности, ибо иначе оно грозило превратиться въ незаслуженную кару для ихъ случайныхъ держателей.

Это относилось въ особенности къ мелкимъ купюрамъ, главная касса которыхъ была на рукахъ у неимущихъ слоевъ населенія.

Первый опытъ въ указанномъ направленіи — въ видѣ предписанія, уничтожать поступающіе въ государственныя кассы королевскія ассигнаты и выпускать взамѣнъ ихъ въ обращеніе соответствующее количество подлежащихъ уничтоженію въ общемъ порядкѣ республиканскихъ ассигнатовъ, поступающихъ въ уплату за національныя земли (декретъ 9 июня 1793 г.) — не привелъ къ желаемымъ результатамъ. Ибо, при высшей расцѣнкѣ королевскихъ ассигнатовъ въ частномъ оборотѣ и одинаковой расцѣнкѣ ихъ съ республиканскими ассигнатами при уплатахъ государству — первые, очевидно, не могли поступать въ государственныя кассы въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ.

Вскорѣ, поэтому, принимаются болѣе рѣшительныя мѣры. Декретомъ 31 іюля 1793 г. *всѣ королевскіе ассигнаты крупныхъ купюръ (свыше 100 ливровъ) объявляются демонетизированными* и теряютъ преимущество легальнаго обращенія въ частныхъ сдѣлкахъ, сохраняя, однако, право быть принятыми при платежахъ въ государственныя кассы до 1-го января 1794 г.

Сюда относились: а) податныя недоимки, которыхъ насчитывалось 600—700 милл. ливровъ и б) платежи за національныя земли, за которыя нужно было еще получить свыше 1500 милл. ливровъ.

Декретъ этотъ проходитъ благодаря рѣшительной защитѣ его Камбономъ и Дантономъ. При этомъ, послѣдній вводитъ въ свою аргументацію чисто соціальныя мотивы: „Богачи, — говоритъ онъ въ засѣданіи 21 іюля 1793 г. — трепещутъ передъ этимъ закономъ, но я знаю, что все, что гибельно для этихъ людей, то выгодно для народа“.

Вслѣдъ за этимъ объявляется, что передача королевскихъ ассигнатовъ съ рукъ на руки должна регистрироваться и отмѣчаться передаточной надписью (индоссаментомъ), какъ передача цѣнныхъ бумагъ, (декретъ 30 августа 93 г.).

Королевскіе же ассигнаты мелкихъ купюръ (не свыше 100 ливровъ) временно сохраняютъ свои денежныя свойства, но подлежатъ обмѣну на республиканскіе въ теченіи 6 мѣсяцевъ.

Финансовые результаты всей этой операціи свелись къ слѣдующему.

Общее количество выпущенныхъ королевскихъ ассигнатовъ номинальной стоимостью свыше 100 ливровъ исчислялось Камбономъ (докладъ Конвенту 15 августа 93 г.) въ 1.440.000.000 ливровъ. Изъ нихъ погашено и уничтожено было въ общемъ порядкѣ 881.376.000 лив-

ровъ. Такимъ образомъ, декретомъ о демонетизаціи было изъято изъ обращенія въ качествѣ денегъ 558 624.000 ливровъ ¹⁵⁾.

Принимая во вниманіе, что общее количество декретированныхъ къ изготовленію ассигнатовъ равнялось

къ 1 августа 1793 г.	5.100.000.000	ливровъ
остатокъ въ кассѣ и незаконченныхъ фабрикаціей	484.153.987	„
возвращенныхъ и сожженныхъ	<u>840.000.000</u>	„

такъ что всего находилось въ обращеніи . . 3.775.846.053 ливр.,— сумма свыше ½ миллиарда демонетизированныхъ ассигнатовъ была довольно значительной.

Однако, реальное сокращеніе циркуляторной массы было гораздо меньшимъ, ибо около ⅔ этого количества использовало льготу приѣма въ казну до января 1794 г. въ порядкѣ уплаты налоговъ и иныхъ расчетовъ съ государствомъ.

Согласно слѣдующему докладу Камбона (18 декабря 1793 г.) за 12 дней до истеченія срока приѣмки это право было использовано для 354 миля, ливровъ, такъ что въ обращеніи оставалось уже лишь 204 милліона, которые въ конечномъ счетѣ только и теряли свои денежныя свойства *).

2. Ставъ разъ на путь устраненія изъ обращенія всѣхъ конкурирующихъ съ ассигнатами цѣнностей и выполнивъ эту программу, во-первыхъ, въ смыслѣ гомогенизаціи *циркуляторныхъ средствъ*, и во-вторыхъ, въ смыслѣ гомогенизаціи самой *ассигнаціонной массы*, — финансовое управленіе не захотѣло на этомъ остановиться, но сдѣлало и заключительный шагъ въ этомъ направленіи, стремясь, въ *третьихъ*, къ гомогенизаціи всѣхъ бумажно цѣностныхъ *объектовъ циркуляціи* вообще.

Прежде всего, принимается по инициативѣ Камбона рядъ мѣръ противъ спекулятивныхъ сдѣлокъ и ажіотажа, дѣлавшаго изъ процесса обезцѣненія ассигнатовъ весьма доходную для себя операцію, ложившуюся на послѣднія добавочнымъ грузомъ. Этого требовалъ уже раньше даже жирондистскій министръ *Клавьеръ*, настаивавшій (въ докладѣ 1 февраля 1798 г. Конвенту) на закрытіи Парижской биржи, которая, по его словамъ, во всѣ времена превращала торговлю въ ажіотажъ и колебанія курсовъ которой не выражали измѣненія общественнаго довѣрія, а были лишь результатами хитростей игроковъ ¹⁶⁾. Съ 1 июня 1793 г. объявляется рѣшительная борьба „негоціанизму“

*) Во время термидоріанской реакціи въ 1795 году королевскіе ассигнаты вновь получили на время денежныя функции для нѣкоторыхъ платежей государству: 5-ти ливровыя при уплатѣ налоговъ, 10-ти ливровыя для всѣхъ, вообще, платежей, остальные при нѣкоторыхъ договорахъ, а также въ уплату за націонализированныя земли, за билеты государственной лотереи и т. д. (см. декреты 11, 16, 27 мая и 13 іюля 1795 г.).

членовъ корпораціи „agents de change“ (биржевыхъ маклеровъ). Ихъ арестуютъ, равно какъ всѣхъ банкировъ, крупныхъ торговцевъ и т. д. и держать въ заключеніи съ 27 іюня по 8 сентября 1793 г. Того же числа, по настоянію Парижской Коммуны, биржа закрывается совсѣмъ: ея операціи фактически возобновляются лишь черезъ два года (25 апрѣля 1795 г.) въ эпоху термидоріанской реакціи.

8 сентября 1793 г. Парижская Коммуна печатываетъ всѣ банкірскія конторы и мѣняльныя лавки „торговцевъ деньгами“.

Далѣе, съ устраненіемъ благородныхъ металловъ изъ легальнаго обращенія, объектомъ спекуляціи стала иностранная валюта и заграничныя векселя, помѣщеніемъ въ которые своихъ средствъ многіе дѣльцы стремились предохранить ихъ отъ возможныхъ опасностей, хотя бы переплачивая за иностранныя цѣнности и тѣмъ понижая курсъ ассигнатовъ. Въ виду этого, *Фабръ д'Эглантинъ* предлагаетъ Конвенту запретить впредь обращеніе иностранныхъ векселей и объявить измѣнникомъ всякаго француза, который помѣститъ свои средства въ банкахъ или конторахъ страна, воюющихъ съ Франціей ¹⁷⁾. А такъ какъ военная коалиція противниковъ включала въ свой составъ почти всѣ крупныя страны Европы, то это означало полное устраненіе съ французскаго рынка иностранныхъ цѣнностей. *Фабръ* не останавливался передъ этимъ выводомъ и прямо требовалъ полного разрыва сношеній съ заграницей ¹⁸⁾. Однако, противодѣйствіе Камбона, принужденнаго оплачивать иностранными векселями военныя поставки изъ-за границы, привело къ отсрочкѣ и погребенію этого проекта ¹⁹⁾. Впрочемъ, и собственный проектъ Камбона о регистраціи всѣхъ продажныхъ сдѣлокъ съ иностранными векселями и объ обложеніи ихъ сборомъ въ 2% со стоимости, постигаетъ такая же судьба ²⁰⁾.

Но тѣмъ больше вниманія обращается на французскія цѣнности. Въ ближайшіе же дни послѣ фактическаго отклоненія проекта Фабра Конвентъ по докладу Камбона ликвидируетъ циркуляцію всѣхъ французскихъ бумажныхъ цѣнностей, каковы, напр., старыя государственныя долговыя обязательства — рентныя облигаціи эпохи Людовиковъ XIII, XIV, XV и XVI-го, а также бумаги акціонерныхъ компаній — „Учетной Кассы“, „Индійской Компаніи“ и др. (декретъ 24 августа 1793 г. Самыя эти учрежденія закрываются ²¹⁾).

Наконецъ, проводится грандіозная операція по универсальной конверсіи и иммобилизаціи всѣхъ государственныхъ обязательствъ создается, т. наз., „*Большая Книга Государственнаго Долга*“, въ которую принудительно заносятся всѣ государственныя долги, обращавшіеся

на рукахъ въ разнообразнѣйшихъ формахъ *). Содержаніе этой операціи сводилось къ слѣдующему ²²⁾.

Всѣ держатели государственныхъ обязательствъ всѣхъ типовъ обязываются зарегистрировать ихъ въ казначействахъ. вмѣстѣ съ регистраціей личной принадлежности облигацій, онѣ уничтожаются, какъ цѣнные бумаги капитала значенія и замѣняются единообразными записями въ „Большой Кассовой Книгѣ“, фиксирующими за держателями право на полученіе рентнаго дохода. Всѣ индивидуальныя черты, характеризующія разнообразные типы долговыхъ обязательствъ, такимъ образомъ, уничтожаются. За держателями сохраняется право распоряженія рентой, но не капиталомъ.

Рента устанавливается для всѣхъ обязательствъ въ одномъ и томъ же размѣрѣ 5%, независимо отъ того, давали ли старые титулы право на большій или меньшій доходъ.

Запись въ реестрѣ „Большой Книги“ и содержитъ только указанія на реальную величину дохода, ежегодно выплачиваемаго каждому кредитору государства. Не подлежатъ записи лишь ренты пожизненныя.

Съ другой стороны и наличныя суммы ассигнатовъ могутъ быть превращены въ постоянный источникъ дохода путемъ обмѣна ихъ на записи въ Книгѣ, по той же 5%-ой нормѣ. Право такой капитализаціи ограничивается, однако, трехмѣсячнымъ періодомъ: предѣльный срокъ — 1 декабря 1793 г. Минимальная запись — 1000 ливровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, государство, снимая съ себя срочную обязанность уплаты занятаго капитала, оставляетъ за собою право погашенія рентнаго обязательства путемъ единовременной выплаты капитализированнаго дохода.

Самая регистрація государственныхъ обязательствъ должна быть произведена въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ, до наступленія слѣдующаго года. Представившіе свои обязательства послѣ 1 января 1794 г., теряютъ право на полученіе процентовъ за годъ, а послѣ 1 июля 1794 г., вообще, теряютъ всѣ свои права на капиталъ и доходы.

Позже эта унификація государственнаго долга дополняется распространеніемъ ея и на пожизненныя ренты. Декретами 12 мая (23 флорэаля) и 26 июня 1794 г. (8 мессидора II г.) предписывается капитализировать ихъ на основѣ коэффиціента, измѣняющагося въ зависимости отъ возраста владѣльца, и замѣнить, какъ и всѣ остальные, записями въ „Большой Книгѣ“ 5%-ной ренты ²³⁾.

*) Различіе титуловъ государственнаго долга было такъ велико, что знаніе ихъ всѣхъ являлось цѣлой наукой. Поэтому, уже въ 1784 г. Неккеръ, въ своемъ „Трактатѣ о финансовомъ управленіи“ (Томъ II, стр. 304) и депутатъ Лебрэнъ (Lebrun) въ своей рѣчи въ Учредительномъ Собраніи 22 сентября 1790 г. указывали на это разнообразіе, какъ на постоянный источникъ финансовой дезорганизаціи

Нужно признать, что введеніе „Большой Книги“ (декретъ 24 августа 1793 г.) было операціей крупнаго размаха, сыгравшей опредѣленную роль во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, съ точки зрѣнія *финансовой техники*, этимъ достигались — а) введеніе единообразія во всѣ кредитныя отношенія государства и б) чрезвычайная простота въ сводкѣ, подсчетѣ и изслѣдованіи ихъ въ любой моментъ *).

Далѣе, *соціальная роль* ея выражалась — в) въ нивелировкѣ политическаго происхожденія долга и отнесеніи ихъ всѣхъ къ моменту замѣны всѣхъ многообразныхъ старыхъ титуловъ единымъ новымъ — записью въ „Большой Книгѣ“. Это „*республиканизированіе долга*“ устраняло спекуляцію на почвѣ политической характеристики обязательствъ.

г) вмѣстѣ съ тѣмъ субъектная опредѣленность кредиторовъ и получателей ренты давала возможность точно изслѣдовать соціальное сложеніе этихъ группъ передъ лицомъ необходимой реформы и реорганизаціи финансовыхъ тяготъ государства.

Финансовый центръ революціонной Франціи воспользовался этой возможностью только въ одномъ направленіи: нѣсколько различныхъ видовъ налога на доходы кредиторовъ государства были замѣнены единымъ обложеніемъ въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ дохода, такъ что фактически на руки рентьерамъ выдавалось 4% вмѣсто номинальныхъ 5%-ныхъ записей въ „Большой Книгѣ“. Но уже благодаря этому общая сумма ежегодныхъ расходовъ на выплату процентовъ была сокращена съ 200 милліоновъ до 160 милліоновъ ливровъ.

Наконецъ, что касается *вліянія* Большой Книги на *ассигнаціонное обращеніе*, то оно выражалось — д) въ устраненіи изъ обращенія всѣхъ бумажныхъ цѣнностей (превращенныхъ нынѣ въ счета доходовъ), которыя при текущемъ обезцѣненіи ассигнатовъ все больше становились объектами спекуляціи, методомъ которой было усиленіе давленія на расцѣнку ассигнатовъ; и на ряду съ такой имобилизаціей конкурирующихъ *объектовъ* циркуляціи — е) въ непосредственномъ изъятіи части ассигнаціонной массы путемъ превращенія ея въ средство полученія фиксированнаго дохода, путемъ капитализаціи ихъ цѣнности. Въ этомъ отношеніи „Большая Книга“ представляла собою просто форму государственнаго займа.

Однако, такая конверсія циркуляторной массы ассигнатовъ въ *фиксированное номинально-рентное* обязательство не могла быть проведена въ сколько-нибудь широкомъ объемѣ, разъ выполненіе ея возлагалось на добрую волю населенія. Усвоенный общественнымъ сознаніемъ фактъ неуклоннаго паденія цѣнности денежной единицы дѣлалъ этотъ фиксированный номинально доходъ *реально сокращающимся*.

*) „Отнынѣ — говорилъ Камбонъ въ докладѣ Конвенту, — вся наука финансовъ по части государственнаго долга будетъ заключаться въ подсчетѣ въ Большой Книгѣ“.

Тѣ общественныя группы, чье денежное владѣніе ограничивалось *потребительнымъ фондомъ*, очевидно, вообще, не могли принять участія въ такой операціи, какъ не причастныя къ процессу капитализаціи. Тѣ же слои, которые выполняли общественную *функцию накопленія*, не могли не заботиться о закрѣпленіи реальной величины, доходовъ съ капитала и потому искали всѣхъ возможныхъ обходныхъ путей и средствъ для такого закрѣпленія, хотя бы оно достигалось потерей части цѣнностей, разъ это давало увѣренность въ сохранности остального. Между тѣмъ, заемъ въ описанныхъ условіяхъ этой увѣренности не давалъ и, значить, изъятіе изъ обращенія даже избытка ассигнатовъ не могло быть выполнено на чисто кредитныхъ основаніяхъ.

Въ этой связи нужно упомянуть еще объ одномъ направленіи попытокъ изъять часть ассигнатовъ изъ обращенія и ограничить сферу циркуляторнаго примѣненія послѣднихъ путемъ добровольнаго соглашенія съ ихъ держателями.

Сюда относится, *во-первыхъ*, декретъ 5-го іюня 1798 г. ²⁴⁾, установившій выпускъ особыхъ національныхъ обязательствъ гарантированныхъ національными землями; ассигнаты, уплачиваемые покупателями этихъ обязательствъ, подлежали сожженію, такъ что весь актъ приобрѣталъ характеръ обмѣна ассигнатовъ, какъ общезначимыхъ денежныхъ знаковъ на эти обязательства, какъ спеціальныя денежные знаки.

Во-вторыхъ, въ этомъ же направленіи идутъ усилія Камбона ускорить полученіе платежей за земли, которыя были разсрочены на рядъ лѣтъ. Тѣмъ, кто пожелалъ получить причитающіяся суммы немедленно, не пользуясь разсрочкой, платежъ уменьшался на 13%. Кромѣ этой преміи, платившіе до срока фактически освобождались отъ необходимости вносить дополнительно 5% годовыхъ за разсроченныя суммы и какъ-бы покупали у государства его права на эти аннуитеты, помѣщая свои капиталы въ 5%-ныя фонды. ²⁵⁾

Но всѣ подобныя операціи являлись по существу лишь различными формами *займовъ*. *Прогрессирующее же обезцѣненіе валюты превращало всякій заемъ въ обложеніе*, а всякое обложеніе — явное или скрытое — можетъ быть проведено лишь въ порядкѣ принужденія. На этотъ путь принужденія и вступаетъ Конвентъ.

Однако, реализація обложенія требуетъ иныхъ соціально-организационныхъ предпосылокъ, чѣмъ реализація займа.

3. Мысль о принудительномъ изъятіи части обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, какъ средствъ борьбы противъ обезцѣненія ихъ, была, какъ и многія другія идеи *экономической* политики, брошена изъ периферіи и лишь подъ давленіемъ извнѣ усвоена центромъ въ качествѣ руководящей директивы.

Въ общей формѣ, идея принудительнаго миллиарднаго займа высказывалась уже въ самомъ началѣ революціи, во время министерства Неккера; но тогда она не имѣла успѣха.

Тремя годами позже она выдвигается въ новой обрисовкѣ „займа у богатыхъ“: гонимый зачинатель соціалистической экономики революціи, коммунистъ Жакъ Ру, проповѣдуетъ ее передъ демократіей секціи Гравилье 9-го марта 1798 года. Но и эта проповѣдь еще слишкомъ далека отъ центра.

Передъ Конвентомъ общее финансовое значеніе этой мѣры впервые выдвигается чисто-аргументивно, съ цѣлью оправданія въ центрѣ мѣстнаго мѣропріятія, проведеннаго подъ вліяніемъ насущныхъ нуждъ момента.

Департаментъ Эро, снаряжая по требованію военнаго комиссара Конвента 5,000 человекъ для борьбы противъ наступавшихъ войскъ европейской коалиціи на сѣверѣ, противъ испанцевъ на югѣ и инсургентовъ въ Вандеѣ, по собственной инициативѣ предпринялъ реализацію *принудительнаго займа* въ 5 милліоновъ ливровъ среди имущаго населенія, „уклоняющагося отъ активной поддержки революціи“. Къ основной цѣли экипировки и снаряженія войскъ при соединились вскорѣ другія нужды военнаго времени, а также задача вспомоществованія бѣднѣйшимъ гражданамъ департамента.

Проводимый въ порядкѣ военной реквизиціи этотъ заемъ былъ безпроцентнымъ. Что же касается погашенія его, то условія такового до насъ не дошли, а вѣроятно, въ моментъ его объявленія и, вообще не были точно установлены. Лишь строгая регистрація квитанцій въ полученіи вносимыхъ суммъ являлась подготовительной мѣрой къ возможному въ будущемъ погашенію займа.

Но излагая детали осуществленія этой мѣры въ докладѣ Конвенту (датированномъ 19 апрѣля и прочтенномъ 27 апрѣля 1793 г.) управленіе департамента приводитъ въ концѣ такое соображеніе общаго характера:

„Если бы всѣ департаменты провели у себя такіе принудительные займы, то ассигнаціонное обращеніе было бы существенно уменьшено, а это необходимо повлекло бы за собой повышеніе курса бумажныхъ денегъ, что означало бы, между прочимъ, и пониженіе цѣнъ на средства существованія“ ²⁶⁾.

Эта идея увлекла собою лѣвое крыло Конвента. Докладъ былъ встрѣченъ шумными одобреніями, его постановлено было опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, дабы другіе департаменты могли осуществить эту мѣру у себя.

„Бюро общественнаго призрѣнія“ инструктируетъ 7 мая 1793 г. своихъ представителей на мѣстахъ проводить всюду принудительные займы для привлеченія имущихъ къ несенію тяготъ войны и революціи ²⁷⁾.

Первой вступает на этот путь Парижская Коммуна. Мысль о широкомъ использовании для нуждъ государства доходовъ, превышающихъ извѣстный минимумъ, вообще, становится популярной въ это время въ Парижѣ.

Петиція рабочихъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья Конвенту (отъ 1-го мая), угрожающая возстаніемъ въ случаѣ непринятія ряда рѣшительныхъ экономическихъ мѣропріятій, предлагаетъ въ числѣ ихъ „налогъ на богатыхъ“, въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ всего избытка доходовъ свыше 2.000 ливровъ въ годъ (при наличности дѣтей эта необлагаемая норма повышается по 500 ливровъ на cadaго).

На слѣдующій день, 2-го мая, Совѣтъ Парижской Коммуны принимаетъ аналогичное обложеніе для вооруженія 12-ти тысячъ отправляемыхъ на фронтъ солдатъ и поддержки ихъ остающихся семей съ тою разницей, что дѣлаетъ его единовременнымъ и именуетъ „займомъ“.

Общая сумма этого принудительнаго займа въ 12 милл. ливровъ расчисляется между 48 секціями Парижа.

Въ теченіе трехъ дней каждый можетъ добровольно подписываться на заемъ и, если подписываемая сумма будетъ не ниже обязательныхъ ставокъ, то имя подписчика должно быть занесено въ „золотую книгу“ Коммуны.

Послѣ 4-го мая заемъ подлежалъ принудительному взысканію Персональныя ставки были исчислены съ *прогрессивизаціей* ихъ при возрастаніи доходовъ (отъ 80 ливровъ при доходѣ въ 1—2000 ливровъ до 20 тысячъ ливровъ при доходѣ 50 тысячъ ливровъ). Скала доходовъ ограничивалась съ двухъ сторонъ экзистенциминимумомъ и экзистенцимаксимумомъ. *Экзистенциминимумомъ*, свободный отъ принудительной подписки, былъ установленъ въ 1.500 ливровъ для отца семейства, съ повышеніемъ его на 1.000 ливровъ за cadaго члена семьи. *Экзистенцимаксимумомъ*, сверхъ котораго всѣ доходы полностью должны были быть подписаны на заемъ, былъ установленъ въ 30.000 ливровъ.

Самое покрытие займа должно было произойти въ три срока:

1-ый	взносъ	въ	теченіе	48	часовъ,
2-ой	„	„	„	14	дней.
3-ий	„	„	„	1	мѣсяца.

При этомъ, въ уплату причитающихся суммъ принимались не только ассигнаты, но и различные предметы, пригодные для снаряженія войскъ, по расцѣнкѣ ихъ мѣстными властями.

Однако, наименованіе этой операціи займомъ было чисто формальнымъ, ибо ни объ условіяхъ погашенія его, ни о процентахъ не было и рѣчи.

Что касается реализаціи займа, то она встрѣтила сопротивление не только среди населенія, но и въ средѣ секцій, которымъ она была поручена²⁹⁾.

Эпоха напряженной политической борьбы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпоха обостренія экономическихъ противорѣчій была мало благоприятна для единообразнаго проведенія такого важнаго мѣропріятія.

Секціи произвольно уклонялись отъ предписанныхъ нормъ обложенія и взыскивали причитающіяся суммы различными по характеру методами и съ разной степенью настойчивости и плодотворности усилій.

Общее поступленіе суммъ идетъ, повидимому, мало успѣшно, ибо 3-го іюня Генеральный Совѣтъ Парижской Коммуны издаетъ повторное распоряженіе о взысканіи принудительнаго займа.

Въ это время идея принудительнаго займа готовится быть осуществленной въ болѣе широкомъ масштабѣ.

20 мая 1793 г. Камбонъ вноситъ въ Конвентъ законопроектъ о принудительномъ займѣ у богатыхъ гражданъ Франціи въ общей суммѣ на 1 миллиардъ ливровъ.

Его первоначальная схема выдвигаетъ на первый планъ, въ аргументаціи, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ, политическую цѣль — „заинтересовать богатыхъ враговъ революціи въ ея успѣхъ“, принуждая ихъ ссудить ей свое достояніе.

Цѣли изыятія изъ обращенія части ассигнатовъ удѣлялось только второе мѣсто.

Сообразно этому, подлежали принудительному покрытію займа только тѣ богатые граждане, которые „не принимали участія въ революціи“.

Погашеніе займа въ принципѣ должно было совершиться со временемъ изъ поступленій въ казну отъ продажи имѣній эмигрантовъ. На дѣлѣ же факультативное погашеніе должно было происходить немедленно, ибо вручаемые *расписки* въ полученіи причитающихся суммъ могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить средствомъ оплаты національныхъ земель.

Съ финансовой точки зрѣнія, отвлекаясь отъ совершенно эфемерной возможности погашенія займа наличностью въ будущемъ, вся операція сводилась, такимъ образомъ, къ тому, что занимаемые принудительно ассигнаты конвентировались въ условные денежные знаки со спеціальнымъ предназначеніемъ оплаты національныхъ земель и съ лишеніемъ ихъ циркуляторныхъ свойствъ ассигнатовъ по отношенію ко всѣмъ инымъ сдѣлкамъ. Принудительный заемъ превращался, такимъ образомъ, въ способъ ускоренія реализаціи имущества, служившихъ фондомъ обезпеченія ассигнатовъ и въ средство окончательнаго погашенія части циркулирующей ассигнаціонной массы.

Проектъ Камбона вызвалъ бурю негодованія справа. Защитники идеи священной собственности — жирондисты, „готовы были на мѣстѣ убить Горцевъ, поддерживавшихъ мысль о такомъ налогѣ. Въ Кон-

вентъ въ этотъ день едва не дошли до поголовной рукопашной схватки”³⁰⁾.

Жирондисты и раньше принципиально отвергали какъ освобожденіе прожиточнаго минимума отъ обложенія, такъ и принципъ прогрессіи. Ибо, — говорилъ *Верньо* (4-го мая 1793 г.) — „у послѣдняго нѣтъ устойчиваго основанія, прогрессія всегда остается произвольной, и тѣмъ самымъ угрожаетъ собственности“.

„Это очень плохая политика, — возражалъ противъ проекта Камбона жирондистъ *Бюзон*, — политика разрушенія частныхъ имуществъ для увеличенія имущества общественнаго... Съ другой стороны, такими насильственными мѣрами уже многіе друзья свободы были оттолкнуты отъ революціи. Тѣмъ, что вы убиваете богатыхъ, вы, очевидно, убиваете и бѣдныхъ; ибо тѣмъ, что вы похищаете у первыхъ средства производства, вы отнимаете возможность примѣнить свой трудъ у народа, который хочетъ работать, а не похищать, для того, чтобы жить“.

Одіозно-политическій характеръ проекта, превращавшій его исключительно въ кару для враговъ революціи, былъ, впрочемъ, отвергнутъ и *Маратомъ*, который перенесъ центръ тяжести на его экономическую сторону и расширилъ кругъ субъектовъ обложенія, включивъ въ него *всѣхъ* богатыхъ гражданъ Франціи.

Но яростное сопротивление всему проекту въ цѣломъ вызвало у него замѣчаніе, что причина этого противодѣйствія принудительному займу коренится въ томъ, что члены Конвента не освобождены отъ него. И, въ результатъ, единственно, чего удалось добиться 20-го мая, это принятія мысли о займѣ въ принципе, на изложенныхъ основаніяхъ. Выработка же детальнаго проекта была поручена финансовому комитету.

Обсужденіе проекта комитета и 6 проектовъ представленныхъ отдѣльными лицами происходитъ 9 и 22 іюня; результаты обсужденія формулируются слѣдующимъ образомъ въ 3-хъ параграфахъ декрета 22 іюня 1793 г.:

„1) Вотированный 20 мая принудительный заемъ въ 1 миллиардъ будетъ взисканъ не только съ капиталовъ, но и со всякихъ земельныхъ, имущественныхъ и промышленныхъ доходовъ.

2) Свободными отъ покрытія принудительнаго займа остаются семейныя лица съ доходомъ не свыше 10.000 ливровъ и холостые съ доходомъ не свыше 6.000 ливровъ.

3) Все граждане, чей доходъ превышаетъ эти предѣльныя суммы, должны, въ теченіе 14 дней, представить деклараціи о высотѣ ихъ доходовъ и падающаго на нихъ обложенія“.

До реализаціи этого принудительнаго займа проходитъ, однако, еще 2½ месяца. Подробный докладъ Конвентъ заслушиваетъ 15 и 19 августа, но только постановленіями 3 и 7 сентября 1793 г. принимаетъ разработанные тезисы къ исполненію.

При этомъ, старое постановленіе отъ 22 іюня подвергается измѣненію въ смыслѣ значительнаго пониженія предѣла доходовъ, не подлежащихъ обложенію.

Въ силу этого, задуманный первоначально какъ „заемъ у богатыхъ“ принудительный заемъ превращается во всеобщее обложеніе, оставляющее свободной только минимальную пожиточную норму.

Для одинокихъ она равняется теперь вместо 6-ти тысячъ ливровъ 1.000 ливровъ, для семейныхъ — 1.500 ливровъ, плюсъ 1.000 ливровъ на каждого члена семьи.

Такое пониженіе обосновывается докладчикомъ *Рамэлемъ* тѣмъ, что въ противномъ случаѣ, при общей суммѣ національнаго дохода Франціи въ 3 миллиарда *), заемъ даетъ не свыше 200 миллионъ ливровъ. Ибо налоговые реестры показываютъ, что половина всехъ доходовъ падаетъ на гражданъ, имѣющихъ менѣе 1.000 ливровъ въ годъ; изъ остальной половины ⅔ приходятся на доходы ниже 6.000 ливровъ не подлежащія обложенію по декрету 22 іюня; но облагаемая сумма въ ⅙ національнаго дохода, т.-е. въ 500 мл. ливровъ, должна еще значительно сократиться, ибо для семейныхъ первоначальный уровень доходовъ былъ установленъ въ 10.000 ливровъ.

Въ соотвѣтствіи съ принятымъ теперь пониженіемъ уровня доходовъ, обязанныхъ подпиской на заемъ, устанавливается скала прогрессивизаціи взносовъ по слѣдующему принципу:

съ первой	тысячи ливровъ дохода.	.	10%,
со второй	„ „ „	.	20%,
съ третьей	„ „ „	.	30%, и т. д.
съ девятой	„ „ „	.	90%,
съ десятой и			
каждой следующей	„ „ „		все 100%

Это давало слѣдующія цифры взносовъ:

съ дохода въ 1.000 ливровъ	—	100 ливровъ взноса,
„ 2.000	—	800 „ „
„ 3.000	—	600 „ „
„ 9.000	—	4.500 „ „

*) Эта цифра основана на несомнѣнной недооцѣнкѣ совершившихся перемѣнъ. Если Камбонъ, въ докладѣ 22 іюня, исчислялъ національный доходъ въ 700 милл., то въ сентябрѣ его поминальное выраженіе въ ассигнатахъ должно было быть еще гораздо выше. Ассигнаты потеряли въ эту пору въ металлѣ ¼ своей номинальной стоимости; товарная цѣнность ихъ не могла, конечно, понизиться въ 4 раза, но она понизилась весьма значительно. Сколько-нибудь точныхъ цифръ о движеніи общаго уровня товарныхъ цѣнъ до насъ не дошло, но мы знаемъ, что цѣны на отдѣльные товары поднялись въ два и три раза. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что передъ революціей въ 1789 году національный доходъ Франціи исчислялся въ 2.880 миллионъ въ полноцѣнной валютѣ, то, имѣя въ виду катастрофическое обезцѣненіе ея въ 1793 году, слѣдуетъ признать, что и цифра Камбона, была ниже дѣйствительности, цифра же Рамэля, далеко отставала отъ нея.

Такимъ образомъ, реальный *экзистенцмаксимумъ* былъ ограниченъ (для даннаго года реализаціи принудительнаго займа) суммой въ 4.500 ливровъ, ибо при 9000 ливровъ дохода подлежала внесенію въ счетъ займа половина его, а всѣ суммы сверхъ 10.000 ливровъ — полностью.

Тяжесть этого послѣдняго постановленія мотивировалась однократностью обложенія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ парализовала возможное при постоянномъ проведеніи такого принципа пониженія экономической активности нѣкоторыхъ группъ населенія. Низкій предѣлъ прожиточнаго максимума обосновывался необходимостью собрать цѣлый миллиардъ, т.-е, цѣлую $\frac{1}{3}$ совокупнаго дохода націи.

Дѣленіе всей совокупности доходовъ нормами экзистенциминимума и экзистенцмаксимума на три группы было построено на основѣ различенія доходовъ *необходимыхъ, обильныхъ и излишнихъ*. Первые оставались неприкосновенными, вторые подлежали прогрессивно возрастающему обложенію и, наконецъ, третьи уничтожались³¹⁾.

Покрытіе принудительнаго займа должно было происходить тремя ежемѣсячными взносами въ декабрь 1793 г., январь и февраль 1794 г.

Заемъ былъ безпроцентнымъ, а что касается погашенія его, то оно должно было начаться лишь черезъ 2 года по окончаніи войны, путемъ приема заемныхъ квитанцій въ уплату за національныя земельныя имущества. При этомъ, право на возмѣщеніе сохранялось лишь за взносами, сдѣланными до 1 марта 1794 г.

Квитанціи взносовъ не могли переходить изъ рукъ въ руки иначе какъ по наслѣдству или по постановленію суда.

Однако, суровость всѣхъ этихъ постановленій въ значительной мѣрѣ смягчалась одной мало замѣтной оговоркой.

Мы видѣли, что при введеніи „Большой Книги Государственнаго Долга“ всѣмъ желающимъ была предоставлена возможность капитализировать имѣющуюся у нихъ наличность ассигнатовъ путемъ внесенія ихъ въ государственное казначейство и записи въ „Большую Книгу“ постоянного 5%-наго съ нихъ дохода.

Теперь въ покрытіе принудительнаго займа принимались наряду съ ассигнатами *дубликаты квитанцій* этого добровольнаго займа.

Тѣмъ самымъ принудительный безпроцентный заемъ незамѣтно превращался въ процентный и строго персональный, безпередаточный характеръ расписокъ въ уплатѣ принудительнаго займа замѣнялся правомъ передачи и продажи расписокъ займа добровольнаго.

Ибо операція покрытія принудительнаго займа всегда могла быть произведена двумя этапами съ предварительной подпиской на заемъ добровольный путемъ зачисленія наличности въ счета „Большой Книги“.*)

*) „Мы этимъ хотимъ, — заявилъ Камбонъ, — дать добрымъ гражданамъ въ руки средство избавиться отъ принудительнаго займа“

И все же, несмотря на такое существеннѣйшее измѣненіе характера принудительнаго займа, въ смыслѣ финансовыхъ результатовъ, онъ оказался неудачнымъ. Сопротивленіе, которымъ его встрѣтили заинтересованные круги, было очень сильнымъ. Принудительное взысканіе обходилось очень дорого, для массовой описи и продажи имущества неповинующихся требовался огромный техническій аппаратъ и достаточный кругъ покупателей³²⁾.

Общій доходъ отъ него не превышалъ 200 милліоновъ ливровъ, т. е. $\frac{1}{5}$ части предполагаемаго. Въ эту пору такая цифра равнялась приблизительно 3-хъ недѣльному бюджету республики и не могла оказать сколько-нибудь существенное вліяніе на улучшеніе ея финансовъ и денежнаго обращенія.

Тѣмъ не менѣе, смѣнившая Конвентъ Директорія въ послѣдующіе годы два раза пыталась прибѣгать къ принудительнымъ займамъ³²⁾.

Основанія ихъ, въ общемъ, были аналогичны первому займу 3 сентября 1793 г., а успѣхъ еще гораздо меньшій.

Первый изъ нихъ въ 600 милл. ливровъ былъ опубликованъ 18 марта 1795 г. накануне полной ликвидаціи бумажно-денежнаго обращенія. Будучи безпроцентнымъ, онъ падалъ только на наиболѣе обеспеченную четверть населенія съ доходомъ отъ 6 до 50 тысячъ ливровъ.

Вносимый по третямъ, онъ могъ быть покрытымъ либо ассигнатами по $\frac{1}{100}$ -ой ихъ номинальной цѣнности, либо зерновымъ хлѣбомъ по цѣнамъ 1790 г., либо въ металлической валютѣ. Однако, черезъ три мѣсяца было получено всего лишь 3½ милліона въ металлъ и 8 милліардовъ въ ассигнатахъ — т.-е. всего 83½ милліона изъ 600.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ истеченія всѣхъ сроковъ сумма получекъ равнялась 173 милліонамъ (изъ нихъ 130 милліоновъ = 13 милліардовъ въ ассигнатахъ).

Что же касается второго принудительнаго займа Директоріи, декретированнаго въ суммѣ 100 милліоновъ ливровъ 28 іюня 1799 г., то онъ совсѣмъ не удался и относится къ эпохѣ, когда ассигнаціоннаго обращенія уже не существовало.

4. Къ концу дѣятельности Конвента, когда общая экономическая политика термидоріанской реакціи и совершенно необъятныя эмиссіи свели цѣнность ассигнатовъ къ нѣсколькимъ процентамъ ихъ номинала, выносятся на обсужденіе новый потокъ идей и проектовъ съ цѣлью остановить ихъ обезцѣненіе. Впрочемъ, огромное большинство изъ нихъ, съ одной стороны, не даетъ чего-либо новаго, представляя собою лишь различныя комбинаціи дискутировавшихся уже раньше принциповъ, а съ другой стороны, — часто совершенно не реализуемо въ условіяхъ времени.

Мы остоновимся только на одномъ проектѣ, получившемъ, по крайней мѣрѣ, юридическое осуществленіе. На фонѣ спутанныхъ пред-

ставлений эмиссионной действительности онъ заключаетъ въ себѣ по существу вполнѣ правильную и здоровую мысль о необходимости обезпечить полноцѣнность текущихъ налоговыхъ поступлений, фиксируя ихъ реальное экономическое значеніе и ограждая его отъ разрушающаго вліянія процесса обезцѣненія бумажно-денежной единицы.

Исходя изъ того соображенія, что цѣнность бумажныхъ денегъ падаетъ, въ общемъ, пропорціонально возрастанію циркуляторной массы, такъ что при номинальномъ опредѣленіи всѣхъ денежныхъ поступленийъ государство получаетъ постоянно сокращающуюся сумму цѣнностей, декретъ 21 июня 1795 г. (пополненный позже декретомъ 31 июля того же года) предписывалъ положить въ основу всѣхъ расчетовъ съ государствомъ *подвижную скалу* уплачиваемыхъ суммъ.

Такъ какъ до революціи при нормальномъ уровнѣ цѣнъ въ обращеніи находилось приблизительно на два миллиарда монеты — съ одной стороны, и такъ какъ всѣ ставки налоговъ, цѣнность земельныхъ имуществъ и т. д. исчислялись примѣнительно къ нормальной цѣнности денежной единицы — съ другой стороны, то съ заменой металлической валюты въ обращеніи ассигнатами, съ увеличеніемъ ихъ массы свыше нормы и съ обезцѣненіемъ ихъ въ силу этого, *всѣ ставки платежей государству должны быть перечислены* соответствующимъ образомъ. Это можетъ быть достигнуто путемъ *умноженія старыхъ ставокъ на среднюю норму обезцѣненія денежной единицы*. Однако, эта норма обезцѣненія исчисляется инициаторами проекта не на основаніи учета уровня цѣнъ товаровъ и труда (что потребовало бы и довольно сложнаго соціальнаго анализа системы товарообмѣна и принципиальнаго обсужденія методовъ выдѣленія и учета существенныхъ показаній и, наконецъ, постановки самага аппарата исчисленія), но *механически выводя ее изъ величины циркуляціи бумажныхъ денегъ*.

Поэтому, декретъ предписываетъ, чтобы, при возрастаніи ассигнаціонной массы въ обращеніи, на каждые 500 милліоновъ ливровъ всѣ платежи государству повышались на одну четверть прежней величины, а при сокращеніи ея на 500 милл. — соответственно понижались³⁴⁾.

Такимъ образомъ, если при ассигнаціонной массѣ въ 2 миллиарда платежей равнялся 100 ливрамъ, то онъ повышается при обращеніи:

въ 2.500 милл.	— до 125 ливровъ.
„ 3.000 „	— „ 150 „
„ 3.500 „	— „ 175 „

И обратно: при сокращеніи бумажной циркуляціи платежи соответственно понижались бы. Эта таблица сама должна была дополняться каждые два мѣсяца.

Что же касается платежей со стороны государства, то они въ теченіе довольно продолжительнаго времени (не менѣе 15 мѣсяцевъ) должны были производиться и впредь по старымъ нормамъ. Лишь черезъ

1¼ года должно было начаться постепенное перечисленіе ихъ по таблице. Въ первую очередь перечисленію должны были подвергнуться платежи процентовъ по государственнымъ долгамъ. Перечисленіе окладовъ чиновникамъ должно было совершиться еще позже *).

Такая привилегія старыхъ расцѣнокъ для государства, особенно принимая во вниманіе грандіозность повышенія платежей государству, была и нелогична и несправедлива, но для весьма значительной части государственнаго расходнаго бюджета на деле она сводилась на нѣтъ.

Ибо все платежи за матеріалы и товары, нужные государственному аппарату, съ отменой максимума „все равно должны были производиться по текущимъ ценамъ;“ а онѣ возросли еще въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ это исчисляла таблица.

Такимъ образомъ, если бы осуществились предписанія декрета о всеобщемъ повышеніи платежей государству, то весь бюджетъ былъ бы построенъ: 1) на сокращеніи реальной величины платежей по государственнымъ долгамъ (элементъ пассивный), и главнымъ, образомъ, 2) на колоссальной эксплуатаціи труда всей арміи государственныхъ чиновниковъ, служащихъ и рабочихъ, чье реальное вознагражденіе при фиксированности въ номинальномъ выраженіи ихъ окладовъ составляла незначительную часть установившагося жизненнаго эквивалента (элементъ активный).

Въ дѣйствительности, исчисленное повышение доходнаго бюджета осталось на бумагѣ, ибо при циркуляціи въ 12 милліардовъ ливровъ въ эту пору всѣ платежи должны были бы повыситься *въ 6 разъ*. А такое единовременное увеличеніе путемъ механическаго декретированія было бы не подъ силу никакому правительству.

Поэтому, хотя государственный бюджетъ продолжалъ базироваться на эксплуатаціи труда всѣхъ разнородныхъ группъ государственныхъ работниковъ, это не такъ бросалось въ глаза, будучи затушеваннымъ обстроеніемъ доходнаго бюджета не на прямомъ изъятіи у населенія его платежныхъ средствъ, но на фабрикаціи новыхъ денежныхъ знаковъ, автоматически обезцѣнивавшихъ массу старыхъ.

Невозможность проведенія декрета въ жизнь была вскорѣ понята и самимъ Конвентомъ: примѣненіе его было отсрочено и тѣмъ самымъ похоронено навсегда.

Разсмотрѣніе этого интереснѣйшаго казуса финансовой политики

*) Это выдвиганіе термидоріанской реакціей на первый планъ интересовъ собственности по сравненію съ интересами труда еще болѣе усиливается предписаніемъ того же декрета, относящимся къ сферѣ частнаго оборота. Въ то время, какъ всѣ договорныя отношенія (стало быть и наемъ труда) должны были ликвидироваться несмотря на обезцѣненіе денегъ, но заранѣе обусловленнымъ номинальнымъ нормамъ, одна обширная категорія платежей должна была впредь, наряду съ платежами государству перечисляться по таблицѣ: это были всѣ платежи по *имущественной арендѣ*.

системы эмиссионного хозяйства приводит нас, таким образом, к следующим выводам:

Здоровая идея о необходимости восстановления разрушенного эмиссионной политикой налогового аппарата в полной чистоте налоговых поступлений была существенно искажена при разработках так что конкретная форма ее законодательного воплощения не соответствовали больше ее истинному содержанию.

Это выразалось: а) в примитивизм и прямой ошибочности положенного в основу *метода исчисления нормы повышения* налоговых уплат, метода, совершенно отвлекающегося от всего того огромного социального сдвига и расчленения, который явился продуктом той же эмиссионной политики;

б) в желании односторонне увеличить доходный бюджет при сохранении наличной величины расходного бюджета, как он сложился к данному времени; на деле это приводило к закреплению выигранных позиций собственности и к полному подавлению интересов труда.

в) Сверх того, тут сказалось и непонимание основ податной психологии, которая, можно утверждать, ни при каких условиях не допустила бы механического ущемления податного бремени в один прием.

При таких условиях, крушение этого последнего опыта восстановления нормально-функционирующего налогового аппарата было неизбежно. Он превратился, таким образом, в официальное признание заканчивающегося разрушения финансовой системы.

Длительный и неуклонный процесс ликвидации старого финансового аппарата был лишь одним из характернейших следствий эмиссионной политики.

Соотношения между финансовой и денежной системой очень любопытны, Здоровые финансы возможны лишь на основе здорового денежного обращения. В этом смысле финансовая система подчинена денежной, и принципы построения финансового аппарата могут дискутироваться лишь в пределах предуказанных принципов аппарата денежного.

Но как только это правило нарушено и денежная система используется в целях финансирования государственных операций, так начавшееся подчинение принципов денежной системы задачам системы финансовой получает самодовольное развитие, противостоят которому удается крайне редко.

На основе нездоровой денежной системы могут возникнуть только нездоровые финансы, и перестройка их завершается ускоренным темпом.

Бумажно-денежные эмиссии влияют непосредственно на финансовую систему двояким образом: они, во-первых, обезценовывают

налоговые поступления, вызывая потребность в новых эмиссиях и *во-вторых*, парализуют все попытки установить предель дальнейшему увеличению бумажной массы путем извлечения части обращающейся бумаги при помощи займов: ибо самое текущее обезценение их превращает всякий заем в налог.

Столкнувшись лицом к лицу с этими явлениями финансовое управление пыталось бороться с *первым* из них давлением на сопутствующую причину обезценения ассигнатов и провело, как мы видели, в три приема процесс гомогенизации легального обращения денежных знаков.

Как-бы ни были необходимы эти меры они противостоят все же лишь сопутствующим факторам обезценения, не затрагивая его первопричины.

Столкнувшись со *вторым* явлением невозможности добровольного изъятия из обращения части бумажной массы в порядке заемном, французская революция сделала логический вывод о необходимости ввести в этот процесс элемент принуждения. Но ее социально-организационные возможности не были столь обширны, чтобы достигнуть действительного осуществления декретированных принципов. Принудительные займы оказались, в общем, также неудачны, и явились в сущности, концом активной финансовой политики. За этим наступает эпоха финансово-политической депрессии и упадка, нашедшая скорей благоприятную почву для своего развития в депрессии и реакции политической.

Финансовый аппарат революции теперь уже окончательно приобретает эмиссионное строение. Эмиссии проводятся как последовательная система, хотя ее идеологи до последнего момента не хотят в этом сознаться³⁵).

Но, борьба против обезценения ассигнатов постоянно стимулируется извне, со стороны широких масс неимущего населения, которые несут на себе всю его тяжесть.

Массы не умеют формулировать требований активного финансового управления, но они легко усваивают лозунги общей экономической политики. Они требуют, прежде всего, непосредственного воздействия на те формы обезценения денежной единицы, с которыми встречаются повседневно.

На дѣлѣ правомъ таксаціи воспользовались по большей части лишь муниципалитеты крупныхъ городовъ, да и установленный ими таксы мало чѣмъ отличались отъ рыночныхъ цѣнъ.

Вторая половина 1791 г. была отмѣчена общимъ экономическимъ подъемомъ, стимулируемымъ не только хорошимъ урожаемъ, но и новой бумажно-денежной массой, превращавшейся такъ или иначе въ орудіе общественнаго спроса. Но эта повышательная конъюнктура не замедляетъ показать и свою оборотную сторону.

Взвинчиваніе цѣнъ крупными парижскими спекулянтами, находящее себѣ экономическую опору въ возросшей суммѣ платежныхъ средствъ въ странѣ, отражается прежде всего въ голодѣ низшихъ слоевъ населенія.

Это находитъ откликъ въ наиболѣе демократическомъ органѣ времени — журналѣ Прюдома „Парижскія Революціи“ („Les Revolution de Paris“).

Уже въ привѣтственной статьѣ по поводу открытія Законодательнаго Собранія (1 октября 1791 г.) журналъ требуетъ, чтобы новое Національное Собраніе установило максимальныя цѣны на зерно и хлѣбъ и приняло мѣры для снабженія Парижа необходимыми продуктами ²⁾.

Эта постоянно подчеркиваемая въ рядѣ статей задача таксаціи товаровъ вскорѣ пополняется „Парижскими Революціями“ требованиями подчинить государственному контролю торговлю хлѣбомъ, скотомъ и сахаромъ, устроить государственныя хлѣбохранилища въ различныхъ департаментахъ, воспретить вывозъ хлѣба и т. д.

Насколько значительнымъ представляется уже въ эту пору вопросъ о вздорожаніи продовольствія показываетъ хотя бы переписка Маріи-Антуаннеты со своимъ другомъ Ферзе, черезъ котораго она готовяла иностранное нашествіе и вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ столицу. Въ посланіи отъ 31-го октября 1791 г. она отмѣчаетъ „замѣтную перемѣну в Париже“. Народъ не читаетъ больше газетъ. „Ихъ занимаетъ только дороговизна хлѣба и декреты“, — пишетъ она ³⁾.

Законъ 20-го іюля 1791 г., предоставлявшій муниципалитетамъ право таксировать печеный хлѣбъ, при вольномъ возрастаніи цены зерна не могъ сколько-нибудь существенно ослабить давленіе дороговизны на потребительскіе бюджеты.

По мѣрѣ того, какъ все новыя массы ассигнатовъ всасывались въ народно-хозяйственный организмъ, повышались цѣны на всѣ остальные товары, и торговлѣ становилось все болѣе невыгоднымъ продавать таксированные продукты по предписанной расцѣнкѣ, ибо все болѣе возрастала разница между нею и той цѣною, которую можно было бы получить при отсутствіи принудительныхъ нормъ.

Слѣдствіемъ перваго обстоятельства было возникновеніе общественной потребности въ таксаціи всѣхъ товаровъ вообще. Въ провинціи,

IX. Фиксація товарныхъ цѣнъ.

Повышательное движеніе цѣнъ, превращавшееся все больше въ общественное бѣдствіе, съ самаго начала вызвало потребность такъ или иначе противодѣйствовать ему путемъ общественнаго контроля и регламентаціи торговли.

Сообразно тому, что этотъ экономическій сдвигъ, какъ выраженіе эмиссионной реорганизаціи хозяйства, отражался больше всего на положеніи группъ соціально-слабыхъ, съ крайне ограниченнымъ жизненнымъ уровнемъ, насущное значеніе все больше приобретаетъ вопросъ о расцѣнкѣ важнѣйшихъ средствъ существованія, какъ исключительно крупной статьи расходнаго бюджета неимущихъ классовъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о воздѣйствіи эмиссионной политики на народное хозяйство прежде и раньше всего облекается въ форму вопроса продовольственнаго, который нависаетъ грознымъ вѣстникомъ соціальныхъ бѣдствій надъ всей политической исторіей французской революціи. Терминъ „subsistences“ (продовольствіе) съ нѣкотораго времени не сходитъ со страницъ всѣхъ безъ исключенія газетъ Парижа, не перестаетъ обсуждаться въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ въ Національныхъ Собраніяхъ, очень нерѣдко заволакивая въ сознаніи общественныхъ массъ всѣ политическія грозы и бури, которыя разыгрываются въ то время.

Какъ рано давленіе эмиссій на цѣны превращается въ болѣзнь времени и ставитъ на очередь передъ общественнымъ сознаніемъ вопросъ о необходимости борьбы съ нею, видно изъ того, что уже 20 іюля 1791 г. мы находимъ декретъ Учредительнаго Собранія ¹⁾ предоставляющій муниципалитетамъ право таксировать два важнѣйшіе продукта — печеный хлѣбъ и мясо *).

*) Уже въ 1789 г. въ наказахъ третьяго сословія, требовавшихъ расширенія свободы городского самоуправления, упоминается о таксахъ на хлѣбъ и мясо, устанавливаемыхъ на основѣ среднихъ цѣнъ (наказы Ліона, Труа, Парижа и Шалонна). Послѣдняя оговорка показываетъ, однако, что цѣлью таксаціи является здѣсь лишь предотвращеніе спекулятивныхъ колебаній цѣнъ.

въ началѣ 1792 г. это стало выливаться въ формы непосредственнаго требованія толпы къ торговцамъ о пониженіи цѣнъ⁴).

Слѣдствіемъ второго обстоятельства было все возрастающее стремленіе торговцевъ обойти предписанныя нормы и сбывать товары на сторонѣ внѣ легальнаго, гласнаго торга.

Поэтому, въ половинѣ 1792 г., вмѣстѣ съ намѣчающимся переломомъ общеэкономической конъюнктуры (въ сторону ея ухудшенія), становятся необходимыми болѣе активными мѣропріятія для дѣйствительной реализаціи вырабатываемыхъ таксъ.

Отсюда рождается декретъ *16-го сентября 1792 г.*, который предоставляетъ муниципальнымъ управленіямъ важныя права въ этомъ направленіи.

Учитывая, что „среди опасностей, которыя угрожаютъ свободѣ, всѣ собственники зернового хлѣба должны считать себя простыми держателями его“ („*dépositaires*“), декретъ предписывалъ департаментами.

а) производить ревизіи наличности хлѣбовъ въ каждой коммунѣ, у торговцевъ хлѣбомъ и остальныхъ депозитаріевъ (ст. 4);

б) немедленно опредѣлить, какое количество хлѣба каждая коммуна обязана доставить для продажи на рынкѣ, при чемъ это количество должно исчисляться пропорціонально имѣющейся наличности (ст. 5);

в) въ случаѣ же отказа земледѣльцевъ-собственниковъ или торговцевъ хлѣбомъ подчиниться предписаніямъ и реквизиціямъ муниципалитетовъ, хлѣбъ долженъ быть немедленно конфискованъ и перевезенъ въ національные магазины, а эти лица подвергнуты наказанію годомъ каторги (ст. 6)⁵).

Предоставляя рядъ правъ и полномочій мѣстнымъ органамъ по регулированію хлѣбной торговли декретъ 16-го сентября предполагаетъ, такимъ образомъ, широкое развитіе ихъ самостоятельности.

И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ муниципалитеты были достаточно подготовлены для этого по своей соціальной структурѣ, они широко используютъ эти права и нерѣдко даже выходятъ за узкіе предѣлы регламентаціи снабженія хлѣбомъ, распространяя свои постановленія на другіе продовольственные и непродовольственные предметы.

Въ рядѣ другихъ мѣсть муниципалитеты не проявляютъ достаточной инициативы въ этомъ отношеніи либо организаціонно не будучи въ состояніи взять ее на себя, либо по своему соціальному составу не отвѣчая задачамъ времени.

Въ такомъ случаѣ народныя волненія вспыхиваютъ все чаще и, проявляясь все въ болѣе рѣзкихъ формахъ, принимаютъ на себя разрѣшеніе этихъ задачъ.

Возникаетъ своеобразное *стремленіе подчинить торговлю непосредственной волѣ массъ*, декретирующихъ ей принципы и нормы считаемыя ими справедливыми.

Такъ, въ департаментѣ Эры (l'Eure) массовое движеніе на этой почвѣ возникло уже въ февралѣ и мартѣ 1792 г.

„Движеніе зародилось въ наиболѣе бѣдныхъ коммунахъ кантона Бретель, — рассказываетъ одинъ современный изслѣдователь мѣстныхъ архивовъ.

„Нѣсколько гвоздильщиковъ и башмачниковъ изъ Бо и Гернанвиля 25-го февраля условились собраться на слѣдующій день и отправиться на рынокъ въ Ля-Лирѣ. Заперевъ начальниковъ національной гвардіи этого города, они зафиксировали цѣну на хлѣбъ въ размѣрѣ 25 ливровъ за мѣшокъ.

„29-го февраля, толпа, увеличившаяся прибывшими изъ окрестныхъ деревень, общей численностью въ 300—400 человекъ явилась съ оружіемъ, барабаннымъ боемъ и развернутымъ знаменемъ въ Баррѣна Ушѣ. Они потребовали безпрекословнаго принятія „билетовъ довѣрія“ и таксы на хлѣбъ въ 27 ливровъ за мѣшокъ. Мэръ города . . . скрылся.

„Однако, мятежники оказали давленіе на муниципальныхъ офицеровъ и на мирового судью и добились, чтобы не было составлено протокола этого происшествія.

„Послѣ закрытія рынка они удалились безъ насилій, но не безъ угрозъ на сосѣднихъ рынкахъ...

„Бунтъ распространялся: „инсургенты“ раздѣлились на нѣсколько бандъ... „1-го марта, въ Концѣ 300 человекъ, въ согласіи съ муниципалитетомъ, установили таксу.

„2-го марта муниципалитеты Ла-Герульда, Нофля, Оверньи и Бенекура, сопровождаемые толпой подъ предводительствомъ нѣкого Шамбона де-Труссевиля, принудили мэра гор. Ругля установить таксу на зерновой хлѣбъ въ 27 ливровъ 10 су за мѣшокъ и на печеный въ 18 су за каравай въ 12 фунтовъ (вмѣсто существовавшей цѣны въ 23 су).

„3-го марта была захвачена въ Старомъ Коншѣ кузница Вагунновъ: предприниматель былъ вынужденъ продавать желѣзо по 20 ливровъ за квинталь. Въ тотъ же день въ Ла-Ферриерѣ на Рислѣ десятка два мятежниковъ вооруженныхъ ружьями и серпами удовлетворились тѣмъ, что напугали муниципалитетъ, который постановилъ продавать мѣшокъ зерна не дороже 23 л. 10 су.

„Въ воскресенье 4-го марта, въ Фиделерѣ, послѣ нѣкоторой суматохи зерно было таксировано сообразно цѣнамъ въ Коншѣ.

„Верней, который предвидѣлъ распространеніе возстанія, еще болѣе разросшегося подъ вліяніемъ паники, рѣшилъ ему не сопротивляться. Уже 3-го, его муниципалитетъ „принявъ во вниманіе, что противодействовать съ незначительными силами такого рода потоку было бы опасно, рѣшилъ уступить ему и ожидать событій безъ сопротивленія“.

„Также утромъ 5-го марта, когда мэры и муниципальные чиновники Бретелья и 14 коммунъ, поддержанные уполномоченными отъ крестьянъ, представили свои жалобы городской думѣ, то они получили безъ прений таксу въ 28 ливра за мѣшокъ. Затѣмъ эта толпа, которую муниципалитетъ Вернея опредѣляетъ въ своемъ протоколѣ въ 3000 человекъ, удалась безъ насилій.

„6-го марта, къ полудню, въ Дамвиллѣ другая банда изъ 600—700 поденщиковъ, вооруженная „ружьями, пиками, топорами, стругами, и другимъ смертоноснымъ оружіемъ“ приказала продавать зерно по 24 ливра за мѣшокъ. Послѣ этого торговля возобновилась въ полномъ спокойствіи.

„7-го марта, въ Нейбургѣ, толпа людей „среди которыхъ были многіе со столь же скверными фізіономіями, сколь и въ плохой одеждѣ“, руководимая членами муниципалитета Конша, окружила рынокъ. Мятежники на этотъ разъ, казалось, были лишены ихъ обычнаго спокойствія. Они заставляли многіхъ почетныхъ людей вывозить хлѣбъ: одного изъ нихъ, на котораго было указано, какъ на монополиста, они пресѣдвали, угрожая ему смертью.

„Такимъ образомъ тревога охватила всю юго-западную часть Департамента. Согласно пессимистическимъ слухамъ инсургенты должны были 10-го марта сконцентрироваться у главнаго города. . . . Тактика мятежниковъ, — заключаетъ авторъ, извлекая всѣ эти свѣдѣнія изъ архивныхъ документовъ Департамента: полицейскихъ протоколовъ, донесеній и т. д., — была всюду одинакова: произвольная таксація зерна и печенаго хлѣба, отмѣна продажи съ торговъ и особенно часто введеніе принудительнаго курса бумажныхъ денегъ...“⁶⁾

О другомъ такомъ движеніи сообщаетъ Конвенту депутація отъ управленія департамента Луары и Шеры 26-го ноября 1792 г.

„Возстаніе началось въ департаментѣ Сарты у Монмиральскаго лѣса. Собраніе заставило стекольщиковъ Монмираля отправиться вмѣстѣ съ ними въ Мондубло, гдѣ они установили таксы на хлѣбъ и принудили мѣстныхъ жителей и правительственныхъ служащихъ сопровождать ихъ въ С. Калэ. Оттуда, въ числѣ 3.000 человекъ, съ 300 кавалеристами во главѣ, они, 23-го числа, отправились въ Вандомъ. Прежде всего они заявили о томъ, что пришли не съ цѣлью совершения насилій, но для того, чтобы установить цѣну на хлѣбъ и прочіе продукты. Они размѣстились у гражданъ, но принесли хлѣбъ съ собой, дабы не обременять городъ, въ которомъ ихъ не ждали. Они просили лишь крова и воды. Они установили цѣну на хлѣбъ въ 21 денье за фунтъ и объявили о томъ, что въ слѣдующую субботу пойдутъ въ Блуа, чтобы и тамъ установить ту же цѣну. Жителей Вандома они звали съ собой, говоря, что въ противномъ случаѣ сожгутъ городъ.

Почти съ увѣренностью можно сказать, что въ пятницу вечеромъ на собраніи въ Блуа, будетъ не менее 12.000—15.000 человекъ“⁷⁾.

Передъ лицомъ такихъ движеній всякая словесная аргументація представителей Конвента оказывается совершенно бесполезной. Вопіющее противорѣчіе ея съ самыми жизненными потребностями населенія лишила ее всякаго содержанія.

„Напрасно мы доказывали, что мы не имѣемъ права таксировать товары. Этотъ отказъ могъ стоить намъ жизни“, — говорилъ о своей поѣздкѣ Биротто, одинъ изъ трехъ комиссаровъ Конвента, посланныхъ въ департаментъ Эры-и-Луары для успокоенія волненій (засѣданіе 30-го ноября 1792 года)⁸⁾.

Народъ хотѣлъ таксировать хлѣбъ „по привычной нормѣ; прозвище барышниковъ обрушилось на насъ самихъ“, — писалъ въ своемъ докладѣ Конвенту Фошэ, одинъ изъ двухъ комиссаровъ, посланныхъ въ октябрѣ 1792 г. въ департаментъ Йоннъ для успокоенія волненій и нашедшихъ города Сень (Sens) и Оксерръ (Auxerre) „въ состояніи возстанія“⁹⁾.

„Потребленіе хлѣба, — говоритъ въ докладѣ 23 октября одинъ изъ гражданъ города Сень-Обэнъ (St Aubin) является фиксированнымъ и не мѣняется, иначе какъ при измѣненіи численности населенія. Каково бы ни было вздорожаніе его, если не считать исключительнаго случая голода, бѣдняки не смогутъ его перенести, не устройвъ въ одинъ прекрасный день революцію“¹⁰⁾.

И комиссары Конвента принуждены были кое-гдѣ на мѣстахъ санкціонировать предѣльные цены на товары, примѣрно на томъ уровнѣ, на которомъ онѣ стояли въ 1790 г. Предѣльные цѣны для департамента Эры-и-Луары были установлены, такимъ образомъ, на зерновой хлѣбѣ, ячмень, мясо, свѣчи, холстъ, башмаки и желѣзо (приказъ комиссаровъ Конвента отъ 29-го ноября 1792 г.)¹¹⁾.

Между тѣмъ, жирондисты, господствующіе въ эту пору въ Конвентѣ, начинаютъ рѣшительную борьбу противъ нарушенія принципа свободы торговли.

Политическій вождь жирондистовъ *Бриссо* все съ большей яростью нападаетъ на „анархистовъ, возбудителей бунтовъ и проповѣдниковъ аграрнаго закона“ (закона, ограничивающаго земельныя владѣнія опредѣленнымъ максимумомъ). Онъ прямо требуетъ гильотины для тѣхъ, кто стремясь къ продолженію революціи, мѣшаетъ буржуазіи установить нужный ей порядокъ. Нападеніе на собственность — величайшее преступленіе даже тогда, когда оно вызвано все возрастающимъ голодомъ.

„Дезорганизаторы — тѣ, — пишетъ онъ 24-го октября 1792 года въ памфлетѣ „Ко всѣмъ республиканцамъ Франціи“, — дезорганизаторы тѣ, кто хочетъ все уравнивать — собственность, достатокъ, установить цѣны на пищевые продукты, опредѣлить цѣнность различныхъ услугъ,

оказанных обществу; кто хочет чтобы рабочий в лагерь получал столько же, сколько законодатель..."¹²).

„Именно они, — говорит он в другом памфлете, — для того, чтобы увеличить свои беспорядки, — разделили общество на 2 класса: имущий и неимущий, класс *санъ-кюлотовъ* и класс *собственниковъ*, которых они возбудили друг против друга...

„Они под видом секций постоянно надобдают Конвенту петициями, в которых требуют установления максимальной цены на зерновой хлеб..."¹³).

„Они организовали петицию десяти тысяч человек, объявивших, что возстанут, если не будет установлена такса на хлеб..."

Тем большее одобрение Бриссо заслуживают те группы населения, которые остаются спокойными, несмотря ни на какую дороговизну и ни на какой голод.

„Посмотрите, — говорит Бриссо, — на те департаменты, которые сумели обуздать ярость этих людей; посмотрите, хотя бы на департамент Жиронды. Там все время царил порядок; народ там подчинился закону, хотя платит до 10 су за фунт хлеба... А все потому, что в этом департаменте проповедники аграрного закона были изгнаны и граждане заколотили клуб (якобинцев), где проповедывали этот закон..."¹⁴). Таково главное достижение Бриссо, порядок, хотя бы он был куплен ценою голода, который не может не явиться следствием учтивения цены хлеба.

Но жирондисты аргументируют и экономически:

„Сограждане, проникнитесь хорошенько тою великою истиной, что торговля может процветать только вследствие самой неограниченной свободы" — гласило воззвание „Временного Исполнительного Комитета по Делам Продовольствия" („Conseil exécutif provisoire relative aux subsistances") от 31-го октября 1792 г.¹⁵). В дороговизне хлеба виновато само население, которое препятствует свободному вывозу его из департамента в департамент.

Роланг грозит увольнением членам муниципалитетов, которые осмелятся тащить какие-либо предметы потребления кроме мяса и хлеба.

В начал ноября он докладывает Конвенту, что снабжение провизией производится всюду насильственно и произвольно. Провозимые грузы хлеба часто бывают разграбляемы по цене, устанавливаемой покупателями.

Во втором обращении к Конвенту (18-го ноября 1792 г.) Роланг говорит, что „правительственное вмешательство в торговлю, в промышленность, в какое бы то ни было предприятие" всегда было убыточно и вредно для всех. Ибо „оно затрудняло промышленность,

удорожало плату за рабочий труд и увеличивало стоимость вырабатываемых предметов"¹⁶).

Если эта капиталистическая боязнь вздорожания рабочих рук ярче, чем что-либо вскрывает истинный смысл проповеди свободы торговли, то с другой стороны вопрос о фиксации максимальной цены, получает теперь в этой связи широкое социальное обоснование с прямо-противоположной точки зрения. Замечательным документом в этом смысле является петиция, предъявленная Конвенту 19 ноября 1792 г. от имени Избирательного Собрания департамента Сены-и-Уазы. Вот ее текст:

„Граждане, первый принцип, который мы должны вам изложить таков: *свобода торговли хлебом несочетаема с существованием нашей Республики*. Из кого состоит наша Республика? — Из малаго числа капиталистов и большого числа бедняков. В чьих руках находится торговля хлебом? — В руках этого малаго числа капиталистов. Для чего они торгуют хлебом? — Для того, чтобы обогатиться. Как они могут обогатиться? — Повышая цену на хлеб при продаже его потребителю.

„Но, кроме того, вы обратите внимание и на то, что этот класс капиталистов и собственников, благодаря безграничной свободе в повышении хлебных цен, является таким же хозяином и в установлении заработной платы. Всякий раз, когда капиталисту нужен один рабочий, является десять и капиталист выбирает; выбор, естественно, падает на того, кто наименее требователен: ему назначают цену и рабочий подчиняется, потому что ему нужен хлеб и нужен безотлагательно. Таким образом, эта группка капиталистов и собственников диктует цену рабочего дня. Безграничная свобода хлебной торговли дѣлает также эту группку господами продуктов первой необходимости. Группка эта не преследует других целей, кроме цели удовлетворения своей жадности.

„Из всего этого вытекает самое невѣроятное несоответствие между заработной платой и ценой продуктов первой необходимости. Дневная заработная плата равняется 16—18 су, в то время как цена хлеба — 26 ливрам за меру весом от 260 до 270 фунтов, по 6 унций в фунт. Ясно, что заработка не хватает на жизнь и, таким образом, всякий, живущий трудом своих рук, неизбежно осужден на гибель.

„Но если, в то же время, этот рабочий класс является наиболее многочисленным классом, если когда его побуждает равенство всех перед законом — он является единственной силой государства, то как можно допустить, чтобы он переносил подобное положение вещей, которое его оскорбляет, душит и отнимает у него самые источники существования?

„ Не пугайтесь смелости высказанной истины: революции созда-

ются не тѣми истинами, когорыя провозглашаются открыто, но тѣми, которыя хотятъ заглушить.

„Неограниченная свобода торговли хлѣбомъ тягостна для наиболѣе многочисленнаго класса народа. Народъ не можетъ ее переносить. Значитъ, она несовместима съ нашей Республикой ... Вотъ вторая истина, къ которой мы подошли: *Законъ долженъ заботиться о пропитаніи всѣхъ гражданъ Республики.*

„Какими правилами онъ долженъ руководиться при этомъ? Нужно добиться того, чтобы хлѣбъ былъ; чтобы неизмѣнная цѣна этого хлѣба была всегда въ соотвѣтствіи съ заработной платой, ибо, если, при неизмѣняющейся заработной платѣ, цѣна хлѣба мѣняется, между той и другой, неизбѣжно, создается несоотвѣтствіе, слѣдствіемъ котораго является бѣдственное положеніе наиболѣе многочисленнаго класса. Такое положеніе вещей абсурдно и не можетъ долго длиться.

„Вотъ передъ вами очевидный истины: *Необходимо справедливое соотвѣтствіе между цѣной хлѣба и заработной платой и дѣло закона поддерживать это соотвѣтствіе, для котораго свобода торговли является препятствіемъ.*

„Къ какимъ же средствамъ нужно прибѣгнуть? Вы не должны скрывать отъ себя того, что частичныя мѣры здѣсь опасны и неэффективны, долой полумѣры — онѣ лишь погубятъ насъ! Это на нихъ ссылаются экономисты, желающіе оправдать свою систему неограниченной свободы торговли. Торговля можетъ существовать лишь при полной свободѣ, но при первыхъ же помѣхахъ съ ея стороны ее придется совершенно уничтожить, ибо въ противномъ случаѣ, взявъ у насъ все, она не дастъ вамъ ничего, она васъ погубитъ.

„Уничтожьте теперь же всѣ причины, способствующіе невежеству и покровительствующіе монополіи.

„*Предпишите, чтобы весь хлѣбъ продавался на вѣсъ. Установите максимальную цѣну.* Поднимите ее въ этомъ году до 9 ливровъ за квинталь въ 50 килограммовъ (т.-е. до 18 франковъ за 100 кило). Эта средняя цена будетъ одинаково хороша какъ для производителя, такъ и для потребителя. Предпишите, чтобы и въ послѣдующіе годы цѣна на хлѣбъ была установлена по тому же принципу, согласуясь съ производительностью земли и стоимостью ея обработки, и чтобы цѣна эта устанавливалась лицами, выбранными для этого народомъ.

„Запретите торговлю хлѣбомъ всѣмъ, кромѣ булочниковъ и мельниковъ, которые будутъ пріобрѣтать его по той же цѣне у жителей коммунъ и которые будутъ вести свою торговлю на глазахъ у всѣхъ. Запретите вѣсовщикамъ пріобрѣтать хлѣба болѣе, чѣмъ нужно имъ на три мѣсяца для собственнаго потребленія. Обязайте cadaго фермера самого продавать свой хлѣбъ на ближайшемъ рынкѣ, запретите ему продавать этотъ хлѣбъ на глазъ вѣсовщикамъ или посредникамъ. И, наконецъ, остающійся хлѣбъ долженъ быть взятъ на учетъ муниципалитетами, долженъ находиться въ резервѣ, чтобы первымъ быть выпущеннымъ въ продажу. Предпишите, чтобы никто не смѣлъ арендовать болѣе 120 десятинъ (мѣрой въ 22 фута въ першѣ); чтобы всякій собственникъ могъ пользоваться лишь однимъ участкомъ, а остальные были бы обязаны сдавать въ аренду; чтобы никто не смѣлъ получать арендную плату зерномъ и, наконецъ, чтобы никто не смѣлъ быть одновременно мельникомъ и фермеромъ. Предоставьте, наконецъ, заботы о снабженіи каждой составной части Республики ея центральной администраціи, выбранной народомъ, и вы увидите, что изобиліе хлѣба и соотвѣтствіе его цѣны съ заработной платой дадутъ спокойствіе, счастье и жизнь всѣмъ гражданамъ“¹⁷⁾.

Этотъ совершенно исключительный по представляемому имъ интересу документъ отличается не только большимъ темпераментомъ, но и развиваетъ экономическую программу, отмѣченную какъ тонкостью аналитическихъ предпосылокъ, такъ и обширностью позитивной конструкціи.

Отражая въ себѣ нѣкоторыя идеи Локка и Неккера съ одной стороны и Буагильбера и Тюрго съ другой, программа эта съ ясностью выработаннаго мировоззрѣнія требуетъ огражденія необходимаго минимума въ оплатѣ труда и не останавливается передъ общей аграрной реформой для достиженія этой цѣли. Требованіе дробленія обрабатываемыхъ земельныхъ участковъ имѣетъ цѣлью ничто иное, какъ усиленіе конкуренціи между производителями продуктовъ сельскаго хозяйства, дабы облегчить ту борьбу противъ возрастанія цѣнъ, исходнымъ принципомъ которой является законодательное опредѣленіе ихъ максимума.

Отражая въ себѣ нѣкоторыя идеи Локка и Неккера съ одной стороны и Буагильбера и Тюрго съ другой, программа эта съ ясностью выработаннаго мировоззрѣнія требуетъ огражденія необходимаго минимума въ оплатѣ труда и не останавливается передъ общей аграрной реформой для достиженія этой цѣли. Требованіе дробленія обрабатываемыхъ земельныхъ участковъ имѣетъ цѣлью ничто иное, какъ усиленіе конкуренціи между производителями продуктовъ сельскаго хозяйства, дабы облегчить ту борьбу противъ возрастанія цѣнъ, исходнымъ принципомъ которой является законодательное опредѣленіе ихъ максимума.

Весь октябрь и ноябрь 1792 г. характеризуются массовымъ возбужденіемъ на почвѣ продовольственнаго вопроса въ рядѣ департаментовъ (Соммы, Энъ, Эры, Эры-и-Луары, Сарты, Луары-и-Шеры, Луарэ). Народъ не только задерживаетъ повозки съ хлѣбомъ, но и самъ устанавливаетъ таксы на товары¹⁸⁾.

Прокуроръ-синдикъ департамента Индры-и-Луары говоритъ Конвенту въ засѣданіи 3 декабря 1792 г. о томъ же: „Граждане, мы вамъ предлагаемъ единственное средство, которое мы считаемъ дѣйствительнымъ при существующихъ условіяхъ. Предоставьте въ распоряженіе народа предметы первой необходимости, установивъ общую таксу на нихъ, тогда вы прибавите къ заслугѣ созданія республики — заслугу ея спасенія“.

Но пожеланія Конвента направлены въ это время въ совершенно иную сторону.

Единственный вопросъ, къ которому онъ рѣшается непосредственно подойти, состоитъ въ томъ, чтобы заставить фермеровъ вывозить хлѣбъ на рынки. Отсюда рождается проектъ закона, выработанный Комитетами земледѣлія и торговли, который гарантируя полную

свободу торговли и провозглашая невозможность таксації товаровъ ни подь какими предлогами, обязываетъ всѣхъ владѣльцевъ хлѣба объявить объ ихъ запасахъ и предоставляетъ муниципальнымъ властямъ право предписывать *вывозъ* этихъ запасовъ на рынокъ Законъ не фиксируетъ, такимъ образомъ, ни цѣну, ни мѣсто продажи, но лишь время ея.

Конецъ ноября и начало декабря проходятъ въ Конвентѣ въ бурныхъ дебатахъ о продовольственномъ вопросѣ и о мѣрахъ урегулированія народно-хозяйственной жизни. Но борьба между единичными представителями инвервенціонизма въ Конвентѣ (Беффруа и др.) противъ организованнаго экономического устремленія жирондизма, при склонности къ той же линіи невмѣшательства со стороны отвѣтственныхъ лидеров монтаньяровъ, даетъ еще разъ крупную побѣду принципу свободной торговли.

Роланъ проводитъ декретъ 8 декабря 1792 г. о „свободной циркуляції зернового хлѣба, муки и овощей“, которымъ отмѣняются постановленія декрета 16 сентября о правѣ учета и реквизиції хлѣба (ст. 8), и который, наряду съ запрещеніемъ вывоза продовольствія за границу подь угрозой смерти и конфискації всего товара (ст. 1), провозглашаетъ „самую неограниченную свободу торговли этими продуктами“ (ст. 4).

Наблюденіе за проведеніемъ этого принципа въ жизнь возлагается на всѣ административныя и муниципальныя учрежденія, на мировыхъ судей, на начальниковъ вооруженныхъ силъ и на всѣхъ, вообще, гражданъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ правомочіе ареста всѣхъ лицъ, препятствующихъ свободному обращенію предметовъ продовольствія (ст. 5).

Больше того: для того, чтобы всемѣрно поощрить ихъ къ исполненію этой обязанности „Национальный Конвентъ объявляетъ отвѣтственными за всѣ потери, ущербъ и убытки, нанесенные при реквизиціяхъ или общественной помощи, членовъ всѣхъ административныхъ и муниципальных органовъ, мировыхъ судей, начальниковъ вооруженныхъ силъ“ и даже „коммуны, на территорияхъ которыхъ такіе убытки понесены“ (ст. 6).

Наконецъ, „караются смертною казнью всѣ тѣ, кто будетъ прямо противиться обращенію предметовъ продовольствія или кто станетъ вызывать или руководить сборищами противъ такого свободного обращенія“. Участіе въ такихъ сборищахъ карается годомъ каторжныхъ работъ (ст. 7)¹⁹.

Этотъ декретъ 8-го декабря можно считать вмѣстѣ съ тѣмъ лебединой пѣснью экономического либерализма въ эпоху революціи.

Жизнь настойчиво выдвигала иные принципы борьбы съ экономической дезорганизаціей системы эмиссионнаго хозяйства, и хотя въ условіяхъ времени они не привели полностью къ желаемымъ резуль-

татамъ, а недостатокъ силъ и средствъ подчасъ не давалъ возможности даже приступить къ осуществленію ихъ на делѣ, — въ тотъ моментъ они представлялись единственно-возможными для облегченія страданій массъ населенія.

Уже черезъ недѣлю послѣ отмѣны права регламентації торговли (17 декабря) въ Конвентѣ являются депутаціи съ требованіемъ не только установить максимальныя таксы на хлѣбъ, но и распространить ихъ на всѣ предметы потребленія во всей республикѣ.

Округъ Шомонъ (Chaumon), какъ и многіе другіе, вообще отказывается подчиниться новому закону и продолжаетъ практику реквизицій при помощи жандармеріи у отдѣльныхъ коммунъ, для того, чтобы пополнить свои рынки. Администраторы всего департамента Верхней Марны поддерживаютъ свой округъ, ибо „нѣтъ закона, который запрещалъ бы административнымъ органамъ заботиться о снабженіи рынковъ“.

Нѣтъ никакой разницы, — утверждаютъ они, — между скупщикомъ, который покупаетъ для того, чтобы спекулировать и собственникомъ, который отказывается продать свой излишекъ, ожидая повышенія цѣны²⁰.

Чтобы нѣсколько успокоить населеніе, Конвентъ пытается по-своему бороться противъ роста цѣнъ, запрещая, подь угрозой 2-хъ лѣтъ каторги, кому бы то ни было предлагать хлѣбъ или муку по цѣнѣ высшей, чѣмъ у обычнаго продавца или торговца хлѣбомъ, а также запрещая какія бы то ни было коалиціи для повышенія товарныхъ цѣнъ (декретъ 22 декабря 1792 г.). Подобные платоническіе запреты совершенно второстепенныхъ слѣдствій наряду съ полной неприкосновенностью первопричинъ подчеркиваютъ все безсиліе наличной экономической системы достигнуть какихъ-либо положительныхъ результатовъ въ этомъ направленіи.

Между тѣмъ, жирондисты, скомпрометированные экономически въ глазахъ широкихъ массъ населенія политикой полного непротивленія массовымъ спекуляціямъ и давленію дороговизны на бюджетъ потребителя, оказываются скомпрометированными и политически въ связи съ процессомъ короля, измѣной Дюмурье и послѣ смерти Людовика XVI-го быстро теряютъ свое вліяніе. 23-го января 1793 г. Роланъ покидаетъ министерскій постъ, уступая мѣсто Гара, „всегда готоваго стать на сторону болѣе сильнаго“ (Mathiez)²¹.

Но экономическая политика монтаньяровъ не представляется еще сколько-нибудь опредѣленной.

Не защищая во чтобы то ни стало принципа полного невмѣшательства, они, однако, почти столь же отрицательно, какъ и жирондисты, относятся къ идеѣ активнаго руководительства экономической жизнью, памятуя о трудностяхъ, съ которыми придется встрѣтиться на этомъ пути. „Я вовсе не воодушевляюсь принудительными зако-

нами о торговле“, — заявляетъ въ своей программной рѣчи 29-го ноября 1792 года *Сень-Жюсть*, больше чѣмъ кто-либо изъ монтаньяровъ, интересовавшийся экономическими вопросами. — „Народу можно сказать то, что сказалъ Аннибаллу карфагенскій солдатъ: „вы сумѣли побѣдить, но вы не сумѣете воспользоваться побѣдой“.

Но что-либо предпринимать такъ или иначе нужно. Сень-Жюсть отлично сознаетъ истинную причину дороговизны и всей дезорганизации товарообмена:

„То, что опрокинуло во Франціи со времени Революціи систему торговли хлѣбомъ это — неправильная эмиссія (денежныхъ) знаковъ. Всѣ наши богатства металлическія и земельныя уже представлены въ нихъ: въ торговлѣ есть знаки всѣхъ цѣнностей и всѣ эти цѣнности въ торговлѣ совершенно ничтожны, потому что они совершенно не достигаютъ потребленія. У насъ очень много знаковъ и очень мало вещей.

Законодатель долженъ исчислить всѣ продукты государства и сдѣлать такъ, чтобы (денежный) знакъ ихъ представлялъ; но если въ знакахъ представлены и земли и продукты, то равновѣсіе утрачивается и цѣна вещей должна повыситься наполовину: нельзя представлять (въ знакахъ) земель, нужно представлять только ихъ продукты“²²⁾.

Но ясно сознавая въ чемъ корень зла Сень-Жюсть, по существу все же высказывается противъ какой-бы то ни было активизации экономической политики, не считая возможнымъ воздѣйствовать ни на причину бѣдствія, ни предпринимать какія-либо мѣры къ ослабленію ея слѣдствій.

Между тѣмъ, дилемма сама по себѣ ясна: либо нужно устранить основной источникъ дезорганизации всего народнаго хозяйства страны — отказаться отъ неустаннаго вливанія въ него все новыхъ бумажно-денежныхъ массъ; либо, если это невозможно, постараться ослабить его дезорганизующее вліяніе и социальное давленіе на неимущіе слои населенія, постараться урегулировать самый процессъ усвоенія бумаги товарнымъ оборотомъ: а это не можетъ быть достигнуто безъ регламентации товарныхъ отношеній.

Полтора годами позже, накануне гибели, въ свой послѣдней рѣчи 8 термидора *Робеспьеръ* назоветъ руководителей эмиссионной политики — финансового диктатора Конвента Камбона и Рамэля „извѣстными мошенниками“.

Но въ это время онъ, хоть и признаетъ необходимость ограниченія права собственности передъ лицомъ задачи огражденія права человѣка на существованіе (см. его докладъ въ Конвентѣ о продовольственномъ вопросѣ 2 декабря 1792 г.), но его положительная экономическая программа ограничивается карами для спекулянтовъ и скупщиковъ продовольствія²³⁾.

Однако, требованія снизу, изъ толщи народа становятся все настойчивѣе.

27 января 1793 г. депутація 38 коммунъ округа Вернонъ (Vernon) — департамента Эры (Eure) заявляетъ Конвенту:

„Вы отмѣнили законъ 16 сентября, а этотъ законъ былъ единственной преградой, которую человѣческой разумъ могъ противопоставить демону ажіотажа. Онъ обезпечивалъ продовольствіе на мѣстахъ и съ тѣхъ поръ какъ онъ уничтоженъ, продовольствіе исчезло изъ нашихъ кантоновъ... Отчаявшееся населеніе проситъ у насъ хлѣба, который оно оросило своимъ потомъ, — что мы можемъ сдѣлать для него? Вы отняли у насъ средства помощи... Жалобы и ропотъ возвѣщаютъ ужасную грозу. Законодатели! Голодь 1789 г. была одной изъ главныхъ причинъ революціи; страшитесь, чтобы подобное несчастье не привело бы къ ея быстрой гибели“²⁴⁾.

Наконецъ, 12-го февраля послѣ того, какъ въ самомъ Парижѣ дѣло дошло до грабежей лавокъ съ требованіемъ хлѣба, мяса и мыла, представители всѣхъ 48 Парижскихъ секцій являютъ въ засѣданіе Конвента.

„Мы являемся сюда, — говорятъ они, — не боясь не понравиться вамъ, являемся затѣмъ, чтобы освѣтить ваши ошибки и показать вамъ истину“. Причина недостатка хлѣба въ спекуляціи и ажіотажѣ, но виноваты сами муниципальные власти допускающія это. „Какъ вы хотите, чтобы купеческіе муниципалитеты сами наблюдали за собою и сама доносили на себя?“

„Вамъ сказали, что хорошій законъ о продовольствіи невозможенъ. Но это, вѣдь, то же, что сказать, что невозможно управлять государствомъ, когда тираны низвергнуты...“

„Нѣтъ, хорошій законъ о продовольствіи возможенъ. Мы пришли вамъ его предложить и вы, безъ сомнѣнія, поторопитесь его санкционировать. Мы спрашиваемъ еще разъ: развѣ ваши принципы въ продовольствіи достигли своей цѣли? Развѣ послѣ вашихъ законовъ намъ теперь лучше чѣмъ раньше, теперь, когда народъ вопитъ отъ голода, будучи окруженъ изобиліемъ, и его положенія не хотяхъ нитѣмъ облегчить?“...

Петиція заканчивается проектомъ 4-хъ положеній, которыя нужно „добавить“ къ закону 8 декабря.

Наибольшее значеніе имѣетъ положеніе третье, которое гласитъ:

„Никогда, подъ страхомъ 6-ти лѣтъ каторги въ первый разъ и смертной казни во второй, не будетъ позволено ни одному земледѣльцу или торговцу продавать мѣшокъ пшеницы вѣсомъ въ 250 фунтовъ дороже 25 ливровъ за мѣшокъ“²⁵⁾.

Однако, всѣ такія требованія не только не имѣли успѣха въ Конвентѣ, но встрѣчались его членами неодобрительно и раздраженно. Противъ послѣдней петиціи, составленной въ рѣзкомъ тонѣ столь же

рѣзко запротестовала даже Маратъ. Претензію одного изъ участниковъ делегации говорить отъ имени „всѣхъ нашихъ братьевъ въ департаментахъ“ онъ называетъ „низкой интригой“. Послышались голоса, что это возстаніе противъ Конвента. И оно было немедленно приписано „безчестнымъ аристократамъ“. Одного изъ членовъ делегации велѣно было даже арестовать, такъ что петиціонеры принуждены были удалиться въ атмосферѣ скандала.

Если оборотная сторона вопроса о таксаціи предметовъ первой необходимости была въ наиболѣе широкой принципальной обрисовкѣ изложена въ приведенной выше петиціи 19 ноября 1792 г., то въ 1793 г. она все настойчивѣе выдвигается на первый планъ и получаетъ цифровое подтвержденіе, которое позволяетъ намъ судить объ экономическомъ положеніи имущественно низшихъ социальныхъ группъ этого времени и объ истинныхъ причинахъ, заставлявшихъ ихъ такъ упорно настаивать на фиксаціи цѣнъ, несмотря ни на какое противодѣйствіе всѣхъ политическихъ центровъ.

Эта постановка вопроса была формулирована въ числѣ другихъ членомъ директоріи Парижскаго департамента, монтаньяромъ *Моморо*, въ тезисѣ, что необходимо установить „справедливое соотношеніе между стоимостью хлѣба и размѣрами дневного заработка“.

Депутатъ *Шамбонъ* заявляетъ на засѣданіи Конвента 25 февраля 1793 г., что въ департаментахъ Коррэзъ, въ Верхнемъ Виеннѣ и Крезъ черный хлѣбъ стоитъ отъ 7 до 8 су за фунтъ. И въ то же время „неимущій классъ въ этихъ несчастныхъ департаментахъ зарабатываетъ не болѣе 9—10 су въ день“, такъ что его реальный заработокъ равняется въ сущности одному фунту хлѣба“²⁶).

Депутатъ *Лакуантаръ* утверждаетъ, что всѣ рабочіе, ремесленники, чиновники и вообще люди, живущіе на опредѣленное жалованіе, если оно меньше *двухъ тысячъ ливровъ* въ годъ, обречены на совершенную нищету, до такой степени хлѣбъ и другіе товары повысились въ цѣнѣ²⁷).

Представители администраціи департамента Верхней Марны пишутъ 31-го мая 1793 г. промышленникамъ ихъ департамента: „Мы должны сказать вамъ всю правду: прогрессивное *возрастаніе цѣнъ* на всѣ предметы первой необходимости *утроило потребности рабочихъ*, занятыхъ на мануфактурахъ разнаго рода, а ихъ заработная плата осталась на прежнемъ уровнѣ, или въ лучшемъ случаѣ поднялась въ неудовлетворяющей пропорціи... Фабриканты и мануфактуристы..., прислушайтесь къ повелительному крику всего естества, который проситъ у васъ пропитанія для вашихъ рабочихъ, для ихъ многочисленныхъ семей... Согласитесь на увеличеніе заработной платы, которое могло бы удовлетворить насущныя потребности вашихъ рабочихъ...“²⁸).

Все это случайныя, отрывочныя показанія, дошедшія до нашего

времени. Но сопоставленіе ихъ между собою и далѣе съ еще нѣкоторыми показаніями, на которыхъ мы остановимся ниже, а также сравненіе ихъ съ общими законами дѣйствія функціональнаго аппарата эмиссіоннаго хозяйства заставляеть сдѣлать непререкаемый выводъ: *здѣсь* коренились причины такого настойчиваго требованія фиксаціи цѣнъ, несмотря на всѣ преграды, которыя они встрѣчали на своемъ пути, — въ этой диспропорціональности повышенія цѣнъ товаровъ и цѣны труда, въ сокращеніи объема потребленія, вызываемомъ ею и ставящимъ рабочихъ лицомъ къ лицу съ голодной смертью.

Но руководители Конвента, занятые политическими дебатами высокой важности, какъ будто не замѣчали давленія этой жизненной нужды.

На засѣданіи клуба якобинцевъ 22 февраля 1793 г. президентъ Конвента, монтаньяръ *Дюбуа Крансэ*, говоритъ, что онъ „съ ужасомъ отвергнетъ петицію, которая будетъ говорить о таксаціи съѣстныхъ припасовъ“. Ибо „сначала необходимо завоевать свободу, а потомъ уже припасы станутъ дешевле“.

Другой ораторъ заявляетъ, что „теперь не время возбуждать вопросъ о продовольствіи. Этотъ вопросъ не въ порядкѣ дня, онъ нарушилъ бы тишину и спокойствіе, которые намъ нужны. Общество должно невозмутимо заниматься выработкой конституціи“²⁹).

23 и 24 февраля въ бѣднѣйшихъ частяхъ Парижа дѣло дошло до форменной осады пекаренъ голодными женщинами, хотя насильственныхъ дѣйствій нигдѣ зарегистрировано не было. 25 февраля положеніе стало серьезнѣе.

„Сегодня, — сообщаетъ № 1294 „Французскаго Патриота“, — въ Парижѣ магазины и лавки большого количества торговцевъ, лавочниковъ и дѣлателей свѣчей подверглись нападенію скопищъ, состоявшихъ, по большей части, изъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ толпа распредѣлила между собой, по цѣнамъ втрое меньше теперешнихъ, продовольственные продукты, въ особенности сахаръ, кофе, мыло и свѣчи: въ другихъ — просто разграбила ихъ, ничего не уплачивая. При этомъ раздавались ужасныя угрозы и оскорбительныя ругательства противъ Національнаго Конвента“³⁰). — Слова „роландисты“ и „бриссотинцы“ сдѣлались ругательными, отождествляясь съ понятіями спекулянтовъ и обманщиковъ вообще...

Впечатлѣніе это движеніе производитъ столь сильное, что даже одинъ изъ самыхъ демократическихъ органовъ — журналъ *Прюдома* — говоритъ о „третьей революціи“.

„Тишина и спокойствіе“, которыхъ жаждали ораторы Конвента, были, очевидно, въ изложенныхъ условіяхъ невозможны, и это соображеніе, повторявшееся съ нѣкоторыхъ поръ все чаще и чаще, сыграло, въ концѣ-концовъ, рѣшающую роль.

Впрочемъ, изъ всѣхъ отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей на

сторону народа въ этомъ вопросѣ становится только прокуроръ Парижской Коммуны, эбертистъ *Шометтъ*, выступающій въ Конвентѣ 27 февраля съ большою рѣчью по этому поводу.

„Не существуетъ болѣе истиннаго соотвѣтствія между цѣной рабочаго дня и цѣной продуктовъ второй необходимости. Мы знаемъ, что существуетъ много причинъ для этого внезапнаго вздорожанія. Морская война, наши колоніальныя неудачи, паденіе вексельнаго курса и особенно выпускъ ассигнатовъ, внѣ всякаго соотвѣтствія съ потребностями торговли — вотъ нѣкоторыя изъ причинъ того вздорожанія, отъ котораго мы страдаемъ.

„Но насколько же возрастаетъ дѣйствіе этихъ причинъ и ихъ результаты, когда тутъ же появляются всякіе негодяи в скупщики; когда народное бѣдствіе используется въ спекулятивныхъ цѣляхъ капиталистами, не знающими куда дѣвать свои капиталы, полученные въ результатѣ ликвидаціи промышленности; когда эти народныя страданія используются и въ политическихъ цѣляхъ негодяями, жаждущими контръ-революціи и расчитывающими на отчаяніе народа.

„Народъ, граждане, чувствуетъ лишь свои бѣдствія и только ихъ. Онъ еще не въ состояніи разобраться въ ихъ причинахъ и нечего надѣяться на то, чтобы онъ терпѣливо сталъ ждать будущаго, хотя бы и близкаго, когда къ нему сойдутъ миръ и изобиліе. Бѣднякъ совершилъ для Революціи, сколько же, сколько и богачъ, и даже болѣе, чѣмъ онъ. Но тогда какъ вокругъ бѣдняка все измѣнилось, онъ одинъ остался все въ томъ же положеніи. — Революція дала ему лишь право жаловаться на свою судьбу...

„Граждане! Въ Парижѣ бѣднякъ особенно бѣденъ, въ Парижѣ онъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, видитъ пропасть, отдѣляющую его отъ богача, и при виде ея приходитъ въ ужасъ и отчаяніе...

„Граждане! Чтобы стать счастливыми, мы стремимся къ перемѣнѣ положенія, мы совершаемъ Революцію.

„Революція наша, давъ богачамъ свободу, дала имъ все. Бѣдняку она тоже дала свободу и равенство, но, чтобы быть свободнымъ, нужно имѣть возможность жить, а жить нельзя, если нѣтъ соотвѣтствія между заработною платой и цѣной продуктовъ.

„Возстановите это соотвѣтствіе! Сделайте такъ, чтобы въ результатѣ Революціи соотношение это измѣнилось въ пользу бѣдняка. Это единственное средство заставить его любить Революцію. Это единственное средство дать ему надежду и самому стать когда нибудь собственникомъ и, быть можетъ, лишь въ эту счастливую пору Революція будетъ окончательно упрочена и бѣднякъ перестанетъ смотрѣть на себя, лишь какъ на квартиранта, арендующаго мѣсто въ своемъ отечествѣ“³¹⁾.

Въ мартѣ центромъ массовыхъ волненій на почвѣ требованія осуществленія позитивной экономической программы въ защиту бѣд-

нѣйшихъ слоевъ населенія отъ дороговизны — становится *Лионъ*, гдѣ нищета и безработица были ужасны. Рабочіе требовали здѣсь таксаціи не только хлѣба, но и всѣхъ предметовъ „второй необходимости“, какъ то: масло, сахаръ, кофе, мыло, дрова и т. д. Больше того, они требовали *фиксаціи заработной платы* путемъ установленія тарифовъ для различныхъ отраслей производства³²⁾.

И если Конвентъ въ апрѣлѣ рѣшился, наконецъ, вступить на новый путь экономической политики, то это не потому, что считалъ его экономически цѣлесообразнымъ, но только для того чтобы „успокоить рабочихъ“, какъ стали аргументировать очень многіе, и даже для того, чтобы „обеспечить священное уваженіе къ собственности“, которое, какъ заявилъ депутатъ *Монжильберъ*, можетъ быть достигнуто только таксаціей хлѣба.

Между тѣмъ, требованія рабочихъ нашли себѣ организаціонную поддержку въ муниципалитетѣ Парижа, который съ апрѣля 1793 г. начинаетъ рѣшительно настаивать на таксаціи хлѣба.

18 апрѣля 1793 г. всѣ представители муниципальнаго управленія Парижскаго департамента въ адресѣ, поданномъ въ Конвентъ просятъ объ установленіи повсемѣстнаго максимума на хлѣбъ.

Теперь это уже даетъ нѣкоторые плоды въ видѣ порученія комитету земледѣлія и торговли рассмотреть этотъ вопросъ съ участіемъ представителей мѣстнаго самоуправленія и др. лицъ.

Обсужденіе переносится и въ Конвентъ, но послѣ преній 25-го*) и 27-го апрѣля проектъ максимума 30-го апрѣля все же имъ отвергается.

Въ отвѣтъ на это рабочіе прямо угрожаютъ возстаніемъ.

Уже въ началѣ засѣданія 1-го мая передъ Конвентомъ дефилируетъ депутація гражданокъ Версаля со знаменемъ, на которомъ написано: „Мы просимъ таксу на хлѣбъ“³³⁾. Вскорѣ послѣ ихъ ухода является депутація „жителей Сентъ-Антуанскаго предмѣстія“ съ петиціей за подписью президентовъ его трехъ секцій. Они говорятъ Конвенту:... „Уже давно занимаюсь только частными интересами и обвиненіями другъ друга, вы замедлили на томъ пути, по которому обязаны идти. Собравшись въ этихъ стѣнахъ, чтобы спасти общество, чтобы создать республиканскіе законы, — отвѣчайте, что бы сдѣлали?... Вы много обѣщали и ни одного обѣщанія не сдержали.... Уже давно вы обѣщаете всеобщій максимумъ на всѣ припасы, нужные для жизни; постоянно обѣщать и ничего не исполнять, удручать и утомлять народъ — это значитъ лишать его возможности относиться къ вамъ дальше съ довѣріемъ“... „Подобно народу, принесите жертву, — говорятъ петиціонеры *членамъ Конвента*; — пусть

*) Въ этотъ день, между прочимъ, въ Конвентъ является депутація отъ жителей Сен-Жермевъ-авъ-Дайе, которая требовала максимума для зерна и муки и общаго учета хлѣбовъ.

большинство изъ васъ забудеть, что они — собственники... Пусть максимумъ будетъ установленъ и мы скоро сдѣлаемъ для защиты вашей собственности еще больше, чѣмъ для защиты отечества“.. — обязуются они.

Предлагая, далѣе, установить крупный налогъ на всѣхъ, получающихъ свыше 2.000 ливровъ дохода, они говорятъ: „Мы, конечно, напередъ предупреждены, что умѣренные и государственные люди будутъ кричать о произволѣ, но мы имъ отвѣтимъ, что средства пригодныя въ спокойное время бесплодны въ минуту кризиса и Революціи. Наши бѣдствія велики и нужно примѣнить великія средства. До сихъ поръ Революція ложилась тяжестью только на нуждающіея классъ; пора, чтобы эгоистъ тоже сталъ республиканцемъ“...

И въ заключеніе: „Вотъ наши средства къ спасенію общаго дѣла: мы ихъ считаемъ единственно непогрѣшимыми. Если вы ихъ не примете, то мы, желающіе это дѣло спасти, вамъ объявляемъ, что мы находимся въ состояніи возстанія. Десять тысячъ человекъ находятся у дверей залы“...³⁴⁾

Конвентъ на это заявленіе реагируетъ шумомъ и смятеніемъ. Рѣчь идетъ объ „убійцахъ Конвента“. И, хотя являющаяся вскорѣ другая демонстрація старается завѣрить Конвентъ въ своей лояльности, — нужное впечатлѣніе произведено.

2. Подъ явнымъ давленіемъ предъявленнаго ультиматума, Конвентъ, отвергнувший 30-го апрѣля проектъ максимума, 2-го мая его принимаетъ, правда, только для одного хлѣба. Но этотъ декретъ (опубликованный 4-го мая) представляетъ собою первую брешь огромной важности. За нимъ слѣдуетъ (послѣ паденія и ареста жирондистовъ) рядъ другихъ декретовъ распространяющихъ принципъ таксаціи на всѣ предметы массоваго потребленія.

Весь предшествующій періодъ въ исторіи политики цѣнъ Французской Революціи можетъ быть охарактеризованъ какъ *періодъ децентрализованной нормировки*, съ разнородными территориально и подвижными во времени нормами чисто мѣстнаго значенія при ограниченности ихъ, въ общемъ, узко продовольственнымъ заданіемъ (хлѣбъ, мясо).

Наростающая волна требованій универсализаций системы максимальныхъ цѣнъ и все умножающіяся попытки на мѣстахъ выйти за предѣлы полномочій закона, какъ организаціонно (таксація товаровъ толпой помимо муниципальных властей), такъ и объектно (таксація разными органами другихъ товаровъ помимо хлѣба и мяса) приводитъ, въ концѣ концовъ, къ перелому въ экономической политикѣ Конвента.

Декретомъ 4-го мая 1793 г. открывается *второй періодъ* въ исторіи регулирования цѣнъ Французской Революціи, *періодъ нормировки централизованной организаціонно*, сначала также въ предѣлахъ задачъ продовольствія.

Въ концѣ этого періода конкретные методы исчисленія средѣльныхъ цѣнъ на хлѣбъ, а также форма зависимости ихъ отъ времени и мѣста, существенно измѣняются декретомъ 11 сентября 1793 г., о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Наконецъ, 29 сентября 1793 г. подъ непрекращающимся градомъ петицій и требованій со всѣхъ сторонъ, Конвентъ переходитъ къ системѣ *универсальной нормировки товарныхъ цѣнъ*, издавая знаменитый „законъ о максимумѣ“ (предѣльныхъ цѣнахъ). Эхоть декретъ знаменуетъ собою начало *третьяго періода* въ исторіи революціонной политики цѣнъ.

Но, прежде чѣмъ окончательно сдать свою принципиальную позицію невмѣшательства въ экономическую жизнь, Конвентъ пытается обойтись рядомъ частныхъ уступокъ, расширяя права мѣстныхъ органовъ по таксаціи различныхъ продуктовъ.

Такъ, декретъ 19 августа уполномочиваетъ ихъ таксировать дрова, уголь и растительное масло; декретъ 20 августа — овесъ; декреты 29 августа, 11, 16 и 27 сентября — еще рядъ предметовъ потребленія.

Но провинція уже шагаетъ далеко впереди Конвента. На первомъ мѣстѣ стоитъ инициатива *Лиона*, крупнаго промышленнаго центра, гдѣ классовое разслоеніе и обостроеніе борьбы между буржуазіей и пролетариатомъ (а вмѣстѣ съ ними и разработка тезисовъ коммунизма) достигаетъ высшей степени развитія.

Уже въ началѣ сентября лионцы выработали полную таблицу максимальныхъ цѣнъ на всѣ товары въ 56 рубрикахъ и распустили ее въ расклеенныхъ по городу афишахъ.

Законодательной опоры у этихъ максимальныхъ цѣнъ не было, но была прямо провозглашенная воля населенія, которая должна была служить ей реальнымъ фундаментомъ, какъ о томъ прямо объявляли составители. Ибо, — заявляли лионцы, — мы гарантируемъ уваженіе къ собственности полямъ и лавкамъ только тѣхъ купцовъ и земледѣльцевъ, которые подчинятся приведеннымъ здѣсь нормамъ цѣнъ³⁵⁾.

По сравненію съ этой таблицей общій декретъ Конвента о максимумѣ 29 сентября 1793 г. представляется только вторымъ сокращеннымъ изданіемъ. Онъ фиксируетъ цѣны важнѣйшихъ товаровъ перечисляемыхъ въ 39 рубрикахъ. Сюда входятъ: мясо, рыба, матеріи, сахаръ, мыло, дрова, уголь, металлы, табакъ, ботинки, водка, вино и многое другое.

Хлѣбъ, цѣна котораго была фиксирована за 2 недѣли до этого въ номинальномъ выраженіи, единомъ для всей территоріи республики, въ законъ о максимумѣ не входитъ.

Обратимся теперь къ систематическому разсмотрѣнію *методовъ нормированія товарныхъ цѣнъ*, которые были положены въ основу всего этого законодательства.

Здѣсь передъ Французской Революціей стояла задача троякаго рода:

во-первыхъ, нужно было установить самые *принципы исчисления* фиксируемыхъ нормъ;

во-вторыхъ, рѣшить вопросъ объ ихъ *территориальной* соотносительности;

въ-третьихъ, вопросъ объ ихъ зависимости или независимости отъ теченія времени.

А. Что касается перваго момента, то здѣсь за основу исчисления можно было принять либо *рыночную* цѣну, какъ она устанавливалась внѣ регулировки подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ спроса и предложенія, либо *производственную* цѣну, т.-е. признать необходимымъ провѣрку первой — реальной величиной издержекъ производства товара.

При этомъ, беря за основу рыночную цѣну нужно было опредѣлить тотъ или иной *періодъ времени*, когда ее можно было признать нормальной, для того, чтобы устранить вліяніе дальнѣйшаго ненормальнаго, спекулятивнаго повышенія ея. Беря же за основу цѣну производственную, пришлось бы установить тѣ или иные методы исчисления, нормальной и законной величины *издержекъ производства*, дабы отличить ихъ отъ ненормальныхъ и незаконныхъ, не подлежащихъ, стало быть, покрытію при продажѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что только этотъ второй методъ исчисления максимальныхъ цѣнъ, на основѣ издержекъ производства, соотвѣтствовалъ всей широтѣ задачъ фиксаціи мѣновыхъ отношеній.

Но, въ условіяхъ времени, общезначимая производственная калькуляція представляла рядъ столь значительныхъ трудностей, что грозила сдѣлать самую задачу почти не разрѣшимой.

Поэтому, когда одинъ изъ противниковъ таксаціи, депутатъ *Дюко* (Ducos) только указалъ на необходимость производственной калькуляціи себѣстоимости продуктовъ, то простое его заявленіе объ этомъ было понято какъ попытка срыва всего дѣла нормировки цѣнъ и встрѣтилъ столь бурное недовольство, что онъ вынужденъ былъ прекратить свою рѣчь; засѣданіе Конвента было прервано и публика силою удалена съ трибунъ.

Между тѣмъ, онъ говорилъ, въ засѣданіи 30 апрѣля 1793 года, для нашего времени сравнительно простыя вещи: «Фиксируя цѣну зерновыхъ хлѣбовъ вы, безъ сомнѣнія, захотите ввести въ составъ ея какъ необходимые элементы, издержки по обсемяненію полей, расходы по обработкѣ земли, стоимость скота, земледѣльческихъ орудій, издержки по транспорту и, наконецъ, цѣну труда земледѣльца и фермера; ибо для того, чтобы дать вамъ возможность существовать нужно, чтобы они сами могли существовать..»³⁶⁾

Бурные протесты прервали, именно, въ этомъ мѣстѣ рѣчь Дюко,

и послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ фразъ повлекли за собою срывъ засѣданія.

Но очевидныя трудности производственныхъ исчисленій въ условіяхъ мелкаго децентрализованнаго производства, заставили экономистовъ Конвента лишь стать на иной путь въ разрѣшеніи задачи.

Всѣ опыты фиксаціи цѣнъ французской революціей базировались на принципѣ рыночной калькуляціи нормъ.

При этомъ, въ первоначальномъ декретѣ о фиксаціи цѣны хлѣба 4 мая 1793 г., за основу была принята просто средняя рыночная цѣна хлѣба за послѣдніе 4 мѣсяца (съ 1 января по 1 мая 1798 г.).

Этимъ полагался предѣлъ дальнѣйшему вздуванію цѣнъ, но тѣмъ самымъ „вольная“ цѣна, существовавшая 2 мѣсяца тому назадъ, объявлялась нормальной.

Единственнымъ коррективомъ къ такому исчисленію максимальной нормы явилось здѣсь его постепенное пониженіе въ слѣдующіе мѣсяцы для борьбы со спекулятивнымъ укрываніемъ хлѣба (объ этомъ ниже).

Въ общемъ декретѣ 29 сентября 1793 года о фиксаціи цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости принципъ исчисления радикально мѣняется.

Докладчикъ „Комиссіи по продовольствію“, Купэ де л'Уазъ (Coupe de L'Oise), въ засѣданіи Конвента 28 сентября 1793 года, въ рѣчи, пропитанной вѣрой въ высокое совершенство аппарата свободной торговли и допускающей уклоненіе отъ принципа невмѣшательства лишь передъ лицомъ того удвоенія и утроенія цѣнъ, которое ему представлялось просто дѣломъ „злоумышленниковъ и негодяевъ“, такъ изложилъ основы исчисления максимальныхъ цѣнъ, принятыя комиссіей.

„Въ обычные времена цѣна вещей естественно слагается и формируется изъ взаимодѣйствія интересовъ продавцовъ и покупателей. Это равновѣсіе непогрѣшимо. Даже лучшему правительству бесполезно вмѣшиваться въ это дѣло. Сколь бы ни было правительству просвѣщеннымъ, сколь бы добрыми намѣреніями оно ни руководилось, оно не встрѣтитъ ничего болѣе справедливаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, налагая на это равновѣсіе свою руку, оно всегда рискуетъ нарушить его справедливость.“

„Но когда заговоръ злоумышленниковъ и негодяевъ нарушаетъ такое естественное равновѣсіе, обкрадывая насъ и вынуждая голодать, тогда спасеніе народа становится главной задачей времени. Общество имѣетъ право сопротивляться въ этой торговой войнѣ тирановъ и твердой рукой возстановить и обезпечить равновѣсіе, которое должно существовать между нашимъ производствомъ и нашими нуждами. Для этого необходимъ разумный расчетъ. Путемъ устанавленія максимума цѣнъ, нужно установить справедливыя границы, преступать которыя

будетъ запрещено. Слѣдуетъ предоставить возможность развитія для законной торговли и сохранить торговую прибыль. Она различна въ зависимости отъ мѣстности Франціи и становится еще болѣе равно-великой подъ вліяніемъ ряда войнъ и неслыханнаго заговора всей Европы противъ насъ.

„Ваша Комиссія полагаетъ, что попытка детально разобраться въ вопросахъ частнаго производства продуктовъ и доходовъ и различій отдѣльных мѣстностей составитъ безконечную работу, создастъ невыразимую путаницу и что выработанный такимъ образомъ законъ не будетъ все же соотвѣтствовать всѣмъ моментамъ, съ которыми его нужно сочетать.

„Комиссія старалась найти общій и простой принципъ, который могъ бы примѣняться единовременно и повсюду, въ зависимости отъ измѣненія потребностей купли и продажи.

„Съ этой цѣлью Комиссія приняла за основу для выраженія относительной цѣнности товаровъ ту ея величину, которая образовалась естественно и самопроизвольно въ 1790 г.

„Тогда цѣна каждаго предмета была на своемъ уровнѣ сообразно отягощенію между производящими и потребляющими мѣстностями. И распредѣленіе избытковъ, необходимыхъ для того, чтобы торговля была активной, совершалось какъ нужно.

„Остается только прибавить сюда величину возрастанія цѣнъ сообразно болѣе или менѣе тяжелымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся... Большинство вашей Комиссіи голосовало за повышение цѣнъ 1790 г. на $\frac{1}{3}$ “...³⁷⁾.

Въ основу кладется цѣна каждаго товара какой она была за 3 года до этого (т.-е. до начала повышательнаго движенія) за вычетомъ всѣхъ пошлинъ и акцизовъ, существовавшихъ раньше и за эти 3 года отмененныхъ, и увеличивается на $\frac{1}{3}$. Законной нормой повышения цѣны объявляются, такимъ образомъ, 33 $\frac{1}{3}$ %*).

По такому принципу фиксируются цѣны на 2 важнѣйшіе элемента производства, на сырье и заработную плату, за одинъ важный исключеніемъ: *заработная плата* всякаго рода (фиксируется на уровнѣ, исчисляемомъ увеличеніемъ нормы 1790 г. въ $1\frac{1}{2}$ раза. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ декретированныхъ нормъ, заработная плата повышается на $\frac{1}{6}$ больше, чѣмъ цѣны товаровъ ($1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{3}$).

Но система предѣльныхъ цѣнъ, распространяющаяся только на продукты на мѣстѣ ихъ сбыта не замедлила обнаружить свои дефекты.

„Составляя законъ, таксирующій сѣстные припасы у обыкновеннаго торговца, заявляетъ *Баррэръ* на засѣданіи 11 брюмера 1793 г., —

*) Исключеніе дѣлается только для дровъ и каменнаго и деревяннаго угля, цѣна на которыя увеличивается лишь на $\frac{1}{20}$ (согласно декрету, изданному за 2 дня до общаго закона о максимумѣ, т.-е. 27 сентября), а также для табака, соли и мыла, цѣна на которыя фиксируется номинально въ самомъ декретѣ.

мы походили бы на того финансиста, который отнесъ бы всѣ законы къ устью рѣки, вмѣсто того, чтобы отнести ихъ къ источнику. Максимумъ долженъ начинаться у источника“. Онъ предлагаетъ примѣнить максимумъ — 1) къ складамъ сырья, 2) къ фабрикамъ, 3) къ оптовому торговцу, 4) къ мелочному торговцу³⁸⁾ *).

Включеніе въ сферу регламентаціи торгово-транспортныхъ отношений является насущной необходимостью, и Конвентъ предписываетъ составить всюду на мѣстахъ таблицы, представляющіе собою систему исчисленія предѣльныхъ цѣнъ.

Въ силу вотированнаго 31 октября 1793 г. принципа эти таблицы должны включать (декретъ 11 брюмера = 1 ноября 1793 г.):

1) *цѣну* 1790-го года для каждаго изъ товаровъ, перечисленныхъ въ декретѣ о максимумѣ, на мѣстахъ его фабричнаго производства съ увеличеніемъ ея на $\frac{1}{3}$;

2) номинальную стоимость перевозки;

3) *прибыль оптоваго торговца*, фиксируемую въ размѣрѣ 5% стоимости товара;

4) *прибыль розничнаго торговца*, фиксируемую въ размѣрѣ 10%.

Вся работа по составленію этихъ таблицъ была возложена на „Комиссію по продовольствію республики“, которая разсылаетъ на мѣста специальныхъ комиссаровъ.

Послѣдніе „послали запросы каждому муниципалитету, воспользовались каждымъ народнымъ обществомъ, какъ орудіемъ обслѣдованія. Многія изъ мѣстныхъ управленій откликнулись на призывъ, другіе воздержались. Но уже одинъ Парижъ, потреблявшій на своихъ фабрикахъ въ мастерскихъ и ремеслахъ всякаго рода матеріалы, могъ самъ по себѣ доставить нормы всѣхъ цѣнностей въ обращеніи всякихъ торговыхъ сдѣлокъ.

Такъ появился самый новый и самый важный статистическій трудъ, какой только когда-либо появлялся... Онъ представлялъ собою анализъ труда, оглашеніе на весь міръ тайны торговли, фактическое описаніе промышленности . . . ; это было освѣщеніе тѣхъ лабораторій, куда алчность слишкомъ часто беретъ къ себѣ на службу гений, тѣхъ темныхъ тропинокъ, на которыя иногда заходитъ, заблудившись, чело-вѣческая дѣятельность“³⁹⁾.

„Въ сущности мысль замѣнить „отношеніе предложенія къ спросу“ научнымъ установленіемъ своей цѣны каждаго товара, помимо слѣдованія въ ихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ за различными элемен-

*) Ст. 4-ая этого же декрета постановляетъ, что тѣ фабриканты или купцы, которые докажутъ, что они въ силу декрета о предѣльныхъ цѣнахъ потеряли все свое состояніе, либо что послѣднее сведено въ суммѣ ниже 10.000 ливровъ, имѣютъ право на вознагражденіе отъ государства. Практически однако, эта оговорка въ жизнь не проводилась.

тами, изъ которыхъ слагается эта цѣна, вызвала огромную социальную революцію, и авторы максимума вступали на путь открывшейся передъ ними, сами хорошо не зная куда онъ вель“⁴⁰).

Работы комиссіи были проведены крайне спѣшно и закончены уже черезъ 3 мѣсяца. Собранные въ трехъ обширныхъ томахъ, они 24 февраля 1794 г. (6 вентоза года II) были утверждены Конвентомъ, который постановилъ немедленно отпечатать таблицы максимальныхъ цѣнъ и разослать ихъ агентамъ cadaго дистрикта.

Таблицы содержали лишь цѣны производства товаровъ. Национальные же агенты cadaго дистрикта должны были на мѣстѣ прибавить къ нимъ стоимость перевозки.

„Вы закладываете сегодня основы народнаго хозяйства, — говорилъ Конвенту *Баррэръ*, въ день утверженія таблицъ; — вы регулируете торговую прибыль и доходы транспорта. Законъ о максимумѣ, невѣдомый монархіямъ купцовъ, ажіотеровъ и банкировъ, долженъ быть институтомъ демократическимъ. Мы хотимъ быть не націей англичанъ, банкировъ и торгашей, а націей свободныхъ людей, болѣе привязанныхъ къ своей родинѣ, чѣмъ къ своему состоянію“⁴¹).

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о методѣ исчисленія фиксируемыхъ предѣльныхъ цѣнъ.

Б. Но наряду съ этимъ Конвенту пришлось столкнуться съ вопросомъ о *территориальныхъ различіяхъ* въ этихъ цѣнахъ, который былъ поставленъ на очередь самой дѣйствительностью.

Когда декретомъ 4 мая былъ впервые установленъ общій максимумъ для хлѣба примѣнительно къ его средней цѣнѣ въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ, то вскорѣ по его примѣненіи обнаружилось слѣдующее явленіе: хлѣбъ сталъ утекать изъ департаментовъ съ низкой цѣной въ мѣстности, гдѣ цѣны были установлены болѣе высокія.

Причиной такого различія въ цѣнахъ могли быть:

а) различная интенсивность продовольственной политики мѣстныхъ органовъ въ предшествующее время, державшая цѣны на различныхъ уровняхъ благодаря системѣ реквизицій и контроля за общественнымъ рынкомъ, и

б) различная степень точности въ учетѣ прежнихъ цѣнъ на мѣстахъ для фиксаціи ихъ на будущее время, сообразно различію въ социальномъ составѣ муниципалитетовъ.

Тюріо и *Дантонъ* потребовали на засѣданіи 4 сентября установленія *единообразнаго максимума* на зерновой хлѣбъ для всей республики.

Противъ нихъ въ преніяхъ было выдвинуто то соображеніе, что въ этомъ случаѣ прекратится доставка хлѣба съ мѣстъ производства на мѣста потребленія, ибо здѣсь нельзя будетъ реализовать расходовъ по перевозкѣ. Но такъ какъ на дѣлѣ организація снабженія хлѣбомъ на мѣстахъ все больше переходила изъ рукъ частной торговли въ руки муниципалитетовъ, то это соображеніе было признано от-

павшимъ и предложеніе фиксированной на одномъ уровнѣ цѣны для всей территоріи было принято.

Съ 11-го сентября 1793 г. до 1-го октября 1794 г. устанавливаются постоянныя цѣны на пшеницу (14 ливровъ за квинталь (центнеръ), рожь (10 л.), ихъ смѣсь (12 л.), пшеничную муку (20 л.) и черныи хлѣбъ (7 л.)^{*}).

Эта единообразная норма просуществовала въ теченіе цѣлаго года, и лишь въ началѣ ноября 1794 г. къ хлѣбу былъ также примѣненъ тотъ принципъ, который положенъ въ основу общаго декрета 29 сентября о фиксаціи предѣльныхъ цѣнъ. Цѣны снова стали исчисляться мѣстной администраціей въ каждомъ случаѣ отдѣльно исходя изъ нормъ 1790 г, увеличенными, однако, не на $\frac{1}{3}$, какъ остальные товары, а въ $1\frac{2}{3}$ раза⁴²).

Легче было установить такую единообразную норму по отношенію къ продуктамъ, чье производство или обработка сконцентрированы въ опредѣленныхъ и немногихъ центрахъ, и чей объемъ и вѣсъ малы по сравненію съ цѣнностью, такъ что расходы по перевозкѣ ихъ относительно невелики.

Поэтому принципъ единообразно постоянной таксы и былъ примѣненъ въ общемъ законѣ о максимумѣ 29 сентября къ табаку, соли и мылу, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ товаровъ.

В. Наконецъ, третій принципиальный вопросъ, который нужно было рѣшить при созданіи системы твердыхъ цѣнъ состоялъ въ томъ, что должно ли *время* имѣть какое-либо вліяніе на ихъ величину. Должны ли твердыя предѣльныя цѣны быть постоянными или срочными, должны ли они измѣняться съ теченіемъ времени и въ какую сторону — повышаться или понижаться.

Уже въ концѣ апрѣля 1793 года, когда вопросъ о фиксаціи цѣнъ впервые конкретно рассматривался въ Конвентѣ, будучи поставленъ на очередь въ предѣлахъ узко продовольственныхъ (рѣчь шла лишь о необходимости спѣшной заготовки хлѣба), дантонистъ *Филиппо*, бывшій принципиальнымъ противникомъ таксаціи въ точномъ смыслѣ этого слова, но видѣвшій неизбежность ея проведенія поды прямымъ давленіемъ широкихъ народныхъ массъ, внесъ среди напряженной борьбы лозунговъ слѣдующее компромиссное предложеніе. „Постоянная такса на предметы потребленія, — говорилъ онъ въ засѣданіи Конвента 28-го апрѣля 1793 года, — была бы мѣрой ошибочной и посягающей на общественное благосостояніе; но временная *фиксація максимума продажной цѣны и постепенное пониженіе этого максимума* соче-

^{*}) Въмѣстѣ съ тѣмъ, трудъ мельниковъ былъ объявленъ поды реквизиціей въ распоряженіи министра внутрен. дѣлъ и мѣстныхъ администраторовъ; послѣдніе назначаютъ и плату за ихъ работу (ст. 15—16 декрета 11 сентября).

таютъ всѣ (частные) интересы съ необходимостью дать возможность жить населенію и спасти государство.

„Земледѣлецъ не будетъ имѣть повода жаловаться на этотъ максимумъ, ибо онъ сначала будетъ установленъ значительно выше того уровня, на который торговля условія позволяли ему надѣяться, когда онъ принимался за обработку поля. И получая такое вознагражденіе за вещь, которая въ нелѣпыхъ расчетахъ эгоизма превратилась бы въ добычу вражды или изголодавшихся желудковъ, земледѣлецъ не сможетъ не оцѣнить тѣ властныя руки, которыя обезпечили ему столь благопріятную сдѣлку.

„Но скупость могла бы еще рассчитывать на какое-нибудь случайное увеличеніе этого *максимума* и снабжать рынки лишь съ крайнимъ недовольствомъ. Нужно подавить ее въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ, понижая этотъ максимумъ изъ мѣсяца въ мѣсяць, такимъ образомъ, чтобы въ интересахъ каждаго было снабжать рынки въ первый же мѣсяць, чтобы больше получить.

„И такъ какъ, именно, рѣдкость вещи дѣлаетъ ее дорогой, ибо цѣна поднимается подъ давленіемъ конкуренціи всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ ею запастись, то этотъ методъ приведетъ, наоборотъ, къ тому, что обильно снабженные рынки увидятъ, какъ чрезмѣрная цѣна товаровъ будетъ изъ недѣли въ недѣлю понижаться и что скупщики, которые были такъ жалки, что спекулировали на общественномъ бѣдствіи, не только окажутся не въ состояніи расширять свои разрушительныя операціи, но сами будутъ вынуждены опорожнить свои магазины, чтобы не разориться окончательно...“⁴³).

Возраженіе *Реаля* о томъ, что въ этомъ случаѣ торговцы принуждены будутъ воздержаться отъ *закупокъ* хлеба, ибо черезъ мѣсяць они должны будутъ продавать его по цѣнѣ ниже покупной, — было отвергнуто потому, что слишкомъ дѣятельное участіе торговцевъ въ распредѣленіи хлѣба считалось уже нежелательнымъ; предпочтительно избѣгать ихъ посредничества, предлагая фермеру и потребителю непосредственно вступать въ сдѣлки на общественныхъ рынкахъ.

Поддержанное *Тиріономъ* („со скупщиками слѣдуетъ говорить такъ, — заявилъ онъ: чѣмъ больше вы будете удерживать свой хлѣбъ, тѣмъ меньше вы получите“), предложеніе *Филиппо* было въ принципѣ принято и декретъ 4-го мая 1793 г., установилъ, что исчисленная въ каждомъ департаментѣ *максимальная цѣна на хлѣбъ должна быть понижена*: 1 іюня — на $\frac{1}{10}$, 1-го іюля еще на $\frac{1}{20}$ оставшейся суммы, 1 августа на $\frac{1}{30}$ оставшейся цѣны и 1 сентября на $\frac{1}{40}$ оставшейся цѣны. Была принята, такимъ образомъ, *не система прогрессирующаго пониженія цѣны* съ цѣлью постоянного усиленія давленія на нереализованные запасы, а *регрессирующаго*, относительно ослабляющаго темпъ этого давленія. Представлялось такимъ образомъ, что цѣна какъ бы постепенно приближается къ нѣкому нормальному

уровню. А такъ какъ исходная расцѣнка была фиксирована далеко не на слишкомъ низкомъ уровнѣ (средняя вольныхъ рыночныхъ цѣнъ за послѣдніе 4 мѣсяца), то вся система варіаціи цѣнъ приобрѣтала характеръ *не возрастающихъ каръ* за неисполненіе общественной обязанности доставки хлѣба голодающей республикѣ, а *постепенно ликвидируемыхъ премій* за доброоходное и быстрое выполненіе ея.

Такой характеръ приобрѣло въ дальнѣйшемъ и объективное развитіе законодательства о фиксаціи цѣнъ, ибо въ начале сентября (стало быть, по реализаціи всей системы пониженія) Конвентъ принимаетъ иной принципъ — принципъ *незыблемости* предѣльныхъ цѣнъ, номинально фиксированныхъ, въ самомъ декретѣ для всей территоріи Республики (декретъ 11-го сентября).

Но уже черезъ двѣ недѣли послѣ этого, при изданіи общаго закона 29-го сентября, отвергающаго территориальное уравненіе цѣнъ, Конвентъ, принципиально по крайней мѣрѣ, признаетъ возможность пересмотра установленнаго максимума: предѣльныя цѣны объявляются *срочными*, онѣ устанавливаются „до новаго урожая“, „до ближайшаго сентября“, какъ гласитъ декретъ, т. е. на 11 мѣсяцевъ.

Правда въ сентябре слѣдующаго 1794 года Конвентъ объявляетъ дѣйствіе максимума *продолженнымъ еще на годъ* — до 22-го сентября 1795 г. (I вандемьера IV г. Республики).

Но политическое и экономическое положеніе настолько измѣнились, давленіе непрерывно растущей эмиссионной массы такъ велико, что, дѣйствительно, удержать прежнія цѣны уже не представляется возможнымъ. 1½ мѣсяцами позже, 9-го ноября 1794 г. Конвентъ постановляетъ *повысить цѣны*.

Тогда какъ старый максимумъ исчислялся путемъ увеличенія цѣнъ 1790 г на $\frac{1}{3}$, для новыхъ цѣнъ нормы 1790 г. должны быть повышены на $\frac{2}{3}$.

Дѣйствовавшія до этого максимальныя цѣны повышались такимъ образомъ на 25%.

А еще черезъ 1½ мѣсяца максимумъ былъ отмѣненъ окончательно.

Какія же мѣры принимались Конвентомъ для *реализаціи*, выработанной такимъ образомъ, системы твердыхъ предѣльныхъ цѣнъ, для проведенія въ жизнь декларированныхъ нормъ товарообмена?

Всѣ эти мѣры могутъ быть сгруппированы по четыремъ рубрикамъ:

- 1). Карательное охраненіе системы твердыхъ цѣнъ.
- 2). Организація контроля надъ частными торговыми сдѣлками со стороны мѣстныхъ общественныхъ органовъ.
- 3). Передача торговыхъ операцій въ руки этихъ органовъ и созданіе общественной организаціи снабженія.
- 4). Вмѣшательство въ самый процессъ производства.

Х. Регулирование народного хозяйства.

1. Прежде всего, общий принцип карательного охранения декретируемых нормъ товарообмѣна, систематически проводимый Французской Революціей, заключается въ *двухсторонности* наказанія за ихъ нарушение, въ одинаковомъ давленіи на обоихъ контрагентовъ сдѣлки.

„Каждый *продавшій или купившій дороже максимума*, — гласитъ уже первый декретъ о фиксаціи цѣны хлѣба отъ 4-го мая 1793 г., — будетъ караться *штрафомъ* отъ 300 до 1000 ливровъ, а остающіеся у него зерновой хлѣбъ или мука будутъ *конфискованы*“.

„Тѣмъ кто будутъ уличены въ злостной или намѣренной порчѣ или утайкѣ муки или зернового хлѣба — смерть“.

Общій декретъ о максимумѣ (29-го сентября 1793 г.), объединяя, нѣсколько варьируя, и въ общемъ облегчая форму имущественной отвѣтственности за нарушение его (штрафъ въ размѣрѣ двойной стоимости проданнаго предмета), въ то же время устанавливаетъ и тяжелую *личную* отвѣтственность: имена всѣхъ покупающихъ и продающихъ по незаконнымъ цѣнамъ вносятся въ списки лицъ „подозрительныхъ“. Это означало осенью 1793 г. тюрьму или высылку, а весной 1794 г. смертную казнь. Что касается самаго принципа *двухсторонней, обоюдной отвѣтственности передъ закономъ и продавца и покупателя*, то при всемъ его максимальномъ соответствіи идеѣ справедливости, онъ съ точки зрѣнія эффективности карательной санкціи, достиженія ею желаемого результата, могъ привести только къ отрицательнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что этимъ создавалась *естественная круговая порука*, естественный заговоръ молчанія всѣхъ участниковъ незаконныхъ сдѣлокъ, въ предѣлы котораго не могъ уже проникнуть никакой административный надзоръ.

Разъ покупатель несетъ столь-же тяжкую кару, какъ и продавецъ, то онъ даже при нежеланіи войти въ сдѣлку не сможетъ настоять на ея законномъ выполненіи, ибо его всегда легко обвинить такъ или иначе въ причастности къ ней.

Но и независимо отъ неудачной, съ точки зрѣнія правовой политики, конструкціи карательнаго охраненія, сама по себѣ угроза наказаніемъ въ данномъ случаѣ не могла вынудить реализаціи указанныхъ нормъ.

При все возрастающей массѣ денежныхъ знаковъ въ обращеніи и, стало быть, при все *возрастающемъ напряженіи платежеспособнаго спроса* — съ одной стороны, и неизмѣнной, а то и сокращающейся (въ условіяхъ революціонныхъ бурь и военныхъ испытаній) величинѣ предложения товаровъ — съ другой стороны, между покупателями возникаетъ естественная конкуренція изъ-за пріобрѣтенія наличныхъ товаровъ, въ силу которой большинство пріобрѣтателей, обладающихъ избыточными денежными средствами, охотно соглашается уплатить большую цѣну, чѣмъ та, которая существовала до этого, чтобы обезпечить себѣ дѣйствительное полученіе товаровъ.

Такимъ образомъ, продавцу не за чѣмъ *вынуждать* повышение цѣны. Такое сплошь и рядомъ совершается подъ вліяніемъ *иниціативы платежеспособнаго спроса*.

И, поскольку данная цѣна, не соответствуя болѣе массѣ разо-савшихся среди населенія покупательныхъ средствъ, является все же фиксированной законодательствомъ въ качествѣ *максимальной*, — постольку быстро создается *полюбовное соглашение* между покупателемъ и продавцомъ *объ изъятіи ихъ сдѣлокъ изъ подчиненія законодательнымъ предписаніямъ*.

Такое полюбовное образование сферы отношеній, не подчиненныхъ установленнымъ нормамъ, гарантируется отъ какихъ-бы то ни было каръ его соответствіемъ экономическимъ интересамъ *обѣихъ* сторонъ и дѣлается, такимъ образомъ, недоступнымъ для карающей десницы закона.

Это объективное расхождение между системой фиксированныхъ цѣнъ и постоянно вводимыми въ оборотъ новыми денежными массами въ условіяхъ времени усиливалось еще тѣмъ, что въ самый моментъ установленія максимума циркулировавшая сумма денежныхъ знаковъ значительно превышала установленный, такимъ образомъ, средний уровень цѣнъ.

Къ октябрю 1793 г. сумма ассигнатовъ въ обращеніи превышала уже 4 миллиарда ливровъ, т.-е. была почти *вдвое* больше дореволюціонной циркуляторной массы.

Въ этотъ моментъ проведенія универсальной фиксаціи цѣнъ ассигнаты расцѣнивались въ металлъ уже въ 27% своей номинальной стоимости, т.-е. обращались съ потерей 73%.

Если даже въ товарахъ потеря была не такъ велика и не превышала 50%, т.-е. средний уровень товарныхъ цѣнъ только *удвоился*, то законъ о максимумѣ, разрѣшившій повысить цѣны на $\frac{1}{3}$ по сравненію съ нормами 1790 г., существенно понижалъ этотъ такъ или

иначе установившийся уровень цѣнъ. вмѣсто 100%-ной прибавки къ цѣнамъ признать законной только 33⅓%, оставляя 66⅔% на личнаго повышенія непокрытымъ, значило съ мѣста создать добавочное давленіе эмиттированной денежной массы въ 50%% *) величины цѣнъ. Мы находимъ даже показаніе современника о томъ, что уровень вольныхъ цѣнъ въ моментъ фиксаціи превышалъ не 1½ раза, какъ это мы принимаемъ, но въ 2 раза (по крайней мѣрѣ, для хлѣба) устанавливаемый максимумъ.

Именно, въ засѣданіи 3 сентября 1793 г. депутатъ *Деваръ* (Deswars) констатировалъ, что проектируемая цѣна хлѣба въ 14 ливровъ вдвое ниже дѣйствительной рыночной ¹⁾.

Столь рѣзкимъ различіемъ рыночныхъ и фиксированныхъ цѣнъ создавалось скрытое давленіе денежнаго спроса на товары, которое искало и должно было найти для себя формы товарной реализаціи.

Въ дальнѣйшемъ-же при непрерывно продолжающихся бумажныхъ эмиссіяхъ, это давленіе могло только возрасти еще и еще больше.

При такихъ экономическихъ условіяхъ административно-судебный надзоръ, ищущій примѣненія карательной санкціи закона, могъ вырывать только случайныя жертвы, не оказывая вліянія на совокупное теченіе хозяйственной жизни.

Къ тому же необходимо принять во вниманіе еще слѣдующее: эпоха революціи есть прежде всего эпоха реорганизаціи всего государственнаго аппарата, выражающейся, какъ въ радикальномъ измѣненіи задачъ и направленія его дѣятельности, такъ и въ персональномъ обновленіи его состава. Тѣмъ самымъ она необходимо сопрягается съ несомнѣннымъ ослабленіемъ полезнаго дѣйствія этого аппарата такъ что послѣдній становится менѣ чѣмъ когда либо пригоднымъ для успѣшнаго выполненія указанной кропотливой и отвѣтственной задачи.

Такимъ образомъ, карательная санкція, какъ бы объективно грозна и ужасна она ни была, не въ состояніи сама по себѣ гарантировать жизненную реализацію системы твердыхъ цѣнъ, разъ налицо имѣется объективное расхожденіе ея съ величиной все возрастающей циркуляторно-денежной массы, давящей на нее сообразно общимъ законамъ мѣноваго хозяйства.

Требуется болѣе актуальная организація контроля за самими торговыми операціями со стороны мѣстныхъ органовъ, непосредственно заинтересованныхъ въ охранѣ и соблюденіи максимума.

2. Правомочія такого контроля были представлены муниципалитетамъ, какъ мы говорили раньше, уже декретомъ 16 сентября 1792 г. Выдвинутое позже общее требованіе, чтобы „ресурсы націи перестали

*) Давленіе 66⅔% фактическаго повышенія цѣнъ, непокрытыхъ законнымъ повышеніемъ цѣнъ на 133⅓% покрытыхъ послѣднимъ.

быть тайной“, выражено здѣсь въ томъ, что муниципалитеты уполномачиваются въ случаѣ необходимости: а) производить *учетъ* (recensement) *наличности* зерновыхъ хлѣбовъ въ каждой коммунѣ у торговцевъ и хлѣбопашцевъ и б) устанавливать, какое *количество хлѣба каждая коммуна обязана доставить для продажи на рынокъ*.

Въ этомъ же направленіи шли работы комитета земледѣлія и торговли въ ноябрѣ 1792 г. Рѣшительно отвергая мысль о регулированіи цѣнъ, онъ задался цѣлью непосредственно регулировать торговлю въ смыслѣ обезпеченія наличности товарной массы на рынкахъ внѣ зависимости отъ мѣновыхъ расцѣнокъ, устанавливающихся при продажѣ.

Проектъ Комитета, доложенный Конвенту 3 и 16 ноября Фабромъ д'Эглантинемъ ²⁾ включалъ слѣдующія положенія:

Стат. 1. Немедленно по опубликованіи даннаго декрета, каждый собственникъ, фермеръ и, вообще, всякій владѣлецъ обязанъ заявить въ муниципалитетъ своего округа о количествѣ обмолоченнаго хлѣба въ его амбарахъ и о приблизительномъ количествѣ необмолоченнаго; окружными управленіями будутъ назначаться комиссары для наблюденія за выполненіемъ декрета въ различныхъ муниципалитетахъ.

Стат. 2. Согласно вышеуказанному декрету, муниципальные чиновники могутъ требовать отъ cadaго собственника доставки на общественный рынокъ, выбранный имъ самимъ, того количества хлѣба, которое будетъ считаться необходимымъ; но этотъ хлѣбъ ни въ коемъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не сможетъ быть таксированъ.

Стат. 18. Торговцы, желающіе купить хлѣбъ за предѣлами ихъ мѣстожительства, будутъ обязаны пріобрѣтать спеціальныя удостовѣренія, выдаваемые ихъ муниципалитетами и визированные окружнымъ управленіемъ, въ которыхъ будетъ указано количество хлѣба, которое они намѣрены купить и мѣсто, гдѣ они думаютъ его пріобрѣсти. Эти удостовѣренія будутъ предъявляться и визироваться въ муниципалитетахъ мѣста покупки и затѣмъ отбираться муниципалитетами тѣхъ мѣстъ, для которыхъ предназначень покупаемый хлѣбъ.

Это факультативное правомочіе мѣстныхъ органовъ активно контролировать торговый операціи и даже возлагать на торговый аппаратъ обязательство поставки хлѣба на общественный рынокъ находить себѣ существенное дополненіе въ декретѣ 4 мая 1793 г.

Здѣсь устанавливается уже безусловная обязанность самихъ торговцевъ официально зарегистрировать имѣющуюся у нихъ наличность (пока тоже только хлѣба) и ограничивается размѣръ частныхъ закупокъ.

„Каждый торговецъ или собственникъ зерноваго хлѣба или муки, — гласитъ декретъ, — обязанъ объявлять муниципалитету о мѣстѣ своего жительства и о количествѣ и родѣ имѣющагося у него зерноваго хлѣба“ (ст. 1).

Муниципальные агенты проверяют эти заявления и в случае их сомнительности производят домашние осмотры запасов хлеба (ст. 2 и 4). Из таких деклараций делается общая табличная сводка для каждой местности, которая пересылается в округ и затем в управление департамента, которое составляет общую департаментскую таблицу (ст. 3).

Для того, чтобы иметь возможность проконтролировать перемещение хлеба, на торговцев возлагается обязательство вести точный реестр всех совершенных ими закупок и продаж и выбирать свидетельства на право перевозок (ст. 16 и 17).

„Зерновой хлеб и муку нельзя продавать нигде, кроме общественных рынков, устроенных с этой целью (ст. 6). Однако, частным лицам разрешается запасаться продовольствием у землевладельцев, торговцев и помещиков их округа *по предъявлению удостоверения муниципалитета*, что они не торгуют зерновым хлебом и что покупаемое ими необходимо им для собственного пропитания в течение одного месяца“ (ст. 7).

Наконец, в случае недостаточного снабжения рынков, административные и муниципальные власти имеют право реквизировать хлеб у торговцев и собственников, предписывая им доставить нужное количество.

В случае же отказа фермеров подчиниться установленным властям последним предоставляется право реквизировать труд рабочих для того, чтобы убрать в смолотить хлеб³⁾.

Такова эта система общественного контроля над торговлей, характеризующаяся:

- а) принудительным учетом и всеобщей переписью товарной массы и текущей регистрацией ее перемещений;
- б) территориальной концентрацией торговых операций;
- в) разрешительной системой продовольственных закупок непосредственно на местах с ограничением закупок частных лиц, потребностями одного месяца;
- г) принудительным снабжением рынков и реквизицией рабочей силы в случае нужды.

Здесь были в зародыше все принципиальные элементы системы регулирования частно хозяйственной организации общественными центрами, системы, подлежащей дальнейшему развитию в самой практике ее применения.

Ея репрессивным коррелятом является суровый декрет 26-го июля 1793 года против спекулянтов и барышников, скупающих товары сверх нормы личного потребления, для повышения цен и оставляющих тем все население без средств удовлетворения своих потребностей. Впрочем, количество товаров, подчиненных его действию, неизмеримо больше, чем в декрет 4-го мая, создавшем

систему общественного контроля лишь для торговли *хлебом*, тогда как этот последний охватывает почти все отрасли торговли, вообще, и является, таким образом, предварительной организационной основой общего закона о максимальных ценах, изданного месяцем позже.

Принцип принудительного выпуска товаров в продажу, выдвинутый проектом комиссии земледелия и торговли, здесь также обобщается, при чем применение его делается из факультативного обязательным.

Декрет 26 июля гласит:

„Статья I. Скупка есть тягчайшее преступление.

Ст. II. Скупщиками объявляются все те лица, которые извлекают из обращения товары и продукты первой необходимости, покупаемые ими не с целью ежедневной открытой продажи, а с целью сокрыть их.

Ст. III. Скупщиками объявляются также те лица, которые портят или умышленно допускают порчу товаров или предметов первой необходимости.

Ст. IV. Предметами первой необходимости являются: хлеб, мясо, вино, зерно, мука, овощи, фрукты, уголь, дрова, масло, водка, мыло, сало, пенька, шерсть, кожа, железо, медь, сукно, полотно и, вообще, все материи, кроме шелков.

Ст. V. В течение недели со дня опубликования данного закона все те лица, которые имеют в складах или в каких-либо других местах товары или предметы первой необходимости, обязаны заявить об этом своим муниципалитетам, которые и удостоверятся в наличности указанных товаров.

Ст. VI. По проверке товаров собственник должен заявить, желает ли он заняться продажей их в розницу всем желающим, не позже, как через три дня после заявления и под наблюдением муниципального комиссара.

Ст. VII. Независимо от того, желает ли торговец заняться розничной продажей или нет, он передает копии со счетов своих товаров муниципалитету, который, ознакомившись с ними, назначает комиссара для производства продажи, устанавливая такие цены, при которых собственник получает обычную торговую прибыль. Если цены, указанные торговцем слишком высоки, продажа все равно будет производиться по обычному курсу, а составители ложных счетов будут рассматриваться, как скупщики.

Ст. VIII. Те, которые, по истечении недели со дня опубликования данного закона, не делают соответствующего заявления, будут объявлены скупщиками и, как таковые, наказаны *смертью*. Товары же их будут конфискованы.

Ст. IX. Оптовые и розничные торговцы обязаны, под угрозой

объявления скупщиками, сделаны на своих магазинах надписи, гласящие о количествах и качествах их товаров.

Ст. X. Давшие ложные показания или переведшие свое имущество на чужое имя, будут наказаны *смертью*.

Всякий виновный в нарушении своих обязанностей при исполнении данного закона также будет караться *смертью*.

Ст. XI. Каждый гражданин, избывший скупщика или указавший на нарушение данного закона, получает $\frac{1}{3}$ цены товаров. Другая $\frac{1}{3}$ идет в муниципалитет на нужды бедняков. Остальная же $\frac{1}{3}$ поступает в распоряжение республики⁴).

Итак, вся организация контроля над частными торговыми сделками в целях обеспечения реализации системы максимальных цен сложилась в эпоху революции из: 1) системы принудительной регистрации и учета наличной товарной массы и 2) принудительного выпуска ее на продажу в условиях непрерывности и гласности торговых операций.

Но мера действительного осуществления учета товарной массы и принудительного регулирования ее продажи населению определялась чисто фактическим соотношением сил двух организованных аппаратов: аппарата частной торговли, как объекта контроля и регулирования, и аппарата муниципально-административного управления, как субъекта контроля.

В стремлении частной торговли реализовать для себя наибольшую прибыль всеми законными и незаконными путями сомневаться не приходилось.

Стало-быть весь вопрос сводился к реальной возможности муниципальной контрольно-карательной организации ограничить операции частной торговли рамками предписаний закона и предотвратить выход их за эти пределы. „Каким образом вы хотите, чтобы купеческие муниципалитеты сами наблюдали за собой и сами на себя доносили“, — спрашивали рабочие у Конвента в одной из петиций.

И для значительной части Франции это было справедливо. Поскольку местные органы состояли из представителей купечества и буржуазии вообще, постольку все представленные им полномочия по регулированию торговли в интересах массы неимущего населения оставались нереализованными.

Поскольку же социальный состав этих органов уже сменился новым, должны были возникнуть и новые, иные затруднения в виде отсутствия необходимых технических навыков работы, организационного опыта и детального знания способов функционирования торгово-посреднического аппарата.

Но все это было сравнительно менее существенно по сравнению с двумя общими моментами политической и эмиссионно-хозяйственной обусловленности контроля.

Обстановка напряженной политической борьбы, обстановка смены господствующих групп — смены совершившихся и смены ожидаемых — в огромной мере понижает чувство *ответственности* всех рядовых исполнителей в деловой организации аппарата управления. Создаются благоприятные условия для негласного нарушения дисциплины, для попустительства и прямого противодействия организационным заданиям. Параллельно ослаблению внутренней налаженности и координации действий самого рабочего аппарата, ослабляется и взаимный контроль отдельных его частей.

С другой стороны и давление извне на контрольный орган в сторону уклонения его работы от его организационных целей, давление со стороны объекта регулирования (частной торговли) на персональный состав субъекта регулирования (общественных органов) *становится в силу специфических законов эмиссионного хозяйства все больше сильным*.

Дело в том, что поскольку новые массы выпускаемых бумажных денег попадают, в конце-концов, в руки тех или иных групп населения и увеличивают собою величину их спроса на товары, постольку товарные цены при отсутствии нормировки их должны были бы непрерывно возрастать. Поскольку же они фиксированы законодательством, постольку все больше возрастает разница между теми ценами, которые можно было бы получить за товар при отсутствии регулирования или при неподчинении ей, — и теми ценами, которые на деле получаются при продаже товара по установленным нормам.

Между тем, как мы говорили выше, те общественные группы, в руках которых оседают новые покупательные средства, сами заинтересованы в любовном соглашении с продавцами о покупке товаров по повышенным ценам. Этим создаются нужные условия для образования *нового, нелегального рынка* наряду со старым легальным⁵).

Препятствующим моментом является только указанный надзор общественных органов. Но чем больше возрастает разница между ценой *возможной*, в данных условиях опроса, и ценой фиксированной, тем больше выгодно для продавцов становится уплатить часть, хотя бы значительную, этого добавочного денежного барыша представителям личного состава контрольной организации, для того, чтобы, заручившись с их стороны невоспрепятствованием нелегальным сделкам, обеспечить себя, таким образом, получение остающейся части барыша.

При участии в личном составе контрольно-карательных организаций широкой массы людей, не подготовленных к моральному подвигу, но с психикой, построенной на основе средне развитого экономического инстинкта; при все возрастающем давлении на этот

инстинктъ въ формѣ все увеличивающихся ставокъ оплаты ихъ неправомѣрныхъ дѣйствій, (— а они, вѣдь, возрастаютъ вмѣстѣ съ ростомъ цѣнъ при нелегальныхъ продажахъ, значитъ въ конечномъ счетѣ вмѣстѣ съ ростомъ эмиссій), наступаетъ извѣстный моментъ, когда первобытный экономическій инстинктъ побѣждаетъ у значительной части общественныхъ контролеровъ различныхъ степеней и опасенія наказаній и чувство моральной отвѣтственности передъ общественно-политическими лозунгами времени.

Съ этого момента *взяточничество* изъ единичнаго преступления отдѣльныхъ индивидовъ превращается въ своеобразное массовое слѣдствие эмиссионной политики, разрушающей установленную систему твердыхъ цѣнъ.

Съ этого же момента *нелегальный рынокъ получаетъ организационную охрану* въ лицѣ тѣхъ его соучастниковъ изъ состава общественно-контрольных органовъ, чья непосредственная задача состояла въ активной борьбѣ съ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ товарная масса все болѣе широкимъ русломъ переливается съ легальнаго рынка на нелегальный съ уровнемъ цѣнъ, оставляющимъ все дальше позади цѣны легальныя, установленныя законодательствомъ. Тѣмъ самымъ мѣра товарной реализаціи максимальныхъ цѣнъ все больше сводится къ минимуму.

Лишаясь товарнаго примѣненія, система твердыхъ цѣнъ все больше теряетъ свою экономическую плоть и кровь: она разрушается въ своемъ существѣ.

„Агенты администраціи, — пишетъ въ 1794 году *Мортрэ* въ „Мемуарѣ о продовольствіи“, — оказывались *всегда* недобросовѣстными и наживались на почвѣ этихъ злоупотребленій. Эти злоупотребленія вошли въ правило, на примѣръ, колониальные товары, привозимые во французскіе порты, *тамъ-же* скупались и перепродавались по неслыханной цѣнѣ: хлопокъ, согласно максимуму, покупался по 230—240—250 ливровъ за квинталь, а перепродавался по 1200—1600 ливровъ, а въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ были хлопчатобумажныя фабрики, онъ продавался и по 1800—2000—2200 ливровъ за квинталь, т.е. почти въ 10 разъ дороже законной цѣны“⁶⁾.

Тщетно власти грозили вновь и вновь мечомъ... тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыя проявляютъ „преступную апатію“ въ дѣлѣ репрессій; тщетно приравнивали недостаточность репрессій къ государственной измѣнѣ.

„Граждане, благодѣтельный законъ максимума не выполняется въ нашемъ округѣ, — гласитъ циркуляръ 2 термидора года II, обращенный къ муниципальнымъ властямъ и національнымъ агентамъ коммунъ округа д'Ивето. — Эгоизмъ, интриги и корысть объединяютъ свои вѣроломныя усилія для того, чтобы уклониться отъ подчиненія свои вѣроломныя усилія для того, чтобы уклониться отъ подчиненія ему... нарушение закона о максимумѣ это первый шагъ, который дѣ-

лаютъ для того, чтобы незамѣтно снова погрузить народъ въ тину стараго порядка...; раскрывайте же преступления, сообщайте мнѣ имена виновныхъ... помните, что ужасающая отвѣтственность тяготѣетъ надъ вашими головами...“⁷⁾

Но ничего не помогло.

Въ концѣ (26-го) іюня 1794 года Комитетъ Общественнаго Спасенія счелъ себя вынужденнымъ обратиться къ Комиссіи Торговли и Снабженія Припасами съ укоромъ, что законъ о максимумѣ *ежедневно* нарушается и въ магазинахъ и на рынкахъ. Комитетъ категорически предлагалъ Комиссіи озаботиться искорененіемъ зла. Комиссія подъ вліяніемъ этого внушенія разослала зависѣвшимъ отъ нея агентамъ, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за исполненіемъ закона циркуляръ, въ которомъ порицалъ этихъ должностныхъ лицъ за небрежное исполненіе служебнаго долга, за недостатокъ суровости въ репрессіяхъ и напоминала, что такое поведеніе равносильно измѣнѣ. Въ письмахъ не къ агентамъ, а къ органамъ мѣстнаго самоуправления, Комиссія уже прямо не скрывала своего недовѣрія и грозно напоминала, что недостаточная суровость съ ихъ стороны къ нарушителямъ закона влечетъ на нихъ самихъ подозрѣнія.

На преступную слабость судей, „иногда оправдывающихъ обвиняемыхъ“, жалуется и Сень-Жюсть въ докладѣ 15-го апрѣля 1794 года Конвенту отъ имени Комитета Общественнаго Спасенія.

Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что старый торговый аппаратъ все же терпѣлъ ущербъ отъ болѣе или менѣе случайно налаженныхъ на него каръ; участіе въ общественно-контрольной, организационной части состава, руководящейся чисто идейными, принципиальными мотивами, все же такъ или иначе суживаетъ и затрудняетъ дѣятельность торговли по методу взвинчиванія цѣнъ для доставленія товаровъ обогатившимся новыми покупательскими средствами группамъ населенія. Подъ этими воздѣйствіями торгово-посредническая организація претерпѣваетъ любопытную перестройку.

Ограниченіе возможностей, подъ давленіемъ непосредственной регламентаціи продажъ и каръ за уклоненіе отъ легальнаго торга, испытываютъ на себѣ болѣе всего налаженные крупныя торговыя ячейки съ территоріально установившимся кругомъ операций и привычной клиентурой. Сама длительная налаженность и общеизвѣстность ихъ операций является лучшей формой ихъ связи и зависимости. И поскольку принудительная регламентація заставляла ихъ сузить размахъ своей дѣятельности, такъ что часть операций посредничества между потребителями и производителями остается не выполненной, поскольку возникаютъ, на мѣстѣ стараго аппарата, новыя организационныя формы болѣе случайныя, болѣе подвижныя и кратковременныя и легче ускользающія отъ контроля. Пока потребность въ торгово-посреднической связи между различными общественно-экономическими

слоями остается неудовлетворенной, различие расценок товара у потребителей и производителей столь велико, что может дать крупный доход даже самой несовершенной, самой технически-примитивной организации этой связи. Это дает повод самым случайным элементам взять на себя выполнение торгово-посреднических функций и восполнить приливом нового персонала сокращение деятельности старой торговой организации. Экономическая история „максимума“ Французской Революции дает нам яркую иллюстрацию этой закономерно-тенденциальной тенденции.

Профес. *Тарле*, имевший возможность ознакомиться с архивными данными, сообщает, например, следующее: „Цены за товары платились в 5 или 6 раз больше, чем следовало, ибо начались злоупотребления: торговлей занялись „слуги, носильщики, хозяева гостиниц, парикмахеры“ — словом все, кому было не лень, — кроме только настоящих профессиональных торговцев, за которыми был строгий надзор; а эти новые, потаенные торговцы благополучно наживались“⁸⁾.

Если в первой половине фразы переставить предлог „ибо“ и сказать, что: „торговлей занялись слуги, носильщики и т. д., ибо цены за товары платились в 5 или 6 раз больше, чем следовало“, — то получится не только сообщение интереснейших фактов, но и правильное освещение их с точки зрения уяснения закономерностей эмиссионного хозяйства^{*)}.

В город Сомюр, — читаем мы в другом месте выдержку из архивного документа, — как и в других местах, торговать было невозможно настоящим профессиональным торговцам, за которыми следили, а те, которые, тайком промышляли торговлей, прекрасно обходили закон о максимуме: кузнец торговал материей, сапожник кофе и сахаром, булочник водкою и вином и т. д. Процветала мѣновая торговля, происходившая в трактирах⁹⁾.

Представители фирмы „Бастид и сын“, обладавшей пятью большими бумагопрядильными мануфактурами, пишут в конце 1794 года, когда стало возможно критиковать максимальные цены: „В действительности, этот закон изъял все операции из рук настоящих купцов и сконцентрировал их в руках тех, кто не обладает ни талантами, ни средствами; легкость, с которой некоторые имеют возможность обходить этот закон, побудила запустить ремесла и промыслы“.

*) Что же касается оговорки о том, что привилегией и барышами торговли пользовались все, кроме профессиональных торговцев, которым мешал строгий надзор, то ее можно, конечно, понимать лишь весьма и весьма относительно, в смысле сравнительно худшего положения их, ибо многочисленны другие показания проф. *Тарле* убеждают в том, что этот надзор был в большинстве случаев призрачен.

Но наряду с случайными спекулянтами в торговом посредничестве принимают участие и рабочие крупных мануфактур, которые хотят использовать для себя создавшуюся конъюнктуру.

Та же фирма „Бастид и сын“ жалуется, что рабочие повадились требовать, чтобы из каждых двух вырабатываемых ими штук материй, одна уступалась хозяевами рабочим по цене, обозначенной в максимальных таблицах, а потому рабочие перепродавали эти штуки потребителям по возвышенной цене, иногда удвоенной и больше чем удвоенной¹⁰⁾.

Итак, эмиссионная политика разрушает одно за другим препятствия, воздвигаемые на ее пути, в борьбе с ее основным экономическим следствием: тенденцией повышения товарных цен.

Она прогрессивно сокращает массу товарной реализации декретированной системы твердых цен.

Она разрушает изнутри всякую общественную организацию контроля и регулирования товарных сделок путем превращения части общественных контролеров из охранителей легального рынка в охранителей рынка нелегального.

Наконец, она создает в помощь частично разрушаемому картами старому торговому аппарату, новый, также спекулирующий на быстром повышательном движении цен, но подвижный, не связанный никакими рамками территориальной оседлости и привычной клиентуры.

3. Общий итог всего предыдущего рассмотрения может быть формулирован следующим образом: при выполнении частным торговым аппаратом задач посредничества между отдельными хозяйствующими ячейками, задач взаимного снабжения их продуктами производства каждой из них в отдельности, *основное противоречие между эмиссионной политикой, неуклонно повышающей общий уровень товарных цен, и политикой законодательной нормировки цен оказывается совершенно неустранимым*. При этих условиях система твердых цен неминуемо будет разрушена.

Отсюда логически вытекает следующий вопрос: нельзя ли противодействовать такому разрушению системы цен путем передачи функции посредничества и взаимного снабжения хозяйствующих ячеек аппарату, не руководящемуся частным интересом прибыли и распределяющему товары по установленным расценкам вне всякой зависимости от размеров предлагаемой суммы или иными общественными группами оплаты?

Замкнутой частной торговли общественной организацией снабжения было бы, прежде всего, в корне пересечено влияние на цены возрастающего платежеспособного спроса, давление новой денежной массы, освещенной в руках обогащающихся социальных групп. Ибо предложение товаров протекало бы в этом случае *независимо* от спроса

на нихъ, товары распредѣлялись бы по принципамъ, непосредственно вытекающимъ изъ конкретныхъ условій товарнаго производства, а не въ зависимости отъ величины предлагаемой за товары денежной уплаты.

Частно-хозяйственная связь между спросомъ и предложениемъ неуклонно подчиняющаяся предложению, была бы разорвана.

И далѣе: при такой организаци заготовительно-распредѣлительнаго аппарата, при проведеніи въ жизнь принциповъ *общественнаго коммерціализма* исчезла бы самая потребность въ созданіи новыхъ денежныхъ знаковъ, въ выпускѣ новыхъ эмиссій. Ибо финансовая нужды государства, какъ органа координаці дѣйствій всѣхъ мѣстныхъ коллективовъ, могли бы также удовлетворяться этой организацией въ порядкѣ непосредственнаго снабженія его нужными товарами и матеріалами, получаемыми путемъ товарнаго вычета изъ потребления населенія.

Правда, до полномѣрнаго разрѣшенія этихъ обширныхъ проблемъ и здѣсь дало бы себя чувствовать обрисованное выше разлагающее вліяніе эмиссионной политики на дисциплинированность служебнаго персонала такой организаци.

Но, во всякомъ случаѣ, фактическая *возможность* уклоненія представителей личнаго состава отъ поставленныхъ имъ задачъ въ общественной организаци снабженія гораздо уже, чѣмъ въ общественной организаци контроля надъ частнымъ аппаратомъ снабженія.

Съ одной стороны, въ послѣднемъ случаѣ требуется гораздо труднѣе уловимое нарушеніе закона чѣмъ въ первомъ: здѣсь нужно для этого пассивное попустительство, тамъ — рядъ активныхъ дѣйствій, гораздо болѣе замѣтныхъ и явно противорѣчащихъ общественному предназначенію организаци, дѣйствій, которыя при этомъ не опираются болѣе на обширный частно-торговый аппаратъ, а должны быть предпринимаемы за свой страхъ и рискъ.

Съ другой стороны, непрестанное соприкосновеніе всѣхъ дѣйствій *исполнительной* организаци съ широкой массой потребителей фактически создаетъ надъ ней верховную контрольную инстанцію, которая, при ограниченіи самой организаци функциями *надзора* отсутствуетъ почти совершенно.

Французская революція поставила на очередь вопросъ о созданіи общественной организаци снабженія въ конкретной обрисовкѣ задачъ *муниципализаціи торговли*.

Въ пропагандѣ коммунистовъ Жака Ру, Жана Варлэ, Шаяе, Леклера, Л' Анжа, Доливье, идея перехода торговли и снабженія въ руки общественныхъ органовъ проводится въ самыхъ различныхъ формахъ ¹¹⁾. Но не подъ вліяніемъ ихъ пропаганды дѣйствительность воплотила часть ихъ пожеланій, а подъ вліяніемъ настоятельной нужды времени, голода и хозяйственной дезорганизаці.

Эти объективныя условія, толкавшія политическій центръ на активное руководство дѣломъ снабженія, возникали порой и до револлюціи хоть и не въ столь болѣзненной формѣ, какъ въ эту эпоху.

Вопросъ о хлѣбной торговлѣ, ставшій во вторую половину XVIII-го вѣка во Франціи одной изъ излюбленнѣйшихъ темъ, обсуждавшейся одинаково и въ кабинетахъ философовъ и въ салонахъ придворныхъ, была поставленъ на очередь отнюдь не только апіорнымъ мышлениемъ фізіократовъ, этихъ властителей экономическихъ конструкцій времени.

Потребности развитія промышленности на международномъ рынкѣ требовали удержанія заработной платы на возможно низкомъ уровнѣ, а это было возможно лишь при низкой цѣнѣ хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Послѣднее достигалось всяческими ограниченіями вывоза ихъ за границу, препятствіями къ свободной перевозкѣ внутри страны и различными иными мѣропріятіями по регламентаціи торговли хлѣбомъ *), которыя, съ другой стороны, стимулировались боязнью народныхъ волненій, неизбѣжно вспыхивавшихъ при недостаточномъ снабженіи городовъ хлѣбомъ, либо слишкомъ высокой цѣнѣ его. Такъ, окружные интенданты стараго режима получали особенно въ годы неурожая, обширныя права по принудительному снабженію рынковъ хлѣбомъ. Дабы воспрепятствовать спекулятивнымъ скупкамъ и накопленію запасовъ хлѣба запрещалось крестьянамъ продавать хлѣбъ на дому безъ вывоза на рынокъ ¹²⁾; запрещалось держать у себя хлѣбъ больше чѣмъ за два года; хлѣбъ, ввезенный въ Парижскую зону (шириной въ 10 лье) не могъ быть оттуда вывозимъ. Не проданный въ теченіи дня на рынкѣ хлѣбъ подлежалъ принудительной продажѣ на слѣдующій день. Цѣна, объявленная при открытіи торговли на рынкѣ не могла быть повышена въ теченіи дня. На основаніи оцѣнки урожая интендантами, производившейся два раза въ годъ (до и послѣ урожая) и доставлявшейся въ министерство, въ случаѣ недостатка хлѣба на рынкѣ, на мѣста избыточнаго производства хлѣба посылались приказы о принудительной поставкѣ опредѣленныхъ количествъ хлѣба, именовавшіеся реквизиціями. Наконецъ, мѣстныя власти имѣли право устанавливать и предѣльныя продажныя цѣны для каждаго рода хлѣба ¹³⁾.

На почвѣ такой экономической политики регламентаціи торговли возникла теоретическая контроверза кардинальной важности для всего экономического бытія предреволюціонной Франціи.

*) Любопытно, что и въ этомъ отношеніи мѣра давленія регламентирующаго государства на продавца хлѣба была не одинакова въ зависимости отъ соціального положенія послѣдняго. Такъ, напр., до 1774 года въ первые три мѣсяца послѣ уборки хлѣба продавать его могли только помѣщики-землевладѣльцы. Фермеры-арендаторы получали это право лишь по истеченіи этого срока, чѣмъ достигалось искусственное повышение цѣнъ въ первый періодъ, шедшее цѣликомъ въ пользу помѣщиковъ.

Физиократы, учитывая выгоды международного положенія Франціи, какъ крупнѣйшей производительницы хлѣба въ Европѣ, настаивали на полномъ устраненіи регламентаціи хлѣбной торговли съ цѣлю поднять цѣны до уровня цѣнъ международного рынка, стоявшихъ гораздо выше цѣнъ внутреннихъ. Этимъ путемъ они стремились сдѣлать землевладѣніе тѣмъ насосомъ, при помощи котораго можно было бы выкачать цѣнности иностранныхъ рынковъ.

Но этого можно было бы достигнуть лишь пожертвовавъ непосредственными перспективами индустриальнаго развитія Франціи, для котораго столь рѣзкое повышение цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ означало бы барьеръ огромной важности.

Поэтому, теоретики индустриализма, подражательно развивавшигоя во Франціи на основѣ теоріи промышленной конкуренціи и торговаго баланса, отыскивая аргументативный фундаментъ для господствующей экономической политики, не стѣснялись указывать на социальное отраженіе предлагавшагоя физиократами экономического переворота въ видѣ перенесенія центра тяжести хозяйственнаго поощренія съ промышленности на земледѣліе.

Въ то время какъ Кенэ и Тюрго аргументировали преимущественно абстрактной обрисовкой благодѣяній свободы экономической самодѣятельности каждаго даннаго индивида и строяемаго во взаимной конкуренціи равновѣсія интересовъ, защитники регламентаціи торговли хлѣбомъ ссылались на социальныя бѣдствія, которыя явились бы слѣдствіемъ предоставленія свободы владѣльцамъ продукта такой первостепенной важности, какимъ является хлѣбъ.

Аббатъ *Галліани* констатировалъ, что „торговля хлѣбомъ, это торговля по преимуществу спекулятивная и монополюная“...¹⁴⁾

Неккеръ тщательно анализировалъ различіе между общимъ высокимъ уровнемъ товарныхъ цѣнъ и рѣзкимъ повышеніемъ ихъ, которое явилось бы слѣдствіемъ устраненія регламентаціи¹⁵⁾.

Оба они подчеркивали, что торговля хлѣбомъ не можетъ быть приравнена ни къ какой иной, ибо отъ правильной постановки снабженія имъ населенія зависитъ жизнь и трудовая активность послѣдняго.

На ряду съ принудительно-запретительными мѣрами по снабженію рынковъ хлѣбомъ всѣ крупнѣйшіе правители Франціи въ годы неурожая прибѣгали къ мѣрамъ *поощрительнаго* характера. Эти мѣры явились столь же тяжкимъ нарушеніемъ принципа свободы торговли, но только съ другой стороны. Но ими пользовались одинаково и физиократъ Тюрго и интервенціонистъ Неккеръ.

Эти мѣры состояли, вообще говоря, въ затратѣ средствъ государственнаго казначейства для искусственнаго привлеченія хлѣба на городскіе рынки, предназначеннаго для потребленія мѣстнаго населенія.

Такъ, напр., Людовикъ XV, боявшійся революціи въ Парижѣ, заключилъ въ 1765 г. контрактъ съ торговой фирмой Малиссэ (Malisset), въ силу котораго послѣдняя обязывалась постоянно держать въ своихъ магазинахъ минимумъ 40 тысячъ сетъ пшеницы для продовольствія столицы. Эти „королевскіе хлѣба“ выпускались въ продажу подъ большимъ секретомъ въ томъ случаѣ, если снабженіе Парижа оказывалось недостаточнымъ и хлѣбъ дорожалъ.

Апологетъ-свободной торговли Тюрго, отмѣнившій въ 1774 г. впервые во Франціи всѣ мѣры по регламентаціи ея, въ то же время заключилъ въ октябрѣ 1775 г. аналогичный контрактъ съ фирмой братьевъ Лелё (Leleu). За вознагражденіе въ 96.700 ливровъ фирма должна была каждый годъ вывозить на Парижскій рынокъ 31 тысячу мѣшковъ муки, въ качествѣ запаса. Эту муку она покупала за границей на берегахъ Балтійскаго моря и въ Гамбургѣ, а также въ Левантѣ.

Этотъ договоръ былъ возобновленъ въ 1782 и 1787 г.г.¹⁶⁾

Къ аналогичнымъ мѣрамъ прибѣгали и провинціальныя муниципалитеты, собиравшіе запасы хлѣба, которые въ случаѣ голода распродавались по цѣнѣ ниже себѣ-стоимости для того, чтобы понизить ихъ общую рыночную расцѣнку.

Наконецъ, въ деревняхъ территорій потреблявшихъ привозный хлѣбъ, такими запасными складами служили иногда амбары крупныхъ землевладѣльцевъ и духовенства, куда собиралась церковная десятина, которые въ случаѣ голода принудительно открывались властями для распродажи по нормальной цѣнѣ.

Во время извѣстнаго неурожая и голода 1788 и 1789 года, послужившаго не только экономическимъ фономъ, но и серьезнѣйшимъ факторомъ революціоннаго взрыва этого времени, *Неккеръ* закупилъ большія количества хлѣба за границей и распродалъ ихъ постепенно для того, чтобы понизить рѣзко повысившіяся „вольныя“ цѣны. Запретивъ вывозъ хлѣба изъ Франціи онъ въ тоже время старался поощрить ввозъ и частными лицами, уплачивая преміи за импортируемый хлѣбъ.

Такое пониженіе цѣнъ только въ Парижѣ обходится почти пустой казнѣ въ это время по 30 тысячъ ливровъ въ день¹⁷⁾.

Такимъ образомъ, нѣкоторые методы активнаго регулированія народнаго хозяйства, равно какъ и методы социальнаго смягченія экономическихъ кризисовъ, были во Франціи уже выработаны, когда въ 1793 году условія денежныхъ эмиссій и военнаго хозяйства создали небывалое дотолѣ ухудшеніе экономического положенія страны, и логика революціоннаго развитія привела къ необходимости активизировать экономическую политику въ интересахъ широкихъ массъ имущественныхъ низовъ.

Но идея равенства, ставшая въ эту пору подъ давленіемъ про-

грессирующего и побуждающего социального конфликта, темой дня, привнесла и новые элементы в содержание этих методов экономической политики.

Новая организация снабжения начинает строиться усиленным темпом со второй половины 1793 года, когда ассигнационный кризис вызывает массовые волнения во всей Франции.

При этом, больше всего страдают крупные городские центры, живущие лишь за счет непрестанного подвоза продовольствия. Условия этого снабжения особенно ухудшаются, когда начавшаяся война требует ряда материальных ресурсов, пути сообщения оказываются загроможденными, перевозочные средства реквизированными, потребности армии быстро возрастают, и т. д.

Парижская коммуна организует закупки хлеба по рыночной цене и снабжает им булочников по пониженной расценке с тем, чтобы последние продавали его населению по установленной таксе. Это обходится по 14 тысяч ливров в день, но только таким образом удается удержать цену хлеба на 3-х су за фунт¹⁸). Население из окрестностей Парижа, желающее также получить хлеб по дешевой цене, ездит за ним каждый день в город, что служит поводом всяческого негодования эпигонов невмешательства власти в свободу торговли (Ролан и др.), которые доказывают ссылками на этот факт нецелесообразность и убыточность совершаемых затрат¹⁹).

9 марта 1793 г. Конвент назначает 82 комиссаров, которые должны заботиться о снаряжении, обмундировании и продовольствии армии.

Днем позже их полномочия расширяются и включают *всеобщий контроль над постановкой продовольственного дела* в Республике.

На них возлагается обязанность „контролировать состояние продовольствия и производить всяческие объявления о фиктивной нужде и недостатке циркулирующего хлеба“.

С целью дать местным управлениям средства для организации снабжения предметами продовольствия наиболее нуждающихся слоев населения, Конвент декретом 2—5 апреля 1793 г. разрешает ввести на местах специальные *революционные налоги* на крупные состояния.

Собранные средства должны употребляться на закупку продовольствия и продажу его ниже себестоимости, применительно к уровню заработной платы²⁰). Высота обложения и конкретные условия его проведения определяются самими коммунами.

Этот же старый по технике метод снабжения населения по доступным ценам с новым социальным содержанием и источником финансирования операции применяют и многие представители Конвента на местах (т. н. „représantants en mission“).

Если бы всюду действовали таким образом, — пишут комиссары

Конвента из департамента Орны и Марны 25 апреля 1793 г., — то богачи скоро перестали бы искусственно взвинчивать цены средств существования“²¹).

Впрочем, ухудшающееся военное положение заставило вскоре применить чрезвычайное революционное обложение на местах гораздо чаще для снаряжения воинских отрядов и различных экстренных надобностей, чем для финансирования хотя бы и столь примитивной общественной организации снабжения.

Со времени проведения закона о всеобщем и единообразном максимуме хлебных цен 3-го сентября 1793 г. общественная организация снабжения создается, по существу, уже принудительно. Ибо тем же декретом *всякая частная торговля хлебом воспрещается*.

„Эта мера, — заявляет депутат Шалье (Chalier) не помешает администрации департаментов производить реквизиции и посылать комиссаров в производящие департаменты для закупки хлеба“.

Правда, этим не запрещаются также непосредственные закупки потребителей у производителей (уничтожается лишь профессионально-посредническая торговля), но, с одной стороны, они поставлены под контроль, а с другой, — фактически не реализуемы для потребляющей половины Франции.

„Принимая во внимание, — гласит постановление от 14 сентября 1793 г. совета маленького городка Шомона, насчитывавшего всего около 6000 жителей, — что согласно предписанию закона, пополнением которого занят Конвент, покупка хлеба не может производиться нигде, кроме рынков; *что, таким образом реквизиция отныне становится единственным средством снабжения коммуны*; что, при таких условиях, совет, не имея возможности рассчитывать на получение какого-либо излишка хлеба для того, чтобы образовать запасный амбар, должен прежде всего устранить все препятствия, которые могут встретиться при реквизициях, и затем принять необходимые меры для того, чтобы обеспечить закону его полное осуществление“...²²) — совет предлагает населению города выбрать специальный орган — „Комитет продовольствия“, который должен взять на себя все заботы, связанные с выполнением этих задач.

Впрочем, некоторые из создаваемых таким образом продовольственных комитетов вскоре уничтожаются, иногда по специальным постановлениям Конвента в силу обвинения их в „экономическом федерализме“ (т. е. сепаратизме).

Так, было, например, в департаменте Йонн, где продовольственный комитет был учрежден комиссаром Конвента депутатом Мором²³).

Внутренняя организация снабжения на местах рисуется следующим образом. Все селения округа объединяются в определенные территориальные комплексы, распределяемые по существующим наи-

болѣ крупнымъ рынкамъ, къ которымъ они въ отношеніи снабженія хлѣбомъ принудительно прикрѣпляются ²⁴).

Каждый изъ такихъ рынковъ снабжается хлѣбомъ, пропорціонально населенію, причисленному къ нему, путемъ реквизиціи, т.е. путемъ принудительныхъ предписаній о доставкѣ фиксированныхъ количествъ хлѣба на рынокъ, направляемыхъ къ владѣльцамъ избытковъ.

Правда, мѣра выполненія реквизиціи съ самаго начала ихъ массоваго примѣненія оставляетъ желать многоаго, а въ дальнѣйшемъ прогрессивно падаетъ.

Такъ, уже въ началѣ осени 1793 г. (12-го октября) въ округѣ Шомона изъ 104 коммунъ доставили на рынокъ главнаго города полностью то количество хлѣба, которое было предписано имъ доставить въ порядкѣ реквизиціи — 3 коммуны, больше половины нужнаго количества также 3 и меньше половины нужнаго количества еще 4 коммуны. Ни одна же изъ остальныхъ коммунъ вообще ничего не доставила, такъ что на рынкѣ оказалось всего 256 мѣръ пшеницы и 24 мѣры ячменя вмѣсто 900 мѣръ, которыя должны были быть привезены по реквизиціи ²⁵).

Невыполненіе реквизиціи влечетъ за собою примѣненіе вооруженной силы.

Кое-гдѣ на мѣстахъ организуется специальная *продовольственная армія*.

Такъ, въ департаментѣ Йоннъ изъ списка всѣхъ гражданъ отъ 25-ти до 30-ти лѣтъ выбираются 500 человекъ ²⁶). Они дѣлятся на 7 отрядовъ, по 66 человекъ въ каждомъ, которые выбираютъ своихъ офицеровъ. Они получаютъ по 40 су въ день и должны, помимо непосредственнаго производства реквизицій за счетъ непокорныхъ коммунъ ²⁷), обслѣдовать продовольственное положеніе мѣстностей, организовать молотбу хлѣба, охранять его перевозку и разсѣивать толпы“ ²⁸).

Однако, такіе специальные отряды на мѣстахъ представляются Комитету Общественнаго Спасенія неблагонадежными съ точки зрѣнія внутренней безопасности, и онъ ихъ распускаетъ.

Для реквизиціи примѣняется мѣстная жандармерія, а также войска, мобилизованные въ общемъ порядкѣ.

О снабженіи Парижа заботится специально организованная Конвентомъ „Революціонная армія“ въ 6 тысячъ человекъ подъ начальствомъ Эбертиста Ронсена. Ея задачей является съ одной стороны усмиреніе и устраненіе контр-революціонеровъ, а съ другой — собраніе путемъ реквизицій жизненныхъ припасовъ въ деревняхъ, барскихъ имѣніяхъ и фермахъ для населенія Парижа ²⁹).

Однако, и вооруженная сила встрѣчаетъ въ деревняхъ рѣшительное сопротивленіе, такъ что, несмотря на льющуюся кровь ³⁰), удается изъять лишь небольшую часть имѣющихся избытковъ.

Деревня прячутъ хлѣбъ всѣми способами — отчасти сама боясь

голода, отчасти не желая подчиняться установленнымъ максимальнымъ цѣнамъ.

При этомъ, намѣчаются два явленія, существенныя для изслѣдованія социальныхъ отношеній въ деревнѣ. *Во-первыхъ*, констатируется, что на мѣру выполненія предписаній закона о максимальныхъ цѣнахъ и о поставкахъ хлѣба по реквизиціямъ не оказываетъ существеннаго вліянія степень зажиточности каждаго отдѣльнаго хозяйства.

Напротивъ, противодѣйствіе деревни, тамъ, гдѣ оно ведется активно, развивается въ цѣломъ по отдѣльнымъ коммунамъ, которыя либо доставляютъ, либо не доставляютъ хлѣба.

Это предсказывалъ уже при обсужденіи вопроса о максимальныхъ цѣнахъ въ Конвентѣ депутатъ *Тюрио*, который говорилъ 3-го сентября 1793 г. о противодѣйствіи деревни максимуму, что „злонамеренность нѣкоторыхъ помѣщиковъ доходила до того, что они соглашались ждать арендную плату отъ своихъ фермеровъ сколько угодно лишь бы дать имъ возможность оставить у себя зерновой хлѣбъ и подражать ажіотерамъ“ ³¹).

Здѣсь намѣчалось, такимъ образомъ, соглашеніе между сельской буржуазіей и деревенской бѣднотой для созданія единаго контр-нормировочнаго продовольственнаго фронта.

Во-вторыхъ, выясняется, что если сравнивать болѣе зажиточныя селенія съ менѣе зажиточными селеніями *въ цѣломъ*, то окажется, что сопротивленіе первыхъ болѣе активно, чѣмъ вторыхъ, и что менѣе зажиточныя селенія доставляютъ сравнительно больше хлѣба, чѣмъ болѣе зажиточныя.

Это отмѣчалось уже съ 1792 г. Наказы округовъ (bailliage) Гисора и Шарлеваля въ департаментѣ Эры (Eure) спрашивали: „Почему только мелкіе земледѣльцы до сихъ поръ доставляли хлѣбъ на рынокъ? Почему съ тѣхъ поръ, какъ ихъ амбары опустѣли, рынки также опустошены, и мы видимъ крупныхъ земледѣльцевъ лишь тогда, когда они приходятъ высокомѣрно справляться по какой цѣнѣ продается товаръ, изрѣдка попадающійся на рынкѣ?“ ³²).

Совѣтъ округа Шалона въ своемъ постановленіи отъ 13 октября 1793 г. прямо констатируетъ, что „изъ его наблюденій въ теченіе двухъ лѣтъ слѣдуетъ, что коммуны, обладающія почвой худшаго природнаго качества, скорѣе удовлетворяли просьбы, обращенныя къ нимъ, тогда какъ болѣе богатые всегда опаздывали. Въ виду этого нужно приписать недоброжелательству, больше чѣмъ какому либо реальному препятствію, отказъ или запозданіе большей части коммунъ“... ³³).

Это различіе объясняется въ первую очередь тѣмъ, что въ то время, какъ зажиточныя коммуны *имѣли возможность* хранить свои запасы не продавая ихъ, въ надеждѣ — на лучшія перспективы сбыта въ

будущемъ, мало состоятельныя силою давленія повседневныхъ нуждъ, вынуждены были реализовать свои запасы на рынкѣ для удовлетворенія другихъ потребностей. Общій сдвигъ французской революціонной деревни въ сторону экономической эмансипаціи ея отъ города, какъ важный факторъ продовольственного кризиса въ городѣ, правильно формулировалъ депутатъ *Портъе* (Porties de l'Oise). Еще на засѣданіи Конвента 8 декабря 1792 г. онъ говорилъ, что высшее благосостояніе земледѣльца дѣлаетъ его господиномъ рынка, на который онъ доставляетъ свой хлѣбъ лишь во время выбранное имъ самимъ.

„Земледѣлецъ благословляетъ революцію, которая освободила его отъ солянаго налога, отъ десятины, отъ милиціи и т. д., и т. д., и не хочетъ платить своихъ повинностей. Нужно ли обвинять въ этомъ нерадѣніе сборщиковъ или невѣжество плательщиковъ? Я этого не знаю, но фактъ тотъ, что государство страдаетъ; фермеръ, болѣе обезпеченный нынѣ, не спѣшитъ какъ раньше, везти свой хлѣбъ на рынокъ, для того чтобы реализовать средства, которыми онъ прежде долженъ былъ платить за аренду земли собственнику ея. покрывать свои расходы и налоговые недоимки.

„Устраненіе старыхъ налоговъ поставили его въ положеніе, при которомъ онъ можетъ переждать пока потокъ патриотическихъ билетовъ (т.-е. ассигнатовъ) пронесется мимо“³⁴).

Нерѣдко и цѣлыя коммуны въ лицѣ своихъ муниципальных управленій отказываются выполнять реквизиціонные приказы³⁵).

Норма поступленій реквизируемаго хлѣба непрестанно падаетъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ въ теченіи всего 1794 г., такъ что къ новому урожаю оцѣнка ожидаемыхъ поступленій часто равняется нулю.

Такъ, національный агентъ въ Пуланьи въ письмѣ своемъ къ городскому совѣту Шалона 29 сентября 1794 г. сообщаетъ, что нельзя надѣяться на реквизицію просимаго совѣтомъ зерна, ибо земледѣльцы отказываются дать какое бы то ни было количество³⁶).

Такъ какъ наиболѣе частымъ аргументомъ въ такихъ случаяхъ являлась ссылка на относительный недостатокъ запасовъ въ самой мѣстности, подлежащей реквизиціи (учитывая необходимыя нормы пропитанія собственного населенія), то декретъ 25 брюмера г. II радикально устраняетъ такую опору для плохихъ поставщиковъ.

Онъ направленъ противъ „непримиримыхъ враговъ равенства и свободы, которые продолжаютъ распространять тревогу въ отношеніи продовольствія... съ цѣлью удержать его у себя подъ предлогомъ сохраненія пропитанія на годъ въ каждой коммунѣ“.

Подобныя стремленія являются по словамъ декрета — „преступленіемъ противъ безопасности и общественнаго спасенія; военные магазины, города и рынки должны быть снабжаемы. Впрочемъ, большая экономія всей націи должна увеличить ресурсы и подтвердить,

что Республика не напрасно приняла и освѣтила равенство, какъ основоположный принципъ своего управленія“...³⁷).

Поэтому, декретъ воспрещаетъ административнымъ и муниципальнымъ органамъ препятствовать вывозу хлѣба, даже въ томъ случаѣ, если данная мѣстность не имѣетъ достаточнаго количества для собственнаго пропитанія.

Ибо, въ послѣднемъ случаѣ „Комиссія по Продовольствію“ въ Парижѣ будетъ послѣдовательно пополнять недостающее количество въ мѣру дѣйствительной потребности“ (ст. 1 и 3).

Но если проведеніе этого принципа „общаго котла“ при заготовкахъ хлѣба знаменуетъ собою кульминаціонный пунктъ въ развитіи общественной организаціи *снабжения* Французской Революціи, то недостаточная мѣра успѣшности заготовительныхъ усилій толкаетъ на другой параллельный путь созданія общественной организаціи *распределенія*.

Условія вынуждавшія перейти къ сколько нибудь планомѣрному распредѣленію доставляемыхъ продуктовъ были очень тяжелы.

Зима 1793—1794 гг. была для 600 тысячнаго Парижскаго населенія сплошнымъ рядомъ бѣдствій.

Вслѣдъ за недостаткомъ хлѣба обнаружилось послѣдовательное исчезновеніе съ рынковъ всѣхъ другихъ продуктовъ.

Возстаніе въ Вандеѣ прекратило подвозъ быковъ, достигавшій 600 головъ въ недѣлю. Другая поставщица мяса для Парижа — Нормандія, была скоро истощена, а ввозъ изъ-за границы сдѣлался невозможнымъ, ибо Франція была окружена со всѣхъ сторонъ кольцомъ боевого фронта. А съ другой стороны фронтъ этотъ, представленный арміей въ 1.200.000 чел. требовалъ мяса во что бы то ни стало.

Въ самомъ Парижѣ отмѣна религиозныхъ постовъ привела къ тому, что состоятельные слои населенія стали потреблять мяса больше, чѣмъ прежде, находя въ спекуляціяхъ мясныхъ приказчиковъ нужный аппаратъ для удовлетворенія своего спроса³⁸).

Широкія же массы Парижской бѣдноты голодали.

За мясомъ исчезли съ рынковъ яйца, затѣмъ зелень, сушенныя овощи, рисъ, бобы и другіе продукты³⁹).

На рынкахъ и у дверей лавокъ неизмѣнно стояли длинныя очереди женщинъ, выстраивавшихся попарно и ожидавшихъ полученія продуктовъ. Парижане въ шутку прозвали ихъ „хвостами“ (queueux)⁴⁰).

Къ недостатку продовольствія присоединился и суровый топливный кризисъ. Небывало сильныя морозы этой зимы дѣлали его особенно тягостнымъ, а подвозъ топлива былъ крайне незначительнымъ.

Современники-публицисты съ ужасомъ рассказываютъ намъ въ рядѣ памфлетовъ и брошюръ на темы дня, какъ парижане принуждены были дежурить у береговъ Сены по 3 сутокъ подрядъ, ожидая прихода барокъ съ дровами⁴¹).

Борьба съ этимъ кризисомъ продовольствія и снабженія шла преимущественно по линіи болѣе равномѣрнаго распредѣленія имѣющей наличности.

Такъ, въ отношеніи снабженія мясомъ Парижская коммуна постановляетъ, что каждый житель Парижа можетъ потреблять не болѣе 1 фунта въ декаду (10 дней).

Въ то же время дѣлается очень популярной идея установленія „гражданскаго поста“ для сокращенія потребления небольшихъ запасовъ мяса и сохраненія ихъ для арміи, больныхъ и дѣтей, — идея, которая осуществляется въ различныхъ фермахъ по инициативѣ отдѣльныхъ группъ.

Первые опыты этого рода относились уже къ началу 1792 г., когда путемъ добровольнаго сокращенія потребления, хотѣли добиться не только болѣе равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ, но и непосредственнаго давленія на ихъ цѣны.

Такъ, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нашель въ Парижской національной библиотекѣ постановленіе секціи Обсерваторіи отъ 1 февраля 1792 г., которымъ зажиточные граждане секціи взаимно обязывались другъ передъ другомъ „не употреблять ни сахара, ни кофе до тѣхъ поръ, пока цѣны на нихъ не упадутъ настолько, чтобы позволить нашимъ братьямъ изъ болѣе бѣднаго класса тоже доставить себѣ это удовольствіе“⁴²⁾.

Въ іюнѣ 1793 г., во время мясного кризиса, секціи Монмартра и Вооруженнаго Человѣка устанавливаютъ у себя шестинедѣльный гражданскій постъ⁴³⁾.

Члены многихъ революціонныхъ комитетовъ даютъ такой же зарокъ воздержанія.

Въ февралѣ и мартѣ 1794 года, при огромномъ повышеніи цѣны на говядину, широко распространяется среди патриотовъ Парижа рѣшеніе не ѣсть ея совсѣмъ⁴⁴⁾.

Депутатъ Лежандръ (Legendre) предлагаетъ въ засѣданіи Конвента 21 февраля 1794 г. (3 вентоза г. II) сдѣлать политическій постъ обязательнымъ. Простого приглашенія слѣдовать этому принципу здѣсь недостаточно. Ибо, если даже, „всѣ добрые патриоты обойдутся безъ мяса и народъ послѣдуетъ вашему приглашенію изъ любви къ свободѣ“, то „богачи, сибариты будутъ продолжать жирѣть отъ пиши, которая должна принадлежать только защитникамъ родины, ибо первые заплатятъ за мясо столько, что мясникъ продастъ, именно, имъ...“. Предположенный черезъ нѣсколько дней спеціальныи докладъ Баррера съ конкретизаціей этого предложенія заслушанъ однако не былъ.

Въ отношеніи снабженія хлѣбомъ положеніе было также крайне тяжело.

Въ 1793 г. ежедневные доплаты Парижской Коммуны къ распределяемому хлѣбу для удержанія его на низкой цѣнѣ повысились съ 12000 ливровъ до 75000 л.

Каждый парижанинъ получаетъ свою порцію хлѣба — (сначала по фунту, затѣмъ норма выдачи постепенно падаетъ до $\frac{1}{6}$ фунта въ день) и горсточку риса при условіи личной явки къ булочнику.

Послѣдніе, какъ и другіе торговцы, были обязаны выставлять у дверей списки имѣющихся у нихъ товаровъ, ихъ качества и количества, а также списки гражданъ своего района, которые имѣли право систематически получать у нихъ хлѣбъ.

Хлѣбъ отпускался по особымъ *бонамъ*, которые выдавались въ коммунальномъ управленіи.

Этотъ принципъ *карточной системы*, имѣющей цѣлью равномѣрное распредѣленіе хлѣба среди населенія, объективно являлся не только методомъ регулированія потребления, но и факторомъ регулированія цѣнъ.

Систематическое проведеніе его въ жизнь, даже при отсутствіи прямой нормировки цѣнъ неизбѣжно приводитъ къ существенному пониженію ихъ по сравненію съ уровнемъ, на которомъ они устанавливаются при дѣйствіи системы свободной конкуренціи.

Ибо, если основнымъ методомъ повышенія товарныхъ цѣнъ является расширеніе платежеспособнаго спроса на товары, передающее въ руки наиболѣе платежеспособныхъ группъ населенія основную массу послѣднихъ, то установленіе максимума закупокъ на каждое отдѣльное лицо парализуетъ именно эту возможность измѣненія закупаемыхъ количествъ товара въ зависимости отъ суммы наличныхъ у даннаго субъекта денежныхъ знаковъ и дѣлаетъ нецѣлесообразнымъ увеличеніе предлагаемой имъ цѣны даже въ томъ случаѣ, если его имущественные достатки позволяли бы ему, при свободѣ закупокъ, неограниченно повышать предлагаемую плату.

Нормировка потребления, закрѣпляя „право спроса“ за всей массой населенія въ равной мѣрѣ, существенно видоизмѣняетъ дѣйствіе закона спроса и предложенія и не допускаетъ повышенія цѣнъ тѣмъ, что ставитъ его въ зависимость отъ повышенія платежныхъ средствъ *всей массы населенія*, а не какой-либо одной его группы.

Дальнѣйшимъ шагомъ по нормировкѣ потребления явилось устраненіе различныхъ сортовъ выпекаемаго хлѣба и замѣна ихъ всѣхъ однимъ „хлѣбомъ равенства“, выпекаемымъ изъ муки различныхъ сортовъ.

Первые опыты въ этомъ направленіи сдѣлала провинція, установившая приказами мѣстныхъ органовъ выпечку сначала двухъ, а коегдѣ и одного только сорта хлѣба.

Цѣлью этого мѣропріятія была не столько коммунистическая нивеллировка потребления, сколько экономная утилизація запасовъ и

обезпеченіе выпечки дешеваго хлѣба при нежеланіи булочниковъ торговать дешевыми сортами ⁴⁵⁾.

Во время разсмотрѣнія вопроса въ центрѣ, аргументація въ пользу такой мѣры пріобрѣла большую дозу соціального содержанія.

Постановленіе Парижскаго муниципалитета 13 ноября 1793 г. (23 брюмера г. II) гласило, что богатство и бѣдность должны одинаково исчезнуть въ эпоху равенства и что, поэтому, но можетъ быть болѣе выпекаемъ хлѣбъ изъ отборной муки для богачей и изъ отрубей для бѣдняковъ. Продаваться долженъ только единый сортъ хорошаго хлѣба — хлѣба равенства ⁴⁶⁾.

Принципъ „питанія всѣхъ гражданъ одинаковымъ хлѣбомъ“ общается декретомъ Конвента 25 брюмера г. II (15 ноября 1793 г.) и распространяется на всю территорію Франціи.

Декретъ, предписывая ввести единый видъ размола и продавать единый сортъ хлѣба (ст. 4 — 5), ждетъ отъ его проведенія „большой экономіи“ націи въ хлѣбѣ. Этотъ размоль первоначально состоитъ изъ $\frac{3}{4}$ пшеницы и $\frac{1}{4}$ ржи.

Однако, въ голодный 1794-й годъ, на мѣстахъ хлѣбомъ равенства является нерѣдко не только хлѣбъ изъ овса (pain d'avoine), но и хлѣбъ изъ бобовъ ⁴⁷⁾.

Аналогично продовольственной организаціи Парижа строилась организація распредѣленія въ провинціи, о чемъ мы имѣемъ теперь нѣкоторыя свѣдѣнія благодаря архивнымъ изысканіямъ послѣднихъ лѣтъ.

Такъ, въ Іоннѣ, управленіе департамента, въ исполненіе декрета 25 брюмера, выработало (3 фримэра) слѣдующую схему снабженія населенія хлѣбомъ.

Во всѣхъ городахъ, департамента, являющихся центрами округовъ, распредѣленіе зерна замѣняется распредѣленіемъ хлѣба.

Размоль долженъ давать не больше 15 фунтовъ отрубей на квинталь зерна. Нужное количество мельниковъ реквизируется.

Каждая коммуна дѣлится на секціи по 1000 чел., изъ которыхъ 850 получаютъ каждый день по $1\frac{1}{2}$ фунта хлѣба равенства, а остальные 150 — дѣти, старики и больные — по 1 фунту хлѣба или муки изъ чистой пшеницы.

Каждый булочникъ получаетъ цо 33 квинтала муки на 3 дня и продаетъ выпекаемый хлѣбъ жителямъ его секціи по имѣющемуся у него алфавитному списку главъ семействъ.

Распредѣленіе хлѣба совершается ежедневно, но каждая семья получаетъ его на 3 дня сразу.

Для того, чтобы обезпечить полученіе хлѣба комиссія продовольствія регистрируетъ всѣ заявленія, означая на каждой изъ нихъ № секціи, гдѣ проживаетъ данный гражданинъ, имя булочника, у котораго онъ получаетъ хлѣбъ, количество хлѣба, которое онъ долженъ получить и день выдачи.

Булочникамъ категорически запрещается продавать хлѣбъ жителямъ чужихъ секцій, безъ разрѣшенія комиссіи ⁴⁸⁾.

Собственники же зерна или муки, находящейся на территоріи коммуны, обязаны доставить ихъ въ общественные амбары по ордеру комиссіи по продовольствію; они получаютъ за это плату согласно закону о максимумѣ.

Этотъ первоначальный планъ началъ проводиться въ жизнь въ различныхъ коммунахъ съ большей или меньшей успѣшностью въ зависимости отъ фактическаго положенія продовольственнаго вопроса ⁴⁹⁾. Онъ измѣнялся на мѣстахъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ, но не въ существе.

Въ департаментахъ же съ собственнымъ значительнымъ, производствомъ хлѣба, хоть и не хватавшимъ для полнаго удовлетворенія своихъ потребностей, продовольственная организація строилась нѣсколько иначе.

Нормы потребленія были здѣсь тоже выработаны, но онѣ служили преимущественно для опредѣленія того минимума, который долженъ былъ оставаться у cadaго владѣльца зерна для его потребленія и не подлежалъ реквизиціи.

„Принимая во вниманіе, — гласило постановленіе Совѣта гор. Шалона, — что потребленіе хлѣба въ настоящее время гораздо выше, чѣмъ обыкновенно, въ виду крайняго недостатка мяса, растительныхъ жировъ, коровьяго масла, яицъ, молотыхъ овощей и другихъ предметовъ потребленія и даже вина, каждому лицу, владѣющему зерномъ или мукой, предоставляется полквинтала зернового хлѣба въ мѣсяцъ или соотвѣтствующее количество муки“ ⁵⁰⁾

Памятуя, что квинталь считался при этомъ вѣсомъ въ 72 фунта, и что хлѣбъ при печеніи даетъ $\frac{1}{3}$ припека, мы найдемъ, что норма потребленія устанавливалась $1\frac{1}{2}$ ф. печенаго хлѣба въ день.

Устанавливается норма потребленія и для фуража: 5 фунтовъ овса, 15 ф. сѣна и 15 ф. соломы въ день для лошади и по 2 ф. сѣна въ день для теленка, барана или овцу ⁵¹⁾.

Хлѣбъ равенства въ этихъ краяхъ плохо прививается, ибо предметомъ распредѣленія служить, главнымъ образомъ, мука и зерно, а мѣстомъ закупокъ просто еженедѣльный рынокъ.

Ухудшающееся продовольственное положеніе заставляетъ къ лѣту 1794 г. прибѣгать къ запрещеніямъ являться на рынокъ за полученіемъ своей еженедѣльной порціи зерна всѣмъ тѣмъ, у кого есть свои запасы хоть на 1 декаду (10 дней) ⁵²⁾. Далѣе вводится и *соціальный моментъ* въ самое распредѣленіе хлѣба, ставящій право на полученіе его въ зависимость отъ степени состоятельности претендента.

Постановленіе совѣта гор. Шалона отъ 10 іюля 1794 г., констатируя, что снабженіе округа мукой сократилось въ такой степени, что доставляетъ крайнія опасенія, гласитъ далѣе: „Ни на предстоящемъ

очередномъ рынкѣ, ни на всѣхъ послѣдующихъ, *мука не будетъ совсѣмъ продаваться не только получателямъ рента, но и всѣмъ зажиточнымъ гражданамъ*, такъ какъ и тѣ и другіе могутъ оплатить расходы поѣздки, которые они предпримуть для того, чтобы запастись хлѣбомъ“⁵³⁾.

4. Но какъ бы ни строились отдѣльныя детали общественной организаціи распредѣленія въ эпоху Французской Революціи, изслѣдованіе конкретныхъ условій ея созданія и развитія указываетъ съ полной отчетливостью, что въ цѣломъ *она строилась* не столько подъ вліяніемъ осознанной пропаганды идеологовъ коммунизма, сколько *подъ давленіемъ насущныхъ нуждъ времени, въ условіяхъ недостаточной плодотворности заготовительныхъ усилій общественной организаціи снабженія.*

Сама недостаточность наличной массы предметовъ потребления прежде и больше всего вынуждала какъ либо рационализировать процессъ потребления, толкала на урегулированіе распредѣленія этой недостаточной товарной массы между всѣми группами потребителей.

Въ противномъ случаѣ, при свободѣ дѣйствія экономическихъ законовъ конкуренціи, рѣзкая разница покупательныхъ силъ различныхъ имущественныхъ группъ привела бы къ тому, что вся эта абсолютно недостаточная масса товаровъ попала бы въ руки имущественныхъ верховъ, а широкія массы имущественныхъ низовъ остались бы почти безъ всякихъ средствъ удовлетворенія своихъ потребностей, что въ свою очередь неминуемо должно было привести къ соціальному взрыву.

Но, съ другой стороны, недостаточность товарныхъ заготовокъ объяснялась, какъ мы видѣли выше, прежде всего тѣмъ несоотвѣтствіемъ между уровнемъ фиксированныхъ цѣнъ и циркулирующей денежной массой, которое явилось следствіемъ непрестаннаго возрастанія послѣдней.

Поскольку общественная организація снабженія охватываетъ лишь организацію *посредничества* между различными группами самостоятельныхъ производителей, являясь органомъ *передачи* продуктовъ труда каждой изъ группъ всѣмъ остальнымъ по фиксированнымъ денежнымъ расцѣнкамъ, постольку возможность массового сбыта этихъ же продуктовъ непосредственно въ руки потребителей или нелегальныхъ частныхъ посредниковъ по гораздо высшимъ расцѣнкамъ должна неизбѣжно сократить возможныя заготовки легальной организаціи снабженія. И это сокращеніе будетъ прогрессировать тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ разница между уровнемъ легальныхъ (фиксированныхъ) и нелегальныхъ (вольныхъ) цѣнъ.

Между тѣмъ, такая возможность превышенія нелегальными расцѣнками потребителя и частнаго посредника уровня фиксирован-

ныхъ цѣнъ общественной организаціи снабженія, — создавалось прежде всего кореннымъ разнорѣчіемъ между величиной обрабатываемой въ странѣ денежной массы и экономически несоответствующей ей высотой общаго уровня фиксированныхъ цѣнъ.

И такъ какъ денежная масса увеличивалась съ каждой недѣлей, а максимальныя цѣны оставались неизмѣнными, то разница между легальными и нелегальными расцѣнками все возрастала, а количество товарныхъ заготовокъ по легальнымъ цѣнамъ все сокращалось.

Поэтому-то степень реализаціи максимальныхъ цѣнъ французской революціи прогрессивно понижалась по мѣрѣ того, какъ все большее количество недѣль и мѣсяцевъ протекало со времени ихъ установленія. Если вначалѣ эпохи „максимума“ заготовки по фиксированнымъ цѣнамъ исчислялись въ нѣсколько десятковъ %%-овъ общей суммы товарныхъ сдѣлокъ, то въ концѣ эпохи они равнялись лишь нѣсколькимъ единицамъ %%-овъ, сводясь во многихъ случаяхъ даже къ нулю.

Бороться противъ такого разрушенія *системы легальныхъ цѣнъ можно было бы лишь путемъ расширенія общественной организаціи снабженія до общественной организаціи производства* *).

Лишь объединеніе всего производства въ рукахъ единого общественно-хозяйственнаго центра, связующаго всѣ отдѣльныя отрасли и ячейки производства единымъ хозяйственнымъ планомъ, должно лишить деньги того первенствующаго значенія въ организаціи распредѣленія, которымъ они обладаютъ при децентрализованности общественно-хозяйственной дѣятельности.

Даже въ томъ случаѣ, если деньги останутся здѣсь посредствующимъ звеномъ или орудіемъ учета и координаціи товарныхъ отношеній между отдѣльными производственными комплексами, они перестанутъ играть роль *фактора*, опредѣляющаго эти отношенія ибо послѣднія будутъ устанавливаться самымъ хозяйственнымъ планомъ, какъ таковымъ.

Излишекъ денежныхъ знаковъ не сможетъ разрушать фиксированный товарно-мѣновыя пропорціи, ибо руководители и активные участники производственнаго процесса, владѣющіе каждой опредѣленной частью товарной массы, *не будутъ заинтересованы* въ приобрѣтеніи этихъ денежныхъ излишковъ, путемъ повышенія дѣйствительныхъ цѣнъ принадлежащихъ имъ продуктовъ: распредѣленіе товарныхъ продуктовъ другихъ производителей, нужныхъ первымъ, все равно будетъ совершаться независимо отъ наличности или отсутствія

*). Рѣчь шла бы не о простомъ овладѣніи тѣми предпріятіями или даже отраслями производства, цѣны на продукты, которыхъ нужно было бы закрѣпить. Ибо и въ этомъ случаѣ повышеніе цѣнъ элементовъ производства доставляемыхъ другими, ведущими самостоятельное существованіе отраслями все равно разрушило бы фиксированныя расцѣнки данныхъ продуктовъ^{53а)}.

у последних изишнихъ денежныхъ суммъ, но лишь сообразно общему хозяйственному плану.

Иными словами: при подчиненіи самага процесса производства регулирующему вліянію общественно-хозяйственного центра *денежные изытки лишаются ихъ товарнаго примѣненія*.

Даже при относительной неравномѣрности давленія выработанныхъ твердыхъ цѣнъ на различныя отрасли производства, активное противодѣйствіе ему со стороны заинтересованныхъ лицъ оказывается въ этомъ случаѣ невозможнымъ, ибо *переливъ реального*, а не денежнаго, *капитала изъ одной отрасли производства въ другую* (являющійся основнымъ методомъ активного саморегулированія децентрализованнаго свободно-мѣноваго хозяйства), *не можетъ здѣсь имѣть мѣста*, поскольку онъ противорѣчитъ общественно-хозяйственному плану.

Поэтому, естественнымъ слѣдствіемъ авторитарной фиксаціи цѣнъ, ведущей, какъ мы видѣли къ обобществленію организаціи снабженія, является стремленіе обобществить и самую организацію производства или по крайней мѣрѣ активно подчинить ее единому общественному регулированію.

Однако, во Франціи конца XVIII-го вѣка такія стремленія не имѣли еще объективныхъ основъ для своего осуществленія.

Съ одной стороны, не было еще общественнаго класса, который могъ бы овладѣть производствомъ или въ иныхъ формахъ подчинить его себѣ и подчинивъ организовать его какъ хозяйственный процессъ.

Съ другой стороны, условія развитія самага производства — его раздробленность и распыленность на десятки тысячъ мелкихъ ячеекъ, техническая слабость и т. д. — дѣлали объективныя затрудненія централизаціи и обобществленія производства столь значительными, что преодоленіе ихъ стоило бы большихъ хозяйственныхъ затратъ, чѣмъ та сумма выгодъ, которая могла бы отъ этого получиться.

Правда, въ исторіи „бурныхъ годовъ“ Великой Революціи — въ 1793—1794 г.г., мы находимъ нѣсколько попытокъ активнаго вмѣшательства государства въ производственный процессъ и его организаціонныя формы, но всѣ онѣ были вызваны отнюдь не желаніемъ измѣнить въ самомъ принципѣ его построеніе, а руководились лишь стремленіемъ удовлетворить нѣкоторыя насущныя нужды времени и главнымъ образомъ нужды продовольственнаго кризиса и потребности военнаго снабженія.

Къ мѣрамъ такого рода относятся законы о принудительномъ засѣвѣ коммунами земель, покинутыхъ своими владѣльцами — политическими эмигрантами и лицами, активно боровшимися противъ фиксаціи цѣнъ путемъ сокращенія производства (декр. 16 сентября 1793г.); законъ объ обработкѣ и засѣвѣ полей, принадлежащихъ мобилизованнымъ защитникамъ родины (декр. 28 нивоза г. II). побужденія правительства засѣвать часть крестьянскихъ полей картофелемъ, какъ пособ-

нымъ, при недостаточной наличности хлѣба, продуктомъ питанія съ выдачей семянъ изъ запасовъ Парижской „Комиссіи по продовольствію“; побужденія засѣвать всѣ неиспользованные площади, какъ-то парки, сады и т. д. Далѣе, сюда относятся усилія по снабженію сельскаго хозяйства достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, число которыхъ сильно сократилось послѣ ряда мобилизацій. Съ этой цѣлью изъ массы лицъ арестованныхъ въ эту эпоху террора и содержавшихся въ тюрьмахъ въ качествѣ лицъ „подозрительныхъ“ освобождались земледѣльческіе рабочіе (декр. 21 мессидора г. II); производились массовыя реквизиціи рабочихъ въ департаментахъ болѣе обезпеченныхъ рабочей силой для пересылки на работы въ департаменты болѣе нуждавшіеся въ нихъ; наконецъ, для полевыхъ работъ массами примѣнялись военноплѣнные⁵⁴).

Что касается индустріи, то здѣсь вмѣшательство имѣло менѣе рѣшительный характеръ.

Просматривая общегосударственное законодательство эпохи мы не можемъ найти ни одного декрета, за которымъ можно было бы признать цѣль непосредственнаго регулированія промышленности.

Только нѣкоторые циркуляры „Комиссіи торговли и снабженія“ имѣютъ характеръ мѣръ подготовительныхъ: ими предписывается произвести на мѣстахъ, во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, *учетъ матеріаловъ, регистрацію* выработки, запасовъ продукта, вспомогательныхъ матеріаловъ, нормального потребленія сырья, количества рабочихъ, уровня заработной платы и т. д.⁵⁵).

Даже разработка законодательныхъ актовъ касающихся промышленности относится къ вѣдѣнію самыхъ различныхъ органовъ: комитетовъ налоговъ, финансовъ, государственныхъ владѣній, погашенія долговъ, земледѣлія и торговли, даже ассигнатовъ и народнаго образованія⁵⁶).

Промышленность никогда не была предметомъ вѣдѣнія особаго органа наряду съ указанными, но, подъ названіемъ „ремесель“ (aris), относились къ компетенціи одной изъ секцій комитета земледѣлія и торговли всѣхъ трехъ законодательныхъ собраній.

Однако, въ *порядкѣ управленія* „Комитетомъ Общественнаго Спасенія“ и его различными комиссіями принимался рядъ мѣропріятій по урегулированію условій производства, преимущественно съ цѣлью заготовки нужныхъ предметовъ военнаго снабженія. Эти мѣры „военнаго хозяйства“ касались прежде всего обезпеченія фабрикъ промышленнымъ сырьемъ, острый недостатокъ котораго въ блокированной Франціи останавливалъ и разрушалъ всю французскую промышленность, а также выражались въ реквизиціяхъ и распредѣленіи по фабрикамъ рабочей силы при низко фиксированныхъ максимальныхъ ставкахъ заработной платы.

Кое-гдѣ фабрики, закрытія ихъ владѣльцами, открывались и пускались въ ходъ государствомъ за свой счетъ⁵⁷).

Наконецъ, одна отрасль производства, ближе всего причастная къ продовольственному дѣлу — булочныя, очень часто объявлялись муниципализированными⁵⁸).

Единственная отрасль народного хозяйства, которая, дѣйствительно, находилась цѣликомъ подъ контролемъ государственнаго центра, была внѣшняя торговля.

Со времени введенія максимума „Комитетъ Общественнаго Спасенія“ со своими исполнительными комиссіями становится единственнымъ ея руководителемъ, концентрируя въ своихъ рукахъ всѣ разрѣшенія на вывозъ изъ Франціи какихъ-либо товаровъ (декретъ 10 фримэра г. II) и, вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, на ввозъ ихъ во Францію (декретъ 11 преріаля г. II)⁵⁹).

Но для ведущей войну почти по всѣмъ своимъ границамъ Франціи, невольно осуществлявшей въ эту пору опытъ „изолированнаго государства“, именно внѣшняя торговля получала второстепенное значеніе, такъ что дѣятельность центра въ этомъ отношеніи сводилась по существу къ организациі контрабандныхъ закупокъ и ввоза предметовъ самыхъ неотложныхъ потребностей ея военнаго хозяйства да еще къ запрещенію вывоза цѣлаго ряда продуктовъ.

Универсальная фиксація цѣнъ казалась современникамъ, размышлявшимъ надъ очередными проблемами времени въ ихъ наиболѣе обобщенной формѣ, средствомъ легко и просто разрѣшить проблему борьбы противъ обезцѣненія ассигнатовъ⁶⁰).

Дѣйствительно, если мѣновыя отношенія между товарами и ассигнатами оказались бы закрепленными на одномъ и томъ же уровнѣ, то проблема обезцѣненія послѣднихъ, въ сущности, переставала существовать; ибо основной критерій такого обезцѣненія — товарныя цѣны не могли бы продолжать своего повышательнаго движенія. Но, на дѣлѣ, фиксація цѣнъ на уровнѣ, не соответствовавшемъ реальному соотношенію денежной и товарной массъ, и особенно дальнѣйшее систематическое внѣдреніе въ народно-хозяйственный круговоротъ все новыхъ массъ денежныхъ знаковъ, представляли собою факторы столь сильнаго экономическаго дѣйствія, что противъ нихъ оказывалась безсильной всякая законодательная регламентація мѣновыхъ отношеній.

Такъ называемыя „экономическіе законы“ выражаютъ собою основныя формы массоваго поведенія людей и его варіацій подъ вліяніемъ измѣненія хозяйственныхъ условій и обстановки этого поведенія, измѣненія, учитываемаго экономической мотиваціей средне типическаго хозяйствующаго субъекта. Эти типическія устремленія массоваго поведенія являются столь устойчивымъ матеріаломъ, что активная борьба противъ нихъ „законовъ юридическихъ“, т.-е. предписаній государственной власти, почти неизбежно обречена на не-

удачу. Особенно ясно это проявляется тамъ, гдѣ измѣняющимся элементомъ экономической обстановки являются деньги, символизирующія собою всю совокупность хозяйственной мощи децентрализованной народно-хозяйственной системы и давящія, поэтому, съ наибольшей силой на экономическое поведеніе массъ.

Единственно, что достигается въ случаѣ борьбы законодательства противъ вырабатывающихся здѣсь тенденцій, это *приспособленіе внѣшняго выраженія этого поведенія къ формамъ, требуемымъ карательнымъ законодательствомъ эпохи.*

Регламентируемый элементъ какъ бы устраняется изъ сферы человеческихъ взаимоотношеній, а за нимъ вырабатывается новая, иная формація, худо ли, хорошо ли, но удовлетворяющая исходной хозяйственной потребности.

Первоначальная форма общенія какъ бы отмираетъ, атрофируется, и на ея мѣстѣ вырастаетъ новая.

Такое оставленіе неиспользованнымъ регламентируемаго отношенія и является основнымъ методомъ экономическаго разрушенія правовыхъ нормъ.

Поэтому, при послѣдовательномъ давленіи законодательства на хозяйственныя отношенія, арена борьбы между хозяйствомъ и закономъ послѣдовательно перемѣщается изъ одной сферы въ другую.

Поскольку законодательная фиксація товарныхъ цѣнъ нормируетъ послѣднія на уровнѣ, исчисленномъ примѣнительно къ наличному экономическому соотношенію товарной и денежной массъ (соотношенію общественнаго спроса и хозяйственной производительности) и въ соответствіи съ социальнымъ распредѣленіемъ этихъ массъ среди населенія, она стремится лишь противодѣйствовать спекулятивному взвинчиванію цѣнъ, и постольку *она получаетъ непосредственную поддержку въ правосознаніи народныхъ массъ*, которыя вынуждаютъ осуществлять законодательныя нормы въ значительной части сдѣлокъ внѣ какого-либо карательнаго или контрольнаго ихъ охраненія.

Но поскольку возрастающая денежная лавина дѣлаетъ старыя денежно-мѣновыя пропорціи экономически нереализуемыми, постольку предписанія декретовъ перестаютъ быть стимулами претворяемаго въ дѣйствіе правосознанія массъ и послѣднія становятся пассивными свидѣтелями, либо даже активными участниками, тѣхъ нарушеній твердыхъ цѣнъ, которыя они могли бы сами предотвратить.

Этотъ *параллелизмъ массоваго поведенія мѣръ экономической выполнимости декретируемыхъ нормъ* является одной изъ существеннѣйшихъ причинъ того явленія, что норма реализаціи твердыхъ цѣнъ прогрессивно понижается по мѣре возрастанія бумажно-денежной массы.

Чѣмъ больше расходуется послѣдняя съ наличнымъ уровнемъ фиксированныхъ цѣнъ, тѣмъ больше рационализируется стремленіе къ всяческому уклоненію отъ предписанныхъ нормъ и къ образованію нелегальнаго рынка.

Отвѣтомъ на эти уклоненія является карательное охраненіе закона, встрѣчающее преграду къ его примѣненію въ фактѣ полюбивности нелегальныхъ сдѣлокъ и соотвѣствія ихъ интересамъ обѣихъ сторонъ — какъ продавцовъ, такъ и покупателей — по крайней мѣрѣ, изъ среды зажиточныхъ слоевъ населенія, получающихъ въ свои руки, прежде всего, новые денежные знаки.

Отсюда возникаетъ дальнѣйшая тенденція подчинить весь частный торговый аппаратъ государственному контролю и регулированію и, далѣе, цѣликомъ замѣстить его общественной организаціей снабженія. Осуществленіе же послѣдней задачи неизбѣжно устремляется къ расширенію ея до универсальной цѣли обобществленія производства.

Такимъ образомъ, все возрастающее противорѣчіе между авторитарной фиксаціей цѣнъ и эмиссіонной политикой неизбѣжно приводитъ къ положенію, когда становится очевиднымъ, что разрѣшеніе противорѣчія можетъ быть произведено лишь двумя способами: либо коренной реорганизаціей всей производственной системы, либо ликвидаціей системы твердыхъ цѣнъ.

Первое въ условіяхъ времени Французской Революціи было невозможно и потому экономическое развитіе, послѣ ряда малоуспѣшныхъ бросковъ въ эту сторону, пошло по второму пути.

Правда, внѣ предѣловъ этой дилеммы, оставалась еще одна важная функція, выполнять которую въ системѣ эмиссіоннаго хозяйства могла бы раціональная политика твердыхъ цѣнъ.

Это не неразрѣшимая задача борьбы противъ обезцѣненія валюты и роста товарныхъ цѣнъ, но гораздо болѣе скромная цѣль противодѣйствія чисто спекулятивному взвинчиванію цѣнъ не на почвѣ объективныхъ условій денежнаго расширенія общественнаго спроса, но на основѣ чисто субъективныхъ моментовъ психологической паники и искусственныхъ задержекъ товарнаго обращенія.

Но, въ системѣ развитаго эмиссіоннаго хозяйства, неопредѣленно длительная *фиксация* цѣнъ не можетъ этой задачи разрѣшить и должна, въ осознаніи предѣловъ ея экономической активности и выполняемыхъ ею функцій, быть замѣнена раціональной *политикой* твердыхъ цѣнъ съ періодическимъ пересмотромъ вырабатываемыхъ пропорцій и приспособленіемъ ихъ къ непрестанно мѣняющимся объективнымъ условіямъ.

На этотъ путь, Французская Революція не вступила, ибо условія бушующей классовой борьбы были благоприятны лишь для постановки вопроса въ цѣломъ: или право индивидуальнаго экономическаго своеволия, или подавленіе всякаго экономическаго расчета вельніемъ государства.

Всякая политика, которая имѣла хотя бы внѣшній видъ чего-то промежуточнаго, по неумолимой логикѣ революціи была бы ликвидирована той группой, которая въ данное время была у власти.

Къ тому же и вырабатывавшійся опытъ хозяйственнаго регулированія былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы вывести современниковъ на правильную дорогу.

Разрушеніе системы твердыхъ цѣнъ, назрѣвавшее долгое время въ формѣ перелива товарной массы съ легальнаго рынка на нелегальный и значительнаго сокращенія товарныхъ оборотовъ въ цѣломъ, было юридически закрѣплено черезъ 15 мѣсяцевъ послѣ ихъ введенія.

Персонально эта ликвидація была произведена вождями термидоріанской реакціи, свергнувшей Робеспьера, для которыхъ система твердыхъ цѣнъ была прежде всего преградой свободѣ накопленія и символомъ попытокъ социализаціи хозяйства.

Отмѣной твердыхъ цѣнъ декретомъ 4 нивоза г. III (26 декабря 1794 г.) заканчиваются опыты проведенія активной денежной политики Французской Революціи и начинается эпоха упадочности, эпоха пассивной политики, разрушающей вскорѣ бумажно-денежную систему въ ея основѣ.

Эта пассивность вполне соотвѣтствуетъ общей политической и экономической реакціи эпохи, реакціи торжествующей съ конца 1794 года во всѣхъ направленіяхъ.

ныхъ цѣнъ, благодаря слишкомъ длительному закрѣпленію ихъ на одномъ и томъ же уровнѣ, тамъ немедленно возникаютъ заторы и въ товарообменѣ.

Товарообмѣнъ можетъ существовать лишь на основѣ взаимнаго соотвѣтствія величинъ денежной массы, съ одной стороны и денежнаго выраженія товарной массы — съ другой.

Поэтому, при возведеніи эмиссій въ систему, борьба против обезцѣненія валюты путемъ принудительнаго поддержанія на длинный рядъ мѣсяцевъ барьеровъ повышательному движенію цѣнъ является совершенно нераціональной. Цѣны должны быть перосматриваемы періодически, соотвѣтственно темпу использования денежной системы для цѣлей финансированія государственнаго аппарата.

Поскольку же ростъ цѣнъ отражаетъ въ себѣ эмиссионное обезцѣненіе валюты, поскольку норма возрастанія общаго уровня товарныхъ цѣнъ въ единицу времени выражаетъ ни что иное, какъ ту часть народно-хозяйственнаго дохода, которая изъемяется государствомъ при помощи эмиссій изъ частнаго обладанія и поглощается его расходнымъ бюджетомъ.

При относительномъ постоянствѣ потребностей государства вопросъ о скорости, послѣдовательности или *темплѣ* пониженія цѣнности денежной единицы ставится на очередь всей логикой развитія эмиссионнаго хозяйства и служитъ важнейшимъ матеріаломъ для предвидѣнія грядущихъ судебъ эмитируемой валюты.

Насколько рѣзкій сдвигъ и ускореніе обезцѣненія является сигналомъ бѣдствія и показателемъ появленія какихъ-то новыхъ факторовъ, дѣлающихъ опаснымъ положеніе бумажной валюты, настолько же устойчивость темпа (именуемаго въ его числовомъ выраженіи коэффициентомъ) обезцѣненія, является показателемъ надежности общей ситуаціи эмиссионнаго хозяйства, какъ такового.

Больше того: можно утверждать, что, какъ критеріемъ здороваго денежнаго хозяйства является устойчивость цѣнности денежной единицы, такъ *критеріемъ нормальнаго эмиссионнаго хозяйства является устойчивость темпа обезцѣненія ея.*

Логически, обезцѣненіе валюты должно одинаково отражаться во всѣхъ мѣновыхъ отношеніяхъ ея ко всякимъ инымъ объектамъ.

Фактически же, индивидуальныя свойства каждаго изъ такихъ объектовъ въ ихъ товарной и соціальной характеристикѣ, оказываютъ значительное вліяніе на ихъ пропорцію обмѣна съ единицей растущей денежной массы.

Свойства „отражающаго“ обезцѣненія валюты объекта, оказываются добавочнымъ моментомъ въ обрисовке самаго „отраженія“.

Основнымъ матеріаломъ, на которомъ можно прослѣдить варіаціи обезцѣненія валюты, являются: 1) иностранный вексельный курсъ

XI. Упадокъ бумажно - денежнаго обращенія.

1. Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса, какъ отразились различныя мѣры борьбы противъ обезцѣненія на судьбахъ французской бумажной валюты и къ чему привелъ отказъ отъ активной экономической политики, намѣтившійся съ паденіемъ якобинцевъ, мы должны прежде всего ознакомиться съ движеніемъ кривой обезцѣненія ассигнатовъ въ цѣломъ.

Обезцѣненіе эмитируемыхъ денегъ является, прежде всего, формой экономической компенсаціи самихъ эмиссій.

Выполнившие свое первоначальное заданіе изъятія изъ товарнаго оборота нужнаго для государственнаго аппарата количества реальныхъ цѣнностей, новыя деньги вѣдряются въ народно-хозяйственный организмъ и продолжаютъ циркулировать наряду со старыми, внѣ воли и контроля выпустившаго ихъ государства.

Неизбѣжной реакціей товарооборота на такое увеличеніе денежной массы является пониженіе мѣновой расцѣнки каждой отдѣльной единицы, составляющей ее.

Притомъ, такая реакція не только неизбежна, но и необходима, ибо она является методомъ поддержанія нормальной работы народно-хозяйственного механизма.

Ибо эмиссионное обезцѣненіе валюты является методомъ противодѣйствія избыточному возрастанію покупательной силы нѣкоторыхъ группъ населенія, вносящему необычайную путаницу въ налаженные мѣновыя отношенія и дезорганизирующему всю систему производства путемъ внутренней перетасовки выработавшейся системы спроса.

Нейтрализуя чрезмѣрное накопленіе денежныхъ знаковъ, пониженіе экономического значенія денежной единицы становится тѣмъ самымъ орудіемъ принудительнаго возстановленія товарообмѣна въ странѣ.

И наоборотъ: тамъ, гдѣ реальное обезцѣненіе валюты приостанавливается благодаря задержкѣ въ повышательномъ движеніи товар-

(стоимость иностранной валюты тожд): 2) стоимость золота в бумажно-денежных единицах и 3) общий уровень товарных цен.

Что касается движения расценок иностранной валюты, то оно, безусловно, не может служить точным отражением совершающегося обезценія национальной валюты.

Внѣшнія междувалютныя отношенія испытываютъ на себѣ вліяніе цѣлаго ряда совершенно своеобразныхъ моментовъ, какъ-то: состояніе внѣшняго товарообмѣна, состояніе расчетнаго баланса, перспективы международныхъ кредитныхъ отношеній и т. д. Эти вліянія столь перемѣнчивы, что въ общей формѣ нельзя опредѣлить ни на правленіе уклоненія международно валютныхъ расценокъ отъ уровня внутри-національнаго обезценія валюты, изъ которыхъ первыя — то обгоняютъ второе, то отстаютъ отъ него, ни степень ихъ расхожденія, которая бываетъ въ одной обстановкѣ велика, а въ другой — почти совершенно сводится на нѣтъ.

Второе отраженіе обезценія даетъ кривая ценъ золота въ бумажной валютѣ страны.

Но и она выражаетъ своими колебаніями результаты воздѣйствія различныхъ постороннихъ факторовъ.

Съ одной стороны, золото, какъ „міровая валюта“, находится въ тѣсномъ взаимодействіи съ иностраннымъ вексельнымъ курсомъ, и его расцѣнка имѣетъ тенденцію рефлекторно отражать, хотя и въ своеобразно преломленныхъ очертаніяхъ, колебанія этого курса въ валютѣ странъ, богатыхъ золотомъ и обезпечивающихъ имъ размѣнъ своихъ бумажекъ.

Съ другой стороны, золото, какъ „универсальный эквивалентъ“ и цѣнность, носящая гарантіи устойчивости въ себѣ самой, становится въ экономическомъ водоворотѣ, вызываемомъ эмиссіями, излюбленнымъ объектомъ накопленія.

Функция сокровища выдвигается здѣсь на первый планъ и, затмевая собою все остальное, порою радикально мѣняетъ самый принципъ мѣновой расцѣнки звонкой монеты.

Воспріявшая, такимъ образомъ, эти двоякія воздѣйствія внутреннихъ (народно-хозяйственныхъ) и внѣшнихъ (международныхъ) факторовъ, расцѣнка золота также не можетъ считаться вполнѣ объективнымъ (пассивнымъ) мѣриломъ обезценія бумажной валюты.

Лишь третій критерій — *движеніе товарныхъ ценъ страны* въ ихъ совокупности — наиболее точно выполняетъ эту функцію.

Экономически движение товарныхъ ценъ является рѣшающимъ опредѣлителемъ линіи обезценія бумажной валюты, прежде всего, потому, что внутри національное товарное примѣненіе ея составляетъ обычное свыше 95% всѣхъ случаевъ ея примѣненія; такъ что внѣшне-валютная циркуляція (обмѣнъ на иностранную валюту и обратно), вмѣстѣ съ внутренней бумажно-металлической циркуляціей (обмѣнъ

на золото), совершенно теряются на фонѣ внутренней товарной циркуляціи бумажныхъ денегъ.

Однако, именно, этого показателя по отношенію къ французскимъ ассигнатамъ мы лишены.

Всѣ сохранившіяся и извлеченныя доннынѣ изъ архивовъ данныя имѣютъ случайный, отрывочный характеръ и въ ни какую общую схему совокупнаго развитія не сводимы.

Сколько нибудь полныя показанія мы имѣемъ лишь въ отношеніи ценъ металла, да отчасти ценъ иностранной валюты.

Что касается первой — движениа ценъ металла, то на нее, если даже отвлечься отъ ея связи съ иностраннымъ вексельнымъ курсомъ, несомнѣнно, значительное вліяніе оказалъ тотъ вариантъ психологическихъ колебаній при спросѣ на металлъ, который обусловливается объективно зигзагами политическаго и соціального развитія и субъективно мѣрой опасенія за свое имущество со стороны его владельцевъ.

По сравненію съ этими колебаніями мѣновая расцѣнка потребительныхъ цѣнностей (товаровъ) представляется весьма устойчивой, опредѣляясь всей сложившейся конфигураціей общественнаго спроса и привычнаго потребленія.

Все же, если отвлечься отъ сдвиговъ въ болѣе короткіе промежутки времени и разсматривать кривую обезценія валюты въ цѣломъ, и въ ея наиболее крупныхъ изломахъ, то движение „металлическаго курса“ ассигнатовъ даетъ необходимыя показанія о темпѣ и послѣдовательности ихъ дѣйствительнаго обезценія.

Движеніе же международнаго курса зафиксировано во Франціи лишь для двухъ періодовъ изслѣдуемой эпохи. Это періоды отъ марта 1790 года до апрѣля 1793 г. и отъ августа 1795 г. до марта 1796 г. Связь между ними прервана закрытіемъ Парижской Биржи и преслѣдованіемъ сдѣлокъ на иностранную валюту.

Болѣе полныя матеріалы, касающіеся обратныхъ котировокъ французскихъ ассигнатовъ на иностранныхъ биржахъ, покоятся въ глубинѣ англійскихъ, голландскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и др. архивовъ; извлечены, и то лишь совсѣмъ недавно, только отмѣтки Гамбургской Биржи, дающіе любопытную картину.

По вопросу о экономическомъ соотношеніи внутренняго и внѣшняго обезценія ассигнатовъ у современниковъ (къ нимъ присоединился и Жоресъ ¹⁾), существовало непоколебимое убѣжденіе, что внутреннее обезценіе *вызывается* внѣшнимъ, что паденіе курса ассигнатовъ въ металлической монетѣ и ростъ товарныхъ ценъ является *результатомъ* паденія иностраннаго вексельнаго курса.

Между тѣмъ, точный цифровой анализъ этого совершенно не подтверждаетъ.

Въ таблицѣ IV-ой мы сопоставляемъ официальные данныя о

ТАБЛИЦА IV.

ПЕРИОДЫ	ЦѢНА АССИГНАТОВЪ					
	Въ металлѣ		Въ Голланд. валютѣ		Въ Английск. валютѣ	
	Абсолют.	Относит. (приним. цѣну въ мартѣ 1790 г. за 100).	Абсолют.	Относит. (приним. цѣну въ мартѣ 1790 г. за 100).	Абсолют.	Относит. (приним. цѣну въ мартѣ 1790 г. за 100).
1	2	3	4	5	6	7
1790 г.						
Мартъ	94	100	51,3	100	26,6	100
Апрѣль	94	100	50,0	97	25,7	97
Май	94	100	—	—	—	—
Юнь	95	101	52,3	102	27,3	103
Юль	95	101	52,6	103	27,2	102
Августъ	92	98	51,1	100	26,8	101
Сентябрь	91	97	51,2	100	26,1	98
Октябрь	91	97	50,5	99	25,7	97
Ноябрь	90	96	50,1	98	25,5	97
Декабрь	92	98	50,5	99	25,6	97
1791 г.						
Январь	91	97	49,5	97	25,2	95
Февраль	91	97	49,2	96	25,4	96
Мартъ	90	96	49,1	96	25,3	95
Апрѣль	89	94	48,1	94	24,8	93
Май	85	90	46,1	90	23,6	82
Юнь	85	90	44,6	87	23,2	87
Юль	87	93	42,2	86	23,1	87
Августъ	79	84	43,7	85	23,5	88
Сентябрь	82	87	44,0	86	22,6	85
Октябрь	84	89	44,2	86	23,2	87
Ноябрь	82	87	43,0	84	22,6	85
Декабрь	77	82	39,2	76	20,4	77
1792 г.						
Январь	72	77	34,1	66	18,2	68
Февраль	61	65	30,1	59	16,4	61
Мартъ	59	63	29,3	57	16,4	61
Апрѣль	68	72	32,3	63	18,0	68
Май	58	62	30,5	59	16,5	62
Юнь	57	61	33,0	64	18,2	68
Юль	61	65	33,0	64	17,8	67
Августъ	61	65	32,6	64	17,5	66
Сентябрь	72	77	35,3	69	19,0	71
Октябрь	71	76	35,3	69	19,0	71
Ноябрь	73	78	37,0	72	19,8	74
Декабрь	72	77	36,2	70	18,4	69
1793 г.						
Январь	51	54	28,1	55	15,1	57
Февраль	52	55	29,0	57	15,3	58
Мартъ	51	54	28,8	56	14,7	53

цѣнѣ ассигнатовъ въ металлической валютѣ съ движеніемъ иностраннаго вексельнаго курса, исчисленнаго нами въ ежемѣсячныхъ среднихъ на основаніи ежедневныхъ показаній о котировкахъ Парижской Биржи (сдѣлки на Амстердамъ и Лондонъ), печатавшихся въ офиціальномъ изданіи „Moniteur Universel“ за соотвѣтствующій періодъ времени. (См. таб. IV).

Сравнивая рубрики 3, 5 и 7 этой таблицы, легко увидѣть, что отклоненія иностраннаго курса отъ внутренняго металлическаго курса ассигнатовъ сравнительно незначительны и притомъ обѣ эти линіи какъ бы обвиваютъ другъ друга. Если въ 1790 году внутреннее обезцѣненіе нѣсколько опережаетъ внѣшнее, то съ половины 1791 г. въ теченіе всего 1792 г. внѣшнее идетъ впереди внутренняго. При этомъ Голландія имѣетъ тенденцію въ общемъ ниже цѣнить французскую валюту, чѣмъ Англія.

Но въ 1793 году внутреннее обезцѣненіе снова обгоняетъ паденіе расцѣнокъ иностраннаго курса, и идетъ впереди также и послѣ 2-хъ лѣтъ перерыва въ функционированіи Парижской биржи и новой легализаціи сдѣлокъ на иностранную валюту.

ТАБЛИЦА V.

ПЕРИОДЫ	Курсъ ассигнатовъ въ металлѣ		Курсъ ассигнатовъ въ голландской валютѣ.	
	Абсолютн. (ливры).	Относит. (принимая за 100 цѣну въ мартѣ 1790 г.).	Абсолютн. (ливры).	Относит. (принимая за 100 цѣну въ мартѣ 1790 г.).
1	2	3	4	5
1795 г.				
Августъ	2,72	2,9	1,4	2,7
Сентябрь	2,08	2,2	1,4	2,7
Октябрь	1,36	1,4	1,5	2,9
Ноябрь	0,77	0,82	0,7	1,4
Декабрь	0,52	0,55	0,4	0,78
1796 г.				
Январь	0,46	0,49	0,3	0,58
Февраль	0,35	0,37	0,3	0,58
Мартъ	0,36	0,38	0,2	0,39

Довольно сходную картину тѣснаго взаимодействія обѣихъ линій даетъ сопоставленіе металлическаго курса ассигнатовъ съ котировками французской валюты на Гамбургской биржѣ (въ шиллингахъ такъ наз. Гамбургской „биржевой валюты“).

(См. діаграмму № 1) ²).

Поэтому, мы можемъ въ дальнѣйшемъ разсматривать лишь одну изъ этихъ кривыхъ — основную линію внутренняго обезцѣненія французскихъ бумажныхъ денегъ въ металлѣ.

Цифровой матеріалъ сопоставленъ въ слѣдующей таблицѣ ³⁾.

ТАБЛИЦА VI.

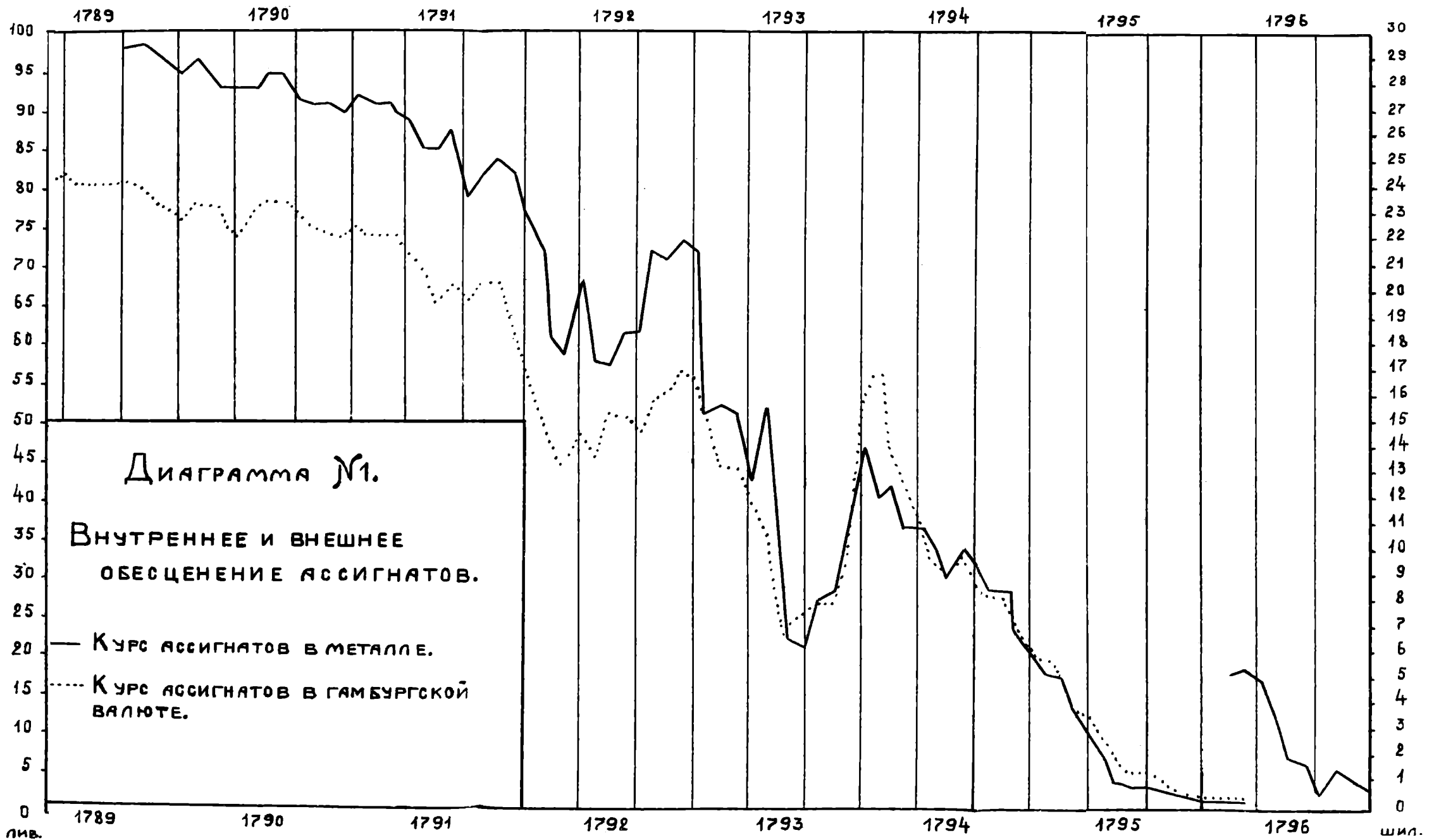
Годы. Мѣсяцы.	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Январь	—	96	91	72	51	40	18	0,46
Февраль	—	95	91	61	52	41	17	0,35
Мартъ	—	94	90	59	51	36	13,28	0,36
Апрѣль	—	94	89	68	43	36	10,71	—
Май	—	94	85	58	52	34	6,52	—
Іюнь	—	95	85	57	36	30	3,38	—
Іюль	—	95	87	61	23	34	3,09	—
Августъ	98	92	79	61	22	31	2,72	—
Сентябрь	98	91	82	72	27	28	2,08	—
Октябрь	97	91	84	71	28	28	1,36	—
Ноябрь	96	90	82	73	33	24	0,77	—
Декабрь	95	92	77	73	48	20	0,52	—

Диаграмма 1

Первые три этапа обезцѣненія, охватывающіе періодъ до середины 1791 г., мы изслѣдовали въ началѣ гл. IV-ой. Изломы кривой мы объяснили превращеніемъ ассигнатовъ изъ кредитнаго средства въ циркуляторное, изъ облигацій въ бумажныя деньги.

Со времени завершения этого процесса, всю вторую половину 1791 года и первую половину 1792 года, если отвлечься отъ краткосрочныхъ зигзаговъ, продолжается быстрое обезцѣненіе ассигнатовъ падающихъ къ концу этого періода до 57% ихъ номинальной стоимости. Столь значительное паденіе цѣнности еще не находитъ себѣ объективной опоры въ увеличеніи денежной массы и разрастаніи платежеспособнаго спроса и объясняется иными условіями.

Это была пора, когда бумажная валюта циркулировала наряду съ металлической, когда основаніе цѣнности ассигнатовъ принципиально мыслилось еще въ ихъ кредитной природѣ, и когда въ биржевыхъ сдѣлкахъ мѣра довѣрія къ возможности будущаго размѣна и гарантіямъ погашенія ассигнаціонныхъ обязательствъ играла суще-

лив.

шил.

ственную роль въ опредѣленіи ихъ мѣновыхъ пропорцій къ „самодѣльному“ металлу.

При такихъ условіяхъ, всякое ухудшеніе экономическаго положенія страны вообще и ея финансово-политической власти въ частности отражается въ ухудшеніи курса ея бумажно денежныхъ знаковъ; и, наоборотъ, укрѣпленіе политической власти, внутреннее и внѣшнее, и улучшеніе экономическаго положенія отражаются всегда въ приданіи большей устойчивости финансовымъ перспективамъ и повышеніи курса бумажныхъ денегъ съ ихъ двойственной кредитно-циркуляторной природой.

Правда, такое перемежающееся вліяніе входитъ составнымъ элементомъ „внутренней“ цѣнности бумажныхъ денегъ лишь постольку, поскольку параллельно съ ними обращаются лучшіе денежные знаки — металлическіе, выполняющіе функціи товарообмѣна и безъ добавочной массы бумажекъ.

Лишь благодаря сравненію съ металломъ и за счетъ устойчивой цѣнности звонкой монеты являются возможными кредитно-политическія колебанія расцѣнки бумажныхъ знаковъ внутри страны, внѣ соотвѣтствія съ измѣненіями ихъ массы, ибо совокупная цѣнность циркуляторной массы въ цѣломъ является величиной устойчивой, отражающей въ себѣ цѣнность товарнаго обращенія.

Но въ условіяхъ параллельной циркуляціи такое относительное обезцѣненіе части денежной массы становится весьма актуальнымъ.

Нѣкоторымъ коррективомъ значительнаго паденія курса ассигнаговъ въ первую половину 1792 г. явилось повышеніе курса во второй половинѣ года, поднявшее ихъ расцѣнку выше уровня, на которомъ она держалась въ началѣ года. Ассигнаты котировались:

въ январѣ 1792 г.	— 72 л.	за 100
„ іюль	„ „	— 57 „ „
„ ноябрѣ	„ „	— 73 „ „
„ декабрѣ	„ „	— 72 „ „

Въ послѣдніе мѣсяцы 1792 года рѣшающимъ факторомъ этого повышенія явились внѣшнія побѣды французскихъ войскъ, предводительствуемыхъ Гошемъ и Пишегрю подъ Вальми, на Рейнѣ и въ Бельгіи.

Напротивъ, рѣзкое ухудшеніе военнаго положенія въ началѣ 1793 года отразилось въ столь же рѣзкомъ сдвигѣ металлическаго курса ассигнаговъ: измѣна Дюмурье, отступленіе французской арміи съ Рейна, роялистскія возстанія внутри Франціи — все это учитывалось въ биржевыхъ сдѣлкахъ, какъ моменты, понижающіе вѣроятность укрѣпленія финансовой системы и возстановленія полноцѣнности бумажныхъ денегъ ⁴⁾.

Паденіе курса продолжается съ января до августа, когда новое

улучшение отражается в новом рѣзкомъ броскѣ вверхъ кривой расцѣнокъ ассигнатовъ.

Однако, въ этомъ новомъ подъемѣ сказывается вліяніе еще одного существеннаго обстоятельства циркуляторной исторіи ассигнатовъ.

Съ апрѣля 1793 года законъ вводитъ принудительную равноцѣнность ассигнатовъ съ металломъ въ обращеніи и запрещаетъ расцѣнку ассигнатовъ съ лажемъ на металлъ. Правда, *непосредственно* воздѣйствія на реальную металлическую расцѣнку ассигнатовъ это предписание не оказываетъ. Пбо тамъ, гдѣ внутреннія между-валютныя (бумажно-металлическія) сдѣлки производятся, онѣ производятся полюбовно между договаривающимися сторонами и тѣмъ самымъ изъемяются изъ подчиненія всѣмъ предписаніямъ, кромѣ предписаній экономическаго расчета.

И тѣмъ не менѣе *посредственное* вліяніе этого предписанія огромно.

Дѣло въ томъ, что поскольку это предписание охранялось карательной санкціей *сфера циркуляціи* металла весьма значительно сокращалась. Она ограничивалась, какъ мы говорили въ гл. VII-ой, сдѣлками биржевыми и спекулятивными, тамъ, гдѣ стороны могли быть увѣрены во взаимной заинтересованности въ заключеніи сдѣлки. Широкія же массы населенія не только не были заинтересованы въ циркуляціи металла наряду съ бумагой, но, наоборотъ, ясно видѣли вредное вліяніе металлическаго обращенія на бумажное, являвшееся уже давно основнымъ орудіемъ товарообмѣна, и прямо требовали развѣнчанія металла и лишенія его привилегированнаго положенія.

Поэтому, съ изданіемъ карательныхъ декретовъ звонкая монета быстро была вытѣснена изъ *товарнаго* оборота, путемъ тезаврированія ея болѣе зажиточными группами населенія, концентраціей въ капитальномъ обращеніи и отчасти утечкой за границу.

Но, тѣмъ самымъ, мѣновая (товарная) расцѣнка ассигнатовъ должна была значительно улучшиться, ибо благодаря этому общая величина циркуляторнаго фонда Франціи значительно сократилась.

А это обстоятельство, въ свою очередь, не могло оказать вліянія и на курсъ ассигнатовъ въ нелегальныхъ между-валютныхъ сдѣлкахъ. Ибо, увеличеніе *товарной* цѣнности бумажной единицы, при сравненіи ея съ относительно постоянной цѣнностью металлической монеты, неизбѣжно отражалось въ видѣ повышенія и *металлическаго* курса бумажныхъ денегъ.

Но весь этотъ процессъ могъ начаться лишь съ того момента, когда карательная санкція достигла достаточной степени грозности для того, чтобы оказать вліяніе на массовое поведеніе и когда она стала активно проводиться въ жизнь органами власти въ центрѣ и на мѣстахъ.

Именно поэтому, первые декреты апрѣля 1793 года не отразились на движеніи металлическаго курса ассигнатовъ.

Не только карательная санкція была здѣсь слаба, но и самые декреты были приняты противъ воли жирондистскимъ правительствомъ, которое, отнюдь не имѣло желанія слѣдить за ихъ выполненіемъ.

Напротивъ, послѣ паденія жирондистовъ, декреты 1-го августа и 5 сентября 1793 года отразились весьма актуально въ переломѣ кривой курса ассигнатовъ и въ томъ рѣзкомъ броскѣ вверхъ, которымъ отмѣчена вторая половина 1793 года.

Въ томъ же направленіи должно было вліять введеніе максимальныхъ цѣнъ на товары, которыя, худо ли, хорошо ли, на время закрѣпляли покупательную силу бумажно-денежной единицы въ ея отношеніи къ определенной части товарной массы.

Простая *возможность* получить нѣкоторую часть товаровъ по низкой максимальной цѣнѣ сейчасъ же учитывалась биржевымъ оборотомъ, какъ моментъ, сопоставляемый съ товарной расцѣнкой ассигнатовъ въ тѣхъ массовыхъ сдѣлкахъ, которыя закону о максимумѣ не подчинялись, и приводила къ исчисленію нѣкоторой *средней*, явившейся результатомъ суммированія покупательной силы бумажной единицы въ обоихъ случаяхъ.

Если такъ объясняется второе повышение курса ассигнатовъ во второй половине 1793 года и въ первой 1794 г., то съ середины 1794 года паденіе курса пріобрѣтаетъ характеръ неуклонный, длящійся вплоть до полной ликвидации ассигнаціоннаго обращенія.

Движеніе кривой получаетъ здѣсь видъ полнаго крушенія цѣнности ассигнатовъ, которое еще ярче обрисовывается при анализѣ *темпа* обезцѣненія ихъ.

Такъ какъ кривая обезцѣненія ассигнатовъ является, какъ мы видели, весьма извилистой линіей, то ни сравненіе ежемѣсячныхъ данныхъ о курсѣ ассигнатовъ, ни сравненіе ихъ за періоды дальше, отстоящіе другъ отъ друга не дасть намъ вполнѣ точнаго представленія о *темпѣ* обезцѣненія въ цѣломъ.

Впрочемъ, зигзаги эти расположены такъ, что сопоставляя данные о курсѣ за январь и іюль (т. е. *черезъ* полугодіе) мы получаемъ одну почти непрерывную линію (см. таблицу VII).

Хотя эта схема не вполне единообразна, ибо второе полугодіе 1793 г. показываетъ повышеніе расцѣнки ассигнатовъ вмѣсто пониженія ея, но и она уясняетъ намъ специфическую закономерность развитія.

Вся схема явственно распадается на *три основные этапа* съ весьма устойчивыми нормами обезцѣненія для cadaго изъ нихъ.

Первый этапъ охватываетъ первые четыре полугодія (1790 — 1791 г.). Норма обезцѣненія равняется здѣсь 4—5% съ единственнымъ исключеніемъ для второго полугодія 1790 г., когда она падаетъ до 1%.

Второй этапъ захватываетъ цѣлыхъ три года (1792 — 1794 г.г.) когда норма обезцѣненія также весьма устойчива и колеблется въ

узкихъ пределахъ 15%—17%. Но здѣсь есть весьма крупный зигзагъ *внизъ*: съ января по июль 1793 г. разцѣнка ассигнатовъ падаетъ на цѣлыхъ 55%, но зато съ июля 1793 г. по январь 1794 г. она *повышается* на 74% июльской нормы. Такъ что въ итогѣ норма обезцѣненія за оба полугодія равняется лишь 22% пли въ среднемъ по 11% въ полугодіе. Но какъ до этого зигзага въ теченіе трехъ полугодій норма обезцѣненія равнялась 15%—17%, такъ и послѣ него она вернулась къ тѣмъ же 15%.

Наконецъ, послѣдній періодъ, образуемый изъ послѣднихъ 3-хъ полугодій характеризуется сокрушительнымъ ускореніемъ темпа обезцѣненія: въ первое полугодіе онъ ускоряется втрое, достигая 47%, въ дальнѣйшіе два еще почти удваивается, также съ своеобразнымъ постоянствомъ достигнутой нормы въ 83%—85%.

ТАБЛИЦА VII.

СРОКИ	Средній курсъ за данный мѣсяць.	Паденіе по сравненію съ предыдущимъ показаніемъ
1	2	3
Январь 1790 г.	96 ливр.	— 4%
Июль	95 „	— 1%
Январь 1791 г.	91 „	— 4,2%
Июль	87 „	— 5,5%
Январь 1792 г.	72 „	— 17,2%
Июль	61 „	— 15,3%
Январь 1793 г.	51 „	— 16,4%
Июль	23 „	— 55%
Январь 1794 г.	40 „	+ 74%
Июль	34 „	— 15%
Январь 1795 г.	18 „	— 47%
Июль	3,09 „	— 83%
Январь 1796 г.	0,46 „	— 83%
Мартъ	0,36 „	—

Для того, чтобы устранить тотъ перерывъ въ линіи развитія, который вносится зигзагомъ 1793—1794 гг., сравнимъ между собою разцѣнку ассигнатовъ съ промежутками въ цѣлый годъ. Картина получится еще болѣе обобщенная (см. таблицу VIII).

ТАБЛИЦА VIII.

СРОКИ	Средній курсъ за мѣсяць январь каждого года.	Норма обезцѣненія по сравненію съ предыдущимъ показаніемъ.	
		Абсолютн.	Относит.
1	2	3	4
1790 г.	96 ливр.	— 4 ливр.	— 4%
1791 г.	91 „	— 5 „	— 5%
1792 г.	72 „	— 19 „	— 21%
1793 г.	51 „	— 21 „	— 29%
1794 г.	40 „	— 11 „	— 22%
1795 г.	18 „	— 22 „	— 55%
1796 г.	0,46 „	— 17,54 „	— 97,5%

Схема въ общемъ вполне подтверждаетъ первую. Первые два года норма обезцѣненія равна 4—5%; следующие три года 21—29%; послѣдніе два года — удвоеніе и учетвереніе нормы: за 1794 г. (фактически какъ мы видѣли изъ предыдущей таблицы, главнымъ образомъ за *вторую половину* 1794 г.) она достигаетъ 55% и за 1795 г. даже 97½%.

И вотъ что замѣчательно: средніе три года полномѣрнаго развитія эмиссионной политики (1792—1794 г.г.) даютъ среднюю норму ежегоднаго обезцѣненія валюты въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ ея реальной стоимости (21 — 29%) къ началу каждого года.

Но выше мы апріорно вывели, что въ нормальныхъ условіяхъ развитія эмиссионнаго хозяйства норма обезцѣненія валюты есть ничто иное, какъ показатель той доли реальныхъ цѣнностей, которыя государству удается выкачать изъ народно хозяйственнаго оборота при помощи эмиссионнаго аппарата.

И теперь легко убѣдиться, что $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ это какъ разъ та доля, которую составляли государственно бюджетныя нужды накануне революціи при *налоговомъ* строеніи финансоваго аппарата *).

Разница лишь въ томъ, что покрытіе долговъ, составлявшее главный балластъ до революціоннаго бюджета, замѣнилось военными расходами въ эти революціонные годы.

Помимо произведеннаго сравненія основныхъ моментовъ развитія обезцѣненія, можно пожелать еще учесть относительное значеніе зигзаговъ, лежащихъ между этими пунктами.

Можно сказать, что всѣ сводки и схемы, подобныя приведен-

*) См. выше, стр. 4.

нимъ, сградають однимъ серьезнымъ дефектомъ: они представляютъ собою искусственное выдѣленіе линій обезцѣненія сравнительно наибольшей устойчивости, но пунктами сравненія являются показатели, имѣющіе реальное значеніе лишь для небольшихъ отрывковъ времени.

Устранить этотъ дефектъ и выразить общія тенденціи или переломы развитія съ достаточной степенью точности можно лишь исчисляя *среднія курса ассигнаатовъ цѣлые періоды*, сравнимаемые между собою такимъ образомъ, чтобы эти среднія отражали бы все реальное движеніе курса за тѣ промежутки времени, которые произвольно опускаются при табличной сводкѣ разсмотрѣннаго типа.

Принимая такимъ основнымъ періодомъ полугодіе, мы получимъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА IX.

ПОЛУГОДІЯ	Средній курсъ за полугодіе	Обезцѣненіе по сравненію съ каждымъ предыдущимъ полугодіемъ.	
		Абсолютн.	Относит.
	(в ъ л и в р а х ъ)		
1789 г. 2-е полуг.	96,80	— 3,20	— 3,2%
1790 г. 1-е „	94,66	— 2,14	— 2,2%
„ 2-е „	91,83	— 2,83	— 3,0%
1791 г. 1-е „	88,50	— 3,33	— 3,6%
„ 2-е „	81,83	— 6,67	— 7,5%
1792 г. 1-е „	62,50	— 19,33	— 23,5%
„ 2-е „	68,33	+ 5,87	+ 9,4%
1793 г. 1-е „	48,50	— 19,87	— 29,0%
„ 2-е „	30,17	— 18,33	— 38,0%
1794 г. 1-е „	36,17	+ 6,00	+ 19,9%
„ 2-е „	27,50	— 8,33	— 23,0%
1795 г. 1-е „	11,48	— 16,02	— 58,3%
„ 2-е „	1,76	— 9,72	— 84,8%
1796 г.: январь — мартъ . .	0,39	— 1,27	— 72,7%

Однако и здѣсь основные этапы, намѣченные нами, находятъ свое выраженіе: первые четыре полугодія съ крайне медленнымъ и почти тождественнымъ темпомъ обезцѣненія; среднія 6 полугодій съ также довольно устойчивымъ темпомъ обезцѣненія; среднія 6 полугодій съ также довольно устойчивымъ темпомъ въ 23—29—38—23%, прерываемые

двумя скачками вверхъ въ 9 и 20%, изъ коихъ второй непосредственно компенсируетъ чрезмѣрное предшествующее обезцѣненіе въ 38%; и затѣмъ послѣднія три полугодія крушенія и развала.

Наконецъ, перерабатывая эту таблицу путемъ исчисления средняго курса за цѣлые годы для того, чтобы устранить отмѣтившуюся здѣсь двукратную прерывность линіи обезцѣненія, мы получаемъ такую схему.

ТАБЛИЦА X.

П Е Р І О Д Ы	Средній курсъ за годъ.	Норма обезцѣненія за годъ.	
		Абсолютн.	Относит.
1	2	3	4
	(в ъ л и в р а х ъ)		
1789 г. (втор. пол.)	96,80	— 3,20	— 3,2%
1790 г.	93,25	— 3,55	— 3,7%
1791 г.	85,17	— 8,08	— 8,7%
1792 г.	65,42	— 19,75	— 22,7%
1793 г.	39,33	— 26,09	— 39,9%
1794 г.	31,83	— 7,50	— 19,0%
1795 г.	6,67	— 25,16	— 79,0%
1796 г. (январь—мартъ). . .	0,39	— 6,28	— 94,0%

Изъ центрального трехлѣтія 23% и 19% могутъ считаться нормальнымъ отраженіемъ эмиссионнаго овладѣнія государствомъ долей національнаго дохода. Повышеніе же ея до 40% въ 1798 г. по сравненію съ 1792 годомъ можно отнести за счетъ описанной выше неумѣлой валютной политики и недовѣрія къ кредитно-политической надежности Революціи; при этомъ, такое избыточное обезцѣненіе отчасти компенсируется нѣкоторымъ сокращеніемъ нормы обезцѣненія въ слѣдующій 1794 г. до 19% вмѣсто 23% предшествующаго 1792 г.

Всѣ схемы съ совершенной несомнѣнностью явствуютъ, что съ половины 1794 г. и особенно съ начала 1795 года, начинается полный развалъ ассигнаціоннаго обращенія, норма обезцѣненія котораго въ эту пору не можетъ быть оправдана ни какими внутренними причинами.

Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ можно объяснить этотъ неожиданно рѣзкій переломъ въ темпѣ обезцѣненія? Новымъ взрывомъ кредитно-политическаго недовѣрія къ финансовымъ возможностямъ Франціи, какъ это было въ 1793 году?

Но это была эпоха прогрессирующей реакции, эпоха, когда власть быстрым темпом переходила в руки все больше и больше правых групп, выразивших различные политические течения экономически единой побѣдоносной буржуазии. Это была эпоха, когда экономические опыты и мѣропріятія Революціи ликвидировались съ поспѣшностью равной лишь желанію новыхъ властителей насладиться плодами обогащенія отъ земельныхъ спекуляцій и выкупа феодальныхъ институтовъ продажныхъ должностей, отъ военныхъ поставокъ и отъ всей товарной конъюнктуры эмиссионнаго хозяйства. Это была эпоха, когда расцвѣтающій капитализмъ увѣренно укрѣплялъ свои экономическія позиціи, а съ ними и свою финансовую систему.

Это была, стало быть, эпоха, когда быстро улучшающееся, съ точки зрѣнія буржуазіи, общее экономическое положеніе и ликвидація попытокъ соціальной демократіи 1793 г. сулили блестящія перспективы капиталистическаго развитія и не могли не повлечь за собою быстрого улучшенія финансового положенія страны.

Наконецъ, и военное положеніе, закрѣпленное побѣдами революціонныхъ армій также значительно улучшилось.

Въ такой обстановкѣ могли существовать условія для недоувѣрія къ финансовымъ возможностямъ Франціи, но не могло создаться условій для катастрофическаго *возрастанія* этого недоувѣрія по сравненію съ предшествующей эпохой разрушенія всѣхъ кредитныхъ и всѣхъ капиталистическихъ отношеній вообще.

Значить, не здѣсь нужно искать разгадку вопроса.

Тогда, быть можетъ, разгадка заключается въ чрезмѣрномъ увеличеніи денежной массы въ эту пору, въ перенапряженіи самого эмиссионнаго аппарата?

Это мнѣніе является въ сущности общепризнаннымъ и закрѣпленнымъ санкціей на болѣе авторитетныхъ среди современныхъ изслѣдователей исторіи бумажно-денежныхъ системъ.

Такъ, напримѣръ, И. И. Кауфманъ называетъ выпуски 1795 г. и 1796 г. „злоумышленнымъ озорствомъ, явно рассчитаннымъ на уничтоженіе всякой цѣнности ассигнацій или, иначе говоря, намѣреннымъ и безцеремоннымъ банкротствомъ“⁵⁾.

Такъ же и М. И. Туганъ-Барановскій пишетъ: „Послѣ 1 апрѣля 1795 г. начинаются уже совершенно безумные выпуски ассигнацій, въ нѣсколько мѣсяцевъ достигающіе колоссальной суммы.... Только послѣ этого французскіе ассигнаціи утрачиваютъ свою цѣнность“⁶⁾.

2. Посмотримъ, каково же было дѣйствительное вліяніе эмиссій на кривую обезцѣненія бумажной валюты. Къ сожалѣнію, данныя, на основаніи которыхъ можно было бы рѣшить этотъ вопросъ, страдаютъ существенной неполнотой. Точныя цифры о ежемѣсячныхъ выпускахъ ассигнатовъ мы имѣемъ лишь начиная съ 1 мая 1794 года. До этого

мы располагаемъ лишь нѣкоторыми отрывочными данными, изъ которыхъ иныя страдаютъ несомнѣнной приблизительностью.

Сопоставляя эти данныя, собранныя изъ разныхъ показаній, мы получимъ такую сводку.

ТАБЛИЦА XI.

СРОКИ	Количество ассигнатовъ въ обращеніи.	Увеличеніе по сравненію съ каждымъ предыдущимъ показаніемъ	Курсъ ассигнатовъ (100 л.) въ металлѣ	Паденіе по сравненію съ каждымъ предыдущимъ показаніемъ
1	2	3	4	5
1789 г.				
1 августа	120.000.000 ливр.	—	98 л.	— 2%
1790 г.				
1 октября	400.000.000 „	+ 233%	91 „	— 7%
1791 г.				
1 іюня	912.000.000 „	+ 128%	85 „	— 7%
1 октября	1.151.000.000 „	+ 26%	84 „	— 1%
1 ноября	1.250.000.000 „	+ 9%	82 „	— 2%
15 декабря	1.400.000.000 „	+ 12%	77 „	— 6%
1792 г.				
1 апрѣля	1.550.000.000 „	+ 11%	68 „	— 12%
1 мая	1.650.000.000 „	+ 6%	58 „	— 15%
1 августа	1.800.000.000 „	+ 9%	61 „	+ 5%
22 сентября	1.972.000.000 „	+ 10%	72 „	+ 18%
1793 г.				
1 января	2.825.906.000 „	+ 43%	51 „	— 29%
1 мая	3.100.000.000 „	+ 10%	52 „	+ 2%
1 августа	3.775.846.053 „	+ 21%	22 „	— 58%

Если сопоставленіе 3 и 5-й рубрикъ ясно показываетъ, что никакого параллелизма между темпомъ эмиссій и темпомъ обезцѣненія не существуетъ, то причина заключается не только въ кредитно-политическихъ вліяніяхъ, дающихъ на расцѣнку ассигнатовъ. Даже независимо отъ этого вліянія, въ данномъ періодѣ возрастаніе бумажной массы во всякомъ случаѣ не служитъ рѣшающимъ факторомъ обезцѣненія. Ибо параллельно возрастанію бумажной массы идетъ другой процессъ сокращенія металлической массы, вытѣсняемой изъ обращенія и тезаврируемой населеніемъ. Общая величина циркуляторнаго фонда возрастаетъ отнюдь не въ мѣру выпуска бумажныхъ денегъ.

Но такъ какъ это вытѣсненіе совершалось медленно и постепенно и никакихъ точныхъ данныхъ объ *этапахъ* сокращенія звонкой монеты

въ обращеніи до насъ не дошло, то опредѣлить кривую возрастанія циркуляторной массы въ цѣломъ, нынѣ совершенно не представляется возможнымъ.

Фактъ тотъ, однако, что во второй половинѣ 1793 года это вытѣсненіе закончилось полностью, такъ что конецъ 1793 г. и первая половина 1794 года отмѣнены единствомъ циркуляторной массы, ибо функціи денегъ выполняются теперь только ассигнатами.

Для всего же дальнѣйшаго періода мы имѣемъ уже точныя и весьма полныя свѣденія о развитіи бумажно-денежной массы.

Они сведены въ XII-ой таблицѣ ⁷⁾.

Если исчислить относительное значеніе возрастанія циркуляторной массы ассигнатовъ и сопоставить его съ нормами возрастанія цѣны металла, въ которыхъ выражено обезцѣненіе ассигнатовъ, то мы получимъ интереснѣйшую схему *расхожденія* этихъ двухъ линій (см. таблицу XIII.)

Анализируя показанія этой схемы, нужно прежде всего сказать, что хотя основа исчисления обѣихъ линій возрастанія — показанія за май мѣсяць 1794 г. — выбрана произвольно, въ зависимости отъ наличности достаточно полного матеріала, и въ этомъ смыслѣ случайно, — она все же имѣетъ весьма реальное экономическое содержаніе и вполне пригодна для выполненія этой роли.

Дѣло въ томъ, что именно въ это время норма возрастанія циркуляторного фонда и норма обезцѣненія денежной единицы настолько гармонируютъ между собой, что можно подумать, что этому, соотношенію не предшествовало никакое сложнѣйшее взаимодействіе отклоняющихся и нарушающихъ должную гармонию факторовъ.

Дѣйствительно: циркуляторная масса мая 1794 года равна почти 6 миллиардамъ ливровъ, т.-е. почти въ 3 раза превосходитъ нормальный циркуляторный фондъ Франціи этой эпохи, ограничивавшейся въ началѣ революціи 2—2½ миллиардами (въ металлѣ). Съ другой стороны, курсъ ассигнатовъ понизился до 36% номинала (или, что тоже цѣна 100 ливровъ въ металлѣ поднялась до 278 ливровъ въ ассигнатахъ), т.-е. тоже почти въ 3 раза.

Въ итогъ цѣнность всей денежной массы въ обращеніи осталась тою же, что была и до революціи: увеличеніе числа денежной единицы въ 3 раза нашло себѣ экономическую компенсацію въ уменьшеніи цѣнности каждой изъ этихъ единицъ.

Но такое возстановленіе прежней цѣнности всей циркуляторной массы въ цѣломъ стало возможнымъ лишь благодаря полному вытѣсненію изъ обращенія звонкой монеты, которая перестала выполнять функціи денегъ ⁸⁾.

Это закономѣрное постоянство должно было бы поддерживаться и дальше, такъ, чтобы обезцѣненіе ассигнатовъ, служа лишь экономическимъ отраженіемъ учеличенія бумажной циркуляціи лишь

ТАБЛИЦА XII.

С Р О К И	Выпущено въ обращеніе	Изъято изъ обращенія и уничтожено	Находится въ обращеніи	Курсъ ассигнат. (100 л.) въ металлѣ
1	2	3	4	5
	(въ т ы с я ч а х ъ л и в р о в ѣ)			
1 Мая	—	—	5,891.479	36 ливр.
1 Июня	8,092.439	2,150.407	5,942.012	36 „
1 Июля	8,296.219	2,214.167	6,082.052	34 „
1 Августа	8,577.705	2,268.967	6,308.738	34 „
1 Сентября	8,750.320	2,321.328	6,428.992	31 „
1 Октября	8,997.588	2,379.291	6,618.297	29 „
1 Ноября	9,259.869	2,446.472	6,813.397	27 „
1 Декабря	9,507.774	2,469.686	7,038.187	24 „
1793 г.				
1 Января	9,747.212	2,518.393	7,228.519	21 „
1 Февраля	10,040.628	2,563.613	7,477.015	19 „
1 Марта	10,431.453	2,607.793	7,823.660	17 „
1 Апрѣля	10,952.429	2,655.483	8,326.946	13 „
1 Мая	11,996.406	2,693.123	9,303.283	10 „
1 Июня	13,145.573	2,743.866	10,402.707	6 „
1 Июля	15,144.299	2,806.155	12,338.144	3 л. 10 су
1 Августа	17,466.553	2,928.019	14,538.533	3 „ 5 „
1 Сентября	19,098.303	3,023.122	16,075.181	2 „ 10 „
1 Октября	21,106.216	3,226.878	17,879.338	1 л. 19 су 3 д.
1 Ноября	23,902.164	3,425.698	20,476.466	— „ 16 „ 6 „
1 Декабря	27,004.645	3,664.932	23,339.713	— „ 12 „ 6 „
1796 г.				
1 Января	31,236.704	5,681.466	27,565.237	— „ 8 „ 9 „
1 Февраля	39,676.128	5,775.000	33,901.128	— „ 8 „ 9 „
1 Марта	41,905.733	5,900.000	36,005.733	— „ 7 „ 8 „
1 Апрѣля	44,026.801	7,355.040	36,671.762	— „ 8 „ 3 „
1 Мая	45,339.579	8,851.646	36,457.924	— „ 7 „ — „
1 Июня	45,563.442	10,136.073	35,427.369	— „ 3 „ 9 „
1 Июля	45,578.809	11,070.059	34,508.750	—
1 Августа	45,578.810	12,506.341	33,072.469	—
8 Сентября	45,578.810	—	—	—

ТАБЛИЦА XIII.

С Р О К И	Возрастание циркуляторн. массы ассигнатовъ.			Возрастание цѣны металла (100 ливровъ) въ ассигнатахъ.		
	Абсолют. (тысячи ливровъ.)	По сравненію:		Абсолют. (ливры)	По сравненію:	
		съ маемъ 1794 г.	съ кажд. предыд. мѣсяц.		съ маемъ 1794 г.	съ кажд. предыд. мѣсяц.
1	2	3	4	5	6	7
1794 г.						
1 мая	5,891.479	100	—	278	100	—
1 іюня	5,942.042	101	+ 1%	278	100	—
1 іюля	6,082.052	103	+ 2%	294	106	+ 6%
1 августа	6,308.738	107	+ 4%	294	106	—
1 сентября	6,428.992	109	+ 2%	323	116	+ 10%
1 октября	6,618.297	112	+ 3%	345	124	+ 7%
1 ноября	6,818.397	116	+ 3%	370	133	+ 8%
1 декабря	7,038.187	119	+ 3%	417	150	+ 10%
1795 г.						
1 января	7,228.519	123	+ 3%	476	171	+ 14%
1 февраля	7,477.015	127	+ 3%	526	189	+ 11%
1 марта	7,823.660	133	+ 5%	588	212	+ 12%
1 апрѣля	8,325.946	141	+ 6%	769	277	+ 31%
1 мая	9,303.283	158	+ 12%	1.000	360	+ 30%
1 іюня	10,402.707	177	+12%	1.667	600	+ 67%
1 іюля	12,338.144	209	+ 19%	2.086	750	+ 31%
1 августа	14,538.533	247	+ 18%	3.030	1.090	+ 45%
1 сентября	16,075.181	273	+ 11%	4.000	1.439	+ 32%
1 октября	17,879.338	303	+ 11%	5.096	1.831	+ 28%
1 ноября	20,476.466	348	+15%	12.121	4.360	+ 135%
1 декабря	23,339.713	396	+ 14%	16.000	5.791	+ 32%
1796 г.						
1 января	27,565.237	468	+ 18%	22.857	8.213	+ 43%
1 февраля	33,901.128	575	+ 23%	22.857	8.213	—
1 марта	36,005.733	611	+ 6%	25.806	9.283	+ 13%
1 апрѣля	36,671.762	622	+ 2%	24.242	8.726	—
1 мая	36,457.924	619	—	28.571	10.278	+ 15%
1 іюня	35,427.369	601	— 3%	53.333	19.185	+ 46%
1 іюля	34,508.759	586	— 3%	—	—	—
1 августа	33,072.469	561	— 4%	—	—	—

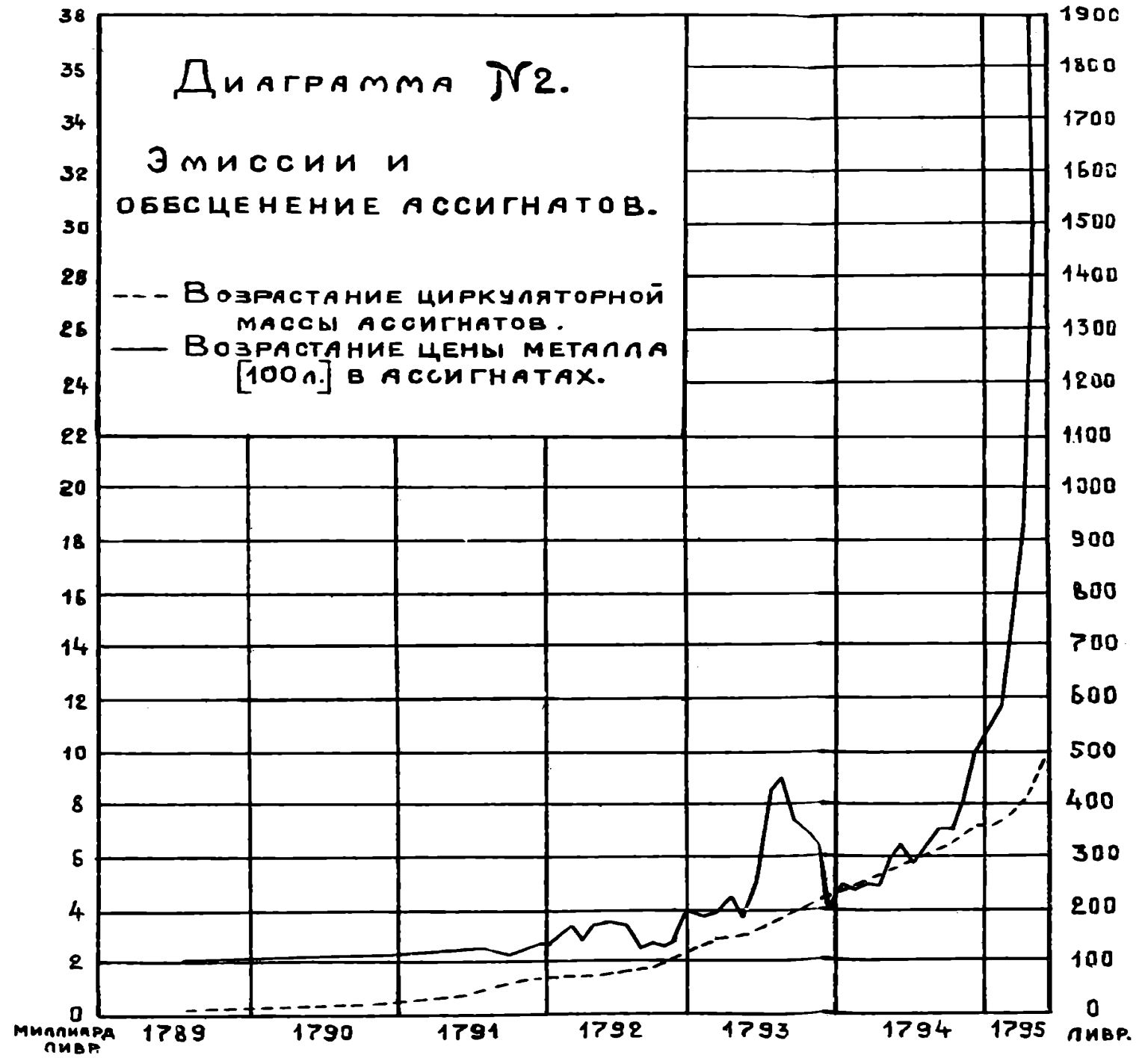
Диаграмма 2

пропорціоналізувалось слѣдующимъ эмиссіямъ и сохраняло съ ними единный темпъ въ развитіи.

Между тѣмъ, на дѣлѣ происходитъ нѣчто совершенно иное. *Темпъ обезцѣненія начинаетъ все быстрѣе обгонять напряженіе эмиссій и возрастание бумажной циркуляціи* ^{8а}).

Вполнѣ наглядно это можно видѣть изъ діаграммы № 2, рисующей параллельное развитіе бумажной массы въ обращеніи и обезцѣненія бумажной единицы (въ видѣ роста цѣны металла) вплоть до середины 1795 года.

Если бы мы хотѣли продолжить эту діаграмму до середины 1796 года, то, въ то время, какъ кривая бумажной циркуляціи вся помѣстилась бы на ней, не доходя до верхняго предѣла діаграммы

(38 миллиардов или возрастание на 1900%), для выражения кривой обезцѣненія пришлось бы площадь діаграммы увеличить въ высоту более чемъ въ 15 разъ, ибо обезцѣненіе достигаетъ 30.000⁹⁾.

Приведенныя цифровыя и линейныя сопоставленія ясно показываютъ, что въ теченіе всего послѣдняго періода исторіи ассигнатовъ обезцѣненіе во много разъ опережаетъ эмиссіи. А это значитъ, что эмиссіи не могутъ быть причиной этого катастрофическаго обезцѣненія, какъ это единогласно утверждаютъ экономисты, занимавшіеся исторіей французскихъ ассигнатовъ. Наоборотъ, возрастание эмиссій остается далеко позади прогрессирующаго обезцѣненія и *экономически вынуждается имъ*.

Не потому колоссально обезцѣниваются французскія бумажныя деньги, что чрезмѣрно увеличивается ихъ количество¹⁰⁾, а наоборотъ, потому колоссально увеличиваются ихъ выпуски, что еще во много разъ больше и внѣ всякой мѣры прогрессируетъ ихъ обезцѣненіе.

Этотъ неизбѣжный выводъ долженъ привести къ другому, столь же несомнѣнному выводу, что причину этого крушенія цѣнности ассигнатовъ нужно искать гдѣ-то въ сторонѣ, что крушеніе ассигнаціоннаго обращенія вызывается какими-то новыми факторами, приводящими извнѣ.

И изслѣдованіе экономической обстановки этого событія позволяетъ указать причины сыгравшіе здѣсь рѣшающую роль.

3. Какъ мы уже говорили, въ эту эпоху въ ногу съ политической реакціей, и даже обгоняя ее, шла реакція экономическая. Она выразилась въ спѣшной ликвидаціи всѣхъ экономическихъ институтовъ Революціи, упразднить которые было тѣмъ легче, что экономическая политика якобинцевъ, никогда не анализировавшихъ ея вліянія на народное хозяйство, какъ самостоятельный и основоположный комплексъ соціальнаго развитія, проводилась лишь какъ средство къ чисто политическимъ цѣлямъ, и будучи достаточно неумѣлой, приводила къ заторамъ въ общественномъ хозяйствѣ, вмѣсто того, чтобы максимально поощрять его развитіе въ условіяхъ времени. Но термидоріанская реакція не остановилась на устраненіи тѣхъ заторовъ, которые были дѣйствительно вредны, и не заботилась о приспособленіи выработанныхъ институтвъ къ новымъ условіямъ времени. Она прошла по всей линіи выработавшихся экономическихъ установленій и идейно вдохновлялась лозунгомъ всемѣрнаго уничтоженія экономическаго наслѣдія Революціи.

Этотъ переломъ, обозначившійся уже вскорѣ послѣ паденія Робеспьера, былъ такъ интенсивенъ, что ликвидація революціоннаго законодательства стала совершаться непосредственно, внѣ всякой законодательной санкціи и до изданія новыхъ законовъ.

Если разложеніе системы максимальныхъ цѣнъ зашло довольно

далеко еще при господствѣ террора изъ-за еще большаго отставанія ея застывшихъ нормъ отъ условій быстро развивающагося денежнаго хозяйства, то въ предѣлахъ вопросовъ денежнаго обращенія въ узкомъ смыслѣ положеніе было гораздо лучше: монополизациа функций валюты была осуществлена на дѣлѣ и ассигнаты, дѣйствительно, стали единственнымъ циркуляторнымъ средствомъ Франціи.

Это не только укрѣпило ихъ расцѣнку, но и поставило ее на прочный фундаментъ пропорціональности эмиттируемой бумажно-денежной массѣ.

Въ этомъ отношеніи, именно наканунѣ паденія Робеспьера расцѣнка ассигнатовъ стала не только относительно лучше, чѣмъ когда либо, но она отражала и абсолютно вполнѣ точно экономическія соотношенія: при тройномъ возрастаніи денежной массы въ маѣ—юнѣ 1704 г. — тройное паденіе цѣнности каждой денежной единицы.

Но когда, какъ мы сказали, термидоріанская реакція круто повернула общую линію экономической политики и явно стала на путь отказа отъ какого бы то ни было вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь страны, тогда среди ряда другихъ павшихъ нормъ пало и предписаніе о принудительной равноцѣнности обращенія ассигнатовъ со звонкой монетой того же написанія. А такъ какъ это законоположеніе и было основнымъ факторомъ вытѣсненія металла изъ обращенія, то металлъ, спрятанный по шкапамъ и кубышкамъ, сталъ все быстрѣе возвращаться къ выполненію денежныхъ функций ¹¹⁾. При этомъ, онъ расцѣнивался, конечно, во много разъ выше своего номинальнаго написанія въ отношеніи ассигнатовъ. Больше того, самые ассигнаты стали скоро открыто котироваться въ металлѣ по ихъ нелегальному курсу.

Что касается до источника, изъ котораго хлынулъ весь металлическій потокъ, то быстрота и полнота, съ которой совершалось возстановленіе металлической циркуляціи во Франціи, ясно показали, что вытѣсненная изъ оборота звонкая монета почти цѣликомъ была тезаврирована мѣстнымъ же населеніемъ и что утечка ея за границу, которой такъ боялись экономисты-современники, изъяла сравнительно небольшую часть металла Франціи.

Вліяніе же и сила этой самопроизвольной „металлической эмисси“ были столь велики, что съ ней не могли сравниться никакія предшествующія или послѣдующія бумажныя эмиссіи.

Принимая на себя выполненія циркуляторныхъ функций, звонкая монета, какъ деньги устойчивой „внутренней цѣнности“ разрушала циркуляторный базисъ цѣнности бумажныхъ ассигнатовъ, чье вещество никакой „внутренней“ цѣнностью не обладало. Разъ циркуляторный фондъ страны возрасталъ отнынѣ на всю сумму внѣдряшагося вновь въ обращеніе металла, то мѣновая реализациа его цѣнности дѣлала ненужной для оборота пользованію сравнительно не

устойчивыми бумажками и тѣмъ самымъ обезцѣнивала эти послѣднія ибо, именно, циркуляторное примѣненіе ихъ, въ качествѣ орудія товарооборота и отраженія товарныхъ цѣнностей, было единственнымъ источникомъ цѣнности самихъ бумажныхъ денегъ. Отсюда становится понятнымъ то катастрофически прогрессирующее обезцѣненіе, которому подвергается ассигнаціонная масса съ этого времени.

Причина перелома кривой обезцѣненія найдена, но она заключается совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ ее ищутъ обычно.

Если полулегальное допущеніе звонкой монеты въ частныхъ сдѣлкахъ по любой, произвольной расцѣнкѣ въ отношеніи ассигнатовъ, обозначившееся въ срединѣ 1794 г., было первымъ и самымъ важнымъ ударомъ, нанесеннымъ пассивизацией экономической политики термидоріанцевъ цѣнности ассигнатовъ, то вторымъ, пособнымъ ударомъ была произошедшая въ концѣ того же года полная отмѣна максимальныхъ цѣнъ.

Пока хотя часть покупокъ и продажъ совершалась по этимъ принудительно проведеннымъ, хоть и давно оставшимъ отъ жизни цѣнамъ, онѣ принудительно закрѣпляли за ассигнатами часть ихъ покупательной силы. Но когда максимальныя цѣны, вмѣсто переработки ихъ сообразно измѣнившимся условіямъ, были отмѣнены, то и принудительно закрѣплявшаяся часть цѣнности ассигнатовъ была уничтожена ¹²⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ моментовъ съ 1795 года начинается бѣшеная скачка товарныхъ цѣнъ, поскольку онѣ выражаются въ ассигнатахъ.

„Все охватывается духомъ спекуляціи. Торгуютъ всѣ: бывшія монахини рядомъ съ графинями-штопальщицами, маркизы продаютъ мужскіе сапоги...“ ¹³⁾.

Такъ какъ цѣны росли съ каждымъ днемъ, то ловкіе люди богатѣли со сказочной быстротой благодаря постояннымъ умѣлымъ перепродажамъ.

Съ другой стороны, осознанный всѣми процессъ прогрессирующаго обозрѣнія ассигнатовъ побуждалъ всячески стараться сбыть ихъ съ рукъ, что еще ускоряло темпъ ихъ обезцѣненія.

„Тѣ, кто не обладали добросовѣстностью, видя это обезцѣненіе торопились сбыть свои ассигнаты по любой расцѣнкѣ въ обмѣнъ на какіе бы то ни было товары для того, чтобы обладать болѣе солидными цѣнностями, чѣмъ бумажныя деньги“ ¹⁴⁾.

„Бюро торговли“, состоявшее при комитетѣ общественнаго спасенія, въ своемъ докладѣ комитету о состояніи торговли во Франціи со злобой и раздраженіемъ указывало лѣтомъ 1795 г., что именно рабочіе и ремесленники занимаются скупкою и продажею товаровъ, надѣясь нажитья на повышеніи или пониженіи цѣнности ассигнатовъ.

„Посмотрите на рабочих и ремесленников, — говорится в докладе, — которые бросают плуг и ткацкий челнок для того, чтобы предпринять крупные торговые операции и нагружаются образцами хлеба, муки, ржи, кошенили, индиго, часов, пряжи и драгоценностей... Посмотрите на них, бледных и изнуренных, страдающих от истощения и алчности, исчисляющих на общественных площадях, с прогрессивно возрастающим коварством, цынность золота и серебра и отправляющихся в кабаки закрѣплять совершенные сделки, продажи и поставки“¹⁵).

Но если некоторые группы имущественных низов и были вовлечены в спекулятивный торгъ, то общее положение широких масс населения не стало от этого лучше. Напротив, имѣется вполне объективный показатель того, что отмена максимума и крушение ассигнаціоннаго обращенія еще ухудшили ихъ положеніе.

Просматривая новѣйшія изслѣдованія продовольственнаго положенія французской провинціи въ эпоху Революціи, невольно замѣчаешь, что всѣ эти авторы, рѣзко критикующіе экономическую политику революціи, противъ своей воли принуждены (большей частью мимоходомъ) констатировать слѣдующее обстоятельство: *массовыя волненія*, принимавшія характеръ голодныхъ бунтовъ и возстаній, *предшествуютъ введенію максимума и слѣдуютъ за его уничтоженіемъ. Эпоха же максимума и активной экономической политики, напротивъ, характеризуется удивительнымъ спокойствіемъ наименѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія!*

Такъ, изслѣдователь обращенія хлѣбовъ въ округъ Одъ (Aude) рассказалъ о длинномъ рядѣ выступленій и насилій со стороны неимущаго населенія противъ торговцевъ хлѣбомъ передъ введеніемъ максимума, заканчиваетъ свое сообщеніе, заявляя, что „это не значитъ, что (съ этого момента) всякое возбужденіе по вопросу о продовольствіи исчезло въ округъ Одъ; наоборотъ, заботы (les preoceptions) этого рода снова очень оживились лѣтомъ 1793 г. Но происхожденія народнаго недовольства съ этихъ поръ должно искать въ *примѣненіи закона о максимумѣ; циркуляція же хлѣбовъ въ собственномъ смыслѣ, повидимому, больше не нарушалась*“ (курсивъ нашъ)¹⁶).

Другой изслѣдователь департамента Эры (Eure), особенно негодуяще настроенный противъ экономическихъ мѣропріятій революціи, съ изумленіемъ отмѣчаетъ (также въ концѣ своей работы), что „было бы неточнымъ полагать, что эпоха максимума породила въ департаментѣ серьезные безпорядки или нарушеніе транзита хлѣбовъ.

„Сравнивая рѣдкіе неурядки, которые возникали съ большими промежутками времени при перевозкѣ хлѣба, съ тяжкими «возстаніями» 1792 г., приходится разсматривать эти выходки, какъ простыя болеутоляющія явленія. Этотъ *возвратъ къ относительной безопасности дорогъ* тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что движеніе повозокъ съ

хлѣбомъ, возросшее благодаря реквизиціямъ, было во II-мъ году республики особенно интенсивнымъ“¹⁷).

И обратно: матеріальный кризисъ 1795 года, вызванный катастрофическимъ обезцѣненіемъ ассигнатовъ снова порождаетъ народныя волненія.

„Съ возрастающей нуждой, — пишетъ тотъ же авторъ 15-ю страницами дальше, — распространяются сборища и сцены грабежа. *Малочисленные во время дѣйствія максимума эти безпорядки, особенно возрастаютъ съ зимы 1795 года* и помогаютъ въ теченіе года IV-го парализовать свободу торговли“¹⁸).

Если до эпохи максимума отмѣчались случаи раздѣла товаровъ по пониженной, устанавливаемой толпою цѣнѣ, то теперь нападенія на повозки сопровождаются уже *безплатнымъ* раздѣломъ продуктовъ.

Наконецъ, и изслѣдователь департамента Йонны констатируетъ, что послѣ полной отмены максимума „продовольственный кризисъ еще продолжался при Конвентѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ ажіотажа и барышничества“ и что онъ исчезъ лишь съ уничтоженіемъ ассигнатовъ.

Такая экономическая природа кризиса безусловно подтверждается тѣмъ фактомъ, что онъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта въ концѣ 1795 г. и началъ 1796 г., послѣ прекраснаго урожая 1795 г., который совершенно не повліялъ на него ослабѣвающимъ образомъ.

И дѣйствительно, скачка цѣнъ въ эту пору становится совершенно безудержной и оставляетъ далеко позади ростъ цѣны труда.

Если изслѣдователь положенія рабочаго класса въ цѣломъ въ эпоху революціи приходитъ къ выводу, что „1795—1799 года оказались для рабочихъ продолженіемъ бѣдствій“... „отмена максимума не спасла ихъ отъ голода“...²⁰), то имѣются объективныя показанія, что голодовка эта была едва ли не еще больше, чѣмъ въ эпоху террора.

Рабочій получаетъ въ Парижѣ въ 1795 г. отъ 120 до 350 ливровъ въ день; но хлѣбъ стоить въ это время 50 ливровъ фунтъ, мясо — 120 ливровъ фунтъ²¹).

Между тѣмъ, въ 1790 г. средній заработокъ парижскаго рабочаго по исчисленію „Moniteur Uiversel“ (отъ 17 сентября) равнялся 26—30 су въ день (т.-е. 1¼ — 1½ ливрамъ) при стоимости фунта хлѣба — 3 су и фунта мяса — 9 су.

Поэтому, поддержаніе того жизненнаго уровня, который исчислялся авторомъ этой статьи (Regnier) и равнялся двумъ фунтамъ мяса въ день (18 су), тремъ фунтамъ хлѣба (9 су) и 2 су на одежду и остальные расходы (итого 29 су) стало въ 1795 г. уже совершенно невозможно.

Общій подъемъ цѣнъ съ 1790 г. по конецъ сентября 1795 г. характеризуется сводкой „Gasette Francaise“ отъ 3 вандеміера года IV-го²²); изъ которой мы приводимъ наиболѣе показательныя данныя, коэффиціентируя ихъ.

ТАБЛИЦА XIV

ТОВАРЫ	Ц Ъ Н А		Коэффициентъ возрастанія.
	Въ 1790 г.	Въ 1795 г.	
	(в л и в р а х ъ)		
Четверикъ муки	2 л.	225	112½ разъ
„ бобовъ	4	126	31½ „
Полбут. орлеанск. вина	80	2400	30 „
Древко сплавного лѣса	20	500	25 „
Четверикъ дерев. угля	— л. 7 су	10	29 „
Пара чулокъ	3 л.	100	33½ „
Аршинъ Эльбефскаго сукна	18	306	17 „
Общій показатель для 24 предм.	164 л. 17 су.	5642 л.	34 раза

Правда, средній курсъ ассигнатовъ въ металлѣ равняется въ сентябрѣ 1795 г. — 2.08 л., такъ что коэффициентъ обезцѣненія ассигнатовъ по отношенію къ металлу достигалъ уже почти 50, тогда какъ выведенный нами изъ имѣющихся данныхъ коэффициентъ товарнаго обезцѣненія равенъ только — 34.

Но нужно отмѣтить, что этотъ послѣдній не отражаетъ собою всей мѣры товарнаго обезцѣненія ассигнатовъ, ибо „общіе показатели“ цитированной газеты представляютъ собою механическое суммирование цѣнъ приводимыхъ ею 24 предметовъ, не учитывающее относительной экономической роли каждаго изъ этихъ товаровъ.

И разсматривая приведенную сводку, легко замѣтить, что въ то время, какъ товары *большинства наименованій* повысились въ цѣнѣ въ среднемъ въ 25—30 разъ (сукно даже только въ 17 разъ), *основной предметъ товарнаго оборота* — хлѣбъ повысился въ цѣнѣ въ 112½ разъ. И поскольку его товарная цѣнность на много превосходила большинство изъ товаровъ 24 наименованій въ ихъ совокупности, постольку и реальный товарный коэффициентъ обезцѣненія былъ гораздо выше.

Даже если просто вычесть дорогое орлеанское вино, составляющее почти половину величины обоихъ приведенныхъ чисель-показателей, но имѣвшее весьма небольшое значеніе въ общей цѣнности товарной массы страны, то получающіеся итоги 1790—1795 г. по товарамъ 23 наименованій окажутся равными 84 л. 17 су и 3242 л., что даетъ коэффициентъ возрастанія уже въ 38.

Но во всякомъ случаѣ, повышение цѣны хлѣба даетъ коэффи-

циентъ гораздо болѣе высокій не только чѣмъ коэффициенты всѣхъ остальныхъ товаровъ, но и чѣмъ коэффициентъ цѣны металла.

И на этомъ стоитъ немного остановиться. Чѣмъ обусловленъ былъ этотъ сверхъ нормальный коэффициентъ? Общимъ продовольственнымъ кризисомъ революціи? — Но какъ разъ *урожаи* 1795 г. были неожиданно очень хороши. Тогда быть можетъ относительно наибольшимъ значеніемъ продовольствія при общей неустойчивости экономического положенія? — И этотъ моментъ можно считать параллелизованнымъ, ибо разрушеніе французской промышленности въ эту пору было столь велико, что товарный рынокъ предметовъ промышленной обработки былъ еще гораздо больше опустошенъ, чѣмъ рынокъ продовольственный.

Отвѣтъ на вопросъ мы найдемъ, если сопоставимъ это сверхнормальное повышение цѣны хлѣба съ повышеніемъ цѣны сукна, какъ того предмета широкаго спроса, который даетъ коэффициентъ ниже нормального.

Тогда мы получимъ такую схему:

ТОВАРЫ	Коэффициентъ возрастанія цѣны
мука	112½
бобы, дерево, уголь, чулки	ок. 30
сукно	17

Въ такомъ рѣзкомъ уклоненіи расцѣнокъ двухъ крайнихъ элементовъ выработавшейся „системы цѣнъ“ отъ ея среднего уровня проявляется не измѣненіе условий производства и не сдвигъ въ условіяхъ предложенія этихъ товаровъ, но прежде всего *измѣненія въ строеніи общественнаго спроса*.

Эмиссионная реорганизация хозяйства вызываетъ прежде всего отставаніе цѣны труда отъ цѣны товаровъ, а это приводитъ, въ свою очередь, къ перераспределенію національнаго дохода. Поскольку же общественное потребленіе опредѣляется именно этимъ послѣднимъ, оно само отражаетъ этотъ процессъ въ перераспределеніи общественнаго спроса. Сокращеніе доходовъ неимущихъ группъ вынуждаетъ ихъ сократить свое потребленіе путемъ отказа отъ предметовъ второй необходимости въ пользу предметовъ первой необходимости. Происходитъ сокращеніе общественнаго спроса на тѣ предметы массоваго потребленія, которыя менѣе необходимы (и здѣсь прежде всего, какъ показываетъ общій анализъ расходнаго бюджета — одежда) и, наоборотъ, концентрація спроса на предметахъ жизненной необходимости (и среди нихъ прежде всего на продуктахъ продовольствія). Параллельно этому *соціальному и объектному перераспределенію спроса*

происходит и передвиженіе общественных расцѣнокъ, какъ они отражаются въ цѣнахъ.

Поэтому, въ системѣ эмиссионнаго хозяйства среди предметовъ массоваго потребления, наиболѣе важные имѣютъ тенденцію подниматься въ цѣнѣ выше средней нормы товарнаго обезцѣненія валюты, а менѣе важные — ниже этой нормы, какъ это намъ подтверждаютъ цифровые данные.

Напротивъ, предметы суженнаго спроса и потребления имущихъ верховъ имѣютъ тенденцію повышаться въ цѣнѣ не ниже средняго уровня возрастанія цѣнъ, ибо достатки этихъ группъ въ цѣломъ не сокращаются, а лишь перераспредѣляются между отдѣльными группами и въ определенной части сильно возрастаютъ. Поэтому, коэффициентъ возрастанія цѣны Орлеанскаго вина — предмета, если не роскоши, то сферы потребления зажиточныхъ слоевъ, стоитъ на одномъ уровнѣ со среднимъ, среди приведенныхъ наименованій, коэффициентомъ роста цѣнъ.

Обрисованная специфическая концентрація общественнаго спроса на средствахъ удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей и особенно на хлѣбѣ при сокращеніи достатковъ широкихъ массъ неимущаго населенія особенно наглядно иллюстрируется слѣдующимъ любопытнымъ обстоятельствомъ.

Судорожныя конвульсіи цѣнъ наблюдаются въ этихъ условіяхъ не только въ ихъ бумажно-денежномъ, но также и въ ихъ металлическомъ выраженіи.

Во второй половинѣ 1795 года каждый департаментъ, а нерѣдко и каждая мѣстность имѣютъ уже свой, нерѣдко значительно отличающійся отъ сосѣдей, курсъ ассигнатовъ въ металлъ, легализованный непосредственно общественнымъ сознаниемъ и бытіемъ.

Поэтому, товары расцѣниваются параллельно и въ ассигнатахъ и въ металлѣ.

И вотъ, въ то время какъ цѣна хлѣба въ ассигнатахъ растетъ съ неимовѣрной быстротой, оказывается, что при переводѣ ступеней ея повышающагося уровня по курсу на металлъ, она совершаетъ головокружительные зигзаги то падая, то снова повышаясь.

Размахъ этихъ зигзаговъ такъ великъ, что ни при какомъ, хоть сколько-нибудь нормальномъ, напряженіи спроса (предложение остается постояннымъ, ибо рѣчь идетъ объ единомъ производственномъ и заготовительномъ періодѣ) онъ не былъ бы даже частично возможенъ: въ промежутки въ 1½—2 мѣсяца цѣны хлѣба падаютъ, повышаются и снова падаютъ въ 2½—3½ раза, при устойчивой цѣнности денежной единицы — звонкой монетѣ, — въ которой они выражаются.

Таковы, напримѣръ, официальные показанія администраціи Эры о цѣнѣ квинтала пшеницы въ IV-мъ году Республики (1795—1796 г.)²³.

Мы приводимъ ихъ, перечисляя даты на общій календарь и исчисляя %%-ыя отношенія измѣненій.

Т А Б Л И Ц А XV.

С Р О К И	Цѣна квинтала пшеницы въ ассигнатахъ.		Соотвѣтствующая цѣна въ звонкой монетѣ.	
	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	Относит.
1	2	3	4	5
16 октября 1795 г.	122 л.	100	2 л. 03 су	100
14 ноября „	155 „	127	1 „ 11 „	69
5 декабря „	160 „	131	0 „ 18 „	40
12 декабря „	225 „	184	1 „ 06 „	58
22 декабря „	310 „	254	1 „ 10 „	67
23 января 1796 г.	600 „	492	2 „ 05 „	100
6 февраля „	700 „	574	3 „ 00 „	133
27 февраля „	775 „	635	2 „ 10 „	111
20 марта „	950 „	779	2 „ 08 „	107

Не трудно понять какъ отражались такіе пароксизмы цѣнъ на положеніи широкихъ массъ населенія. Но архивные матеріалы показываютъ, что и эти официальные данные преуменьшаютъ истинныя расцѣнки хлѣба.

„Когда продажа совершалась внѣ рынка (на дому), то собственники устанавливали цѣны наиболѣе ужасныя для того, чтобы запугать (dencourager) владѣльцевъ ассигнатовъ.

„Мы видимъ, напримѣръ, что въ Руглѣ нельзя было получить квинталь хлѣба дешевле, чѣмъ за 1500 ливровъ (6 л. 18 су въ металлѣ). Въ вантозѣ года IV-го (февраль—мартъ 1796 г.) земледѣльцы уносили съ рынка Вернона свои мѣшки обратно, не находя покупателей, ибо они требовали 350 ливровъ за четверикъ, т.е. 1092 ливра за квинталь.

„И повышение цѣнъ усиливалось отъ одного мѣсяца къ другому: такъ, 19 вантоза (9 марта) въ Эврѣ квинталь хлѣба стоилъ 6000 ливровъ въ ассигнатахъ (19 л. 10 су въ звонкой монетѣ).

„Пайки муки или риса, распредѣлявшіеся мѣстными управленіями, расцѣнивались такъ: селеніе Пуа де л'Аршъ платитъ 8000 л. за квинталь пшеницы. И это для того, чтобы съ трудомъ распредѣлить по 5 унцій хлѣба на человѣка на сумму въ 22.000 ливровъ“²⁴.

ривними еміссіями представляло съ чисто финансовой точки зрѣнія систему со специфическими функціями обоихъ этихъ финансовыхъ методовъ.

Если въ 1794 году мѣра реализаціи максимальныхъ цѣнъ въ гражданскомъ товарооборотѣ и ихъ значеніе для потребленія гражданскаго населенія были совершенно незначительны, то для министерства финансовъ и государственнаго казначейства, максимальныя цѣны выполняли весьма серьезную роль.

Именно благодаря максимальнымъ цѣнамъ государство покрывало при помощи сравнительно небольшихъ средствъ очень существенную часть своихъ чрезвычайныхъ (военныхъ) расходовъ. Ибо все продовольствованіе арміи въ войнѣ внѣшней и внутренней совершалось путемъ реквизицій по максимальнымъ цѣнамъ.

Поэтому, на долю основной массы эмиссій выпадала задача покрытія лишь большей части обыкновенныхъ и остающейся части чрезвычайныхъ расходовъ.

Когда же система максимальныхъ цѣнъ была ликвидирована, а эмиссионная операція стала давать все меньше и меньше, то на очередь сталъ вопросъ о средствахъ обезпеченія реальной цѣнности казначейскихъ поступленій, какъ чисто финансовая проблема.

Съ этой цѣлью выдвигается идея *натуральнаго налога*, аргументируемая прежде всего задачами продовольствованія арміи ¹⁾ но въ принципѣ обосновываемая шире — какъ средство борьбы противъ эмиссионной дезорганизаціи обращенія. Въ началѣ революціи, въ моментъ ликвидаціи наслѣдія феодализма, барщины и оброка, какъ и всѣхъ формъ непосредственнаго соціального подчиненія и натуральной зависимости, Учредительное собраніе постановило декретомъ 1 декабря 1790 г., что всѣ налоги должны платиться деньгами, а не натурой.

Противъ этого постановленія возставалъ тогда же деп. Дюбуа-Крансо (Dubois-Crance), который теперь, въ 1795 г., снова выдвинулъ свою идею натурального обложенія: „Я вамъ предлагаю, — говорилъ онъ въ засѣданіи Конвента 5 мая 1795 г. — простое средство, благодаря которому вы обезпечите продовольствіе для большихъ городовъ, и особенно для Парижа, и для армій безъ новыхъ долговъ, безъ необходимости выпустить хотя одинъ ассигнатъ изъ казначейства.

Это средство состоитъ въ томъ, чтобы заставить платить налоги *натурой*, на основѣ нормъ установленныхъ для 1790 г.“.

„Единственный способъ возстановить равновѣсіе между доходами и расходами общественными и частными, — продолжаетъ онъ дальше, — это взимать налогъ въ натурѣ: *этимъ путемъ вы избѣгнете необходимость вводить въ обращеніе новые ассигнаты*. Ихъ избытокъ разоряетъ честныхъ людей и обогащаетъ только плутовъ“...

«Если вы достигнете того, чтобы заставить платить налоги, по тѣмъ же нормамъ, что и въ 1790 г., дровами, масломъ, коноплей и

XII. Ликвидація бумажно-денежнаго обращенія.

1. Разстройство денежнаго обращенія, мѣшающее деньгамъ выполнять ихъ народно-хозяйственныя функціи мѣрила цѣнности и орудія товарнаго оборота, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ противодействія ему, вызываетъ къ жизни попытки „развѣнчанія“ денегъ, лишенія ихъ той кардинальной роли, которую они играютъ въ мѣновомъ хозяйствѣ и организаціи безденежнаго обмѣна.

Цѣнность, изъ того соціально-сложнаго преломленія, путемъ котораго она воплощается въ деньгахъ, начинаетъ искать обходныхъ путей для своего выраженія.

Она либо *субъективируется*, претворяясь въ субъективную расцѣнку, обосновываемую соотношеніемъ потребностей и благъ въ ихъ *количественномъ опредѣленіи* по преимуществу, и ограничивающуюся потребительной квалификаціей *наличности*; либо она *объективируется*, стремясь претвориться въ точную *производственно-трудоуую калькуляцію* во всей ея процессуальной сложности.

Обмѣнъ же стремится обойтись безъ посредствующаго звена матеріальной передачи денежныхъ знаковъ, какъ качественно безликаго эквивалента товарной цѣнности, распоряженіе которымъ даетъ полную свободу выбора и распределенія отдѣльными хозяйствующими ячейками элементовъ желательнаго имъ товарнаго эквивалента.

Такое стремленіе къ *натурализаціи хозяйства* проявляется въ исторіи Французской Революціи прежде и больше всего въ той его отрасли, которая особенно страдаетъ отъ неожиданнаго разрушенія ассигнаціоннаго обращенія — въ государственныхъ финансахъ.

Мы видѣли, что бумажныя эмиссіи въ 1795 г. все дальше отставали отъ прогрессіи обезцѣненія и что, поэтому, реальный доходъ казначейства отъ эмиссионной операціи сталъ, со времени перелома экономической политики въ сторону ея пассивизаціи, все больше сокращаться.

Съ другой стороны, въ эпоху активной экономической политики своеобразное сочетаніе застывшихъ максимальныхъ цѣнъ съ непре-

зерномъ, то я полагаю, что вмѣсто того, чтобы выпускать ассигнаты изъ казначейства, вы сможете еще извлечь опредѣленное количество ихъ путемъ продажи этихъ товаровъ.

„Такимъ образомъ, вы безъ труда изъемлете ваши ассигнаты изъ обращенія, возстановите эквивалентность между товаромъ и бумажными деньгами, между бумажными деньгами и маркой серебра и равновѣсіе установится во всѣхъ социальныхъ сдѣлкахъ“²⁾.

Это предложеніе вызываетъ оживленные пренія въ Конвентѣ, который неоднократно ихъ прерываетъ и откладываетъ изъ-за болѣе срочныхъ дѣлъ, но снова возвращается къ этой идеѣ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи деп. *Ровэръ* сообщаетъ, что натуральный налогъ уже взимается въ департаментѣ Варъ по инициативѣ мѣстныхъ властей, а деп. *Дюранъ-Майанъ*, что то же производится во многихъ коммунахъ департамента Устье-Роны; онъ напоминаетъ, что идея эта впервые была предложена Конвенту еще деп. *Беффруа*, а такъ же, что онъ самъ писалъ въ защиту натурального налога³⁾.

Конечное заданіе предложенной *Дюбуа-Крансэ* натурализаціи было вполне понято, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ его современниковъ, какъ показываетъ, напр., статья *Дюшэ* (*Dachez*) въ „*Moniteur Universel*“. Здѣсь мы читаемъ:

„Земельная аренда въ натурѣ, податное обложеніе въ натурѣ, заработная плата въ натурѣ въ то время какъ мы обладаемъ $\frac{2}{3}$ -ми всѣхъ денежныхъ знаковъ Европы, — развѣ это не значитъ дѣлать эти денежные знаки *ненужными*?“

Но понимая конечное заданіе проекта, авторъ статьи его рѣшительно отвергаетъ, ибо считаетъ, что „натуральный налогъ приемлемъ лишь тамъ, гдѣ торговые обороты невелики и мало денежныхъ знаковъ“⁴⁾.

Между тѣмъ, деп. *Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре* предлагаетъ Конвенту иную форму натурализаціи обложенія и мѣновыхъ отношеній.

„Если принять металлы за основу сравненія цѣнностей, — говоритъ онъ, — то у насъ создается ложное мѣрило, которое выдастъ всѣ наши коммерческія операціи иностранцамъ, ибо у нихъ больше благородныхъ металловъ, чѣмъ у насъ“.

Поэтому, онъ предлагаетъ принять за основу для расцѣнки товаровъ реальную цѣнность — *хлѣбъ*. Наболѣе характерны въ его проектѣ первыя 2 положенія;

„1. Монетной единицей является квинталь зерна.

Торговля сдѣлки, заработная плата и т. д. будутъ *исчисляться въ пшеницѣ и оплачиваться въ ассигнатахъ* по цѣнѣ пшеницы въ данномъ мѣстѣ и въ данный мѣсяць.

Законъ не можетъ стѣснять сдѣлокъ: разрѣшается договариваться объ обмѣнѣ одного объекта труда непосредственно на другой объектъ труда.

„2. Ассигнаты составляютъ единственное законное обезпеченіе при заключеніи сдѣлокъ.

Количество ассигнатовъ въ обращеніи не сможетъ быть увеличено иначе какъ по просьбѣ гражданъ, предоставляющихъ земельное обезпеченіе болѣе цѣнности, чѣмъ испрашиваемая ими къ выпуску сумма“...⁵⁾.

Рѣшительно отвергая всякую идею демонетизаціи ассигнатовъ, „ибо невозможно опредѣлить результаты встряски, которую произведетъ въ общественномъ организмѣ такая мѣра“ („такъ какъ, — аргументируетъ онъ, — равновѣсіе между заработной платой и товарами не сможетъ установиться столь же быстро, какъ произойдетъ демонетизація“), *Жанъ-Бонъ* въ своемъ проектѣ хочетъ провести любопытное *размежеваніе двухъ основныхъ функций денегъ*: функция орудія товарообмѣна сохраняется за ассигнатами, въ которыхъ совершаются всѣ платежи; функция же мѣрила, цѣнности отдѣляется отъ нихъ и передается хлѣбу, ассигнаціонной цѣной котораго опредѣляется экономическое значеніе (цѣнность) самихъ ассигнатовъ.

Собственно, такое легальное раздѣленіе функций денегъ отражало бы собою фактической процессъ лишенія ассигнатовъ значенія масштаба цѣнностей, процессъ уже заканчивавшійся въ это время и вызванный возвращеніемъ къ циркуляціи металла и катастрофическимъ ускореніемъ темпа обезцѣненія бумажекъ.

Разница по существу была лишь въ томъ, что фактическимъ мѣриломъ цѣнности становились благородные металлы, въ видѣ возвращавшейся все больше въ обращеніе звонкой монеты, а проектъ *Жанъ-Бона* надѣлялъ этой ролью основной продуктъ національнаго производства — хлѣбъ. Но разница эта была какъ разъ для этого времени тѣмъ менѣе существенна, что ассигнаціонныя цѣны золота и хлѣба измѣнялись въ противоположность цѣнамъ другихъ товаровъ почти одинаково. Такъ, изъ рѣчи деп. *Крассу* (*Crassous*) 25 ноября 1795 г. мы узнаемъ, что въ то время какъ золото и хлѣбъ поднялись въ цѣнѣ въ 150 разъ, другіе товары, какъ, напр. мясо, лишь въ 40 разъ“⁶⁾.

Проектъ *Жанъ-Бона*, переданный въ комиссію, дальнѣйшаго движенія не получилъ, ибо Конвентъ еще не рѣшался въ эту пору столь рѣшительно признать обезцѣненіе ассигнатовъ совершившимся фактомъ.

Проектъ же *Дюбуа-Крансэ*, послѣ многократнаго возобновленія преній⁷⁾, былъ частично одобренъ въ декретѣ 3 термидора г. III (21 іюля 1795 г.), согласно которому основной земельный налогъ вносится въ текущемъ III-емъ году Республики (1794—1795 г.) наполовину въ ассигнатахъ, наполовину же въ зернѣ опредѣленнаго закономъ качества (пшеница, рожь, ячмень и овесъ) въ количествѣ равномъ тому, которое можно было приобрести по цѣнамъ 1790 г. въ

звонкой монетѣ. Налогъ могъ уплачиваться либо собственникомъ, либо арендаторомъ земли и лишь тѣ земледѣльцы, у которыхъ продуктъ производства не превышалъ предѣловъ собственного потребленія (исчисляемаго въ размѣрѣ 400 фунтовъ пшеницы или 500 фунтовъ другихъ злаковъ на каждаго члена семьи), либо производили иной родъ хлѣба, чѣмъ указанные въ законѣ, освобождались отъ обязанности покрывать половину налога натурой, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они уплатили вмѣсто этого въ ассигнатахъ такую сумму, которая соотвѣтствовала бы, по текущей *рыночной расцѣнкѣ* даннаго департамента, стоимости нужнаго количества хлѣба.

Законъ 24 фрютидора (10 сентября 1795 г.) повысилъ норму подлежащую внесению натурой до $\frac{3}{4}$ основной суммы налога, а законъ 4-го декабря измѣнилъ его въ нѣкоторыхъ деталяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается законодательная попытка натурализовать и весьма важную часть гражданскаго оборота — поземельную арендную плату. Именно, для того чтобы обезпечить внесение натурального налога собственниками земель, сдающими ихъ въ аренду, останавливается, что арендаторы должны *вносить половину арендной платы хлѣбомъ*, хотя бы ихъ арендный договоръ и предусматривалъ внесение ея деньгами. И только если по договору внесение налога *арендаторомъ* не предусматривалось, а имъ все же производилось, то арендаторъ получалъ право уменьшить на соответствующую часть натурализованную половину арендной платы.

Въ слѣдующемъ, IV-омъ году Республики въ декретъ 8 мессидора 26 іюня 1796 г.) о поземельномъ налогѣ привносится кромѣ идей Дюбуа-Крансэ и одна изъ идей Жанъ-Бона. Именно, согласно ст. 3 „всякій налогоплательщикъ, внесенный въ списки, долженъ за всякій франкъ налога уплатить стоимость 10 фунтовъ пшеницы въ бумажныхъ деньгахъ“ *). Ст. же 5-ая постановила что „Исполнительной Директоріи въ интересахъ удовлетворенія общественныхъ нуждъ предоставляется право требовать уплаты хлѣбомъ или фуражомъ половину раскладочной доли, приходящейся съ каждаго плательщика, чье владѣніе производитъ таковыя“.

Приказъ Директоріи 27 мессидора г IV (15 іюля 1796 г.) опредѣлилъ способъ взиманія этой натурализованной половины, при чемъ постановлялось, что собственникъ земли можетъ требовать съ арендатора лишь $\frac{1}{4}$ обусловленной арендной платы въ натурѣ.

Но вскорѣ законъ 22 термидора г IV-го (9 августа 1796 г.) за-

*) Аналогичное постановление было внесено на слѣдующій день въ законъ 9 мессидора г IV-о платежѣ арендной платы Двумя недѣлями позже наканунѣ перехода къ курсовой расцѣнкѣ смѣнившихъ ассигнаты территоріальныхъ мандатовъ (см. ниже) цѣна пшеницы во исполнение обоихъ этихъ законовъ была опредѣлена въ 16 су за фунтъ въ мандатахъ

мѣнилъ натуру уплатой металлическими деньгами, либо бумажными деньгами по курсу.

Въ это время инициаторъ натурализаціи *Дюбуа-Крансэ* признаетъ, что „часть земельного обложенія, внесенная натурой, была расхищена, испорчена и для общественнаго дѣла не дала почти ничего“⁸⁾.

А еще годомъ позже онъ самъ хочетъ исправить свою ошибку и вносить формулу санкционируемую закономъ (ст. 2) 18 преріаля г. V-го (6 іюня 1797 г.):

„Земельное обложеніе въ текущемъ V-омъ году будетъ уплачиваться исключительно звонкой монетой“.

При проведеніи 600 миллионнаго принудительнаго займа 1796 г., о которомъ мы уже упоминали въ гл. VIII-ой, производится еще одинъ опытъ частичной натурализаціи финансовой системы. Устанавливается своеобразное соотношеніе цѣнностей металла, хлѣба и ассигнатовъ, какъ произвольно выбираемыхъ средствъ его покрытія: звонкая монета принимается по номинальному написанію, хлѣбъ по цѣнѣ 1790-го года, ассигнаты по $\frac{1}{100}$ -ой нарицательной стоимости (ст. 7 декрета 19 фримэра г. IV — 10 декабря 1795 г.).

Нѣсколько позже приказъ Директоріи 27 нивоза г. IV (17 января 1796 г.) установилъ обязательное соотношеніе между ассигнаціоннымъ и натурально-металлическимъ покрытіемъ займа: послѣ 30 нивоза (20 января) всѣ платежи въ департаментахъ должны производиться наполовину въ металлъ или въ хлѣбъ и лишь наполовину въ ассигнатахъ, считая по курсу Парижской биржи для департамента Сены, за 10 дней до внесения налога.

Еще позже, чтобы сократить ассигнаціонное покрытіе законъ 19 вантоза (9 марта 1796 г) устанавливаетъ, что ассигнаты будутъ приниматься послѣ срока лишь по 110 единицъ за каждую металлическую единицу плюсъ 1 единица за каждый день просрочки⁹⁾.

И все же, хотя дѣйствительное покрытіе займа немногимъ превышаетъ $\frac{1}{4}$ его объявленной суммы, почти $\frac{3}{4}$ этой внесенной части составляютъ ассигнаты, остальную $\frac{1}{4}$ — звонкая монета, а хлѣбомъ вносится лишь совершенно незначительная доля. Участъ, не многимъ лучшая чѣмъ попытку натурализаціи основнаго поземельнаго налога постигаетъ и опыты факультативной натурализаціи принудительнаго займа¹⁰⁾.

2. Въ серединѣ 1795 г. колебанія курса ассигнатовъ приняли характеръ совершенно необычайный. Въ теченіи 1—2 часовъ расценка падала а иногда и повышалась на 20—25% ихъ стоимости.

Луидоръ, который въ 11 часовъ утра цѣнился въ 200 ливр. въ ассигнатахъ, въ 12 часовъ стоилъ уже 250 ливровъ.

Еще нѣсколько позже колебанія цѣны металла доходили уже до 500 — 1000 ливровъ въ день бумажками за 100 л. звонкой монетой.

Нужно было найти какой либо выходъ, но всѣ предлагавшіеся пути не представлялись удовлетворительными.

Можно сказать, что съ весны 1795 г. вопросы денежнаго обращенія и финансовъ выдвигаются на первый планъ передъ общественнымъ сознаниемъ Франціи, затмѣвая собою всѣ остальные проблемы времени. Волненіе умовъ достигаетъ невиданнаго размѣра и экономическая мысль страны работаетъ напряженно, какъ никогда. Проблема ассигнаатовъ трактуется всесторонне и въ полномъ объемѣ врядь ли остается какой либо моментъ не дискутирующійся въ томъ или иномъ сочетаніи въ эту пору, такъ что весь кругъ идей, относящійся къ вопросу о бумажныхъ деньгахъ и ставшій достояніемъ всего позднѣйшаго времени, не исключая и современности, оказался намѣченнымъ именно тогда. Собственно двѣ основныя проблемы ставились на очередь самымъ существомъ вопроса о ликвидаціи системы эмиссій.

Это были: *во первыхъ*, проблема реорганизаціи денежнаго обращенія и, *во вторыхъ*, проблема построенія новаго финансоваго аппарата.

Однако, эта послѣдняя, финансовая проблема, обладающая вообще говоря наибольшей грозностью для всякаго государства, пользующагося эмиссионной операціей при покрытіи своего расходнаго бюджета, именно въ эту пору, стала не то, что отходить на второй планъ, но *отделяться* отъ вопросовъ ассигнаціоннаго обращенія.

Причина заключалась въ томъ, что начиная съ весны 1795 г. темпъ обезцѣненія ассигнаатовъ, какъ мы показали, сталъ примѣрно въ 10 разъ превосходить темпъ ихъ эмиссій, несмотря на все предѣльное напряженіе послѣднихъ.

Съ финансовой точки зрѣнія это означало, что эмиссионная операція давала въ 10 разъ меньше того, что рассчитывали отъ нея получить и задача покрытія непокрытой ею части расходовъ приобрѣтала вполнѣ самостоятельное содержаніе. Разрѣшать эту задачу удавалось лишь путемъ значительнаго сокращенія фактически оплачиваемыхъ расходовъ, чему особенно помогло уменьшеніе военныхъ затратъ, благодаря заключенію мира съ цѣлымъ рядомъ членовъ Европейской коалиціи: съ Пруссіей, Голландіей, Испаніей и Тосканой.

Проблема же реорганизаціи денежнаго обращенія сама разлагалась на двѣ части: *циркуляторно-техническую* и *соціально-экономическую*.

Первая касалась техническихъ методовъ перехода отъ ассигнаціоннаго обращенія къ какому либо иному; вторая — необходимой координаціи этихъ методовъ съ соціально-экономическими интересами различныхъ группъ населенія, какъ владѣльцевъ опредѣленныхъ массъ ассигнаціонной наличности, съ одной стороны, и какъ участниковъ цѣлой системы построенныхъ на этой основѣ кредитныхъ отношеній, — съ другой.

Что касается перваго момента, то логически здѣсь были мыслимы 3 исхода.

Устранить дезорганизирующее вліяніе на народное хозяйство эмиссій вообще, и неимовѣрныхъ скачковъ обезцѣненія ассигнаатовъ въ это время въ особенности, можно было либо лишая деньги ихъ мѣновыхъ функцій (всѣхъ или нѣкоторыхъ), либо возвращаясь къ металлической валютѣ, либо, наконецъ, создавая новую, устойчивую бумажную валюту.

О полной натурализаціи обмѣна и устраненіи денежныхъ знаковъ вообще, конечно, не могло быть и рѣчи; частичная же натурализація, предложенная Жанъ-Бономъ — натурализація мѣрила цѣнности и оставленіе за ассигнатами лишь функціи орудія обмѣна, какъ мы говорили выше, была Конвентомъ отвергнута, ибо также создала бы огромное количество затрудненій при ея практическомъ осуществленіи.

Замѣна же ассигнаатовъ другими денежными знаками — металлическими или бумажными — требовала прежде всего выработки формъ полной или частичной ликвидаціи наличной въ обращеніи ассигнаціонной массы.

Нужно различать *три основныя формы* такой ликвидаціи. Она можетъ быть произведена:

1) путемъ давленія на легальную цѣнность бумажныхъ денегъ (девальвація и аннулированіе); 2) путемъ суженія сферы ихъ значимости (спеціализація функцій, обмѣнъ на облигаціи и т. д.); 3) путемъ сокращенія циркулирующей массы (принудительное изытіе части ея изъ обращенія).

Первая изъ этихъ трехъ формъ можетъ быть названа *цѣнностной*; вторая — *циркуляторной*, третья — *количественной*.

Каждая, изъ нихъ можетъ мыслиться и частичной и полной каждая можетъ выполняться технически различными методами; каждая влечетъ за собою цѣлый рядъ соціально-экономическихъ слѣдствій, предварительный учетъ которыхъ и составляетъ важнейшую задачу разработки предпринимаемой реформы.

Что касается давленія на легальную цѣнность ассигнаатовъ, то о полномъ аннулированіи ея въ 1795 г. еще никто не думаетъ.

Слишкомъ большую роль они еще играютъ въ товарномъ оборотѣ, несмотря на всѣ вибраціи ихъ реальной расцѣнки и несмотря на быстро возрастающую циркуляцію металла.

О *девальваціи* же, т.-е. о пониженіи легальнаго платежнаго значенія ассигнаатовъ, говорятъ много и охотно.

Единовременную девальвацію предлагаетъ Конвенту, напр., деп. *Гоффманъ* путемъ пониженія на $\frac{3}{4}$ номинальной стоимости ассигнаатовъ въ товарныхъ сдѣлкахъ и на $\frac{1}{4}$ въ илательжахъ за національныя земли, при уплатѣ налоговъ и покупкѣ билетовъ лоттереи, которыя онъ предлагалъ объявить на общую сумму въ 5 милліардовъ ливровъ (засѣданіе 19-го флореаля года III-го)¹¹).

Сходную операцію скомбинированную съ нѣкоторыми усложняющими моментами проэктировали деп. Анжерранъ (Engerrand); уничтоженіе принудительнаго курса ассигнатовъ и пониженіе ихъ цѣнности на $\frac{3}{4}$, затѣмъ, черезъ некоторое время, обмѣнъ ихъ въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ оставшейся цѣнности на ипотечныя свидѣтельства, и въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ — на новые ассигнаты въ 50, 100 и 200 л., которые должны быть выпущены (засѣданіе 22 флореаля года III-го)¹²).

Постепенную (ступенчатую) девальвацію предлагалъ днемъ раньше деп. Раффронъ въ видѣ пониженія номинальной стоимости ассигнатовъ на 1% въ мѣсяцъ (засѣданіе 18 флореаля г. III-го)¹³).

Этимъ путемъ цѣнность ассигнатовъ была бы сведена на нѣтъ въ теченіи 8 лѣтъ 4 мѣсяцевъ.

Многочисленныя другія разновременна выдвигавшіяся предложенія девальваціи проэктировали понизить легальную цѣнность ассигнатовъ — до соотвѣтствія съ реальной цѣнностью обезпечивающихъ ихъ земель, какъ предлагалъ Бэйоль 22 февраля 1796 г.; — до $\frac{1}{10}$ номинальной цѣнности, какъ предлагалъ Камюсъ 23 февраля 1798 г.; — до $\frac{1}{20}$, какъ предлагалъ въ томъ же засѣданіи Перрэнъ де Вогъ; — до $\frac{1}{25}$, какъ предлагали Иснаръ и Добермениль 25 февраля; до $\frac{1}{40}$, какъ предлагалъ Бурдонъ де Л'Уазъ 5 марта; и даже, — до $\frac{1}{100}$, какъ предлагалъ Дюбуа-Дюбэ 9 марта 1796 г.¹⁴).

О фактической девальваціи рѣчь идетъ каждый разъ, когда поднимается вопросъ о повышеніи расцѣнки продаваемыхъ національныхъ земель, бывшихъ не только юридически залоговымъ обезпеченіемъ полноцѣнности ассигнатовъ, но и фактически, при минимальныхъ налоговыхъ поступленіяхъ, важнѣйшимъ источникомъ хотя бы временнаго возвращенія ассигнатовъ въ государственныя кассы. Оппозиція справа называетъ это „фактической демонетизаціей“, пользуясь въ данномъ случаѣ наиболѣе популярнымъ въ это время и употребляющимися въ самыхъ различныхъ значеніяхъ терминомъ¹⁵).

Основное возраженіе, выдвигавшееся противъ всѣхъ проэктвъ девальваціи вообще, заключалось въ формулировкѣ *Вернье* въ слѣдующемъ.

„Для того, чтобы эта мѣра была справедливой, нужно, чтобы количество ассигнатовъ, имѣющееся на рукахъ у всѣхъ гражданъ, соотвѣтствовало бы ихъ благосостоянію, ихъ имуществу и было бы пропорционально тому обложенію, которое они должны нести для покрытія расходовъ государства. А это условіе на дѣлѣ не осуществляется“¹⁶).

Но, на самомъ дѣлѣ, въ условіяхъ времени это возраженіе теряло свою силу. Ибо реальная расцѣнка ассигнатовъ во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ все равно была гораздо ниже тѣхъ нормъ девальваціи, которыя предлагались. Платежи же государству, за крайней скудностью

налоговыхъ поступленій, не могли имѣть большаго значенія въ общей суммѣ затратъ каждаго налогоплательщика, да и повышеніе ихъ такимъ путемъ представляло собою чисто финансовое, а не общеимущественное мѣропріятіе. Такимъ образомъ, девальваціей затрагивались преимущественно интересы пріобрѣтателей національныхъ земель, которые несомнѣнно являлись наиболѣе платежеспособной и зажиточной частью населенія.

Поэтому, когда, въ отвѣтъ на предложеніе Бурдона девальвировать ассигнаты путемъ продажи земель по расчету 40 ассигнанныхъ единицъ за 1, деп. Купэ дю Норъ (Couré du Nord) воскликнулъ „это „банкротство!“, то Бурдонъ справедливо возразилъ ему: „Нельзя называть банкротствомъ проэктъ, возстановливающий по 40 единицъ за 1 цѣнность бумажекъ, которыя упали въ цѣнѣ до 300 за 1“¹⁷).

Вторая идея суженія сферы примѣненія ассигнатовъ, какъ метода ликвидаціи избыточной бумажно-денежной массы, особенно настойчиво проводилась Жоанно (Johannot) въ рядѣ докладовъ Конвенту, въ которыхъ онъ предлагалъ обмѣнять ассигнаты на специально для этой цѣли выпускаемыя ипотечныя свидѣтельства (cédules hypothécaires), являющіеся не универсальнымъ, а специальнымъ платежнымъ средствомъ — средствомъ оплаты національныхъ земель. Они лишены принудительнаго курса и обращаются какъ облигаціи.

Много разговоровъ объ установленіи „ипотечнаго режима“ (regime hypothécaire) ведется въ Конвентѣ также во второй половинѣ 1795 года, когда обсуждается и принимается рядъ резолюцій по этому поводу¹⁸).

Наконецъ, основная идея *третьей формы* ликвидаціи бумажной массы была впервые лансирована несомнѣнно наиболѣе крупнымъ теоретикомъ денежнаго обращенія эпохи — Дюбуа-Крансэ.

Защищая свою идею натурализаціи обложенія онъ одновременно предложилъ слѣдующій способъ изыятія изъ обращенія большей части ассигнатовъ. Всѣ они кромѣ мелкихъ купюръ (ниже 25 ливровъ), должны быть, по его идеѣ, представлены въ національное казначейство и обложены здѣсь новымъ *штампомъ*: послѣ опредѣленнаго срока учтенные такимъ образомъ ассигнаты перестаютъ обращаться въ качествѣ денегъ, но продолжаютъ приниматься въ теченіе нѣкотораго времени въ уплату за національныя земли (засѣданіе 16 флореаля года III — 5 мая 1795 г.). Идея штемпелевки ассигнатовъ была воспринята и въ ближайшіе же дни своеобразно переработана въ проэктъ Бурдона изъ Уазы. Въ засѣданіи Конвента 22 флореаля года III-го (11 мая 1795 г.) онъ такъ изложилъ свой планъ изыятія изъ обращенія излишнихъ ассигнатовъ.

„Мало состоятельный гражданинъ экономя въ расходахъ скопляетъ у себя, напр., 800 ливровъ въ ассигнатахъ. Декретомъ предписывается ему доставить ихъ въ окружной центръ, гдѣ ему выдаютъ

500 ливровъ въ бонахъ, приносящихъ 1½% прибыли и принимаемыхъ въ уплату за національныя земли. Остальные 300 ливровъ провѣряются, снабжаются новымъ штампомъ, отдаются ихъ собственнику и возвращаются въ обращеніе.

„Этимъ путемъ изъ 8 миллиардовъ ливровъ, имѣющихся въ обращеніи, 5 миллиардовъ будутъ изъяты, а 3 миллиарда останутся въ обращеніи и возобновятся въ своей прежней цѣнности“¹⁹⁾.

Эту идею *Бурдонъ де л'Уазъ* облекъ въ проектъ декрета, важнѣйшіе пункты котораго гласятъ слѣдующее:

„II. Въ теченіе 6 декадъ (60 дней) всѣ держатели ассигнатовъ обязаны доставить ихъ въ особыя бюро, которыя будутъ открыты въ центрѣ cadaго округа.

III. Изъ доставленныхъ суммъ ⅘ будутъ обмѣнены на боны, принимаемыя въ уплату за національныя имущества, а ⅜ — на ассигнаты, которые будутъ отмѣнены новымъ штампомъ; только эти штемпелеванныя ассигнаты будутъ циркулировать въ торговлѣ.

IV. Боны, выдаваемые въ обмѣнъ на ⅘ цѣнности старыхъ ассигнатовъ будутъ приносить 1½% дохода и никогда не могутъ быть аннулированы.

V. Въ обмѣнныхъ кассахъ совсѣмъ не будутъ приниматься ассигнаты въ пять ливровъ и ниже“²⁰⁾.

Противъ проэкта *Бурдона*, какъ и противъ проекта *Жоанно*, выдвигается прежде всего то возраженіе (*Жанъ-Бонъ* и др.), что и проектируемыя боны и ипотечныя свидѣтельства силою обстоятельствъ превратятся въ тѣ же бумажныя деньги, только худшаго типа.

„У всѣхъ есть большее или меньшее количество ассигнатовъ — говоритъ *Жанъ-Бонъ-Сентъ-Акдрэ*. — Богачъ, который помѣстилъ свои средства въ торговлю и который не стремится приобрести земельныя имущества, будетъ вынужденъ извлечь свои ассигнаты изъ предпріятія, нарушить свои обязательства, отказаться отъ своихъ операцій и расчетовъ и продать свои боны тому, кто захочетъ приобрести національныя имущества. Такимъ образомъ, торговля будетъ затруднена, а ажіотаждъ снова возрастетъ. Бѣднякъ же, получившій 100 л. въ качествѣ платы за свой трудъ, не сможетъ купить землю и долженъ будетъ обмѣнять свои боны на новые ассигнаты, такъ что на него ляжетъ вся тяжесть ажіотажа“²¹⁾.

Съ технической же стороны процессъ штемпелевки ассигнатовъ крайне трудно осуществимъ, какъ въ силу необходимости собрать ихъ для этого въ немногихъ центрахъ, такъ и ввиду легкости подѣлки штампа²²⁾.

Но идея штемпелевки, какъ метода отличенія части бумажныхъ денегъ допускаемой и впредъ въ обращеніе отъ части изъ обращенія изъ емлемой, неоднократно всплываетъ опять.

Такъ, осенью 1795 г. депутатъ *Ру* (*Roux*) отъ имени „комиссіи пяти“, которой было поручено срочно выработать мѣры смягченія крайне обострившагося продовольственнаго и экономического кризиса представляетъ одновременно проекты: а) возобновленія таксировки товаровъ и заработной платы (на уровнѣ 20-ти кратнаго повышенія цѣнъ 1790-го года), б) военного налога и в) штемпелевки ассигнатовъ.

Согласно послѣднему проекту, всѣ ассигнаты, выпускаемые въ обращеніе въ теченіе ближайшихъ 3 мѣсяцевъ, должны быть обложены новой печатью: остальные должны быть обмѣнены на нихъ съ уплатой налога въ 25% номинала. Только проштемпелеванныя получаютъ преимущество легальнаго обращенія въ теченіе слѣдующихъ 4 мѣсяцевъ, послѣ чего и они должны приниматься лишь въ оплату продаваемыхъ земель²³⁾.

Нѣсколькими мѣсяцами позже, въ концѣ февраля 1796 г., когда разложеніе ассигнаціоннаго обращенія достигло крайнихъ предѣловъ, а циркуляторная масса превышала 36 миллиардовъ, идея проекта *Бурдонъ де л'Уаза* была снова поставлена на обсужденіе въ новой переработкѣ *Добермениля* (*Daubermenil*).

Согласно его проекту, слѣдуетъ установить циркуляторный максимумъ въ 7 миллиардовъ ливровъ и сократить наличную циркуляцію до этой суммы слѣдующимъ образомъ. Всѣ держатели ассигнатовъ доставляютъ ихъ въ спеціальныя кассы, которыя ⅘ каждой представляемой суммы *оставляютъ у себя на храненіе*, а ⅛ штемпелюютъ и выпускаютъ въ обращеніе.

По мѣрѣ продажи земель, изъятія части циркулирующихъ ассигнатовъ изъ обращенія и сокращенія циркуляторной массы ниже установленнаго максимума въ 7 миллиардовъ, части хранящихся въ кассахъ суммъ снова выдаются ихъ владѣльцамъ такъ, чтобы не превысить указаннаго максимума циркуляціи.

Съ этимъ *Добермениль* соединялъ девальвацію до ⅓ номинала, устраненіе металла изъ обращенія и принципиальный тезисъ, что „внутренняя цѣнность ассигнатовъ состоитъ отнюдь не въ ихъ способности обращаться, а въ реальной цѣнности территоріи“²⁴⁾.

Въ болѣе элементарныхъ проектахъ штемпелевки *Гэй-Вернона* (*Gay-Vernon*), *Бержье* (*Bergier*) и *Дюбуа-Крансэ*, предлагалось: *первымъ* — проштемпелевать 3 миллиарда ассигнатовъ со спеціальной ипотекой на остающіеся земли этой цѣнности, и изъ числа проштемпелеванныхъ ассигнатовъ 2 миллиарда предоставить въ распоряженіе правительства на его нужды, а третьимъ (равнымъ по цѣнѣ металлу) изъять изъ обращенія всѣ остальные ассигнаты;

вторымъ — проштемпелевать 1½ миллиарда ассигнатовъ съ курсомъ *al pari* съ металломъ, основывающимся на равной цѣнности земель, свободномъ размѣнѣ, быстромъ изъятіи изъ обращенія и персональномъ обезпеченіи всѣми налогоплательщиками, въ силу чего

на нихъ ставится надпись: „Индивидуальная гарантія всѣхъ гражданъ“²⁵⁾;

третьимъ — обложить всѣ ассигнаты штемпельнымъ сборомъ такъ, чтобы ихъ количество въ обращеніи (включая наличность въ рукахъ государства) было сведено къ 3 миллиардамъ ливровъ²⁶⁾.

Ни одинъ изъ всѣхъ изложенныхъ проектовъ не былъ осуществленъ. Даже проектъ *Жоанно* о выпускѣ ипотечныхъ свидѣтельствъ, получавшій неоднократно резолютивное одобреніе Конвента, не получилъ осуществленія и лишь въ совершенно переработанномъ видѣ былъ позже въ нѣкоторыхъ элементахъ воплощенъ въ „территориальныхъ мандатахъ“, явившихся, однако, новымъ видомъ денежныхъ знаковъ съ универсальной платежною силой.

Реальная же исторія ассигнатовъ развивалась совершенно иначе и явила довольно сложную картину послѣдовательнаго признанія совершившагося обезцѣненія бумажной валюты сначала въ частныхъ сдѣлкахъ, а затѣмъ и въ сношеніяхъ между частными лицами и государствомъ.

Законодательную исторію ликвидаціи ассигнатовъ можно начать съ декрета 25 апрѣля 1795 г. (6 флореаля года III-го), который лишилъ ихъ принудительнаго курса по отношенію къ металлической монетѣ для частныхъ сдѣлокъ.

Декретъ 25 апрѣля, предложенный *Лессажемъ* отъ имени комитетовъ общественнаго спасенія и финансовъ и горячо поддержанный Вернье, Жанъ-Бомомъ Сентъ Андрэ и Камбассарэ, гласитъ, въ непосредственно относящихся къ вопросу пунктахъ, слѣдующее:

„I. Статья 1-ая декрета 2-го апрѣля 1793 г. гласящая, что золотая и серебряная монета Республики не является товаромъ, отмѣняется.

„III. Правительство уполномочивается продолжать расплату вмѣсто золота и серебра ассигнатами въ соотвѣтствіи ихъ цѣны съ означеннымъ товаромъ по курсу“²⁷⁾.

Одинъ неизвѣстный по фамиліи депутатъ (N....) бывшій, повидимому, уже тогда сторонникомъ „государственной теоріи денегъ“, внесъ поправку къ декрету, гласящую, что „золото и серебро являются товаромъ, *кроме тѣхъ случаевъ, когда они монетизированы*“.

„Ибо, — говоритъ онъ, — золотыя и серебряныя *монеты* выражаютъ опредѣленную цѣнность въ силу имѣющей на нихъ печати власти и независимо отъ ихъ внутренней цѣнности: какъ бы послѣдняя ни была велика или мала, печать власти составляетъ во внутреннемъ обращеніи страны все“. „Товаромъ, — доказываетъ онъ, — являются золото и серебро, но не деньги“²⁸⁾.

Однако, его поправка Конвентомъ отклоняется подавляющимъ большинствомъ голосовъ и даже рѣчь прерывается шумомъ и репликами.

Соціальную роль принятой мѣры вкратцѣ опредѣлили *Дюбуа-Крансэ*, говоря (5 мая 1795 г.), что „если она устанавливаетъ равновѣсіе между ассигнатами и маркой серебра, то она разоряетъ держателей ассигнатовъ, рентьеровъ и общественныхъ чиновниковъ, *которые получаютъ только нѣкоторое количество ассигнатовъ, вне всякаго соотвѣтствія съ маркой серебра*“²⁹⁾.

Тѣмъ не менѣе; принятая легализація произвольнаго обезцѣненія основнаго циркуляторнаго средства страны не можетъ долго удержаться.

Общая линія пассивизаціи экономической политики, весьма тяжело отражающаяся на положеніи широкихъ массъ населенія и, въ частности, освящающая законодательной санкціей обезцѣненіе единственно имѣющагося въ рукахъ неимущихъ низовъ покупательнаго средства, приводитъ къ голодному возстанію Парижскихъ предмѣстій подъ лозунгомъ: „Хлѣба и конституцію 1793 года!“ 21 мая 1793 г въ самый разгаръ возстанія, когда термидоріанскій Конвентъ совершенно теряетъ почву подъ ногами, въ промежуткѣ между двумя демонстраціями, проходящими съ оружіемъ въ рукахъ черезъ залъ засѣданій, Конвентъ явно въ удовлетвореніе желаній возставшихъ принимаетъ по предложенію *Бурдона* (изъ Уазы) без] преній краткое постановленіе, коимъ „отмѣняетъ свой послѣдній декретъ, который объявилъ монетизированное золото и серебро товарами и предписываетъ выполнять предшествующіе законы, которые запрещали торговлю металлической монетой“^{29a)}.

Но теперь уже поздно. Это платоническое запрещеніе не оказываетъ, да и не можетъ оказать въ условіяхъ времени, никакого вліянія, тѣмъ болѣе, что и самъ Конвентъ, вынужденный согласиться на него, не придаетъ ему никакого значенія.

Прежде всего, какъ только опытъ возстанія оказался неудавшимся и опасенія Конвента за свою судьбу улеглись, такъ сейчасъ же мы находимъ любопытное ностановленіе, принятое между прочимъ и отмѣченное завиднымъ хладнокровіемъ.

„Республиканскіе ассигнаты и *звонкія монеты* республиканскаго типа будутъ считаться единственными національными деньгами“ — гласитъ ст. 1-ая постановленія 4 іюня 1795 г. о предстоящемъ введеніи „ипотечнаго режима“^{29a)}. Признаніе и бумажныхъ и металлическихъ денегъ полноправными денежными знаками при неустановленіи какого либо легальнаго соотношенія между ними означало предоставленіе свободы въ ихъ расцѣнкѣ и негласную отмѣну запрещенія торговать звонкой монетой, принятаго 21 мая.

Это особенно ярко подчеркивается въ засѣданіи 30 августа 1795 г., когда Конвентъ снова принужденъ вернуться къ этому вопросу.

Докладчикъ *Бэйоль* (Bailleul), выступая отъ имени комитетовъ общественной безопасности, общественнаго спасенія и законодатель-

ства, обсуждая неимоверно тяжкое продовольственное и обще-экономическое положение страны, предлагает принять „мѣры противъ тѣхъ сборищъ, откуда исходитъ сигналъ къ вздорожанію всѣхъ продуктовъ и товаровъ и гдѣ пожирается продовольствіе народа“.

Во главѣ этихъ мѣръ стоитъ запрещеніе „продавать золото и серебро, какъ въ монетахъ, такъ и въ брускахъ, слиткахъ и издѣліяхъ, а также совершать сдѣлки, объектами которыхъ являются эти металлы, на площадяхъ и въ общественныхъ мѣстахъ... *кроме биржъ*“. „Всякій нарушившій это предписаніе, — гласитъ далѣе принятый декретъ, — будетъ присужденъ къ 2 годамъ заключенія въ тюрьмѣ и выставленъ на показъ съ надписью на груди: „Ажіотеръ“, а все его имущество будетъ конфисковано въ пользу республики“³⁰⁾.

Такимъ образомъ, ограниченіе права торговли звонкой монетой признается здѣсь чѣмъ-то новымъ, ранее не существовавшимъ; но и вводимое теперь, оно ограничивается только *территориально* зданіями биржъ, чѣмъ экономическая природа и основное устремленіе такой торговли нимало не затрагиваются.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ о соотношеніи бумаги и металла этимъ постановленіемъ не исчерпывается.

Сознаніе невозможности устойчиваго бумажно-денежнаго обращенія при параллельной съ нимъ циркуляціи металла ясно усваивается чѣлымъ рядомъ членовъ законодательной палаты, такъ что сраженія по вопросу о допустимости конкуренціи съ ассигнатами звонкой монеты постоянно возобновляются, тѣмъ болѣе, что опытъ санкціонированія таковой не только не приводитъ къ тѣмъ благотворнымъ результатамъ, которые отъ нея многими ожидалось, но окончательно разстраиваетъ ассигнаціонное обращеніе.

Такъ, когда въ началѣ февраля 1796 г. деп. *Доши* (Dauchy) докладываетъ Совѣту Пятисотъ просьбу министра внутреннихъ дѣлъ объ ассигновкѣ 10 милліоновъ ливровъ въ металлѣ, то деп. *Бантаболъ* и *Монтмайю* рѣшительно настаиваютъ на томъ, чтобы всѣ ассигновки представлялись только въ ассигнатахъ, ибо противныя дѣйствія ихъ дискредитируютъ, а также на томъ, чтобы между металломъ и ассигнатами не дѣлалось никакой разницы³¹⁾.

Такъ какъ при существующей въ это время нормѣ обезцѣненія ассигнатовъ это требованіе явно невыполнимо (Конвентъ удовлетворяетъ просьбу министра), то въ дальнѣйшемъ такія пожеланія сочетаются обычно либо съ различными проектами девальваціи ассигнатовъ и закрѣпленія ихъ легальной цѣнности на новомъ, значительно пониженномъ уровнѣ, либо съ предположеніями объ изыятіи большей части ихъ изъ обращенія. Въ проектѣ девальваціи *Камюса* (10:1) предлагается послѣ ея проведенія санкціонировать лишь сдѣлки заключаемыя въ ассигнатахъ и производить ими всѣ государственные платежи; въ проектѣ *Добермениля* (девальвація 25:1) предлагается

совершенно запретить продажу металла какъ въ монетахъ, такъ и въ слиткахъ; въ проектѣ *Дюбуа-Крансэ* (сокращеніе циркуляціи до трехъ милліардовъ) предлагается установить, что „ассигнатъ будетъ отнынѣ единственной республиканской монетой: внутри страны никто не сможетъ продавать или покупать золота и серебра, кромѣ случаевъ, когда оно нужно правительству, подѣ страхомъ конфискаціи и тройного штрафа, изъ котораго $\frac{1}{3}$ пойдетъ въ пользу донесшаго о совершеніи незаконной сдѣлки“³²⁾.

Защищая свой финансовый проектъ въ цѣломъ, Дюбуа-Крансэ убѣдительно доказываетъ, что представленіе о необходимости металлическаго обращенія является предразсудкомъ и что правильно организованная бумажно-денежная циркуляція (съ ограниченной величиной денежной массы) съ успѣхомъ можетъ выполнить всѣ денежныя функціи.

„Что массѣ населенія до того, — говоритъ онъ, — будетъ ли денежный символъ его труда металлическимъ или нѣтъ? Развѣ этотъ знакъ является для нея чѣмъ-либо другимъ, кромѣ мѣрила удовлетворенія ея повседневныхъ потребностей? Существуетъ ли такой ремесленникъ или земледѣлецъ, такой пенсіонеръ или чиновникъ, даже рантье (если исключить очень небольшое число послѣднихъ), который когда-либо употреблялъ денежный знакъ, проходящій черезъ его руки, на что-нибудь иное, кромѣ приобрѣтенія пищи и одежды для своей семьи и обезпеченія ей въ теченіи года удовольствій, сообразно его средствамъ? Что ему за дѣло до того, окажется ли въ концѣ года обезпеченіе его трудовъ состоящимъ изъ золота, серебра или бумаги?“³³⁾.

Однако, идея необходимости созданія унитарной (единой и однородной) циркуляціи побѣждаетъ лишь при созданіи новаго типа бумажныхъ денегъ — территориальныхъ мандатовъ. Но тогда осуществить ее уже не оказывается силъ.

Собственно, указанные акты, касающіеся соотношенія бумаги и металла и ихъ права циркуляціи можно считать единственными актами валютной политики термидоріанскаго Конвента, имѣвшими хоть какое-либо реальное значеніе. Всѣ остальные декреты, принятые имъ до его роспуска, какъ-то: о повышеніи цѣнъ продаваемыхъ земель, объ обмѣнѣ ассигнатовъ на ипотечныя свидѣтельства и т. д., либо въ самые короткіе сроки отмѣнялись имъ же самимъ, либо не приводились въ исполненіе.

Директорія, смѣнившая Конвентъ въ концѣ октября 1795 г., принуждена немедленно приступить къ обсужденію финансоваго положенія страны и задачъ денежной политики.

Финансовая Комиссія Совѣта Пятисотъ, избранная 1 ноября 1795 г., 13 ноября (23 брүмэра г. IV) представляетъ свой докладъ Совѣту „о

причинах нынѣшняго положенія финансовъ и о средствахъ ихъ возрожденія“, прочитанный *Эшассерио* старшимъ (L'schasseriau ainé).

„Всѣ экстраординарныя мѣры, — говоритъ онъ, — показались намъ опасными при современномъ политическомъ положеніи: насильственное потрясеніе, которое произведетъ неразумный законъ, можетъ разстроить и разрушить государство, которому необходимо укрѣпиться.

„Уменьшеніе цѣнности ассигнатовъ было подобно незамѣтному налогу, который давилъ на всѣхъ гражданъ; всякій принимаетъ и отдаетъ ассигнаты лишь по той цѣнѣ, которую они стоятъ въ этотъ день: такимъ образомъ, установилась всеобщая справедливость.

„Обезцѣненіе ассигнатовъ — дѣло всѣхъ людей вообще: въ интересахъ торговли и революціи ассигнаты оставили часть своей цѣнности въ тѣхъ рукахъ, черезъ которыя они проходили, въ портфель, который они наполняли, въ состояніяхъ которыя они образовали. Было бы абсурдно, было бы невозможно возратить каждому лицу, послѣдовательно обладавшему ими, ту часть цѣнности, которую они постепенно теряли; было бы еще болѣе абсурдно возмѣстить послѣднему держателю все то, что потеряли другіе“.

Что же касается причинъ обезцѣненія и возможности противодействовать такому, то здѣсь *Эшассерио* защищаетъ менѣе серьезные, но показательные для настроеній времени, положенія.

„Это общественное мнѣніе управляетъ кредитомъ ассигнатовъ, а мнѣніе не зависитъ ни отъ какихъ законовъ. Воля законодателя не можетъ ничего измѣнить въ разницѣ, которая существуетъ между бумагой и металлами... Курсовая расцѣнка ассигнатовъ, которые правительство вводитъ въ обращеніе, можетъ быть обслѣдована и подвержена болѣе правильнымъ варіаціямъ; но никакая сила не можетъ устранить ея вліяніе“³⁴).

Предлагая признать обезцѣненіе ассигнатовъ фактомъ совершившимся и закономѣрнымъ и лишь поручить особой комиссіи опредѣлять текущую ихъ курсовую расцѣнку (подобно тому, какъ биржевой комитетъ публикуетъ ежедневныя котировки различныхъ цѣнностей), *Эшассерио* полагаетъ, что, послѣ проведенія такой девальвации по курсу, послѣдній удастся повысить въ опредѣленной прогрессіи слѣдующимъ образомъ: „Благоразуміе требуетъ, чтобы въ моментъ, когда курсъ будетъ зафиксированъ, были открыты различныя пути для утечки ассигнатовъ: наиболѣе дѣйствительнымъ и въ то же время наиболѣе лойяльнымъ средствомъ, при помощи котораго можно удалить ассигнаты и поднять ихъ курсъ, въ ожиданіи ихъ исчезновенія, было бы предлагать держателямъ ассигнатовъ всегда двойную цѣнность противъ той, которая опредѣляется курсомъ.

„Тогда всѣ интересы объединятся для того, чтобы уменьшить обезцѣненіе ассигнатовъ. Съ момента, когда правительство начнетъ принимать ассигнаты по двойной цѣнѣ противъ той, которой они

обладаютъ въ торговлѣ, та же любовь къ барышамъ создастъ противоположное движеніе курса, настолько же благоприятное республиканскимъ деньгамъ, насколько первое было для нихъ неблагоприятно“³⁴).

Въ дѣйствительности, такую схему нужно признать совершенно ошибочной. Вѣчная курсовая расцѣнка ассигнатовъ являлась результатомъ учета оборотомъ двухъ возможностей ихъ использования: а) въ платежахъ частнымъ лицамъ по цѣнѣ реально равной нѣсколькимъ %% ихъ номинала и б) въ платежахъ государству, принимавшему ихъ все еще полностью по номиналу.

Преходъ государства къ пріему ассигнатовъ также по курсу долженъ былъ явно понизить этотъ послѣдній, такъ какъ уничтожалась единственная возможность реализовать ихъ полную цѣнность. Но это пониженіе курса не должно было быть значительнымъ, ибо реально сумма платежей государству была очень невелика по сравнению съ суммой частныхъ платежей и этотъ второй элементъ цѣны ассигнатовъ игралъ второстепенную роль.

Предлагаемое затѣмъ *Эшассерио* удвоеніе курсовой расцѣнки государствомъ должно было действительно быть принято во вниманіе оборотомъ и нѣсколько повысило бы курсъ ассигнатовъ, но также незначительно по указанной уже причинѣ относительной ничтожности государственно-кассовыхъ оборотовъ по сравнению съ частно-товарнымъ оборотомъ.

Но ужъ во всякомъ случаѣ этимъ путемъ нельзя было достигнуть никакого *длительнаго* (а не единовременнаго), да еще *прогрессивнаго* повышенія расцѣнки ассигнатовъ, какъ то надѣялся *Эшассерио*, ибо для этого, очевидно, не оказывалось никакихъ экономическихъ основаній.

Обсужденіе ряда предложенныхъ *Эшассерио* декретовъ объ уничтоженіи орудій изготовленія ассигнатовъ, о средствахъ постепеннаго добровольнаго изъятія ихъ изъ обращенія (обмѣнъ на ипотечныя удостовѣренія, консолидація въ ренту, организація лоттерей и т. д.), о провозглашеніи свободы частныхъ сдѣлокъ въ любой валютѣ, о публикаціи легальнаго курса ассигнатовъ и т. д., ведется на многодневныхъ и длительныхъ секретныхъ совѣщаніяхъ нижней палаты, послѣ чего деп. *Крассу* (Crassous de l'Herault) оглашаетъ 25 ноября на засѣданіи Совѣта Пятисотъ, что рѣшено въ принципѣ „30 нивоза г. IV-го (19 января 1796 г.) публично сжечь всѣ штампы, формы и матрицы, служащія для фабрикаціи ассигнатовъ“. Специально оговаривается, что „количество ассигнатовъ, которое будетъ находиться тогда въ обращеніи, ни подъ какимъ предлогомъ не сможетъ превысить 30 миллиардовъ ливровъ“ (засѣданіе 4 фримэра г. IV)³⁵). Для обезпеченія этой бумажной массы предлагается выдѣлить часть національныхъ земель, реальной цѣнностью въ 1 миллиардъ ливровъ.

Эти предложенія встрѣчаютъ полное одобреніе огромнаго большинства Совѣта и тутъ же вотируются въ принципѣ.

Въ разработанномъ видѣ они принимаются въ слѣдующемъ засѣданіи вмѣстѣ съ интересными постановленіями о курсѣ ассигнатовъ. Эти постановленія гласятъ:

„1. Начиная съ момента опубликованія этого закона всѣ граждане получаютъ право заключать условія и договоры въ такой формѣ, въ какой они сочтутъ для себя удобнымъ; но, при недостаткѣ металлической монеты, они не могутъ отказываться отъ пріема ассигнатовъ по легально установленному курсу.

„2. Курсъ ассигнатовъ будетъ устанавливаться комиссарами, которые будутъ назначены для этого исполнительной Директоріей.

„3. Работа комиссаровъ будетъ основываться на комбинированіи цѣны размѣна въ главныхъ торговыхъ центрахъ Франціи.

„4. Эта операція будетъ производиться и публиковаться какъ день на основѣ исчисленія средняго курса за предшествующіе 15 дней“³⁶⁾.

Нужно сказать, что вся эта своеобразная система, выработанная финансовой комиссіей Совѣта Пятисотъ не являла собою чего-нибудь принципиально новаго и лишь комбинировала по своему идеи, выдвинутыя гораздо раньше.

Такъ, напр., публичное уничтоженіе штамповъ и матрицъ для печатанія ассигнатовъ послѣ превышенія выпусками опредѣленнаго максимума было предложено деп. *Гоффманомъ* въ засѣданіи 8 мая 1795 г., а также деп. *Ру* въ засѣданіи 24 октября 1795 г.³⁷⁾; сведеніе легальной цѣнности ассигнатовъ къ ихъ фактическому курсу и опредѣленіе послѣдняго правительственными комиссарами неоднократно выдвигалъ *Жоанно*³⁸⁾; наконецъ, разрѣшеніе частныхъ сдѣлокъ на лютую валюту было прямо проведено въ декретѣ 26 апрѣля 1795 г.

Но комбинація этихъ элементовъ создавала своеобразную систему, при которой ассигнаты обладали лишь условно *принудительнымъ* обращеніемъ (въ случаяхъ отсутствія звонкой монеты), а ихъ легальная цѣнность ставилась въ зависимость отъ внѣ-легальной, фактической, съ нѣкоторымъ превышеніемъ послѣдней путемъ исчисленія средней за предыдущей полумѣсяць. что имѣло, очевидно, цѣлью хоть нѣсколько освободить ее отъ вліянія совершенно преходящихъ спекулятивныхъ сдвиговъ.

„Вопросъ, который сталъ на очередь, — докладывалъ Совѣту Пятисотъ деп. *Крассу*, — состоялъ въ томъ, чтобы установить, чѣмъ будетъ опредѣляться курсъ размѣна бумажныхъ денегъ. Комиссія сначала полагала полезнымъ сопоставлять для этой нормировки цѣны различныхъ предметовъ первой необходимости, но послѣ обсужденія этой мысли она была отвергнута и представилось, что слѣдуетъ сосредото-

читься на цѣнѣ золота и серебра въ главныхъ торговыхъ центрахъ Франціи“.

Въ отвѣтъ на требованіе *Беффруа* отложить рѣшеніе вопроса, ибо „этотъ принципъ можетъ сказаться потворствующимъ ажіотажу“. *Крассу* защищаетъ предложеніе комиссіи такимъ глубокомыслиемъ:

„Одно изъ средствъ убить ажіотажъ, — говоритъ онъ, — заключается въ томъ, чтобы поставить правительство внѣ сферы ажіотажа. Когда правительство само устанавливаетъ курсъ, то злонамѣренность часто дѣйствуетъ противъ него, для того, чтобы вызвать пониженіе курса, которое было бы губительно для государственной казны: но эта опасность перестаетъ существовать, когда правительство само слѣдуетъ курсу, когда оно не платитъ вдвое иначе, какъ получивъ также вдвое“³⁹⁾.

Однако, принявъ изложенныя постановленія въ общемъ числѣ 6 финансовыхъ резолюцій, Совѣтъ Пятисотъ черезъ три недѣли вынужденъ ихъ пересмотрѣть, ибо встрѣчаетъ рѣшительное противодѣйствіе Совѣта Старѣйшинъ и части правительства.

Послѣ достиженія циркуляціей 30 милліардовъ, — говоритъ докладчикъ верхней палаты *Лебрэнъ* (*Lebrun*), — правительство останется безъ средствъ, чѣмъ создастся совершенно невозможное положеніе.

Кромѣ того, Совѣтъ Пятисотъ хочетъ представить 30 милліардовъ ассигнатовъ въ 1 милліардѣ звонкой монеты. Но ассигнаты нынѣ такъ обезцѣнились, что представляютъ въ частныхъ сдѣлкахъ лишь 300 — 400 милліоновъ⁴⁰⁾.

Второй докладчикъ *Лафонъ-Лядебо* (*Lafond-Ladebot*) также предлагаетъ отвергнуть резолюціи нижней палаты за невозможностью ихъ финансоваго выполненія. Одинъ изъ дальнѣйшихъ ораторовъ съ экивокомъ на Совѣтъ Пятисотъ, мало заслуженнымъ послѣднимъ, говоритъ объ „опасностяхъ декламации противъ богатыхъ“. Въ результатѣ Совѣтъ Старѣйшинъ отвергаетъ всѣ 6 финансовыхъ резолюцій Пятисотъ⁴¹⁾.

Но необходимость такъ или иначе покончить съ ассигнаціоннымъ обращеніемъ хотя бы потому, что оно уже почти ничего не даетъ, слишкомъ ясна и подъ давленіемъ Директоріи обсужденіе опять возобновляется въ секретныхъ засѣданіяхъ обѣихъ палатъ.

Декретомъ 23 декабря 1795 г. (2 нивоза г. IV) предположенный циркуляторный максимумъ, по просьбѣ министра финансовъ *Файнуля* (*Fauroul*) повышается съ 30 до 40 милліардовъ и уничтоженіе клише ассигнатовъ отсрочивается до этого момента (т.-е. на срокъ необходимый для фабрикаціи 10 милліардовъ), либо до момента поступленія $\frac{2}{3}$ принудительнаго займа⁴²⁾.

Курсъ ассигнатовъ устанавливается теперь ежедневно на Парижской биржѣ и этотъ курсъ регулируетъ торговыя сдѣлки въ де-

партаментъ Сены, другіе же департаменты руководствуются курсомъ Парижской биржи за 10 дней до срока платежа (приказъ Директоріи (11 января—21 нивоза г. IV).

Наконецъ, закономъ 30 января 1796 г. (10 нивоза г. IV) окончательно устанавливается день торжественнаго публичнаго уничтоженія всѣхъ принадлежностей для изготовленія ассигнатовъ, назначаемый на 30 плювіоза (19 февраля 1796 г.); еще одинъ спеціальныи законъ 15 февраля (26 плювіоза) детально регламентируетъ всю процедуру уничтоженія⁴³⁾, которая и совершается въ назначенное время на Вандомской площади съ подчеркнутой торжественностью въ присутствіи толпы народа.

Вмѣстѣ съ принадлежностями для печатанія ассигнатовъ сжигается неиспользованный остатокъ ассигнатовъ на довольно крупную сумму въ 1.167 миллионѣвъ ливровъ.

Особый протоколъ сожженія констатируетъ, что со времени созаданія ассигнатовъ вплоть до постановленія объ ихъ уничтоженіи 23 декабря 1795 г. было выпущено въ обращеніе 33 миллиарда 430 миллионѣвъ 481 тысяча 623 ливра, изъ коихъ ко времени этого постановленія оставалось въ обращеніи 23 миллиарда 673 миллиона 405 тысячъ 428 ливровъ, и что поэтому на основаніи указаннаго закона, разрѣшившаго пополнить циркуляцію до 40 миллиардовъ, Директорія предписала изготовить 16 миллиардовъ 328 миллионѣвъ 540 тысячъ ливровъ, такъ что общая сумма бумажной циркуляціи достигла 39.899.945.428 л.⁴⁴⁾

Дѣйствительно, въ этотъ короткій промежутокъ времени между рѣшеніемъ ликвидировать фабрикацію ассигнатовъ и приведеніемъ его въ исполненіе декреты о новыхъ эмиссіяхъ не только слѣдуютъ одинъ за другимъ, но и разрѣшаютъ сразу массовые выпуски. Послѣ постановленія Комитета общественнаго спасенія 30 октября 1795 г. о фабрикаціи 4 миллиардовъ и приказа Директоріи 17 ноября о фабрикаціи „изъ предосторожности“ еще 4 миллиардовъ въ крупныхъ купюрахъ (2 миллиарда — по 2000 ливровъ, 1 миллиардъ — по 1 тысячѣ и 1 миллиардъ — по 500 и 100 ливровъ) слѣдуютъ постановленія Директоріи 27 декабря 1795 г. о выпускѣ новыхъ 7 миллиардовъ (4 миллиарда по 1—2 тысячи и 3 миллиарда по 10 тысячъ ливр.), 18 января 1796 г. о выпускѣ еще 6.100 миллионѣвъ и, наконецъ, 28 января 1796 г. о выпускѣ послѣднихъ 1.150.980.000 ливровъ⁴⁵⁾.

Но финансовое положеніе Директоріи очень скверно, ибо эта бумажная лавина обезцѣнена до $\frac{1}{250}$ номинальной стоимости.

Директорія принуждена ограничивать свои расходы: постановленіемъ 11 января 1796 г. (21 нивоза г. IV) она обязываетъ казначейство не тратить больше 200 миллионѣвъ ливровъ въ ассигнатахъ въ день, обращая остатокъ производства ассигнатовъ только на покупку металлической монеты.

Еще черезъ двѣ недѣли приказомъ 25-го января Директорія опредѣляетъ максимумъ ежедневныхъ выплатъ изъ казначейства уже только въ 50 миллионѣвъ ливровъ⁴⁶⁾.

А 29 февраля, имѣя въ кассѣ лишь 4—5 миллионѣвъ Директорія приостанавливаетъ платежи⁴⁷⁾.

Послѣ сожженія орудій производства ассигнатовъ курсъ ихъ немного повышается. Луидоръ (24 л.) стоившій 21 февраля 1796 г. 8.137 ливровъ въ ассигнатахъ въ мартѣ падаетъ въ цѣнѣ до 5.800 ливровъ. Но вскорѣ цѣна металла повышается снова и вся надежда на успокоительное вліяніе произведенной операціи окончательно исчезаетъ.

Рѣшивъ въ принципѣ вернуться къ металлическому обращенію, Директорія старается обезпечить себѣ хоть часть поступленій въ металлѣ.

Уже 17 октября 1795 г. декретъ предписываетъ при регистраціи публичныхъ сдѣлокъ, въ которыхъ цѣнность выражена „въ металлической валюте или въ цѣнностяхъ 1790 г. или въ иныхъ цѣнностяхъ, которыя превосходятъ номинальную цѣнность ассигнатовъ“, „взирать за эту регистрацію плату пропорціональную цѣнности акта, также въ металлической валюте, либо ассигнатахъ по курсу“⁴⁸⁾.

Далѣе, 25-го декабря того же года законъ предписываетъ взирать таможенныя пошлины наполовину въ металлѣ, наполовину въ ассигнатахъ; 29-го января 1796 г. это же правило распространяется на штрафы за нарушение таможенныхъ правилъ⁴⁹⁾.

Но все это вмѣстѣ даетъ пока очень немного, а потребности государства велики и насущны.

Подъ ихъ давленіемъ Директорія *изобрѣтаетъ новую форму эмиссіонной операціи, со спеціальнымъ юридическимъ титуломъ*: она прибѣгаетъ къ предварительной реализаціи ожидаемыхъ поступленій отъ объявленнаго 600 миллионнаго принудительнаго займа, уполномочивая государственное казначейство расплачиваться съ поставщиками Республики особыми обязательствами, срокомъ погашенія въ 1, 2 и 3 мѣсяца, именуемыми „рескрипціями на доходы отъ принудительнаго займа“. Такъ какъ они подлежатъ размѣну на металлѣ, то принимаются всѣми государственными кассами наряду съ металломъ. Черезъ три дня казначейству поручается оплачивать этими же рескрипціями (купюрами по 50 и 100 ливровъ) ассигновки отдѣльныхъ министровъ въ предѣлахъ отпущенныхъ имъ кредитовъ (декр. 19 декабря 1795 г.)⁵⁰⁾. Максимумъ выпуска рескрипцій ограничивается 30 миллионами ливровъ⁵¹⁾.

Выплачиваемыя сначала лишь поскольку рѣчь идетъ объ ассигновкахъ, обусловленныхъ платежомъ въ металлѣ (декр. 14 января 1796 г.), рескрипціи скоро становятся платежнымъ средствомъ по всѣмъ ассигновкамъ вообще (ассигнаціонныя перечисляются по курсу) за немногими спеціально оговариваемыми исключеніями (декр. 25

января) и, ввиду прекращения дальнѣйшихъ эмиссій ассигнатовъ, такъ быстро расходуются, что приходится особымъ постановленіемъ Директоріи ограничить ихъ ежедневный расходъ изъ казначейства однимъ милліономъ въ день (декр. 28 января 1796 г.), а затѣмъ даже вновь предписать „производить всѣ ординарные, экстраординарные и секретные расходы министра внутреннихъ дѣлъ въ ассигнатахъ, кромѣ слушаевъ, когда министръ спеціально укажетъ суммы, которыя должно оплатить въ рескрипціяхъ“ (декр. 5-го февраля)⁵²).

За быстрымъ исчерпаніемъ первой 30-ти милліонной эмиссіи, Директорія санкціонуруетъ вторую также въ 30 милліоновъ л., подъ видомъ полномочія, даваемого казначейству, *изготовить* рескрипціи въ обычныхъ купюрахъ съ размѣномъ черезъ 3 и 4 мѣсяца (декр. 13 февраля 1796 г.). Меньше чѣмъ черезъ мѣсяць новый декретъ формально разрѣшаетъ казначейству расплачиваться ими (декр. 9 марта), а еще черезъ 1½ недѣли, на слѣдующій день послѣ постановленія о выпускѣ новаго вида бумажныхъ денегъ — территориальныхъ мандатовъ рескрипціи получаютъ принудительный курсъ и юридически отождествляются съ новыми бумажными деньгами (декр. 19 марта 1796 г.)⁵³.

Въ это время въ гражданскомъ оборотѣ они уже потеряли (при циркуляціи около 60 милліоновъ л.) свыше 50% своей номинальной стоимости⁵⁴).

3. Создавшееся къ этому времени положеніе характеризовалось, какъ мы видѣли, тремя существенными моментами:

Во-первыхъ, — наличностью огромной бумажно-денежной массы въ обращеніи, обезцѣнивавшейся въ пропорціи въ десять разъ большей, чѣмъ возрастали эмиссіи, потерявшей значеніе мѣрила цѣнности и котирувавшейся въ отношеніи металла (вернувшася къ своей роли масштаба цѣнности, но выполнявшего функцію орудія товарообмѣна лишь на ряду съ ассигнатами) по ежедневно падавшему курсу.

Во-вторыхъ, — полнымъ отсутствіемъ источниковъ покрытія государственныхъ расходовъ за малой продуктивностью податного обложенія, неудачей принудительнаго займа и ликвидаціей эмиссій, въ силу чего Директорія была принуждена прибѣгнуть къ замаскированной эмиссионной операціи въ видѣ выпуска рескрипцій.

Въ-третьихъ, — наличностью у государства все еще значительнаго земельного фонда, хоть и сильно сокращеннаго какъ предыдущими продажами, такъ и возвращеніемъ со времени реакціи части земель цѣлому ряду группъ прежнихъ собственниковъ.

Депрецировавшаяся ассигнационная масса въ обращеніи требовала какого-либо отверженія ея цѣнности или замѣны ея какими-нибудь болѣе устойчивыми денежными знаками, ибо катастрофическое обезцѣненіе ея прежде всего отражалось въ огромной дезорганизациіи всего механизма народнаго хозяйства по формулировкѣ Луи Блана „никто не хотѣлъ производить, всѣ только торговали“⁵⁵).

Финансовая немощность государства не позволяла ему отказаться отъ эмиссионной операціи.

И наконецъ, земельный фондъ могъ все еще служить нѣкоторой ширмой для дальнѣйшихъ эмиссій.

Изъ сочетанія этихъ трехъ моментовъ рождаются бумажныя деньги новаго вида, которыя, являясь историческимъ наслѣдникомъ ассигнатовъ и смѣняя ихъ на исторической аренѣ, экономически повторяютъ въ миниатюрѣ всѣ этапы исторіи этихъ послѣднихъ.

Территориальные мандаты, декретированные къ выпуску 18 марта 1796 г.⁵⁶), должны были прежде всего стать временно основнымъ циркуляторнымъ средствомъ страны. Введеніе ихъ въ оборотъ должно совершиться отчасти эмиссионной операціей, главнымъ же образомъ путемъ обмѣна на нихъ ассигнатовъ изъ расчета по 30 ассигнационныхъ единицъ на 1 въ мандатахъ („trente cariteaux pour un“) въ теченіе ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ (ст. 8—9).

Самые мелкіе ассигнаты въ 50 су (2½ ливра) и ниже должны были, по слову декрета, постепенно обмѣниваться на мѣдную монету, по мѣрѣ ея изготовленія, по ¼ ихъ номинальной стоимости (ст. 10). Практическаго значенія эта оговорка, имѣвшая цѣлью создать впечатлѣніе защиты интересовъ неимущихъ слоевъ населенія, не имѣла не только потому, что чеканка монеты почти не производилась, но и главнымъ образомъ потому, что такія мелкія купюры ассигнатовъ въ эту пору, когда считали только тысячами и милліонами, были почти цѣликомъ вытѣснены изъ обращенія.

Территориальные мандаты получаютъ легальный курсъ („соус дѣ моннаіе) во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ, и должны приниматься въ качествѣ звонкой монеты во всѣхъ общественныхъ и частныхъ кассахъ (ст. 2).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, конкуренція благородныхъ металловъ снова устраняется закономъ: „продажа“ золотыхъ и серебряныхъ монетъ воспрещается (ст. 15)⁵⁷).

Съ другой стороны, связь мандатовъ съ земельными имуществами Республики, служащими имъ реальнымъ обезпеченіемъ, подчеркивается еще съ болѣе настойчивостью, чѣмъ для ассигнатовъ. По существу же измѣненіе заключается только въ томъ, что дается гарантія не повышать расцѣнки имуществъ, и устраняются всякіе торги при ихъ продажѣ, такъ что любой владѣлецъ территориальныхъ мандатовъ можетъ незамедлительно приобрести любой участокъ земли по объявленной расцѣнкѣ и получить утвержденный договоръ въ 10-дневный срокъ (ст. 4)⁵⁸).

Экономическая невозможность для широкихъ массъ населенія (являющихся держателями мандатовъ по необходимости) обратить на покупку земель свои повседневно-расходныя средства этимъ нимало

не затрагивается, такъ что „ипотечная природа“ безпроцентныхъ мандатовъ остается все же только теоретической конструкціей.

Наконецъ, финансовое значеніе выпуска мандатовъ определяется слѣдующими постановленіями.

Общій выпускъ мандатовъ заранѣе опредѣляется въ 2 милліарда 400 милліоновъ ливровъ (ст. 1), т.-е. немногимъ больше нормальной циркуляторной массы Франціи. Эта сумма не можетъ быть увеличена въ будущемъ (ст. 3).

Изъ нея „нужное количество будетъ употреблено на извлеченіе всѣхъ ассигнатовъ, которые находятся въ обращеніи изъ расчета 30 денежныхъ единицъ за одну. Изъ избытка эмиссіи 600 милліоновъ будетъ предоставлено національному казначейству, а остальное будетъ помѣщено въ кассу съ тремя ключами“ (ст. 8).

Такъ какъ по расчету авторовъ и защитниковъ проекта ассигнатовъ въ обращеніи находится въ это время, послѣ извлеченія при помощи принудительнаго займа около 12 милліардовъ ливровъ, приблизительно на 24 милліарда, то для обмѣна и извлеченія ихъ потребовалось бы 800 милліоновъ ливровъ въ мандатахъ, т.-е. всего ихъ выпуска. Остальныя $\frac{2}{3}$ очевидно, предназначаются для эмиссионнаго финансированія государственныхъ операцій: первые 600 милл. используются для этой цѣли немедленно, остающійся же 1 милліардъ — въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. На слѣдующій день дополнительный законъ предписываетъ прелиминарно выпустить „удостоверенія на полученіе мандатовъ“ (promesses de mandats), которые подлежатъ обмѣну на мандаты какъ только таковыя будутъ изготовлены, но отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что передаются съ рукъ на руки путемъ индосированія (передаточной надписи)⁵⁹).

Послѣдняя оговорка оказывается практически совершенно невыполнимой и недѣлей позже по предложенію Баллана отмѣняется, и „удостоверенія“ на практикѣ получаютъ всѣ права будущихъ мандатовъ⁶⁰). Совѣтъ Пятисотъ особымъ постановленіемъ санкціонируетъ изготовленіе двухъ штамповъ для фабрикаціи мандатовъ, которые должны изображать: первый — „гражданина, получающаго республиканскія деньги изъ рукъ Минервы, гасящей своими ногами факель раздора; второй — Цереса, приобщающаго къ своимъ благамъ гражданина, пришедшаго обмѣнять республиканскія деньги на земельную, собственность“⁶¹). Обоими этими штампами должны были печататься лишь крупнѣйшія купюры въ 500 ливровъ, остальныя лишь однимъ изъ нихъ.

Общее распредѣленіе купюръ было намѣчено такъ, чтобы изъ 2.400 милл. ливровъ половина, 1.200 милл., пришлась на крупныя купюры въ 500 и 100 ливровъ (700 мил. по 500 ливр, и 500 мил. по

100 л.) 700 милл. на среднія въ 50 и 20 л. (400 милл. по 50 л. и 300 милл. по 20 л.) и 500 милл. на мелкія въ 5 и 1 л. (300 милл. по 5 л. и 200 милл. по 1 л.⁶²).

Связь съ землей, служившая идеологическимъ покровомъ бумажно-денежной природы мандатовъ и символически, выраженная даже въ ихъ рисунокѣ, была закрѣплена исчисленіемъ цѣны обезпечивающихъ ихъ національныхъ имуществъ въ размѣрѣ 22-хъ кратнаго дохода съ земель и 18-ти кратнаго дохода со строеній, фабричныхъ зданій, дворовъ и садовъ. считая и то и другое по цѣнности чистаго дохода въ 1790 г. Въ уплату за нихъ принимались совершенно одинаково и мандаты и звонкая монета по ея написанію. Общая цѣнность земель, предназначенныхъ служить ипотечнымъ обезпеченіемъ мандатовъ, была исчислена въ 3.785 милліоновъ ливровъ. Оцѣнка cadaго участка должна была производиться двумя экспертами въ лицѣ одного представителя отъ администраціи и одного отъ покупателя, послѣ чего всякому, желающему получить въ собственность земельное обезпеченіе мандатовъ, вручался контрактъ при условіи платежа имъ половины стоимости земли немедленно и половины въ теченіи месяца⁶³).

Что же касается обмѣна мандатовъ на ассигнаты, то поставить этотъ вопросъ на практическую почву заставилъ тотъ вскорѣ обнаружившійся фактъ, что эмиссіи мандатовъ безъ соотвѣтствующаго изъятія ассигнатовъ очень быстро обезцѣниваютъ и самые мандаты⁶⁴).

Собственно, идея, которая была выдвинута въ обоснованіе проекта созданія мандатовъ для обмѣна ихъ на ассигнаты, заключалась въ томъ, что создавая новые денежные знаки устойчивой цѣнности и связывая ихъ опредѣленной пропорціей обмѣна съ обезцѣнивающимися ассигнатами, можно остановить обезцѣненіе послѣднихъ.

„Въ 24 часа, — говорится въ одномъ докладѣ Совѣту Пятисотъ 13 марта 1796 г., — правительство утроить дѣйствительную цѣнность ассигнатовъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, курсовая расцѣнка ассигнатовъ равна приблизительно $\frac{1}{300}$ -ой ихъ номинальной ценности. И вотъ: пусть, въ тотъ моментъ, когда мандаты получаютъ принудительный денежный курсъ наравнѣ съ серебромъ, во всѣхъ департаментахъ Республики ассигнаты будутъ обмѣниваться на мандаты по $\frac{1}{100}$ -ой ихъ номинальной цѣнности; тогда эта цѣнность утроится по одному этому слову.

„Пусть ассигнаты, полученные отъ этого обмѣна, сжигаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не останется въ обращеніи на 3 милліарда: тогда эта циркуляція станетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть при нормальныхъ условіяхъ и между ценностью бумажекъ и домѣновъ, которые они представляютъ, установится естественная пропорціональность.

Поскольку, тождество серебра съ мандатами и отношеніе послѣднихъ къ ассигнатамъ установлены закономъ, постольку для ажіотажа не находится больше пищи, онъ умираетъ и Франція избавляется отъ несчастія болѣе ужаснаго, чѣмъ всѣ ея внѣшніе враги вмѣстѣ взяты⁶⁵).

На самомъ дѣлѣ случилось обратное: не устойчивая цѣнность мандатовъ укрѣпила собою расцѣнку ассигнатовъ, а наоборотъ обезцѣненіе ассигнатовъ увлекло за собою и мандаты, объединяющіеся съ точки зрѣнія оборота съ первыми въ единую „бумажную“ массу.

Ипотечное обезпеченіе (связь съ землею) могло гарантировать полноцѣнность лишь весьма небольшой части выпущенныхъ мандатовъ, ибо лишь очень небольшое количество ихъ въ такой короткій срокъ могло быть использовано для приобрѣтенія земель, либо даже только предназначено для этой цѣли.

Остальная же масса мандатовъ, пополняя и безъ того чрезвычайно разбухшій циркуляторный фондъ страны, присоединяясь въ качествѣ третьей денежной системы къ двумъ наличнымъ въ обращеніи Франціи въ это время — ассигнаціонной и металлической, не могла приобрѣсти единственно реального для всякихъ бумажно-денежныхъ знаковъ циркуляторнаго обезпеченія ея цѣнности и такъ или иначе должна была обезцѣниться.

Поэтому, когда черезъ два мѣсяца послѣ выпуска „удостовереній на полученіе мандатовъ“, обезцѣненіе ихъ достигло необычайныхъ размѣровъ. Директорія рѣшила немедленно использовать ихъ для обмѣна на ассигнаты, не ожидая изготовленія настоящихъ мандатовъ. Уже въ концѣ апрѣля 1796 г. при обсужденіи финансовыхъ проектовъ, Робертъ де Тарнъ развилъ мысль, что главной причиной обезцѣненія мандатовъ является конкуренція со стороны ассигнатовъ, мѣшающая правильному выполненію ими денежныхъ функцій (засѣданіе 11 флореала г. IV)⁶⁶). Его предложеніе немедленно приступить къ изытію ассигнатовъ, сданное въ финансовую комиссію, претворилось въ проектъ, доложенный отъ имени послѣдней 5-ю днями позже деп. Монтмэйу (Montmayou).

Въ виду трудности вымѣнять все количество ассигнатовъ, находящееся въ обращеніи, ибо техническіе условія изготовленія мандатовъ требовали значительнаго времени, комиссія повидимому используя выдвинутую ранѣе въ литературѣ идею нѣкоего Панкука (Pankouke)⁶⁷), предложила сначала изъять изъ обращенія крупнѣйшія купюры ассигнатовъ въ 2 и 10 тысячъ ливровъ, которыхъ должно было циркулировать примѣрно на 12 миллиардовъ ливровъ.

„Проектъ, — говоритъ депутатъ Перрэнъ (Perrin) — затронетъ лишь тѣ колоссальныя состоянія, которыя образовались въ теченіи революціи“⁶⁸).

Несмотря на возраженія отдѣльныхъ депутатовъ „[(вѣдь это демонетизація половины нашей денежной циркуляціи!]“ — восклицаетъ Мадье (Madier)], проектъ комиссіи одобряется Совѣтомъ Пятисотъ.

Ассигнаты указанныхъ купюръ должны быть зарегистрированы ихъ держателями въ правительственныхъ кассахъ и изъяты изъ обращенія въ теченіе 1 декады (10 дней) въ департаментѣ Сены и 2 декады — въ остальныхъ.

Зарегистрированные ассигнаты получаютъ то преимущество, что ими можно уплачивать до $\frac{1}{4}$ цѣны продаваемыхъ національныхъ земель, изъ расчета 30 за 1 (поскольку цѣна выражается въ мандатахъ).

Тѣ же ассигнаты, которые не будутъ примѣнены для покупки земель, постановленіе общаетъ въ будущемъ обмѣнять на мандаты, послѣ того какъ будутъ обмѣнены все болѣе мелкіе купюры.

Незарегистрированные въ срокъ ассигнаты крупныхъ купюръ теряютъ свою платежную силу⁶⁹).

Это постановленіе встрѣчаетъ однако рѣшительное противодѣйствіе въ Совѣтѣ Старѣйшинъ и проваливается имъ.

Если изъять изъ оборота 12 миллиардовъ ливровъ ассигнатовъ — аргументируетъ докладчикъ Крэтэ (Cretet), равняющихся по ихъ фиксированной цѣнности (30:1) 400 милліонамъ ливрамъ, то циркуляторная масса ассигнатовъ и мандатовъ сократится до такой степени, которая будетъ явно опасна для нуждъ оборота.

Правда, при исчисленіи имъ „фиксированной цѣнности“ всей циркуляторной массы въ 1 милліардъ онъ учитываетъ только бумажныя деньги и совершенно не упоминаетъ о звонкой монетѣ, властно вторгшейся въ оборотъ и разрушившей собою мѣновую цѣнность и ассигнатовъ и мандатовъ, съ которой въ это время нельзя было не считаться; правда, онъ совершенно не считается съ тѣмъ, что именно значительное сокращеніе бумажной массы могло повысить и укрѣпить цѣнность ея наряду съ металломъ.

Но высказываемое Крэтэ соображеніе, что „эта демонетизація не обезпечиваетъ интересовъ владѣльцевъ“, оказывается, повидимому, рѣшающимъ.

Она затрагиваетъ интересы не только крупныхъ собственниковъ, — говоритъ Крэтэ, ибо ассигнатъ въ 10 тысячъ ливровъ стоитъ на дѣлѣ только 35 ливровъ, а ассигнатъ въ 2 тысячи ливровъ — только 7 ливровъ.

„Многимъ гражданамъ придется отсрочить свои затраты, и такъ уже крайне скудныя, впредь до выполненія формальностей регистраціи; а затѣмъ они будутъ принуждены продавать расписки на свои ассигнаты дѣйствительнымъ богачамъ или скорѣе спекулянтамъ“⁷⁰).

Въ этихъ соображеніяхъ есть доля истины. Но, во-первыхъ, нельзя думать провести какую бы то ни было денежную реформу не затро-

нувь ничьихъ интересовъ, а *во-вторыхъ*, при общемъ обезцѣненіи бумажныхъ денегъ, какъ бы мало сравнительно съ ихъ номинальнымъ написаніемъ теперь ни стоили эти крупнѣйшія купюры, онѣ все же должны были находиться въ рукахъ лишь *наиболѣе* зажиточныхъ слоевъ населенія и, такимъ образомъ, мнѣніе Перрэна слѣдуетъ признать гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ противоположное утвержденіе Крэтэ.

Какъ бы тамъ ни было Совѣтъ Старѣйшинъ согласился со своимъ докладчикомъ и не желая нанести ущербъ держателямъ крупнѣйшихъ купюръ, почти единогласно отвергъ предложеніе нижней палаты.

И если, двумя недѣлями позже, изытіе изъ обращенія части ассигнатовъ все же проводится, то лишь подъ прямымъ давленіемъ Директоріи, послѣ секретнаго засѣданія Совѣта Пятисотъ, безъ преній въ Совѣтъ Старѣйшинъ и въ значительно смягченномъ и менѣе актуальномъ видѣ *обмѣна* ихъ на мандаты.

Закономъ 23 мая 1796 г. (4 прѣріала г. IV) „Совѣтъ Пятисотъ, принимая во вниманіе, что избытокъ денежныхъ знаковъ является причиной ихъ обезцѣненія; что, съ цѣлью сокращенія ихъ массы и установленія должнаго равновѣсія между бумажными деньгами и продуктами и товарами, закономъ 28 вантоза было постановлено, что ассигнаты будутъ изыты по 30 единицъ за 1 и обмѣнены на мандаты; принимая во вниманіе, что злонамѣренность и ажютажъ стремятся использовать время фабрикаціи мандатовъ и распространить безпокойство по поводу исполненія закона 28 вантоза и что *нынѣшняя конкуренція между удостовѣреніями на полученіе мандатовъ и ассигнатами вредна* для обѣихъ этихъ бумагъ и умножаетъ шансы и продѣлки ажютажа; принимая, наконецъ, во вниманіе что фабрикація удостовѣреній на полученіе мандатовъ позволяетъ ускорить предположенный обмѣнъ и желая устранить всѣ сомнѣнія и укрѣпить довѣріе“ — постановляетъ, что этотъ обмѣнъ будетъ произведенъ немедленно въ отношеніи „*ассигнатовъ написаніемъ выше 100 ливровъ*“⁷¹).

Предѣльнымъ срокомъ, въ который долженъ быть законченъ обмѣнъ, назначается въ департаментѣ Сены 25 прѣріала, въ остальныхъ 10 мессидора. Для совершенія операціи дается такимъ образомъ 3 и 5 недѣль.

„Послѣ указанныхъ сроковъ ассигнаты выше 100 л. *перестанутъ обладать легальнымъ курсомъ* и смогутъ быть обмѣнены на мандаты или ихъ удостовѣренія *только по расчету въ 100 единицъ за одну*“ (ст. 2).

Самый обмѣнъ будетъ происходить въ Парижѣ у нотаріусовъ, а въ остальныхъ коммунахъ у сборщиковъ общественныхъ податей. (ст. 3).

Что же касается ассигнатовъ остальныхъ купюръ, то декретъ общаетъ опубликовать правила ихъ обмѣна особо (ст. 4).

Дополнительная прокламація Директоріи, изданныхъ на слѣдующій день (5 прѣріала г. IV), устанавливаетъ точно самый порядокъ обмѣна и распределяетъ *по днямъ* отъ 16-го до 25-го обмѣнъ ассигнатовъ различныхъ цѣнностей⁷²).

О проведеніи самой процедуры обмѣна, а также о вліяніи, которое оказало на циркуляцію бумажныхъ денегъ извѣстіе о немъ, мы можемъ почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія изъ доклада Беффруа въ засѣданіи 26 мая 1796 г.

Для обмѣна въ Парижѣ открываются 13 бюро. Каждый гражданинъ, можетъ обмѣнять въ одинъ и тотъ же день въ одномъ бюро 330 тысячъ ливровъ въ ассигнатахъ любыхъ купюръ изъ тѣхъ, которыя предназначены къ обмену въ этотъ день. При расчетѣ, что въ часъ будутъ проходить по 16 человекъ въ каждомъ бюро, окажется, что сумма обмѣна можетъ достигнуть 2.787 миллионъ ливровъ въ день. Всего же въ обращеніи финансисты Директоріи насчитываютъ 21 миллиардъ.

Разсматривая причины текущего обезцененія ассигнатовъ, *Беффруа* считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ его то обстоятельство, что со времени объявленія о предстоящемъ обмѣнѣ „*торговцы не хотятъ принимать другихъ ассигнатовъ, кромѣ купюръ въ 100 ливровъ и ниже (пока не подлежащихъ обмѣну)*. А это заставляетъ держателя крупныхъ ассигнатовъ, которыми онъ долженъ оплатить свое пропитаніе, сбывать ихъ съ рукъ для того, чтобы получить средства существованія“⁷³).

Это мало понятное предпочтеніе необмѣниваемыхъ ассигнатовъ обмѣниваемымъ, объясняется, повидимому, не столько возможными временно уклоненіями курсовыхъ расценокъ ассигнатовъ и мандатовъ отъ законной пропорціи обмѣна 30:1, сколько нежеланіемъ торговцевъ, скопившихъ большія массы денежныхъ знаковъ, еще больше увеличивать тѣ значительныя суммы ихъ, которыя они принуждены были предъявлять для обмена.

Однако самый обмѣнъ не протекаетъ такъ гладко, какъ это предполагалось.

Наканунѣ истеченія срока, 9-го мессидора (27 іюля 1796 г.), Директорія принуждена просить Советъ Пятисотъ *отсрочить окончаніе операціи* обмѣна въ провинціи еще на 3 недѣли. Причина заключается въ слѣдующемъ. „Предположеніе о наличности въ департаментѣ Сены болѣе значительнаго количества ассигнатовъ, чѣмъ тамъ оказалось во время обмѣна, побудило оставить здѣсь гораздо большую сумму мандатовъ, чѣмъ та, которая оказалась нужной; а это явилось причиной того обстоятельства, что суммы, рапределенныя

между другими департаментами оказались недостаточными и этот дефицит не могъ быть покрытъ раньше истечения срока, указанного закономъ 4 прэриала....". Предполагалось же, по сообщенію *Беффруа*, при обсужденіи посланія Директоріи (засѣданіе 26 іюня 1796 г.), что въ Парижѣ находится 15 милліардовъ ассигнатовъ ⁷⁴).

И хотя онъ ссылается на то, что ко времени завершения обмѣна въ Парижѣ „ажіотажъ заставилъ эту сумму отхлынуть въ провинцію“, гдѣ обмѣнъ, как мы видѣли, продолжался позже, но явно, что если всего въ обращеніи находилось въ это время лишь 21 милліардъ, то почти $\frac{3}{4}$ этой суммы (71%) не могло находиться въ одномъ Париже и стало быть распредѣленіе денежной массы было просто неправильно исчислено.

Поэтому новый декретъ 9 мессидора г. IV продолжилъ срокъ обмѣна въ провинціи до 30 мессидора (ст. 1), т.-е. еще на 3 недѣли.

Но опредѣленіе дальнѣйшей судьбы ассигнатовъ, которые останутся не обмѣненными по истеченіи этого новаго срока, теперь мѣняется: они *теряютъ право быть принятыми какими либо общественными кассами* и не смогутъ быть обмѣнены на мандаты ни въ какой пропорціи (ст. 2) ⁷⁵).

Во исполненіе этого постановленія, комиссары національнаго казначейства, 9 іюля 1796 г. (21 мессидора г. IV) рассылаютъ департаментскимъ сборщикамъ податей циркуляръ, въ которомъ указываютъ слѣдующія формы проведенія въ жизнь изложеннаго постановленія.

Въ каждой территоріальной единицѣ, отъ низшихъ (коммунъ) до высшихъ (департаментовъ), производится послѣдовательная провѣрка наличности кассъ всѣхъ сборщиковъ податей, учетъ находящихся въ нихъ на 30 мессидора ассигнатовъ выше 100 ливровъ и регистрація ихъ по отдѣльнымъ купюрамъ. Провѣрка эта производится представителями мѣстныхъ властей и результаты ея заносятся въ особые протоколы, которые пересылаются послѣдовательно изъ каждой нижней инстанціи въ каждую высшую. Учетъ ассигнатовъ, полученныхъ въ обмѣнъ на мандаты производится параллельно и также заносится въ особые протоколы. При этомъ, агенты администраціи, провѣряющіе наличность кассъ высшихъ (окружныхъ, районныхъ и т. д.) финансовыхъ органовъ, суммируютъ и завѣряютъ донесенія всѣхъ низшихъ органовъ даннаго района. Самые же ассигнаты впредь до распоряженій остаются на мѣстахъ ⁷⁶).

Однако, несмотря на угрозу лишенія не обмѣненныхъ ассигнатовъ платежной силы, часть тѣхъ, которые подлежали обмѣну, продолжала циркулировать и гораздо позже истечения срока.

Въ этомъ можно убѣдиться путемъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ. Въ гл. V-ой мы видѣли (см. выше, стр. 79), что купюрами

отъ 500 до 10.000 ливровъ было выпущено въ обращеніе около 35 милліардовъ (34.737 милліоновъ). Эту сумму нужно сократить на 840 милліоновъ королевскихъ ассигнатовъ, изъятыхъ изъ обращенія уже раньше и увеличить на 3.515 милліоновъ республиканскихъ ассигнатовъ купюрами въ 125 — 400 ливровъ. Такимъ образомъ, общая сумма купюръ выше 100 ливровъ равнялась 37.412 милліонамъ ливровъ изъ общаго количества въ 45½ милліардовъ ливровъ, т.-е. св. 80% всего выпуска.

Если считать, что къ моменту обмѣна въ обращеніи, за изъятіемъ въ счетъ принудительнаго займа, находился только 21 милліардъ какъ сообщалъ *Беффруа*, то ассигнатовъ купюрами выше 100 ливровъ должно было находиться не меньше чѣмъ на 15 милліардовъ.

Между тѣмъ, по сообщенію *Рамеля*, изъ общей суммы эмиссіи мандатовъ въ 2.400 милліоновъ, въ обмѣнъ на ассигнаты ушелъ только 351 милліонъ ливровъ ⁷⁷); такъ что, принимая во вниманіе норму конверсіи въ 3,33% номинальной стоимости ассигнатовъ (30:1), мы найдемъ, что ассигнатовъ было обмѣнено только на 10.530 милліоновъ.

Въ дѣйствительности же циркуляція ассигнатовъ была въ это время, повидимому, значительно больше указанной *Беффруа* цифры, такъ что циркуляція крупныхъ купюръ и необмѣненный остатокъ были еще больше. Часть его, впрочемъ, была вѣроятно до обмѣна вывезена за границу, часть погибла раньше при всякихъ пожарахъ, кораблекрушеніяхъ и т. д.

Выработавъ схему смѣны бумажныхъ денегъ одного типа другимъ, Директорія приступаетъ съ самаго начала къ практическому отождествленію новыхъ денежныхъ знаковъ съ металлическими.

„Начиная съ настоящаго дня, — гласитъ постановленіе Директоріи 19 марта 1796 г., — министры будутъ подписывать ассигновки, подлежащія оплатѣ національнымъ казначействомъ только въ звонкой монетѣ (en espèces), а не въ ассигнатахъ по ихъ номинальной стоимости.“

„Суммы ассигнованій, представляемыхъ казначейству, будутъ оплачиваться либо въ удостовѣреніяхъ на полученіе территоріальныхъ мандатовъ, либо въ ассигнатахъ по расчету 30 денежныхъ единицъ въ одну“ ⁷⁸).

Съ другой стороны, настоящему металлу объявляется война. Возобновляются постановленія 1793 года, но безъ ихъ силы и успѣха.

„Никакія покупки, продажи, договоры, сдѣлки или соглашенія, оговаривающія передачу какихъ-либо суммъ, — гласитъ ст. 4-ая закона 27 марта 1796 г., — не могутъ заключаться, ни представляться къ исполненію иначе какъ въ территоріальныхъ мандатахъ или въ удостовѣреніяхъ на полученіе мандатовъ. Всѣ иныя условія будутъ отвергаться трибуналами какъ не заключенныя“. (ст.4).

„Тѣ лица, которыя откажутся принимать въ уплату территориальные мандаты или удостовѣренія на ихъ получение, будутъ приговариваться въ первый разъ къ штрафу, равному отвергнутой суммѣ, во второй разъ къ двойному штрафу, и въ третій разъ къ 10 годамъ тюремнаго заключенія...“ (ст. 3).

„Тѣ лица, которыя своими писаніями или рѣчами станутъ почитать мандаты, будутъ приговариваться въ первый разъ судомъ исправительной полиціи къ штрафу не менѣе 1000 л. и не болѣе 10.000 л.; въ случаѣ же рецидива будутъ преслѣдоваться уголовнымъ судомъ и присуждаться къ 4 годамъ каторги“ (ст. 2)⁷⁹⁾.

Этотъ декретъ, названный по содержанию его *первой* (пропущенной нами по сравнительной маловажности) статьи „карательнымъ закономъ противъ изготовляющихъ и распространяющихъ фальшивые мандаты“, былъ, въ силу особаго распоряженія Директоріи отъ 7 апрѣля 1796 г., опубликованъ при трубныхъ звукахъ во всѣхъ коммунахъ Республики⁸⁰⁾.

Но борьба Директоріи противъ циркуляціи металла не отмѣчена той рѣшимостью и послѣдовательностью какъ борьба Конвента эпохи Камбона и Робеспьера. Такъ, запрещая въ декретѣ о выпускѣ мандатовъ, 18 марта 1796 г. продажу золотыхъ и серебряныхъ монетъ (ст. 15), Директорія отнюдь не запрещаетъ продажу самихъ металловъ въ сплавахъ и слиткахъ.

Больше того: спеціальнымъ закономъ 29 апрѣля 1796 г. (10 флоREALIA г. IV) Совѣтъ Пятисотъ *отмѣняетъ* старый законъ 23 брюмера года II-го, предписывавшій конфисковывать всѣ зарытые въ землѣ или иначе сокрытые благородные металлы, какъ въ монетахъ, такъ и въ слиткахъ и драгоцѣнностяхъ, и вознаграждать въ размѣрѣ ½ цѣнности скрытаго всѣхъ указавшихъ его мѣстонахожденіе⁸¹⁾.

Но рѣшающее значеніе имѣла не эта непослѣдовательность валютной политики Директоріи, а обстоятельства самой денежной циркуляціи и сопротивление среды, побороть которое Директорія не имѣла силы.

Звонкая монета заполнила уже въ это время всѣ каналы обращенія и вернулась къ выполненію всѣхъ денежныхъ функцій вообще.

И такъ какъ она представляла собою для торгового оборота огромныя преимущества, по сравненію съ колоссально вибрирующей и постоянно падающей въ расцѣнкѣ бумажной валютой всѣхъ видовъ, *то оборотъ активно воспротивился устраненію звонкой монеты, а Директорія не располагала силой для проведенія своихъ предписаній въ жизнь.*

Такимъ образомъ, создалось такое положеніе, что масса территориальныхъ мандатовъ поступала въ обращеніе не въ замѣну вытѣсняемаго металла и не въ обмѣнъ на ассигнаты, а въ дополненіе къ

тѣмъ и другимъ, дополненіе ненужное и вредное для оборота, который расцѣнивалъ каждую единицу ихъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше была величина эмиттируемой массы и чѣмъ болѣе ненужной и вредной для оборота была каждая эта добавочная бумажно-денежная единица.

Вначалѣ, при первомъ выпускѣ территориальныхъ мандатовъ, гражданскій оборотъ расцѣнилъ ихъ по отношенію къ ассигнатамъ *выше*, чѣмъ ихъ расцѣнила Директорія. Въмѣсто официальнаго мѣноваго отношенія къ ассигнатамъ 1:30, за единицу въ мандатахъ давали 36 единицъ въ ассигнатахъ.

Этотъ интересный фактъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первый моментъ ихъ старались получать тѣ лица, которыя рассчитывали приобрести ими національныя земли по фиксированной расцѣнкѣ. Первый выпускъ былъ усвоенъ, такимъ образомъ, не какъ универсальное, а какъ спеціальное платежное средство, которое, въ силу присвоенной ему особой привилегіи оплаты земель по фиксированной расцѣнкѣ, имѣло смыслъ купить по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ официальная, заплативъ ассигнатами, этой привилегіей не пользовавшимся⁸²⁾.

Но важно не то, что эта повышенная ассигнаціонная расцѣнка была быстро нивелирована, а то, что расцѣнка въ *металль* съ самаго начала установилась въ 18% номинальнаго написанія мандатовъ.

Эта курсовая расцѣнка мандатовъ, установившаяся съ самаго начала такъ низко, стала затѣмъ падать съ быстротой еще превзошедшей обезцѣненіе ассигнатовъ въ послѣдніе мѣсяцы передъ этимъ.

Движеніе металлической цѣны мандатовъ во время увеличенія ихъ циркуляторной массы (въмѣстѣ съ предшествовавшими имъ и отождествленными съ ними закономъ рескрипціями, которыхъ было выпущено на 60 милліоновъ л.) показываетъ слѣдующая таблица⁸³⁾.

ТАБЛИЦА XVI.

Эмиссіи и обезцѣненіе территориальныхъ мандатовъ.

Сроки.	Выпущено въ обращеніе.	Цѣна 100 ливровъ мандатовъ въ металлѣ.
10 апрѣля 1796 г.	60.700.000 ливр.	18,00 ливр.
1 мая „	138.045.325 „	12,05 „
1 іюня „	495.004.025 „	7,05 „
1 іюля „	1.355.315.975 „	7,25 „
1 августа „	1.962.067.475 „	3,50 „
1 сентября „	2.383.855.875 „	2,45 „
10 сентября „	2.100.000.000 „	5,13 „

(Движеніе курса мандатовъ нанесено на діаграммѣ № 2 въ видѣ добавочной линіи въ клѣткахъ 1796 года, послѣ прекращенія линіи курса ассигнатовъ).

Такой темпъ реального обезцѣненія заставляеть Директорію отказать отъ дальнѣшаго поддержанія легальной цѣнности мандатовъ на уровнѣ ихъ номинала.

Закономъ 23 іюля 1796 г. (5 термидора года IV) „Совѣтъ Пятисотъ, принимая во вниманіе, что необходимо вернуть торговлѣ ея активность и сдѣлкамъ гражданъ свободу, которая обезпечиваетъ быстрое улучшеніе во всѣхъ частяхъ народнаго хозяйства“, постановляетъ, что:

„1) Со дня опубликованія настоящаго закона всякій гражданинъ будетъ воленъ заключать сдѣлки въ такой формѣ, въ какой ему представится желательнымъ; обязательства, которыя будутъ имъ подписаны, подлежатъ исполненію въ тѣ сроки и въ тѣхъ цѣнностяхъ, въ какихъ они обусловлены.

„2) Никто не можетъ отвергать платежа въ мандатахъ по курсу дня и мѣста, гдѣ платежъ совершается.

„3) Всѣ постановленія, противныя настоящему закону отмѣняются“⁸⁴).

Такимъ образомъ, какъ законы 25 апрѣля и 4 іюня 1795 года уничтожили значеніе ассигнатовъ, какъ единственнаго законнаго платежнаго средства и возвратили металлической монетѣ такое же значеніе, предоставивъ гражданскому обороту произвольно устанавливать соотношеніе ихъ цѣнностей, такъ этотъ законъ 23 іюля 1796 г. совершилъ подобную же операцію по отношенію къ смѣнившимъ ассигнаты территоріальнымъ мандатамъ.

Но, оба эти акта, уничтожая *принудительную цѣну* обоихъ видовъ бумажныхъ денегъ, сохраняютъ за ними *принудительное обращеніе*, т. е. обязательство принимать ихъ по курсовой цѣнѣ.

Принявъ этотъ принципъ для урегулированія частныхъ сдѣлокъ Директорія, нуждающаяся въ средствахъ, которыхъ ей уже не даютъ въ нужныхъ количествахъ бумажныя эмиссіи, начинаетъ перечислять налоги и другіе доходы для возстановленія ихъ полноцѣнности.

При этомъ перечисленіи примѣняются два метода. *Первый* состоитъ въ перечисленіи налоговыхъ ставокъ и ожидаемыхъ поступленій по *товарной цѣнности мандатовъ*, именуемой въ это время цѣнностью „представительной“ (*valeur representative*), примѣнительно въ цѣнѣ важнѣйшаго товара — хлѣба.

Каждый франкъ (ливръ) налоговой ставки подлежитъ уплатѣ мандатами въ размѣрѣ текущей стоимости 10 фунтовъ пшеницы.

Этотъ методъ, впервые примѣненный для перечисленія земельного обложенія на IV-ый годъ еще въ законѣ 26 іюня 1796 г. (8 мес-

сидора г. IV) и распространенный на слѣдующій день на исчисленіе въ мандатахъ договорныхъ арендныхъ платъ, былъ установленъ такимъ образомъ еще почти за мѣсяць до формальнаго провозглашенія принципа курсовой (въ металлѣ) расцѣнки мандатовъ для частныхъ сдѣлокъ.

Но черезъ нѣсколько дней основная идея такого перечисленія была нѣсколько измѣнена, ибо самая цѣна фунта пшеницы была разъ навсегда опредѣлена для этого исчисленія въ размѣрѣ 16 су, (зак. 2 іюля 1796 г. — 21 мессидора г. IV)⁸⁵). Въ силу этого все построеніе потеряло характеръ скользящей скалы, измѣняющей суммы платежей параллельно товарному обезцѣненію бумажныхъ денегъ.

Однако и послѣ формальнаго признанія курсовой расцѣнки мандатовъ во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ, принципъ „представительной“ (товарной) расцѣнки ихъ, при платежахъ государству (съ указанной оговоркой) примѣняется въ законахъ о перечисленіи регистраціоннаго налога и таможенныхъ и навигаціонныхъ пошлинъ (законы 1 августа 1796 г. — 14 термидора г. IV)⁸⁶).

Изданный въ тотъ же день законъ о новомъ тарифѣ гербоваго сбора требуетъ оплаты его звонкой монетой (стр. 4).

Но уже въ предыдущій день, въ законѣ объ уплатѣ послѣдней четверти цѣны національныхъ домэновъ, принимается *второй методъ* бумажно-денежнаго перечисленія поступленій — по уровню *металлическаго курса мандатовъ*.

Этотъ принципъ вскорѣ обобщается закономъ 9 августа 1796 г. (22 термидора г. IV).

„Совѣтъ Пятисотъ, принимая во вниманіе, что невозможно, безъ вреда для общественныхъ интересовъ, задерживать взиманіе налоговъ; и что столь же справедливо какъ и необходимо побудить собственниковъ и налогоплательщиковъ вносить цѣнности, которыя могутъ обезпечить существованіе однихъ и обслуживаніе другихъ“... — постановляетъ, что впредь всѣ налоги будутъ взиматься либо въ звонкой монетѣ, либо въ мандатахъ, считая ихъ цѣнность *по курсу*⁸⁷).

Курсъ будетъ публиковаться ежедневно національнымъ казначействомъ. Директорія же будетъ сообщать (каждый первый и шестой день декады) среднія нормы курса за каждые предшествующіе 5 дней; они будутъ разсылаться по всѣмъ департаментамъ и немедленно передаваться всѣмъ сборщикамъ налоговъ для руководства при полученіи платежей въ теченіе очередныхъ 5 дней.

Первая такая фиксація курса на полу-декаду публикуется въ постановленіи Директоріи отъ 13 августа 1796 г. (26 термидора г. IV); дальнѣйшія слѣдуютъ регулярно черезъ каждые 5 дней въ теченіе ряда слѣдующихъ мѣсяцевъ⁸⁸). За этотъ періодъ можно отмѣтить только 2 постановленія, относящіяся къ техникѣ установленія курса,

но весьма ярко отражающія въ себѣ основной экономической процессъ обезцѣненія мандатовъ.

Первымъ изъ нихъ (законъ 27 августа 1796 г.) опредѣлялось, что, впредь курсъ мандатовъ будетъ публиковаться безъ указанія дробныхъ единицъ ниже 5 су (25 сантимовъ); если курсовая расцѣнка мандатовъ въ металлъ на сколько-нибудь превышаетъ опредѣленное количество ливровъ съ 25, 50, 75 или 100 сантимами, то курсъ фиксируется съ прибавкой къ этимъ суммамъ еще полныхъ 25 сантимовъ⁸⁹⁾.

Но черезъ три съ небольшимъ мѣсяца новый декретъ 4 декабря 1796 г. постановляетъ, что впредь курсъ будетъ публиковаться съ точностью до 1 су (5 сантимовъ).

Ибо, — аргументируетъ докладчикъ въ Совѣтѣ Пятисотъ Жильберъ-Демолье (Gilbert-Desmolier), когда была установлена предѣльная точность курса въ 5 су, то мандаты стоили 8—10 ливровъ за 100. Теперь же цѣна ихъ такъ упала, что 5 су (въ металлѣ) составляютъ $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{12}$ стоимости этихъ бумагъ, такъ что пренебреженіе ими въ силу прежняго декрета наносить существенный ущербъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и государству⁹⁰⁾.

Отказавшись отъ законодательнаго закрѣпленія цѣнности территориальныхъ мандатовъ и принявъ принципъ курсовой расцѣнки ихъ, Директорія вначалѣ еще не отказывалась отъ надежды повысить ихъ курсъ иными методами.

И дѣйствительно: когда въ августѣ 1796 г. начинается продажа земель, то курсъ мандатовъ, являющихся въ этомъ случаѣ самымъ дешевымъ средствомъ приобрѣтенія реальныхъ цѣнностей, быстро повышается и почти утраивается въ теченіе нѣсколькихъ дней. Сто ливровъ въ мандатахъ котируются въ металлѣ⁹¹⁾.

28 августа	1796 г. — по 2 ливра	9	су
31 "	" — " "	14½	"
2 сентября	" — " "	6	"
3 "	" — " "	17½	"
4 "	" — " "	6	"
5 "	" — " "	7	"
6 "	" — " "	16	"
7 "	" — " "	19	"
8 "	" — " "	5½	"
9 "	" — " "	—	"

Но какъ только эти продажи земель снова приостанавливаются (ибо при наличной нормѣ обезцѣненія мандатовъ онѣ превращаются въ почти бесплатную раздачу національнаго имущества), курсъ мандатовъ столь же быстро опускается почти до прежняго уровня.

Остановливаетъ на себѣ вниманіе однако тотъ фактъ, что въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ, вплоть до конца года, курсъ мандатовъ показываетъ неожиданную устойчивость и колеблется лишь въ предѣлахъ отъ 2 до 4 ливровъ за 100.

16 сентября	1796 г. — по 4 ливра	3	су
1 октября	" — " "	3	16¼ "
16 "	" — " "	4	2 "
1 ноября	" — " "	4	4¾ "
16 "	" — " "	2	17½ "
1 декабря	" — " "	2	14¾ "
16 "	" — " "	2	8¼ "
25 "	" — " "	2	2¼ "

Повидимому сравнительная устойчивость курса въ это время и замедленный темпъ обезцѣненія объясняются тѣмъ, что эмиссіи уже исчерпаны и полностью внѣдрены въ народно-хозяйственный оборотъ, такъ что бумажно-циркуляторная масса больше не увеличивается.

Послѣ неудачи этой послѣдней попытки повысить цѣнность мандатовъ Директорія рѣшаетъ окончательно порвать съ системой бумажно-денежнаго обращенія и эмиссионныхъ финансовъ.

Правда, осуществленіе этого рѣшенія представляетъ огромныя трудности и проводится цѣной значительнаго сокращенія реально-расходнаго бюджета и весьма длительныхъ задержекъ, въ производствѣ самыхъ насущныхъ и спѣшныхъ платежей, задержекъ которыми отмѣченъ весь 1796 годъ.

Министры подписывали своимъ контрагентамъ ассигновки, подлежащія оплатѣ государственнымъ казначействомъ. Но казначейство ихъ не оплачивало и эти ассигновки перепродавались съ рукъ на руки по понижающимся расцѣнкамъ, и становились предметомъ не-престаннаго ажіотажа⁹²⁾.

Кассы государства были пусты. Каждый день нельзя было знать, что будетъ завтра. Еще въ 1795 году однажды рѣшено было не платить чиновникамъ жалованія. Затѣмъ было объявлено, что бюрократической аппаратъ черезчуръ великъ и въ короткое время 12.000 чиновниковъ получили отставку. Дѣйствительно переполненіе государственной машины ненужными писцами и чиновниками было чрезвычайно⁹³⁾.

Когда Наполеонъ Бонапартъ со своими войсками былъ отправленъ Директоріей въ февралѣ 1796 г. въ Италію, то ему еле смогли собрать 2000 ливровъ⁹⁴⁾.

Но все же съ конца октября 1796 г. управленіе въ принципѣ рѣшило постепенно переходить къ платежамъ звонкой монетой.

Такъ, законъ 25 октября 1796 г. (4 брѹмэра г. IV) постановилъ:

что считая съ 1 вандемьера (22 сентября) жалование чиновникамъ и служащимъ будетъ уплачиваться наполовину звонкой монетой, а наполовину въ мандатахъ по ихъ номинальной стоимости, которая перечисляется на металлъ по 6 франковъ звонкой монетой за 100 ливровъ мандатами *).

Жалованье же таможеннымъ чиновникамъ по особому закону 5 ноября (15 брjumэра) начиная съ 1 брjumэра (22 октября) должно уплачиваться полностью металломъ ⁹⁵).

Съ 1 нивоза (21 декабря 1796 г.) послѣднее постановление распространяется на всѣхъ чиновниковъ и служащихъ вообще ⁹⁶).

Осуществить эти постановления хоть частично и съ запозданиями удавалось въ значительной степени благодаря побѣдамъ Наполеона Бонапарта и многочисленнымъ контрибуціямъ, собиравшимся его войсками у побѣжденных государей и потекшимъ въ Парижъ непрерывнымъ золотымъ потокомъ.

Уже лѣтомъ 1796 г. это обстоятельство выдвигалъ Дефермонъ въ оправданіе мандатовъ. „Мандаты сослужили вамъ большую службу, — говорилъ онъ Совѣту Пятисотъ въ засѣданіи 4 іюня. — Развѣ могла бы дѣйствовать безъ ихъ помощи наша итальянская армія? А теперь она ихъ мѣняетъ на золото нашихъ враговъ. Уже много милліоновъ контрибуціи прибыло изъ Италіи, чтобы помочь различнымъ частямъ общественной службы“ ⁹⁷).

Послѣдніе акты исторіи ликвидаціи французскаго бумажно-денежнаго обращенія относятся къ веснѣ 1797 г.

Законъ 4 февраля 1797 г. уничтожаетъ „принудительно денежный курсъ“ территоріальныхъ мандатовъ.

Самые мандаты въ это время еще не успѣли быть изготовлены, такъ что вся исторія мандатовъ совершена была предварительными удостовереніями на полученіе ихъ.

Такъ какъ *принудительная цѣна* мандатовъ въ частныхъ сдѣлкахъ была уничтожена уже задолго до этого, а въ платежахъ государству они тоже стали приниматься только по курсовой расцѣнкѣ, то это уничтоженіе „принудительнаго курса“ мандатовъ имѣло значеніе только ликвидаціи *принудительнаго обращенія* ихъ.

„Совѣтъ Пятисотъ, — аргументируетъ декретъ, — заслушавъ свою финансовую комиссію и принимая во вниманіе, что низкая цѣнность мандатовъ, остающихся въ обращеніи, дѣлаетъ ихъ бесполезными для сдѣлокъ между гражданами; что, однако, они поощряютъ спекуляцію, вредящую интересамъ казначейства, и содѣйствуютъ продленію опасныхъ осложненийъ въ счетоводствѣ общественныхъ сборовъ“... — по становляетъ отмѣнить принудительно-денежный курсъ („cours forcé de monnaie“) мандатовъ въ частныхъ сдѣлкахъ (ст. 1).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Директорія прекратитъ публикацію курса мандатовъ (ст. 2). Въ теченіе ближайшихъ 1½ мѣсяцевъ, до 1 жерминаля (21 марта), находящіеся въ обращеніи мандаты будутъ приниматься государственными кассами по послѣднему опубликованному курсу въ оплату налоговыхъ недоимокъ предшествующихъ годовъ, принудительнаго займа, продаваемыхъ національныхъ домѣновъ, и только ²/₆ послѣдней четверти стоимости земель, проданныхъ во исполненіе закона 28 вантоза г. IV.

По истеченіи же этого срока мандаты будутъ приниматься лишь въ уплату за подлежащія продажѣ національныя земли *при условіи обмѣна ихъ на квитанціи государственнаго казначейства* (ст. 3—4).

Однако и въ этомъ случаѣ ими можетъ быть оплачена лишь *половина* цѣны земель; остальная половина должна быть покрыта металломъ или равнозначущими ему цѣнностями (ст. 9).

Самый процессъ обмѣна мандатовъ на квитанціи казначейства долженъ происходить такимъ образомъ: держатель мандатовъ вноситъ ихъ въ бюро департаментскихъ сборщиковъ налоговъ, которые отправляютъ ихъ въ казначейства, присылающія взаменъ этого указанныя квитанціи на предъявителя, сообразно внесеннымъ суммамъ мандатовъ, перечисленнымъ на металлъ по послѣднему объявленному курсу (ст. 5).

Мандаты же, находящіеся въ государственныхъ кассахъ и имѣющіе поступить впослѣдствіи, должны быть немедленно по поступленіи аннулированы и погашены; ни подъ какимъ предлогомъ они не могутъ быть выпущены больше въ обращеніе (ст. 11) ⁹⁸).

Постановленіе и дѣйствіе этого декрета распространяются, недѣлей позже (декретъ 10 февраля 1797 г. — 10 плювіоза г. V) ⁹⁹), и на находящіеся въ обращеніи ассигнаты въ 100 и меньше ливровъ, которые также подлежатъ изъятію въ тѣ сроки и на тѣхъ же условіяхъ, что и мандаты, по обычному расчету 30 за 1.

1 апрѣля 1797 г. казначейство во исполненіе предписаній объ уничтоженіи бумажныхъ знаковъ требуетъ къ себѣ все ихъ наличное количество изъ мѣстныхъ кассъ ¹⁰⁰).

Наконецъ, 25 и 28 января 1798 г. обѣ законодательныя палаты принимаютъ постановленіе о выдачѣ уполномоченнымъ Директоріи всѣхъ штамповъ, матрицъ и прочихъ принадлежностей изготовленія мандатовъ съ цѣлью ихъ уничтоженія ¹⁰¹).

*) Реально это сводилось къ пониженію всѣхъ окладовъ до 56% ихъ величины.

частично вовлекаются в сферу кредитных связей, правда лишь в их наименее существенной форме потребительского кредита.

Поэтому, мы подчеркиваем что противопоставляя указанные классовые направления двух основных тенденций эмиссионного хозяйства, мы разграничивали лишь *важнѣйшія*, но не единственные сферы дѣйствія ихъ.

Сопутствующія же направления скрещиваются между собою потому, что факторами эмиссионного сдвига, въ установившейся социально-экономической обстановкѣ являются помимо —

1) ранѣ данныхъ различій *соціальной силы* борющихся группъ, — еще

2) *направление эмиссионного напряженія страны* и

3) общественная *техника эмиссионного ввѣдренія* новой денежной массы въ народно-хозяйственный оборотъ.

И если перерождение товарно-мѣновой системы давить съ наибольшей силой на имущественные низы и отражается прежде всего въ сдвигъ сложившихся между-классовыхъ отношений, то это происходитъ потому, что параллельно развивается процессъ *внутри классового приспособленія* къ перерождающимся мѣновымъ формамъ. Номинальная переоцѣнка товаровъ, вызываемая возрастаніемъ циркуляторно-денежной массы, развивается подъ вліяніемъ двухъ послѣднихъ факторовъ не вполне равномерно по отдѣльнымъ товарнымъ группамъ; но въ общемъ все же стремление къ восстановленію равновѣсія въ концѣ концовъ проявляется. Его вызываютъ къ жизни силы экономической конкуренціи и иереливъ капиталовъ изъ менѣе фаворизируемыхъ отраслей промышленности въ болѣе фаворизируемые внутреннимъ расхожденіемъ системы цѣнъ; а въ результатѣ самое это расхождение нивелируется.

Иное съ внутри-классовымъ сдвигомъ, вызываемымъ перерожденіемъ *кредитной системы*.

Автоматическое приспособленіе ихъ къ процессу обезцѣненія денежной единицы невозможно, ибо существенной ихъ характеристикой является ихъ *зафиксированность* въ определенномъ *номинальномъ* выраженіи.

Такая фиксація обосновывается обычно устойчивой цѣнностью денежныхъ единицъ, гарантированной не столько „внутренней цѣнностью“ представляющаго ихъ металла, сколько ограниченностью его количества въ распоряженіи мирового обращенія.

Поэтому, эмиссионное обезцѣненіе денежной единицы вноситъ непоправимое разрушеніе въ самое экономическое содержаніе обязательствъ, освобождая должника отъ его долга, ибо онъ имѣетъ возможность погасить обязательство обезцѣненными бумажками, и лишая кредитора предоставленнаго имъ въ пользование другимъ иму-

XIV. Кредитныя слѣдствія и финансовые результаты эмиссій.

1. Разстройство денежнаго обращенія, вносящее дезорганизацию во всю хозяйственную жизнь страны, выражается прежде всего въ расхожденіи номинальной и реальной цѣнности денежной единицы.

Въ свободно-мѣновомъ хозяйствѣ такое расхожденіе разлагаетъ двѣ замкнутыя системы отношений, строяемыя на основѣ учета привычно-устойчивой цѣнности денегъ, которая сочетается съ определеннымъ номинальнымъ написаніемъ.

Это, *во-первыхъ*, система товарно-мѣновыхъ отношений и, *во-вторыхъ*, система цѣнностно-кредитныхъ отношений.

Съ точки зрѣнія социальныхъ результатовъ перерожденія этихъ системъ оба процесса имѣютъ довольно различное значеніе. Аспектъ общественныхъ отношений хозяйства побуждаетъ изслѣдовать прежде всего междугрупповое *перераспределеніе* отношений экономической силы — имущества и дохода, скрытое подъ маской номинально-денежнаго перечисленія хозяйственныхъ цѣнностей.

И вотъ, въ то время, какъ главнымъ результатомъ эмиссионнаго перерожденія товарно-мѣновой системы является сдвигъ въ *между-классовомъ распределеніи* народно-хозяйственнаго дохода, главнымъ результатомъ перерожденія цѣнностно-кредитной системы является сдвигъ *внутри-классового распределенія* доходовъ и имущества.

Этотъ второй сдвигъ ограничивается предѣлами между-группового перемѣщенія хозяйственныхъ цѣнностей внутри одинаго имущаго класса, противостоящаго неимущимъ, трудовымъ низамъ. Послѣдніе этимъ сдвигомъ не затрагиваются уже потому, что они вообще не являются участниками системы кредита, какъ постоянного института расширенія покупательной силы и производственной предприимчивости капитализма.

Нельзя, конечно, *безусловно* противопоставлять эти два процесса по сферамъ ихъ классоваго вліянія. Ибо, съ одной стороны, перерожденіе товарно-мѣновыхъ отношений оказываетъ вліяніе не только на между-классовое распределеніе, но весьма чувствительно отражается и во внутреннихъ передвиженіяхъ цѣнностей отъ однихъ имущественныхъ группъ къ другимъ; а, съ другой стороны, и трудовыя группы

щества, ибо реальная цѣнность погашеннаго по номиналу кредита совершенно ничтожна.

Исторія эмиссионнаго хозяйства Французской Революціи, обезцѣненіе чьей валюты достигло, какъ мы видѣли, катастрофическихъ размѣровъ, является рядъ опытовъ борьбы противъ создавагося, такимъ образомъ, положенія.

Инициатива въ этомъ отношеніи принадлежала *Жанъ-Бону Сентъ-Андрэ*, который не только выдвинулъ вопросъ объ урегулированіи частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ, но и съ самаго начала указалъ ту схему его разрѣшенія, которая была осуществлена въ послѣдующіе годы.

Аргументативно *Жанъ-Бонъ* исходилъ при этомъ изъ необходимости борьбы противъ обезцѣненія ассигнатовъ, какъ такового.

„Я знаю, — говорилъ онъ, — въ засѣданіи 17 мая 1795 г., — что недовѣріе къ нашему денежному знаку является одной изъ причинъ того печальнаго положенія, въ которомъ мы находимся. Откуда возникаетъ это недовѣріе? — Изъ нарушенія справедливости.

„Пусть постоянная и неизмѣнная справедливость обезпечить каждому то, что ему принадлежитъ; пусть правительство платить тому, кому оно должно и заставить платить себѣ то, что ему должны; пусть каждый выйдетъ изъ того состоянія банкротства, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, — тогда довѣріе возродится и вы выйдете изъ лабиринта, въ которомъ вы заблудились.

„Нужно зафиксировать образецъ постоянства, который не могъ бы быть измѣненъ ни вами, ни кѣмъ бы то ни было; нужно поддерживать силу сдѣлокъ и исполнять ихъ согласно ихъ условіямъ; въ этомъ средство возстановить равновѣсіе между цѣной продуктовъ и вашими представляющими деньгами (*monnaie representative*).

„Нужно провести мѣру всеобщую, примѣнимую ко всѣмъ. Я желаю, чтобы Конвентъ установилъ сначала основоположный принципъ для общественныхъ и частныхъ сдѣлокъ; и чтобы затѣмъ онъ поставилъ въ порядокъ дня большой вопросъ о томъ — не слѣдуетъ ли *выработать лѣстницу постоянной и неизмѣнной цѣнности, согласно которой должны исполняться всѣ сдѣлки*“¹⁾.

Это предложеніе было встречено аплодисментами и, какъ можно судить по краткому сообщенію „*Moniteur'a*“, черезъ 10 дней было представлено Конвенту въ разработанномъ проэктѣ *Дефермона* объ установленіи для всякаго рода договоръ цѣнностной лѣстницы согласованій (*échelle de gradation*), проектъ поддержанномъ и самимъ Жанъ-Бонемъ.

Но въ ближайшее время вниманіе Конвента было отклонено въ сторону вопроса объ урегулированіи государственныхъ доходовъ и этотъ же принципъ получилъ иное примѣненіе. Нѣкій гражданинъ *Ж. Б. Ф. Фр. Морисъ* (*J. B. Rh. Fr. Maurice*) доставилъ Конвенту свой рукописный

мемуаръ, озаглавленный „Средства возстановить порядокъ въ финансахъ“, въ которомъ онъ предложилъ измѣнять норму податнаго обложенія пропорціонально экономически-законному обезцѣненію денежныхъ знаковъ, какъ оно опредѣляется количественной теоріей денегъ, т.-е. строго пропорціонально увеличенію денежной массы²⁾.

Этотъ принципъ признается соединеннымъ засѣданіемъ 4-хъ комитетовъ Конвента правильнымъ и кладется въ основу построенія универсальнаго плана финансовыхъ реформъ докладываемаго Конвенту деп. *Ревбелломъ* и уже изложенному нами въ основныхъ чертахъ въ главѣ VIII (§ 4).

Кардинальное значеніе имѣетъ въ немъ перечисленіе всѣхъ платежей государства по определенной скалѣ пропорцій, связующей норму уплатъ съ количествомъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Но изъ частныхъ сдѣлокъ и платежей этому же принципу здѣсь односторонне подчиняется лишь поземельно-арендная плата, чѣмъ явно подчеркивается преимущественное огражденіе интересовъ группы земельныхъ собственниковъ.

Отмѣненный вскорѣ послѣ его опубликованія этотъ декретъ 3 мессидора года III-го (21-го іюня 1795 г.) практическаго значенія вообще никакого не имѣлъ и долженъ быть отмѣченъ лишь какъ первый опытъ законодательнаго проведенія совершенно новаго принципа преодоленія противорѣчій между закреплѣнностью легальной цѣнности денежной единицы и длительнымъ паденіемъ ея реальной цѣнности.

Первыя же практическія мѣропріятія по урегулированію частныхъ кредитныхъ отношеній имѣли характеръ предварительный и имѣли задачей предотвратить возможность экономически неправомѣрнаго погашенія долговъ обезцѣненной валютой, но еще не опредѣляли формъ возстановленія полноцѣнности расплатъ.

Требованія такихъ прелиминарныхъ мѣръ раздавались и въ прессѣ и въ петиціяхъ, посылавшихся Конвенту.

Такъ, петиція гражданина *Бертрана*, переданная 6 іюля 1795 г. Конвентомъ Комитету законодательства, настаивала на отсрочкѣ всѣхъ погашеній долговъ частныхъ лицъ впредь до вотированія „способовъ предотвращения гибели кредиторовъ“.

13 іюля 1795 г. (25-го мессидора года III-го) *Савари* отъ имени этого комитета выступилъ съ требованіемъ воспрещенія если не всѣхъ погашеній обязательствъ, то во всякомъ случаѣ тѣхъ, которыя были заключены до начала обезцѣненія бумажныхъ денегъ.

Но его докладу Конвентъ принимаетъ декретъ которымъ, *во первыхъ*, воспрещаются всѣ досрочныя уплаты долга: „Ни одинъ кредиторъ не можетъ быть принужденъ принять обратно кредитованную

сумму отъ того, кто ему долженъ, до срока указаннаго въ его обязательствѣ“.

И, во-вторыхъ, временно приостанавливаются возмѣщенія капитальныхъ суммъ всѣхъ долговъ („рентъ“), которыя были созданы до 1 января 1792 г., равно какъ и возмѣщеніе капиталовъ мужемъ женъ въ случаѣ развода³⁾.

Однако эти отсрочки немедленно вызываютъ рядъ протестовъ группъ, заинтересованныхъ въ противоположномъ рѣшеніи вопроса и уже черезъ два дня въ Конвентъ вносится предложеніе измѣнить принятое постановленіе. Успѣха оно не имѣетъ, но зато и новое предложеніе Комитета законодательства, распространить отсрочку погашенія на рядъ обязательствъ, заключенныхъ послѣ 1 января 1792 г. также отвергается (9 вандемьера г. IV).

Съ замѣщеніемъ Конвента Совѣтомъ Пятисотъ, закономъ 12 фри-мэра г. IV-го (3 декабря 1795 г.) дѣйствіе закона 25 мессидора факультативно распространяется на всѣ не коммерческіе обязательства вообще.

„Совѣтъ Пятисотъ, принимая во вниманіе, что онъ обязанъ остановить распространеніе тѣхъ покражъ, которыя недобросовѣстные должники ежедневно производятъ у своихъ кредиторовъ“, постановляетъ, что —

„всякій кредиторъ, который сочтетъ, что ему причиняется ущербъ предложеніемъ платежа или погашенія капиталовъ, по какому-либо общественному или частному обязательству, заключенному ранѣе 1 вандемьера, за исключеніемъ коммерческихъ векселей, выданныхъ однимъ торговцемъ другому, — будетъ вправѣ отвергнуть такое предложеніе, впредь до отмѣны настоящаго постановленія“⁴⁾.

Однако, неполнота и непоследовательность этого предварительнаго законодательства были очевидны. Ибо, съ одной стороны, оно касалось лишь капитальныхъ суммъ заемныхъ обязательствъ, а не уплаты %, которые продолжали покрываться бумажками, обезцѣнившимися внѣ всякаго соотвѣтствія съ реальной цѣнностью занятыхъ суммъ. Съ другой же стороны, право кредитора отвергнуть погашеніе долга и произвольно удлинитъ значимость и необходимость оплаты долговыхъ обязательствъ, означало, для кредитныхъ отношеній, совершенно непредвидѣнное нарушеніе извнѣ общеэкономическаго расчета должника и вызывало сокращеніе и приостановку заключенія дальнѣйшихъ кредитныхъ сдѣлокъ; а для капиталистическаго хозяйства, развивающагося на основѣ кредитныхъ отношеній, это было равносильно пониженію его жизнеспособности.

Послѣ созданія въ концѣ марта 1796 г. территориальныхъ мандатовъ вопросъ вступилъ въ новую фазу.

При введеніи въ обращеніе новой бумажной цѣнности, равнозначной металлу, становилось возможнымъ покрывать ею всѣ обяза-

тельствъ, номинальное выраженіе которыхъ подразумѣвало полноцѣнность платежнаго средства. Сюда относились 2 группы обязательствъ: а) обязательства, заключенныя до начала обезцѣненія бумажныхъ денегъ и б) обязательства, заключенныя въ металлъ хотя бы и послѣ начала процесса обезцѣненія ассигнатовъ.

Съ другой стороны, обязательства, заключенныя въ бумажныхъ деньгахъ въ процесѣ ихъ обезцѣненія, должны быть возмѣщены въ новыхъ полноцѣнныхъ денежныхъ знакахъ, примѣнительно къ мѣрѣ обезцѣненія старыхъ, въ моментъ заключенія займа, т.-е. съ определенной скидкой съ номинальнаго написанія при погашеніи полноцѣнными денежными единицами.

Таковъ, примѣрно, былъ ходъ мыслей докладчика финансовой комиссіи *Дефермона* (Defermon)⁵⁾.

Шестидневное обсужденіе въ Совѣтѣ Пятисотъ представленнаго имъ проекта возобновленія платежей, отсроченныхъ законами 25 мессидора и 12 фри-мэра, и двухдневныя пренія въ Совѣтѣ Старѣйшинъ ведутся преимущественно по основному вопросу желательности или нежелательности перечисленія номинальнаго выраженія обязательствъ и, за сравнительной простотой существа обсуждаемой темы, даютъ мало теоретически интересныхъ аргументовъ. Представители интересовъ кредитующей буржуазіи защищаютъ необходимость перечисленія: представители интересовъ кредитовавшагося сельскаго хозяйства (землевладѣнія и земледѣлія) отвергаютъ его необходимость.

Нѣсколько интереснѣе лишь самое построеніе лѣстницы пропорцій („*échelle de proportion*“) въ соотношеніи занятыхъ и подлежащихъ возвращенію суммъ.

Первоначальный проектъ Комиссіи финансовъ, выработанный ею для перечисленія только процентовъ и недоимокъ по обязательствамъ еще до созданія мандатовъ, устанавливалъ 6 ступеней въ общей скалѣ обезцѣненія, сообразно которымъ указанныя суммы по обязательствамъ, заключеннымъ въ различные періоды отъ начала обезцѣненія до момента обсужденія проекта (декабрь 1795), должны были оплачиваться по 10, 8, 6, 4, 2 и 1 ассигнаціонной единицѣ за единицу предположенную въ обязательствѣ⁶⁾.

Послѣ созданія мандатовъ, которые предполагались по цѣнности равными металлу, формальная постановка вопроса измѣнилась. Теперь нужно было не *умножать* числовое выраженіе обязательствъ для того, чтобы уплачивая обезцѣнившимися со времени займа ассигнатами возратить кредитору реальную ценность занятаго, а наоборотъ: приходилось *сокращать* номинальное написаніе кредитовъ, поскольку они были предоставлены должнику въ бумажныхъ деньгахъ, частично уже обезцѣнившихся. Поэтому, второй проектъ Комиссіи, доложенный *Дефермономъ* въ концѣ марта 1796 г., разграничивая въ „таблицѣ для фик-

саці реальної цѣнности суммъ обязательствъ, заключенныхъ съ 1 января 1792 г. въ ассигнатахъ по ихъ номинальной цѣнности“, 8 ступеней обезцѣненія ассигнатовъ, сокращалъ номинальное написаніе обязательствъ при погашеніи ихъ предположительно полноцѣнными мандатами на суммы отъ 5% до 98%.

Наконецъ, третій проектъ, предложенный Комиссіей после трехдневныхъ преній въ Совѣтъ Пятисотъ, удвоилъ количество ступеней обезцѣненія съ 8 до 16 между тѣми же предѣлами 7).

Самое же разграниченіе отдѣльныхъ этаповъ обезцѣненія во времени было, но завѣренію докладчика въ Совѣтъ Старѣйшинъ, Руссо, исчислено въ соотвѣтствіи съ металлическимъ курсомъ ассигнатовъ согласно регистрамъ казначейства и вексельнымъ курсомъ на Базель, который былъ умѣренъ сопоставленіемъ его съ движеніемъ цѣнъ предметовъ первой необходимости внутри страны 8).

Въ результатъ, принятый законъ 15 жерминаля г. IV-го (4 апрѣля 1796 г. 9) — а) отмѣнилъ предшествующіе законы 25 мессидора и 12 фримэра, вводившіе отсрочку платежей: б) предписалъ погашать мандатами по номинальной расцѣнкѣ всѣ обязательства, заключенныя ранѣе 1792 г., а также тѣ изъ заключенныхъ послѣ этого, въ которыхъ имѣлась оговорка о платежѣ благородными металлами и с) ввель скользящую скалу для исчисления реальной цѣнности долговыхъ обязательствъ заключенныхъ послѣ 1 января 1792 г. безъ такой оговорки. Согласно этой скалѣ обязательства, заключенныя въ 1792 г., должны погашаться мандатами по 95 франковъ за 100, заключенныя въ январь — маѣ 1795 г. по 85 франковъ за 100, заключенныя въ іюнь — сентябрѣ и октябрѣ до начала II года Республики и въ теченіе 6 первыхъ мѣсяцевъ г. II — по 75 франковъ заключенныя во второй половинѣ года II — по 65 франковъ
„ въ первые 3 мѣсяца „ . III — „ 60 „
„ въ нивозѣ и плювіозѣ „ . . „ — „ 50 „
„ въ вентозѣ и жерминалѣ . „ — „ 40 „
„ въ флорэалѣ „ — „ 30 „
„ въ прэріалѣ „ — „ 20 „
„ въ мессидорѣ и термидорѣ „ — „ 15 „
„ въ фрюктидорѣ и дополнит. дняхъ — „ 10 „
„ въ вандемьерѣ года IV — „ 8 „
„ въ брюмерѣ „ „ — „ 6 „
„ въ фримэрѣ „ „ — „ 4 „
„ въ нивозѣ года IV и позже — „ 2 „

Однако, уже, черезъ 3½ мѣсяца послѣ проведенія этого закона онъ потерялъ все свое значеніе. Катастрофическое обезцѣненіе мандатовъ, объявленныхъ имъ законнымъ платежнымъ средствомъ въ предположеніи его реальной, а не номинальной только равноценности

съ металломъ, сократило въ 10 разъ и больше экономическое значеніе дроиводимыхъ платежей по обязательствамъ. Поэтому, въ серединѣ іюля 1796 г., наканунѣ уничтоженія принудительной цѣны мандатовъ въ металлъ и возвращенія свободы сдѣлокъ въ любой валютѣ, дѣйствіе закона 15 жерминаля отмѣняется (законъ 29 мессидора года IV — 17 іюля 1796 г.) 10).

Но, отмѣнивъ прежнюю скалу обезцѣненія, законодатели не могутъ въ теченіе цѣлыхъ 10 слѣдующихъ мѣсяцевъ построить никакой новой и не выносятъ никакого положительнаго рѣшенія о методахъ урегулированія кредитныхъ отношеній.

Это отнюдь не значитъ, что этотъ вопросъ отодвинуть ими на второй планъ. Наоборотъ, онъ не снимается съ обсуждения по цѣлымъ недѣлямъ. Доклады комиссій и пренія смѣняють другъ друга непрерывной чередой; каждый позитивный проектъ обсуждается во всѣхъ деталяхъ, обволакивается тучей сомнѣній, комбинируется съ рядомъ другихъ.

Но положительное рѣшеніе отъ этого не приближается, ибо противорѣчія интересовъ слишкомъ велики и актуальны. Лишь въ февралѣ 1797 г., подъ вліяніемъ отмѣны принудительнаго обращенія бумажныхъ денегъ, рассмотрѣніе нѣсколько подвигается впередъ.

Дебаты касаются, главнымъ образомъ, — 1) выбора критерія обезцѣненія бумажныхъ денегъ и 2) формъ перечисленія на металлъ обязательствъ, заключенныхъ въ обезцѣнивавшихся бумажкахъ въ зависимости отъ мѣста и времени ихъ заключенія. Суммируя всю совокупность преній, мы можемъ выдѣлить изъ нихъ слѣдующіе принципиальные моменты.

По *первому вопросу* противопоставляются другъ другу рядъ критеріевъ: а) металлическій курсъ Казначейства; б) металлическій курсъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Франціи: Парижа, Ліона, Марсея и Бордо, чьи показанія комбинируются другъ съ другомъ (предлож. *Беффруа*); с) курсъ Казначейства исправленный свѣдѣніями объ измѣненіяхъ цѣны золота, недвижимостей и товаровъ въ департаментахъ (предлож. *Камбассерэ*); d) наконецъ, иностранный вексельный курсъ, особенно Базельскій, какъ наиболее вѣрно отражающій среднюю расцѣнку ассигнатовъ внутри страны (предлож. *Табо*).

Что же касается *второго вопроса*, то здѣсь возможныя рѣшенія представляются еще болѣе разнообразными.

Учитывая различіе *пространственныхъ* условій заключенія сдѣлокъ, можно было либо — а) выработать одну общую скалу обезцѣненія, долженствующую примѣняться на всей территоріи Франціи; либо — б) (составить отдѣльныя скалы для cadaго департамента; либо наконецъ, — с) учитывать еще болѣе детальныя различія курсовъ отдѣльныхъ городовъ и селеній.

Имѣя ввиду необходимость разграничить отдѣльные этапы обезцѣненія для всего истекшаго времени, можно было исчислять ихъ либо — а) по цѣлымъ болѣе или менѣе продолжительнымъ періодамъ (семестры, мѣсяцы, декады), либо — б) по отдѣльнымъ днямъ, дабы съ наибольшей точностью установить реальную цѣнность занятыхъ бумажныхъ денегъ.

Самое *перечисленіе* погашаемыхъ обязательствъ могло производиться уполномоченными на то мѣстными органами либо — а) путемъ автоматическаго примѣненія общихъ схемъ (единой или департаментской скалы); либо — б) съ правомъ внесенія измѣненій въ нихъ, въ связи съ выясняемыми конкретными условіями, заключенія каждаго даннаго обязательства; либо — с) помимо выработки какихъ-либо общихъ схемъ, простымъ изслѣдованіемъ средствами судебной экспертизы каждаго случая въ отдѣльности, во всемъ своеобразіи мѣстныхъ условій.

Наконецъ, *органами*, которые уполномочивались на перечисленіе обязательствъ, могли стать либо — а) мѣстные суды (мировые судьи и т. д.), либо — б) специально образуемая комиссія, напр., паритетные жюри изъ землевладѣльцевъ и торговцевъ *).

Всѣ эти элементы рѣшенія, одновременно обсуждавшіеся въ преніяхъ, комбинировались въ рядѣ конкретныхъ предложеній въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ.

Но какъ въ концѣ іюля 1796 г. схема, выработанная Совѣтомъ Пятисотъ, была отвергнута Совѣтомъ Старѣйшинъ, такъ ровно черезъ годъ, большая часть работы нижней палаты была снова отвергнута верхней.

Провести черезъ Совѣтъ Старѣйшинъ удалось лишь одно изъ 5-ти, принятыхъ теперь Совѣтомъ Пятисотъ постановленій, ставшее закономъ 5 мессидора года V-го (28 іюня 1797 г.).

Имъ было предписано только составить въ каждомъ департаментѣ таблицы послѣдовательныхъ расцѣнокъ бумажныхъ денегъ, начиная съ 1-го января 1791 г. въ старыхъ департаментахъ Франціи, а во вновь присоединенныхъ разными актами территоріяхъ, а также въ колоніяхъ — со времени введенія въ нихъ бумажно-денежнаго обращенія (ст. 2).

Ибо „когда наступитъ время перечисленія номинальной цѣнности обязательствъ въ металлическую монету, оно будетъ произведено на основаніи расцѣнки бумажныхъ денегъ общественнымъ мнѣніемъ („valeur d'opinion“) въ моментъ заключенія договора, въ томъ департаментѣ, въ которомъ, онъ былъ заключенъ“ (ст. 1)¹¹⁾. Предѣльнымъ

*) Последнее предложеніе, выдвинутое Тронсономъ - Дюкурэ (Tronson-Ducouray) въ Совѣтъ Старѣйшинъ, какъ мы увидимъ ниже, противъ воли подчеркивало самое существо вопроса.

срокомъ принудительной циркуляціи бумажныхъ денегъ по номинальной цѣнности, по которой должны быть составлены таблицы, былъ указанъ день опубликованія декрета 29 мессидора г. IV-го (17 іюля 1796 г.) (ст. 3).

Самый процессъ составленія таблицъ на мѣстахъ намѣчается въ декретѣ такимъ образомъ: администрація приглашаетъ къ себѣ 15 свѣдущихъ лицъ, которыя, вмѣстѣ съ представителями управленія департамента, выполняютъ работу по даннымъ о сдѣлкахъ совершавшихся на мѣстахъ и путемъ комбинированія данныхъ о мѣстномъ металлическомъ курсѣ бумажныхъ денегъ съ цѣнами недвижимостей, продуктовъ и товаровъ. Для общаго руководства они пользуются сводкой записей государственнаго казначейства о курсѣ бумажныхъ денегъ, приложенной къ декрету. Составленные таблицы печатаются на местахъ и рассылаются мѣстнымъ судамъ и Директоріи, которая печатаетъ общую сводку департаментскихъ таблицъ, также рассылаемую затѣмъ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ (ст. 4—5).

Результатомъ этого декрета явилась большая работа, продѣланная на мѣстахъ довольно быстро: въ большинствѣ департаментовъ она была закончена въ 1½ мѣсяца¹²⁾.

Въ послѣдней 6-ой статьѣ декрета 5 мессидора г. V-го было установлено, что „производство перечисленій по таблицамъ начнется черезъ мѣсяць послѣ опубликованія настоящаго закона“. И даже предусматривалось, что „въ случаѣ, если какая-либо центральная (т.-е. департаментская) администрація не разошлетъ своей таблицы въ этотъ срокъ судамъ департамента, то они, впредь до полученія таблицы, примутъ за норму для своихъ рѣшеній, таблицу ближайшаго сосѣдняго департамента“.

Однако на дѣлѣ проведеніе въ жизнь уже принятаго принципа перечисленія обязательствъ по выработаннымъ таблицамъ было не такъ легко.

Черезъ мѣсяць послѣ принятія закона 5 мессидора, предписывавшаго составить таблицы обезцѣненія, Совѣтъ Старѣйшинъ отказался санкціонировать предложенный ему одновременно декретъ о примѣненіи этихъ таблицъ для перечисленія обязательствъ (засѣданіе 11 термидора — 29 іюля 1797 г.), хотя, какъ говорилъ *Дюшенъ*, докладчикъ въ Совѣтъ Пятисотъ по поводу отклоненія проекта Совѣтомъ Старѣйшинъ, онъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ принятаго закономъ 5 мессидора принципа перечисленія.

Только послѣ новой переработки проекта и введенія въ него ряда оговорокъ онъ былъ санкціонированъ Совѣтомъ Старейшинъ въ законѣ 1 декабря 1797 г. (II фримэра г. VI), коимъ предписывалось сводить суммы обязательствъ, заключенныхъ въ эпоху обезцѣненія бумажныхъ денегъ, къ металлической монетѣ по таблицамъ обезцѣненія (ст. 4).

Что же касается самага составленія таблицъ, то судя по тѣмъ даннымъ, которыя были опубликованы относительно нѣкоторыхъ департаментовъ, можно составить такую картину.

Комиссія въ составѣ представителей администраціи и 15 свѣдущихъ лицъ делилась на 4 секціи, которыя должны были установить соотвѣтственно — а) движеніе металлическаго курса ассигнатовъ, б) движеніе цѣнъ недвижимостей, с) цѣнъ продуктовъ продовольствія и d) цѣнъ товаровъ. Информационнымъ матеріаломъ должны были служить официальные записи департаментскаго центра, частныя свѣдѣнія отдѣльных членовъ комиссій и сообщенія изъ различныхъ мѣстностей департамента. Результаты работы, сведенные въ 4 таблицы, должны были затѣмъ быть объединены въ пленарномъ засѣданіи въ одну общую таблицу обезцѣненія бумажныхъ денегъ.

Однако, этотъ планъ работъ могъ быть осуществлень, въ большинствѣ случаевъ лишь частично. Легче другихъ составлялись таблицы металлическаго курса ассигнатовъ, таблицы же движенія цѣнъ часто либо совсѣмъ не могли быть составлены, либо составлялись съ весьма существенными пропусками цѣлыхъ періодовъ.

Такимъ образомъ, основнымъ матеріаломъ для составленія таблицъ обезцѣненія служили все же данныя о соотношеніи расцѣнки бумажныхъ денегъ и металлической монеты. Сравненіе таблицъ отдѣльных департаментовъ показываетъ весьма значительный варіантъ различій: въ одно и то же время 100 ливровъ въ ассигнатахъ стоятъ въ разныхъ мѣстахъ отъ 17 до 62 ливровъ въ металлѣ. Анализъ этихъ различій, на основѣ точнаго знанія экономическаго иоложенія (во всѣхъ его элементахъ) отдѣльныхъ территорій Франціи въ эту пору, могъ бы дать весьма цѣнный матеріалъ для вскрытія ряда частныхъ закономерностей системы эмиссионнаго хозяйства.

Печатаніе официальной сводки всѣхъ департаментскихъ таблицъ задержалось надолго, ибо некоторые департаменты, особенно вновь присоединенные къ Франціи территоріи, сильно запоздали съ ихъ составленіемъ. Во многихъ же департаментахъ, справившихся быстро съ задачей, таблицы были отпечатаны немедленно и продавались на рынкахъ, пользуясь большимъ спросомъ среди населенія. Но обязательнаго значенія для судовъ они еще не имѣли и массовыя отсрочки рѣшенія дѣлъ вызывали большое недовольство среди заинтересованныхъ группъ.

Отпечатанная общая сводка всѣхъ департаментскихъ таблицъ была представлена Директоріей въ приложеніи къ докладу Совѣту Пятисотъ только 26 марта 1798 г. (6 жерминаля г. VI), и стала немедленно примѣняться согласно закону 11 фримэра.

Однако, актомъ о примѣненіи таблицъ обезцѣненія исторія регулярованія кредитныхъ отношеній эпохи еще не заканчивается. Въ

теченіе двухъ лѣтъ подрядъ, вплоть до конца 1799 г., до преобразованія Директоріи въ Консульство, вопросы погашенія обязательствъ поднимаются вновь и вновь въ обѣихъ палатахъ¹³⁾.

Однако, чего-либо принципиально новаго въ схему ихъ разрѣшенія болѣе не вносится и потому они менѣе интересны съ точки зрѣнія теоріи эмиссионнаго хозяйства.

Разбирая несложную въ сущности аргументацію за и противъ сохраненія номинальнаго значенія обязательствъ, присматриваясь къ вырисовывающейся сквозь бури дебатовъ въ обѣихъ палатахъ борьбѣ между ними, нетрудно понять *соціальный смыслъ* этого разнорѣчія, стоявшаго на очереди обсужденія французскихъ послѣ-революціонныхъ законодателей въ теченіи 3½ лѣтъ.

Вскользь онъ былъ отмѣченъ нами уже выше. Дѣло идетъ объ основномъ въ исторіи французской революціи разнорѣчьи между интересами торгово-промышленной буржуазіи съ одной стороны и интересами соціально различныхъ группъ сельскаго хозяйства (землевладѣльческой аристократіи и земледѣльческаго фермерства — крупнаго и средняго крестьянства) съ другой стороны.

Капиталистическое развитіе торговли и обрабатывающей промышленности создавало въ рукахъ буржуазіи крупныя капиталныя избытки, которые частью вкладывались въ собственное производство, частью же предоставлялись займы экономически отстающимъ отраслямъ народнаго хозяйства — земледѣлію.

Поэтому, въ то время, какъ въ устахъ представителей буржуазіи всѣ доводы „разума и справедливости“ говорили за необходимость перечисленія номинальнаго выраженія обязательствъ, погашаемыхъ реально обезцѣнившимися бумажками, устами представителей сельскаго хозяйства всѣ аргументы того же „разума и справедливости“ доказывали неправомѣрность такого акта. И неудивительно, что Советъ Старѣйшинъ, гдѣ было больше представителей старой аристократіи, оказалъ большее сопротивленіе ему, чѣмъ Совѣтъ Пятисотъ.

Но если разсматривать существо проблемы урегулированія кредитныхъ отношеній, въ системѣ эмиссионнаго хозяйства во всемъ своеобразіи его соціально-экономическаго содержанія, то оно окажется далеко не столь простымъ, какимъ оно представляется элементарному капиталистическому воззрѣнію.

Дѣло въ томъ, что эмиссионное обезцѣненіе бумажной валюты есть прежде всего выраженіе отдѣленія части товарныхъ цѣнностей, которыя вытѣсняются эмиссионнымъ аппаратомъ изъ частнаго обладанія и поступаютъ въ распоряженіе государства для покрытія его расходовъ.

Уподобляя это явленіе болѣе привычнымъ и легче усвояемымъ въ своемъ существе отношеніямъ, слѣдуетъ сказать, что *эмиссионное*

обезцѣненіе денежныхъ знаковъ, находящихся въ частномъ обладаніи есть лишь своеобразная форма налогового обложенія хозяйствующихъ субъектовъ.

Трудность задачи состоитъ лишь въ томъ, чтобы равномерно распредѣлить это обложеніе, являющееся, въ силу специфическаго экономическаго строенія, самымъ неравномѣрнымъ среди всѣхъ налоговыхъ системъ и порой принимающее, въ силу неравномѣрности направленийъ обезцѣненія валюты (продукты капиталистическаго производства съ одной стороны и лично-свободный, соціально подчиненный трудъ — съ другой) характеръ *классоваго* обложенія по преимуществу. Но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ основанийъ еще усугублять эту неравномѣрность искусственно изъемя изъ этого обложенія еще особыя соціальныя группы, хотя бы въ одной части ихъ доходовъ.

Между тѣмъ, произведенное французскимъ послѣ-революціоннымъ законодательствомъ восстановление реальной полноцѣнности денежныхъ обязательствъ невысказанно приводило именно къ такому огражденію весьма существенной части доходовъ кредитующей буржуазіи отъ всякаго участія въ покрытіи государственнаго расходнаго бюджета.

Ибо, кредитныя суммы, помимо обычныхъ %%-овъ, возвращались теперь къ ихъ собственникамъ въ полной цѣнности предоставленныхъ кредитовъ, не затронутыя ни въ какой долѣ эмиссіоннымъ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, произошедшимъ за это время. Въ результатѣ, *кредитъ оказывался формой бронирования соответствующихъ цѣнностей отъ всякаго вліянія на нихъ эмиссіоннаго обезцѣненія валюты*, какъ формы принудительнаго финансируванія государственныхъ операцій.

Вся тяжесть этого изъятія падала очевидно, на должниковъ, въ чьихъ рукахъ полученные кредиты понижались въ своей реальной цѣнности, тогда какъ законодательство возложило на нихъ обязательство вернуть всю сумму полученнаго въ первый моментъ.

Но этими должниками въ соціальномъ аспекте являлись вѣдь группы землевладѣльческой аристократіи и отчасти сельско-хозяйственнаго самостоятельнаго труда, группы побѣжденные въ итогъ революціи, на которыхъ побѣдившая торгово-промышленная буржуазія по праву побѣды возлагала издержки сраженія.

2. Попробуемъ теперь подвести итоги всему эмиссіонному финансируванію Великой Французской Революціи.

Здѣсь нужно поставить 3 основныхъ вопроса:

во-первыхъ, какую сумму реальныхъ ценностей удалось получить благодаря эмиссіонной операціи:

во-вторыхъ, каково относительное значеніе другихъ методовъ финансируванія Революціи:

въ-третьихъ, насколько удалось путемъ бумажно-денежныхъ эмиссій разрѣшить финансовую задачу, поставленную имъ въ началѣ

Революціи и послужившую поводомъ созданія ассигнатовъ и мандатовъ.

Эпохи выпуска обоихъ этихъ видовъ бумажныхъ денегъ придется рассмотреть отдельно.

По докладу *Камюса* отъ имени Комиссій финансовъ и расходовъ Совѣту Пятисотъ, въ засѣданіи 23 февраля 1796 года (4 вантоза г. IV), ассигнатовъ было изготовлено (сгее) къ этому времени 45.581 миллионъ ливровъ. Изъ нихъ болѣе 6 миллиардовъ было изъято изъ обращенія и сожжено, такъ что въ обращеніи должно находиться около 39.287 миллионъ ливровъ. Цифры эти были настолько неожиданны для собранія, что несмотря на официальный характеръ доклада, возбудили сомнѣніе въ ихъ достовѣрности и рядъ возгласовъ „это ошибка!“ зарегистрированъ протоколомъ засѣданія. Въ отвѣтъ на это Камюсъ заявилъ, что цифры основываются цѣликомъ на записяхъ (registres) казначейства¹⁴).

По болѣе позднимъ цифровымъ даннымъ *Рамэля*, въ концѣ февраля, было выпущено въ обращеніе лишь около 41 миллиарда, изъято около 6-ти и циркулировало около 35 миллиардовъ ливровъ.

Ко времени созданія мандатовъ (на первое апрѣля 1796 г.) выпущено въ обращеніе было 44 миллиарда, изъято около 7½ и циркулировало 36½ миллиардовъ.

И даже въ сентябрѣ того же года эмиссіи достигли лишь 45.578,8 миллионъ ливровъ, а циркуляція, благодаря усилившимся изъятіямъ (12½ миллиардовъ), сократилась до 33 миллиардовъ (см. выше таблицу XII).

Это расхожденіе между показаніями Камюса и Рамэля объясняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что первый взявъ сумму *изготовленныхъ* ассигнатовъ (сгее) счелъ ее за выпущенную цѣликомъ въ обращеніе и вычтя цифру изъятыхъ и уничтоженныхъ ассигнатовъ, принялъ остатокъ въ 39½ миллиардовъ за сумму реальной циркуляціи; тогда какъ на самомъ дѣлѣ значительная часть (около 5 миллиардовъ) находилась въ распоряженіи государства, но не была использована имъ и хранилась въ различныхъ государственныхъ кассахъ^{14а}).

Такая догадка подтверждается показаніемъ Рамэля, что ко времени ликвидаціи ассигнаціоннаго обращенія сверхъ выпущенныхъ 45.578.810.040 ливровъ въ кассахъ находился еще неиспользованный остатокъ въ 2.601.518 ливровъ. Складывая эти 2 суммы мы получимъ цифру 45.581.411.618 ливровъ, т.-е. какъ разъ ту, которую приводилъ Камюсъ какъ итогъ фабрикаціи ассигнатовъ, и которая со времени его доклада 23 февраля 1796 года увеличиться не могла, ибо всѣ приспособленія для печатанія ассигнатовъ были сожжены на Ван-домской Площади 18 того же февраля.

Такъ какъ часть ассигнатовъ была выпущена въ обмѣнъ на другіе уже циркулировавшіе купюры, королевскіе ассигнаты и т. д., то сумму реальныхъ эмиссій нужно соответственно сократить. Такихъ знаковъ, выпускавшихся лишь въ порядкѣ технического улучшенія циркуляціи, но реально ничего не дававшихъ, было въ общей суммѣ эмиссій на 1.051.800.000 л. За вычетомъ ихъ, мы найдемъ, что ассигнаціонная операція дала Франціи номинальную цѣнность въ 44.527.010.040 ливровъ.

Реальная же цѣнность этой суммы была значительно меньше. Для ориентировочнаго исчисленія ея можно прибѣгнуть къ методу умноженія суммы эмиссій за каждый данный періодъ на средній курсъ ассигнатовъ въ это время. Но такое исчисленіе безусловно не будетъ точно: ибо 1) мы имѣемъ лишь данныя о металлическомъ курсѣ, а не о товарной цѣнности ассигнатовъ, тогда какъ реализовать ихъ приходилось въ обмѣнъ не на металлъ, а именно на товары и трудъ; 2) мы не имѣемъ даже точныхъ свѣдѣній о распредѣленіи эмиссій въ отдѣльные періоды времени.

Попытаемся все же использовать имѣющійся матеріалъ:

Т А Б Л И Ц А XVII.

Періоды	Выпущено въ обращеніе (въ тыс. ливр.)	Средній курсъ за каждый періодъ	Реальная цѣнность эмиссій (въ тыс. ливр.)
1	2	3	4
До I—VIII—1789 г.	120.000	100%	120.000
Съ I—VIII—89 г. по I—X—90 г.	280.000	95%	260.000
„ I—X—90 г. по I—X—91 г.	1.106.000	88%	973.310
„ I—X—91 г. по I—VIII—92 г.	712.000	68%	484.160
„ I—VIII—92 г. по I—VIII—93 г.	2.150.000	55%	1.182.500
„ I—VIII—93 г. по I—VIII—94 г.	3.158.000	34%	1.073.720
„ I—VIII—94 г. по I—VIII—95 г.	8.889.000	17%	1.311.131
„ I—VIII—95 г. по I—VIII—96 г.	28.112.000	1,08%	303.610
Итого	44.527.000	—	5.908.430

За отсутствіемъ точныхъ данныхъ объ изыятіи и сожженіи ассигнатовъ по нѣкоторымъ изъ этихъ періодовъ 4-ая, 5-ая и 6-ая цифры во второй колонкѣ исчислены приблизительно.

Если, такимъ образомъ, реальная цѣнность выпущенныхъ 44½ миллиардовъ ассигнатовъ сводится къ 6 миллиардамъ, то, съ другой стороны, эта послѣдняя сумма является *максимальной* изъ всѣхъ когда либо получавшихся при помощи бумажно-денежныхъ эмиссій, вплоть до начала міровой войны¹⁵⁾.

Семь полныхъ лѣтъ финансированіе Революціи совершалось почти исключительно при помощи эмиссіонныхъ операцій и, худо ли хорошо ли, потребности государственнаго аппарата Революціи вполне удавалось этимъ путемъ удовлетворить.

Въ послѣднемъ легко убѣдиться изъ следующего сопоставленія.

Ежегодные бюджеты послѣднихъ предреволюціонныхъ и первыхъ революціонныхъ годовъ достигали, какъ мы видѣли, 700 милліоновъ ливровъ: послѣ-революціонный бюджетъ года VIII-го (1799—1800) былъ исчисленъ Директоріей въ суммѣ 800 милліоновъ, но послѣ учрежденія Консульства сокращенъ финансовымъ управленіемъ послѣдняго до 600 милліоновъ¹⁶⁾.

Между тѣмъ реальный 6-милліардный доходъ отъ эмиссіонной операціи зъ теченіи 7 лѣтъ (1789—1796) даетъ въ среднемъ ежегодное поступленіе въ размѣрѣ, даже нѣсколько превышающемъ эти суммы: примѣрно по 840 милліоновъ въ годъ.

Правда, учитывая реальное значеніе эмиттированныхъ цѣнностей, нужно принять во вниманіе два осложняющихъ обстоятельства: *съ одной стороны*, цѣны услугъ и товаровъ, поставлявшихся государству въ силу свободно-договорныхъ соглашеній и особенно тѣхъ, на которыя въ годы войны государство предъявило необычно большой спросъ, поднялись выше средней нормы эмиссіонной переоцѣнки цѣнностей и это обезцѣнивало валюту ниже ея металлическаго курса и *понижало* реальную цѣнность эмиттированныхъ денежныхъ знаковъ; *съ другой стороны*, плата всѣмъ многочисленнымъ служащимъ и чиновникамъ государства значительно *отставала* отъ этой нормы, а оплата ранее заключенныхъ сдѣлокъ и всѣхъ фиксированныхъ номинально платежей производилась обезцѣнивавшейся валютой, что весьма сильно *повышало* реальную платежную силу эмиссій. Не подлежитъ сомненію, что повышательная тенденція была сильнѣе понижательной, ибо основное значеніе въ бюджетѣ имѣла оплата служащихъ и погашеніе долговъ. И поскольку эти платежи требовали затраты меньшихъ средствъ, чѣмъ пришлось бы затратить въ соответствіи съ обезцѣненіемъ валюты въ металлическомъ курсѣ ассигнатовъ, постольку реальная цѣнность общей суммы эмиссій была больше, чѣмъ исчисленная нами на основаніи такого курса. Но и потребности военныхъ годовъ были больше нормальныхъ и они покрывались за счетъ этого превышенія среднихъ поступленій нормального бюджета.

Доходъ отъ эмиссіи территориальныхъ мандатовъ былъ значительно меньше (см. таблицу XVIII-ю).

Изъ общаго количества выпущенныхъ мандатовъ въ 2.400 милл. ливровъ, 351 милліонъ ливровъ, какъ мы знаемъ, были обращены на обмѣнъ ассигнатовъ; мы вычли его изъ суммы финансирующихъ эмиссій, считая, что по 150 милліоновъ падаютъ на май и іюнь и 51 милліонъ

на августъ. Въ итоге 2.049 миллионъ мандатовъ дали реальную цѣнность лишь въ 201 миллионъ, которые послужили источникомъ покрытія государственныхъ расходовъ въ теченіе полугодія.

Т А Б Л И Ц А XVIII.

Періоды	Выпущено тыс. ливр.	Средній курсъ	Реализовано (тысячъ ливровъ)
1	2	3	4
До 10—IV—1786 г. (рескрипція)	60.000	100%	60.000
Съ 10—IV по I—V—96 г.	78.000	16,4%	12.792
За май 1796 г.	357.000	11,3%	40.241
За іюнь 1796 г.	710.000	7,1%	50.410
За іюль 1796 г.	457.000	5,7%	26.049
За августъ и сентябрь 1796 г.	387.000	2,9%	11.223
Итого	2.049.000	—	200.715

Но если выпущенные мандаты были почти цѣликомъ использованы въ качествѣ вполнѣ своеобразнаго финансоваго метода, то нѣкоторая часть ассигнатовъ играла нѣсколько иную роль. Разсматривая не только исходные, но и конечные моменты финансовыхъ мѣропріятій революціи, легко замѣтить, что въ то время какъ большая часть ассигнатовъ на дѣлѣ служила средствомъ *окончательнаго* изъятія изъ товарнаго оборота реальныхъ цѣнностей для нуждъ государства, другая часть дѣйствительно являлась лишь тѣмъ, чѣмъ по идеѣ должны были быть всѣ ассигнаты въ цѣломъ; именно, средствомъ *предварительной* реализаціи поступленій изъ иныхъ финансовыхъ источниковъ.

Логически, эти источники дали бы, въ конце концовъ, и независимо отъ работы эмиссіоннаго аппарата, опредѣленные суммы, такъ что въ этомъ случаѣ ассигнаты имѣютъ значеніе лишь техническаго, подсобнаго механизма, а не самостоятельнаго финансоваго метода.

Однако, относительная доля сыгравшихъ такую роль ассигнатовъ, въ общей массѣ эмиссій очень невелика. Важнѣйшимъ самостоятельнымъ финансовымъ источникомъ являлась продажа націонализированныхъ земель. Въ первую и наиболѣе существенную эпоху продажъ отъ 17-го мая 1790 г. до 20-го ноября 1795 г., (30 брѹмэра года IV) было, по даннымъ Рамэля, продано 857.034 участка, общей цѣнностью приблизительно въ 1.500.000.000 ливровъ. Сумма продажныхъ расцѣнокъ поднялась до 7.483.526.235 ливровъ, изъ которыхъ къ концу ассигнаціоннаго обращенія оставалось неуплаченными 408.145.950 ливровъ¹⁷⁾. Поступило, такимъ образомъ, въ уплату за земли 7.075.380.285 ливровъ.

Всего же къ 1 декабря 1795 г. изъ 27.004,6 миллионъ ливровъ,

выпущенныхъ въ обращеніе въ ассигнатахъ, было изъято и уничтожено 3.665 миллионъ. Вычитая отсюда 1.051 миллионъ, изъятые въ порядкѣ замены ихъ ассигнатами иныхъ начертаній и купюръ, мы найдемъ, что въ дѣйствительности при помощи иныхъ финансовыхъ методовъ было получено въ счетъ погашенія эмиссій 2.614 миллионъ, что составляетъ примѣрно 10% суммъ, полученныхъ при помощи эмиссіонной операціи. Если же причислить сюда тотъ остатокъ уплатъ за земли, который не пошелъ на погашеніе ассигнатовъ (4.461,4 миллиона ливровъ), а повидимому, былъ снова выпущенъ въ обращеніе, то и тогда номинальная сумма, полученная отъ продажи земель составитъ лишь 23% общаго итога эмиссіонныхъ и внѣ-эмиссіонныхъ поступленій (30.415 миллионъ ливровъ).

Въ послѣдующіе мѣсяцы норма изъятія выпускаемыхъ ассигнатовъ повышается.

Изъ выпущенныхъ въ теченіе дальнѣйшихъ 9 мѣсяцевъ (до сентября 1796 г.) 18.574 миллионъ путемъ принудительнаго займа изъято было 8.841 миллионъ, т.-е. около 45%. Такого высокаго процента удалось достигнуть такъ потому, что при покрытіи принудительнаго займа легальное соотношеніе цѣнности бумаги и металла было 100:1, тогда какъ реальное дошло до 300:1 и ниже, такъ и потому, что *темплъ* обезцѣненія ассигнатовъ, превзошедшій всѣ ожиданія, дѣлалъ ихъ очень легко вытѣсняемыми изъ оборота.

Возвращая въ государственную кассу лишь совершенно обезцѣнившуюся бумажную массу, принудительный заемъ очень быстро превратился изъ средства финансированія, какимъ онъ былъ задуманъ Совѣтомъ Пятисотъ, въ техническое средство ликвидаціи части бумажнаго матеріала.

Но если бы даже этого не было, то разница между цѣнностью бумажекъ, когда они выпускаются въ порядкѣ предварительной реализаціи ожидаемыхъ поступленій, и ихъ цѣнностью, когда они возвращаются въ кассы въ порядкѣ дѣйствительнаго покрытія ожидавшагося дохода, столь велика, что здѣсь особенно наглядно выступаетъ реально финансирующая роль эмиссій даже при выполненіи ими кажущейся чисто технической операціи.

Если эту разницу, считаясь съ дѣйствительнымъ темпомъ обезцѣненія до декабря 1795 г., можно принять за двойное сокращеніе реальной цѣнности поступленій, то позже она достигаетъ уже тройнаго сокращенія.

Поэтому, реальное финансовое значеніе внѣ-эмиссіонныхъ поступленій для перваго періода равняется 11,5%-амъ, а для втораго періода 15%-амъ реальныхъ эмиссіонныхъ доходовъ. Принимая же во вниманіе, что реальная цѣнность послѣднихъ бумажныхъ 18 миллиардовъ не превышала 90 миллионъ, т.-е. представляется совершенно незначительной по сравненію съ предшествующими 27 миллиардами, мы не

ошибемся, если примемъ, что среднее реальное значеніе всѣхъ внѣ-эmissiонныхъ поступленій, позволившихъ изъять часть ассигнаговъ изъ обращенія, не превышало 12—13% поступленій эmissiонныхъ.

Сверхъ того, за все время бумажно-денежнаго обращенія поступило на 3 миллиарда ливровъ налоговъ разнаго рода, которые не были использованы для погашенія ассигнаговъ, а выпускались снова въ обращене¹⁸⁾.

Это составляетъ около 7% суммы эmissiй и повышаетъ общую долю участія внѣ-эmissiонныхъ въ финансированіи революціи до 19—20%.

Такимъ образомъ, второй изъ поставленныхъ нами вопросовъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ: эmissiонный аппаратъ покрылъ 80—81% расходовъ Французской Революціи, прочіе финансовые методы 19—20% *).

При этомъ, самая фабрикація бумажныхъ денегъ стоила:

	72.826.850 ливровъ въ ассигнатахъ
	412.738 „ „ мандатахъ
	130.732 „ „ звонкой монетъ
Всего :	8.766.826 ливровъ въ звонкой монетъ считая по курсу дня бумажныхъ денегъ.

Эту сумму для точности нужно вычесть изъ чистаго дохода отъ эmissiонной операціи.

Но если эmissiонная операція худо ли хорошо ли, но выполнила задачу финансированія Революціи, то поставленная ей первоначально задача погашенія накопившагося долгового наслѣдія стараго режима къ моменту ликвидаціи бумажно-денежнаго обращенія разрѣшена не была.

Если наканунѣ революціи общая сумма долга превышала 4 миллиарда ливровъ, то послѣ массовыхъ продажъ земель въ первые три года революціи въ обмѣнъ на ассигнаты, предоставлявшіеся кредиторамъ въ погашеніе долга, на 1-ое августа 1793 года только старый „вѣчный долгъ“ (dette perpetuelle) исчислялся въ 127.803.000 ливровъ годовыхъ рентныхъ уплатъ, т.-е. превышалъ 2½ миллиарда ливровъ. Руководящее теченіе Французской Революціи, написавшее на своемъ знамени лозунги „свобода, равенство и собственность“, прежде всего

*) Въ эпоху территоріальныхъ мандатовъ при суммѣ эmissiй въ 2.400 милліоновъ ливровъ доходъ отъ продажи земель, повидимому, не превышалъ 100—150 милліоновъ, т.-е. равнялся примѣрно 5% эmissiонныхъ поступленій. Ибо, въ такъ наз. второй періодъ продажъ, начавшійся съ опубликованія закона 28 вантоза года IV-го (18 марта 1796 года) и закончившійся 20 фрюктидора г. IV-го (6 сентября 1796 г.) продано было 104.791 участокъ, оцѣненные въ 611.438.212 ливровъ. Однако, оплата этихъ суммъ длилась очень долго такъ что черезъ 3 года, къ началу года VIII-го числилось еще недоимокъ на 4 милліона металломъ и 1.121.676 л. мандатами.

стремилось къ охраненію этого послѣдняго и въ самые критическіе моменты развитія революціи не рѣшалось посягнуть на права держателей государственныхъ обязательствъ.

Только Камбонъ, проводя универсальную конверсію обязательствъ въ однотипныя записи въ „Большой Книгѣ Государственного Долга“, изъ расчета 5-ти единицъ ежегодной ренты за 100 единицъ капитальной суммы обязательствъ, рѣшилъ обложить кредиторовъ государства налогомъ на доходы съ капитала въ размѣрѣ 20% въ годъ. т.-е. реально понизилъ выплачиваемую ренту, до 4%. Это дало экономію въ 40 милл.¹⁹⁾.

Но, несмотря на это, къ концу бумажной циркуляціи, за время съ 1793 г. по VIII-ой годъ республики (1799 г.) сумма ежегодно выплачиваемыхъ рентъ увеличилась на 46.913.000 ливровъ и достигла 174.716.000 ливровъ²⁰⁾.

Считая по вновь возобновленному расчету 5 единицъ за 100 это означало долгъ въ 3.494.320.000 ливровъ.

Правда, вплоть до 17 февраля 1796 г. ренты уплачивались бумажными деньгами по номинальной цѣнности, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше сокращало реальное обремененіе государственнаго бюджета этими уплатами. Лишь послѣ этого числа (28 плювиоза г. IV) законъ предписалъ уплачивать ренты и пенсіи по реальной цѣнности бумажныхъ денегъ.

Но осуществить это по состоянію государственной казны оказалось невозможнымъ и декретомъ 21 сентября 1796 г. (5 санкюлотиды г. IV) было постановлено накопившіеся недоплаты покрыть лишь въ ¼ „дѣйствительными деньгами“; уплата же остальныхъ ¾ отсрочивалась до заключенія мира.

Не было осуществлено и это постановленіе: менѣе ¼ смогло выплатить казначейство изъ той суммы, которая была нужна. Въмѣсто 16½ милліоновъ, которые составляли ¼ недоплатъ, рентьеры и пенсіонеры государства получили только 1.600 тысячъ ливровъ. На остальную сумму они получили квитанціи на предъявителя, обязательныя къ пріему въ казначейство при платежахъ оговоренныхъ въ металлѣ.

Квитанціи на предъявителя стали выдаваться въ двухъ видахъ для покрытія ¼ и ¾ недоплатъ рентьерамъ. Въ обращеніи они получили наименованіе „боновъ четверти“ и „боновъ трехъ четвертей“, при чемъ первые вскорѣ потеряли въ мѣнновой расцѣнкѣ до 40% (какъ сравнительно болѣе обезпеченныя), а вторыя до 90% номинальной стоимости.

Очевидная невозможность не только погашать долгъ, но и уплачивать %% по нему и столь же очевидный вредъ системѣ кредита, который наносился формальной декорировкой фактическаго невыполненія обязательствъ путемъ созданія все новыхъ специализированныхъ бумажныхъ цѣнностей, побудила докладчика финансовой комис-

сії въ V-мъ году *Виллье* предложить разъ навсегда признать создавшееся положеніе и законодательнымъ путемъ сократить признаваемый государствомъ и подлежащій оплатѣ долгъ на $\frac{2}{3}$ наличной суммы. Но Директорія не рѣшилась формально подтвердить свое банкротство.

И лишь въ слѣдующемъ VI году констатированіе дефицита въ составляемомъ бюджетѣ въ 172 милліона ливровъ побудило ее рѣшиться на этотъ шагъ ²¹⁾.

Закономъ 30 сентября 1797 г. (9 вандеміера г. VI) о погашеніи всѣхъ долговъ была выработана такая схема. Двѣ трети суммы всякаго обязательства погашались бонами на предъявителя, которые могли служить для приобрѣтенія національныхъ земель („боны $\frac{2}{3}$ -ей“); эта часть получала наименованіе „мобилизованнаго государственнаго долга“. Остальная треть сохранялась въ видѣ записи въ „Большой Книгѣ“ и должна была оплачиваться %%-ми въ металлъ начиная со 2-го семестра г. V-го. Записи исчислялись путемъ 20-ти кратнаго умноженія пожизненной ренты. Зарегистрированная такимъ образомъ $\frac{1}{3}$ получила наименованіе „отвержденной трети“ („tiers consolidé“) и самая „Большая Книга Государственнаго Долга“, въ которой остались теперь только записи этой трети, стала также называться „Книгой отвержденной трети“ въ противоположность прежней „Книгѣ совокупности“ (Grand Livre de l'Integrate).

Судьба „бонъ $\frac{2}{3}$ -ей“ была печальна. Они потеряли вскорѣ въ оборотѣ 70, 80 и даже 97% номинальной стоимости, право оплаты ими національныхъ имуществъ было въ сущности почти аннулировано, ибо оно перестало примѣняться къ землямъ, но лишь къ продаваемымъ строеніямъ, и они были фактически вытѣснены изъ оборота. Только въ эпоху Консульства закономъ 21 марта 1801 г. они были обмѣнены на рентныя обязательства—по расчету 5 франковъ ренты за 2000 ливровъ (франковъ) бонами ²²⁾. Такимъ образомъ эта часть стараго долга была погашена по $\frac{1}{400}$ ея первоначальной суммы.

„Отвержденная треть“, несмотря на формальное обязательство не сокращать больше ея величины и оплачивать ее звонкой монетой, оказалась также консолидированной только номинально. Ежегодные проценты по государственному долгу до этой конверсии равнялись 175 милліонамъ, такъ что треть, подлежащая консолидаціи составляла 58 милліоновъ. Фактически же зарегистрированныхъ рентъ было лишь 40.216.000 ливровъ, ибо часть ихъ была раньше или принята въ уплату за земли или аннулирована какъ конфискованная у эмигрантовъ и духовенства ²³⁾.

Но за отсутствіемъ денегъ и эта сумма не могла быть оплачиваема полноцѣннымъ металломъ и послѣдній былъ замененъ спеціальными „бонами недоплатъ“ („bons d'arrégages“), которые принимались обратно государствомъ лишь въ уплату налоговъ. И рента, начавшая котироваться по 20 фр. за 100, вскорѣ упала до 6 франковъ ²⁴⁾.

Банкротство, на которое не рѣшилась боровшаяся революціонная буржуазія въ 1798 году, было вынуждено и у послѣ-революціонной, побѣдившей буржуазіи десятилѣтіемъ позже.

Если бы оно было произведено вовремя, оно могло бы значительно смягчить финансовый кризисъ Французской Революціи и быть можетъ предохранить ее отъ эмиссіонной дезорганизаціи ея хозяйственнаго аппарата.

3. Одинъ, современный экономистъ, изслѣдуя содержаніе „финансоваго духа“ жирондистовъ приходитъ въ концѣ своей работы къ выводу, что у жирондистовъ не было никакого „финансоваго духа“, (pas d'ésprit financier chez les Girondins ²⁵⁾).

Правда, жирондисты почти никогда не имѣли рѣшающаго вліянія на направленіе финансоваго управленія Французской Революціи, всѣ основные этапы котораго складывались усиліями различныхъ иныхъ группъ.

Тѣмъ не менѣ отрицательное содержаніе этого обобщенія съ полнымъ правомъ можно распространить и на якобинцевъ, въ чьихъ рукахъ находилось руководство финансами революціи въ ея наиболѣе важную героическую эпоху. Монтаньяры такъ же мало проводили при этомъ какую нибудь осознанную линію финансовой политики, какъ и жирондисты и ихъ вожди такъ же не дали исторіи образа какого либо единаго „финансоваго духа“.

Эмиссіонное хозяйство Революціи складывалось помимо чьихъ либо индивидуальныхъ (злыхъ или добрыхъ) воль, объективную логику внѣшнихъ экономическихъ условій и законмѣрностью внутренняго развитія.

Изследуя это развитіе, мы стремились всюду показать, какъ каждый его этапъ экономически подготовлялся предшествующимъ, какъ каждый „актъ“ этого развитія дѣлался неизбѣжнымъ въ созданной самимъ же этимъ развитіемъ обстановкѣ.

Возьмемъ ли мы исходный моментъ санкціонированія бумажно-денежной природы ассигнатовъ (созданіе II-го типа въ ихъ юридической исторіи), и мы увидимъ, что онъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ создавшихся условій.

„Мы не призваны рѣшать вопросъ — разрѣшить ли первичную эмиссію бумажекъ или нетъ, но должны лишь рассмотреть — можно ли замѣстить гибельныя бумажныя деньги (т.-е. обращавшіеся въ это время билеты Учетной Кассы. С. Ф.) другими, которыя заслуживаютъ больше довѣрія“ — говорилъ деп. *Ля-Рошефуко* при обсужденіи этого проекта.

Возьмемъ ли мы моментъ монополизациі ассигнатами функцій государственной валюты и принудительнаго устраненія звонкой монеты изъ обращенія путемъ экономически невыполнимой фиксаціи

ея равноцѣнности съ ассигнатами — и мы увидимъ, что большая часть металла была уже давно вытѣснена изъ оборота силою дѣющагося обезцѣненія циркулировавшихъ параллельно съ нимъ ассигнатовъ и что удержаніе небольшого остатка металла было бы явно несомвѣстимо съ интересами подавляющаго большинства населенія.

„Можетъ ли экю стоить 6 ливровъ, какъ монета и 9 ливровъ какъ продажный товаръ?...“

„Если вы не отмѣните вашего декрета, разрѣшающаго торговлю звонкой монетой, — говорили представители Парижскихъ секцій Конвенту, — то Республика погибнетъ, но только вы погибнете обезславленными“.

„Торговля ассигнатами и деньгами, которая неуклонно становится все прибыльнѣе, разрушаетъ принципы Республики и ослабляетъ довѣріе гражданъ... Этотъ безнравственный декретъ порождаетъ тѣ бѣдствія..., которыя давятъ на наименѣе обеспеченный классъ народа“.

Возьмемъ ли мы фактъ быстрого разрастанія эмиссій и мы увидимъ, что онъ былъ вызванъ не только войной и революціонной ликвидацией ряда налоговъ („землевладѣлецъ, — говорилъ деп. Портъ въ декабрь 1792 г., — благославляетъ революцію, которая освободила его отъ солянаго налога, отъ десятины, отъ милиціи и т. д., и т. д., и не хочетъ платить своихъ повинностей... Устраненіе старыхъ налоговъ поставило его въ положеніе, при которомъ онъ можетъ переждать, пока потокъ патріотическихъ билетовъ, пронесется мимо“), но и эмиссіоннымъ вытѣсненіемъ (количественнымъ и ценностнымъ) ряда оставшихся еще доходовъ.

Разсмотримъ ли мы исторію фиксаціи товарныхъ цѣнъ и мы легко убѣдимся, что она была необходимымъ слѣдствіемъ того расхожденія между доходами и расходами широкихъ массъ имущественныхъ низовъ населенія, которое является важнѣйшимъ социальнымъ слѣдствіемъ эмиссіонной системы финансированія.

„Вотъ передъ вами очевидная истина, — гласила петиція департамента Сены и Уазы Конвенту: — необходимо справедливое соотвѣтствіе между цѣной хлеба и заработной платой и дѣло закона поддерживать это соотвѣтствіе, для котораго свобода торговли является препятствіемъ“.

Возьмемъ ли мы, наконецъ, акты девальваціи ассигнатовъ и ликвидации бумажно-денежнаго обращенія и мы увидимъ, что и они были экономически неизбѣжны.

„Нельзя называть банкротствомъ проектъ, возстанавливающей по 40 единицъ за 1 цѣнность бумажекъ, которыя на дѣлѣ упали въ цѣнѣ до 300 за 1“, — говорилъ Дюбуа-Крансэ въ отвѣтъ на возраженіе противъ девальваціи.

„Демонетизація ассигнатовъ совершается ежедневно, текущими

выпусками новыхъ денежныхъ знаковъ“ — констатировалъ Эшассеріо еще въ ноябрѣ 1795 г.

И только основной переломъ въ исторіи бумажно-денежнаго обращенія Революціи не былъ обусловленъ ни обще-экономическими условіями времени, ни внутренней логикой развитія эмиссіоннаго хозяйства. Переломъ въ темпѣ обезцѣненія ассигнатовъ, цѣностное крушеніе ихъ было вызвано лишь переходомъ власти отъ трудовой и имущественной демократіи, пытавшейся взять ее въ свои руки, къ накапливающей буржуазіи, побѣдившей и торжествующей.

Закономѣрность массоваго поведенія дѣлаетъ социальное знаніе полноправной отраслью точной науки, аналогичной по структурѣ изыскивающему причины и выводящему законы явленій естествознанію.

И если на широкой территоріи социальнаго знанія донинѣ лишь одной политической экономіи удалось возвести обширное строеніе точныхъ законовъ, уподобляющихся натуралистическимъ, то это потому, что основной стимулъ хозяйственнаго поведенія является наиболѣе актуальнымъ и наиболѣе постояннымъ среди всѣхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности.

Въ системѣ децентрализованнаго хозяйства, системѣ, провозглашающей формальную независимость каждой хозяйствующей ячейки основнымъ принципомъ социальной организаціи и связующей частнаго хозяйства между собою лишь узами товарообмѣна, эти узы становятся столь же сильными, какъ и узы непосредственнаго принужденія и подчиненія авторитарныхъ и централизованныхъ хозяйственныхъ системъ.

Материально товарообмѣнъ связуетъ и подчиняетъ себѣ каждую хозяйственную ячейку такъ, что ея формальное своеволие остается формой безъ содержанія, возможностью безъ примененія.

При этихъ условіяхъ *орудіе товарообмѣна* — деньги становятся величайшимъ выразителемъ экономической мощи ихъ владѣльцевъ, кристаллизацией всѣхъ социально-хозяйственныхъ правъ и обязанностей участниковъ товарнаго оборота.

И потому, давая съ наибольшей силой на хозяйственную мотивацию индивидуалистическаго общества, деньги являютъ въ устанавливаемыхъ ими формахъ массоваго поведенія рядъ особо квалифицированныхъ закономѣрностей мѣноваго хозяйства.

Законы денежнаго обращенія описываютъ не только наиболѣе сокровенныя, но и самыя устойчивыя тенденціи функціональнаго аппарата товарнаго общенія людей.

Но на ряду съ этими, въ большинствѣ уже вскрытыми и проанализированными, тенденціями „нормальныхъ“ денежныхъ отношеній иногда, подъ влияніемъ перестройки денежнаго аппарата, создаются спе-

цифическія системы экономическихъ связей и отношеній, которыя лишь спорадически представляются въ цѣломъ взору изслѣдователя и потому еще почти не затронуты ланцетомъ теоретическаго анализа.

Система эмиссионнаго хозяйства, являясь прежде всего формой измѣненія функціональнаго назначенія и привычной экономической роли денежныхъ знаковъ, символизирующихъ собою всю совокупность хозяйственной мощи децентрализованной организаціи народнаго хозяйства и давящихъ поэтому съ наибольшей силой на экономическое поведеніе массъ, вызываетъ соответственное измѣненіе этого поведенія, диктуемое стремленіемъ приспособиться къ внутреннему перерожденію этого важнѣйшаго элемента хозяйственной обстановки и непосредственнаго объекта хозяйственной дѣятельности всехъ участниковъ товарнаго общенія. Изъ этихъ тенденцій приспособленія къ новымъ условіямъ, проявляющихся различно, протекающихъ во взаимной борьбѣ и во взаимномъ ограниченіи (*лимитациіи*) и приводящихъ къ различнымъ результатамъ у различныхъ социальныхъ группъ, вырабатывается рядъ новыхъ закономерностей вполнѣ своеобразнаго социальнаго-экономическаго значенія.

Формы внѣдренія и усвоенія новыхъ денежныхъ знаковъ народно-хозяйственнымъ организмомъ, тенденции социальнаго распределенія разрастающейся денежной массы въ цѣломъ и цѣнностнаго расчлененія ея на части, направленія социальнаго-экономическаго сдвига въ соотношеніи общественныхъ силъ и перемѣщеніе плоскостей социальной борьбы, наконецъ стремленія экономической реорганизаціи привычныхъ формъ и институтовъ дѣятельнаго общенія социальныхъ группъ — все это даетъ обширный матеріалъ для анализа и опредѣленія закономерностей *системы эмиссионнаго хозяйства*.

XIV. Выводы для теоріи и практики бумажно-денежнаго обращенія.

Все предыдущее изложеніе даетъ намъ матеріалъ для слѣдующихъ выводовъ, формулирующихъ нѣкоторыя основоположныя явленія и тенденции системы эмиссионнаго хозяйства:

А. Эмиссіи, какъ финансовая система.

1. Бумажно-денежныя эмиссіи, какъ средство финансированія государственнаго аппарата, приходятъ на смѣну привычнымъ методамъ обложенія прямого и косвеннаго въ эпоху недействительности и исчерпанія послѣднихъ.

При финансированіи этими методами рѣзкое расхожденіе между доходной и расходной графами бюджета (нарушеніе баланса между ними) вызывается либо значительнымъ сокращеніемъ первыхъ, либо значительнымъ увеличеніемъ вторыхъ. Типичнымъ примѣромъ перваго случая является *война*, вызывающая необходимость ряда новыхъ затратъ: типичнымъ примѣромъ втораго случая является *революція*, вызывающая (наряду съ новыми потребностями) сокращеніе старыхъ доходовъ въ силу измѣнившагося соотношенія классовъ и ихъ связей съ государственной властью въ обстановкѣ реконструкціи государственно-финансоваго аппарата, ослабляющей мѣру его полезнаго дѣйствія.

2. Въ своемъ хозяйственно-организаціонномъ существѣ *эмиссионная система* противостоятъ *налоговой системѣ* какъ ея антитеза: для оплаты находящихся въ частномъ обладаніи силъ и благъ нужныхъ государству, послѣднее прибѣгаетъ при налоговомъ финансированіи къ принудительному *изъятію* изъ обращенія части циркулирующихъ денежныхъ знаковъ, а при эмиссионномъ финансированіи къ принудительному же *внѣдренію* въ оборотъ новыхъ, произвольно создаваемыхъ имъ денежныхъ единицъ.

Въ первомъ случаѣ покупательная сила денежной единицы остается устойчивой, постоянной, общая величина циркуляторнаго фонда не мѣняется, ибо изъятіе и обратное введеніе въ оборотъ совершается постепенно и непрерывно и лишь количество денежныхъ единицъ въ *частномъ* обладаніи сокращается; во второмъ случаѣ, количество денежныхъ знаковъ преминарно остается прежнимъ, а

затѣмъ даже увеличивается, но покупательная сила обращавшихся ранѣе денежныхъ единицъ искусственно понижается за счетъ вновь создаваемой покупательной силы новыхъ денежныхъ единицъ.

Въ первомъ случаѣ доходъ государства составляется изъ разницы между прежнимъ и новымъ (сократившимся) количествомъ денежныхъ знаковъ въ *частномъ* обладаніи; во второмъ случаѣ онъ образуется разницей между прежнимъ и новымъ (увеличившимся) количествомъ денежныхъ единицъ въ ихъ *общей* обращающейся массѣ.

3. Бумажно-денежныя эмиссіи являются самымъ сильнымъ и эффективнымъ среди всѣхъ государственно-финансовыхъ методовъ децентрализованнаго, товарно-мѣнового хозяйства.

Съ чисто финансовой точки зрѣнія такое значеніе этого метода обуславливается: а) максимальной мѣры реализаціи смѣтныхъ предположеній въ этомъ случаѣ и б) минимальностью издержекъ по ихъ реализаціи по сравненію со всеми другими финансовыми методами.

Съ соціально организаціонной точки зрѣнія эти характеристики расшифровываются въ а) максимальную *принудительность* этого способа изъятія нужныхъ государству реальныхъ цѣнностей изъ народно-хозяйственнаго круговорота по отношенію къ субъектамъ, владѣющимъ этими цѣнностями и б) минимальность потребнаго для этой цѣли *организаціонно-техническаго аппарата*.

4. Обѣ формы налогового обложенія (прямое и косвенное) реализуются лишь въ порядкѣ непосредственнаго подчиненія каждой индивидуальной воли налогоплательщика волѣ финансоваго законодателя; поэтому, здѣсь всегда остается возможность неподчиненія и тѣмъ самымъ неосуществленія налоговыхъ поступленій. Мѣра этого неподчиненія тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе давитъ облагающее государство на привычный жизненный уровень налогоплательщиковъ и чѣмъ энергичнѣе пытается оно сузить привычную норму потребления.

При прямомъ обложеніи неподчиненіе совершается въ формѣ массоваго отказа сообщить правильныя свѣдѣнія о своихъ доходахъ для исчисленія нормъ обложенія и уплатить исчисляемая финансовымъ управленіемъ суммы. Отказъ начинается въ тотъ моментъ, когда для cadaго отдѣльнаго налогоплательщика тяжесть подчиненія податному обложенію *превосходитъ* тяжесть ущерба для него отъ средневѣроятнаго примѣненія къ нему карательной санкціи финансоваго законодательства. И, поскольку этотъ отказъ захватываетъ широкіе слои населенія, аппаратъ государственнаго управленія неизбѣжно оказывается безсильнымъ преодолѣть такое сопротивление.

При косвенномъ обложеніи возможность неосуществленія ожидаемыхъ поступленій нѣсколько сужается, ибо здѣсь условіемъ отказа отъ уплаты налога является отказъ отъ потребления обложеннаго товара, но это является возможнымъ и осуществляемымъ въ формѣ замѣны даннаго предмета какимъ-либо суррогатомъ или въ край-

немъ случаѣ, путемъ измѣненія самой структуры привычнаго потребления.

При бумажно-денежныхъ эмиссіяхъ такой отказъ является безусловно *невозможнымъ*, ибо вновь выпускаемая бумажныя деньги (обезцѣнивающая собою всѣ остальные) вручаются либо такимъ общественнымъ группамъ, для которыхъ въ данной конкретной обстановкѣ получки отъ государства являются единственнымъ источникомъ средствъ существованія (рабочіе и служащіе государственныхъ предприятий, чиновники аппарата государственнаго управленія), либо такимъ, которыя экономически обезопасили себя отъ возможнаго ущерба значительнымъ повышеніемъ цѣны своихъ услугъ государству (частные предприниматели и поставщики мирнаго и военнаго времени и т. п.).

Самое же распредѣленіе реального ущерба, наносимаго обороту внѣдреніемъ въ него новыхъ денежныхъ знаковъ и изъятіемъ при ихъ помощи части реальныхъ цѣнностей, происходитъ въ сферѣ и предѣлахъ этого оборота путемъ своеобразной, хотя и не явной, а ргіогі точно неопредѣлимой раскладки его между большинствомъ послѣдовательныхъ держателей денежныхъ знаковъ. Именно, это обстоятельство гарантируетъ эмиттирующему государству полноцѣнность его доходовъ, устраняя его отъ участія въ „борьбѣ за распредѣленіе“, тогда какъ эта борьба обостряется по старымъ и новымъ размежеваніямъ соціальныхъ группъ и разрѣшается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ общихъ отношеній групповой зависимости и подчиненія, общихъ факторовъ соціальной силы.

5. Съ другой стороны, обѣ формы налогового обложенія предполагаютъ наличность и содержаніе обширнаго организаціонно-техническаго аппарата: наиболѣе громоздкаго въ прямомъ обложеніи для взиманія и контроля cadaго индивидуальнаго поступленія и нѣсколько меньшаго въ косвенномъ, гдѣ взиманіе коллективизируется и производится одновременно со всей товарной массы на мѣстѣ ея производства, либо продажи.

Бумажно-денежныя эмиссіи, устраняя необходимость какого бы то ни было аппарата по изъятію денежныхъ знаковъ изъ обращенія, сводятъ до минимума издержки по осуществленію финансовой операціи. Формальное тождество и одинаковая платежная сила старыхъ денегъ и новыхъ дѣлаютъ ихъ введеніе въ оборотъ не требующимъ содержанія никакого пособнаго механизма и ограничиваютъ расходную смѣту финансированія затратами на изготовленіе новыхъ денежныхъ знаковъ.

6. Съ соціальной точки зрѣнія бросается въ глаза *параллелизмъ между степенью переложимости и мѣрой эффективности обложенія*.

Ставки прямого обложенія почти не поддаются переложенію съ налогоплательщика на другихъ лицъ — и исторически прямые налоги были наименѣе эффективны; косвенное обложеніе допускаетъ весьма

разнообразный формы переложения — и исторически оно являлось основой финансовой системы капитализма; наконец, эмиссионное обложение оставляет совершенно неопредѣлимымъ реального налогоплательщика и предоставляет социально-экономическому круговороту распределить самому податные ставки эмиссией въ мѣру относительной, но весьма конкретной социальной силы каждаго данного субъекта при данной хозяйственной конъюнктурѣ эмиссионнаго напряжения страны — и оно даетъ при желаніи максимальные финансовые результаты дѣлая надолго совершенно ненужнымъ примѣненіе всѣхъ другихъ финансовыхъ методовъ.

А такъ какъ и переложение налоговъ, равно какъ и распределение ихъ въ социальной борьбѣ, совершается по общему правилу въ направленіи отъ социально сильнѣйшихъ группъ къ социально слабѣйшимъ, то констатированный выше параллелизмъ превращается въ социальную характеристику методовъ финансированія: *въ предѣлахъ товарно-мѣнового, социально-антагонистическаго хозяйства финансовые методы тѣмъ эффективнѣе, чѣмъ долѣе ихъ относительное давленіе на социально-слабѣйшія группы населенія.*

Б. Циркуляторное усвоение бумажныхъ денегъ.

8. Поскольку выпуски какихъ-либо бумажныхъ цѣнностей (кредитно-капитального значенія) превышаютъ мѣру возможной въ данной экономической обстановкѣ капитализации и потребность имущихъ группъ въ средствахъ накопленія даннаго типа, они, путемъ ускоренія послѣдовательныхъ переходовъ изъ рукъ въ руки, неизбѣжно превращаются въ циркуляторное средство, въ бумажныя деньги.

9. Въ этомъ случаѣ, всѣ элементы ихъ кредитно-капитальной характеристики, — какъ-то процентность, индоссированіе при переходѣ изъ рукъ въ руки, факультативность такого перехода, крупная величина купюрь, — становятся тягостными для оборота, искажающими реальное экономическое назначеніе этихъ бумажныхъ цѣнностей и вызываютъ потребность въ устраненіи ихъ, т.-е. въ полномъ выявленіи ихъ денежной природы, затушовываемой устарѣвшей юридической характеристикой.

10. Въ частности, при вытѣсненіи бумажными эмиссиями звонкой монеты, сохраненіе только крупныхъ купюрь бумажныхъ денегъ неизбѣжно должно вызвать *размѣнный голодъ*.

Экономическимъ отраженіемъ его служитъ возникновеніе лажа на сравнительно болѣе мелкія купюры среди всѣхъ имѣющихся, а также на другія денежные средства (размѣнное серебро и мѣдь).

Социально тяжесть размѣннаго голода и лажа на размѣнные знаки ложится преимущественно на наименѣе обеспеченные слои населенія. Точнѣе: *она возрастаетъ не пропорціонально, а прогрессивно съ нисхожденіемъ по социальной лѣстницѣ доходовъ* и все болѣе падаетъ

съ восхожденіемъ по этой лѣстницѣ. Ибо, чѣмъ больше доходъ, тѣмъ относительно меньше его потребность въ мелкой размѣнной монетѣ, тѣмъ меньшій процентъ его суммы идетъ на затраты, оплачиваемые размѣнными знаками.

11. При сопротивленіи государственной власти выпуску нужныхъ купюрь или недостаточной быстротѣ ихъ изготовленія гражданскій оборотъ самъ создаетъ для себя средства удовлетворенія размѣннаго (какъ и всякаго вообще денежнаго) голода. Знаки, используемые имъ въ этомъ случаѣ въ качествѣ циркуляторныхъ средствъ могутъ быть лишены одинаково какъ государственно-правовой санкціи, такъ и какого-либо экономическаго обезпеченія (размѣннаго фонда и т. д.); единственной гарантіей ихъ цѣнности является сама потребность оборота въ выполненіи ими денежныхъ функцій и эта потребность является существенной и достаточной для обезпеченія за ними полной мѣновой цѣнности.

В. Формы взаимодействія между бумажно-денежной и металлической массой.

12. Введеніе бумажныхъ денегъ въ оборотъ, при незакрѣпленности ихъ легальной цѣнности по отношенію къ обращающейся звонкой монетѣ, создаетъ условія параллельной циркуляціи двухъ денежныхъ системъ, независимыхъ другъ отъ друга, но конкурирующихъ другъ съ другомъ въ выполненіи денежныхъ функцій: а) циркуляторной (платежно-мѣновой), б) счетно-расцѣпной и в) капитализационной.

Эта конкуренція приводитъ при извѣстныхъ условіяхъ къ своеобразному распределенію и перераспределенію этихъ функцій между двумя денежными системами, а также къ частичному или полному вытѣсненію одною изъ системъ другой.

13. При легальной свободѣ мѣновой расцѣпки бумажной и металлической единицы другъ по отношенію къ другу *циркуляторная функція* можетъ выполняться обѣими денежными системами одновременно и параллельно въ томъ случаѣ, если цѣнность бумажныхъ денегъ является сравнительно устойчивой (независимо отъ того, высока ли она или низка), либо если общая величина бумажной массы мала по сравненію съ потребностями циркуляціи.

При возрастаніи же эмиссій и прогрессивномъ развитіи обезцѣненія бумажно-денежной единицы, она становится непригодной для натуральной капитализации (тезаврированія) и эта денежная функція, значеніе которой увеличивается именно осознаніемъ ненадежности возрастающей бумажной массы, монополизирована звонкой монетой. Въ результатъ возникаетъ процессъ „*вытѣсненія*“ звонкой монеты изъ обращенія и сокращенія ея циркуляторной роли.

14. *Функція мѣрилы цѣнности* (счетно-расцѣпная) выполняется

той изъ двухъ конкурирующихъ денежныхъ единицъ, которая является въ данный моментъ преимущественнымъ платежнымъ средствомъ широкихъ массъ населенія, т.-е. чья масса является преимущественнымъ орудіемъ товарнаго оборота. Въ ней исчисляются и товарныя цѣны, перечисляемая ad hoc въ случаяхъ платежа другой, циркуляторно-пособной денежной единицей, примѣнительной къ существующему въ это время соотношенію ихъ цѣнностей.

Въ этомъ смыслѣ счетно-расцѣпная функція имѣетъ вторичное, зависимое значеніе по отношенію къ циркуляторной функціи.

15. При законодательномъ уравненіи платежной силы (легальной цѣнности) металлическихъ и бумажныхъ денежныхъ знаковъ, превышеніе реальной цѣнностью металла его номинальной расцѣпки, легально уравненной съ обезцѣнивающимися бумажными деньгами, ускоряетъ процессъ вытѣсненія звонкой монеты до быстроты единовременнаго акта. Изъ орудія обмѣна звонкая монета превращается въ капитальную цѣнность, въ товаръ по отношенію къ бумажной валютѣ, монополизирующей такимъ образомъ функціи обращенія и мѣрила цѣнности.

При извѣстныхъ условіяхъ у металла создается даже своя сфера обращенія — капитальный рынокъ, наличность котораго въ случаѣ его соціального расширенія неблагоприятно отражается на текущей расцѣпке бумажныхъ денегъ и который используется въ этихъ цѣляхъ заинтересованными группами. Въ этомъ случаѣ онъ противостоитъ *сферѣ товарнаго оборота* бумажной массы въ качествѣ *сферы спекулятивнаго оборота* металлической массы.

Г. Факторы цѣнности бумажныхъ денегъ.

16. Въ каждый данный моментъ цѣнность товарнаго обращенія народно-хозяйственнаго единства является величиной экономически вполне опредѣленной. Денежное обращеніе служитъ не только орудіемъ, но и (при данной соціальной нормѣ развитія кредита) *цѣнностнымъ отраженіемъ товарнаго обращенія*, такъ что совокупная величина цѣнности денежной массы опредѣляется этимъ послѣднимъ.

17. *Цѣнность бумажныхъ денегъ опредѣляется различными факторами въ зависимости отъ той роли, которую они играютъ въ обращеніи.*

Поскольку они играютъ пособно-циркуляторную роль при параллельномъ съ ними основнымъ обращеніи звонкой монеты, постольку ихъ цѣнность опредѣляется по преимуществу размѣнно-реализационными гарантіями и общими условіями кредитно-политическаго довѣрія.

Поскольку количество бумажныхъ денегъ увеличивается, а металлическихъ сокращается, такъ что первыя становятся фактическимъ орудіемъ большинства товарныхъ сдѣлокъ, постольку размѣнно-реализационныя гарантіи совершенно отступаютъ на второй планъ и все большее значеніе приобретаетъ циркуляторное обоснованіе цѣн-

ности бумажныхъ денегъ, хотя параллельная циркуляція металла создаетъ чрезвычайно благоприятныя условія для спекулятивныхъ и подражательно-психологическихъ колебаній ихъ расцѣпки въ связи съ измѣненіями кредитно-политическихъ перспективъ.

Наконецъ, поскольку бумажныя деньги монополизируютъ за собою функціи народно-хозяйственной валюты, постольку всѣ „внѣшніе“ моменты окончательно теряютъ свое значеніе и цѣнность бумажныхъ денегъ опредѣляется единственно и исключительно специфической „внутренней“ гарантіей — *циркуляторнымъ обоснованіемъ цѣнности денежнаго обращенія.*

18. Поскольку въ обращеніи находятся параллельно и бумажныя и металлическія деньги, активно выполняющія циркуляторныя функціи, постольку совокупная мѣновая цѣнность бумажной массы опредѣляется лишь той частью товарнаго обращенія, которая остается ненасыщенной полноцѣпной металлической циркуляціей.

Поэтому, *вытѣсненіе звонкой монеты изъ оборота улучшаетъ циркуляторное обоснованіе цѣнности бумажныхъ денегъ и повышаетъ ее, внѣдреніе же металла въ оборотъ ухудшаетъ и разрушаетъ ее.*

19. Конкретная цѣнность бумажно-денежной массы можетъ подвергаться значительнымъ уклоненіямъ отъ этой ея экономической основы поскольку съ бумажными знаками сочетаются нѣкоторые элементы кредитнаго характера, не потерявшіе еще значенія въ силу подавленія ихъ циркуляторной функціей ихъ носителей.

При такихъ условіяхъ мѣновая расцѣпка бумажныхъ денегъ въ металлъ подвергается весьма значительнымъ колебаніямъ *кредитно-политическаго характера*: всякое ухудшеніе экономического положенія страны вообще и ея финансово-политической власти въ особенности отражается въ ухудшеніи курса ея бумажныхъ денегъ; и наоборотъ, улучшеніе и укрѣпленіе экономического положенія и укрѣпленіе (внутреннее и внѣшнее) политической власти отражается въ приданіи большей устойчивости финансовымъ перспективамъ и повышеніи курса бумажныхъ денегъ съ ихъ двойственной кредитно-циркуляторной природой.

Такія колебанія расцѣпки бумажныхъ денегъ, *возможныя лишь при параллельной съ ними циркуляціи звонкой монеты* — благодаря сравненію съ металломъ и за счетъ его устойчивой цѣнности, — приобретаютъ особенно значительный размахъ въ условіяхъ общей насыщенности или даже пресыщенія товарнаго оборота совокупной массой металлическихъ и бумажныхъ знаковъ, когда, съ одной стороны, пониженіе цѣнности бумажной массы проходитъ безъ ущерба для потребностей товарообмѣна, а съ другой стороны повысившаяся потребность капитализировать денежные избытки чутко реагируетъ на всякую кредитно-политическую возможность использовать для этой цѣли бумажно-денежные знаки, чѣмъ и повышаетъ ихъ курсъ.

20. Въ предѣлахъ монопольнаго выполнения бумажными деньгами денежныхъ функцій (въ силу устранения изъ обращенія всѣхъ конкурирующихъ, хотя бы априорно „лучшихъ“ денежныхъ средствъ) ихъ внутренней ценностью (*valeur intrinsèque*) является ихъ способность циркуляци. Величина ихъ цѣнности опредѣляется мѣрой напряженія этой способности относительно обрацаемой ими въ качествѣ орудія товарооборота товарной массы: или иначе, — *мѣрой насыщенія потребности товарнаго обращенія въ циркуляторныхъ средствахъ*.

Никакое обезпеченіе размѣна бумажныхъ денегъ на металлъ или иныя реальныя цѣнности въ будущемъ не можетъ само по себѣ имѣть здѣсь вліянія на ихъ цѣнность и обезцѣненіе въ настоящемъ и на тѣ хозяйственныя и соціальныя слѣдствія, которыя послѣднимъ вызываются.

Никакое обезпеченіе размѣна бумажныхъ денегъ въ настоящемъ не въ состояніи воспрепятствовать ихъ обезцѣненію, поскольку размѣнъ совершается не на полноцѣнныя циркуляторныя же средства, а на кредитныя или реальныя цѣнности. Ибо преградой для осуществленія „размѣна“ въ этой формѣ являются соціально-экономическіе предѣлы накопленія страны.

Подобный размѣнъ можетъ служить лишь извѣстнымъ барьеромъ для чрезмѣрнаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ при томъ условіи если номинальная цѣнность реальныхъ благъ, служащихъ фондомъ обезпеченія бумажныхъ денегъ, остается фиксированной. Въ этомъ случаѣ чрезмѣрное обезцѣненіе бумажныхъ денегъ представится въ видѣ сверхъ-нормальнаго удешевленія указанныхъ реальныхъ благъ и вызоветъ усиленную скупку послѣднихъ, слѣдствіемъ чего явится сокращеніе циркуляторной массы бумажекъ и укрѣпленіе ихъ мѣновой цѣнности.

21. Экономически вся бумажно-денежная масса является внутренне-единообразной и никакія техническія различія разныхъ видовъ знаковъ, снабженныхъ одинаковой платежной силой и выполняющихъ одну и ту же циркуляторную роль, не могутъ вызвать различной разцѣнки ихъ въ товарномъ оборотѣ.

Но, въ условіяхъ послѣдовательной смѣны разнородныхъ соціально-политическихъ организацій управленія и поочереднаго использования ими одного и того же эмиссионнаго аппарата, внѣшнія различія легально тождественныхъ знаковъ пріобрѣтаютъ и нѣкоторое цѣностное значеніе. Обстановка политической неустойчивости и ожиданіе возможныхъ перемѣнъ въ будущемъ, при сознаніи рѣзкой вражды смѣняющихся другъ друга политическихъ системъ, создаютъ благоприятныя условія для психологическаго усиленія нѣкоторыхъ кредитныхъ элементовъ цѣнности бумажныхъ денегъ и вызываютъ цѣностное расслоеніе бумажной массы по политическимъ признакамъ. Его экономическое значеніе можетъ быть весьма различнымъ въ за-

висимости отъ того, какія функціи реально выполняются тѣми частями денежной массы, которыя различно расцѣниваются оборотомъ. Поскольку знаки, расцѣниваемые выше, напр., старые, служатъ (хотя бы въ данной мѣстности) реальнымъ средствомъ товарообмѣна, цѣностная разница является *пониженіемъ* разцѣнки новыхъ денежныхъ знаковъ по сравненію съ той ея нормой, которая опредѣляется общими условіями товарно-денежнаго оборота даннаго времени и мѣста, т.-е. *дизажіо* въ точномъ экономическомъ значеніи этого термина. Поскольку же старые знаки капитализируются по преимуществу и товарно-циркуляторной роли не играютъ, цѣностная разница является *повышеніемъ* ихъ расцѣнки по сравненію съ той ея нормой, которая обусловливается совокупностью факторовъ товарной цѣнности денежной массы, т.-е. *лажемъ*, являющемся въ этомъ случаѣ платой за добавочное свойство старыхъ денегъ, которымъ не обладаютъ новые, платой за возможность удовлетворенія ими не только потребностей обращенія, но и потребностей накопленія въ силу большей достовѣрности и обезпеченности ихъ цѣнности въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Д. Экономическія и соціальныя тенденціи обезцѣненія эмиттируемыхъ знаковъ.

22. Поскольку совокупная цѣнность денежнаго обращенія является въ каждой данной обстановкѣ заранѣе опредѣленной совокупной цѣнностью товарнаго обращенія страны и эпохи, постольку увеличеніе суммы денежныхъ знаковъ (специфически циркуляторнаго примѣненія) неизбѣжно обращается въ пониженіи цѣнности каждой изъ составляющихъ ее единицъ. Въ частности, *эмиссионное обезцѣненіе бумажныхъ денегъ является формой экономической компенсаціи самихъ эмиссій*“.

23. Связи и взаимодействія соціальной техники процесса обезцѣненія эмиттируемой бумажно-денежной массы могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ: каждая новая эмиссія означаетъ опредѣленную прибавку къ наличной суммѣ *покупательныхъ средствъ* даннаго народно-хозяйственнаго единства.

Выполнившіе свое первоначальное финансовое назначеніе, новые денежные знаки продолжаютъ жить собственной жизнью внѣ воли и контроля ихъ создателя и переходя изъ рукъ однихъ соціальныхъ группъ въ руки другихъ стимулируютъ своимъ появленіемъ *разрастаніе общей суммы платежеспособнаго спроса*. Увеличеніе же спроса за товары надъ наличнымъ (при данномъ уровнѣ цѣнъ) предложеніемъ и является методомъ повышенія товарныхъ цѣнъ и, тѣмъ самымъ, методомъ обезцѣненія денежной массы.

24. Въ этомъ процессѣ повышенія денежныхъ цѣнъ товаровъ, соотносительномъ процессу увеличенія денежной массы въ обращеніи, намѣчаются 2 характерныя черты:

а) диспропорциональность между нормой возрастания циркуляционного фонда страны и нормой его обезцѣнения, опредѣляемой уровнем повышения товарных цѣнъ;

б) неравномерность отдѣльных направлений товарного обезцѣнения валюты, исчисляемого неодинаковостью повышения цѣнъ различных товарных группъ.

25. Несовѣтствие повышения товарных цѣнъ увеличенію денежной массы принимаетъ въ первый періодъ развитія эмиссионнаго хозяйства характеръ *отставанія* роста цѣнъ отъ возрастанія количества денегъ. Такое отставаніе обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что давленіе новыхъ денегъ на общій уровень цѣнъ проявляется лишь послѣ болѣе или менѣе длительного процесса *рассасыванія* денежныхъ знаковъ среди широкихъ массъ населенія. Каждая новая волна денежныхъ знаковъ должна пройти цѣлый рядъ социальныхъ слоевъ прежде чѣмъ расширится настолько, чтобы оказать вліяніе на цѣны предметовъ потребленія широкихъ массъ населенія; составляющихъ значительную часть товарной массы. Поэтому, отставаніе товарныхъ цѣнъ отъ бумажно-денежныхъ эмиссій есть закономерное выраженіе изолированности части денежныхъ знаковъ отъ давленія на цѣны. Въ общественномъ сознаніи этому этапу развитія эмиссионнаго хозяйства соответствуетъ представленіе о временности и неправомѣрности уклоненія отъ нормальныхъ условій денежнаго обращенія.

Напротивъ, когда общественное сознаніе усваиваетъ внутреннюю закономерность развитія эмиссионнаго хозяйства, какъ явленія неопредѣленной длительности, дѣлающаго *неизбѣжнымъ* постоянное возрастаніе цѣнъ, тогда намѣчается переломъ въ движеніи послѣднихъ и развитіе самого эмиссионнаго хозяйства вступаетъ во второй этапъ. Теперь каждая новая эмиссія, создаетъ стремленіе продавцовъ предвосхитить и поглотить темпъ грядущаго обезцѣненія денежной единицы путемъ автоматическаго перечисленія товарныхъ цѣнъ *до того* какъ для очереднаго повышения ихъ явится опора въ расширеніи денежнаго спроса на товары. Въ результатѣ товарныя цѣны вмѣсто того, чтобы отставать, начинаютъ *обгонять* бумажныя эмиссіи.

Впрочемъ, это забѣганіе цѣнъ впередъ не можетъ быть очень значительнымъ, ибо поскольку новыя деньги еще не увеличили собою достатковъ населенія, постольку чрезмѣрно повышенные продавцами цѣны не смогутъ быть оплачены; давленіе же на потребительскіе бюджеты, помимо того, что оно имеетъ вполне опредѣленные предѣлы, означаетъ всегда лишь перераспредѣленіе тратъ (отъ менѣе необходимаго къ болѣе необходимому) и не можетъ имѣть результатомъ значительнаго повышения *общаго* уровня товарныхъ цѣнъ въ цѣломъ.

26. Однимъ изъ слѣдствій и показателей перехода эмиссионнаго развитія во вторую стадію является возникновеніе *денежнаго голода*.

Поскольку ростъ товарныхъ цѣнъ перегоняетъ ростъ денежной массы, послѣдняя оказывается недостаточной для оплаты даннаго уровня цѣнъ и не можетъ покрыть нужды товарооборота.

При этихъ условіяхъ, товарный оборотъ выискиваетъ и поглощаетъ всяческіе денежные суррогаты, которые могутъ быть использованы въ качествѣ циркуляторныхъ средствъ и, въ частности, весьма благосклонно относится къ фальшивымъ экземплярамъ бумажныхъ денегъ, которые, противъ воли законодателя, легализуются общественнымъ сознаніемъ, заинтересованнымъ прежде всего въ устраненіи тѣхъ заторовъ товарообмѣна, которые создаются недостаткомъ денежныхъ знаковъ.

27. Второй характеристикой эмиссионнаго роста цѣнъ является несовѣтствие отдѣльных товарно-групповыхъ уровней повышения цѣнъ другъ другу. Оно обуславливается послѣдовательностью перехода новыхъ пакетовъ денежныхъ знаковъ отъ однихъ социальныхъ группъ къ другимъ и соотвѣтственной послѣдовательностью расширенія предъявляемаго ими спроса на предметы потребленія и производства.

[Въ частности показательнымъ является отставаніе цѣнъ предметовъ массоваго потребленія отъ цѣны золота, — въ монетахъ и слиткахъ, — какъ объекта капитализаціи и потребленія имущихъ группъ населенія].

Эта послѣдовательность, ставя въ наиболѣе привилегированное положеніе тѣ группы, чьи продукты въ первую очередь требуются финансово-эмиссионными задачами государства, расширяющаго свой платежеспособный спросъ на нихъ и повышающаго тѣмъ ихъ цѣны, располагаетъ въ дальнейшемъ одну-за другой группы производящія и поставляющія элементы производства и потребленія первыхъ группъ.

Чѣмъ дальше отстоитъ отъ хозяйственнаго истока новыхъ эмиссій каждая данная производственная группа, тѣмъ позже расширяется спросъ на ея продукты, тѣмъ позже повышаются ея цѣны и тѣмъ большее количество продуктовъ приходится ей оплачивать по новымъ повышеннымъ цѣнамъ до того, какъ повысились цѣны ея продуктовъ. Если въ первой половине этой цѣпи доходы увеличиваются быстрѣе, чѣмъ расходы, то во второй половинѣ расходы имѣютъ тенденцію возрастать быстрѣе доходовъ. Этимъ создаются условія для *перераспредѣленія доходовъ и имуществъ*, превращающагося въ одну изъ тенденцій эмиссионной реорганизации производственнаго организма.

28. Наряду съ такимъ обостреніемъ экономической борьбы между отдѣльными группами производителей обостряется и социальная борьба по важнѣйшимъ разрѣзамъ чисто социальныхъ группировокъ и возникаютъ новые разрѣзы, не выявляющіеся при устойчивомъ денежномъ обращеніи капиталистическаго хозяйства. Неравномер-

ность роста цѣнъ обычно имѣетъ тенденцію выдвигать на первый планъ доходъ предпринимательскій, оставляя за нимъ доходъ владѣльческой (въ примѣрно такой внутренней послѣдовательности: прибыль съ торговаго капитала, прибыль съ промышленнаго капитала и прибыль съ земельной собственности) и совсѣмъ позади — доходъ трудовой.

Но кромѣ внутренней перетасовки отдѣльныхъ группъ собственности существенно возникновение и крайнее обострение новаго разрѣза социальной борьбы — борьбы между городомъ и деревней, наемнымъ трудомъ городской промышленности и мелкимъ самостоятельнымъ производителемъ сельскаго хозяйства.

Характерное отставание цѣнъ труда отъ цѣнъ товаровъ системы эмиссионнаго хозяйства обуславливается въ значительнѣйшей степени ростомъ цѣнъ предметовъ продовольствія производимыхъ обычно экономически забитымъ и эксплуатируемымъ крестьянствомъ.

Но текущее обезцѣнение денегъ и неустойчивость денежныхъ расцѣнокъ создаютъ для деревни побужденія задерживать сбытъ своихъ продуктовъ и эта психологическая опасливость оказывается способной пополнить важнѣйшій недостатокъ организаціи сбыта деревни — его индивидуалистичность, разрозненность и взаимную конкуренцію. Въ результатъ молчаливое недовѣріе деревни къ обезцѣнивающемуся денежному эквиваленту и ея предпочтеніе измѣнить структуру своего потребления (сокращеніе потребления городскихъ продуктовъ за счетъ расширенія потребления собственныхъ) возможности быть обдѣленной при сохраненіи старой структуры, приводятъ къ фактическому объединенію мелкихъ собственниковъ деревни, парализующему законы индивидуальной конкуренціи и выявляющему все огромное экономическое превосходство ихъ надъ неимущимъ наемнымъ трудомъ города.

Система эмиссионнаго хозяйства определенно выдвигаетъ впередъ мелкаго частнаго производителя деревни, обычно находящагося на одномъ экономическомъ уровнѣ съ городскимъ пролетаріемъ и даже ниже его, и ставитъ его посредине между капиталомъ и наемнымъ трудомъ, давая тѣмъ самымъ всей своей тяжестью на этотъ послѣдній.

Въ этомъ существо традиціоннаго продовольственнаго кризиса города въ системѣ эмиссионнаго хозяйства. Что именно здѣсь коренится причина нарушенія обычныхъ пропорцій товарообмѣна между городомъ и деревней, а не въ зачастую идущемъ параллельно сокращенію товарной производительности города и его обрабатывающей промышленности, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что по законамъ мѣноваго хозяйства (въ нормальныхъ условіяхъ денежнаго обращенія) значительное сокращеніе определенныхъ отраслей производства не только компенсируется для нихъ повышеніемъ ихъ цѣнъ, но и, поскольку рѣчь идетъ о предметахъ массоваго сбыта, создаетъ избытокъ прибылей отъ обмѣна въ ихъ пользу (ср. умышленное сокращеніе выработки, какъ элементарный принципъ монополистической политики).

29. Поскольку эмиссионное повышеніе общаго уровня цѣнъ совершается внѣ сферы этого социального сдвига, т.-е. въ соответствии съ увеличеніемъ денежной массы и ея распределеніемъ среди широкихъ массъ населенія, оно является не только вполне закономѣрнымъ, но и необходимымъ для поддержанія правильнаго товарообмѣна въ странѣ.

Товарообмѣнъ можетъ существовать только на основѣ взаимнаго соответствія денежной массы съ одной стороны и денежнаго выраженія товарной массы съ другой стороны. Между тѣмъ, новые денежные знаки, скопляющіеся прежде всего въ рукахъ весьма немногочисленныхъ группъ населенія, поставленныхъ въ особо привилегированное положеніе какъ общими элементами социально-имущественной силы, такъ и специфической конъюнктурой даннаго направленія эмиссионнаго напряженія страны, создаютъ такое накопленіе покупательной силы въ ихъ рукахъ, которое совершенно разрушаетъ выработавшуюся систему спроса и грозитъ сдѣлать ихъ обладателями большей части товарной массы страны.

Повышеніе общаго уровня цѣнъ является здѣсь средствомъ хоть и запоздалаго распределенія новой денежной массы среди всего населенія, нейтрализующимъ чрезмѣрное групповое ихъ накопленіе и принудительно возвращающее товарообмѣну его нормальныя формы.

30. Такъ какъ ни для эмиссій, ни для повышенія цѣнъ никакого внутренняго экономическаго предѣла не имеется, то параллельное возрастаніе денежной массы и общаго уровня цѣнъ превращается въ процессъ неопредѣленной длительности.

Если повышеніе общаго уровня товарныхъ цѣнъ есть ничто иное какъ процессъ цѣнностнаго усвоенія эмитируемой денежной массы оборотомъ, то въ самомъ товарномъ оборотѣ параллельно ему идетъ другой процессъ циркуляторнаго усвоенія новыхъ знаковъ. Это процессъ послѣдовательной смѣны реально циркулирующихъ денежныхъ единицъ.

Въ исторіи всякой интенсивно развивающейся эмиссионной системы наступаетъ моментъ, когда увеличивающаяся бумажная масса, при постоянномъ паденіи цѣнности ея единицы, начинаетъ тяготить народно-хозяйственное обращеніе. Повышеніе товарныхъ цѣнъ приводитъ къ тому, что купюры, бывшія прежде крупными, становятся по своей реальной цѣнности средними, среднія — мелкими, а мелкія — совсѣмъ ненужными товарному обороту: они вытѣсняются изъ обращенія всѣми возможными путями, частью возвращаясь въ кассы казначейства, частью теряясь въ частныхъ рукахъ за ихъ почти полнымъ обезцѣненіемъ.

Эта смѣна реально потребныхъ обороту денежныхъ знаковъ, представляетъ собою, съ точки зрѣнія эмиссионнаго развитія въ цѣломъ простую смѣну наименованій, написаній на бумажныхъ бланкахъ, да еще смѣну самихъ этихъ бланковъ.

31. Поскольку ростъ цѣнъ отражаетъ въ себѣ эмиссионное обезцѣненіе валюты, постольку норма повышения общаго уровня цѣнъ въ единицу времени выражаетъ собою ничто иное, какъ ту часть народно-хозяйственнаго дохода, которая изъемлетъ эмиссионнымъ аппаратомъ изъ частнаго обладанія и поглощается расходнымъ бюджетомъ государства.

Какъ критеріемъ здороваго денежнаго хозяйства является устойчивость цѣнности денежной единицы, такъ *критеріемъ нормальнаго эмиссионнаго хозяйства является (при относительномъ постоянствѣ потребностей государства) устойчивость темпа ея обезцѣненія.*

Насколько рѣзкій сдвигъ и ускореніе обезцѣненія является сигналомъ бѣдствія и показателемъ появленія какихъ-то новыхъ факторовъ, дѣлающихъ положеніе бумажной валюты опаснымъ, настолько же устойчивость темпа (коэффициента) обезцѣненія является показателемъ надежности общей ситуаціи эмиссионнаго хозяйства, какъ такового.

Е. Методы денежной реформы.

32. Основной предпосылкой успѣшности ликвидаціи эмиссій и реорганизациі разбухшаго аппарата денежнаго обращенія является ея *финансовая выполнимость*, безъ чего эмиссионный аппаратъ принудительно возрождается вновь лишь въ формально иной, а реально ухудшенной конструкціи.

Финансовая же выполнимость реформы обусловливается устраненіемъ тѣхъ причинъ, которые вызвали переходъ отъ налогового финансированія къ эмиссионному, т.-е. съ одной стороны значительнымъ сокращеніемъ возросшихъ (подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ и т. д.), расходовъ, а съ другой — значительнымъ повышеніемъ сократившихся налоговыхъ (и частно-хозяйственныхъ) доходовъ государства.

Оба условія реализуются крайне болѣзненно.

33. Въ частности, повышение налоговыхъ поступленій, которое должно производиться въ обстановкѣ продолжающихся эмиссій тѣмъ болѣе трудно, что сама эмиссионная система характеризуется вполнѣ опредѣленной *тенденціей вытѣсненія всѣхъ прочихъ финансовыхъ методовъ.*

Въ развитіи эмиссионнаго хозяйства — а) налоговые ставки обезцѣниваются подъ вліяніемъ роста цѣнъ и номинальной переоценки всѣхъ цѣнностей; б) налоговые поступления сокращаются въ силу общаго ухудшенія экономическаго положенія населенія и эмиссионнаго сокращенія его потребления, вынуждающаго бороться хотя бы за частичное удержаніе прежняго жизненнаго уровня.

34. Изъятіе сколько-нибудь значительной части денежной массы путемъ принужденія внесенія ея въ государственныя кассы (принудительные займы и т. д.) не можетъ дать серьезныхъ результатовъ, ибо *обращающаяся масса уже усвоена товарнымъ оборотомъ и связана имъ въ соответствующемъ уровнѣ цѣнъ.*

Изъятіе же ея при помощи добровольныхъ займовъ не можетъ имѣть успѣха, ибо въ *обстановкѣ эмиссій всякій заемъ превращается въ обложеніе* ввиду закрѣпленности лишь его номинальнаго выраженія и непрестаннаго обезцѣненія этого номинала.

35. При выяснившейся финансовой возможности продержаться хоть временно безъ эмиссій на сцену выступаютъ два основныхъ метода сокращенія денежной массы: а) пониженіе легальной платежной силы (цѣнности) всѣхъ денежныхъ знаковъ вообще или б) полное уничтоженіе легальной цѣнности одной части денежныхъ знаковъ.

Первый методъ более соотвѣтствуетъ періодамъ сравнительно небольшого обезцѣненія бумажныхъ денегъ, второй — періодамъ весьма значительнаго обезцѣненія.

Но оба они предполагаютъ укрѣпленіе частей цѣнности самой же бумажной массы. Напротивъ, разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую валюту и легализація такъ называемой курсовой расцѣпки бумажныхъ денегъ должны неизбѣжно быстро привести къ уничтоженію всей цѣнности бумажной валюты и замѣны ея металломъ. Соціальный смыслъ такого метода заключается въ обогащеніи имущихъ обладателей запасовъ звонкой монеты, капитализировавшихъ ее и въ переложеніи всей тяжести денежной реформы на плечи неимущихъ массъ, владѣющихъ только быстро протекающими черезъ ихъ руки и катастрофически обезцѣнивающимися (подъ вліяніемъ внѣдренія металла въ обращеніе) бумажными знаками.

36. Методами пропорціонализаціи и прогрессивизаціи ущербъ при денежной реформѣ по величинѣ имущественнаго достатка каждаго даннаго субъекта могутъ быть: а) при девальваціи — измѣненіи нормы ея въ зависимости отъ величины купюръ; б) при демонетизаціи части денежной массы — примѣненіе ея къ крупнымъ и крупнѣйшимъ купюрамъ; в) при обмѣнѣ однихъ бумажныхъ денегъ на другія — варіація нормы выдачи новыхъ въ зависимости отъ величины представляемой къ обмѣну суммы.

37. При обезцѣненіи бумажныхъ денегъ частныя долговыя обязательства и аналогичный суммы, договорно опредѣленные въ номинале, не могутъ быть погашаемы обезцѣнивавшимися бумажками, ибо юридическій принципъ закрѣпленія *номичальнаго* выраженія цѣнностей, вырабатывался примѣнительно къ нормальнымъ отношеніямъ денежнаго хозяйства съ его устойчивой цѣнностью денежной единицы.

Но, съ другой стороны, перечисленіе обязательствъ не можетъ происходить съ цѣлью возстановленія *полной* реальной цѣнности предоставленнаго кредита, ибо это значитъ бронировать интересы кредитора отъ эмиссионнаго обложенія всѣхъ имуществъ и доходовъ и переложить всю тяжесть такого обложенія исключительно на плечи должника.

Примѣчанія

и

Экскурсы.

Примѣчанія къ главѣ I-ой.

¹⁾ *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. 2-de ed. Paris, 1903, t. I, p. 119. — *Arnoult* (бывшій директоръ „Бюро торговаго баланса“) исчисляетъ государственный долгъ Людовика XIV въ 4.500 ливровъ. См. „De la balance du commerce et des relations commerciales extérieures de la France“. Seconde ed. Paris, 1798, томы II и III.

²⁾ *Dutot*. Reflexions politiques sur les finances et le commerce de la France — Цит. *И. Баббстъ*. Джонъ Ло и финансовый кризисъ во Франціи въ первые годы регентства. Москва, 1852, стр. 9.

³⁾ Декларацией 1764 г. было воспрещено кому бы то ни было „печатать, продавать или распространять всякія сочиненія, работы или проекты, касающіеся реформы финансовъ или ихъ управленія въ прошломъ, настоящемъ или будущемъ“.

Тѣмъ большую роль сыграло опубликованіе такъ наз. „Отчета“ Неккера, представлявшаго собой въ дѣйствительности лишь *проектъ* росписи. Финансовый дѣятель революціи *Рамэль*, констатировалъ, что Франція обязана „Отчету“ своимъ финансовымъ образованіемъ.

„Отчетъ“ *Неккера* появился впервые въ официальномъ изданіи: „*Compte rendu au roi*. par M. Necker, directeur general des finances. Au mois de Janvier 1781. Imprimé par ordre de Sa Majeste. A Paris, dans l'imprimerie Royale 1781“, которымъ мы пользуемся.

Опубликованіе этого перваго гласнаго отчета вызвало цѣлую дискуссію въ рарнаго рода брошюрахъ, письмахъ и т. д. Наряду съ рѣзкой критикой Неккера здѣсь встрѣчаются и его апологіи. Большая часть этой литературы была собрана въ заграничномъ (Утрехтскомъ) изданіи „Collection complète de tous les ouvrages pour et contre Necker. Utrecht, 1782, vol. I—III.“

Въ 1788 г. съ новой критикой данныхъ отчета Неккера выступилъ находившійся у власти *Калоннъ*. Неккеръ отвѣтилъ ему и другимъ въ особой работѣ: *Necker Sur le compte rendu au Roi en 1781. Nouveaux éclaircissements*. A Paris, Hôtel de la Thon. 1788.

Наконецъ, послѣ завершения революціонной эпохи, передъ лицомъ восходящей Наполеоновской имперіи, Неккеръ пытался свести воедино свои финансовыя и политическія воззрѣнія въ книгѣ: „*Dernieres vues de politique et des finances offertes à la Nation Française*. An X—1802“.

⁴⁾ *Ch. F. Bouche*, Avocat au parlement, député de la Sénéchaussee d'Aix et membre de l'Assemblée Nationale. Leger aperçu sur les revenus publics depuis 1380 jusqu' en septembre 1789. Reformes proposées etc. A Marseille, de l'Imprimerie de F. Breibon (1789), p. 7.

⁵⁾ Таблица исчислена нами по детальнымъ даннымъ росписей соответствующихъ годовъ опубликованнымъ въ крайне рѣдкомъ Лозаннскомъ изданіи: „*Collection des comptes rendus, pièces authentiques, etats et tableaux concernant les finances de la France de 1759 à 1787*“. Lausanne, 1788.

⁶⁾ *Boilly*. Histoire financière de la France. Paris, 1830, Vol. II, p. 235.

⁷⁾ *Boilly*, тамъ-же, — Что касается такого предварительнаго забора будущихъ доходовъ („антиципаций“), то этотъ методъ сведенія баланса получалъ по мѣрѣ ухудшенія общаго финансоваго положенія все большее значеніе, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Срокъ антиципацій.	Сумма антиципацій.
1715 г.	186.098.000 л.
1764 „	80.000.000 „
1768 „	132.591.000 „
1770 „	154.000.000 „
1773 „	30.000.000 „
1775 „	78.250.000 „
1776 „	50.480.000 „
1781 „	119.000.000 „
1782 „	154.760.000 „
1783 „	176.000.000 „
1787 „	255.000.000 „
1789 „	225.000.000 „

Данныя — *Arnoult*. Histoire generale des finances de la France depuis le commencement, de la monarchie pour suivre d'introduction à la Loi annuelle ou Budjet de l'empire français. A. Paris, mars 1806. Notes et pièces justificatives. Note XVII-me, page 52.

⁸⁾Цифру реального дефицита для 1774 г. находимъ у *P. Boileau*: „Budjet general de l'Etat“ (въ „Dictionnaire des finances“ publie sous la direction de *L. Say*. Vol., I, p. 510. Paris. 1889). Таблица относящаяся къ 1781 году является сводкой данныхъ „Collection des comptes rendus etc. (1788) и *Bailly*, цит. соч., томъ II, стр. 237—238.

⁹⁾ Таблица составлена нами по даннымъ *A. Arnoult*. De la balance du commerce et des relations commerciales exterieures de la France. Paris, 1798, vol. III, tabl. 14.

¹⁰⁾ Ср. *Levasseur*, цит. соч., стр. 115.— *Levasseur*. Histoire du commerce de la France. Deuxieme partie: de 1789 a nos jours. Paris, 1912, p. 23.

¹¹⁾ Таблица исчислена нами по даннымъ „Collection des comptes rendus“. Lausanne, 1788.

У Неккера мы находимъ любопытное показаніе о социальномъ строеніи важнѣйшей рубрики расходной смѣты — военного бюджета. Общая сумма въ 123½ милліона военныхъ расходовъ распредѣляется такъ:

содержаніе солдатъ	44.100.000 лив.
„ офицеровъ	46.400.000 „
„ администраціи	32.950.000 „

Итого 123.450.000 лив.

Necker. De l'administration des finances de la France. Paris, 1784, tome II, p. 422.

¹²⁾ *R. Stourm*. Les finances de l'ancien régime et de la Revolution. Paris, 1885. Tome I, p. 4.

¹³⁾ „Oeuvres de Turgot“. Collection des principeaux economistes, vol. IV. — Ср. *Fachan*. Historique de la rente française et des valeurs du tresor. Paris, 1904, page 84.

¹⁴⁾ Луи Бланъ. Исторія французской революціи. Переводъ подъ ред. проф. Рѣдъкина. Спб. 1909. Томъ II, стр. 39 и 40.

¹⁵⁾ Критику финансовой выгодности этого превращенія, основанную на точномъ исчисленіи государственныхъ расходовъ въ обоихъ случаяхъ см. у *R. Stourm'a*, цит. соч., т. II, стр. 215.

¹⁶⁾ Луи Бланъ. цит. соч., томъ II, стр. 50.

¹⁷⁾ Луи Бланъ. цит. соч., томъ II, стр. 43 и 44.

¹⁸⁾ Первый опытъ сравнительной характеристики финансовой политики ряда послѣднихъ генеральныхъ контролеровъ финансовъ дѣлаетъ анонимъ (приписанный

Montyon'у): „Particularites et observations sur les ministres des finances de France les plus celebres depuis 1660 jusqu'en 1791“. Paris, 1812. Изложеніе однако далеко не отличается объективностью и достаточной широтой кругозора, — См. также *Ch. Gomet'*, Les causes financiers de la revolution française. 2 volumes. Paris, 1892—93.

¹⁹⁾ Ср. *Fachan*. Historique de la rente française etc. p. 90.

²⁰⁾ *Ch. Gomet'*. Histoire financière de l'Assemblée Constituante. Vol. II. Paris, 1897, p. 254.

Сложившаяся еще среди современниковъ характеристика Неккера какъ *политика въ финансахъ и финансиста въ политикѣ* сослужила ему лично плохую службу, ибо недовольство имъ всѣхъ окужающихъ выливалось въ упреки однимъ въ томъ, что онъ внесъ политику въ финансы, а другихъ — въ томъ, что онъ и въ политикѣ, оставался только финансистомъ.

Его общая позиція лучше всего характеризуется его собственными показаніями, которыя мы находимъ въ его позднѣйшей 4-хъ томной работѣ о французской революціи. „Я безпрестанно говорилъ Людовику XVI-му, — читаемъ мы здѣсь, — о страданіяхъ и нуждахъ Народа; я безпрестанно говорилъ Народу о доблестяхъ и благодѣтельныхъ начинаніяхъ его Короля“. См. *Necker*. De la Revolution Française. Nouvelle Edition. Avec les Additions de l'Auter. Paris, an V (juin 1797) vol. I, p. 45.

²¹⁾ Подробный цифровой матеріалъ, легшій въ основу доклада Неккера Генеральнымъ Штатамъ изданъ отдѣльно подъ названіемъ: „Compte general des revenus et des depenses fixes au I Mai 1789 (remis par M-r le Premier Ministre des Finances à M. M. du Comite des Finances de l'Assemblée Nationale)“. Paris, de l'imprimerie royale, 1789.

²²⁾ Послѣдняя цифра у *Bornarel'a*: „Les assignats pendant la revolution française“ („La Revolution Française“. Revue historique dirigee par Aulard, tome XV, 1889, p. 497), ссылающагося на документы національныхъ архивовъ.

²³⁾ *R. Stourm*. цит. соч. томъ II, стр. 265.

²⁴⁾ Ср. *Scheel*. Du Pont de Nemours et l'école physiocratique. Paris, 1888, p. 294.

Примѣчанія къ главѣ II-ой и III-ей.

¹⁾ Исторія Учетной Кассы наиболѣе подробно разработана въ книгѣ *Courtois fils*. Histoire des barques en France, 2-e ed., Paris, 1881, — данными котораго мы здѣсь преимущественно пользуемся. Кромѣ того см. *Necker*. „Compte rendu au roi au mois de janvier 1781, Paris, 1781, p. 22—25;—*P. Boileau*. Etat de la France en 1789, Paris, 1861; *R. Stourm*. Les finances de l'ancien regime et de la Revolution t. II, p. 265 — 268. *Illig*. Das Geldwesen Frankreichs zur Zeit der ersten Revolution. Strassburg, 1914;— также Луи, Бланъ. Исторія французской революціи 1789 г., русский пер. проф. Рѣдъкина, Спб., 1909, томъ IV, стр. 83 и сл.; затѣмъ, кое-что у *Ch. Gomet'a*: Les causes financières de la Revolution française и въ обихъ цит. работахъ *Levasseur'a* — Маленькой старой монографіи *I. B. Say*. Histoire de la caisse d'escompte. Paris, 1848, мнѣ статья не удалось.

²⁾ См. *Scheel*. Du Pont de Nemours et l'école physiocratique. Paris, 1888, p. 300.— „До созданія Учетной Кассы полагали, что большіе банки не нужны во Франціи“ (здѣсь же. стр. 300, прим. 1).

³⁾ *Necker*. Compte rendu au Roi. Au mois de janvier 1781 Paris, 1781, p. 24—25.

⁴⁾ *Necker*, тамъ-же, стр. 24.

⁵⁾ *Courtois* (цит. соч., стр. 89) говоритъ, что начиная съ 1778 года духъ управленія кассой значительно измѣнился въ сторону большей рискованности операций, биржевой игры и т. д.: но это утверженіе мало гармонируетъ съ тѣмъ фактомъ, что даже во время паники 1787 года общее положеніе ея было хорошее и бумаги въ портфель краткосрочны и солидны (см. у него же, стр. 91).

6) Ср. *Illig*. Das Geidwesen Frankreichs etc., стр. 21.

7) *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. Paris, 1903. том I, p 117. — *Levasseur*. Histoire du commerce en France. Deuxieme partie. Paris, 1912. p. 24.

8) *Ch. Gomel*. Histoire financière de l'Assemblée Constituante. Paris, 1896, tome I, p. 201 — 202. — О займѣ 17 сентября ср. тамъ-же, p. 379—380.

9) Послѣдованіе финансовой системы наказовъ произведено *Ch. Gomel'емъ* въ I-мъ томѣ его „Histoire financière de l'Assemblée Constitutuante“ (Paris, 1896). см. стр. 136—144.—Другія работы (напр. *Эдма Шампюна*) даютъ въ этомъ отношеніи очень мало.

10) *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières etc. 1903. Tome I, p. 118 — Сводку брошюрной литературы эпохи по этому вопросу даетъ *Лихтенберже*. Соціализмъ и французская революція. Переводъ Ю. Стеклова. Спб., стр. 194. — Также см. *Ch. Gomel*. Histoire financière de l'Assemblée Constituante. Paris, 1896. Tome I, p. 326.

11) Французская литература о продажѣ земель во время революціи выдвинула двѣ основныя теоріи по вопросу о характерѣ ея. Одна изъ нихъ, защищаемая группой во главѣ съ *Sagnac'омъ*. (См. сбор. подъ ред. *E. Fague*. L'oeuvre sociale de la Revoulution Française. Paris, 1902. — а также *Ph. Sagnac*. La legislation-de la Revolution française, Paris, 1902) утверждаетъ, что цѣлью законодателей, вступившихъ на путь конфискаціи и распродажи королевскихъ, церковныхъ, а затѣмъ крупныхъ частновладѣльческихъ земель было насажденіе во Франціи мелкой земельной собственности. Другая теорія, защищаемая группой во главѣ съ *Жоресомъ (Jaures)*. Histoire socialiste, vol. I, Appendice) напротивъ, приписываетъ законодательству преимущественно цѣль фискальную, цѣль пополненія государственнаго казначейства, отрицая политическую задачу распродажи.

Первое направленіе можетъ найти лучшую опору для себя въ рѣчахъ *Мирабо*, который дѣйствительно сознательно защищалъ распродажу иаціонализируемыхъ земель, какъ актъ насажденія обширнаго класса мелкихъ собственниковъ заинтересованныхъ въ защитѣ революціи. Когда *Мирабо* сказали, что врядъ ли возможно будетъ продать такое большое количество земель, то онъ отвѣтилъ: „Ну что же, мы ихъ раздадимъ даромъ“. Будучи вначалѣ противникомъ выпуска ассигнатовъ, онъ вскорѣ превратился въ ихъ горячаго защитника видя въ нихъ также средство соціального закрѣпленія завоеванія революціи.

Но, какъ говоритъ одинъ изъ современныхъ издѣдователей фактической исторіи распродажи земель, на дѣлѣ „желанія законодателя, покровительствовавшего интенсивному парцеллированію, совершенно не принимались во вниманіе, а политическія нужды толкали къ единственной цѣли пополненія казначейства“. — *F. Vermale*. Essay sur la repartition sociale des biens ecclesiastiques nationalises. Département du Rhone, Paris, 1906, p. 145. — Изъ работъ по фактической исторіи продажи см. еще *B. Minzes*. Die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution. 1892;— *Marion*. La vente des biens nationaux pendant la revolution 1908; — *Vialay*. La v'ente des biens nationaux 1908; — *Forot* изслѣдую въ работѣ „L'alienation des biens du clerge“, Paris — Tulle, 1905, стр. 78, архивные документы объ условіяхъ распродажи земель въ Тюллѣ (департ. Corrèze), заключаетъ свою работу словами: „Все изложенное ясно говоритъ намъ, что земли духовенства въ Тюллѣ перешли въ руки буржуазіи и владѣнія не были разбиты на отдѣльные участки, трудящееся населеніе (le peuple des travailleurs) использовало эту распродажу лишь въ безконечно малой долѣ“.

Но если всѣ эти работы, изслѣдующія фактической матеріалъ эпохи по отдѣльнымъ частямъ французской территоріи, показываютъ, что весьма значительная часть земель распродавася отнюдь не мелкими, а весьма крупными участками, такъ что фактически они переходили но столько въ руки новаго класса мелкихъ собственниковъ, сколько въ руки новыхъ группъ крупныхъ же приобрѣтателей, то это все же еще не рѣшаетъ вопроса о соціальномъ содержаніи такой перетасовки.

Ибо, актъ продажи, актъ перемѣщенія товара съ обратнымъ перемѣщеніемъ его экономического эквивалента, самъ по себѣ еще ничего не говоритъ о тѣхъ измѣненіяхъ экономической силы различныхъ группъ, которыя наиболѣе существенны для исторической характеристики этихъ событій. Измѣненіе же въ соотношеніи соціальныхъ группъ опредѣляется въ данномъ случаѣ перемѣщеніемъ не матеріи, а экономической цѣнности земель изъ одного обладанія въ другое, независимо отъ обратной передачи ихъ эквивалента. Такое перемѣщеніе совершалось, какъ мы говорили въ текстѣ, отъ земельной аристократіи къ денежнымъ магнатамъ, ссудившимъ ранѣе часть своихъ капиталовъ государству. Конфискованныя у крупнаго землевладѣнія имущества были единственнымъ реальнымъ обезпеченіемъ, которое оно могло предложить буржуазіи. И оно передало ихъ ей, платя „ассигнатами на національныя земли“ свои долги.

И финансовая и политическая теоріи историковъ французской революціи, какъ опыты уясненія совершавшагося земельного переворота, одинаково проходятъ мимо этого основнаго соціальнаго его смысла. Первая, считая стимуломъ конфискаціи и распродажи земель нужды государственной казны не видитъ тѣхъ классовыхъ интересовъ, которыя стоятъ позади этихъ кассовыхъ нуждъ, не замечаетъ, что самые эти нужды вызывались прежде всего огромной задолженностью государства одному только классу и, стало быть, просто выражали собою нужды этого класса.

Вторая, выдвигая на первый планъ идею *Мирабо* о политической охранѣ революціи путемъ сочетанія съ ея интересами, какъ продавщицы земель, интересовъ ихъ новыхъ приобрѣтателей, не замѣчаетъ, что послѣдующій процессъ приобрѣтенія земель оказывается совершенно второстепеннымъ передъ лицомъ предшествующаго ему процесса передачи государствомъ своимъ должникамъ права на приобрѣтеніе ихъ, путемъ врученія имъ вновь созданныхъ ассигнатовъ.

12) Одинъ старый авторъ начала прошлаго столѣтія представилъ себѣ, что созданіе ассигнатовъ было вызвано абсолютной недостаточностью денежнаго фонда Франціи для оплаты такой массы земель; „Для использованія такого количества захваченныхъ домэновъ, — описываетъ онъ исторію возникновенія ассигнатовъ,—необходимо было прибѣгнуть къ экстраординарнымъ мѣрамъ. Всей монеты, которая обращалась во Франціи, не могло хватить для ихъ оплаты; тогда прибѣгли къ бумажнымъ деньгамъ, которыя были названы ассигнатами“. — *J. C. Royou*. Developpement des principales causes et des principaux evenements de la Revolution. Paris, 1823, p. 241.

Примѣчанія къ главѣ IV-ой.

1) *Ch. Gomel*. Histoire financière de l'Assemblée Constituante, tome I, p. 136.

2) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“ № 60: отчетъ о засѣданіи 19 сентября 1789 года.

О мемуарахъ частныхъ лицъ *Неккери* о бумажныхъ деньгахъ см — *Gomel*, цит. соч., т. I, стр. 470—471.

3) „Gasette Nationale etc.“ № 66: отчетъ о засѣданіи 1 октября 1789 г. — Ср. также *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. Paris, 1903, tome I, p. 118.

4) „Gasette Nationale etc.“ № 90: отчетъ о засѣданіи 14 ноября 1789 г. — Текстъ доклада *Неккера* воспроизведенъ также въ парламентской хроникѣ *Buchez et Roux*. Histoire parlementaire de la Revolution Française ou Journal des Assemblies Nationales depuis 1789 jusqu'ou 1815. Paris, 1834, tome III, p. 358—362;— здѣсь же дальнѣйшія пренія. — Краткія изложенія у *Gomel'я*. цит. соч. I, стр. 473 и сл.; *Courlois*, цит. соч., 2 изд. стр 93.

5) „Gasette Nationale etc.“ № 91: отчетъ о засѣданіи 18 ноября 1789 г. — Также *Buchez et Roux*, цит. соч., томъ III; ср. *Gomel*, цит. соч., т. I, стр. 478 — 490.

6) Eheberg Art. „Assignaten“ im „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. (3 Aufl., Jena 1908. Bd. II, S. 216. — *Fuchan. Historique de la rente française et des valeurs du trésor*. Paris, 1904, p. 102.

7) По вопросу о циркуляторных свойствах ассигнатов I-го типа в литературе вопроса накопилось немало недоразумений. Одни, как напр. *Bornarel* (*Les assignats pendant la révolution*, в „*La Révolution française*“, 1888. т. XV. p. 505) утверждают, что ассигнаты уже теперь обладают легальным курсом („*ont cours legal du monnaie*, sont reçus en payement des impôts et des biens nationaux“). Между тем, на деле *легальный* курс ассигнаты получают только с апреля 1790 г. после преобразования их юридической природы в ассигнаты II-го типа. Другие отрицают за ними как бы то ни было денежные свойства, именуя их просто „ипотечными бонами“ (*bons hypothecaires*) или „бонами казначейства со специальной ипотекой“ (*bons du Trésor avec hypothèque speciale*). — *Courlois*, цит. соч., стр. 96. Однако, рѣшающим моментом является не столько юридическая характеристика бумажных цѣнностей, сколько их *фактическое предназначение*. А оно оредѣлялось какъ задачей пополнения циркуляторнаго фонда, такъ и полномочіемъ Учетной Кассы выпустить предварительные „*promesses d'assignats*“ (ср. ниже гл. VI, стр. 51), обладающіе рядом со всѣми ея билетами даже принудительнымъ курсомъ, правда лишь в пределахъ Парижа.

Описательно наиболее правильную характеристику даетъ *R. Stourm*. Ассигнаты создаваемые по декрету 19—21 декабря 1789 г., говоритъ онъ — „что простые боны на экстраординарную кассу, обладающіе всѣми признаками старыхъ переводовъ платежей (*delegations*). Во всякомъ случаѣ, такъ какъ ассигнаты, предоставленные въ наибольшей части Учетной Кассѣ, были замѣнены билетами этой Кассы, обладавшими принудительнымъ курсомъ (въ Парижѣ. С. Ф), то можно сказать, что они посредственно приобрѣтали то, что послѣдующіе ассигнаты должны были позже получить уже по закону“. *R. Stourm*. *Les finances de l'ancien régime et de la révolution*. Tome II, p. 270. Paris, 1885.

Примѣчанія къ главамъ V-ой.

1) Неправильно, поэтому, именовать ассигнаты — „ассигновками на національные домены“ („*assignation sur les domaines nationaux*“) какъ это дѣлаетъ *Levasseur* (*Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870*, Tome I. p. 123, Paris, 1903): *непосредственной связи* съ доменами у нихъ не существовало. Съ одной стороны, земли служившіе имъ обезпеченіемъ не были выдѣлены изъ общей массы национализированныхъ имуществъ, съ другой стороны предназначенные къ продажѣ земли могли быть оплачиваемы всякими деньгами, а отнюдь не только ассигнатами. Наконецъ, и самая цѣнность земель не была заранее фиксирована, но подлежала опредѣленію.

Поэтому, *кредитно-юридическая природа* ассигнатовъ можетъ быть опредѣлена не какъ „ассигновокъ на національные домены“, но только какъ „*ассигновокъ на выручку отъ продажи національныхъ доменовъ*“.

2) Текстъ декрета 16—17 апреля 1790 г. — см. „*Collection generale des decrets, rendus par l'Assemblée et sanctionnés ou acceptés par le Roi depuis le 12 Fevrier 1790 jusqu'en 12 Mars*. Tome second. 1790. A Paris, chez Devaux“. p. 151—154. — Также у *J. B. Duvergier* „*Collection complete des Lois, Decrets, Ordonnances, Reglemens. Avis du Conseil d'Etat*“. Deuxieme edition, Paris, 1834, Tome I, p. 147—148.

3) Поэтому невѣрно утверждение *Illig'a* (цит. соч., стр. 25): „они должны были быть индоссированы“. — *Levasseur* (*Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870*, t. I, p. 135), замѣчаетъ объ ассигнатахъ этого типа: „они были редактированы въ формѣ личныхъ цѣнныхъ бумагъ и потому нѣкоторые лица требовали, чтобы ихъ при передачѣ индоссировали“

Декретъ 1 — 13 июня 1790 г. (*Decret concernant la forme, la valeur et le nombre des assignats*) гласитъ въ пунктѣ 6-омъ: „Оборотная сторона ассигнатовъ будетъ раздѣлена на клѣтки, въ первой изъ которыхъ будетъ находиться подпись индоссатора, назначеннаго Королемъ; остальные клѣтки будутъ служить *для другихъ индоссаторовъ, если таковыя найдутся*“ — Между тѣмъ эти „ассигнаты-монеты“ были предназначены для циркуляторнаго, а не кредитнаго обращенія и значить количество держателей ихъ должно было быть очень велико; индоссаторовъ же, какъ гласитъ этотъ декретъ, кромѣ государственнаго, можетъ и не быть. Этимъ сочетаніемъ вполне опредѣляется факультативность самаго индоссамента.

4) „*Proclamation du Roi relative aux Assignats* decretées par l'Assemblée Nationale. Du 19 Avril 1790“.

„.....Ainsi, quoique le decret, revetu de la sanction du roi. *n'ail impose et n'ail pu imposer que l'obligation de recevoir ces billets dans les payemens, qui ont lieu d'un debiteur à un creancier*, Sa Majeste invite tous les habitans du royaume à les recevoir de même sans aucune objection ni difficulté dans tous les contrats et les marches libres; de telle maniere que par l'effet i'une juste confiance, les billets nationaux soient estimés partout à l'egal du numeraire effectif. Une sentiment patriotique doit faire à tous les bons François une loi de cette conduite“.... — „*Collection generale des decrets etc*“. Paris, 1790, tome II, p. 139—140.

5) Decret du 12—18 septembre 1790, concernant le cours des assignats ou *promesses d'assignats*. — *Duvergier*, цит. соч., томъ I, стр. 367.

6) „*Adresse de l'Assemblée Nationale au François sur l'emission des Assignats — monnois*“. (3 mai 1790). — Этотъ интереснѣйшій документъ сочетаетъ съ „ипотечной теоріей“ ассигнатовъ и идеями Дж. Ло предвосхищеніе многихъ положеній денежнаго номинализма и даже государственной теоріи денегъ Кнаппа, при чемъ обнаруживаетъ большую силу мысли его составителей и заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія. Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ него. После изложенія плана обще политическихъ реформъ и замѣчаній о создавшемся финансовомъ положеніи, помочь которому долженъ выпускъ ассигнатовъ, мы находимъ тезисъ ипотечной теоріи: „Земли, доходъ которыхъ представляется ассигнатами, образуютъ внутреннее содержаніе ихъ цѣнности. Эта цѣнность столь же очевидна, какъ и цѣнность металла содержащагося въ нашей обычной монетѣ“. Съ ними перемеживаются тезисы номиналистической и государственной теорій.

Указавъ на необходимость созданія „денегъ, которыя немедленно замѣстили бы монеты исчезнувшія изъ оборота“, воззванію аргументируетъ такъ: „...*Чеканное золото или серебро само обладаетъ двумя различными видами цѣнности: одной цѣнностью—какъ товаръ, другой—какъ средство обмѣна* (*signe des échanges*). Первая можетъ колебаться въ зависимости отъ ихъ рѣдкости или изобилія, которыя всегда повышаютъ или понижаютъ цѣну всѣхъ товаровъ; *необходимо, чтобы законъ придалъ имъ вторую, неизмѣнную цѣнность* для того, чтобы не умножать затрудненій въ торговлѣ. Точное соотвѣтствіе этихъ двухъ цѣнностей было бы для денегъ достиженіемъ совершенства; поэтому, реальная цѣнность легальнаго знака обмѣна должна всегда возможно больше приближаться къ равенству съ его условной цѣнностью. Вотъ почему бумажныя деньги, не обладающія эффективной цѣнностью (а они не могутъ обладать, если они не представляютъ какого-либо спеціальнаго имущества), не могутъ конкурировать въ торговлѣ съ металлами, которые имѣютъ цѣнность реальную и независимую отъ какого либо соглашенія. Вотъ почему бумажныя деньги, которыя не опирались ни на какую иную основу, кромѣ авторитета власти, всегда вызывали разруху въ странѣ, гдѣ ихъ выпускали...“ Вспоминая опытъ банковыхъ билетовъ 1720-го года во Франціи, воззваніе продолжаетъ: „*Національное Собраніе не хотѣло подвергать васъ такой опасности. Даже давая ассигнатамъ принудительную условную цѣнность* (*une valeur de convention obligatoire*) оно это дѣлаетъ лишь обезпечивъ за ними цѣнность реальную, цѣнность неизмѣнчивую, цѣнность, ко-

торая позволить имъ съ успѣхомъ выдержать конкуренцію съ самими благородными металлами". Если ассигнаты безъ принудительнаго курса были бы ненужны и даже вредны, то съ другой стороны „вѣдь и обычныя монеты, если бы онѣ не были снабжены принудительнымъ курсомъ, встрѣтились бы сами съ тѣми же затрудненіями, что и свободныя ассигнаты: они вошли бы въ оборотъ просто какъ обыкновенный товаръ, цѣна котораго могла бы колебаться каждое мгновение; все, что нужно, достигалось бы лишь путемъ преодоленія тысячи трудностей. Необходимо, слѣдовательно, чтобы законъ зафиксировалъ курсъ обычныхъ монетъ и чтобы онъ столь же повелительно управлялъ всѣмъ тѣмъ, что должно ихъ замѣстить въ обращеніи".... — „Collection general des decrets rendus par l'Assemblée et sanctionnees par le Roi", 1790. Tome II, p. 198—201, Въ объясненіе происхожденія этихъ тезисовъ быть можегъ слѣдуетъ указать, что въ 1789 г. во французскомъ переводѣ появилась главная работа Дж. Ло о деньгахъ и кредитѣ.

7) Текстъ декрета 29 сентября 1790 г.:

„Декретъ о возмѣщеніи не конституированнаго долга государства, а также и конституированнаго, бывшаго долгомъ духовенства и о выпускѣ въ обращеніе 1200 миллионъ ассигнатовъ.

I. Неконституированный долгъ Государства и бывший долгъ духовенства будутъ возмѣщены въ безпроцентныхъ ассигнатахъ-монетахъ согласно порядку, который будетъ установленъ.

II. Въ обращеніи не будутъ находиться ассигнатовъ больше чѣмъ на 1200 миллионъ уже декретированныхъ.

III. Ассигнаты, которые будутъ возвращаться въ экстраординарную кассу будутъ сжигаться и никакая новая фабрикація или эмиссія ихъ не сможетъ быть произведена безъ декрета Законодательнаго Корпуса, подъ неотмѣннымъ условіемъ, что цѣнность ихъ не сможетъ превзойти цѣнность національныхъ имуществъ и что въ обращеніи ихъ не сможетъ находиться больше чѣмъ на 1200 милл. ливровъ". Duvergier, цит. соч., томъ I, стр. 391.

8) Текстъ надписи на ассигнатахъ III-го типа:

„Национальные домѣны, ипотецированные (hypothèques) для возмѣщенія ассигнатовъ декретомъ Национальнаго Собранія отъ 16 и 17 апрѣля 1790 г., санкціонированнымъ королемъ. — Ассигнатъ на ливровъ. — Экстраординарной кассой будетъ уплачена предъявителю сумма въ ливровъ, сообразно декретамъ 16 и 17 августа и 29 сентября 1790 г.“

9) См. официальный органъ законодательныхъ собраній Революціи „Gassette Nationale ou Moniteur Universel" за 19 мая 1791 г., № 139: отчетъ о засѣданіи Учредительнаго собранія ва 18 мая 1791 г.

Интересна рѣчь Малуэ (Malouet), неожиданно выдвинувшаго мысль о провозглашеніи полной свободы торговли деньгами во время обсужденія вопроса о недостаткѣ размѣнной монеты и связавшаго ихъ достойнымъ вниманія софизмомъ. „Въ монетѣ нѣтъ недостатка“, — неожиданно заявляетъ Малуэ съ трибуны, вызывая этимъ шумные протесты и рѣзкій призывъ предсѣдателя къ порядку по адресу протестующихъ. — Я васъ прошу меня выслушать. Я не хочу дискредитировать ассигнаты. Но каждый разъ, кога въ обращеніе выпускается огромное количество бумажекъ, особенно если общее положеніе дѣлъ не можетъ къ тому же вселить полного довѣрія, это неизбѣжно приводитъ къ паденію ихъ цѣнности. Это зло еще увеличивается если борьба противъ него, которая является еще большимъ зломъ, — именно, продажъ (металлическихъ) денегъ, — препятствуютъ терроромъ („est entraves par la terreur") и народными волненіями. Когда нѣтъ достаточнаго количества денегъ, то невозможно добыть ихъ иначе, какъ отправляясь къ тѣмъ, у кого они есть и предлагая за нихъ цѣну съ надбавкой. Такая надбавка тѣмъ болѣе увеличивается, что потребноность въ деньгахъ велика и что тѣ, которые ихъ продаютъ подвергаются большому риску; она должна особенно возрасти, когда деньги нельзя продавать не

рискуя быть повѣшеннымъ"... Софизмъ Малуэ переведенъ нами по возможности дословно. Смысль его вскрывается следующимъ образомъ: если продажа металлической монеты является „еще большимъ зломъ“, чѣмъ протекающее самостоятельно обезцѣненіе ассигнатовъ (ибо благодаря послѣдней оно еще больше увеличивается), то какъ можно объявлять свободу этой продажи средствомъ противъ этого обезцѣненія?

¹⁰⁾ „Gassette Nationale ou Moniteur Universel", за 19 мая 1791 г., № 139.

¹¹⁾ Текстъ декрета 17 мая 1791 года:

„Национальное Собраніе декретируетъ исполнительная власть немедленно издастъ наиболѣе точные приказы, чтобы всѣ ея агенты и административные и муниципальные органы самымъ решительнымъ образомъ и всѣми средствами, которые законъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе, защищали всѣ роды торговли, обмѣна и обращенія и особенно продажу или обмѣнъ ассигнатовъ на золотую или серебрянную монету, свободная циркуляція которой существенно необходима для процвѣтанія имперіи“.

¹²⁾ Декретъ 4 января 1793 года — см. Duvergier, цит. соч., томъ V. стр. 101—106.

¹³⁾ Однако, нельзя согласиться съ Levasseur'омъ, (см. „Histoire du commerce en France. Deuxième partie: de 1789 à nos jours, Paris, 1912, p. 27), что уничтоженіе экстраординарной кассы было уже непосредственно крушеніемъ принципа спеціального предназначенія ассигнатовъ, которые, по его словамъ, — „превратились съ этого момента въ циркулирующія деньги вмѣсто того, чтобы быть предназначенными, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, для возмѣщенія государственнаго долга“. Это утверженіе невѣрно потому, что тотъ же декретъ 4 января 1793 года, который уничтожалъ экстраординарную кассу, передавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ея функціи государственному казначейству (декретъ гласитъ: „toutes les recettes et depenses qui lui étaient attribuées par les divers decrets concernant son organisation seront reunies à la Trésorerie nationale“. — Decret concernant la suppression de la calsse d'extraordinaire et sa transmission à la Trésorerie. Titre I, 1. — Duvergier, томъ V. стр. 101). Поэтому, такое измененіе организаціи не влекло еще за собой необходимаго измененія въ принципальномъ предназначеніи ассигнатовъ; все дѣло заключалось лишь въ фактическомъ поведеніи казначейства, которое на дѣлѣ дѣйствительно вскорѣ измѣнило направленіе использованія выпускаемыхъ ассигнатовъ, чѣмъ и былъ законченъ процессъ ихъ преобразования изъ спеціальныхъ платежныхъ средствъ въ универсальныя.

¹⁴⁾ Duvergier, цит. соч., томъ V, стр. 242.

¹⁵⁾ Такое ошибочное утверженіе мы находимъ у Illyg'a (цит. соч., стр. 40) пользующагося терминологіей Кнаппа: „Для того, чтобы поставить ассигнаты въ парацентрическомъ обращеніи въ такое же преимущественное положеніе, въ какомъ они находились въ обращеніи апоцентрическомъ, декретомъ 8 апрѣля 1793 г. были запрещены при сдѣлкахъ всякія оговорки о платежѣ металлическими деньгами“.

На самомъ же дѣле въ декретѣ 8 апрѣля рѣчь идетъ только и именно объ апоцентрическомъ, а отнюдь не о парацентрическомъ обращеніи: о сдѣлкахъ „для нуждъ республики“ („au service de la République“).

¹⁶⁾ Duvergier. цит. соч., томъ V, стр. 246.

Примѣчанія къ главамъ VI-ой.

¹⁾ „Collcelion generale des decrets, rendus par l'Assemblée Constituante et sanctionnees ou acceptes par le Roi depuis le 12 fevrier 1790 jusqu'au 12 mai 1790. Tome second. 1790, a Paris, chez Devaux, Libraire à Palais Royal": — Proclamation du Roi, qui autorise le sieur Duruey à signer et a delivrer à la Caisse d'Escompte 170 millions d'assignats, decretes par l'Assemblée Constituante les 19 et 21 Decembre 1789. (стр. 57—59).

2) Съ другой стороны, на Національное Собрание производилось и извнѣ давление въ этомъ направленіи. Такъ, напр., адресъ Парижской Коммуны въ мартѣ 1790 г. „О положеніи Учетной Кассы и недостаткѣ монетъ“, гласилъ: „Мы умоляемъ Учредительное Собрание отнюдь не разрѣшать, ни подѣ какимъ предлогомъ, создания билетовъ ниже 200 ливровъ, такъ какъ эмиссія этихъ мелкихъ билетовъ далеко не произведетъ полезнаго дѣйствія, а, напротивъ, приведетъ къ исчезновенію того не большого количества монеты, которое еще циркулируетъ въ столицѣ“.

Этотъ адресъ нашель поддержку и въ самомъ Національномъ Собраніи въ лицѣ депутата *Рабо-Сентъ-Этьенна*, который упрашиваетъ Собрание посвятить дополнительное засѣданіе для его рассмотрѣнія (20 марта 1790 г.).

Но годомъ позже тотъ же *Рабо-Сентъ-Этьеннъ* говорилъ Собранію:

„Деревни истощены, мануфактуры обезлюдѣли, ибо масса населенія не имѣетъ денегъ для того, чтобы удовлетворить свои наиболѣе насущныя потребности. Ассигнаты большой цѣнности аналогичны золоту, которое не можетъ циркулировать въ рукахъ бѣдняковъ. Я прошу декретировать эмиссію мелкихъ ассигнатовъ въ 5 ливровъ, которая прекратила бы ажіотажъ съ монетой и бумажными деньгами“ (засѣданіе 27 апрѣля 1791 г.).

Другіе защитники мелкихъ купюръ были склонны приписывать отсутствію ихъ даже все обезцѣненіе ассигнатовъ. „Первая эмиссія потеряла въ цѣнности, — говоритъ *д'Ансонъ* въ засѣданіи 17 сентября 1790 г., — но эта потеря простирается больше всего изъ *недѣлимости* ассигнатовъ“. — Позже это же повторяетъ *Редереръ* (въ засѣданіи клуба Якобинцевъ 1 ноября 1791 г.).

Въ этой борьбѣ мнѣній и интересовъ наиболѣе отчетливо осозналъ и разграничилъ истинное соотношеніе различныхъ вліяній — *Кондорсэ*. Будучи вначалѣ противникомъ выпуска бумажныхъ денегъ вообще, онѣ отрицалъ возможность утолить ими денежный голодъ: „Созданіе новыхъ ассигнатовъ, — писалъ онъ, — не окажетъ никакой пользы торговлѣ: оно отнюдь не явится средствомъ борьбы противъ застоя металлическихъ денегъ, ибо наличность бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, при низкомъ уровнѣ ссуднаго процента, является одной изъ важнѣйшихъ причинъ этого застоя“. *Кондорсэ* видѣлъ въ такомъ выпускѣ *источникъ* денежнаго голода, объясняя вѣдреніемъ бумажекъ въ оборотъ фактъ исчезновенія изъ оборота металлическихъ денегъ:

„Изъ того, что ассигнаты цѣнятся дешевле, чѣмъ металлическія деньги, должно слѣдовать, что всякій, кто будетъ имѣть ассигнаты и металлическія монеты, предпочтетъ монеты сохранить. Всѣ заработки будутъ выплачиваться, такимъ образомъ, въ ассигнатахъ. Люди будутъ стараться производить всѣ платежи ассигнатами и когда ихъ количество приблизится къ тому, которое необходимо для этихъ двухъ назначеній, тогда металлическія деньги совершенно исчезнутъ“.

Но, ставъ лицомъ къ лицу съ *фактомъ* все большаго использования печатнаго станка, *Кондорсэ* сумѣлъ правильно опредѣлить и положительную роль мелкихъ купюръ и предѣлы ихъ вліянія на общую расцѣнку ассигнатовъ:

„Чѣмъ больше приближаются дѣленія ассигнатовъ къ дѣленіямъ монетъ, употребляемыхъ при мелкихъ платежахъ, тѣмъ меньше нужды въ размѣнѣ ассигнатовъ на монету. Но изъ этого не слѣдуетъ, что они потеряютъ меньше по отношенію къ металлическимъ деньгамъ; потеря, которую они испытываютъ, будетъ только имѣть меньше излишнихъ неудобствъ“. См. „*Oeuvres de Condorcet*“ vol. XI, p. 509, 533 et 536.

3). *C. Bloch* „Notes sur la legislation et l'administration de la monnaie et du papier monnaie de 1789 a l'an XI“. — „Bulletin d'histoire economique de la Revolution, 1911, № unique, p. 19.

4) *Courtois*. Histoire des banques en France, 2 ed., Paris, 1881, p. 97.

5) Когда, напр., французскія войска вступили въ Остендэ, то они захватили кассу, содержащую 2.270.010 ливровъ въ ассигнатахъ изготовленныхъ въ Германіи—См. *Levasseur*. Histoire des classes ouvrieres en France de 1789 a 1870. Vol. I, p.219, Paris. 1903.

6) Ср. *Levasseur*, цит. соч., стр. 219.

7) Necker. De l'admoistration des finances en France Paris, 1784, tome III, Chap. VIII. „Sur la somme du numeraire en France, p. 57—66. — Ср. также *P. Boiteau*. L'etat de la France en 1789. Paris, 1861, p. 418—419.

Когда настоящая глава была уже набрана, мнѣ удалось найти въ „*Moniteur*“ середины 1797 года выдержку изъ „Отчета Директоріи законодательному корпусу о современномъ положеніи нашихъ денежныхъ средствъ“. Если выбрать итоговыя цифры, относящіяся къ началу революціи, то получимъ слѣдующее:

1. Золотой монеты было вычеканено съ 1726 года по октябрь 1785 года	986.643.888 л.
2. Серебряной полноцѣнной монеты вычеканено съ 1726 г. до 1793 г.	1.951.159.614 л.
Итого полноцѣнной монеты.	
4. Серебряной билонной монеты	10.000.000 л.
5). Мѣдной монеты (съ 1713 г. по 1790 г.)	10.361.762 л.
Всего	

2.937.803.502 л.

Данныя изъ „*Gasette Nationale*“ за 4 прѣріаля года V (24 мая 1797 г.) № 244, стр. 975.

Эта цифра около 3 миллиардовъ должна быть значительно сокращена не только за счетъ 88 милліоновъ серебра вычеканенныхъ въ 1791 — 2 г., но и особенно за счетъ утечки части металла за границу. Въ частности, какъ сообщаетъ *Arnould*, послѣ переканки 1786 г. французское серебро усиленно скупалось за границу и Голландія вела имъ настоящую торговлю. Самъ *Arnould* однако явно преуменьшаетъ циркуляторный фондъ Франціи. исчисляя его къ 1789 г. въ 1.981 милліонъ ливр. — „*De la Balance du commerce etc.*“ tome II, p. 212.

8) *Levasseur*, цит. соч. томъ I, стр. 155.

9) *Ch. Gomel*, Histoire financière de la Legislative et de la Convention. Vol I, p. 384, Paris, 1903.

10) Ср. *Кропоткинъ*. Великая французская революція (Собрание сочиненій, томъ II). Москва, 1918 г. — Также *Borkarel*. Etude sur les assignats pendant la Revolution Française. „*La Revolution Française*“, 1888. XV, p. 512.

11) *Borkarel*, цит. соч., стр. 113—514.

12) *Jaures*, Histoire Socialiste, Tome II: La Legislative p. 1024—1025.

13) О выпускѣ и обмѣнѣ 5 ливровыхъ ассигнатовъ см. „*Gasette Nationale etc.*“ №№ 119, 128, 142, 167 и 190 за 1791 г.

14) *Decret* relatif à une nouvelle fabrication d'assignats (19-28 juiu 1791). — *Duvergier*, цит. соч., томъ III. стр. 47—48.

15) Пунктъ 2-ой декрета 19 июня (*Duvergier*, тамъ-же). Повидимому, именно этой суммы въ 160 ммлл. л. достигала къ моменту изданія декрета общая цѣнность возвращенныхъ и погашенныхъ ассигнатовъ. Ибо, первый декретъ объ ассигнатахъ, изданный *Законодательнымъ Собраніемъ*, считаетъ, что циркуляторный максимумъ равнялся къ этому времени 1.300 милл. л., включая сюда 100 милл. л. выпущенныхъ по декрету Учредительнаго Собранія отъ 28 сентября 1791 г. Поэтому, неправъ *Berry* въ „*Etudes et recherches historiques sur les monnaies de France*“. Paris, 1853, p. 628, причисляющій эти 160 милл. л. къ установленному максимуму въ 1200 милл. л. и опредѣляющій общую сумму эмиссій въ это время въ 1360 милл. л., а не въ 1200 милл. л.

16) *Decret* relatif a la nouvelle emission de 100 millions d'assignats (23 septembre — 12 octobre 1791). — *Duvergier*, цит. соч., томъ III. стр. 392.

17) См. „*Etat général des créations et fabrications des assignats*“ — документъ, найденный *Bornarel'емъ* въ Парижскихъ Національныхъ Архивахъ — „*La Revolution Française*“, Vol., 15, 1888, p. 528 — 520.

18) *Fachan*, Historique de la rente française et des valeurs du trésor. Paris, 1904, p. 103 — *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières etc 1903, tome I, p. 127.

¹⁹⁾ *Fachan*. цит. соч., стр. 109.

²⁰⁾ *Avenel*. *Lundis revolutionnaires*. Paris, 1875. Art. „Biens nationaux“.

²¹⁾ *Jaures*. *Histoire socialiste*. Tome II. La Legislative, p. 1019.

²²⁾ *Ramel*. *Les finances de la Republique Française de l'an IX*. Paris, an IX (1801), p. 38 et 40.

²³⁾ *Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 499. — *Jaures*, t. II. La Legislative. стр. 1019.

²⁴⁾ *Bornarel*, цит. соч., стр. 517.

²⁵⁾ *Bornarel*, цит. соч., стр. 516—517.

²⁶⁾ *Bornarel*, цит. соч., стр. 525.

²⁷⁾ *Levasseur*. *Histoire du commerce en France*, t. II, p. 27. Paris, 1912.

²⁸⁾ *Leroy-Beaulieu*. *Traté de la science des finances* 5 ed., 1891, Paris, tome II, p. 638.

²⁹⁾ *Decret portant la création de 800 millions en assignats etc.* — *Duvergier*, цит. соч., томъ V, стр. 135—136.

³⁰⁾ *Жоресъ*. Соціалистическая Исторія, томъ I: Учредительное Собрание, стр. 486. Спб, 1908 г. Изд-во „Даль“.

³¹⁾ *Жоресъ*, тамъ-же, стр. 482.

³²⁾ *Jaures* (*Histoire Socialiste*, томъ II: La Legislative, p. 1037) ссылается на рѣчь *Cailhasson* 17-го декабря 1791 года, но послѣдній не утверждаетъ, что цѣны остались совершенно неизмѣнными.

³³⁾ Таблица составлена по даннымъ *G. d'Avenel'a*: *Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tout les prix en général depuis l'an 1200 jus-qu'en l'an 1800*, tome IV, p. 397—398. Paris, 1898.

³⁴⁾ Составлено по даннымъ *G. d'Avenel'a*, тамъ-же, стр. 461—463.

³⁵⁾ *Jaures*. *Histoire Socialiste*, tome III: La Convention p. 278.

³⁶⁾ *Jaures*, тамъ-же, т. III, стр. 280—281.

Ср. также сообщеніе *Duchez*: „Таблица среднихъ цѣнъ хлѣба во Франціи въ теченіи первыхъ 15 дней декабря 1792 г. и размышленія по этому поводу“ въ „*Ga-sette Nationale*“ № 29 за 29 января 1793 г., стр. 139—140.

Цѣны колеблются здѣсь отъ 25 до 98 ливровъ за сетье. Средняя для всей Франціи равна по нашимъ исчисленіямъ около 41½ ливра.

Въ департаментѣ *Yonne* по сообщенію *Porre*: *Les subsistances dans l'Yonne*, 1903, p. XXII, цѣна Оксеррской мѣры (*bichet*) хлѣба въ 60 фунтовъ повышалась за первые годы революціи такъ:

1777—1778 гг. —	4 и 8 ливровъ.
1789 г. —	9 „
конецъ 1792 г. —	10 „
апрѣль и май 1793 г. —	12 „

³⁷⁾ *Ramel*. *Les finances de la Republique Française en l'an IX*, Paris, lan IX (1801), p. 20.

³⁸⁾ Особую извѣстность приобрѣло использование металла колоколовъ для литья (позже для чеканки) мелкой монеты, въ которой чувствовался большой недостатокъ. Первый декретъ объ этомъ датированъ 24—25 июня 1791 г. Затѣмъ Законодательное Собрание и Конвентъ много разъ занимались этимъ вопросомъ.

Однако общая сумма полученной такимъ образомъ монеты невелика. Согласно отчету Директоріи въ маѣ 1797 г., съ 1791 по 1794 г. было вычеканено и отлито изъ металла колоколовъ смѣшаннаго съ мѣдью 12.672.742 ливра и исключительно изъ металла колоколовъ 10.000.000 ливра, — „*Gasette Nationale etc.*“, № 244 за 4 преріала года V (23 мая 1797 г.) стр. 975.

³⁹⁾ Такъ, напр., уже декретъ 1 ноября 1791 г. предписывалъ (пунктъ 2) немедленно выработать бумагу и отпечатать на ней ассигнаты по 5 ливровъ на сумму въ 300 милл. л., съ оговоркой, что выпускъ ихъ въ обращеніе можетъ быть произ-вѣнъ лишь по специальному декрету (*Duvergier*, цит. соч., т. IV).

Въ 1793 г. предписанная въ такомъ же порядкѣ, но безъ этой оговорки (де-кретами 7 и 23 мая 1793 г.) фабрикація 1200 милл. ассигнатовъ вызвала даже из-вѣстныя волненія, такъ что Конвентъ принужденъ былъ издать специальныйъ разъ-ясняющій декретъ, въ которомъ говорится, что „...послѣдніе декреты могутъ ввести публику въ заблужденіе относительно массы ассигнатовъ, находящейся въ обраще-ніи, ибо они не выражаютъ достаточно ясно того различія, которое нужно дѣлать между фабрикаціей и эмиссіей ассигнатовъ...“ и объявляется, что тамъ рѣчь шла лишь объ ассигнатахъ, „которые были созданы, но эмиссія которыхъ еще не была декретирована...“ — *Duvergier*, цит. соч., томъ V, стр. 319: декретъ 6—16 июня 1793 г.

⁴⁰⁾ Четыре бумажныя мануфактуры въ Парижѣ, въ *Didot* (à Essonues), въ *Courtalin* (en Brie) и въ *Buges* (Loiret). Склады выработанной бумаги и типографіи въ Парижѣ находились въ управленіи специально назначеннаго директора. — *Bornarel* *Etude sur les assignats pendant la Revol. Française: la Convention et le Directoire „La Revolution Française“, t. XVI, 1889, p. 117*). При Директоріи въ Парижскихъ ти-пографіяхъ работаютъ уже 800 чел. — *Stourm*. *Les finances do l'ancien régime et de la revolution*. Paris, 1885, vol. II. p. 307—309.

⁴¹⁾ *R. Stourm*, цит. соч., томъ II, стр. 308.

⁴²⁾ Сведено по даннымъ *Ramel'a*, цит. соч., табл. I, прилож. къ стр. 27. — Де-талъизированный по отдѣльнымъ эмиссіямъ реестръ выпускавшихся купюръ (къ со-жалѣнію обрывающійся на фрюктидоръ г. III) опубликовалъ *Bornarel* во второй части своей работы въ „*La Revolution Française*“, tome XVII, 1889, стр. 227—229.

Слѣдуетъ отмѣтить, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ денежной массы въ обраще-ніи и паденіемъ цѣнности каждой денежной единицы, параллельно возрастанію по-требности оборота во все болѣе крупныхъ купюрахъ сокращается потребность въ мелкихъ купюрахъ. Послѣдніе количественно загромождаютъ каналы обращенія и вытѣсняются изъ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Иллюстрацію этого, выводи-мага à priori, положенія мы находимъ въ „*Циркулярѣ комиссаровъ національнаго казначейства сборщикамъ округовъ относительно слишкомъ большого количества ас-сигнатовъ малой цѣнности, получаемыхъ при покрытіи принудительнаго займа*“, дати-рованномъ 9 вантоза г. IV (28 февраля 1796 г). Изъ этого циркуляра мы узнаемъ, что „многіе изъ окружныхъ сборщиковъ сообщили комиссарамъ о затрудненіяхъ, которыя доставляютъ имъ притокомъ въ ихъ кассы ассигнатовъ малой цѣнности, уплачиваемыхъ въ покрытіе принудительнаго займа, и о невозможности, въ которой они очутились, аннулировать ихъ съ нужной тщательностью, для того, чтобы от-правки ихъ не запаздывали.“ — См. „*Receuil des principaux textes concernant la monnaie etc.*“ — *Bulletin d'histoire économique de la Revolution*, Paris, 1911, p. 412, № 702.

⁴³⁾ *Fachan*. *Historique sur la rente française et les valeurs du trésor*, p. 106.

⁴⁴⁾ *Bornarel*, цит. соч., 1889, стр. 116.

⁴⁵⁾ *R. Stourm*, цит. соч., томъ II, стр. 461.

⁴⁶⁾ Этимъ возрастаніемъ продажныхъ цѣнъ національныхъ земель объяснялъ журналъ Прюдома „*Les Revolutions de Paris*“ издорожаніе всѣхъ остальныхъ товаровъ (№ отъ 24 ноября — 1-го декабря 1792 г.):

„Второй причиной общей дороговизны, хоть н относящейся болѣе непосред-ственно къ средствамъ продовольствія, является *издорожаніе земель... Цѣны на на-ціональныя земли подняты необычайно*; основой для этихъ высокихъ расцѣнокъ могла послужить легкость платежей съ очень долгой разсрочкой. Съ тѣхъ поръ какъ на-ціональныя земли удвоились въ цѣнѣ, цѣны всѣхъ товаровъ, какого бы низкаго качества они ни были, въ свою очередь удвоились. Приобрѣтатели національныхъ земель, которые кромѣ цѣны уплачиваютъ налогъ въ размѣрѣ ½ чистаго дохода съ земель, все взыскиваютъ съ потребителей и заставляютъ ихъ платить и ихъ еже-годную подать и проценты за ихъ деньги“ (цит. *Jaures*, томъ III, La Convention, стр. 302).

Двумя мѣсяцами позже *Сень-Жюстъ*, защищая въ Конвентѣ лозунгъ ограни-ченія эмиссій, говорилъ: „Если порокъ нашего хозяйства заключается въ избыткѣ

(денежныхъ) знаковъ, то мы должны согласиться не увеличивать его, для того, чтобы не увеличивать обезцѣненія этихъ знаковъ. Нужно предписать обходиться наименьшимъ количествомъ денегъ какое только возможно. Но, для того, чтобы осуществить это, нужно сократить расходы государственной казны либо предоставляя земли въ уплату нашимъ должникамъ, либо выпуская аннуитеты для ихъ пріобрѣтенія, но обходясь безъ созданія денежныхъ знаковъ... Если вы продадите, напримѣръ, имущество эмигрантовъ, то сумма полученная въ уплату за эти земли, недвижимые сами по себѣ, войдетъ въ оборотъ и будетъ измѣрять продукты земель, которые представляютъ цѣнность въ 30 разъ меньшую. И такъ какъ эти земли продаются очень дорого, то и продукты соответственно вздорожаютъ, какъ это уже случилось съ національными землями и вы окажетесь постоянно конкурирующими сами съ собою". (Речь Сень-Жюста въ засѣданіи Конвента 28 января 1793 г.). Если такіа разсужденія имѣли цѣлью дать современникамъ объясненіе и показать взаимную связь явленій, проходившихъ передъ ихъ глазами, то для историка они являются лучшимъ подтвержденіемъ реальности иной, констатированной въ текстъ причинной цѣпи, которая нащупывается уже à priori.

Аналогичныя сообщенія о повышеніи цѣны земель мы находимъ въ преніяхъ середины 1795 г по вопросу о необходимости законодательнаго пересмотра принциповъ расцѣнки земель, продаваемыхъ за обезцѣнившіеся ассигнаты.

Такъ, въ засѣданіи 17 мая 1795 деп. Balland говорилъ: „Двѣ причины обусловили измѣнчивость цѣнности ассигнатовъ. Въ 1790 г. эта цѣнность была общеизвѣстна: это была часть земли, которая служила обезпеченіемъ ассигнатамъ; но съ тѣхъ поръ эта цѣнность повысилась путемъ продажи національныхъ земель съ торговъ и понизилась въ силу эмиссій, которыя, увеличивая число денежныхъ знаковъ, сокращали обезпеченіе“.

Деп. Charles Delacrois сообщаетъ, что даже первоначальныя „оцѣнки земель совершаются лишь по мѣрѣ того, какъ земли предназначаются въ продажу“. „Gasette Nationale“ за 1 прѣріаля года III (20 мая 1795 г.), № 241, стр. 978

Примѣчанія къ главамъ VII и VIII.

1) Mathiez. Les enragés et la lutte pour le maximum „Annales revolutionnaires“. Besançon, 1917, № 4, p. 466.

2) Mathiez, тамъ-же.

3) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“ за 15 января 1793 г., № 15, стр. 68. Ораторъ ссылается въ подтвержденіе правильности своихъ положеній, на авторитетъ Адама Смита: „Мы вамъ сошлемся на авторитетъ Смита, одно имя котораго стоитъ многихъ именъ“.

4) Отчетъ „Gasette Nationale etc.“ содержитъ въ № 36 за 5 февраля 1793 г., (стр. 170) лишь краткое сообщеніе о требованіяхъ депутаціи Выдержки изъ цолнаго изданія текста, отпечатаннаго по постановленію Конвента, находимъ у Jaures'a: Tome IV. La Convention, 2, p. 1016. — Также у Mathiez, цит. соч., стр. 463.

5) Duvergier. Collection des Lois. Decrets, Ordonnances etc. Paris 1834, Tome V, p. 242 — Ср. выше стр. 46.

6) „... Те, кто будутъ уличены въ томъ, что они просили или предлагали различныя цѣны въ зависимости отъ того, производится ли платежъ въ звонкой монетѣ или въ ассигнатахъ будутъ... приговариваться къ 6 годамъ каторги. Этимъ, однако, не запрещается лицамъ, обладающимъ звонкой монетой пользоваться ею при платежахъ по одинаковой расцѣнке (au raire) съ ассигнатами“... — Декретъ 11-16 апрѣля 1793 г. — Duvergier, цит. соч. томъ V, стр. 246.

7) Duvergier, цит. соч., томъ VI, стр. 67.

8) Duvergier, цит. соч., томъ VI, стр. 146 — 147.

9) Duvergier, цит. соч. томъ VII, стр. 162.

10) Цит. Jaures. Histoire Socialiste, Tome III: La Convention, p. 314.

11) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“, 13 frimaire, l'an II (5 decembre 1793), № 73, p. 295 — Отчетъ о засѣданіи Конвента 11 фримаера г. II, рѣчь Камбона.

12) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“, 6 frimaire l'an II (26 novembre 1793) № 66, p. 267. — Отчетъ о засѣданіи Конвента 4 фримаера г. II: оглашеніе письма Lequino et Laignelot.

13) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“, 13 frimaire l'an II, № 73, p. 295 — 296.

14) Объ этомъ предложеніи Дюбуа-Крансэ см. ниже, гл. XII, § 3.

15) Сообщаемая Bornarel'емъ (Etude sur les assignats, I., „La Revolution Française“, t XVI 1889, p. 120) цифра королевскихъ ассигнатовъ находившихся въ обращеніи въ 1.700 милл. л. включаетъ, повидимому, всѣ купюры вообще.

Что возникновеніе лажа на королевскіе ассигнаты отнюдь не имѣло неосознанно-стихийнаго характера, а культивировалось, какъ и все обезцѣненіе республиканскихъ бумажныхъ денегъ, организованно и умышленно, показываетъ, напр., слѣдующее письмо изъ Англій французскихъ роялистовъ своимъ агентамъ, цитируемое Тьеромъ: „Поднимите курсъ до 200 ливровъ за фунтъ стерлинговъ. Нужно какъ можно больше дискредитировать ассигнаты и не принимать тѣхъ, на которыхъ нѣтъ королевскаго портрета. Заставьте подняться цѣны на всѣ припасы. Прикажите вашимъ агентамъ-купцамъ скупать все предметы первой необходимости. Если вы сможете убедить Кот-та скупать сало и свѣчи, во что бы то ни стало доведите продажную цѣну до 5 франковъ за фунтъ. Милордъ очень доволенъ тѣмъ, какъ дѣйствовалъ Б. т. ц (баронъ Ватцъ). Мы надеемся, что убійства будутъ производиться съ осторожностью Переодѣтые священники и женщины наиболѣе подходящи для этой операціи“. — A. Thiers. Histoire de la Revolution Française. Tome III, p. 144 — 145.

16) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“, за 12 февраля 1793 г.

17) „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“, за 15 сентября 1793 г., № 258 Отчетъ о засѣданіи Конвента 12 сентября, стр. 1095.

18) Ср. іредыдущія рѣчи Фабра д'Эглантина объ ажіотажѣ и спекуляціи: „Gasette Nationale etc.“, 1793 г., №№ 191, 199, 223 и особенно № 228, за 14 августа 1793 г.

19) Луи Бланъ совершенно ошибочно утверждаетъ, что декретъ о запрещеніи циркуляціи иностранныхъ векселей былъ принятъ Конвентомъ. См. „Исторію Французской революціи“, 1789 г., томъ XI, стр. 316 — 317, СПб. 1909.

20) „Gasette Nationale“, № 258, 15 сентября 1793 г., стр. 1094 и сл. — Ср. Bornarel. „Cambon et la Revolution Française“. Paris, 1905, p. 314, — который приписываетъ снятіе Камбономъ его проекта съ очереди создаваемымъ имъ большимъ вліяніемъ Фаба въ это время.

21) Всѣ безымянныя частныя цѣнныя бумаги (на предъявителя), собственность на которыя переходила простой передачей ихъ изъ рукъ въ руки, были уничтожены уже раньше по декрету Законодательнаго Собранія 17 августа 1792 г. Съ уничтоженіемъ бумагъ были закрыты и кредитныя учрежденія выпускавшія ихъ.

Только Учетная Касса была изъята изъ подчиненія этому декрету. — Закономъ же 24 августа 1793 г. указанное постановленіе было распространено на всѣ безъ исключенія частныя акціонерныя предпріятія. Ср. также декреты 8 октября 1793 г — II вандеміэра г. III-го и 26 жерминаля г. III. Свобода основанія кредитныхъ учреждений была вновь прокламирована 30 бромэра г IV. Непосредственное зарещеніе циркуляціи государственныхъ бумажныхъ цѣнностей произошло по декрету 11 сентября 1793 г. Ст. 1-я его гласила „Съ 15-го сентября въ Парижѣ и съ 1-го октября въ департаментахъ никакіе документы, содержащіе національныя обязательства, какого бы рода они не были, кромѣ пожизненныхъ, не могутъ быть продаваемы или передаваемы съ рукъ на руки подъ страхомъ не дѣйствительности сделки и 3000 ливровъ штрафа, налагаемаго на покупателя, на нотариуса и всякаго въ ней по-

средника...” („Gasette Nationale ou Moniteur Universel“, 14 septembre 1793, № 257, p. 1091 — въ оригиналѣ опечатка: стоить „1092“).

²²⁾ Докладъ Камбона и декретъ 15 августа о Большой Книгѣ — см. „Gasette Nationale“, № 273 за 30 сентября 1793 г. Supplement (Кратко также № 228 — 229). Перепечатанъ также у *Buchez et Roux*. Histoire parlementaire de la Revolution Française ou journal des Assemblies Nationales depuis 1789 jusqu'en 1815, Paris 1834, tome XXIX, p. 446 — 500.

²³⁾ Если законъ о „Большой Книгѣ“ явился наиболѣе крупнымъ и самостоятельнымъ актомъ финансовой диктатуры Камбона, то его завершение въ законѣ 23 флорэаля г. II (1794) стало концомъ его длительной министерской дѣятельности. Онъ послужилъ сигналомъ къ цѣлому взрыву ненависти противъ его автора возвратившейся къ власти буржуазіи эпохи термидорианской реакціи и только поспѣшное бѣгство спасло Камбона отъ гильотины (см. *Fachan*, цит. соч., стр. 125). Законъ 23 флорэаля г. II былъ почти цѣликомъ отмѣненъ 8 флорэаля г. III.

²⁴⁾ Декретъ 5 июня 1793 г. объ аннуитетахъ. — „Gasette Nationale ou Moniteur Universel“ № 158 за 7 июня 1793 г.

²⁵⁾ Ср. *Jaures*. Histoire Socialiste, Tome IV, p. 1665.

²⁶⁾ „Gasette Nationale etc.“ за 28 апрѣля 1793 г., № 118, стр. 522.

Собственно, самый ранній опытъ принудительнаго займа былъ сдѣланъ муниципалитетомъ гор. Руана еще 8 октября 1792 г. Свѣдѣнія о немъ скудны.

²⁷⁾ *De Waha*. Die Finanzpolitik der Schreckenerrschaft in der ersten französischen Revolution — „Vierteljahresschrift für Sozial - und Wirtschaftsgeschichte“. Bd. I, 1903, s. 508.

²⁸⁾ Ср. *Thiers*. Histoire de le Revolution Française, Vol. II, Chap. II.

²⁹⁾ *П. Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 395.

³⁰⁾ *Fachan*, цит. соч., стр. 111.

³¹⁾ „Поразительно одно, и это доказываетъ безсиліе парламентовъ, — читаемъ по этому поводу у *П. Кропоткина*. — Никогда не существовало правительства, внушавшаго больше страха подданнымъ, чѣмъ Конвентъ во время II-го года Республики. А между тѣмъ, закону о займѣ прямо-таки не повиновались. Богатые не платили“. — Цит. соч., стр. 409.

³²⁾ О первомъ, наиболѣе интересномъ займѣ 10 декабря 1795 г. см. послание Директоріи Совѣту Пятисотъ и послѣдующіе доклады Рамэля и Сійеса въ „Gasette Nationale etc.“ №№ 83 и 85 года V-го за 14 и 16 декабря 1795 г., стр. 329 и 338. Дискусія по проекту тамъ-же № 85, стр. 339 — 340; № 86, стр. 341 — 344, и № 87, стр. 346 — 347. — У *Levasseur'a* (въ „Histoire des classes ouvrières etc.“ 1903, tome I, p. 228) встрѣчаемъ ошибочную дату опубликованія принудительнаго займа — 18 марта 1796 г.

³³⁾ Докладъ отъ вмени 4-хъ соединенныхъ комиссій сообщенный Конвенту деп. *Rewbell'емъ* въ засѣданіи 29 прѣріаля года III-го см. — „Gasette Nationale etc.“ № 272 за 2 мессидора года III (20 июня 1795 г.), стр. 1097.

Ревбелль противопоставляетъ основную идею *подвижной скалы* всѣхъ налоговыхъ поступленій и платежей — идеѣ закрѣпленія покупательной силы бумажныхъ денегъ, какъ расходнаго средства казны. „До сихъ поръ, — говоритъ онъ, — вы правильно отвергали предложеніе установить легальную или вѣрнѣе фиктивную пропорцію обмѣна между ассигнатами и хлѣбомъ или золотомъ или серебромъ, ибо владѣлецъ хлѣба въ состояніи поднять его цѣну до необычайной и ужасной высоты, равно какъ и владѣлецъ золота и серебра всегда заинтересованъ въ максимальномъ повышеніи ихъ цѣны“.

Но въ преніяхъ по проекту, деп. *Rousseau*, критикуя его съ точки зрѣнія принципа незыблемости денежной единицы, указываетъ на близость его къ другой идеѣ, идеѣ перехода къ *курсовой расцѣнкѣ* бумажныхъ денегъ во всѣхъ платежахъ, расцѣнке понижающей при увеличеніи эмиссій и повышающей при сокращеніи бумажной массы.

„Идея этой лѣстницы, — говоритъ *Руссо*, — вполне соотвѣтствуетъ въ своемъ существѣ системѣ, въ которой предполагалось регулировать цѣнность ассигнатовъ путемъ сравненія ея съ цѣнностью марки серебра; она отличается лишь тѣмъ, что марка серебра является мѣрой постоянной и общеизвѣстной, тогда какъ лѣстница пропорцій, исчисляемая по увеличенію эмиссій или возвращенію ассигнатовъ, образуетъ лишь балансъ, чья постоянная неустойчивость всегда будетъ вести ко- вреду для ассигнатовъ“. — „Gasette Nationale“. № 275 года III, стр. 1110.

Постатейное обсужденіе проекта и принятіе его см. — тамъ-же, № 276, стр. 1112.

О происхожденіи идей, легшихъ въ основу проекта см ниже — глава XIII, § 1.

Психологическую невозможность осуществленія единовременно Лоль грвндіознаго скачка въ норм* обложения, какой предполагался проектомъ Ревбелля, предскавалъ за 1½ мѣсяца до его обсужденія *Дюбуа-Крансэ*. Говоря 5 мая 1795 г. о диспропорциональности между нормой обложения и цѣнностью ассигнатовъ, онъ спрашивалъ:

„Какъ убѣдить гражданъ, что справедливо платить въ 15 и 20 разъ больше того, что они имѣли привычку платить?... Никогда земельные собственники не захотятъ понять справедливость этого отношенія“... „Gasette Nationale“ № 230 года III, стр. 934 — 935.

³⁵⁾ Слѣдуетъ упомянуть объ одномъ проектѣ, совершенно не замѣченномъ ни современниками, ни всей позднѣйшей литературой, который содержалъ въ зародышѣ идею регулированія самихъ эмиссій. Развивая цѣлую систему, въ которой мѣриломъ цѣнности всѣхъ сдѣлокъ служить квинталь зерна, а средствомъ товарообмѣна ассигнаты, учитываемые въ соотвѣтствіи съ цѣной зерна (см. ниже гл. XII. § 1), авторъ его, останавливаясь передъ вопросомъ о необходимости обезпечить поступленіе налоговъ предлагаетъ, согласно краткому изложенію „Moniteur'a“, слѣдующее: „Будутъ установлены налоги, необходимые для покрытія государственныхъ расходовъ... которые будутъ взыматься въ ассигнатахъ. Съ этой цѣлью будетъ учрежденъ рядъ бюро, въ которыхъ ассигнаты, находящіеся въ обращеніи, будутъ каждые три мѣсяца обмѣниваться на новыя. Подати будутъ взыматься въ моментъ обмѣна. Старые ассигнаты будутъ лишены денежнаго значенія“ ... — „Gasette Nationale etc.“ за 29 флорэаля года III (18 мая 1795 г.), № 239, стр. 972.

Періодическій обмѣнъ бумажныхъ денегъ былъ бы дѣйствительно техническимъ методомъ максимальной эффективности для реализаціи налоговыхъ поступлений. Но дальнѣйшее развитіе этого метода на фонѣ эмиссионнаго финансированія могло бы вести къ тройкимъ результатамъ.

Во-первыхъ: онъ могъ бы остаться лишь средствомъ реализаціи податнаго обложения, не покрывающаго въ суммѣ всѣхъ нуждъ государства, т.-е. существующаго на ряду съ эмиссіями, фактически увеличивающими денежную массу.

Во-вторыхъ: при періодическомъ изытіи части денежныхъ знаковъ сумма ихъ могла бы покрывать потребность въ расходныхъ средствахъ впредь до новаго изытія, такъ чтобы общая величина денежной массы оставалась неизмѣнной и лишь періодически пульсировала бы, сокращаясь въ моментъ очереднаго изытія и увеличиваясь за время между двумя изытіями.

Въ-третьихъ: періодическія изытія части денежныхъ знаковъ могли бы имѣть цѣлью постепенное сокращеніе скопившейся за все время эмиссионнаго финансированія денежной массы, съ цѣлью сведенія ея къ нормальной ея величинѣ и возстановленія затѣмъ привычнаго налогового аппарата.

Въ первомъ случаѣ, періодическій обмѣнъ бумажныхъ денегъ имѣлъ бы второстепенное значеніе; третій случай крайне трудно осуществимъ; и лишь второй случай придалъ бы эмиссіямъ своеобразное строеніе урегулированнаго и длительно функционирующаго финансоваго аппарата.

Примѣчанія къ главѣ IX-ой.

¹⁾ Декретъ 20 июля 1791 г. — „*Gazette Nationale ou Moniteur Universel*“.

²⁾ *Cunow*. Die revolutionäre Zeitungsliteratur Frankreichs während der Jahre, 1789 — 1794 (1908). — Русскій пер. подъ редакціей *И. Степанова* подъ назв.: „Борьба классовъ и партій въ Великой Французской Революціи 1789—1794 гг. Вып. III—IV, стр. 75 — 78.

³⁾ *Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 236.

⁴⁾ См. докладъ управленія деп. Yonne 15 февраля 1792 г. — Цит. *Тарле*. Рабочій классъ во Франціи и т. д., томъ II, стр. 276 — 7. — Ср. сообщеніе *Vaublanc* въ засѣданіи Учред. Собранія 18 февраля 1792 г. о задержкѣ хлѣбовъ въ департаментѣ Уазы: „*Gazette Nationale*“, № 51 за 20 февраля 1791 г.

⁵⁾ *Duvergier*, цит., соч., томъ V, стр. 455.

⁶⁾ *Evrard*. Les subsistances dans l'Eure de 1788 á l'an V. — „Bulletin trimestrial de la commission de recherche et de publication des documents relatif á la vie économique de la Revolution 1909, № 1 — 2.

⁷⁾ „*Gazette Nationale ou Moniteur Universel*“, № 332 за 27 ноября 1792 г., 1407 — 8.

⁸⁾ „*Gazette Nationale etc.*“ № 337 за 2 декабря 1792 г., 1428 — 1429. — Любопытно для анализа соотношенія политическихъ аргументовъ и фактовъ, что два комиссара Конвента деп. Lecointe-Puyraveau и Birotteau рѣшительно заявляютъ, что дороговизна была лишь ложнымъ прикрытіемъ беспорядковъ, п что хлѣбъ въ департаментѣ Эры и Луары дешевъ; и въ то же время Birotteau сообщаетъ, что его вынудитли съ „ножомъ къ горлу“ подписать таксу кромѣ хлѣба на масло и яйца.

⁹⁾ *Duperon*. La question du pain dans l'Yonne sous le règne du maximum. Paris, 1940, p. 46 — 47.

¹⁰⁾ *Duperon*, тамъ-же, стр. 56, примѣч. 3.

¹¹⁾ См. таблицу у *Jaures'a*, „*Histoire Socialiste*“, томъ III: „La Convention“, стр. 323.

Насколько продовольственный кризисъ стоитъ уже въ это время въ центрѣ общественнаго вниманія видно, напр., изъ того, какъ много мѣста удѣляютъ ему доносенія агентовъ иностранныхъ государствъ въ Парижѣ. Таковы, напр., депеши тайнаго агента республики св. Марка Джовани Паволари, уцѣлѣвшія въ Венеціанскомъ архивѣ Государственныхъ Инквизиторовъ; въ депешѣ 27 ноября 1792 г. онъ сообщаетъ о движеніи въ 5-ти департаментахъ противъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, о принудительной таксаціи товаровъ толпой на мѣстахъ и т. д.; о томъ же депеши 4 декабря 1792 г. и 16 апрѣля 1793 г. — См. *М. М. Ковалевскій*. Происхождение современной демократіи. Томъ IV. Москва, 1897, стр. 110 — 115.

¹²⁾ Цит. *П. Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 352.

¹³⁾ „*J. P. Brissot*, député du département d'Eure et Loire à ses commettants sur la situation de la Convention Nationale, sur l'enfluence des Anarchistes et les maux qu'elle a causés sur la nécessité d'anéantir cette enfluence pour sauver la Republique“ (22 Mai 1793 г.). A Paris de l'Imprimerie de P. Provost. Reimprime à Londres pour R. Edwards. 1794, стр. 18 — 19. — *Бриссо* такъ объясняетъ причины, которыя будто бы руководятъ петиціонерами, просящими установленія предѣльныхъ цѣнъ на хлѣбъ; „ибо они хорошо знаютъ, что этотъ максимумъ долженъ вызвать голодъ, что голодъ долженъ привести къ возстанію противъ Конвента, къ его разложенію и возстановленію монархіи“ (стр. 18). Политическій приемъ очерненія болѣе лѣвыхъ группъ, примѣняющійся опредѣленными социальными слоями всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ!

¹⁴⁾ Эту первую брошюру *Бриссо* я не нашелъ въ оригиналѣ и цитирую по *Кропоткину*, цит. соч., стр. 355.

¹⁵⁾ Цит. у *Е. Тарле*. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Томъ II. Спб, 1911, стр. 278

¹⁶⁾ Тамъ-же, стр. 280

¹⁷⁾ *Jaures*. Histoire Socialiste, III, p. 317 — 19. — Краткое изложеніе ср. въ „*Gazette Nationale*“, № 325 за 30 ноября 1792 г., стр. 137 — 9.

¹⁸⁾ *Jaures*, цит. соч., томъ III: La Convention, стр. 320. — Жоресъ полагаетъ, что Конвентъ непрестанно повторяющій, что это маневры контръ-революціи отчасти правы. „Въ самомъ дѣлѣ, очень вѣроятно, — пишетъ онъ, — что духовенство старалось использовать временныя страданія народа, чтобы объединить стремленія церкви со стремленіями бѣдняковъ. Оно фанатизировало иародъ противъ Конвента, обвиняя его въ желаніи уморить населеніе голодомъ и оязычить отбирая у него какъ духовную, такъ и тѣлесную пищу“. — Во всякомъ случаѣ ясно, что въ центрѣ движенія были объективные мотивы продовольственнаго кризиса и что агитація духовенства, если она и играла какую-либо роль, могла развиваться лишь на почвѣ уже наличнаго массоваго двженія.

¹⁹⁾ *Duvergier*, цит. соч., томъ V, стр. 70.

²⁰⁾ *Ch. Lorain*. Les subsistances en cereales dans le district de Chaumont de 1788 à l'an V. Tome I. Chaumont.

²¹⁾ *Mathiez*. Les enragees et la lutte pour le maximum. — Annales Revolutionnaires. Organe de la Societe des etudes Robespierristes. Besançon. 1917, № 4.

²²⁾ „*Gazette Nationale*“, № 336 за 1 декабря 1792 г., стр. 1423 — 1425. — Ср. *Jaures*, цит. соч., томъ III, стр. 362.

²³⁾ „*Gazette Nationale*“, № 339 за 4 декабря 1792 г., стр. 1436 — 1437. — Въ докладѣ Робеспьера наиболѣе остро сформулированы слѣдующія положенія, навѣянные Руссо:

„Свобода торговли необходима лишь до того момента, когда убійственная жадность начинаетъ ею злоупотреблять ... Первое изъ всѣхъ правъ, это право существованія. Первый общественный законъ, стало быть, тотъ, который обезпечиваетъ всѣмъ членамъ общества средства существованія. Всѣ остальные законы ему подчинены. Собственностью обладаютъ прежде всего для того, чтобы существовать. Въ настоящее время уже нѣвѣрно, что собственность никогда не можетъ находиться въ противорѣчій со средствами существованія людей, которые столь же священны, какъ и сама жизнь. Все что необходимо для поддержанія жизни является собственностью всего общества въ цѣломъ; только избытокъ можетъ быть индивидуальной собственностью, предоставляемой въ распоряженіе торговцевъ“.

Докладъ *Робеспьера* воспроизведенъ также въ коллекціи *Buchez et Roux*, цит. соч., томъ XXII.

²⁴⁾ *Jaures*, цит. соч., томъ IV: La Convention, Seconde Partie, стр. 1017 — 1019.

Ср. „*Gazette Nationale*“, № 29 за 29 января 1793 г., стр. 141 (кратко).

²⁵⁾ „*Gazette Nationale*“, № 45 за 14 февраля 1793 г., стр. 207 — 208. — Обращеніе оратора депутаціи къ Конвенту начинается такъ: „Граждане законодатели, недостаточно заявить, что вы являетесь французскими республиканцами, нужно еще, чтобы народъ былъ счастливъ, чтобы у него былъ хлѣбъ: ибо, тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣба, нѣтъ больше ни законовъ, ни свободы, ни Республики“. — Бурное обсужденіе поведенія петиціонеровъ, въ которомъ члены Конвента увидѣли посягательства на свои права — см. въ № 46, стр. 209.

²⁶⁾ *Mathiez*, цит. соч., стр. 457.

²⁷⁾ *Е. Тарле*, цит. соч., 292.

²⁸⁾ *Mathiez*, цит. соч., стр. 457 — 458.

²⁹⁾ Протоколы Общества Якобинцевъ изд. *Aulard'*омъ. La Societe des jacobins, tome V, p. 38. — Цит. *Е. Тарле*, цит. соч. стр. 288.

³⁰⁾ Цит. *Куновъ*, цит. соч., выпускъ II, Москва, 1918, стр. 89. — Нѣсколько позже доп. *Legendre* защищая передъ Конвентомъ необходимость таксаціи хлѣба, такъ мотивировалъ это требованіе: „Цѣна продовольствія.. всегда была и всегда будетъ регуляторомъ общественнаго мнѣнія,внутренняго мира и наконецъ - я могу это сказать такъ,-тѣхъ частичныхъ возстаній, которыя вызываютъ происходящія гражданскія бури, чьи гибельныя послѣдствія заставляютъ обвинять законы и законодателей“.

³¹⁾ *Jaures*, цит. соч., томъ IV, стр. 1051 — 1055.

Извѣстна крылатая фраза Шометта: „Берегитесь, когда бѣдняку будетъ нечего ѣсть, онъ съѣсть богатаго“.

³²⁾ О движеніи въ Лионѣ см. у *Jaures'a*, цит. соч., томъ IV, стр. 1062—63.

³³⁾ „*Gasette Nationale ou Moniteur Universel*“, за 4 мая 1793 г., № 124, стр. 546.

³⁴⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, тамъ-же, стр. 547.

³⁵⁾ *Jaures*, цит. соч., томъ IV, стр. 1071.

³⁶⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 2 мая 1793, № 122, стр. 538.

³⁷⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 30 сентября 1793 г., № 273, стр. 1158.

³⁸⁾ „*Gasette Nationale*“, за 3 ноября 1763 г. (13 брѹмэра г. II), № 43.

³⁹⁾ *Луи Бланъ*, цит. соч., томъ X, стр. 215.

⁴⁰⁾ *Луи Бланъ*, тамъ-же, томъ XI, стр. 336.

⁴¹⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, №№ 154, 155 п 157 за 4, 5 и 7 вантоза (22, 23 и 25 февраля 1794 г.).

⁴²⁾ Въ періодъ дѣйствія единой цѣны хлѣба на всей территоріи Франціи (сентябрь 1793 г. — сентябрь 1794 г.) эта послѣдняя опредѣлялась какъ заготовительная цѣна. Продажная исчислялась прибавкой къ единой закупочной расходовъ во перевозкѣ хлѣба съ мѣста заготовки до мѣста продажи. См. „*Gasette Nationale etc.*“, за 5 сентября 1793 г., № 248, стр. 1052 — 53. Статьи XXII — XXIII декрета.

Отказъ въ ноябрь 1793 г. отъ принятаго ранѣе принципа единой цѣны мотивировался въ засѣданіи 14 брѹмэра докладчикомъ *Rob Lindet* отъ имени 3 комитетовъ — торговли, законодательства и общественнаго спасенія — слѣдующимъ образомъ.

„Комитеты, — говорилъ онъ, — взвѣсили достоинства и недостатки закона о максимумѣ. Они изслѣдовали воэможно ли установить единообразный максимумъ для всей Республики...“

Природа разделила Францію на двѣ части, очень различныя по качеству и производительности земли... Единообразный максимумъ значительно повысилъ цѣну хлѣбовъ въ одной половине Франціи и значительно понизилъ ее въ другой половинѣ..

Необходима справедливая основа для максимума. Таковой основой, которая обезпечивала бы права и земледѣльцевъ и того класса гражданъ, которые покупаютъ хлѣбъ, комитетамъ казалась цѣна 1790 г. увеличенной въ 1½ раза. Цѣна этого года представляется наиболѣе однообразной и правильной. Увеличеніе ея на ½ казалось вашимъ комитетамъ необходимымъ для того, чтобы компенсировать увеличеніе издержекъ обработки земли. См. „*Gasette Nationale*“, за 16 брѹмэра г. III, № 46, стр. 200 — 201.

При обсужденіи проекта въ засѣданіи 18 брѹмэра деп. *Реаль* предложилъ установить 2 различныя нормы повышенія цѣны хлѣба: для юга — увеличеніе въ 1½ раза по сравненію съ цѣнами 1790 г., для сѣвера — въ 2 раза.

Въ концѣ концовъ принимается компромиссное предложеніе деп. *Dartigoyte* объ увеличеніи всѣхъ цѣнъ въ 1½ раза. — „*Gasette Nationale*“, № 50, за 20 брѹмэра г. III (10 ноября 1794 г.), стр. 216 — 217.

Въ окончательномъ текстѣ декрета 19 брѹмэра г. III (9 ноября 1795 г.) введена еще такая оговорка: максимальныя цѣны на зерновой хлѣбъ устанавливаются путемъ увеличенія цѣнъ 1790 г. въ 1½ раза, но не ниже 16 ливровъ за квинталь. Кары за нарушеніе максимума въ противоположность декретамъ 1793 г. здѣсь очень легкія: въ 1-й разъ штрафъ въ размѣрѣ цѣны проданнаго предмета, во второй разъ въ двойномъ, въ третій — въ тройномъ и въ четвертый — въ четвертномъ размѣрѣ (ст. VII) — „*Gasette Nationale*“, № 52 за 22 брѹмэра г. III, стр. 223.

Е. Тарле (цит. соч., томъ II, стр. 307) дѣлаетъ 2 ошибки; а) отмѣну закона 11 сентября 1793 г. о единой цѣнѣ хлѣба на всей территоріи Франціи и установленіе для хлѣба того же принципа, что и для всѣхъ остальныхъ товаровъ (т.-е. исчисленіе цѣны на основѣ цѣнъ 1790 г. каждой данной мѣстности) онъ относитъ къ началу но-

ября 1793 года, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это произошло годомъ позже, въ 1794 г., незадолго до отмѣны максимума; и б) полагаетъ, что при этомъ пересмотрѣ цѣна 1790 г. была увеличена въ 1½ раза, тогда какъ это было лишь первоначальное предложеніе Роб. Линде, пересмотрѣнное Конвентомъ принявшимъ норму повышенія въ 1½.

Слѣдуетъ отмѣтить также ошибку *Levasseur'a*, который въ обѣихъ своихъ работахъ утверждаетъ, что при общемъ повышеніи товарныхъ цѣнъ въ 1½ раза (въ сентябрѣ 1793 г.) заработная плата была удвоена, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была повышена лишь въ 1½ раза. — *Levasseur. Histoire du commerce de la France. Tome II, 1912, p. 30.*

⁴³⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 2 мая 1793 г., № 122, стр. 537.

Примѣчанія къ главѣ X-ой.

1) „*Gasette Nationale etc.*“, за 5 сентября 1793 г., № 248, стр. 1052.

Что же касается нормы повышенія цѣнъ на другіе товары кромѣ хлѣба, то уже за 4 мѣсяца до того, въ маѣ 1793 г., *Ducos* сообщалъ объ удвоеніи цѣнъ предметовъ обрабатывающей промышленности и о 3 — 4 кратномъ повышеніи цѣны лошадей (повидимому подъ вліяніемъ реквизицій для нуждъ арміи).

„Лошадь, которая стоила 300 ливровъ три года тому назадъ, стоитъ теперь 1200 и даже 1500 ливровъ. Послѣдуетъ ли ваша такса за этой ужасающей прогрессіей?“

„Если бы предложили сапожнику таксировать ботинки по 6 фр., онъ отвѣтилъ-бы: «цѣна кожи удвоилась; заработная плата моихъ рабочихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ равнялась 50 су въ день; она равна теперь 4 ливрамъ; я не могу дѣлать ботинки дешевле чѣмъ по 12 ливровъ за пару; уплатите эту цѣну или я покину мое ремесло».

Портной сказалъ бы: „драпъ стоилъ 36 ливровъ аршинъ 3 года тому назадъ, теперь онъ стоитъ 60 ливр.; заработная плата удвоилась; заплатите за одежду 180 ливровъ вмѣсто 90 л.“. См. „*Gasette Nationale*“, за 3 мая 1793 г., № 123, стр. 542.

²⁾ „*Gasette Nationale*“, №№ 309 и 323 за 4 и 18 ноября 1792 г.

³⁾ „*Gasette Nationale*“, № 126 за 6 мая 1793 г., стр. 555.

⁴⁾ Текстъ декрета принятый по докладу *Collot — d'Herbois* въ „*Gasette Nationale*“, за 28 іюля 1793 г. № 209, стр. 891 — 892. — Окончательная редакція болѣе пространна — см. № 210, стр. 894.

⁵⁾ Ср. мою статью „Проблема нормированія цѣнъ въ системѣ эмиссионнаго хозяйства“ въ сборникѣ „Экономика и политика твердыхъ цѣнъ“ изд. Отдѣла Экономическихъ Изслѣдованій В.С.Н.Х., Москва, 1918 г. и въ „Трудахъ I Всеросс. Съезда Совѣтовъ Народнаго Хозяйства“. Москва, 1918 г.

⁶⁾ Цит *Е. Тарле*, цит. соч., томъ II, стр. 343. — При пересмотрѣ максимума въ ноябрѣ 1794 г. деп. *Thibault* указываетъ на такія формы его нарушенія: „Агенты и помощники агентовъ Комиссіи по продовольствію.., заставляли частныхъ лицъ продавать имъ товары по максимуму и затѣмъ перепродавать ихъ по цѣне высшей, чѣмъ сами они заплатили. — „*Gasette Nationale*“, № 52 за 22 брѹмэра г. III.

⁷⁾ Французскій текстъ у *Е. Тарле*, цит. соч., томъ II, стр. 329.

⁸⁾ Тамъ-же, томъ II, стр. 343.

⁹⁾ Тамъ-же, томъ II, стр. 384—385.

¹⁰⁾ Тамъ-же, томъ II, стр. 354—355.

¹¹⁾ См. *Кроноткинъ*, цит. соч., стр. — *Jaures*, цит. соч., томъ III и IV.

¹²⁾ *Duperon*, цит. соч., стр. 45.

¹³⁾ *Mathiez. Les subsistances pendant la Revolution — „Annales Revolutionnaires“*, 1917, № 2. Besançon.

¹⁴⁾ Цит. *Луи Бланъ*, цит. соч., томъ X, стр. 320.

¹⁵⁾ См. напр. *Necker*. Sur la législation et le commerce des grains. Перепечатано въ „Melanges d'economie politique” tome II, p. 241 и др. (Collection des principaux economistes, tome XV) Ed. E. Daire. Paris, 1848.

¹⁶⁾ *Mathiez*. Les subsistances pendant la Revolution, loc. cit.

¹⁷⁾ *Fachan*, цит. соч., стр. 99.

¹⁸⁻¹⁹⁾ См. приведенное у *Тарле* (цит. соч., томъ II, стр. 565) письмо Ролана Конвенту 23 ноября 1792 г., а также заявление жирондиста *Barbaroux* 27 апрѣля 1793 г., что „въ Парижѣ, гдѣ хотѣть искусственно удержать цѣну на хлѣбъ на извѣстномъ уровнѣ, мѣру приходится прибѣгать къ вооружающей силѣ, чтобы воспрепятствовать жителямъ сосѣднихъ городовъ и деревень вывозить этотъ дешевый хлѣбъ изъ Парижа”.

²⁰⁾ *Taine*. La Revolution. Tome II, liv. 2, 1, 6. — *De-Waha*, цит. соч., стр. 534 — *Aulard*. Histoire politique de la Revolution Française, Paris, 1903, p. 452.

²¹⁾ *Gomel*. L'impôt progressif en 1793, p. 20. — *de-Waha*, loc. cit., s. 534.

²²⁾ *Lorain*. Les subsistances en cercales dans le district de Chaumont de 1788 à l'an V. Vol. II, Chaumont, 1912, p. 1 — 3.

²³⁾ *Duperon*, loc. cit., p. 90 — 91.

²⁴⁾ *Lorain*, цит. соч., т. II, стр. 4.

²⁵⁾ *Lorain*, тамъ-же, стр. 6.

²⁶⁾ *Duperon*, цит. соч., стр. 83.

²⁷⁾ Напр. *Lorain*, томъ II, стр. 9, 11 и др.

²⁸⁾ *Duperon*, цит. соч., стр. 84.

²⁹⁾ *Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 510.

³⁰⁾ Напр. *Duperon*, цит. соч., стр. XII и др.

³¹⁾ „Gasette Nationale etc.” за 5 сентября 1793 г., № 248. стр. 1053.

³²⁾ *Evrard*, цит. соч., стр. 44 — 45.

³³⁾ *Lorain*, цит. соч., II, стр. 8 — 9.

³⁴⁾ „Gasette Nationale”.

³⁵⁾ Многочисленные примѣры у *Duperon*, *Lorain*, *Evrard* и др.

³⁶⁾ *Lorain*, тамъ-же, II, стр. 26, № 1255.

³⁷⁾ „Gasette Nationale”.

³⁸⁾ Данныя рѣчи деп. *Legendre* въ Конвентѣ 21 февраля (3 вантоза) 1794 г.

³⁹⁾ *Луи Бланъ*, цит. соч., томъ X, стр. 211.

⁴⁰⁾ *Тамъ-же*, стр. 212.

⁴¹⁾ *Тамъ-же*, стр. 215.

⁴²⁾ *Mellie*. Les sections de Peris, Paris. 1898, p. 302. прим. — *П. Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 436

⁴³⁾ „Gasette Nationale ou Moniteur Universel”, за 26 июня 1793 г., № 177, стр. 761, отчетъ о засѣданіи Совѣта Парижской Коммуны.

⁴⁴⁾ *Vichez et Roux*, цит. соч., томъ XXXII, стр. 12.

⁴⁵⁾ Такъ, напр., постановление о выпечкѣ только одного сорта хлѣба было вынесено Совѣтомъ округа Шомона уже 30 октября 1793 г. *Lorain*, цит. соч., томъ II, стр. 10, № 1213.

⁴⁶⁾ *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières etc., 1903, p. 202.

⁴⁷⁾ О первомъ — напр. *Duperon*, цит. соч., стр. XII и др. *Lorain*, цит. соч., томъ II, passim. — О второмъ — *П. Кропоткинъ*, цит. соч., стр. 479.

⁴⁸⁾ *Duperon*, цит. соч., стр. 101 — 103.

⁴⁹⁾ *Duperon*, цит. соч., стр. 104 — 109.

⁵⁰⁾ Постановление 5 марта 1794 г.: *Lorain*, цит. соч., томъ II, стр. 14, № 1228.

⁵¹⁾ Постановление 6 марта 1794 г.: *Lorain*, тамъ-же, стр. 15, № 1229.

⁵²⁾ Постановление 16 мая 1794 г.: *Lorain*, тамъ-же, стр. 21, № 1238.

⁵³⁾ *Lorain*, тамъ-же, стр. 23, № 1247. — Позже, во время продовольственного кризиса 1795 года, въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, проводится и *физиологическій* принципъ

въ распредѣленіи хлѣба. Общій паекъ равенъ въ это время 1 фунту въ день, а паекъ рабочихъ физическаго труда 1½ фунтамъ. — Согласно новѣйшему сообщенію *Mathiez*. La carte de viande en l'an II. — Annales revolutionnaires, 1917, № 5 (octobre-decembre), p. 691 — 693, — въ Парижѣ съ осени 1793 г. были введены и карточки на мясо. Сначала мясо, подвозимое военной администраціей, ввиду снабженія Парижа „наравнѣ съ осажденными городами” путемъ реквизицій, распредѣлялось по хлѣбнымъ карточкамъ: затѣмъ были введены спеціальныя мясныя карточки, образецъ которыхъ (чрезвычайно интересно разработанный) воспроизводитъ *Mathiez*. Карточка семейнаго типа безъ купоновъ фиксируетъ количество „ртвей” въ семьѣ ея владельца и дни и мѣсто постоянного полученія продукта. Норма снабженія — ½ фунта мяса на человѣка на 5 дней. вмѣстѣ съ тѣмъ мясныя лавки были объявлены муниципализованными.

^{53a)} Даже овладѣніе всѣми отраслями обрабатывающей промышленности при развитіи эмиссионнаго творчества не могло бы удержать на постоянномъ уровнѣ цѣны ея продуктовъ. Ибо сопротивленіе индивидуалистическаго въ своей массѣ сельскаго хозяйства, легально или нелегально реализующаго свои продукты по цѣнамъ, двктуемымъ обычной рыночной конъюнктурой (какъ она опредѣляется напряженностью эмиттированной и ищущей себѣ товарнаго примѣненія денежной массы), это сопротивление быстро или медленно, но неизбѣжно повышающее стоимость сырья и продовольствія, разрушить въ конце-концовъ проводимыя въ сбыте обработанныхъ продуктовъ твердыя цѣны.

Даже въ этомъ случаѣ овладеніе промышленностью устраняетъ только *спекулятивныя* тенденціи частныхъ собственниковъ самой обрабатывающей промышленности, но не можетъ противостоятъ давленію на цѣны со стороны оставшейся децентрализованной части народнаго хозяйства.

⁵⁴⁾ Ср. матеріалы *Duperon*, цит. соч., стр. 165 — 183.

⁵⁵⁾ „Receuil des pincipleaux textes le gislatifs et administratifs concernant l'industrie de 1788 à l'an XI. — Bulletin de la commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie economique de la Revolution, 1909, № 3 — 4, p. 286 s.s.

⁵⁶⁾ *Ch. Schmidt*. Notes sur la legislation et l'administration de l'industrie de 1788 à l'an IV. — Bulletin de la Comission etc. 1909. № 3 — 4, p. 230.

⁵⁷⁾ *Mathiez*. La question sociale pendant la Revolution. — „La Revolution Française”, tome 48, 1905, p. 409.

⁵⁸⁾ *Mathiez*, тамъ-же, стр. 408.

⁵⁹⁾ *Ch. Schmidt*. Notes sur la legislation et l'administration du commerce de l'an 1788 à l'an IX — Bulletin de la Commission etc 1912, I, p 10.

⁶⁰⁾ Таковъ, напр. *Mallet du Pan*, который записываетъ въ своихъ мемуарахъ 1 февраля 1794 года слѣдующіе строки:

„Со времени закона о максимумѣ, который благодаря его распространенію на большинство продуктовъ и товаровъ захватываетъ все важнѣйшее потребленіе, безцѣненіе ассигнатовъ перестало тяготить правительство. Законъ этотъ исполняется очень строго; никто не смѣетъ больше жаловаться на него. Онъ избавилъ Республику отъ всѣхъ тратъ, которыя составлялись изъ излишка цѣны, уплачивавшейся прежде за потребленіе. Это огромная экономія. Конвентъ не могъ предписать общественному мнѣнію принимать ассигнаты по одинаковой расцѣнкѣ съ металломъ, но онъ достигъ той же цѣли подчиняя неизмѣнному, тарифу цѣнность пищевыхъ продуктовъ и товаровъ.

„Когда удалось принудить гражданъ не только продавать, но и покупать по цѣне независимой отъ курсовой расцѣнки бумажныхъ денегъ, тогда — хотя низшая расцѣнка бумажныхъ денегъ, по сравненію со звонкой монетой всегда обуславливается самой ихъ природой — оказывается совершенно безразличнымъ, обладаютъ ли бумажныя деньги большимъ или меньшимъ кредитомъ, Конвентъ произвелъ, такимъ

образомъ, очень экономную и очень важную для народа операцію, ибо санкюлотамъ, которые потребляютъ, но не владѣютъ имуществомъ, очень пріятно пріобрѣтать эту бумагу по цѣнѣ, которая наноситъ ущербъ только продавцамъ“.

Примѣчаніе къ главамъ XI-ой.

¹⁾ *Jaures*. Histoire socialiste, tome II: La Legislative, p. 1025 и др.

²⁾ Кривую котировокъ Гамбургской биржи мы заимствуемъ изъ цит. работы *Illig'a* (стр. 63), который строитъ ее по несообщаемымъ имъ цифровымъ даннымъ.

Несмотря на тѣсное взаимодействіе обѣихъ кривыхъ нашей діаграммы, она выясняетъ вполне опредѣленный переломъ ихъ отношеній въ концѣ 1793 г. — началѣ 1794 г.: до этого времени внѣшнее обезцѣненіе обгоняетъ и стимулируетъ внутреннее, послѣ него, наоборотъ, внутреннее обезцѣненіе идетъ впереди и стимулируетъ собою внѣшнее.

Добавочная черта діаграммы въ серединѣ 1796 г., послѣ прекращенія котировокъ ассигнатовъ, доказываетъ движеніе обезцѣненія территориальныхъ мандатовъ, смѣнившихъ собою ассигнаты (см. гл. XII, § 3).

³⁾ Таблица указываетъ среднюю ежемѣсячную расцѣнку ассигнатовъ въ Парижѣ и департаментѣ Сены. Аналогичныя расцѣнки другихъ департаментовъ запротоколены *post factum* мѣстными властями во исполненіе закона 5 мессидора года V (см. объ этомъ ниже гл. XIII, § 1). Они переизданы въ настоящее время въ работѣ *Pierre Caron*. Tableaux de la depreciation du papier-monnaie. Paris, 1909.

⁴⁾ Правильно отмечая связь зигзаговъ курсовой расцѣнки ассигнатовъ съ военными побѣдами и поражениями Французской Революціи, *Illig* (цит. соч., стр. 78) подъ влияніемъ „государственной теоріи денегъ“ *Knappa*, совершенно ошибочно полагаетъ, что влияніе это проявляется лишь черезъ посредство международного вексельнаго (интервалютарнаго) курса. Между тѣмъ, общіе факторы кредитно-политическаго недовѣрія дѣйствуютъ совершенно одинаково какъ на внѣшне-валютномъ такъ и на внутреннемъ рынкѣ, и даже часто на внутреннемъ они болѣе активны, по изложеннымъ въ текстѣ причинамъ.

Вліяніе измѣненій въ международномъ положеніи страны на курсъ бумажныхъ денегъ было отлично понято и современниками. Такъ, напр., *Bourdon de l'Oise*, докладывая 17 мая 1795 г. свой проектъ сокращенія бумажной циркуляціи путемъ устроенія продажной цѣны земель говорилъ. «Люди, которые съ большою увидятъ, что опредѣленное количество ассигнатовъ изымается изъ обращенія и что этимъ отнимаются у нихъ средства ажіотажа, можетъ быть скажутъ, что было время, когда ассигнаты колоссально теряли въ цѣнѣ, несмотря на то, что въ обращеніи ихъ находилось лишь на 2 миллиарда... Я подтверждаю это; но для того, чтобы узнать и оцѣнить причину, достаточно ознакомиться съ датами. Это было послѣ измѣны Дюмурье. Ассигнаты теряли тогда потому, что наши арміи отступали, потому что наши границы заколебались, и Республика оказалась въ величайшей опасности“. — „*Gazette Nationale ou Moniteur Universel*“, за 1 преріаля г. III (20 мая 1795 г.), № 241, стр. 978 (въ оригиналѣ опечатка: „972“).

⁵⁾ *И. И. Кауфманъ*. Неразмѣнный банкноты въ Англіи 1797—1819. Второе изд. Петроградъ, 1915 г. Предисловіе, стр. IX. — Это обвиненіе выдвинулъ уже *G. Avenel* въ своихъ „*Lundis Revolutionaires*“, полагающій, что термидоріанцы боясь демонетизировать ассигнаты, старались добиться того же результата массовыми эмиссіями (см. цит. соч., статья III). — Но и сами термидоріанцы понимали, что сочетаніе обстоятельствъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ является чрезвычайно благоприятнымъ для такого обвиненія. Больше того: оно прозвучало заключительнымъ аккордомъ всей исторіи бумажной циркуляціи Французской Революціи. Именно, 4 февраля 1796 г. при обсужденіи въ Совѣтѣ Старѣйшинъ (т.-е. въ послѣдней инстанціи) проекта уничтоженія смѣнившихъ ассигнаты территориальныхъ мандатовъ, едиинственный вы-

ступившій съ возраженіями противъ проводившагося проекта банкиръ деп. *Lafond* — *Ledebot*, заявилъ:

„Общественное мнѣніе обвинить законодательный корпусъ и правительство въ томъ, что они нарочно обезцѣнили (*avili*) мандаты для того, чтобы ихъ уничтожить“. — „*Gazette Nationale etc.*“ за 18 плювіоза года V (6 февраля 1797 г.), № 138, стр. 555.

⁶⁾ *М. И. Туганъ-Барановскій*. Бумажныя деньги и металл. Петроградъ, 1917 г., стр. 87.

⁷⁾ Таблица составлена по даннымъ *Ramel'a* (*Les finances de la Republique française en l'an IX*. Paris, l'an IX, стр. 27) и перечислена съ революціоннаго календаря на обще-европейскій, при чемъ допущено уклоненіе въ 1 — 2 дня при сведеніи показаній къ началу каждого мѣсяца для большей наглядности общей линіи развитія.

⁸⁾ *Д. Далинъ*, ошибочно полагая, что въ теченіе всей исторіи ассигнаціоннаго обращенія наряду съ ними продолжаетъ циркулировать и вся звонкая монета, строитъ совершенно фантастическія таблицы, въ которыхъ пытается исчислить совокупную цѣнность всей денежной массы и ея частей — металлической и бумажной. Понятно, какова можетъ быть цѣнность выводовъ покоящихся на такомъ порочномъ фундаментѣ. См. его предисловіе къ русскому переводу книги *К. Каутскаго* „Золото, деньги и дороговизна“ 1918 г. Изд-во „Книга“, стр. 7—8.

^{8a)} Эта тенденція не ускользнула отъ вниманія нѣкоторыхъ современниковъ. Но освѣщеніе дававшееся ими этому факту, имѣло характеръ элементарно-ариѳметическій, а не казуально-экономическій. Такъ, напр., въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Конвента докладчикъ по финансамъ *Вернье* констатировалъ, что „съ нѣкоторыхъ поръ ассигнаты стали обезцѣниваться не въ ариѳметической, а въ геометрической пропорціи ихъ съ эмиссіями“. См. „*Gazette Nationale etc.*“, № 42 за 12 брүмэра г. IV — 3 ноября 1795 г., стр. 163, рѣчь деп. *Loiseau*.

Также деп. *Эшассеріо*, въ первомъ докладѣ отъ имени финансовой комиссіи Совѣта Пятисотъ, прочитанномъ въ ноябрѣ 1795 г. и дающемъ новому законодательному органу обзоръ всѣхъ денежно-финансовыхъ вопросовъ времени (см. ниже, гл. XII, § 2) говорить, между прочимъ, что „паденіе курса ускорялось подобно движенію камня, падающаго на землю“. И онъ настолько веритъ въ законмѣрность такого соотношенія между массой и расцѣнкой бумажныхъ денегъ, что утверждаетъ и обратную значимость его: съ постепеннымъ изъятіемъ ассигнатовъ изъ обращенія „повышеніе ихъ курса будетъ идти въ той же прогрессіи“. — „*Gazette Nationale*“, № 63, года IV, стр. 251.

⁹⁾ *Ramel* (цит. соч., стр. 27) оговаривается по поводу сообщаемыхъ имъ цифръ: „Хотя первыя три рубрики второй таблицы скопированы съ точныхъ выдержекъ изъ регистровъ національнаго казначейства, я долженъ замѣтить, что сумма циркуляціи никогда не была такъ велика, какъ сообщаетъ эта смета и что въ частныхъ рукахъ она никогда не постигала указаннаго максимума въ 37.117.962.104 л. „Я думаю, — говоритъ онъ дальше (стр. 28), — что обращеніе никогда не превышало 30 миллиардовъ“. — На это сообщеніе *Рамэля* часто ссылаются въ литературѣ вопроса; оно тѣмъ не менѣе лишено серьезнаго значенія, ибо если взять любой циркуляторный фондъ въ эпоху *металлическаго* обращенія, то и тогда окажется, что значительная часть его поκειται въ каждый данный моментъ въ государственныхъ кассахъ разнаго рода и что „въ частныхъ рукахъ“ находится лишь часть его общей суммы.

Съ другой стороны, реальная циркуляторная масса еще нѣсколько увеличивалась за счетъ особенно большихъ количествъ обращавшихся въ послѣдніе 1½ года фальшивыхъ ассигнатовъ.

Въ началѣ мая 1795 года въ рѣчи деп. *Vernier* мы читаемъ: „Число фальшивыхъ ассигнатовъ преувеличивали, говоря, что оно доходитъ до 12 — 15 миллиардовъ. Это ложь. Ибо національныя кассы Парижа и округовъ являются въ то же время бюро по провѣркѣ ассигнатовъ. Всѣ доклады показываютъ, что количество ихъ

очень не велико“. — См. „Gasette Nationale“ за 21 флорэаля г. III — 10 мая 1795 г., № 231, стр. 939.

Луи Бланъ отрицает истинность заявления Вернье, ссылаясь на недостоверность его других цифровых показаний и считает указанную сумму обращения фальшивых ассигнатовъ вполне правдоподобной (цит. соч., томъ XII, стр. 90).

Въ одномъ Лондонѣ существовало 17 — 18 частныхъ фабрикъ фальшивыхъ ассигнатовъ, какъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ *de Puisaye* (Memoires, томъ III, р. 376 — 7), вождь реакціонной аристократической эмиграціи ведшей войну противъ революціонной Франціи. Самъ *де-Пуизэ* организовалъ не мало такихъ фабрикъ начавъ съ выпуска королевскихъ ассигнатовъ за соответствующими подписями, подлежащихъ равнѣну по совершеію монархической реставраціи, и кончивъ болѣе простымъ методомъ фальсификаціи республиканскихъ ассигнатовъ.

И все же, мнѣніе Вернье нужно признать болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе Луи Блана. Въ маѣ 1795 г. всего-то было выпущено въ обращение 11.865 миллионѣвъ ассигнатовъ, изъ коихъ оставалось въ обращении (по сообщеію Vernier) менѣе 8 миллиардовъ. Поэтому, циркуляція фальшивыхъ ассигнатовъ составляла бы сумму въ 1½ раза большую, чѣмъ сумма настоящихъ, что уже само по себѣ мало правдоподобно. Съ другой стороны, *техническая возможность* для заграничныхъ фабрикъ изготовить сумму, исчисляющуюся нѣсколькими миллиардами, подлежитъ большому сомнѣію, тѣмъ болѣе, что фальсификаціи подвергались преимущественно мелкія купюры, ибо крупныя и выдѣлывались въ оригиналъ и контролировались гораздо тщательнѣе. Сумма въ 2 — 3 миллиарда представляется намъ максимальной, чего могла достигнуть циркуляція фальшивыхъ ассигнатовъ.

¹⁰⁾ Русскіе экономисты, обращавшіеся въ послѣднее время къ исторіи французскихъ ассигнатовъ для провидѣнія судебъ русской бумажной валюты, встречаясь съ фактомъ рѣзкаго перелома въ линіи обезцѣненія ассигнатовъ съ конца 1794 г. — начала 1795 г. и замѣчая, что именно въ послѣдній періодъ ассигнаціонная масса необычайно быстро возрастала, незамедлительно дѣлали выводъ (по принципу *post hoc, ergo propter hoc*), что массовыя эмиссіи и явились причиной этого неожиданнаго ускоренія темпа обезцѣненія. И хотя экономическая логика запрещаетъ приписывать любому фактору, съ вполне опредѣленнымъ количественнымъ значеіемъ, вліяіе далеко эту величину превосходящее, нѣкоторые экономисты не останавливались передъ созданіемъ особаго экономического *предѣла* возрастанія эмиссіонной массы, перейдя который бумажныя деньги должны, дѣйствіемъ невѣдомо какихъ причинъ, сразу потерпѣть крахъ и совершенно обезцѣниться. Такъ, напр., *З. С. Каценеленбаумъ* пишетъ по этому поводу: „До извѣстнаго предѣла ростъ выпусковъ вызывалъ рѣзкое, но постепенное паденіе курса. Но когда выпуски перешли за этотъ предѣлъ, пониженіе превратилось въ стремительное и внезапное. Курсъ сразу свалился почти до нуля. Большое сходство, которое существуетъ между процессомъ обезцѣненія рубля къ настоящею время и процессомъ обезцѣненія ассигнатовъ заставляеть предположить, что и у насъ при дальнѣйшемъ увѣличеіи количества кредитныхъ билетовъ въ обращении можетъ быть перейденъ какой-то предѣлъ, послѣ котораго процессъ обезцѣненія можетъ превратиться изъ процесса постепеннаго въ процессъ стремительный и внезапный, который сразу поставитъ насъ передъ фактомъ полной потери рублемъ его покупательной силы“. — *З. С. Каценеленбаумъ*. Обезцѣненіе рубля и перспективы денежнаго обращения. Труды 1-го очереднаго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда. Вып. III., Москва. 1918, ст. 19.

Также и *Д. Далинъ* утверждаетъ: „обезцѣненіе франка слѣдуетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за выпускомъ новыхъ денегъ. И лишь къ концу этого періода — приблизительно съ весны 1795 г. — бумажныя деньги летятъ въ пропасть такимъ быстрымъ темпомъ, который превосходитъ быстроту новыхъ выпусковъ. Это уже послѣдній періодъ, періодъ агоніи. Онъ наступилъ для Франціи тогда, когда количество денегъ

въ обращеніи достигло 20 — 30 миллиардовъ, т.-е. поднялось съ 100 до 1000 франковъ на голову населенія. Увѣличеіе въ 10 разъ оказалось достаточнымъ, чтобы нанести бумажкамъ послѣдній сокрушительный ударъ“. — *К. Каутскій*. Золото, деньги и догровизна. Предисловіе *Д. Далина*, стр. 9. Изд „Книга“, 1918.

Любопытно только, какъ экономически могъ бы быть мислимъ этотъ предѣлъ возрастанія бумажной массы, если бы она была единственнымъ циркуляторнымъ средствомъ, и какими силами онъ могъ бы быть реализованъ (цѣною пріостановки товарообмѣна), если бы дѣло заключалось дѣйствительно во *внутреннемъ* разложеніи бумажно-денежнаго обращения изъ-за переполненія имъ какого-то, также подлежащаго опредѣленію, народно-хозяйственнаго сосуда?

¹¹⁾ *Levasseur*. Histoire du commerce de la France. Deuxième partie. De 1789 à nos jours. Paris, 1912, стр. 33: „Со времени конца террора Биржа стала котируются курсъ луйдора (24 ливра) въ ассигнатахъ“. — *Levasseur*. Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France de 1789 à 1870. Tome I, Paris, 1903, стр. 219: „Во время террора, когда обращеіе звонкой монеты было воспрещено, — курсъ не былъ извѣстенъ и максимумъ останавливалъ или скрывалъ обезцѣненіе. Но когда избавились отъ террора и максимума и луйдоръ сталъ снова котируются, то курсъ сталъ показывать въ январѣ 1795 г. — 130 ливровъ въ ассигнатахъ (за 24 л.), въ мартѣ — 227, въ іюнѣ 750, въ сентябрѣ — 1200, и въ октябрѣ, въ моментъ роспуска Конвента — 2500 л.“

Съ другой стороны старый *Levasseur*, членъ Конвента, рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что до 9-го термидора „ассигнаты ходили по нарицательной цѣнѣ“, и что главное обезцѣненіе и упадокъ начались лишь послѣ этого и особенно послѣ отмѣны максимума, который поддерживалъ и оживлялъ ассигнаты. См. „Memoires de Levasseur“, vol. IV, chap. IV, p. 110 — *Луи Бланъ*, цит. соч., томъ XI, стр. 337.

¹²⁾ *Buchez et Roux*. Histoire parlementaire de la Revolution française. Tome XXXVI, Paris, 1837, р. 207: „Почти полное обезцѣненіе ассигнатовъ и ужасное возрастаніе въ цѣнѣ всехъ предметовъ первой необходимости явились слѣдствіемъ этого мѣропріятія (отмѣны максимума). Члены Конвента сами это замѣтили и 12-го января 1794 г. повысили себѣ содержаніе съ 18 до 36 ливровъ въ день“.

Когда настоящая глава была уже набрана я нашель въ одномъ протоколѣ за сѣданій Совѣта Пятисотъ позднѣйшаго времени въ рѣчи *Дюбуа-Крансэ* слѣдующую оцѣнку причинъ, вызвавшихъ крушеніе ассигнаціоннаго обращения. Она по справедливости должна быть признана *исторической*.

Указывая, что цѣнность ассигнатовъ была устойчивой въ теченіе цѣлыхъ летъ послѣ ихъ выпуска и лишь затѣмъ сразу потерпѣла крушеніе, онъ говоритъ: „Я считаю одной изъ важнѣйшихъ причинъ реакціи внезапную отмѣну максимума мѣры, которая, впрочемъ, была сама по себѣ разрушительна. Но, когда максимумъ былъ отмѣненъ, ничего не было сдѣлано для продовольствованія арміи и большихъ городовъ: продукты продовольствія, освобожденные отъ реквизицій, тотчасъ же были подняты въ цѣнѣ ажѣотажемъ до необычайной высоты. Съ техъ поръ за отсутствіемъ узды, за отсутствіемъ границъ все обычныя взаимоотношенія цѣнностей были нарушены.“

„Второй разрушительной мѣрой было установленіе разницы между серебромъ и ассигнатами...“

„Конвентъ, руководившійся безъ сомнѣнія добрыми побужденіями, былъ введенъ въ заблужденіе и голосъ нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ заглушилъ собою голосъ общественной пользы. Конвентъ совершенно не рассчиталъ, онъ совершенно не видѣлъ, каковы были расчеты алчности. Между темъ, легко было понять, что спекулянты, находившіеся вблизи правительства, и даже ихъ агенты на биржѣ, вскорѣ заставятъ правительство совершать наиболѣе тягостныя сдѣлки. Нѣсколькихъ личностей, безстыдныхъ и дерзкихъ, съ трудомъ объединившихъ въ своихъ рукахъ капиталъ въ 50 миллионѣвъ, оказалось достаточно для того, чтобы произвести то ужасное разрушеніе финансовъ, жертвою котораго стала Республика“... — См. „Gasette Nationale etc.“, за 9 вантоза года IV (28 февраля 1796 г.) № 159, стр. 636.

Dubois-Crance ошибается лишь въ учетѣ относительнаго значенія указываемыхъ имъ причинъ крушенія ассигнаціоннаго обращенія. Вторая причина — допущеніе въ оборотъ звонкой монеты — имѣла гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ первая (отмѣна максимальныхъ цѣнъ), ибо она разрушала (единственно наличную) циркуляторную основу цѣнности ассигнатовъ, тогда какъ и до отмѣны максимальныхъ цѣнъ мѣра ихъ реализаціи, и стало-быть значеніе для поддержанія цѣнности ассигнатовъ, были очень невелики.

¹³⁾ *Л. Бланъ*, цит. соч., томъ XI, стр. 338.

Въ рѣчи деп. *Lehardi* объ ажіотажѣ 22 флореаля года III (11 мая 1795 г.) мы находимъ такое интересное сообщеніе: „На улицахъ, — говоритъ онъ, — можно видѣть парикмахера, продающаго селедки, бывшаго прокурора, торгующаго шелками, слесаря — кошенилью, стекольщика — полотномъ, почтальона — сахаромъ и т. д. .. Масса горожанъ, торгующихъ на улицахъ, съ негодованіемъ утверждаютъ, что для того, чтобы существовать, имъ приходится превращаться либо въ перепродавцевъ, либо въ воровъ“... См. „*Gasette Nationale etc.*“ № 236 за 26 флорэаля г. III (15 мая 1795 г.).

¹⁴⁾ *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières etc., 1903, т. I, р. 220.

¹⁵⁾ Французскій текстъ у *Е. Тарле*, цит. соч. томъ II, стр. 385.

¹⁶⁾ *Dutil*. La circulation des grains dans l'Aude. „La Revolution Française“, 1905, tome XLVIII, p. 233.

¹⁷⁾ *Evrard*. Les subsistances dans l'Eure de 1788 à l'an V — „Bulletin de la commission de recherche et de la publication des documents relatifs à l'histoire economique de la Revolution“ 1909, № 1—2, р. 77.

¹⁸⁾ *Evrard*, тамъ-же, стр. 91.

¹⁹⁾ *Duperon*, цит. соч., стр. XII и 254.

²⁰⁾ *Е. Тарле*, цит. соч. томъ II, стр. 434.

²¹⁾ *Levasseur*. Histoire du commerce en France, Т. II, 1912, стр. 35. — Перечисляя и сопоставляя различныя показанія и извлеченія *Е. Тарле* изъ французскихъ архивовъ о ставкахъ заработной платы на „Национальной мануфактурѣ Гобеленовъ“, мы получимъ слѣдующую таблицу ежедневныхъ заработковъ (по *Е. Тарле*. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи. СПб. 1908, стр. 27—63):

ПЕРИОДЫ.	Классы рабочихъ:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
	(ливровъ въ день)				
Съ 1 января 1791 г. . . .	4	3½	3	2½	2
Съ 1 сентября 1794 г. . .	7	6	5	4	
Съ 23 февраля 1795 г. . .	9½	8	6½	5½	
Съ конца іюня „ . . .	12½	11	9½	8½	
Съ 27 іюля „ . . .	15.34	14	13.67	12	
Съ 5 сентября „ . . .	20.34	19	18.67	17	

Въ такой схемѣ бросаются въ глаза два обстоятельства. *Во-первыхъ*, огромное отставаніе заработной платы отъ стоимости жизни. Вплоть до сентября 1794 г. заработковъ остается совершенно такимъ же, какимъ онъ былъ въ начале 1791 г., хотя ростъ цѣнъ былъ весьма значителенъ.

Въ концѣ іюля 1795 г. рабочіе подаютъ умоляющую петицію, въ которой заявляютъ, что не взирая на недавнюю прибавку въ 3 ливра, имъ такъ дальше жить невозможно; что они все продали, все что могли заложили и т. д.

Въ августѣ того же года въ новой петиціи они пишутъ о самихъ себѣ: „едва

они получили послѣднюю прибавку, какъ они уже не смогли использовать ея вліяніе, ибо она не могла умѣрить ужасныя цѣны, до которыхъ было доведено все, что относится къ пище или одеждѣ“. Жизнь стала, — говорятъ они, — „въ 20, въ 40 и даже въ 100 разъ дороже, чѣмъ была еще недавно“.

Въ справедливости послѣдняго утвержденія легко убѣдиться сравнивая послѣднія ставки заработной платы (послѣ новаго повышенія въ началѣ сентября 1795 г.) съ таблицей роста цѣнъ на товары приводимой нами въ текстѣ (таблица XIV) и охватывающей тотъ же самый періодъ времени.

Въ то время, какъ товарныя цѣны поднялись по ариѳметической средней въ 34 раза, а по экономической средней — больше чѣмъ въ 40 разъ, заработная плата возрасла у рабочихъ низшей квалификаціи въ 8½ разъ, а у рабочихъ высшей квалификаціи въ 5 разъ.

Во-вторыхъ, столь же ярко видна изъ составленной таблицы неравномерность повышенія оплаты труда различной квалификаціи. Уже первая прибавка 1794 г. сужаетъ различіе между высшими и низшими ставками. Вторая проводится путемъ увеличенія всѣхъ получившихся такимъ образомъ ставокъ на ½, т.е. удерживаетъ ту же мѣру суженія. Дальнѣйшія же послѣдовательно увеличиваютъ это суженіе, ибо проводятся путемъ количественно равныхъ прибавокъ ко всѣмъ ставкамъ, независимо отъ ихъ величины: двѣ прибавки по 3 ливра въ день и одна въ 5 ливровъ. При этомъ средняя изъ этихъ 3 прибавокъ даже отстаетъ отъ принятаго было ариѳметическаго равенства въ пользу труда низшей квалификаціи: высшіе два класса получаютъ прибавку по 3 ливра, III-й — въ 4 ливра, IV-ый — 3½ ливра.

Въ итогѣ, въ то время какъ въ 1791 — 4 гг. разность въ оплатѣ квалифицированнаго и простого труда равнялась 100%, въ сентябрѣ 1795 г. она равнялась только 20%. Иначе говоря, норма эксплуатаціи квалифицированнаго труда возрасла въ 5 разъ больше, чѣмъ норма эксплуатаціи простого труда.

Дальнѣйшія прибавки после сентября 1795 г. приняли форму *частичной натурализаціи заработной платы*. Сохраняя тѣ же денежныя ставки, рабочіе въ дополненіе къ нимъ стали получать:

съ 23 октября 1795 г. — по ½ ф. хлѣба, ½ ф. мяса и 1 мѣрѣ дровъ въ день; вскорѣ послѣ этого — по той же мѣрѣ хлѣба и мяса на каждого члена семьи.

Съ 18 апрѣля 1796 г. — послѣ выпуска мандатовъ — жалованіе стало уплачиваться на ⅓ въ мандатахъ и на ⅓ въ ассигнатахъ. Наконецъ, въ 1798 году, послѣ возвращенія къ звонкой монетѣ были установлены такія годовыя ставки сравнительно со ставками 1791 г.:

Классы	1791 г.	1798 г.	1799 г.
I классъ	1248 фр.	1000 фр.	1124 фр.
II „	1092 „	880 „	940 „
III „	936 „	800 „	840 „
IV „	780 „	650 „	720 „

Такимъ образомъ, въ то время какъ въ 1798 г. предметы первой необходимости стали на 50% дороже, чѣмъ были въ 1791 г., заработная плата стала на 25% ниже, чѣмъ была въ 1791 г. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, налоги, платимые рабочими увеличились въ 6 разъ: въ 1790 г. рабочіе уплачивали 1 ливръ 30 сант., въ 1797 г. 7 л. 20 сант. (по-видимому въ мѣсяцъ). Сверхъ того по закону 23 декабря 1789 г. всѣ лица, получающія жалованіе отъ государства должны были уплачивать 5 сант. съ cadaго франка, т.е. ⅓₂₀ жалованія.

²²⁾ *Aulard*. Paris pendant la reaction thermidorienne, Т. I, р. 271 — *Levasseur*. Histoire des classes ouvrieres etc., Paris, 1903, I, р. 223—4.

²³⁾ *Evrard*, цит. соч., стр. 90.

²⁴⁾ *Evrard*, цит. соч., стр. 91.

Примѣчанія къ главѣ XII.

¹⁾ Это особенно ярко намѣчается въ дискуссіи о натуральномъ налогѣ и рѣчахъ его защитниковъ (кромѣ самого Дюбуа-Крансэ), гдѣ необходимость продовольствования арміи выдвигается на первый планъ. См. отчеты о засѣданіяхъ Конвента въ „*Gasette Nationale ou Moniteur Universel*“ за 2, 3 и 11 преріала года III, №№ 242, 243 и 251.

Впрочемъ и самъ Дюбуа-Крансэ сознаетъ все значеніе этого момента, устанавливая уже въ первоначальномъ проектѣ декрета, что натурализація обложенія вводитъ только на время войны („pendant la durée de la guerre seulement“).

Пунктъ II, проекта второго декрета: „*Gasette Nationale etc.*“ за 20 флореаля года III (9 мая 1795 г.) № 230. Отчетъ о засѣданіи Конвента 16 флореаля, стр. 935.

²⁾ „*Gasette Nationale ou Moniteur Universel*“, № 230, за 20 флореаля г. III, стр. 934 — 935.

³⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 21 флореаля г. III (10 мая 1795 года), № 231. Отчетъ о засѣданіи Конвента 17 флореаля, стр. 939.

⁴⁾ *Duchez*. „*Demonnayer beaucoup monnayer peu*“. Статья въ „*Gasette Nationale etc.*“, за 27 преріала г. III (15 июня 1795 г.) № 267, стр. 1075.

⁵⁾ „*Gasette Nationale etc.*“ за 29 флореаля г. III-го (18 мая 1795 г.), № 239. Отчетъ о засѣданіи 26 флореаля, стр. 972.

⁶⁾ „*Gasette Nationale etc.*“ за 8 фримэра года IV (29 ноября 1795 г.), № 68. Отчетъ о засѣданіи Совѣта Пятисотъ 4 фримэра, стр. 271.

⁷⁾ Кромѣ указанныхъ №№ „*Gasette Nationale*“ см. еще № 236 и 237 за 26 и 27-е флореаля г. III (15 — 16-го мая 1795 г.) съ отчетами о засѣданіи 23-го флореаля, въ которомъ Dubois-Crancé послѣ защиты своей идеи представляетъ подробный проектъ декрета въ 27-ми статьяхъ (стр. 960 — 962), и о засѣданіи 24-го флореаля, въ которомъ депутатъ Genissieu, сравнивая различные другіе финансовыя планы, предложенныя Конвенту, высказывается въ пользу натурализація обложенія (стр. 963 — 4).

⁸⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 17-е флореаля г. IV (6-го мая 1796 г.) № 227, стр. 906. — Ср. также *Combes de Patris*. L'esprit financier des Girondins. Paris, 1909, р. 113.

⁹⁾ „*Receuil des principaux testes legislatifs et administratifs concernant la monnaie et le papier-monnaie de 1789 à l'an XI*“. — Bulletin l'histoire economique de la Revolution. 1911. Декреты 10-го декабря 1795 г., 17-го января и 9-го марта 1796 г., №№ 651 (стр. 395), 673 (стр. 400) и 705 (стр. 413).

¹⁰⁾ Любопытно, что гражданскій оборотъ приходитъ чисто эмпирическимъ путемъ къ идеѣ натурализаціи обмѣна гораздо раньше, чѣмъ финансовое управленіе къ идеѣ натурализація обложенія.

Такъ какъ ассигнаты реально обезцѣнивались очень быстро и внѣшняя торговля считалась только съ ихъ курсовой цѣной, а не легальной расцѣнкой, устанавливаемой уровнемъ легальныхъ товарныхъ цѣнъ эпохи „максимума“, то денежный обмѣнъ съ границей, поскольку получаемые товары приходилось реализовать внутри страны по легальнымъ цѣнамъ, оказывался невозможнымъ. Иное дѣло натуральный обмѣнъ, который дѣлалъ пропорціи товарооборота независимыми отъ обезцѣненія денегъ.

При необходимости для Франціи получать сырье и полуфабрикаты изъ-за границы, такой мѣншой торгъ становился единственно возможной формой поддержанія торговыхъ отношеній. И вотъ, сохранился любопытный документъ, представляющій собою петицію владѣльцевъ одной изъ крупнѣйшихъ мануфактуръ цвѣт-

ныхъ матерій Petitpierre et Co (въ Нантѣ) къ Комитету Общественнаго Спасенія о предоставленіи имъ товаровъ для обмѣна въ Швейцаріи на нужныя имъ необработанныя матеріи.

„Законодатели! — пишутъ они въ сентябрѣ 1794 г. (8 вандеміэра г. III): — мы повергли на ваше усмотреніе, что у насъ есть только одно средство добыть бумажныя матеріи — производя обмѣнъ съ Швейцаріей. У насъ есть только одно средство уплатить тамъ за 6 тысячъ штукъ, которыя мы 8 мѣсяцевъ тому назадъ оттуда вывезли: мы просимъ васъ прислать намъ приказъ о реквизиціи, который уполномочилъ бы насъ потребовать реквизиціоннымъ способомъ 150.000 фунтовъ кофе. Съ его помощью мы будемъ въ состояніи получить еще 6000 штукъ бумажныхъ матерій, нужныхъ намъ для фабрикаціи и мы ликвидируемъ все, что мы должны за прежнія 6000 штукъ, которыя дали работу нашимъ рабочимъ на весь прошлый годъ“. — Цит. у *E. Tarle*. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Томъ II, СПб., 1911, стр. 359.

¹¹⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 22 флореаля года III (11 мая 1795 г.), № 232, стр. 944.

¹²⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 26 флореаля года III (15 мая 1795 г.), № 236, стр. 959.

¹³⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 21 флореаля г. III (10 мая 1795 г.), № 231, стр. 940.

¹⁴⁾ См. „*Gasette Nationale etc.*“, №№ 159, 161, 162, 171 и 173 за 9, 11, 12, 21 и 23 вантоза года IV.

¹⁵⁾ Напр. „*Gasette Nationale etc.*“, за 1 преріала г. III (20 мая 1795 г.), № 241, стр. 971 — 2: рѣчь *Bourdon de L'oise* съ предложеніемъ изъять ассигнаты изъ обращенія безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ путемъ утроенія цѣнъ національныхъ земель и голоса отвѣчающіе ему „это демонетизація!“.

¹⁶⁾ Тамъ-же, № 267 за 27 преріала года III (15 июня 1795 г.), стр. 1076.

¹⁷⁾ Тамъ-же, № 171 за 21 вантоза года IV (11 марта 1796 г.), стр. 683.

¹⁸⁾ См. доклады *Johannot* въ отчетахъ „*Gasette Nationale etc.*“, № 209 за 29 жерминаля г. III (18 апрѣля 1795 г.), стр. 850; № 218 за [?] флореаля (27 апрѣля), стр. 886; № 230 за 20 флореаля (9 мая), стр. 934 и др.

¹⁹⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 25 флореаля г. III (14 мая 1795 г.), № 235, стр. 956.

²⁰⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 26 флореаля г. III (15 мая 1795 г.), № 236, стр. 958.

²¹⁾ Тамъ-же, № 236, стр. 958.

²²⁾ Напр. рѣчь *Vernier* въ засѣданіи Конвента 23 преріала г. III. См. отчетъ въ „*Gasette Nationale etc.*“, за 27 преріала г. III (15 июня 1795 г.), № 267, стр. 1076.

²³⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 12 брѹмэра года IV (3 ноября 1795 г.), № 42, стр. 167. Помимо сочетанія съ идеей специализаціи функцій ассигнатовъ (предназначенія ихъ въ дальнѣйшемъ только для оплаты земель), ближайшей цѣлью проекта было, очевидно, улучшеніе качества вновь выпускаемыхъ знаковъ, по сравненію съ находящимися уже въ обращеніи, которые колоссально обезцѣнились. Любопытно, что среди возражавшихъ противъ проекта *Ru*, деп. *Lanjuinais* потребовалъ его немедленнаго отклоненія „для того, чтобы не нанести ущерба общественному кредиту. Если же вы только отсрочите его разсмотрѣніе, — заявилъ онъ, — то вы этимъ побудете повысить цѣны на товары на 25%, которые вы хотите получить, ибо люди сочтутъ, что ассигнаты уже стоятъ меньше на эту сумму“. — Тамъ-же, № 43, стр. 171.

²⁴⁾ Тамъ-же, № 162, за 12 вантоза года IV (2 марта 1796 г.), стр. 645 — 646.

²⁵⁾ Тамъ-же, № 160, за 10 вантоза года IV (29 февраля 1796 г.), стр. 638 — 640.

²⁶⁾ Тамъ-же, № 162, за 12 вантоза года IV (2 марта 1796 г.), стр. 648.

²⁷⁾ „*Gasette Nationale etc.*“, за 9 флореаля г. III (28 апрѣля 1795 г.) № 219, стр. 890.

²⁸⁾ Тамъ-же, № 219, стр. 891.

²⁹⁾ Тамъ-же, № 230 за 20 флореаля года III (9 мая 1795 г.), стр. 934—935.

Нѣсколькими днями позже *Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре* предложилъ полную демоне-

тизацію благородныхъ металловъ. „Золото и серебро, — гласить его проектъ, не будутъ болѣе деньгами: монеты изъ этихъ металловъ не могутъ болѣе обращаться, или употребляться въ торговлѣ. Матеріалы золота и серебра по желанію будутъ приниматься на храненіе въ монетныхъ дворахъ подѣ квитанціи, выдаваемые собственникамъ. Вклады будутъ возвращаться по требованію владѣльцевъ. — „Gasette Nationale“, № 239 за 29 флорэаля года III (18 мая 1795 г.), стр. 972.

^{29a)} Этотъ любопытный социальный - политическій фонъ отмѣны Конвентомъ собственного декрета черезъ 3½ недѣли послѣ его единодушнаго принятія, совершенно ускользнулъ отъ вниманія даже тѣхъ немногихъ историковъ ассигнаціоннаго обращенія, которые знаютъ о существованіи этого акта. Таковы *Bornarel* (*Les assignats pendant la Revolution. „La Revolution française“, томъ XVI, 1889, р. 217*) и *G. Deville* (*„Thermidor et Directoire“. „Histoire Socialiste, tome V, р. 81*), которые упоминаютъ объ актѣ 21 мая приписываютъ его простой неустойчивости Конвента въ принципахъ проводимой имъ денежной политики.

„Moniteur Universel“ сохранилъ намъ въ № 247, за 7 прэріаля г. III (26 мая 1795 г.) въ отчетѣ о засѣданіи 2 прэріаля (21 мая) лишь 3 строчки, констатирующія фактъ отмѣны декрета 25 апрѣля безъ единого слова мотивировки, и лишь изученіе тѣхъ настроеній и вопросовъ, которые волновали въ этотъ и предшествующіе дни умы французскихъ законодателей, лишь общая атмосфера голоднаго возстанія, грозящего съ минуты на минуту низвергнуть Конвентъ, при сопоставленіи ея съ общими тенденціями конкуренціи между бумажной и металлической массами, съ формами социальнаго взаимодействія между бумажными в металлическихъ эмиссіями могутъ дать ключъ для уясненія столь поспѣшно внесеннаго предложенія Бурдона деп. Уаза и столь же поспѣшнаго одобренія его Конвентомъ. Полный текстъ постановленія Конвента (также въ 3 строчки) воспроизведенъ нынѣ въ „Recueil de textes etc.“ въ „Bulletin d'histoire économique de la Revolution“ за 1911 г., подѣ № 608, стр. 359.

^{29b)} „Gasette Nationale etc.“, за 20 прэріаля года III (8 іюня 1795 г.), № 260, стр. 1050.

³⁰⁾ „Gasette Nationale etc.“, за 16 фрѣктидора г. III (2 сентября 1795 г.), № 346, стр. 1393 — 4.

³¹⁾ Тамъ-же, №№ 147 — 148, за 28 — 29 плювіоза года IV (17 — 18 февраля 1796 г.).

³²⁾ Тамъ-же, №№ 159, 162, и 171, за 9, 12 и 21 вантоза г. IV (28 февраля, 2 и 11 марта 1796 г.), стр. 635, 646 и 682.

Параллельно выдвигается рѣшительное требованіе закрыть Парижскую биржу, ставшую мощнымъ агентомъ спекулятивнаго обезцѣненія ассигнатовъ. Бывшая закрытой въ теченіи 2-хъ лѣтъ, биржа съ укрѣпленіемъ у власти термидоріанцевъ была въ апрѣлѣ 1795 г. вновь открыта. Больше того: какъ мы видѣли термидоріанскіе финансисты искали спасенія отъ ажютажа въ ограниченіи права торговли звонкой монетой и ассигнатами помѣщеніями биржи (зак. 30 августа 1795 г.). Однако, роль ея столь очевидна, что и они вынуждены были 11 декабря 1795 г. снова ее закрыть, правда, лишь для того, чтобы черезъ мѣсяць (8 января 1796 г.) вторично вернуть ей всѣ права и полномочія. Между тѣмъ, наиболѣе безпристрастные и прозорливые теоретики денежнаго обращенія предлагая на разсмотрѣніе планы денежной реформы и укрѣпленія бумажно-денежной системы прямо ставили его въ связь съ закрытіемъ биржи.

„Парижская биржа закрывается и не можетъ быть вновь открыта иначе, какъ по новому закону“ — гласить специальный параграфъ проекта денежной реформы Дюбуа-Крансэ. Этотъ лозунгъ находитъ горячую поддержку у весьма консервативныхъ *Thibault* и *Bourdon de L'Oise*, изъ которыхъ послѣдній говоритъ, что „биржа стала пропастью, поглощающей общественное достояніе“. — „Gas. Nat.“ № 171, стр. 683.

³³⁾ Тамъ-же, № 162, стр. 648.

³⁴⁾ Докладъ *Eschasseriau* былъ опубликованъ черезъ нѣкоторое время въ „Gasette Nationale“ № 63 за 3 фрѣмэра г. IV (24 октября 1795 г.), стр. 248—252. — Прочитанъ

онъ былъ не 22 брѣмэра, какъ ошибочно помѣчено въ его заголовкѣ, а 23 брѣмэра, какъ можно видѣть изъ сопоставленія № 55 (стр. 218) и № 57 (стр. 227), свидѣтельствующихъ о назначенія и открытіи секретнаго засѣданія. Обсужденіе доклада и финансоваго положенія страны длится при ежедневныхъ секретныхъ засѣданіяхъ почти 2 недѣли съ 13 по 25 ноября. См. №№ 55 — 68. „Gas. Nat.“.

³⁵⁾ „Gasette Nationale etc.“, за 8 фрѣмэра г. IV (29 ноября 1795 г.), № 68, стр. 272.

³⁶⁾ „Gasette Nationale etc.“, за 10 фрѣмэра г. IV (1 декабря 1795 г.), № 70.

³⁷⁾ „Gasette Nationale etc.“, за 22 флорэаля г. III. (11 мая 1795 г.), № 232, стр. 914 и за 12 брѣмэра г. IV (3 ноября 1795 г.), № 42, стр. 167.

³⁸⁾ „Gasette Nationale etc.“, за 29 жерминаля г. III (18 апрѣля 1795 г.), № 209, стр. 850, пунктъ 2 проекта декрета, предложеннаго *Johannot*.

³⁹⁾ „Gasette Nationale etc.“, за 9 фрѣмэра года IV (30 ноября 1795 г.). № 69, стр. 273. Отчетъ о засѣданіи Конвента 4 фрѣмэра.

⁴⁰⁾ Тамъ-же, № 77 за 17 фрѣмэра года IV (8 декабря 1795 г.), стр. 306 — 308.

⁴¹⁾ Тамъ-же, №№ 78, 80 и 82 за 18, 20 и 22 фрѣмэра года IV (9, 11, 13 декабря 1795 г.).

⁴²⁾ „Gasette Nationale etc.“, №№ 97 — 99 IV-го года Республики. Отчеты о засѣданіяхъ 1 — 2 нивоа (22 — 23 декабря 1795 г.).

⁴³⁾ „Receuil des princepeaux textes legislatifs et administratifs concernant la monnaie et le papier — monnaie de 1789 à l'an IX“ въ „Bulletin d'histoire économique de la Revolution. Paris, 1911, №№ 666 (стр. 399), 684 (стр. 406) и 694 (стр. 409). — См. также докладъ *Ramel'* въ Совѣтѣ Пятисотъ 29 января 1796 г.: „Gasette Nationale“, №№ 135 — 136 года IV, стр. 535 — 538.

⁴⁴⁾ „Receuil des princepeaux textes etc.“ — тамъ-же, № 699, стр. 410.

⁴⁵⁾ Тамъ-же, №№ 640 (стр. 391), 645 (стр. 392), 662 (стр. 397), 674 (стр. 400) и 679 (стр. 402 — 403).

⁴⁶⁾ Тамъ-же, №№ 667 (стр. 399) и 676 (стр. 402).

⁴⁷⁾ *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. Tome I, 2 ed, Paris, 1903, p. 231.

⁴⁸⁾ „Receuil des princepeaux textes etc.“ — тамъ-же, № 635, стр. 387.

⁴⁹⁾ Тамъ-же, №№ 661 и 683: стр. 397 и 406.

⁵⁰⁾ Тамъ-же, № 652, 653, 654: стр. 395.

⁵¹⁾ Тамъ-же, № 669, стр. 399.

⁵²⁾ Тамъ-же, №№ 670, 678, 680, 686: стр. 399, 402, 404, 406 — 7.

⁵³⁾ Тамъ-же, №№ 693, 704, 712: стр. 408, 413 и 418 — 419.

⁵⁴⁾ *Ramel*. Les finances de la Republique française en l'an IX Paris, l'an IX (1801), p. 24. — *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870 2-me ed. Tome I, Paris, 1903, p. 232.

⁵⁵⁾ Пониманіе основной причины послѣдняго явленія мы являемъ и у нѣкоторыхъ современниковъ, хотя по заявленію другихъ такое объясненіе является для нихъ неожиданнымъ.

Такъ, въ мартѣ 1796 г. въ Парижѣ вышла брошюра шведа *C. B. Wadstromi* подѣ названіемъ: „Quelques Idées sur la nature du Numeraire et sur la necesite de combiner l'interet du cultivateur et celui de Negociant au moment ou l'on établit un nouveau plan de finances“. („Нѣсколько мыслей о природѣ денегъ и о необходимости при выработкѣ новаго финансоваго плана сочетать интересы земледѣльца и торговца“).

Рецензентъ „*Momteur'a*“ сообщаетъ о ней, что „эта работа разсматриваетъ вопросъ и новый и важный. Авторъ считаетъ, что нужно искать въ природѣ денегъ причину того коммерческаго духа, который поглощаетъ нынѣ всѣхъ членовъ общества, и что законодатель можетъ направлять духъ и активность націи къ производству реальныхъ и полезныхъ благъ выбирая знакомъ обмѣна опредѣленный родъ товара“. — См. „Gasette Nationale etc.“, № 176 за 26 вантоза г. IV (14 марта 1796 г.), стр. 704.

⁵⁶⁾ По первоначальному проекту, внесенному Дефермоном 9 марта 1796 г. и одобренному Совѣтомъ Пятисотъ на слѣдующій же день, территориальные мандаты должны были служить только для финансирования государственныхъ операцій и предоставляться лишь для покрытия министерскихъ кредитовъ. При общей суммѣ выпуска въ 600 миллионъ, они должны были быть, такимъ образомъ, лишь расширеннымъ повторениемъ опыта рескрипцій, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что обеспечениемъ имъ должны были служить не грядущія поступления отъ принудительного займа, а специально назначаемыя на продажу земли общей цѣнностью въ 1,800 мил. ливровъ. — См. „Gasette Nationale etc.“, № 173, 174 и 175 за 23 — 25 вантоза г. IV (13 — 15 марта 1796 г.).

Устанавливается, такимъ образомъ, непрерывная линия развитія отъ рескрипцій черезъ мандаты этого первого проекта къ мандатамъ второго окончательнаго проекта, излагаемаго въ текстѣ. Но чѣмъ больше расширилась эта идея новой, самостоятельной эмиссионной операціи, параллельной наличному ассигнационному обращенію, тѣмъ больше новый видъ бумажныхъ денегъ уподобляется старому. Поэтому, правъ былъ деп. Bailleul, когда при обсужденіи первоначальнаго суженнаго, проекта созданія мандатовъ говорилъ, что „съ какой бы стороны вы не разсматривали мандаты, они всегда окажутся только новымъ видомъ ассигнаатовъ, привилегированными ассигнатами“ („Gas. Nat.“, № 174, стр. 696). Уже и этотъ первый проектъ ихъ, ставшій закономъ на 4 дня, былъ, видимо, встрѣченъ не вполне благопріятно, ибо черезъ день послѣ его одобренія Директорія уже обращается со специальнымъ посланіемъ къ Совѣту Пятисотъ, направленнымъ противъ тѣхъ злонамѣренныхъ лицъ, „которые хотягь опорочить (avilir) мандаты“. Здесь она, защищая мандаты, принуждена взять на себя явно невыполнимое обязательство свободнаго размѣна ихъ по предъявленію („mandats payables au porteurs“) — см. „Gasette Nationale“, № 177, за 27 вантоза г. IV.

⁵⁷⁾ Полный текстъ этого второго декрета о выпускѣ территориальныхъ мандатовъ, опубликованный послѣ 2 секретныхъ засѣданій Совѣта Пятисотъ — см. „Gasette Nationale“, № 181 за 1 жерминаля г. IV (21 марта 1796 г.). Любовь законодателей эпохи Директоріи къ секретнымъ засѣданіямъ при обсужденіи проектовъ денежной реформы находитъ себѣ объясненіе въ ихъ убѣжденіи, формулированномъ однажды Бейолемъ, что „всякій разъ, когда открыто говорили о финансахъ, государственному кредиту причинялся ущербъ“ (рѣчь въ засѣданіи 22 февраля 1796 г. „Gas. Nat.“, № 159, г. IV, стр. 634).

⁵⁸⁾ Это право незамедлительной реализаціи мандатовъ и превращенія ихъ въ земельныя имущества составило главную тему прославленія ихъ въ специальной прокламаціи, выпущенной 25 вантоза г. IV-го Директоріей по поводу ихъ созданія. Она представляетъ собою гораздо меньшій интересъ, чѣмъ аналогичная прокламація по поводу превращенія ассигнаатовъ въ бумажныя деньги.

„Ваша судьба, французы, — говорится здѣсь, — находится цѣликомъ въ вашихъ рукахъ: если законъ о территориальныхъ мандатахъ будетъ вѣрно выполняться, Франція выйдетъ изъ Революціи счастливой и торжествующей; если этимъ закономъ станутъ пренебрегать, глубокая пропасть разверзнется у вашихъ ногъ.“

„Территориальные мандаты обладаютъ драгоцѣннымъ преимуществомъ, котораго совершенно не имѣли ассигнаты и отсутствіе котораго послужило причиной ихъ крушенія. Это преимущество состоитъ въ способности мандаты, быть реализованными въ любое мгновеніе безъ всякой конкуренціи, безъ препятствій, безъ торговъ, путемъ непосредственнаго и незавѣряемаго присужденія любого національнаго домена изъ всей территоріи Республики, на которомъ держатель мандата остановилъ свой выборъ. Это *территориальный банкъ*, чей фондъ общеизвѣстенъ, чьи билеты размѣниваются въ открытой кассѣ и чья гарантія усилена авторитетомъ закона, который даетъ его билетамъ принудительный курсъ денегъ“. — „Gasette Nationale“, за 5 жерминаля г. IV (25 марта 1796), № 185.

⁵⁹⁾ „Gasette Nationale“, за 4 жерминаля года IV, № 184, стр. 733.

⁶⁰⁾ Тамъ-же, № 189 за 9 жерминаля года IV, (29 марта 1796), стр. 755.

⁶¹⁾ „Receuil des textes legislatifs et administratifs concernant la monnaie et le papier — monnaie de 1789 á l’an XI“ — Bulletin d’histoire économique de la Revolution Paris, 1911, № 726, p. 427.

⁶²⁾ Тамъ-же, № 727, стр. 428.

⁶³⁾ Законъ — инструкция о выполненіи закона 28 вантоза — 6 флорэаля года IV (25 апрѣля 1796) „Gasette Nationale“, за 11 флорэаля г. IV (30 апрѣля 1796 г.), № 221, стр. 882 — 883.

⁶⁴⁾ Это предсказывалъ еще при обсужденіи первоначальнаго, болѣе скромнаго проекта созданія мандатовъ деп. Bentabole:

„Заставить конкурировать съ ассигнатами новый родъ бумажныхъ денегъ, развѣ это значитъ укрѣпить кредитъ ассигнаатовъ?“ — говорилъ онъ въ засѣданіи 10 марта 1796 г. „Gasette Nationale“, № 174 года IV, стр. 696.

⁶⁵⁾ Цит. F. Bornarel. Les assignats pendant la Revolution Française. — Revue „La Revolution Française“, tome XVI, 1889, p. 221 — 222.

⁶⁶⁾ „Gasette Nationale“ за 18 флорэаля года IV (4 мая 1796 г.), № 228, стр. 912.

⁶⁷⁾ Работа, вышедшая въ октябрѣ 1795 г. подъ названіемъ: „Nouveau Memoire sur les assignats, ou moyens de liquider sur les champs la dette nationale par Panckouke, editeur de l’Encyclopedie metodique.“ A, Paris, de l’imprimerie Pougin.

По сообщенію рецензіи „Moniteur’a“, авторъ, „предлагаетъ изъять изъ обращенія всѣ ассигнаты въ 10 тысячъ ливровъ и ниже до 400 ливровъ включительно и обмѣнять ихъ въ національномъ казначействѣ на ипотечные контракты или расписки, приносящіе 4% дохода“. Обмѣнъ долженъ совершаться примѣнительно къ существующей нормѣ обезцѣненія ассигнаатовъ, которая, когда авторъ писалъ, выражалась пропорціей размѣна ассигнаатовъ на металлъ 30:1, а когда работа вышла 120:1. По заключенію рецензента существо вопроса отъ этого не мѣняется и нужно только измѣнить пропорцію обмѣна ассигнаатовъ на ипотечныя цѣнности.

Дальше авторъ предлагаетъ довольно сложный планъ погашенія ипотечныхъ обязательствъ путемъ лоттереи и учрежденія новой акціонерной Учетной Кассы. См. „Gasette Nationale“, № 55 за 25 брюмера IV (16 октября 1795 г.), стр. 218.

Впрочемъ, что касается изъятія изъ обращенія опредѣленныхъ купюръ, то такой вопросъ возникалъ уже ранѣе.

Такъ, въ концѣ іюня 1795 г., въ виду возникновенія слуховъ о предстоящей *демонетизаціи ассигнаатовъ написаніемъ въ 400 ливровъ*, слуховъ, которые, по сообщенію докладчика, крайне скверно вліяли на курсъ ассигнаатовъ, Конвентъ одобряетъ декларацію, гласящую, что: „Конвентъ и его финансовый комитетъ отвергаютъ всѣ проекты демонетизаціи республиканскихъ ассигнаатовъ и граждане приглашаются не придавать никакого значенія всѣмъ слухамъ подобнаго рода“. См. „Gasette Nationale“, за 8 мессидора г. III (26 іюня 1795 г.), № 278, стр. 1122.

О проектахъ демонетизаціи опредѣленныхъ купюръ (400 л. или 750 л.) упоминается и въ сводномъ докладѣ Vernier о методахъ изъятія ассигнаатовъ. — См. тамъ-же, № 267 г. III, стр. 1076. — Планы же созданія различныхъ банковыхъ системъ для погашенія ассигнаатовъ были, повидимому, довольно многочисленны въ эту пору. Въ оригиналѣ намъ удалось однако ознакомиться лишь съ брошюрой: „Essay sur les finances de la republique Française et sur les moyens d’aneantir les assignats. A Hambourg, 1795“, содержащей 2 такихъ проекта анонимныхъ авторовъ.

⁶⁸⁾ Тамъ-же, № 233, за 23 флорэаля года IV (12 мая 1796 г.), стр. 930.

⁶⁹⁾ Тамъ-же.

⁷⁰⁾ Тамъ-же, № 235, за 25 флорэаля года IV (14 мая 1796 г.), стр. 939 — 940.

⁷¹⁾ Тамъ-же, № 249 и 250, за 9 — 10 преріаля года IV (28 — 29 мая 1796 г.) Отчеты о засѣданіяхъ Совѣта Пятисотъ (3 преріаля) и Совѣта старѣйшинъ (4 преріаля).

⁷²⁾ „Recueil des princepeaux textes etc.“, № 729, стр. 430.

⁷³⁾ „Gazette Nationale etc.“, за 12 прэриала г. IV (31 мая 1796), № 252, стр. 1006.

⁷⁴⁾ Тамъ-же, № 283, за 13 мессидора г. IV (1 июля 1796 г.), стр. 1128

⁷⁵⁾ Тамъ-же, № 282, 283, 285; стр. 1125, 1128 и 1138.

⁷⁶⁾ „Recueil des princepeaux textes etc.“, № 735, стр. 432 — 433.

⁷⁷⁾ Ramel. Les finances de la France en l'an IX. Paris, l'an IX. (1801), p. 25.

⁷⁸⁾ „Recueil des princepeaux textes etc.“, № 712, стр. 419.

⁷⁹⁾ Тамъ-же, № 716, стр. 421.

⁸⁰⁾ Тамъ-же, № 722, стр. 425.

⁸¹⁾ „Gazette Nationale“, 18 флорэаля года IV (4 мая 1796), стр. 910.

⁸²⁾ Отмѣченный фактъ останавливалъ на себѣ вниманіе большинства изслѣдователей, но не объяснялся ими (напр., *Bornarel*, цит. соч., томъ XVI, стр. 222; *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières etc. tome I, стр. 234).— *Illig*. Das Geldwesen Frankreichs etc. Strassburg, 1914, стр. 53, хочеть согласовать позитивный лажъ мандатовъ по отношенію къ ассигнатамъ съ ученіемъ Кнаппа. Онъ объяснялъ его тѣмъ, что „государство принимало при платежахъ этотъ первоначально акцессорный видъ денегъ по номинальной суммѣ, а не въ неопредѣленныхъ частяхъ (подлежащей платежу суммы), какъ ассигнаты. Когда же примѣрно съ августа 1796 г. мандаты заняли валютарное положеніе. вексельный курсъ пересталъ показывать какое бы то ни было улучшеніе“. Но дѣло здѣсь было не въ абстрактномъ правѣ уплаты государству однимъ видомъ бумажныхъ денегъ всякаго платежа полностью, а другимъ лишь части его и не въ томъ, составляли ли мандаты меньшую или большую часть въ платежахъ самого государства (акцессорное или валютарное положенію), а въ томъ весьма конкретномъ и весьма матеріальномъ правѣ оплаты продаваемыхъ земель, которое фиксировалось именно за мандатами.

⁸³⁾ Таблица составлена по даннымъ *Рамэля*, цит. соч., прилож. къ стр. 27, Табл. 11

⁸⁴⁾ „Gazette Nationale etc.“, за 3 термидора года IV (21 июля 1793 г.) № 303. стр. 1210—резолуція Совѣта Пятисотъ и №305,стр.1213—обсужденіе въ Совѣтѣ старѣйшинъ.

⁸⁵⁾ „Recueil des princepeaux textes etc.“, № 733 и 736, стр. 431 и 434.

⁸⁶⁾ Тамъ-же, № 741 — 742, стр. 435 — 6.

⁸⁷⁾ Тамъ-же, № 744. стр. 436.

⁸⁸⁾ Тамъ-же, №№: 745, 748. 752, 756, 758, 763, 765, 766, 769, 770, 772, 773, 5, 7, 8, 783, 4, и г. д.

⁸⁹⁾ Эта одна изъ 3 финансовыхъ резолюцій, принятыхъ по докладу *Defermont'a*: см. „Gazette Nationale“, за 14 фрюктидора года IV (31 августа 1796 г.) № 344, стр. 1375/

⁹⁰⁾ „Gazette Nationale etc.“, за 15 фримэра года V(5 декабря 1796 г.), № 75, стр. 299. Одобрение Совѣтомъ Старѣйшинъ — тамъ-же, № 77 — *Levasseur*. (Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, 2 ed., Paris, 1903, tome I, p. 235) явно ошибочно полагаетъ, что это постановленіе 13 фримэра (3 декабря) впервые установило курсовую расцѣнку мандатовъ. Это явное недоразумѣніе, ибо, какъ мы говорили въ текстѣ, курсовая расцѣнка была введена для частныхъ сдѣлокъ еще 13 іюля, — а для платежей государству — 9 августа.

⁹¹⁾ Выборка изъ таблицы, приложенной къ закону 5 мессидора года V (23 іюня 1797 г.): „Cours de promesses de mandats, depuis 1-er germinal an IV au 5 nivose an V“. — Bulletin d'histoire economique de la Revolution: 1911, p. 524 — 525.

Въ провинціи повышение курса мандатовъ, въ моменты укрѣпленія вѣры въ возможность приобрѣсти ими земли, было еще гораздо больше. Такъ проф. *Soint* — *Aubin* въ своемъ письмѣ въ редакцію „Moniteur'a“ въ концѣ мая 1796 г. приводитъ такія выдержки изъ писемъ полученныхъ имъ изъ гор. Agen въ департаментъ Lot et Garonne. Комиссаръ Дирректоріи при управленіи департамента пишетъ ему 24 флорэаля года IV: „Мандаты по курсу теряли здѣсь три дня тому назадъ 86% своей стоимости; вчера только 50 — 60%; сегодня лишь 15%. Пусть правительство продолжаетъ быть скупымъ на эту бумагу — и финансы спасены“. Судья изъ того же Ажана пишетъ: „Вчера 100 ливровъ въ мандатахъ стоили 15 ливровъ въ металлѣ; сегодня

утромъ 400 ливровъ, въ полдень — 75 ливровъ золотомъ, въ три часа дня, въ то время, когда я пишу, — 85 ливровъ. Между тѣмъ только со вчерашняго дня была открыта подписка на земли“.

Проф. *Сентъ-Обэнъ* дѣлаеть изъ этихъ сообщеній слѣдующіе выводы: „Пусть правительство ускорить продажи... пусть оно найдетъ въ себѣ мужество отдать часть національныхъ земель по низкой цѣнѣ; тогда оно продастъ другую часть по очень дорогой. Только въ финансахъ у насъ не хватаетъ мужества...“ — „Gazette Nationale“, за 6 прэриала г. IV (25 мая 1796 г.), № 246, стр. 983.

⁹²⁾ *Levasseur*, цит. соч., стр. 245.

„Крушеніе бумажныхъ денегъ, — читаемъ у *Ramel'a*, — значительно увеличило трудности обслуживанія государства. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что нужно было преодолѣть большія прѣпятствія, когда приходилось еще содержать 500 тысячъ солдатъ и переходить отъ бумаги, которую никто не хотѣлъ принимать, къ звонкой монетѣ, которой никто не хотѣлъ отдавать“ — *Ramel*, цит. соч., стр. 28.

⁹³⁾ Принятый по докладу *Thibault* отъ имени комиссіи финансовъ декретъ о сокращеніи на 1/3 числа служащихъ въ исполнительныхъ комиссіяхъ, агентствахъ и управленіяхъ — см. „Gazette Nationale“, за 2 мессидора г. III (20 іюня 1795 г.), № 272, стр. 1096 — 97. — Ср. *В. Блоссъ*. Французская революція. СПб., 1906, стр. 267.

Въ сущности это было едва ли не единственное реальное мѣропріятіе по сокращенію государственныхъ расходовъ. Самый вопросъ необходимости осторожнѣе расходовать средства казны поднимался въ законодательныхъ палатахъ далеко не часто. Послѣ *Сенъ-Жюста*, убѣжденно защищавшего эту мысль (ср. выше примѣч. 46-е къ гл. VI) можно отмѣтить лишь дѣловые доклады *Lakanal'я* 25 февраля 1796 г. („Gas. Nat.“, № 161 года IV, стр. 643 — 4) и *Dubois-Dubais* 2 сентября 1796 г. (тамъ же, № 346 года IV).

Въ отчетѣ о засѣданіи Совѣта Пятисотъ 9 марта 1796 г. вслѣдъ за предложеніями *Дефермона* о созданіи мандатовъ и *Дюбуа-Дюбэ* о девальвации ассигнатовъ до 1/100 номинала находимъ такую платоническую реплику деп. *Raffron*: „Лучшій финансовый планъ долженъ быть построенъ на слѣдующемъ основаніи: долой биржу, долой розкошь среди государственныхъ чиновниковъ, долой безумныя траты, долой проекты возведенія галлерей подобной Лувру, долой блестящая одежда; трехцвѣтная кокарда—вотъ наилучшее украшеніе всякаго республиканца“. — „Gas. Nat.“, № 173 года IV, стр. 692. — Между тѣмъ, насколько тяжело и длительно было безденежье этой эпохи, можно судить хотя бы по свѣдѣніямъ *Е. Тарле* о положеніи рабочихъ національныхъ мануфактуръ, не получавшихъ причитающагося имъ жалованія отъ государственнаго казначейства по 5 мѣсяцевъ подрядъ. *Е. Тарле*. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789 — 1799 г.) СПб., 1908, стр. 58 — 9, 77 и др.

⁹⁴⁾ *Levasseur*, цит. соч., стр. 245.

⁹⁵⁾ „Recueil des princepeaux textes etc.“, № 782 и 786, стр. 446 — 7.

⁹⁶⁾ Тамъ-же, № 800, стр. 449.

⁹⁷⁾ „Gazette Nationale etc.“, за 22 прэриала года IV (10 іюня 1796 г.), № 262, стр. 1047.

⁹⁸⁾ „Gazette Nationale etc.“, за 16 плювіоза года V (4 февраля 1797 г.), № 136, стр. 542. — Обсужденіе въ Совѣтѣ Старѣйшинъ — №№ 138 — 139.

⁹⁹⁾ Тамъ-же, № 142 за 22 цлювіоза, года V (10 февраля 1797 г.) стр. 567. — Обсужденіе въ Совѣтѣ Старѣйшинъ — № 148, стр. 592.

¹⁰⁰⁾ *Levasseur*, цит. соч., стр. 236.

¹⁰¹⁾ „Gazette Nationale etc.“, №№ 129 и 132 за 9 и 12 плювіоза года VI (28 — 31 января 1798 г.), стр. 519 и 532.

Levasseur ошибочно относитъ это постановленіе къ V-му (1797) году, путая ирѣ-за этого взаимную связь и соотношеніе актовъ.

Никакихъ слѣдовъ другого упоминаемаго имъ акта 21 мая 1797 г. объ аннулированіи 21 миллиарда ассигнатовъ и мандатовъ, находившихся еще въ обращеніи (Histoire des classes ouvrières, стр. 235; также Histoire du commerce стр. 34) я

нигдѣ не могъ отыскать — ни въ сборникахъ законодательныхъ актовъ, ни въ протоколахъ Законодательныхъ Собраній.

Иную ошибку дѣлаетъ *Bornarel* (цит. соч., 1889, стр. 232), который утверждаетъ, что прекращенія пріема ассигнатовъ правительственными кассами состоялось по закону 5 мессидора г. V (23 июня 1797 г.). Рѣчь идетъ, повидимому, о декретѣ 10 февраля 1797 г., тогда какъ указываемый имъ законъ имѣетъ совершенно иное содержание (см. гл. XIII, § 1).

Собственно, формальная исторія мандатовъ указанными нами въ текстѣ актами не заканчивается.

Несмотря на уничтоженіе всѣхъ приспособленій для печатанія мандатовъ въ концѣ 1797 г. и серединѣ 1798 г. происходитъ три новыя эмиссіи мандатовъ въ формѣ вторичнаго выпуска (*reémision*) мандатовъ, возвращаемыхъ въ казну въ уплату за національные домены. Выпуски эти невелики: 14 декабря 1797 г. — 50 миллионъ, 14 мая и 10 сентября 1798 г. еще по 25 миллионъ, при чемъ мандаты послѣдняго выпуска дополнительно снабжаются особымъ штапомъ. Но исключительной цѣлью этихъ реэмиссій является погашеніе части государственнаго долга, и денежнаго значенія мандаты болѣе не имѣютъ. См. „*Gazette Nationale etc.*“, №№ 236, 240, 330, и 354 — за 26 и 28 флорэаля, 30 термидора и 24 фрюктидора года VI.

Примѣчанія къ главѣ XIII-ой.

¹⁾ „*Gazette Nationale etc.*“, за 2 преріаля г. III. (21 мая 1795 г.), № 242, стр. 979.

— Изложенію развитія законодательства о частныхъ кредитныхъ отношеніяхъ этой эпохи посвящена вводная статья *Piègre Caron* къ переизданному имъ сборнику таблицъ обезцѣненія ассигнатовъ. „*Tableaux de depreciation du papier monnaie*, Paris, 1909. Однако *Caron* совершенно не знаетъ истиннаго инициатора построения этихъ таблицъ—*Яіана-Бона* и его проекта, изложеннаго нами въ текстѣ и послужившаго основой для всего дальнѣйшаго законодательства. — О проектѣ *Дефермона* — см. краткое сообщеніе въ „*Gazette Nationale*“, № 251, стр. 1014.

²⁾ Тамъ-же, № 272, за 2 мессидора г. III г. (20 июня 1795 г.), стр. 1097.

³⁾ „*Gazette Nationale etc.*“, за 30 мессидора года III (18 июля 1795 г.).

⁴⁾ Тамъ-же, № 75, за 15 фримэра года IV (6 декабря 1795 г.).

⁵⁾ Докладъ 2 жерминаля и пренія въ Совѣтъ Пятисотъ 4 — 8 жерминаля г. IV (22 — 28 марта 1796 г.) — см. „*Gazette Nationale*“, №№ 183 и 186 — 193.

⁶⁾ Тамъ-же, № 73, за 13 фримэра г. IV (4 декабря 1795 г.). Докладъ *Giraud*.

⁷⁾ Тамъ-же, № 190 за 10 жерминаля г. IV (30 марта 1796 г.).

⁸⁾ Тамъ-же, № 193 за 13 жерминаля г. IV (2 апрѣля 1796 г.).

⁹⁾ „*Recueil des princeaux textes etc.*“, № 717, стр. 421 — 423.

¹⁰⁾ „*Gazette Nationale etc.*“, № 303, за 3 термидора г. IV (21 июля 1796 г.), стр. 1210.

Эта 2-ая изъ резолюцій, доложенная отъ имени комитета финансовъ деп. *Dunchu*. — Обсужденію въ Совѣтъ Старѣйшинъ, см. № 305, стр. 1213. — Полный текстъ въ „*Recueil des textes etc.*“, № 737, стр. 434.

¹¹⁾ „*Recueil des princeaux textes etc.*“, № 824, стр. 458 — 9.

¹²⁾ *P. Caron*. *Tableaux de depreciation du papier-monnaie*. Paris, 1909, Introduction, p. LIX.

¹³⁾ Тамъ-же, p. XLIX.

¹⁴⁾ „*Gazette Nationale etc.*“, № 159 года IV (28 февраля 1796 г.), стр. 635.

^{14a)} Разнорѣчіе между данными *Camus'a* и *Ramel'a* не разъ приводило въ недоумѣніе изслѣдователей французскаго ассигнаціоннаго обращенія (напр., *Levasseur*. *Histoire du commerce etc.*, стр. 33); иные же высказывались даже въ пользу признанія показаній *Camus'a* болѣе правильными (напр., *Leroy-Beaulieu*. *Traité du science des finances*. 1893, tome II, p. 639.

¹⁵⁾ *И. И. Кауфманъ*. *Неразмѣнныя банкноты въ Англіи (1797 — 1819)*, 2-е изд., СПб., 1915. Предисловіе, стр. XI:

„...И до нашихъ дней государственныя бумажныя деньги ни въ какой странѣ не давали такихъ крупныхъ положительныхъ результатовъ, какъ революціонныя ассигнаціи дали французскимъ финансамъ“.

Нужно отмѣтить, что самъ *И. Кауфманъ*, считая „не лишенными серьезнаго финансоваго значенія“ только выпуски до 1 апрѣля 1795 г. и учитывая только ихъ, исчисляетъ ихъ реальную цѣнность въ 3.291 миллионъ ливровъ (стр. XVI). Но приходитъ онъ къ такой низкой цифрѣ путемъ не только явно ошибочнаго, но и совершенно необъяснимаго метода исчисленія: именно, сумму эмиссій каждаго періода онъ умножаетъ не на *средній* курсъ за тотъ же періодъ, а на курсъ его *послѣдняго* мѣсяца, какъ это легко замѣтить, сопоставляя курсовыя помѣтки въ соответствующихъ его таблицахъ на стр. XIV — XV съ одной стороны и на стр. XII — съ другой). Другіе авторы, пользуясь еще болѣе глазомѣрными методами, предположительно указываютъ все же болѣе высокія, но также не вполне вѣрныя цифры. Такъ *Courtois* полагаетъ, что сумма, отчужденная у населенія ассигнаціонными эмиссіями не превышаетъ 4 миллиардовъ—*Histoire des banques en France* 2 ed. Paris, 1881, p 106, примѣч.

¹⁶⁾ *R. Stourm*. *Les finances du Consulat*. Paris, 1902, p. 272.

¹⁷⁾ *D. Ramel*. *Les finances de la Republique Française en l'an IX*. Paris, l'an IX (1801), p. 38.

¹⁸⁾ *D. Ramel*, тамъ-же, стр. 19.

¹⁹⁾ См. выше, гл. VIII, стр. 99.

²⁰⁾ *Fachan*. *Historique de la rente française et les valeurs du trésor*. Paris, 1904, p. 130.

²¹⁾ Тамъ-же, стр. 127.

²²⁾ *Levasseur*. *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France*. Paris, 1903. Tome I, p. 246, — Тамъ-же *R. Stourm*. *Les finances du Consulat*, стр. 150.

²³⁾ *Fachan*, цит. соч., стр. 130.

²⁴⁾ *Levasseur*, цит. соч., стр. 246.

²⁵⁾ *Combes de Patris*. *L'esprit financier des Girondins*. Paris, 1909, p. 156.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Введение	V
1. Финансовые системы и финансовые принципы — 2. Система эмиссионных финансов — 3. Эмиссионное хозяйство Французской Революции и задачи его изучения.	
I. Финансовое положение Франции перед революцией	I
1. Финансы Франции в XVIII вѣкѣ. — 2. Мѣры борьбы с финансовой нуждой. — 3. Генеральные контролеры финансов. — 4. Финансовая программа Неккера в Учредительномъ Собраніи.	
II. Учетная касса и первые опыты бумажно-денежного обращенія.	14
1. Учетная касса по конструкціи 1767 и 1776 г.г. — 2. Принудительный курсъ билетовъ Учетной Кассы в 1783 г. — 3. Принудительный курсъ билетовъ в 1787 г.— 4. Секретные займы у Учетной Кассы 1788 — 89 г.г.	
III. Национальные земельный имущества, какъ фондъ обезпеченія ассигнатовъ	21
1. Финансовая программа избирательныхъ наказовъ 1789 г. — 2. Задача финансового возрожденія и идея погашенія государственнаго долга национализированными землями в Национальномъ Собраніи.	
IV. Возникновеніе ассигнатовъ	26
1. Идея бумажныхъ денегъ в прессѣ и парламентѣ. — 2. Проектъ „Национальнаго Эмиссионнаго Банка“ Неккера. — 3. Декретъ 19 — 21 декабря 1789 г.	
V. Юридическая исторія ассигнатовъ	35
1. Ассигнаты I-го типа (декретъ 19-го 21-го декабря 1789 г.) — 2. Ассигнаты II-го типа (декретъ 16 — 17 апрѣля 1790 г.) — 3. Ассигнаты III-го типа (декретъ 29-го сентября 1790 г.) — 4. Ассигнаты IV-го типа (декреты 8 и 11-го апрѣля 1793 г.	
VI. Циркуляторная исторія ассигнатовъ	49
1. Первый періодъ: облигаціонное обращеніе ассигнатовъ. — 2. Второй періодъ: денежное обращеніе ассигнатовъ наряду с конкурирующимъ металломъ. — 3. Третій періодъ: монополизациа функций государственной валюты.	

VII. Борьба против обезцѣненія ассигнатовъ: А Фиксація цѣны металла	82
1. Принципъ „невмѣшательства“ и „легальный курсъ“ ассигнатовъ. — 2. Требования законодательнаго уравненія цѣны металла и ассигнатовъ; ихъ соціальная основа. — 3. Карательные декреты 1793 г.	
VIII. В. Финансово-экономическія мѣропріятія	94
1. Демонетизація королевскихъ ассигнатовъ — 2. ликвида- ція обращенія кредитныхъ бумагъ. — 3. Принудительные займы. — 4. Проектъ обезпеченія цѣнности налоговыхъ по- ступленийъ въ системѣ эмиссионнаго хозяйства.	
IX. С. Фиксація товарныхъ цѣнъ	112
1. Проблема, продовольствія, какъ существенное звено системы эмиссионнаго хозяйства. — Массовая кампанія 1792 — 1793 гг. въ пользу универсальной фиксаціи цѣнъ и ея соціальныя основы. — 2. Нормировка цѣнъ Француз- ской Революціи и ея принципы.	
X. D. Регулированіе народнаго хозяйства	140
1. Карательное охраненіе системы твердыхъ цѣнъ. — 2. Организація контроля надъ частными торговыми сдѣлками. — 3. Созданіе общественной организаціи снаб- женія. — 4. Вмѣшательство въ процессы производства.	
XI. Упадокъ бумажно-денежнаго обращенія	174
1. Линія обезцѣненія ассигнатовъ. — 2. Роль эмиссій и переломъ экономической политики. — 3. Соціально-эконо- мическія слѣдствія обезцѣненія ассигнатовъ.	
XII. Ликвидація бумажно-денежнаго обращенія	202
1. Опыты натурализаціи финансовъ — 2. Девальвація и прекращеніе выпуска ассигнатовъ. — 3. Обмѣнъ и ликви- дація бумажныхъ денегъ.	
XIII. Кредитныя слѣдствія и финансовыя итоги эмиссій	242
1. Урегулированіе кредитныхъ отношеній: — 2. Финансовые итоги эмиссій. — 3. Заключение: внутренняя законмѣрность эмиссионнаго хозяйства.	
XIV. Выводы для теоріи и практики бумажныхъ денегъ	267
Примѣчанія и экскурсы	283